СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ САВВИЧА

ТИХОНРАВОВА

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ САВВИЧА

ТИХОНРАВОВА

СОЧИНЕНІЯ

Н. С. ТИХОНРАВОВА

Nikolai Savvitch Tikhonravof

ТОМЪ ТРЕТІЙ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII и XIX ВВ.—
ПРИЛОЖЕНІЯ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ
1898

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ МАМОНТОВА

Вторая часть III тома сочиненій Н. С. Тихонравова служитъ дополненіемъ первой части: она также касается русской литературы XVIII и XIX вв., но заключаетъ въ себѣ работы болѣе мелкія, библіографическіе отзывы, статьи, найденныя въ рукописяхъ въ неконченномъ и неотдѣланномъ видѣ; за этимъ слѣдуютъ нѣкоторыя студенческія работы Тихонравова; заканчивается же томъ тремя статьями по всеобщей литературѣ. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ въ началѣ каждой статьи сдѣланы указанія, была ли статья напечатана и гдѣ, или же она взята изъ рукописей.

Студенческія сочиненія и статьи по всеобщей литературѣ печатались подъ редакціей А. Е. Грузинскаго.

Въ концѣ приложенъ указатель личныхъ именъ по всему изданію указатель этотъ составленъ Н. А. Деревенскимъ.

1 декабря
1898 г.

В. Якушкинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Стр.

КН. А. Д. КАНТЕМИРЪ.

Предисловіе къ неизданной сатирѣ его [1]).

Изученіе исторіи русской словесности начала XVIII столѣтія не иначе можетъ принести благотворные плоды, какъ при ближайшемъ знакомствѣ съ рукописями того времени. Книги, напечатанныя въ царствованіе Петра Великаго и въ ближайшее къ нему время, далеко не исчерпываютъ собою разнообразнаго содержанія тогдашней литературы, которая какъ бы чуждалась изобрѣтенія Гуттенберга, оставалась на старинномъ положеніи и распространялась болѣе въ рукописяхъ, какъ и свѣтская литература XVII вѣка, такъ что только послѣ полнаго по возможности изученія ихъ можно будетъ представить вѣрную картину умственнаго движенія во время реформы и рѣшить существеннѣйшіе вопросы въ исторіи новой русской литературы. Время общихъ фразъ, скороспѣлыхъ и безотчетныхъ приговоровъ надъ неизслѣдованнымъ, почти нетронутымъ матеріаломъ начинаетъ проходить; строго-историческое изслѣдованіе его раскроетъ намъ преемственность явленій

---

[1]) [Замѣтка эта въ видѣ предисловія къ „Неизданной сатирѣ кн. А. Д. Кантемира“ напечатана Тихонравовымъ вмѣстѣ съ самою сатирой въ „Библіографическихъ Запискахъ“, 1858 г., № 3; въ журналѣ замѣтка занимаетъ страницы 65—69. Сообщеніе это было напечатано и отдѣльными оттисками, М., 1858, 16 стр. — Сатира, напечатанная впервые Тихонравовымъ и снабженная имъ примѣчаніями, помѣщается теперь въ Собраніи сочиненій Кантемира подъ названіемъ IX сатиры: „Къ солнцу. На состояніе свѣта сего“. См. „Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира“, изданіе П. А. Ефремова, Спб., 1867 года, т. I, стр. 177—187. Сатира „Къ солнцу“ по другому списку напечатана г. Брайловскимъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1892 г., № 7. — Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тихонравовъ по порученію Общества любителей россійской словесности приготовлялъ изданіе сочиненій и переводовъ Кантемира, но эта работа, какъ и многія другія, не была доведена имъ до конца. Въ V томѣ Лѣтописей Русской Литературы и Древностей Тихонравовъ сообщилъ стихи Кантемира, посвященные Ѳеофану Прокоповичу въ отвѣтъ на его элегію. *Ред.]*

нашей литературы и ту тѣсную связь, которая существуетъ между русскою литературою XVII и XVIII вѣковъ. Исторія нашего театра, нашей науки и образованности, нашей повѣствовательной литературы начала XVIII в. находитъ себѣ ближайшее объясненіе въ XVII в.: въ его школѣ воспитались писатели, ученые начала прошлаго столѣтія, и наслѣдіе, оставленное XVII вѣкомъ, еще долго продолжало жить и оказывать свою силу. Мы надѣемся въ скоромъ времени подробно развить эту мысль при разборѣ нѣкоторыхъ фактовъ литературы и образованности русской XVIII в., теперь же скажемъ нѣсколько словъ о неизданныхъ произведеніяхъ Кантемира.

Еще въ 1806 г. митрополитъ Евгеній замѣтилъ, что въ Александро-Невской академической библіотекѣ „есть списокъ сатиръ Кантемира, въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ *прежде* сочинены отъ автора, и также съ примѣчаніями“ [1]). Но эта первая редакція Кантемировыхъ сатиръ до сихъ поръ не напечатана и мало извѣстна нашимъ ученымъ [2]), хотя и представляетъ любопытнѣйшія данныя для оцѣнки писателя, который „хѣрить не лѣнился“, „надолго тетрадь, написавши, въ ящикъ пряталъ, писалъ и чистилъ потóмъ“ [3]). Подробныя предисловія и мелкія стихотворенія, внесенныя въ сборники сатиръ первой редакціи, прибавляютъ не одну новую черту къ біографіи и исторіи литературной дѣятельности Кантемира.

Онъ воспитался въ духѣ схоластической поэзіи и школьной піитики XVII вѣка. Десяти лѣтъ говоритъ онъ *Слово панегирическое великомученику Димитрію Селунскому* [4]); позднѣе обмѣнивается силлабическими виршами съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и перелагаетъ такимъ же размѣромъ псалмы или пишетъ подражанія имъ [5]). Знакомство, хотя и не об-

---

1) „Другъ Просвѣщенія“, 1806 г., часть IV, стр. 255.

2) [Послѣ напечатанія замѣтки Тихонравова въ тѣхъ же „Библіографическихъ Запискахъ“ помѣщены сообщенія Аѳанасьева о первоначальной редакціи сатиръ Кантемира; впервые эта первоначальная редакція появилась въ изданіи П. А. Ефремова 1867 г. *Ред.]*.

3) Сат. VIII, ст. 19, 40, 41.

4) Рукопись моей библіотеки; рукопись Синодальной библіотеки, № 4.

5) Въ рукописи Императорской Публичной библіотеки (XIV, Q, 6) находится стихотвореніе Ѳеофана Прокоповича (напечатанное безъ имени автора въ Письмовникѣ Курганова, 1777 г., стр. 304) — подъ заглавіемъ: *Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастіи*. Оно начинается такимъ образомъ:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ,
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ? etc.

Прямо за нимъ слѣдуетъ: „Князя Антіоха Кантемира *Epodos consolatoria* Ad oden Pastoris Pimini, sortem gregis sub tempestatem deplorantis.

На горахъ нашихъ, Пимине славный
Сѣдинами!

ширное, съ литературными произведеніями древней и новой Европы воспитываетъ въ немъ смѣлую мысль пересадить на русскую почву формы, выработанныя исторіею европейской поэзіи. „Въ нихъ нѣтъ ничего примѣтнаго (пишетъ Кантемиръ о своихъ эпиграммахъ), кромѣ новости своей, понеже до сихъ поръ на нашемъ языкѣ, чаю, эпиграммы не писаны“ [1]). Его переводы изъ древнихъ и новыхъ писателей представляютъ интересную борьбу несложившагося литературнаго языка съ легкимъ стихомъ Анакреона, Горація или съ обработаннымъ слогомъ Фонтенеля [2]). Молодому русскому посланнику тяжелы оказываются оковы

Ни свирѣлію тебѣ кто равный,
Ни стадами.
На рожку ль поешь, или на сопѣли
Хвалу Богу.
Стихомъ ли даешь промежду дѣлы
Радость многу;
Забывши травы, къ ней же изъ млада
Научены.
Стоятъ—овцы и козлицъ стада
Удивлены.
Сенька и Ѳедька когда пѣснь пѣли
Предъ тобою,
Какъ не мазаны двери скрипѣли
Вѣтчиною etc.

Любопытна между прочимъ насмѣшка надъ виршами Симеона Полоцкаго. За этимъ стихотвореніемъ слѣдуетъ подражаніе Кантемирову псалму 36 (Кто любитъ Бога, не ревнуй лукавымъ) и Metaphrasis psal. 72, въ которомъ слѣдующіе стихи напоминаютъ извѣстное сравненіе первой сатиры 1729 года:

Аще изъ земли престанутъ рѣки
Истекати,
И начнутъ моря брегъ свой великій
Преступати,
А падше небо землю покріетъ
Всю звѣздами,
Воздухъ въ огнь пришедъ возсвирѣпѣетъ
Молніями:
То ниже тогда благость Вышвяго
Многомощна
Предастъ праведна въ руцѣ грѣшнаго
Безпомощна etc.

(Ср. съ этимъ ст. 101—106 первой напечат. сатиры).—[См. соч. Кант., I, 283].

[1]) Изъ неизданныхъ остатковъ собственноручныхъ сатиръ Кантемира, находившихся въ Погодинскомъ древлехранилищѣ. О нихъ см. „Москвитянинъ“ 1841 г., № 1. Въ числѣ этихъ же автографовъ уцѣлѣла и его *Ода I къ императрицѣ Аннѣ въ день Ея рожденія* [Соч. Кант. I, 304].

[2]) Изъ Погодинскаго древлехранилища поступили въ Публичную библіотеку: *Анакреонта Тіейца пѣсни съ Греческаго переведены и потребными историческими примѣчаніями изъяснены трудами Князя Антіоха Кантемира. Въ*

схоластицизма съ его кантами, псальмами, симфоніями, панегириками; чувство правды и дѣйствительности беретъ въ немъ верхъ надъ школьною піитикою; онъ стремится къ простотѣ, къ истинности изображенія. „Четвертую сію сатиру (пишетъ Кантемиръ) авторъ всѣмъ своимъ сочиненіямъ предпочиталъ *за простоту слога*". Этой простоты и правдивости онъ старался не покинуть и въ поэмѣ своей „Петріада" [1]), гдѣ, впрочемъ, также историческая истина входитъ иногда въ странныя сдѣлки съ правилами піитики о героической поэмѣ...

Сатира заимствована нами изъ сборника сатиръ первой редакціи, принадлежащаго Императорской Публичной библіотекѣ (XIV, О, 2; по Толстовск. каталогу отдѣл. VI, № 4). Переписчикъ былъ, вѣроятно, малороссъ [2]). Изъ всѣхъ произведеній Кантемира, который являлся съ своей сатирой вездѣ, гдѣ терніе и плевелы старины мѣшали свободному росту просвѣщенія, ни одна, можетъ быть, не проникнута такимъ скорбнымъ негодованіемъ, какъ это не удостоившееся печати произведеніе. Историческія примѣчанія и лучшій комментарій къ ней—сочиненія Посошкова, св. Дмитрія Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича и др., а также и указы первой половины XVIII в., внесенные въ Полное Собраніе Законовъ.

Лондонѣ. 1736 году. Вмѣстѣ съ ними въ одномъ переплетѣ находится: *Таблица Кевіка Філософа или изображеніе житья человѣческаго, переведено съ Французскаго Княземъ Антіохомъ Кантемиромъ въ Москвѣ. Лѣта Христова 1729.* Въ Публичной библіотекѣ (XIV, Q, 1) находится, кромѣ того, рукопись: *Писма Квинта Горація Флакка. Переведены съ Латинскихъ на Русскіе стіхі, и примѣчаніями изъяснены въ Парижѣ 1742.* [См. соч. Кант., I, 340; II, 384 и I, 385].

[1]) Въ вышеупомянутой рукописи Публ. библ. XIV, Q. 6 находится *Петрида іли описаніе стихотворное смерти Петра Великаго Імператора всероссійскаго. Книга 1.* Кантемиръ успѣлъ написать только первую книгу своей поэмы; она оканчивается тѣмъ, что —

...Странгуріо, пріявъ власть въ вредъ намъ ей данну,
Устремися на Петра и видя прерванну
Неволю свою, гордо смѣетъ обладати
Тѣмъ, ему же скипетръ всего міра можно бъ дати.
[Соч. Кант., I, 297—304].

[2]) Замѣчательно, что эта сатира попалась намъ только въ одномъ изъ десяти извѣстныхъ намъ сборниковъ сатиръ первой редакціи (Имп. Публ. библ. XIV, О, 2; XIV, Q, 22; XIV, Q, 19; XIV, F, 8; XIV, F, 3; Востоковскій сборникъ, принадлежащій той же библ.; Снегиревскій сборникъ въ древлехранилищѣ Погодина; сборникъ Императорскаго Московскаго университета; сборникъ моей библ. и др.). Наконецъ, въ Имп. Публ. библіотекѣ находятся (XIV, Q, 24) *Копіи съ одиннатцати писемъ отъ Князя Кантемира, бывшаго во Ѳранціи, писанныхъ къ одной тамошней же госпоже, объ которой онъ не имѣновалъ, во оставшихъ съ техъ своихъ къ ней писемъ отпускахъ.* Въ Румянцевскомъ музеѣ (см. Описаніе Востокова, стр. 277, 278) хранятся въ копіяхъ донесенія его русскому двору и высочайшіе къ нему рескрипты во время посольства его въ Лондонѣ и Парижѣ.

О СМИРДИНСКОМЪ ИЗДАНІИ СОЧИНЕНІЙ ЛОМОНОСОВА [1]).

I.

Изданіе „Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ“ принесло и приноситъ несомнѣнную пользу всѣмъ занимающимся исторіею литературы; несмотря на всѣ свои недостатки и пробѣлы, оно заслуживаетъ искренней благодарности, удовлетворяя одной изъ самыхъ важныхъ потребностей людей, спеціально посвятившихъ себя разработкѣ исторіи литературы. На эти-то пробѣлы и недостатки изданія г. Смирдина хотимъ мы обратить вниманіе читателей, тѣмъ болѣе, что эта сторона его не была оцѣнена до сихъ поръ журналами, которые взяли на себя трудъ разсмотрѣть *сочиненія* нѣкоторыхъ писателей, изданныя

[1]) [Три статьи „О Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова“ напечатаны были въ литературномъ отдѣлѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1852 г., №№ 46, 47, 74. Подъ послѣдней статьей помѣта: „12 іюня 1852 г.“ Статьи эти были отпечатаны и тремя отдѣльными оттисками.—Тихонравовъ много занимался Ломоносовымъ; кромѣ его юбилейной рѣчи (см. ч. 1 тома III, стр. 1) и двухъ статей, помѣщаемыхъ въ этой части (см. дальше—„Матеріалы для біографіи Ломоносова“), имъ были напечатаны еще произведенія Ломоносова: „Судъ россійскихъ письменъ“ и пр. въ „Москвитянинѣ“ 1852 г., № 10, отд. IV, стр. 1—4; „Записки Ломоносова къ Штелину“ о лѣтописяхъ русской литературы древностей, I, 193; „Письмо Ломоносова къ Шувалову“ въ „Бесѣдахъ въ О. Л. Р. С.“, III, 72—86); письмо Ломоносова къ Шувалову Тихонравовъ сообщилъ также академику Бимерскому для его „Матеріаловъ для біографіи Ломоносова“. Въ 1865 г., кромѣ университетской рѣчи (III, ч. 1, стр. 1), Тихонравовъ прочелъ въ Обществѣ Л. Р. Сл. сообщеніе—„Ломоносовъ въ исторіи русскаго образованія“, но оно не было напечатано и не сохранилось въ рукописи. — Въ предисловіи къ I тому послѣдняго академическаго изданія сочиненій Ломоносова (изданіе пока не окончено, I томъ — 1891 г., II—1893 г., III—1895 г.) редакторъ академикъ М. И. Сухомлиновъ благодаритъ Н. С. Тихонравова за содѣйствіе, оказанное имъ этому изданію. *Ред.]*

Смирдинымъ, а не самое *изданіе*. Едва ли можно говорить, какъ важны библіографическіе труды въ дѣлѣ разработки исторіи литературы, особенно у насъ, гдѣ почти ни одинъ писатель не изданъ какъ слѣдуетъ. Прежде чѣмъ произносить судъ надъ писателемъ, опредѣлять значеніе его дѣятельности, нужно напередъ изучить *все*, что вышло изъ-подъ пера его; тогда только сужденіе о немъ не будетъ одностороннимъ и шаткимъ, потому что тогда только будетъ имѣть подъ собою твердое основаніе. Смотря съ этой точки зрѣнія на изданіе г. Смирдина, мы замѣтимъ въ немъ многіе и многіе недостатки. Указать ихъ, восполнить нѣкоторые пробѣлы изданія: вотъ наша цѣль, какъ мы сказали. Но прежде скажемъ о прежнихъ изданіяхъ сочиненій Ломоносова, потому что объ нихъ нѣтъ вѣрныхъ извѣстій ни у Евгенія, ни у Сопикова и др.

Первое изданіе сочиненій Ломоносова вышло, по Сопикову [1]), въ 1751 году; оно ограничилось, по его словамъ, только первою книгою. Второе изданіе такъ описываетъ профессоръ Перевощиковъ: „Хотя университетская типографія устраивалась медленно, однако въ теченіе 1756—1757 успѣли въ ней напечатать первый томъ сочиненій Ломоносова и Поповскаго переводъ „Опыта о человѣкѣ", соч. Поппе. Обѣ книги напечатаны четкимъ и красивымъ шрифтомъ, на весьма хорошей бумагѣ и съ виньетами, изъ которыхъ находящаяся на заглавномъ листѣ сочиненій Ломоносова выгравирована искусно: она представляетъ Аполлона, сидящаго съ лирою у подножія Парнасса, на верху котораго видны храмъ и крылатый пегасъ. Это изданіе сочиненій Ломоносова названо *вторымъ съ прибавленіями*. Въ немъ содержатся: предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ, десять одъ духовныхъ, двѣнадцать торжественныхъ, сорокъ четыре надписи, шесть словъ публичныхъ и письмо о пользѣ стекла. Къ нему приложены двѣ рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ, сентября 6-го дня 1755 года, первая астрономомъ Гришевымъ о суточномъ и годичномъ паралаксахъ, вторая же Эпинусомъ о сходствѣ электричества съ магнетизмомъ. Обѣ рѣчи печатаны въ С.-Петербургѣ" [2]). Это извѣстіе не совсѣмъ полно. Жаль, что г. Перевощиковъ не показалъ, въ какомъ именно году изданъ этотъ томъ сочиненій Ломоносова. По Сопикову, онъ вышелъ въ 1757 году; Штелинъ [3]) говоритъ подъ 1758 годомъ: „всѣ его (Ломоносова) прежнія сочиненія въ стихахъ и прозѣ были въ этомъ году напечатаны въ Москвѣ, въ двухъ томахъ, въ 4-ку". Кто правъ, Штелинъ или Сопиковъ? Кажется, послѣдній, потому что второй томъ изданія (втораго съ прибавленіями), который мы имѣли подъ руками, вышелъ въ 1759 году. Заглавіе его слѣдующее: *Собранія*

---

[1]) Опытъ Россійской Библіографіи, III, стр. 358, № 6032.

[2]) См. Черты изъ исторіи Импер. Московскаго университета, „Московскій Городской Листокъ", 1847 г., № 16, стр. 63.

[3]) „Москвитянинъ", 1851, № 2, стр. 209.

разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ коллежскаго совѣтника и профессора Михайла Ломоносова. Книга вторая *(въ которой содержится краткаго руководства къ краснорѣчію раздѣленіе первое, состоящее изъ риторики, или общихъ правилъ обоего краснорѣчія, то-есть ораторіи и поэзіи). Второе изданіе съ сочинителевыми исправленіями. Печатано при Императорскомъ Моск. Университетѣ 1759 г.* Объ этомъ изданіи риторики Ломоносова упоминаетъ и Сопиковъ подъ № 6015, но не знаетъ, что она составляетъ второй томъ сочиненій Ломоносова втораго изданія; потому №№ 6015 и 6033 Сопикова должны быть соединены въ одинъ. Объ этомъ томѣ втораго изданія не упоминаетъ г. Перевощиковъ. Третье изданіе вышло, по словамъ Сопикова, въ С.-Петербургѣ въ 1758 году [1]). Первая книга сочиненій Ломоносова была потомъ часто перепечатываема, между прочимъ въ 1775 году; вторая книга четвертаго изданія относится къ 1768 году. Это изданіе довольно небрежно; въ иныхъ одахъ пропущены цѣлые стихи (напр., въ 10-й духовной одѣ), не говоря уже объ опечаткахъ, искажающихъ смыслъ. Наконецъ, въ 1778 году явилось изданіе Дамаскина въ трехъ частяхъ, съ портретомъ Ломоносова; повторено въ 1803 году. Вскорѣ, именно въ 1783 году, Академія Наукъ объявила о новомъ изданіи (полномъ) сочиненій Ломоносова [2]); оно вышло въ 1784 — 1787 гг. [3]). Второе тисненіе того же академическаго „Собранія сочиненій Ломоносова“ появилось въ 1794 году, а не въ 1795 — 1797, какъ говоритъ Сопиковъ (№ 6039), въ 5-ти томахъ; третьимъ тисненіемъ оно вышло въ 1803 г. (6 томовъ), четвертымъ въ 1804 году. Этого послѣдняго тисненія держался Смирдинъ въ своемъ изданіи сочиненій Ломоносова. Упомянемъ еще о „Собраніи разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ покойнаго статскаго совѣтника М. В. Ломоносова въ пользу и употребленіе Россійскаго юношества, обучающагося стихотворству (томъ первый)“, изданномъ во второй разъ въ 1787 г. при Моск. университетѣ у Новикова. Это изданіе довольно хорошо: въ немъ помѣщены варіанты одъ по разнымъ изданіямъ, указано кое-гдѣ, откуда заимствована та или другая ода, и т. п.

По случаю разбора Смирдинскаго изданія „Сочиненій русскихъ авторовъ“ уже высказано было нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о томъ, какъ должно издавать сочиненія классиковъ. Не повторяя упрековъ г. Смирдину за отсутствіе системы въ его изданіи и т. п., мы покажемъ въ немногихъ словахъ, какимъ требованіямъ должно, по нашему мнѣнію, удовлетворять изданіе. Во-1-хъ, въ него должны входить *всѣ* напечатанныя сочиненія писателя, потому что, съ одной стороны, сочиненія, не имѣющія, такъ сказать, особеннаго внутренняго достоинства могутъ быть важны какъ матеріалъ для біографіи писателя, могутъ

---

[1]) Опытъ Россійск. Библ., часть III, стр. 358, № 6034.

[2]) Büsching, Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, III B., S. 69.

[3]) Сопиковъ, III, стр. 358—359, № 6038.

служить объясненіемъ его дѣятельности; съ другой стороны, нельзя предоставить выборъ статей, которыя должны войти въ изданіе, вкусу читателя: кому неизвѣстно, что драгоцѣнныя во многихъ отношеніяхъ письма Ломоносова издатели едва удостоили напечатанія и чуть не извинялись въ такомъ смѣломъ поступкѣ? Во-2-хъ, должны быть помѣщаемы варіанты или разнорѣчія различныхъ изданій (если эти разнорѣчія есть); объ этомъ мы скажемъ во второй статьѣ. Слѣдуетъ также показать, гдѣ первоначально напечатана была та или другая статья, въ какомъ году и т. п. Не лишнимъ считаемъ и соблюденіе правописанія, котораго держался писатель; а въ изданіи г. Смирдина нѣкоторыя сочиненія Ломоносова напечатаны съ его правописаніемъ, другія Богъ знаетъ съ какимъ. Такая невыдержанность ведетъ только къ забавнымъ промахамъ (сравн., напр., варіантъ, приведенный на 30 стр. перваго тома).

Теперь приступимъ къ самому разбору Смирдинскаго изданія сочиненій Ломоносова и сначала обратимъ вниманіе на второй томъ, содержащій въ себѣ сочиненія, относящіяся къ физико-математическимъ наукамъ, чтобы потомъ первый и третій томы разсмотрѣть вмѣстѣ.

Второй томъ далеко не содержитъ въ себѣ всѣхъ напечатанныхъ сочиненій Ломоносова по физико-математическимъ наукамъ. Не говоря уже о сочиненіяхъ Ломоносова, остающихся до сихъ поръ въ рукописи[1]), мы не нашли здѣсь нѣкоторыхъ разсужденій, указанныхъ г. Перевлѣсскимъ въ его полезномъ изданіи избранныхъ сочиненій Ломоносова. Здѣсь, напр., нѣтъ его „Отрывка изъ рѣчи объ усовершенствованіи зрительныхъ трубъ". Нѣтъ записки, въ которой онъ говоритъ о своихъ занятіяхъ въ Германіи при Юнкерѣ. Эта записка, не указанная и въ изданіи г. Перевлѣсскаго, напечатана была въ „Отечественныхъ Запискахъ" подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя свѣдѣнія о Ломоносовѣ" (ч. XXXVII, 1829, № 105, январь). Въ ней содержится много любопытнѣйшихъ свѣдѣній о Ломоносовѣ. Изъ нея узнаемъ, что Юнкеръ по порученію графа Миниха ѣздилъ въ Германію для осмотра тамошнихъ соляныхъ заводовъ. „Откуда онъ въ 1739 году возвращаясь, былъ въ Саксоніи въ городѣ Фрейбергѣ для рудныхъ дѣлъ, гдѣ прилучились тогда Россійскіе студенты для наученія металлургіи, въ коихъ числѣ былъ Михайло Ломоносовъ. Помянутый Юнкеръ употребилъ его знаніе Россійскаго и Нѣмецкаго языка и химіи, поручая ему переводить изъ нѣмецкаго нужные репорты и екстракты. А особливо, что онъ уже прежде того на морскихъ соловарняхъ Бѣлаго моря бывалъ многократно для покупки соли къ отцовскимъ рыбнымъ промысламъ, и имѣлъ уже довольное по-

---

[1]) Описывая свой Русскій музей, Свиньинъ говоритъ, что въ немъ находятся *своеручныя рукописи Ломоносова по разнымъ предметамъ и наукамъ, на Россійскомъ, Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.* „Отеч. Зап.", часть XXXIX, 1829 г., № 111, стр. 66.

нятіе о вываркѣ, которую послѣ съ прилѣжаніемъ обстоятельно высмотрѣлъ. Когда Ломоносовъ въ 1741 году въ Россію возвратился, нашелъ здѣсь Юнкера въ полномъ упражненіи и исполненіи солянаго дѣла въ Россіи; въ чемъ онъ, съ рѣченнымъ Ломоносовымъ, имѣлъ потому частое сношеніе, и сверхъ того поручалъ переводить на Россійскій языкъ всѣ свои извѣстія и проекты о семъ важномъ дѣлѣ". Этими свѣдѣніями не воспользовался еще до сихъ поръ ни одинъ біографъ Ломоносова [1]). Всѣ почти сочиненія Ломоносова, писанныя на латинскомъ языкѣ и напечатанныя въ комментаріяхъ Академіи Наукъ, не вошли въ изданіе г. Смирдина; не исчисляемъ ихъ, потому что заглавія нѣкоторыхъ можно найти въ статьѣ митрополита Евгенія о Ломоносовѣ, находящейся въ его Словарѣ, а другія легко отыскать въ упомянутыхъ комментаріяхъ. Сюда не вошли также переводы нѣкоторыхъ разсужденій на латинскій языкъ, сдѣланные самимъ же Ломоносовымъ (напр., Oratio de generatione metallorum, Meditationes de solido et fluido и т. д.), напечатанные въ „комментаріяхъ" отдѣльно. Между тѣмъ эти переводы были бы нелишними въ изданіи *полнаго* собранія сочиненій Ломоносова, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ (напр., Meditationes de via navis in mari certius determinanda) содержатъ въ себѣ нѣкоторыя прибавленія, которыхъ нѣтъ въ русскомъ текстѣ. Но обратимся пока къ тому, что̀ есть въ изданіи Смирдина. Большую часть втораго тома занимаютъ „Первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ". Но по странному случаю при нихъ нѣтъ посвятительнаго письма, напечатаннаго даже въ академическомъ изданіи. Во-вторыхъ, не показано, что это переводъ, а не оригинальное сочиненіе Ломоносова. Впрочемъ, это не указано и въ академическомъ изданіи; этого указанія нѣтъ и въ изданіи „Первыхъ основаній металлургіи" 1796 года, которое вышло подъ заглавіемъ: „Первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ". Имя Ломоносова находится только подъ посвятительнымъ письмомъ. Первое изданіе этой книги относится къ 1763 году и озаглавлено такъ: *Первыя основанія металлургіи, или рудныхъ дѣлъ, переведенныя съ Нѣмецкаго на Россійскій языкъ коллежскимъ совѣтникомъ и профессоромъ химіи Михайломъ Васильевичемъ Ломоносовымъ. Печ. при Имп. Акад. Наукъ, въ 8-ю д. л., на 461 стр.* [2]). Г. Смирдинъ, можетъ быть, самъ того не зная, внесъ въ свое изданіе *переводъ*, сдѣланный Ломоносовымъ. Если же г. Смирдинъ имѣлъ намѣреніе печатать въ „Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ" и пере-

---

[1]) [См. Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, 1865 г., и Пекарскій, Исторія Императорской Академіи Наукъ, т. I и II, 1870—1873 гг.].

[2]) См. „Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости" 1777 г., № 21. Библіографамъ часто придется ссылаться на это изданіе, потому что „критическое разсмотрѣніе издаваемыхъ книгъ и прочаго есть одно изъ главнѣйшихъ намѣреній при изданіи сего рода листовъ, и по истинѣ можетъ почитаться душею сего тѣла" (какъ объявили сами издатели въ предисловіи). [„Спб. Ученыя Вѣдомости" перепечатаны А. Н. Неустроевымъ въ 1873 г.].

воды, ими сдѣланные, то почему не перепечатана „Вольфіянская экспериментальная физика", переведенная Ломоносовымъ? А она стоила бы этой чести не менѣе металлургіи, потому что содержитъ въ себѣ замѣчательныя предисловіе и посвятительное письмо, въ которыхъ Ломоносовъ много говоритъ о себѣ, и любопытныя прибавленія, имъ же написанныя. Мы имѣемъ второе тисненіе этой книги (съ прибавленіями); оно носитъ такое заглавіе: „Вольфіянская экспериментальная физика съ Нѣмецкаго подлинника на Латинскомъ языкѣ сокращенная, съ котораго на Россійскій языкъ перевелъ Михайло Ломоносовъ. Спб., 1760 г.". Такъ какъ этотъ переводъ „Вольфіянской физики" рѣдокъ, то мы выпишемъ вполнѣ посвященіе графу Михайлу Ларіоновичу Воронцову и отмѣтимъ важныя мѣста его.

„Сіятельнѣйшій Рейхсграфъ,
„милостивый государь!

„Не токмо съ того времени, когда Вольфіянская физика на свѣтъ вышла, но и послѣ переведенія мною на Россійскій языкъ сея книжицы, и вашему сіятельству въ оказаніе моего истиннаго высокопочитанія приписанныя, знаніе естественныхъ дѣйствій возъимѣло великія успѣхи, и физическое ученіе пріобрѣло знатное приращеніе; такъ что читатели сего сокращенія экспериментальной физики многаго не найдутъ, что нынѣ въ ученомъ свѣтѣ извѣстно. *Однако славный авторъ сего и другихъ многихъ сочиненій всегда пребудетъ достоинъ чтенія, а особливо ради внятнаго и порядочнаго расположенія мыслей* [1]). Сверхъ того недостатокъ описанія новыхъ физическихъ изобрѣтеній здѣсь присовокупляется перечнемъ по мѣрѣ сего сокращенія, дабы тѣмъ удовольствовать натуральной науки любителей, которые ваше сіятельство по справедливости почитаютъ своимъ милостивымъ покровителемъ. Новыя изобрѣтенія въ физикѣ имѣютъ разныя степени важности. Иныя только въ направленіяхъ, иныя въ цѣлыхъ состоятъ основаніяхъ, отъ коихъ вся система физическаго ученія новой видъ принять долженствуетъ. Для краткости предлагаю здѣсь токмо самыя важныя, оставивъ другія, а особливо кои по большей части показываютъ поправленіе нѣкоторыхъ инструментовъ, и способнѣйшее ихъ употребленіе. *Сіи прибавленія не токмо что служить будутъ къ наставленію, но и вмѣсто краткаго показанія цѣлой моей физической системы*, особливожъ въ тѣхъ частяхъ натуральной науки, кои должны изъяснять дѣйствія и перемѣны, зависящія отъ тончайшихъ нечувствительныхъ частицъ, тѣла составляющихъ;

---

[1]) Замѣчательно, что „порядочное расположеніе мыслей" Ломоносовъ считалъ чуть ли не самымъ главнымъ достоинствомъ сочиненія. Подобнымъ образомъ профессоръ Чеботаревъ въ предисловіи къ своему переводу краткой Россійской исторіи Фрейера разсматриваетъ конецъ или намѣреніе, на какой сіе историческое сокращеніе сочинено, содержаніе онаго и *наблюденное въ немъ изрядное расположеніе* и всю внутреннюю онаго доброту.

каковы суть теплота и стужа, твердость и жидкость, химическія перемѣны, вкусы, упругость, цвѣты и прочая. Изысканіе причины цвѣтовъ хотя мнѣ всегда было пріятнѣе всѣхъ физическихъ изслѣдованій, особливожъ для того, что оно больше зависитъ отъ химіи, *моей главной профессіи;* однако возбудилось во мнѣ большее желаніе къ испытанію оныя, когда вашего сіятельства достохвальнымъ любопытствомъ по окончаніи вашего дальняго по знатнѣйшимъ Европейскимъ государствамъ путешествія, привезены въ Россію лучшія мозаичныя изображенія изъ Рима, гдѣ сіе *многотрудное* искусство процвѣтаетъ, и гдѣ знатнѣйшія во всемъ свѣтѣ огромныя публичныя строенія имъ украшаютъ, не щадя великаго иждивенія. И такъ сколько испытаніе физическихъ причинъ разные цвѣты производящихъ, столько же, или еще больше, примѣры Римской мозаики и вашего сіятельства милостивое ободреніе побудило меня предпріять снисканіе мозаичнаго художества. Каковы мои успѣхи въ новой теоріи о цвѣтахъ и въ мозаичной практикѣ, тому показаны опыты въ моей рѣчи, говоренной въ академическомъ собраніи 1756 года іюля 1-го дня, и въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ вышеупомянутымъ мастерствомъ составленныхъ. *О семъ упоминаю токмо для моей должности, дабы показать коль много вспомоществовать могутъ къ приращенію наукъ и художествъ высокіе благодѣтели упражняющимся въ оныхъ, которымъ ваше сіятельство достохвальной примѣръ представляете. Между многими того свидѣтелями и благодарными вашихъ милостей и прочихъ добродѣтелей почитателями быть участникомъ отъ давнихъ лѣтъ за особливое свое счастіе почитаю".*

Сіятельнѣйшій Рейхсграфъ,
милостивый государь!
вашего сіятельства
всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ".

„Сентября 15-го дня
1760 года".

Происхожденіе этого сокращенія экспериментальной физики Вольфа такъ разсказываетъ въ предисловіи самъ Ломоносовъ: „Сочиненная имъ (Вольфомъ) экспериментальная физика на Нѣмецкомъ языкѣ состоитъ въ трехъ книгахъ, въ четверть дести. Профессоръ Тиммигъ, его ученикъ, сократилъ всю его философію на Латинскомъ языкѣ, и купно съ нею, какъ оныя часть, экспериментальную физику, которая вся содержится въ сей книжицѣ". Замѣчательно также, что онъ говоритъ о своемъ переводѣ физики: „Я уповаю, что склонный читатель мнѣ сего въ вину не поставитъ, ежели ему нѣкоторыя описанія опытовъ не будутъ довольно вразумительны; ибо сія книжица почти только для того сочинена, и нынѣ переведена на Россійскій языкъ, чтобы по ней показывать и толковать физическіе опыты; и потому она на Латинскомъ языкѣ

весьма коротко и тѣсно писана, чтобы для удобнѣйшаго употребленія учащихся, вмѣстить въ ней три книги Нѣмецкихъ, какъ уже выше упомянуто. Притомъ же, сократитель сихъ опытовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ писалъ весьма неявственно, которыя въ Россійскомъ переводѣ по силѣ моей старался я изобразить яснѣе. *Сверхъ сего принужденъ я былъ искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей, которыя хотя сперва покажутся нѣсколько странны, однако надѣюсь, что они со временемъ черезъ употребленіе знакомѣе будутъ*". Извиняемся въ слишкомъ, можетъ быть, продолжительныхъ выпискахъ, но онѣ знакомятъ, съ одной стороны, съ цѣлью книги, и отчасти со взглядомъ Ломоносова на предметъ—съ другой. По этой физикѣ читалъ Ломоносовъ въ 1750 году лекціи о физикѣ по порученію президента Академіи графа Разумовскаго [1]).

Исправимъ здѣсь кстати двѣ ошибки, замѣченныя нами въ показаніяхъ Сопикова. *Разсужденіе о жидкости и твердости тѣлъ* издано на русскомъ языкѣ не въ 1749 (какъ онъ говоритъ подъ № 8024), а въ 1760 году, въ 4-ку; страницы не перемѣчены; читано это разсужденіе, какъ сказано въ заглавіи, „ради торжественнаго праздника тезоименитства Ея Величества всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія, великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской". *Разсужденіе о большей точности морскаго пути* читано въ 1759 году и издано въ Петербургѣ не ранѣе этого года, а Сопиковъ говоритъ, что оно вышло въ 1751 году. На заглавномъ листѣ годъ печатанія не обозначенъ, а указано только, что читано въ 1759 году (напечатано въ 4-ку, страницъ 52).

Еще нѣсколько словъ, прежде чѣмъ заключимъ эту статью. Академическая, т.-е. служебная и ученая дѣятельность Ломоносова, до сихъ поръ еще недостаточно оцѣненная, исполнена глубокаго интереса и чрезвычайно поучительна. Живаго, пылкаго рыбака, который покинулъ отчій домъ для того только, чтобъ удовлетворить своей страсти къ наукѣ, вдругъ поставили среди того неопредѣленнаго, разнохарактернаго учрежденія, которое тогда называлось Академіею Наукъ. Здѣсь Ломоносовъ былъ свидѣтелемъ явленій, которыя возмущали его душу: онъ видѣлъ, какъ многіе изъ призванныхъ нѣмцевъ „не давали свободно возрастать насажденію Петра Великаго", какъ многіе „употребляли Божье дѣло для своихъ пристрастій", не думая „о приращеніи наукъ въ Россіи". Этого не могъ перенести Ломоносовъ равнодушно. Да и ему ли было не вознегодовать на подобнаго рода явленія? Онъ самъ прошелъ суровую школу; онъ самъ не получалъ въ Германіи денегъ отъ Генкеля, которому онѣ высылались Академіею, самъ съ трудомъ перебрался оттуда въ Россію, на его собственныхъ глазахъ многіе изъ присланныхъ въ Академію изъ Москвы „безъ призрѣнія и добраго

[1]) См. сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, томъ I, стр. 806.

смотрѣнія, будучи въ уничтоженіи, отъ унынія и отчаянія опустились въ подлость и тѣмъ потеряны". Ему ли не вступиться за дѣло Петра? И онъ началъ борьбу за дѣло, которое всегда было близко его сердцу, онъ весь посвятилъ себя этой борьбѣ „съ непріятелями наукъ Россійскихъ". Но его усилія не увѣнчались успѣхомъ. Ему поручили, напр., дѣланіе Россійскаго атласа и потомъ „оттерли его отъ произведенія къ совершенію Россійскаго атласа". Занимательная борьба! Цѣлый періодъ жизни Ломоносова наполненъ ею, и здѣсь онъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, великій поборникъ русскаго образованія. И что же? Въ изданіи г. Смирдина напечатана только *часть* бумагъ, объясняющихъ эту сторону дѣятельности Ломоносова, и именно та часть, которая была изложена во второмъ томѣ „Очерковъ Россіи" Пассека; всѣ бумаги, находящіяся въ пятомъ томѣ тѣхъ же „Очерковъ", не упомянуты г. Перевлѣсскимъ и потому, кажется, не вошли въ изданіе г. Смирдина; а они занимаютъ въ „Очеркахъ" болѣе 80 страницъ! Забыто и г. Перевлѣсскимъ, и г. Смирдинымъ еще другое знаменитое предпріятіе Ломоносова. Послѣдній составилъ сочиненіе о возможности достигнуть отъ Шпицбергена черезъ сѣверный полюсъ въ Восточное море; это сочиненіе было поднесено Ломоносовымъ въ 1762 году наслѣднику россійскаго престола. Екатерина требовала совѣта отъ сибирскаго губернатора Өеодора Ивановича Соймонова, который и объявилъ, что это предпріятіе не можетъ ожидать успѣха. Впрочемъ, намѣренія Ломоносова поддерживалъ, какъ кажется, графъ И. Г. Чернышевъ, и вотъ въ 1764 году „состоялось именное повелѣніе о назначеніи экспедиціи къ Сѣверному полюсу и Ломоносову велѣно было присутствовать въ государственной адмиралтействъ-коллегіи во время разсужденія объ открытіи экспедиціи". По этому случаю Ломоносовъ писалъ письма къ Чернышеву, также записки: О сѣверномъ мореплаваніи, на востокъ по Сибирскому океану, а другую сочиненную по новымъ извѣстіямъ промышленниковъ съ острововъ Американскихъ и по выспросу компанейщиковъ. Дѣло это кончилось ничѣмъ. Въ февралѣ прекратились засѣданія въ коллегіи относительно отправленія капитана Чичагова, чего хотѣлъ Ломоносовъ, и въ апрѣлѣ скончался самъ виновникъ этого предпріятія. Подробности этого дѣла, письма къ Чернышеву, обѣ записки Ломоносова можно найти въ статьѣ В. Н. Берха: *Дополненія къ жизнеописанію М. В. Ломоносова* [1]), откуда мы заимствовали приведенныя свѣдѣнія. О самомъ сочиненіи, которое было представлено Ломоносовымъ наслѣднику россійскаго престола, мы ничего не знаемъ.

II.

Химія была главною профессіею Ломоносова, но она не отвлекала его отъ занятій другими науками; Ломоносовъ былъ чуждъ того спеціа-

[1]) „Московскій Телеграфъ", часть XXI, 1828, № 11.

лизма, который господствуетъ въ настоящее время: отъ химіи и физики онъ переходилъ къ изученію отечественнаго языка, отечественной исторіи, риторики, къ составленію россійскаго атласа. Его геніальная мысль не могла и не хотѣла заключиться въ тѣсной сферѣ одной какой-либо науки. „Читая отъ вашего превосходительства ко мнѣ писанныя похвалы, которыя мое достоинство далече превосходятъ, благодарю отъ всего сердца (пишетъ Ломоносовъ къ Шувалову); и радуясь по предпріятому моему намѣренію, со всякою ревностію въ собраніи нужныхъ извѣстій (для составленія Россійской исторіи) стараюсь, безъ которыхъ отнюдь ничего въ исторіи предпріять невозможно... *Что жъ до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды ниже возможности.* Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія: для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которыя и на собраніе и на сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времяни, чтобы ихъ вмѣсто бильяру употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣютъ, и сверхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ, едва ли меньше первой“ [1]). Вотъ какъ думалъ Ломоносовъ. Впрочемъ, изъ этого разнообразія занятій не слѣдуетъ, чтобы одни труды его пользовались уваженіемъ въ ущербъ другимъ. Химія была главною профессіею Ломоносова, но это не помѣшало сочиненной имъ риторикѣ принести огромную пользу въ дѣлѣ „украшенія Россійскаго слова“. Положимъ, что трактатъ о хріи, нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія о фигурахъ реченій и предложеній Ломоносовъ внесъ въ свою риторику изъ Помея [2]), что глава о возбужденіи и утоленіи страстей почти цѣликомъ переведена изъ Готшеда, что Ломоносовъ немного сдѣлалъ для научной обработки правилъ риторическихъ; дѣло не въ томъ. Цѣль риторики

---

[1]) Сочин. Ломонос., изд. Смирд., томъ 1, стр. 661—662.

[2]) Митрополитъ Евгеній первый, сколько мнѣ извѣстно, указалъ на два сочиненія, какъ на источники риторики Ломоносова. Вотъ его слова: „Ломоносова Реторика собрана изъ тѣхъ же классическихъ книгъ и наипаче изъ Латинской Каулиновой большой и Помеевой Реторики“ (см. Словарь свѣтскихъ писателей, М., 1845, II, 20). Не имѣя Каулиновой риторики, мы не можемъ судить о характерѣ и значительности заимствованій Ломоносова; у Помея онъ взялъ большею частью отдѣльныя замѣчанія и примѣры. Намъ удалось открыть и третью книгу, изъ которой заимствовалъ Ломоносовъ риторическія правила: это Johann Christoph Gottscheds Ausführliche Redekunst (Fünfte Auflage, 1759).

Ломоносова совершенно другая. Въ посвященіи ея великому князю Петру Өеодоровичу, напечатанномъ при первомъ изданіи риторики, онъ говоритъ: „Въ нынѣшніе вѣка хотя нѣтъ толь великаго употребленія украшеннаго слова, а особливо въ судебныхъ дѣлахъ, каково было у древнихъ Грековъ и Римлянъ; однако въ предложеніи Божія слова, въ исправленіи нравовъ человѣческихъ, въ описаніи славныхъ дѣлъ великихъ героевъ, и во многихъ политическихъ поведеніяхъ коль оное полезно, ясно показываетъ состояніе тѣхъ народовъ, въ которыхъ словесныя науки процвѣтаютъ. Языкъ, которымъ Россійская Держава великой части свѣта повелѣваетъ, по ея могуществу имѣетъ природное изобиліе, красоту и силу, чѣмъ ни единому Европейскому языку не уступаетъ. *И для того нѣтъ сумнѣнія, чтобы Россійское слово не могло приведено быть въ такое совершенство, каковому въ другихъ удивляемся. Симъ обнадеженъ, предпріялъ я сочиненіе сего руководства;* но больше въ такомъ намѣреніи, чтобы другіе увидѣвъ возможность, по сей малой тезѣ въ украшеніи Россійскаго слова сдерзновенно простирались". Вотъ цѣль, къ которой стремился Ломоносовъ, сочиняя свою риторику. Не отрываясь отъ понятій и литературныхъ убѣжденій своего вѣка, онъ даже и при схоластическомъ взглядѣ на риторику умѣлъ найти въ ней и въ то время живую сторону и указать своему руководству частную, такъ сказать, мѣстную цѣль — украшеніе Россійскаго слова. Этому украшенію русскаго слова онъ думалъ содѣйствовать тѣми превосходнымъ языкомъ написанными примѣрами, которыми такъ богато его руководство. Цѣль, которой хотѣлъ достигнуть Ломоносовъ, была понята его современниками: извѣстно, что въ Кіевской академіи обучали „Россійской Поэзіи" по небольшой книгѣ Аполлоса, *„съ присовокупленіемъ главъ, нужныхъ для россійской поэзіи, изъ риторики Ломоносова"* [1]). Въ изданіи Смирдина пропущено посвященіе риторики великому князю Петру Өеодоровичу; по отрывку, который мы привели выше, можно уже судить, въ какой степени оно важно, раскрывая намъ взглядъ Ломоносова на науку и цѣль, которую онъ предназначилъ своему труду. Первое изданіе риторики Ломоносова вышло въ 1748 году [2]); второе въ 1759 году; оно составляетъ второй томъ собранія его сочиненій, изданныхъ въ Москвѣ при его жизни. Это второе изданіе риторики Ломоносова замѣчательно тѣмъ, что въ § 270 приводится въ видѣ примѣра ода, не попавшая ни въ одно собраніе сочиненій Ломоносова: „Сюда принадлежатъ (говоритъ Ломоносовъ) и слѣдующіе стихи, сочиненные въ Петергофѣ на Петровъ день 1759.

Взойди веселый духъ на ону высоту,
Гдѣ видѣть можно лѣтъ Петровыхъ красоту;

---

[1]) Булгаковъ, Исторія Кіевской академіи, стр. 151.

[2]) Непонятно, какимъ образомъ могъ Ломоносовъ написать, что его риторика напечатана въ 1747 году? (См. сочиненія, II, 88).

Парящія простри на нынѣшней день мысли,
Желанія къ нему и плески всѣ исчисли.
Между болотъ, валовъ и страшныхъ всѣхъ враговъ
Торги, суды, полки и флотъ и градъ готовъ.
Какъ солнцемъ возстаютъ къ брегамъ Индѣйскимъ воды,
Такъ въ устья Невскія лились къ Петру народы,
Представь движеніе и вѣтвей и зыбей,
Представить можешь шумъ отъ множества людей:
Бѣгутъ во слѣдъ его, другъ друга утѣсняютъ,
На чудныя дѣла и на него взираютъ.
Несчетны тщатся тьмы вмѣститься въ малый храмъ,
Равняютъ вѣку часъ и тѣсность небесамъ.
У всѣхъ въ устахъ сей день и подвиги Петровы,
Трудиться купно съ нимъ и умереть готовы.
Всевышній благодать и нынѣ къ намъ простеръ;
Мы видимъ въ наши дни сихъ радостей примѣръ,
Елисаветъ въ лицѣ Петровѣ почитаемъ,
На Внука съ Правнукомъ какъ на Него взираемъ" (стр. 180—181 [1]).

При этомъ изданіи напечатано и посвятительное письмо, о которомъ мы говорили. Не упоминая о другихъ, менѣе важныхъ варіантахъ, находящихся въ первомъ и второмъ изданіи риторики, мы замѣтимъ только, что въ нихъ §§ 148—152 имѣютъ значительныя отмѣны противъ академическаго изданія; но объ нихъ мы не будемъ распространяться.

Замѣчательно еще въ первомъ изданіи правописаніе, которое соблюдалъ Ломоносовъ, и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, которыя нѣсколько оправдываютъ нападки Сумарокова на чистоту слога Ломоносова (напр., уравненіевъ вм. уравненій и т. п.). Извѣстно, что въ 1748 году напечатанъ былъ „Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи древней и новой", разговоръ, написанный Тредьяковскимъ. Авторъ предлагалъ писать такъ, *какъ звонъ требуетъ*. Въ то время, когда вопросъ о правописаніи былъ живымъ вопросомъ литературнымъ, это разсужденіе имѣло большое значеніе и вліяніе. Но Тредьяковскій отправился отъ ложнаго начала и не могъ прійти къ прочнымъ и важнымъ результатамъ. Ломоносовъ въ своей грамматикѣ предложилъ другія правила въ отношеніи къ правописанію. Мнѣнія раздѣлились. Одни слѣдовали наставленіямъ Тредьяковскаго, другіе держались грамматики Ломоносова, и такое раздѣленіе существовало довольно долго. Ученикъ Тредьяковскаго А. А. Барсовъ въ диссертаціи своей De brachygraphia предлагалъ тѣ же измѣненія въ русскомъ правописаніи, которыя старался ввести и Тредьяковскій [2]). Точно также Ададуровъ первый началъ писать безъ ъ, слѣдуя правиламъ

1) [См. акад. изд. сочин. Ломоносова, подъ ред. М. И. Сухомлинова, II, 157].
2) Словарь свѣтскихъ писателей, изд. Снегирева, стр. 60—61.

Тредьяковскаго. Имъ слѣдовали и многіе другіе. Съ другой стороны авторъ „Опыта новаго Россійскаго правописанія“ В. С. слѣдовалъ съ немногими измѣненіями грамматикѣ Ломоносова. Въ споры о правописаніи вмѣшался и Сумароковъ и въ жару своей ненависти къ Ломоносову позволялъ себѣ не совсѣмъ приличныя выходки противъ Ломоносова. Въ „Трудолюбивой Пчелѣ“ есть также неоконченная статейка, имѣющая предметомъ правописаніе; и въ ней нѣтъ недостатка въ нападкахъ на Ломоносова [1]). Но послѣдній не думалъ входить въ мелочные споры съ своими запальчивыми противниками, потому что не хотѣлъ унижать себя столкновеніями съ людьми, въ которыхъ онъ почти вовсе не видѣлъ стремленія къ добросовѣстной, научной оцѣнкѣ дѣла. Противники его были, по крайней мѣрѣ по мнѣнію Ломоносова, слишкомъ ничтожны, чтобъ съ ними можно было хладнокровно разсуждать о предметѣ. Насмѣшка, осмѣяніе — вотъ оружіе, которымъ надобно было съ ними дѣйствовать. Такъ смотрѣлъ на это дѣло Ломоносовъ. Онъ писалъ на нихъ эпиграммы, но эти эпиграммы оставались въ его бумагахъ и изданы только послѣ его смерти. Ни одна изъ нихъ не вошла въ изданіе Смирдина. Въ одной Ломоносовъ объясняетъ, почему не хочетъ „отмщать завистникамъ“, въ другой придаетъ посмѣянію нововведеніе Тредьяковскаго [2]). Не менѣе любопытно и третье сочиненіе, имѣющее предметомъ правописаніе, это *Судъ Россійскихъ письменъ передъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ*. Этотъ отрывокъ, найденный въ бумагахъ Ломоносова, напечатанъ былъ въ еженедѣльномъ изданіи Ѳеодора Туманскаго „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (№ 46) [3]) и не попалъ ни въ одно изданіе сочиненій Ломоносова. Отрывокъ замѣчателенъ по сатирическому тону, на который такъ мало обращали вниманіе при разборѣ сочиненій Ломоносова. Мы не будемъ говорить объ этой статьѣ, потому что она въ скоромъ времени будетъ перепечатана въ одномъ изъ нашихъ журналовъ [4]).

Объ изданіи Россійской исторіи, лѣтописца и грамматики мы ничего сказать не можемъ, и потому, чтобъ заключить обзоръ третьяго тома новаго изданія сочиненій Ломоносова, укажемъ на пропущенныя *Замѣчанія на исторію Петра Великаго, сочиненную Вольтеромъ*. Одна часть этихъ замѣчаній помѣщена была въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (часть XX, 1828 года, № 6) и указана у г. Перевлѣсскаго, другая — въ

---

1) См. „Трудолюбивая Пчела“, мартъ, статья „Къ типографскимъ наборщикамъ“, соч. А. Сумарокова; помѣщено одно начало.

2) Обѣ эпиграммы напечатаны въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 г., № 20; указаны и г. Перевлѣсскимъ.

3) Это еженедѣльное изданіе раздѣлено на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ 27 нумеровъ (отъ 1-го іюля 1786 по январь 1787 года); вторая 25 (отъ 1-го января по 1-е іюля 1787 года).

4) [„Судъ Россійскихъ письменъ“ напечатанъ Тихонравовымъ въ „Москвитянинѣ“ 1852 г., № 10].

„Московскомъ Вѣстникѣ“ (1829 года, часть пятая). Обѣ статьи писаны до изданія въ свѣтъ самаго сочиненія Вольтера и, какъ кажется, отосланы были ему въ видѣ поправокъ на его рукопись. Нѣкоторыми изъ замѣчаній воспользовался авторъ исторіи Петра Великаго, другія оставилъ безъ вниманія, за что впослѣдствіи его упрекалъ Бишингъ, приложившій свои замѣчанія къ нѣмецкому переводу книги Губе (Fr. Maria Arouet von Voltaire Geschichte des russischen Reichs unter Peter dem Grossen etc. Frankfurt, 1761). Ни та, ни другая часть сочиненій Ломоносова не вошла въ изданіе Смирдина.

III.

Излагая въ первой нашей статьѣ, на основаніи замѣтокъ В. Н. Берха, проектъ Ломоносова о возможности достигнуть отъ Шпицбергена черезъ сѣверный полюсъ въ Восточное море, мы сказали, что ничего не знаемъ о самомъ сочиненіи, которое по этому случаю представлено было Ломоносовымъ наслѣднику россійскаго престола. Но это сочиненіе было издано еще въ 1847 году отъ гидрографическаго департамента морскаго министерства [1]). Издатель, г. Соколовъ, говоритъ въ предисловіи, что оно напечатано съ рукописи, отысканной въ главномъ морскомъ архивѣ, въ дѣлахъ бывшаго президента адмиралтействъ коллегіи, графа И. Г. Чернышева. Кромѣ того, въ „Запискахъ Гидрографическаго Департамента“ (части V, VI и IX) изложены подробности, относящіяся къ этому проекту и экспедиціи Чичагова [2]). Въ настоящей статьѣ мы разскажемъ,

---

1) За доставленіе этой любопытной брошюры авторъ обязанъ благодарностью издателю ея, г. Соколову.

2) Извѣстіе о статьѣ IX книжки „Записокъ Гидрограф. Департамента“ прочли мы уже по отпечатаніи нашихъ замѣтокъ въ фельетонѣ „Сѣверной Пчелы“; кажется, только она и обратила на нее вниманіе. [Въ 1854 г. гидрографическій департаментъ еще издалъ книгу „Проэктъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1854 г., № 5, о. IV, стр. 30—32, напечатана была рецензія на это изданіе, и въ нее включена выдержка изъ „возраженія“ Тихонравова на замѣчанія А. Д. Галахова по поводу статей Тихонравова о Ломоносовѣ (замѣчанія эти высказаны Галаховымъ въ „От. Зап.“ 1853 г., №№ 3 и 9, въ отдѣлѣ „Журналистика“). Вотъ какъ приведено въ журналѣ возраженіе Тихонравова. Авторъ рецензіи высказываетъ мысль, что для опредѣленія того, принадлежитъ ли „инструкція“ для экспедиціи Ломоносову, слѣдуетъ сравнить текстъ ея съ черновымъ наброскомъ, сохранившимся въ бумагахъ Ломоносова. „Г. Галаховъ,—продолжаетъ рецензентъ, — предложилъ другое соображеніе для доказательства той же мысли. Разбирая статью, писанную Тихонравовымъ по этому поводу, онъ говоритъ: „Все это очень дѣльно и основательно; но мы не знаемъ, почему, при сводѣ разныхъ указаній, г. Тихонравовъ умолчалъ объ указаніи самого Ломоносова, который въ рапортѣ о своихъ трудахъ и занятіяхъ, подъ 1755 годомъ, показываетъ: „Сочинилъ письмо о Сѣверномъ ходу въ

руководствуясь этими источниками, весь ходъ дѣла и покажемъ, насколько оно относится къ нашему предмету.

20-го сентября 1763 года[1]) Ломоносовъ поднесъ его высочеству генералъ-адмиралу Павлу Петровичу *Краткое описаніе разныхъ путешествій по Сѣвернымъ морямъ, и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію*. „Могущество и обширность морей, Россійскую имперію окружающихъ, требуютъ раченія и знанія (пишетъ Ломоносовъ въ посвященіи своего сочиненія). Между прочими, Сѣверный океанъ есть пространное поле, гдѣ подъ Вашего Императорскаго Высочества правленіемъ усугубиться можетъ Россійская слава, соединенная съ безпримѣрною пользою, чрезъ изобрѣтеніе восточно-сѣвернаго мореплаванія въ Индію и Америку". Какъ видно уже изъ самаго заглавія, сочиненіе состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: въ первой Ломоносовъ говоритъ о разныхъ мореплаваніяхъ, предпріятыхъ для сысканія проходу въ Остъ-Индію западно-сѣверными морями (глава 1-я), и о поискахъ морскаго прохода въ Остъ-Индію въ сѣверо-восточной сторонѣ Сибирскимъ океаномъ (глава 2-я); во второй части сочиненія Ломоносовъ разсуждаетъ о возможности мореплаванія Сибирскимъ океаномъ въ Остъ-Индію, признаваемыя по натуральнымъ обстоятельствамъ (глава 3-я), и, наконецъ, о пріуготовленіи къ мореплаванію Сибирскимъ океаномъ (глава 4-я). Въ брошюрѣ, изданной отъ гидрографическаго департамента, напечатаны, кромѣ того, два прибавленія къ самому сочиненію. Вотъ что говоритъ о нихъ г. Соколовъ: „Ломоносовъ сначала предлагалъ отправить экспедицію на Востокъ, отъ сѣверо-восточной оконечности Новой Земли; но собранныя отъ промышленниковъ и матросовъ свѣдѣнія убѣдили, что Новая Земля мало доступна, и потому, *въ первомъ прибавленіи*, поданномъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1764 года, Ломоносовъ объясняетъ, что выгоднѣе отправиться къ западу съ о. Шпицбергена. 24-го

Остъ-Индію Сибирскимъ Океаномъ". На это мы получили отъ г. Тихонравова слѣдующее возраженіе: „Не знаемъ, почему слова, сказанныя Ломоносовымъ о письмѣ (которое было представлено наслѣднику престола въ видѣ проекта), г. Галаховъ относитъ къ инструкціи: послѣдняя не имѣетъ ничего общаго съ письмомъ и написана уже тогда, когда одобрены были мысли, изложенныя въ письмѣ. Въ принадлежности *письма* Ломоносову никто не сомнѣвался; рѣчь шла объ авторѣ *инструкціи*, и свидѣтельство Ломоносова, приведенное г. Галаховымъ, не имѣетъ отношенія къ *инструкціи*. „Ясно (продолжаетъ г. Галаховъ), что Ломоносовъ давно замышлялъ проектъ свой. Почему же это *письмо*, или *инструкція (дѣло не въ названіи)*, сочиненное въ 1755 году, пущено было въ ходъ лѣтъ черезъ семь или восемь послѣ?" Ясно, что г, Галаховъ смѣшалъ письмо съ инструкціею. Впрочемъ, эта ошибка нашего извѣстнаго критика очень извинительна: письмо Ломоносова, изданное г. Соколовымъ еще въ 1847 г., почти совершенно не было извѣстно въ литературѣ и при самомъ появленіи сдѣлалось почему-то библіографическою рѣдкостью, которой не было въ книжной торговлѣ".—*Ред.*].

[1]) „Записки Гидрограф. Департ.", часть V, стр. 241; по Берху—въ 1762 году.

апрѣля того же года онъ подалъ *второе прибавленіе*, въ которомъ еще болѣе убѣждается въ возможности и удобности прохода Полярнымъ моремъ" [1]). Эти прибавленія были еще прежде напечатаны въ статьѣ В. Н. Берха, о которой мы упоминали.

Наконецъ, снаряжена была экспедиція; начальникомъ ея сдѣланъ былъ Чичаговъ: она снабжена была всѣмъ нужнымъ для такого труднаго пути: какъ видно, не щадили ничего для успѣха дѣла. Едва ли не болѣе всѣхъ хлопоталъ Ломоносовъ; страдая жестокою болѣзнью, онъ не забывалъ о своемъ проектѣ, писалъ письма къ Чернышеву, прося его приготовить Гадлеевы квадранты. Эти письма были сначала помѣщены въ „Телеграфѣ", а потомъ въ IX книжкѣ „Записокъ Гидрографическаго Департамента". Чичагову Ломоносовъ самъ написалъ инструкцію. „Въ дѣлахъ того времени (говоритъ г. Соколовъ) мы не нашли положительнаго указанія на автора прилагаемой здѣсь инструкціи; но что она сочинена Ломоносовымъ, то можно заключить изъ слѣдующихъ его словъ въ собственноручной черновой запискѣ о разныхъ его сочиненіяхъ: „Примѣрная инструкція морскимъ командующимъ офицерамъ, отправляющимся къ поисканію пути на Востокъ сѣвернымъ Сибирскимъ океаномъ" [2]). Слѣдуетъ ссылка на изданіе Смирдина (I. 749). Но тѣ шесть заглавій разныхъ статей, изъ которыхъ г. Соколовъ выписываетъ одно, вовсе не составляютъ какой-то собственноручной черновой записки. Что̀ за необходимость была Ломоносову выписывать на особую черновую записку заглавія своихъ мелкихъ статей? Ошибка произошла отъ оплошности г. Смирдина и объясняется очень просто. Г. Вельтманъ, помѣщая въ „Очеркахъ Россіи" нѣкоторыя записки Ломоносова, замѣчаетъ: „Между бумагами находятся собственноручныя черновыя: Краткій способъ приведенія Академіи Наукъ въ доброе состояніе и т. д." [3]) и высчитываетъ заглавія ихъ, а г. Смирдинъ *заглавія* разныхъ черновыхъ записокъ Ломоносова, *выписанныя г. Вельтманомъ, принялъ за собственноручную черновую записку Ломоносова*. Стало-быть, подлинникъ инструкціи Ломоносова, упомянутый г. Вельтманомъ, находится у Е. Н. Орловой, отъ которой онъ получилъ бумаги Ломоносова, и такимъ образомъ можно бы повѣрить, дѣйствительно ли инструкція, напечатанная г. Соколовымъ, есть именно та, которая была въ рукахъ г. Вельтмана. Какъ бы то ни было, она должна быть приписана Ломоносову. Выпишемъ изъ нея заключеніе, какъ мѣсто особенно замѣчательное: „Сіи предписанныя для показаннаго морскаго путешествія пункты, наблюдать господамъ командирамъ со всякою исправностію; однако, смотря по обстоятельствамъ, имѣютъ позволеніе дѣлать отмѣны, служащія къ лутчему успѣху, что полагается на ихъ благоразсужденіе и общее согласіе, которое имъ паче всего рекомендуется, чтобъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 244.

[2]) „Записки Гидр. Департ.", часть VI, стр. 113—114.

[3]) „Очерки Россіи", II, стр. 19.

единодушнымъ раченіемъ, и яко бы единымъ сердцемъ и душею внимали, прилежали и усердствовали, имѣя всегда въ мысляхъ, что будучи единаго отечества дѣти, единыя всемилостивѣйшія государыни вѣрныя рабы, и простираясь къ единому славному и полезному дѣлу, не долженствуютъ дать ниже малѣйшаго мѣста раздруженію, но паче взаимно спомоществовать и защищать другъ друга; каждый, равно какъ самъ себя утѣшать и ободрять въ ослабленіи, воображая примѣры себѣ славныхъ морскихъ героевъ, *и помнить, что всему, преждебывшими безуспѣшными и благоспоспѣшествованными трудами, мужеству и бодрости человѣческаго духа и проницательству смысла послѣдней предѣлъ еще не поставленъ, и что много можетъ еще преодолѣть и открыть осторожная ихъ смѣлость и благородная непоколебимость сердца"* [1]). Хлопоты объ отправленіи экспедиціи еще продолжались, но, прежде чѣмъ Чичаговъ вышелъ въ море, виновникъ предпріятія сложилъ руки на вѣчный покой. Первая попытка Чичагова не удалась; его послали въ другой разъ, но и вторая посылка имѣла тотъ же исходъ.

Теперь намъ слѣдовало бы говорить о томъ, какъ изданы г. Смирдинымъ оды Ломоносова, но этого предмета мы уже коснулись въ предыдущихъ статьяхъ. Къ тому же, съ другой стороны, на Ломоносова прежде смотрѣли исключительно какъ на поэта, потому и позаботились собрать всѣ его піитическія произведенія, такъ что едва ли можно указать какую-нибудь оду, не попавшую въ изданія его сочиненій, кромѣ, разумѣется, тѣхъ его стихотвореній, которыя до сихъ поръ находятся въ рукописи [2]). Для насъ мелкія статьи Ломоносова не менѣе дороги, какъ и его оды и похвальныя слова. Что̀ такое похвальное слово XVIII вѣка? Та же торжественная ода, только въ прозѣ: въ немъ та же холодная условность, то же бездушное риторство. Одописецъ Дмитріева (въ сатирѣ „Чужой толкъ") жалѣлъ, что „древнихъ онъ не читывалъ"; Ломоносовъ читалъ древнихъ, и вотъ въ его похвальныхъ словахъ находимъ отрывки, цѣликомъ переведенные изъ Плинія и Цицерона. Похвальное слово было большею частью обязанностью. Этимъ мы не хотимъ унизить похвальныя слова Ломоносова, въ которыхъ чувство бьетъ иногда живымъ ключемъ; они показываютъ только, что и геніальный человѣкъ, при извѣстныхъ

---

1) „Записки Гидрогр. Департ.", часть VI, стр. 131—132.

2) Въ библіотекѣ Казанскаго университета находится *сборникъ современныхъ стиходѣйствій Ломоносова и Сумарокова* (см. статью г. Артемьева о библіотекѣ Казанскаго университета въ „Журналѣ Минист. Нар. Просвѣщенія" 1852 года). Списокъ съ него есть въ библіотекѣ М. П. Погодина. Изъ плана біографіи Ломоносова, набросаннаго Штелинымъ (находится въ библіотекѣ М. П. Погодина и переводится мною для „Москвитянина"), узнаемъ, что Ломоносовъ написалъ сатиру на бороду; но была ли она напечатана, не знаемъ. [См. слѣдующую статью.—„Гимнъ бородѣ" напечатанъ былъ впервые А. Н. Аѳанасьевымъ въ „Библіографическихъ Запискахъ" 1859 г., № 15, стр. 461. См. Сочин. Ломоносова, академ. изданіе, т. II, 1893 г., стр. 137].

условіяхъ, слѣдуетъ направленію своего вѣка. Но изъ похвальныхъ словъ Ломоносова нельзя узнать его какъ человѣка: кто знаетъ, можетъ-быть, исторія Поповскаго повторялась иногда и съ Ломоносовымъ?[1]) Много интересныхъ выводовъ можно сдѣлать изъ сравненія черновыхъ бумагъ Ломоносова, напечатанныхъ въ „Очеркахъ Россіи", съ похвальными его словами... Повторимъ, что для насъ дороже одѣ мелкія статьи Ломоносова. Между ними особенною яркостью мыслей поражаетъ письмо къ Шувалову „О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа". Въ изданіи г. Смирдина оно перепечатано съ изданія г. Перевлѣсскаго, который взялъ его изъ „Москвитянина" (1842 года, № 1); но тамъ оно напечатано съ большими пропусками и даже искаженіемъ мыслей Ломоносова. То же письмо было, впрочемъ, помѣщено въ „Журналѣ древней и новой словесности" В. Олина (1819 года) и потомъ оттиснуто отдѣльною брошюрою[2]). Передъ 1-мъ параграфомъ пропущены у г. Смирдина слова Ломоносова, которыя приведены въ журналѣ Олина, касательно вреда отъ неравнаго супружества. За этими словами долженъ уже слѣдовать первый § по Смирдину („по своему мнѣнію" и т. д.). Прочіе пропуски Смирдинскаго изданія не такъ важны. Въ 3-мъ своемъ параграфѣ Ломоносовъ (читаемъ въ изданіи Смирдина) разсуждаетъ о правилѣ не жениться и не выходить замужъ болѣе трехъ разъ. У Олина находимъ только начало этого параграфа, но и изъ него можно видѣть, что содержаніе третьяго параграфа не совсѣмъ вѣрно передано у Смирдина... Мы должны, впрочемъ, замѣтить, что и у Олина есть пропуски, которые восполняются изданіемъ Смирдина [3]).

Этимъ мы заключаемъ наши неполныя библіографическія замѣтки о Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова. Не останавливаясь собственно надъ технической стороною изданія, не можемъ не замѣтить, что и она не можетъ назваться удовлетворительною: множество опеча-

---

[1]) См. „Черты изъ исторіи Импер. Московскаго университета", „Московскій Городской Листокъ", 1847 г., № 15, стр. 60. [Въ указанномъ мѣстѣ названной статьи Д. Перевощикова разсказывается о злоупотребленіяхъ перваго директора университета Аргамакова, о безпорядкахъ, имъ допущенныхъ. Разсказъ этотъ заканчивается такъ: „Не смотря на это, марта 6 д. 1757 г. профессоръ Поповской въ публичномъ собраніи при многихъ посѣтителяхъ „говорилъ покойному директору панегирикъ"].

[2]) Полное заглавіе брошюры слѣдующее: „Письмо покойнаго Михаила Васильевича Ломоносова къ Ивану Ивановичу Шувалову. Изъ „Журнала древней и новой словесности", издаваемаго г. Олинымъ". Спб., типографія департамента народнаго просвѣщенія, 1819 г. „Журналъ древней и новой словесности" издавался два года (1818 и 1819).

[3]) [Сочиненіе Ломоносова „О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа" напечатано Пекарскимъ въ „Русской Старинѣ", 1873 г., № 10.—О цензурныхъ недоразумѣніяхъ, вызванныхъ помѣщеніемъ этой статьи Ломоносова въ журналѣ Олина, см. у М. И. Сухомлинова „Изслѣдованія и статьи", т. I, стр. 459—460].

токъ, пропусковъ и т. п. можно замѣтить съ перваго взгляда. Напр., въ посвященіи Россійскаго лѣтописца пропущенъ цѣлый стихъ, то же и въ другихъ мѣстахъ. На страницѣ 765-й перваго тома выпало нѣсколько строкъ, и потому смысла въ ней нѣтъ никакого. Стихи: „Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру“ напечатаны два раза (и въ первомъ и во второмъ томѣ). Въ заключеніе припомнимъ то, что было сказано нами въ началѣ нашей статьи: цѣль нашихъ замѣтокъ чисто библіографическая; отъ оцѣнки самыхъ сочиненій Ломоносова мы вездѣ старались удерживаться, хотя и не могли не вставлять кое-какихъ замѣчаній, которыя были необходимы, чтобы показать важность пропущенныхъ статей для оцѣнки Ломоносова или чтобы оживить хотя нѣсколько сухость библіографическихъ замѣчаній.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ЛОМОНОСОВА [1]).

Авторъ „Опыта о русской литературѣ“, брошюры, изданной въ Ливорно и перепечатанной г. Полторацкимъ въ „Revue Etrangère“, говоритъ въ своихъ замѣткахъ о Ломоносовѣ: „Тѣ, которые хотѣли бы получить болѣе точное понятіе объ этомъ великомъ человѣкѣ, могутъ обратиться къ сочиненію, написанному на французскомъ языкѣ графомъ Андреемъ Шуваловымъ: оно содержитъ въ себѣ жизнь Ломоносова, похвальную оду ему, два перевода его *Размышленій о Божіемъ величествѣ* и письмо Вольтеру съ отвѣтомъ. Сколько цѣнимъ мы произведенія графа Шувалова, столько и сожалѣемъ, что онъ жестоко обошелся съ Сумароковымъ, написавши на него горькую и оскорбительную сатиру, которая обнаруживаетъ болѣе личную ненависть, нежели любовь къ истинѣ. Шуваловъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ только копировалъ ошибки Расина. Этого довольно, чтобы вооружить на графа Шувалова знатоковъ, которые судятъ о Расинѣ на основаніи правилъ искусства и отдаютъ должную справедливость достоинствамъ Сумарокова. Одна *Семира*, трагедія Сумарокова, переведенная на иностранные языки, даетъ знающимъ иностранцамъ возможность судить о его достоинствахъ. Шуваловъ могъ замѣтить, что нѣкоторыя мѣста ея были просто подражанія, но заслуживаетъ ли это тѣхъ колкостей, которыя онъ наговорилъ Сумарокову при этомъ случаѣ, особенно если подражаніе было удачно? [2]) Сочиненіе графа

---

[1]) [Статья эта напечатана въ „Москвитянинѣ“ 1853 г., № 3, отд. IV, стр. 17—26, съ помѣтой: Августъ 1852 г. Въ оригиналѣ статья называется: „Матеріалы для исторіи русской словесности. Для біографіи Ломоносова“. Къ этому заглавію дано слѣдующее примѣчаніе: „Предлагаемая статья состоитъ изъ документовъ, отысканныхъ нами въ бумагахъ Штелина, и изъ перевода похвальнаго слова Ломоносову, написаннаго Штелинымъ и переданнаго намъ М. П. Погодинымъ“].

[2]) См. „Essai sur la littérature russe“ etc., стр. 5—6, и статью о ней въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1851 г., № 150 [Статья эта перепечатана ниже].

Шувалова, о которомъ упоминаетъ авторъ „Опыта", очень рѣдко; какія свѣдѣнія передаетъ упомянутая біографія Ломоносова, извѣстно не многимъ [1]). Но похвальная ода Шувалова Ломоносову найдена въ бумагахъ Штелина. Вотъ она:

„Qu'entends-je! Quels accens! Quelle afreuse nouvelle!
Des filles de l'Enfer la troupe criminelle
D'un chantre harmonieux termine les beaux jours.
On n'entend plus sa lyre,
C'en est fait, il expire.
On le perd pour toujours.

***

Des confins du Sarmates aux climats de l'Aurore,
Ou renait chaque jour l'Astre, que l'un adore,
Des rochers du Caucase aux limites du Nord.
Tout est plein de sa gloire
Tout chérit sa mémoire
Et tout pleure sa mort.

***

Dans nos déserts glacés, dans nos antres humides,
Privé de tout sécours, sans modèle et sans guides
Il osa le premier cultiver les beaux arts,
Et du fond de la Grèce
Fit couler le Permesse
En nos heureux remparts.

***

Toujours réunissant par le don le plus rare:
Les palmes d'Archimede aux lauriers de Pindare
La plume de Tacite aux fleurs de Cicéron,
Sa voix avec courage
Dans un pays sauvage
Enseigne la raison.

***

Déjà l'on se flattait que le ciel moins terrible,
Desarmeroit pour nous sa colere inflexible,
Qu'Apollon et sa Cour regneraient sur nos bords,

---

[1]) Прозаическій переводъ оды Ломоносова *„О Божіемъ величествѣ"* перепечатанъ въ „Утренней Зарѣ" 1800 года. Замѣтимъ кстати, что нѣкто Мьеръ напечаталъ въ „Календарѣ Музъ" (1776) „Méditation du matin sur la grandeur de Dieu". Это не что иное, какъ подражаніе переложенію Шувалова извѣстной оды Ломоносова, который, впрочемъ, не былъ упомянутъ Мьеромъ. Лагарпъ разоблачилъ это заимствованіе въ письмѣ къ Лакомбу. См. „Утренняя Заря", Труды воспитанниковъ Унив. Благородн. Пансіона, кн. I, 1800 г., стр. 73.

Tandis que dans Athène
L'ignorance incertaine
Remplace leurs accords.

***

La paisible Néva, fière de son prodige,
Perdait le souvenir d'un destin qui l'afflige,
Avec plus d'appareil elle roulait ses flôts,
Et quittant sa demeure
Jusqu'à la dernière heure,
Anime son héros.

***

Maîs hélas! un instant détruit notre Espérance:
Ce flambeau, qui brillait dans notre Empire immense,
Du moins guidait nos pas au pied de l'Hélicon,
Il s'éteint! la nuit sombre
Tout à coup de son ombre
Obscurcit l'Hélicon.

***

Tel est donc le Destin de toute âme hardie
Qui s'ouvre avec éclat les routes du génie,
Eclaire un peuple entier, et devient son appui,
Dès que l'homme succombe,
Il traine dans la tombe
Les beaux arts après lui.

***

Je vois les tendres soeurs et les Graces plaintives
En longs habits de deuil abandonner nos rives,
Apollon s'exiler et les arts éperdus
Gemissant dans nos glaces
Fixer encore les traces
D'un pere, qui n'est plus.

***

Hé! qui pourra jamais égaler son génie?
En vain de vils rivaux, enflammés par l'envie,
Outragent ses talens, lui cherchant des défauts;
Leur étude avilie
Les couvre d'infamie,
Et redouble nos maux.

***

L'un copiste[1]) insensé des défauts de Racine
De l'Homère du Nord hait la Muse divine;
D'autres[2]) versent le fiel sur son nom et ses moeurs
Insectes méprisables,
De leurs trames coupables
On connait les horreurs.

***

Fuyez monstres ingrats, coeurs abbreuvés de haine,
Les crimes sont vos jeux, l'Enfer est Votre Aréne,
Jamais le Dieu des vers n'inspirera vos chants.
Des gouffres du Tartare
Une troupe barbare,
Applaudit vos accens.

***

Du sommet de l'Olympe, en contemplant leur rage,
Protecteur de nos bords, tu ris de cet outrage;
Qu'importe qu'on insulte a tes dons glorieux!
Tandis que Polymnie,
Te verse l'Ambroisie
A la table des Dieux“[3]).

На послѣдней страницѣ рукою Штелина написано: „Mr. Soumarokoff enragé des affronts, que l'auteur de cette ode lui a fait, s'est vengé par un épigramme composé sur Mr. le comte Schouvaloff, dans lequel il le peint en fou, indigne d'une réponse et son ode d'un galimatias plein de contradictions, d'ignorance, d'excès et de sottises“. Изъ примѣчанія Шувалова видно, что онъ не унижалъ Расина, какъ говоритъ русскій путешественникъ; жесткость же выраженій, направленныхъ противъ Сумарокова, объясняется временемъ сочиненія оды: возгласы слѣпой зависти и ненависти никогда не бываютъ такъ досадны, какъ въ то время, когда смерть налагаетъ печать молчанія на уста того, противъ котораго устремлены неистовыя нападки ослѣпленныхъ.

Отъ похвальной оды Ломоносову мы должны перейти къ сатирѣ на него, которая попалась намъ между бумагами Штелина. Начинается она такимъ образомъ:

1) Mr. Soumarokoff auteur de quelques tragedies où l'on remarque une imitation servile de Racine, et la manie de copier ce grand homme jusques dans les faiblesses, qu'on lui reproche. Ce Mr. Soumarokoff a detestè de tout tems le poëte qu'on celebre, iniquement à cause de ses talens supérieurs.

2) On me permetra de ne les point nommer.

3) Правописаніе соблюдено подлинника.

„Es war einst einer aus Kolmgorod,
Wo alle grosse Rossen herkommen;
Der war als Bauer jung ums Brodt
Im Kloster aufgenommen,
Und da studirt' er was Latein
Noch starker aber im Brantwein
Tiral, tiral, tiral, tiral
Das ist ihm wol bekommen".

Продолженіе въ томъ же духѣ. Не намѣрены оправдывать порока Ломоносова, подобно автору „Чтеній о русскомъ языкѣ" [1]), или объяснять ее, подобно К. А. Полевому [2]). Оставимъ лучше фактъ такъ, какъ онъ есть, оставимъ и злую, хотя незамысловатую сатиру, которая извращаетъ и представляетъ въ ложномъ свѣтѣ всѣ лучшія стороны жизни Ломоносова и которая любопытна только какъ обнаруженіе ненависти къ нему нѣмецкой партіи. Не станемъ доискиваться, кто скропалъ эту сатиру, и какъ попала она въ бумаги Штелина,—человѣка, преданнаго Ломоносову; лучше просмотримъ неослѣпленными глазами жизнь Ломоносова, какъ представляетъ ее конспектъ похвальнаго слова ему, набросанный Штелинымъ. Этотъ планъ неоконченнаго труда Штелина, писанный на латинскомъ языкѣ (съ прибавленіями на нѣмецкомъ), расположенъ по правиламъ риторическимъ и имѣетъ отрывочную форму. Мы не рѣшаемся измѣнить ни слова и сохраняемъ ее въ нашемъ переводѣ.

„Exordium *(приступъ)*. Со времени основанія академій вошло въ обычай прочитывать членамъ панегирики. Польза этого обыкновенія въ исторіи литературы для поощренія другихъ.

Причина пренебреженія его въ нашей академіи.

Отдаленная (causa remotior) не недостатокъ славныхъ мужей, но невѣжество секретарей.

Ближайшая. Впредь не должно пренебрегать имъ. Возстановляю обыкновеніе и намѣренъ и долженъ произнести, если не панегирикъ, то просмотрѣть краткую біографію знаменитаго человѣка, оказавшаго великія заслуги отечеству, наукамъ и искусствамъ, человѣка, можно сказать, необыкновеннаго.

Родился въ 1711 г. въ Куростровской волости, островѣ Двины, близъ

[1]) [„Чтенія о русскомъ языкѣ, Николая Греча". Спб., 1840 г., ч. I, стр. 114—115. Гречъ здѣсь совершенно отвергаетъ обвиненіе Ломоносова въ пьянствѣ, говоря, что „въ тотъ вѣкъ, когда жилъ и дѣйствовалъ Ломоносовъ, неумѣренность въ употребленіи горячихъ питей... отнюдь не считалась предосудительною... Итакъ перестанемъ обвинять Ломоносова въ томъ, что принадлежитъ его вѣку"].

[2]) [„Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Сочиненіе Ксенофонта Полеваго". М., 1835—36 г., т. II, гл. XVII, стр. 317, 327—330.—То же, Спб., 1887 г., т. II, стр. 282, 290—293.—Полевой говоритъ о разочарованіи Ломоносова въ жизни].

Холмогоръ. Отецъ рыбакъ. Съ дѣтства сопутствуя отцу въ трудахъ, до 18-го года занимался рыболовствомъ и ознакомился съ берегами Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана.

На сѣверъ проникалъ до Колы и далѣе. Доходилъ до 70-го градуса широты. Ребенкомъ дѣлалъ наблюденія, изучалъ природу, собиралъ рѣдкости, зимою учился читать у священника того мѣста [1]). Читалъ только священное писаніе; привыкалъ къ слогу. Желалъ читать болѣе и узналъ, что то писано на латинскомъ языкѣ. Побужденный желаніемъ выучиться латинскому языку, задумалъ бѣжать [2]) и прибылъ въ Москву (въ 1728 г., 17 лѣтъ). Принятый въ Спасскій монастырь, съ жадностью набирался свѣдѣній [3]). Обогащенный познаніями, училъ дѣтей священника. Предался изученію латинскихъ и греческихъ авторовъ и рукописей, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Въ 1733-мъ году отправился въ Кіевъ, но не нашелъ тамъ лекцій физики и философіи, которыхъ добивался. Возвратился въ Москву и съ жаромъ предался наукѣ. Въ то же самое время Петербургская академія письменно просила у епископа юношей изъ семинаріи для слушанія профессорскихъ лекцій. Посланный въ Петербургъ, въ академію (1734), посвящаетъ себя изученію металлургіи, физики и математики. Въ 1736 г. его посылаютъ въ Марбургъ къ Вольфу; изучаетъ нѣмецкую литературу, читаетъ поэтовъ (особенно Гюнтера); подражаетъ соотечественникамъ; первый даетъ стихамъ размѣръ; посылаетъ оду свою къ президенту академіи; свидѣтельство Вольфа о его способностяхъ [4]). Отправляется въ Фрейбургъ къ Генкелю, посвящаетъ себя литейному и рудному дѣлу, изслѣдуетъ минералы; занятія химіей (прилагаетъ въ химіи физическія и математическія начала). Возвратившись, женится въ Марбургѣ; продолжаетъ занятія. Отправляется въ Бельгію [5]), на возвратномъ пути его хватаютъ прусскіе солдаты, поне-

---

[1]) Въ примѣчанія вносимъ замѣтки Штелина, приписанныя къ конспекту, какъ видно, впослѣдствіи, въ видѣ поправокъ и пополненій. „Читать и писать учится у діакона, ариѳметикѣ самоучкою".

[2]) „На дорогѣ колеблется, куда отправиться ему, въ Москву или въ Петербургъ".

[3]) „Въ Спасскомъ монастырѣ при удивительномъ прилежаніи въ одинъ годъ прошелъ уже три класса".

[4]) Отзывы Вольфа и нѣкоторыхъ другихъ иностранцевъ о Ломоносовѣ можно найти въ изданіи сочиненій Ломоносова, напечатанномъ въ 1803 году въ С.-Петербургѣ, въ трехъ томахъ (это изданіе не надобно смѣшивать съ академическимъ изданіемъ сочиненій Ломоносова, напечатаннымъ въ томъ же году). *Н. Т.*

[5]) „Когда онъ во второй разъ возвращался изъ Бельгіи, его записываютъ въ солдаты. Черезъ полгода возвращается въ Марбургъ, въ одеждѣ рудокопа".— Не лишена значенія и хронологическая таблица, тутъ же приписанная:

Въ Москвѣ пробылъ 6 лѣтъ.

Въ шестой годъ былъ въ Кіевѣ.

23 лѣтъ (въ 1734) прибылъ въ Петерб. академію.

волѣ записываютъ въ число рейтаровъ и силою уводятъ въ Везель. Убѣгаетъ и пробирается не безъ опасностей въ Бельгію. Въ Гагѣ ему помогаетъ графъ Головкинъ. Садится на корабль и отправляется въ Петербургъ; дорогою видитъ во снѣ отца. Освѣдомившись о немъ въ Петербургѣ, слышитъ, что онъ погибъ; задумываетъ ѣхать на родину, чтобы искать отца на островахъ; получаетъ извѣстіе, что отецъ найденъ на островѣ, оплакиваетъ его кончину. Сдѣланный адъюнктомъ академіи, выказываетъ отличныя способности. Въ 1746 г. его опредѣляютъ профессоромъ химіи; строитъ лабораторію и прилежно занимается опытами. Получивъ въ даръ Каровалдайскій участокъ, учреждаетъ стеклянный заводъ. Обнаруживаетъ способности свои новыми изобрѣтеніями; мозаика, прежде неизвѣстная (поводъ данъ былъ Воронцовымъ). По предложенію сената берется за великое дѣло. Великія творенія его въ области поэзіи, краснорѣчія, грамматики, отечественной исторіи, физики, математики и астрономіи. Прославленный сочиненіями своими, онъ избирается членомъ Шведской и Болонской академій. Его замѣчаетъ императрица Елизавета, удостоиваетъ благосклонности и осыпаетъ благодѣяніями; его назначаютъ совѣтникомъ; покровительство первыхъ при дворѣ особъ. Непримиримая вражда съ невѣждою поэтомъ Сумароковымъ. Побуждаетъ къ открытію сѣверныхъ странъ, сообщаетъ свои наблюденія. Императрица Екатерина, благосклонностью и желаніемъ распространить образованіе въ государствѣ подобная Елизаветѣ, обращаетъ вниманіе на его опытность и приказываетъ ему изложить свои мысли на письмѣ. Его Петріады явилась только первая книга. Обѣщанія Шувалова. Пылаетъ любовью къ отечеству и желаніемъ распространить въ немъ просвѣщеніе. Управляетъ академическою гимназіей. Скончался на Святой недѣлѣ 1765 года. Смерть встрѣтилъ съ духомъ истиннаго философа; сказалъ: жалѣю только, что покидаю недовершеннымъ то, что задумалъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академическихъ: оно умретъ со мною. Похвалы ему заключу въ одинъ короткій стихъ:

Principibus placuisse viris non ultima laus est! [1])

Всѣ его записки пріобрѣлъ графъ Григорій Орловъ.

Графъ Воронцовъ на свой счетъ велѣлъ поставить на могилѣ его памятникъ изъ каррарскаго мрамора и просилъ Штелина написать эпитафію.

Характеръ Ломоносова:

Физическій. Отличался крѣпостью и почти атлетическою силой; напр., трехъ напавшихъ на него матросовъ одолѣлъ и снялъ съ нихъ платье.

Въ Марбургѣ женился въ 1736 году (25 лѣтъ).

За границею 7 лѣтъ.

Возвратился въ отечество въ 1741 году (30 лѣтъ).

[1]) Стихъ Горація.

Образъ жизни общій плебеямъ.

Умственный. Исполненъ страсти къ наукѣ; стремленіе къ открытіямъ.

Нравственный. Мужиковатъ; съ низшими и въ семействѣ суровъ; желалъ возвыситься, равныхъ презиралъ. Религіозные предразсудки его. Сатиры на духовныхъ. Гимнъ бородѣ. Преслѣдуетъ бѣднаго Тредьяковскаго за его дурной русскій слогъ".

Этимъ оканчивается конспектъ похвальнаго слова Ломоносову, переданный нами съ возможной точностью.

Заключимъ указаніемъ ненамѣреннаго литературнаго подлога. *Стихи Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, на фейерверкъ, представленный 1-го января 1755 года,* напечатанные подъ именемъ Ломоносова въ полномъ собраніи его сочиненій (изд. Смирдина, I, стр. 273), принадлежатъ не Ломоносову. Въ изданіяхъ сочиненій Ломоносова, при жизни его напечатанныхъ, этой оды нѣтъ. Въ первый разъ она явилась съ именемъ его, кажется, въ академическомъ изданіи 1783 года, куда перешла изъ первой книжки „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" 1755 года; но тамъ она напечатана безъ имени Ломоносова. Оказывается, что эти стихи были написаны Штелинымъ на нѣмецкомъ языкѣ, а на русскій переведены профессоромъ Поповскимъ. Въ бумагахъ Штелина нашелся и нѣмецкій ихъ подлинникъ, и переводъ Поповскаго, слывшій за оригинальную оду Ломоносова. Для сравненія съ стихами, напечатанными въ первомъ томѣ сочиненій Ломоносова, предлагаемъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ первую строфу оды:

Wo ist ein Volk, ein Land, ein Kayserthum, ein Reich,
O gröszte Kayserin! wohl Deinem Reiche gleich,
Dass sich von West soweit nach Süd und Nord-Ost strecket
Und die Bewunderung des Rests der Welt erwecket!
Welch mächtiger Monarch, welch grosses Reich erscheint?
Das soviel Völker hegt, die, unter Dir vereint,
Sich an Geschicht' und Sprach und Sitten kaum erkennen
Und alle Dich allein, Dich ihre Mutter nennen.

Припомнимъ, что нѣкоторые [1]) этою одой думали доказать поэтическое родство Ломоносова съ Пушкинымъ, и пожалѣемъ, что свѣдѣнія наши о знаменитыхъ русскихъ писателяхъ такъ скудны, а потому и сужденія о нихъ такъ шатки. Вотъ новое доказательство, какъ нужна осторожность въ изданіи сочиненій нашихъ писателей. Въ подобную же ошибку впалъ и Новиковъ, который, увидавши подъ напечатаннымъ въ тѣхъ же „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" „Разговоромъ Александра съ Еростратомъ" буквы А. С., внесъ его въ изданіе сочиненій А. Сумарокова, тогда какъ разговоръ писанъ былъ не имъ, а Суворовымъ.

---

[1]) См. „Столѣтіе Русской Словесности", г. Мизко.

КИРЬЯКЪ КОНДРАТОВИЧЪ

(переводчикъ прошлаго столѣтія) [1].

Кирьякъ Кондратовичъ былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ переводчиковъ прошлаго вѣка. Схоластическое воспитаніе въ кіевскихъ школахъ и долгая жизнь на родномъ Югѣ положили тяжелый отпечатокъ на всѣ произведенія Кондратовича и дали имъ одностороннее направленіе. Сроднившись съ языкомъ польскимъ и латинскимъ, онъ остался чуждъ ново-европейской литературѣ и со своею схоластическою ученостью могъ быть полезенъ лишь для тѣснаго кружка ученыхъ по профессіи. Чуждое всякихъ научныхъ интересовъ, русское общество не могло отдать своего сочувствія трудамъ Кондратовича: для него онъ могъ быть предметомъ оскорбительнаго пустаго любопытства или невѣжественнаго и оскорбительнаго покровительства. И вотъ Кондратовичъ дѣлается „придворнымъ философомъ",—роль незавидная, потому что титулъ этотъ былъ у насъ равносиленъ въ то время съ названіемъ придворнаго шута. Въ два года успѣла прискучить забава, и придворный философъ отправленъ былъ въ Екатеринбургъ къ В. Н. Татищеву переводчикомъ и учителемъ латинскаго языка [2]). Знаменитому „собирателю" россійской исторіи нуженъ былъ такой человѣкъ, какъ Кондратовичъ; ему могъ онъ поручить переводъ иностранныхъ извѣстій и латинскихъ диссертацій Байера о Россіи, которыя вошли въ первую часть его Россійской исторіи. Полагаемъ, что Кондратовичъ при хорошемъ знаніи латинскаго и польскаго языковъ могъ оказать не малую услугу Татищеву, который, по собственному его признанію, „переводчиковъ искус-

---

[1]) [Замѣтка эта напечатана въ „Библіографическихъ Запискахъ" 1858 г., № 8, стр. 225—227, въ видѣ предисловія къ двумъ письмамъ и доношенію Кондратовича (стр. 227—237). *Ред.*].

[2]) Нѣкоторыя біографическія извѣстія заимствуемъ изъ книги: „Изслѣдованія сочинителя Ригера о воздухѣ, съ латинскаго языка Киріякомъ Кондратовичемъ въ 1774 году въ мартѣ мѣсяцѣ переведено". Спб., 1767.

ныхъ на Руской ни за какія деньги достать не могъ" [1]). Переводы же Кондратовича для своего времени были „искусны".

Лишившись всего достоянія при переѣздѣ черезъ Каму, придворный философъ, обремененный семействомъ, увидѣлъ себя безъ куска хлѣба. Тогда баронъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ „принялъ его безмѣстнаго въ домъ свой и съ тремя малолѣтними дѣтьми и семействомъ черезъ два года на всемъ своемъ содержаніи его довольствовалъ". Не въ первый разъ великодушная помощь Строганова поддержала Кондратовича. По обычаю боярскому прошлаго вѣка, С. Г. Строгановъ „всѣмъ честнымъ приходящимъ открытую имѣлъ трапезу, снабдѣвалъ недостаточныхъ, за многихъ у многихъ старался какъ объ ихъ опредѣленіи къ разнымъ мѣстамъ, такъ и объ ихъ судебныхъ и разныхъ дѣлахъ". Онъ пріютилъ и Кондратовича „по окончаніи богословіи и содержалъ его въ своемъ покои между прочими странными". Годы, проведенные здѣсь, Кондратовичъ считалъ единственно счастливою эпохой своей жизни, потому что въ домѣ С. Г. Строганова онъ „свободно, прохладно, совокупно и равномѣрно веселился", преподавая катехизисъ шестилѣтнему сыну его.

Съ послѣдующимъ періодомъ жизни Кондратовича можно познакомиться изъ писемъ и доношенія его [2]), въ которыхъ ясно, хотя, можетъ быть, невольно, высказываются горечь и ожесточеніе на людей бѣдняка, не встрѣчавшаго нигдѣ сочувствія и по своимъ интересамъ стоявшаго въ разладѣ съ людьми, которые его окружали. Эти жалобы—исторія не одного Кондратовича, но многихъ образованныхъ людей нашихъ прошлаго вѣка, которыхъ ни сила таланта, ни извѣстная практическая смѣтливость не вынесла выше другихъ,—какъ это было съ Ломоносовымъ. Вспомнимъ Тредьяковскаго, Крашенинникова и др. Эти жалобы [3]) служатъ дополненіемъ къ напечатаннымъ уже матеріаламъ для исторіи Академіи Наукъ и отчасти рисуютъ намъ положеніе ученаго въ русскомъ обществѣ прошедшаго вѣка, вскрываютъ нѣсколько частную жизнь его со всѣми прозаическими ея дрязгами и мелочами и даютъ видѣть тѣ нити, которыя привязывали его къ обществу и къ массѣ.

---

[1]) Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, ч. I, стр. XXII.

[2]) [Т.-е. изъ документовъ, напечатанныхъ въ „Библ. Зап." вслѣдъ за замѣткой].

[3]) Подлинники находятся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМАРОКОВЪ

Современная его характеристика (май 1769 г. [1]).

Въ принадлежащемъ моей библіотекѣ рукописномъ сборникѣ конца XVIII вѣка, № 241, находится письмо неизвѣстнаго лица къ *А. П. Сумарокову*, представляющее любопытную характеристику этого писателя; письмо это дополняетъ новыми чертами нравственную физіономію Сумарокова, столь ярко выразившуюся въ его комедіяхъ, сатирическихъ статьяхъ, оффиціальныхъ „прошеніяхъ" и „доношеніяхъ" и особенно въ его частной перепискѣ. Печатаемое письмо вышло, очевидно, изъ-подъ пера человѣка, близко знавшаго Сумарокова, посвященнаго въ его домашнія тайны и „дѣлавшаго Сумарокову много услугъ". Авторъ письма неизвѣстенъ; сборникъ, изъ котораго оно заимствовано, не сохранилъ подписи сочинителя. Послѣдній называетъ себя человѣкомъ, „долгое время обращавшимся въ свѣтѣ". Но онъ не принадлежалъ къ сильнымъ міра, не занималъ въ обществѣ положенія выдающагося: онъ признается, напримѣръ, что „гоненія" Сумарокова „могутъ причинить ему много безпокойствъ"; что онъ имѣлъ „нѣкоторыхъ милостивцевъ". Можно предположить, что издаваемое письмо писано *княземъ Козловскимъ*, не тѣмъ, однако, Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Козловскимъ, который доставилъ Сумарокову письмо къ нему Вольтера отъ 26-го февраля 1769 года, напечатанное въ приложеніи къ трагедіи *Димитрій Самозванецъ* [2]). На такое

---

[1]) [Замѣтка напечатана въ видѣ предисловія къ письму неизвѣстнаго о Сумароковѣ въ „Русской Старинѣ", 1884 г., № 3; замѣтка занимаетъ стр. 609—612, а слѣдующее за нею письмо—стр. 612—618. *Ред.*].

[2]) О князѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ *Козловскомъ*, бывшемъ въ 1767—1768 гг. въ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія, въ концѣ этого или въ началѣ слѣдующаго года отправленнаго за границу и погибшаго въ чесменскомъ бою, сообщаетъ наиболѣе точныя свѣдѣнія извѣстная брошюра „Essai sur la littérature russe" и „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ" *Новикова*. Этотъ молодой писатель не могъ быть авторомъ печатаемаго письма,

предположеніе наводитъ письмо князя Козловскаго, напечатанное въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1858 года (февраль, стр. 589). Вотъ начало этого письма: „Вы вчера мнѣ въ отвѣтъ приказали, чтобы я не присылалъ къ вамъ людей съ письмами, *вы ихъ бить будете:* я нашелъ способъ съ вами изъясниться, не причинивъ вреда посланному: вѣстовой мой вручитъ вамъ и письмо и деньги. Однако, помните то, что, наконецъ, Созій отъ Амѳитріона отказался“. Повидимому, Сумароковъ исполнилъ свою угрозу; анонимное [1]) письмо оканчивается припискою: „Прошлаго года вы человѣка моего высѣкли за то, что онъ принесъ отъ меня письмо“. Съ другой стороны, изъ письма видно, что авторъ онаго, наконецъ, „отказался“ отъ Сумарокова, какъ Созій отъ Амѳитріона. Намекъ на то, что сочинителемъ издаваемаго письма былъ князь, можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ письма: „Вы же сказываете, что вы еще не съ однимъ вашимъ пріятелемъ не раздружились. Сія рѣчь похожа на ту, еслибъ я сказалъ, что я еще и понынѣ *изъ моихъ княжествъ* не потерялъ, которыхъ у меня никогда не бывало“.

Съ большею вѣроятностію можно опредѣлить время написанія письма. Оно писано, когда Сумароковъ „не имѣлъ уже никакихъ подчиненныхъ“ по службѣ, т.-е. послѣ отставки его отъ должности директора театра. „Еще и понынѣ,—пишетъ авторъ письма,—театръ васъ не позабылъ. Еще носится слухъ о тогдашнихъ вашихъ безпорядкахъ“. Отъ должности директора театра Сумароковъ былъ уволенъ въ іюнѣ 1761 года [2]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ письма спрашиваетъ: „Можно ли почесть такого стихотворца за полезнаго обществу, который бранитъ тѣхъ, кои даровали ему жизнь? который съ женою и съ дѣтьми своими разлучился единственно для того, чтобы неистовство свое удовольствовать съ презрѣнною своею рабою; который и *теперь* сей несчастной женѣ не даетъ жить спокойно и въ чужомъ домѣ: проѣзжая мимо ея окошекъ, кричитъ во все горло, бранитъ ее безчестными словами“. Отецъ Сумарокова умеръ во 1766 году. Въ прошеніи, поданномъ на имя императрицы въ сентябрѣ 1767 года, мать Сумарокова объясняетъ: „Недостойный сынъ мой Александръ, еще при жизни покойнаго мужа моего, неоднократно достовѣрными о непослушаніи своемъ знаками доказывалъ свою развратность во нравѣ и неистовство, а напослѣдокъ по несноснымъ его насъ оскорбленіямъ и личными противъ насъ съ умыслу чинимыми досадами до того, какъ отца своего, такъ и меня довелъ, что мы принуждены были поте-

---

потому что, разставаясь съ Сумароковымъ, оставался съ нимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Напечатанное въ „Отечественныхъ Запискахъ“ письмо князя Козловскаго принадлежитъ не кн. Ѳедору Алексѣевичу. Ср. Лонгинова, „Послѣдніе годы жизни Сумарокова“ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1871 г., стр. 1664.

[1]) [Т.-е. письмо, напечатанное въ „Русской Старинѣ“ вслѣдъ за замѣткой].

[2]) „Отечественныя Записки“, 1858 г., февраль, стр. 583; „Москвитянинъ“, 1851 г., январь, кн. 2-я, стр. 210.

рявъ къ нему всю родительскую любовь и милость, предать его проклятію и на дворъ къ себѣ ни подъ какимъ видомъ не пускать"[1]). Вышеприведенное мѣсто письма о непочитаніи Сумарокова къ *„тѣмъ, кои даровали ему жизнь"*, могло бы подать поводъ къ заключенію, что письмо сочинено еще *при жизни отца* Сумарокова (т.-е. въ первой половинѣ 1766 года); но это предположеніе опровергается слѣдующимъ мѣстомъ письма: „Можно ли такого стихотворца назвать человѣкомъ, обществу полезнымъ, который, *имѣя 50 лѣтъ отъ роду*, толико гнуснымъ подверженъ *порокамъ?!"* Сумароковъ родился 14-го ноября 1717 года; эту дату онъ самъ выставляетъ въ своихъ письмахъ къ И. И. Шувалову[2]). Иначе опредѣлялся годъ рожденія Сумарокова его родственниками и близкими къ нему людьми. Дмитревскій *въ 1768 году* писалъ, что Сумарокову „около 50 лѣтъ"[3]); до изданія академикомъ Я. К. Гротомъ писемъ Сумарокова къ И. И. Шувалову годомъ рожденія Сумарокова считали 1718 годъ. Вѣроятно, эту послѣднюю дату имѣлъ въ виду и авторъ издаваемаго письма. Какъ бы, впрочемъ, ни было, письмо несомнѣнно писано *послѣ 1767 года*. Если авторъ письма не зналъ о смерти отца Сумарокова, это могло произойти оттого, что авторъ письма жилъ постоянно *въ Петербургѣ*, отецъ же Сумарокова скончался въ Москвѣ. Дѣйствительно, всѣ приведенные въ письмѣ факты изъ жизни Сумарокова относятся къ періоду его петербургской жизни. Такъ съ своею женою онъ разъѣхался еще *въ Петербургѣ* и притомъ *ранѣе 1769 года:* въ письмѣ 25-го января 1769 г. къ графу Г. Г. Орлову[4]) Сумароковъ жалуется: „Здѣсь дорого все, и моего имѣнія недостаетъ больше къ содержанію; а изъ жалованья даю я почти половину *на содержаніе оставившей меня жены"*.

Другія приводимыя въ письмѣ подробности касаются также петербургской жизни Сумарокова: въ подтвержденіе разсказа о неприличномъ поведеніи Сумарокова относительно одного доктора авторъ письма прямо ссылается на „кадетскій корпусъ".

---

[1]) „Зритель", 1863 г., № 12, стр. 370.

[2]) Издавая письма Сумарокова къ И. И. Шувалову, академикъ *Я. К. Гротъ* замѣтилъ: „Настоящія письма доставляютъ намъ и нѣсколько другихъ свѣдѣній для біографіи Сумарокова. Изъ 15-го письма мы узнаемъ въ точности время рожденія его—14-е ноября 1717 года, а не 1718, какъ до сихъ поръ принимали. „Вчера, писалъ онъ 18-го ноября 1759 года, исполнилось мнѣ 42 года". Записки Академіи Наукъ, томъ I, кн. 1, стр. 14. Эта дата, прибавимъ мы, подтверждается и другимъ письмомъ Сумарокова къ И. И. Шувалову (десятымъ). Въ этомъ письмѣ, отъ *23-го маія* 1758 г., Сумароковъ говоритъ: „мнѣ сорокъ ужè лѣтъ" (Ibid., стр. 36).

[3]) „Nachricht von einigen russischen Schriftstellern" (перепечатано въ III т. „Библіографическихъ Записокъ") и „Essai sur la littérature russe" (1771 г.).

[4]) Въ „Библіографическихъ Запискахъ" (I, 428 — 429), гдѣ напечатано это письмо, адресатомъ называется Безбородко. Лонгиновъ справедливо отвергаетъ это указаніе. „Русскій Архивъ", 1871 г., стр. 1655.

По изложеннымъ соображеніямъ мы склоняемся отнести составленіе письма къ началу мая 1769 года: въ письмѣ есть намекъ на похвалы Вольтера Сумарокову; это письмо, помѣченное „Au Château de Ferney 26 février 1769“ [1]), доставлено было Сумарокову Мусинымъ-Пушкинымъ 30-го апрѣля 1769 года [2]). Лѣтомъ 1769 года Сумароковъ уже жилъ въ Москвѣ [3]), которая съ этого времени сдѣлалась его постояннымъ мѣстопребываніемъ.

---

[1]) См. 1-ое изданіе трагедіи Сумарокова „Димитрій Самозванецъ“, въ приложеніи, стр. 5. Лонгиновъ („Русскій Архивъ“, 1871, стр. 1659) невѣрно опредѣляетъ время отправленія письма Сумарокова къ Вольтеру. [Отъ Вольтера письмо было получено кн. Ѳ. А. Козловскимъ (который отвезъ письмо Сумарокова Вольтеру) но переслано Сумарокову черезъ Мусинъ-Пушкина *Ред*].

[2]) „Отечественныя Записки“, 1858 г., февраль, стр. 585.

[3]) 4-го іюня 1769 г. Сумароковъ послалъ изъ Москвы письмо Козицкому. Лѣтописи русской литературы и древности, т. IV, отд. III, стр. 30.

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ СМИРДИНСКАГО ИЗДАНІЯ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ [1]).

Сочиненія Фонъ-Визина. Изданіе третье Александра Смирдина. Спб., 1852 г., стр. 730 + III.

Всякая позднѣйшая литература въ первомъ періодѣ своей исторической жизни находится подъ вліяніемъ другой, болѣе развитой литературы, держится сначала пришлыми элементами, живетъ какъ бы чужою жизнью. Неудивительно, что литературныя произведенія этой поры безцвѣтны, что, несмотря на свое историческое значеніе, они мало могутъ имѣть въ себѣ безусловнаго достоинства. Развитіе литературы совершается почти такъ же, какъ и развитіе отдѣльныхъ дѣятелей. Самостоятельность и оригинальность не приходятъ вдругъ; они плодъ долгаго времени, плодъ возраста зрѣлаго. Въ молодости писателю нуженъ руководитель. У кого же искать ему опоры? Разумѣется, у того, кто уже пріобрѣлъ себѣ авторитетъ въ общемъ убѣжденіи. То же бываетъ въ извѣстное время и съ цѣлой литературой. Такъ, русская въ первую пору своего новаго періода подчинилась совершенно литературѣ французской, а потомъ, въ меньшей степени, нѣмецкой. Сначала мы еще долго будемъ встрѣчать въ ней отголоски ихъ, и только изрѣдка поразятъ взоръ наблюдателя отрадные проблески своего, оригинальнаго. Попытки создать что-нибудь самобытное часто бываютъ не замѣчены современниками, часто теряются въ общей массѣ привычныхъ литературныхъ явленій; но, тѣмъ не менѣе, развитіе самобытности въ литературѣ совершается, потому что при самомъ рабскомъ подчиненіи постороннему авторитету проглядываютъ и индивидуальныя черты подражающаго. Если въ старыхъ писателяхъ нашихъ мы замѣтимъ большею частью подражательность, то рядомъ съ ними найдемъ и писателей оригиналь-

---

1) [„Замѣтки напечатаны въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1853 года, № 6, Литературный отдѣлъ, стр. 59—61]

ныхъ. Къ числу послѣднихъ относится и Фонъ-Визинъ. Онъ, можно сказать, представляетъ собою то же развитіе, какое совершалось въ русской литературѣ. Какъ послѣдняя долго жила заимствованіями и подражательностью, такъ и Фонъ-Визинъ былъ чрезвычайно склоненъ къ тому же; какъ литература наша сохраняла сатирическую настроенность, а въ ней и свою оригинальность, такъ и авторъ „Недоросля" своею мѣткою сатирой увѣковѣчилъ свое имя въ исторіи нашей словесности.

Произведенія Фонъ-Визина были уже предметомъ превосходной монографіи князя Вяземскаго; но сочиненіе его, несмотря на свою полноту, не затрогиваетъ нѣкоторыхъ сторонъ литературной дѣятельности Фонъ-Визина, а иныя представляетъ не совсѣмъ ясно и вѣрно. Настоящая статья имѣетъ собственно библіографическую цѣль; но такъ какъ въ книгѣ князя Вяземскаго довольно и библіографическихъ данныхъ, то мы постараемся только дополнить и исправить его показанія и вмѣстѣ съ тѣмъ представить нѣсколько своихъ замѣчаній о трудахъ Фонъ-Визина.

Сначала Фонъ-Визинъ занимался только переводами. Первымъ трудомъ его въ этомъ отношеніи былъ переводъ басенъ Гольберга [1]). Въ 1762 г. появилось въ журналѣ проф. Рейхеля *Собраніе лучшихъ сочиненій*, нѣсколько мелкихъ статей, имъ же переведенныхъ. Вотъ заглавія ихъ: *Г-на Менарда, изысканіе о зеркалахъ древнихъ; Торгъ семи музъ* (изъ Кригеровыхъ „Сновъ") [2]); *Разсужденіе г-на Рейтштейна о приращеніи рисовальнаго художества, съ наставленіемъ въ начальныхъ основаніяхъ онаго* [3]); *Г-на Ярта, разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства* [4]).

Въ томъ же году Фонъ-Визинъ началъ печатать новый переводъ свой *Жизнь Сифа, царя Египетскаго.* Взглядъ переводчика на это сочиненіе и цѣль перевода ясно высказаны въ предисловіи, изъ котораго особенно любопытно слѣдующее мѣсто:

„Въ томъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія, чтобъ книга сія не была Романъ. Предпріятія, кои имѣютъ желаемыя окончанія, и извѣстныя особы, которыя, будучи совсѣмъ въ отчаяніи другъ друга увидѣть, являются вмѣстѣ, а особливо множество рѣчей, кои они между собою имѣли, показываютъ, что Авторъ не всегда полагалъ справедливую исторію; но поступалъ такъ, какъ велѣли собственныя мысли.— Сіе сочиненіе, раздѣленное на десять книгъ, *въ разсужденіи исправленія нравовъ, есть весьма полезно.* Египетскій Сифъ представленъ здѣсь Геро-

---

1) Первое изданіе ихъ явилось въ 1761 году со слѣдующимъ заглавіемъ: *Басни нравоучительныя съ изъясненіями господина барона Гольберга, перевелъ Денисъ Фонъ-Визинъ. При Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.* У Смирдина не указано; у Сопикова невѣрно означенъ годъ. См. „Опытъ Россійской Библіографіи", II, № 2,146.

2) Собраніе лучшихъ сочиненій, часть 1-я,

3) Ibid., часть 2-я.

4) Ibid., часть 3-я.

емъ, почерпшимъ премудрость *отъ нравоученія*, чрезъ которое онъ, будучи еще въ цвѣтущей юности, въ состояніи уже былъ дѣлать другимъ наставленія. Потомъ пришедъ въ совершенныя лѣта и находясь по случаю въ долговременномъ плѣнѣ, употребилъ сіе время въ изысканіи неизвѣстныхъ странъ, кои освободилъ отъ ужасныхъ суевѣрій. При возвращеніи своемъ, побуждаемъ будучи геройской добродѣтелью, избавилъ знатнѣйшую республику отъ непріятелей, приступившихъ уже къ вратамъ градскимъ. Но пришедъ въ отечество, здѣлался онъ благодѣтелемъ тѣхъ, коихъ имѣлъ причину почитать себѣ злодѣями; наконецъ, посвятилъ геройство благополучію общества.—Въ прочемъ, Авторъ, представляя Сифа не иначе, какъ идолопоклонника, содержитъ первѣе о исправленіи однихъ только нравовъ въ пользѣ человѣческаго рода. Потомъ старается наполнить книгу свою учеными примѣчаніями, надлежащими до Египетскаго народа. Сверхъ того, собираетъ здѣсь извѣстія древней Географіи, доказывая справедливость оныхъ книгами славныхъ историковъ".

О языкѣ этого перевода самъ Фонъ-Визинъ отозвался неблагопріятно, и его добросовѣстная оцѣнка справедлива. Не надобно, впрочемъ, забывать, что этотъ переводъ относится къ 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Но замѣчательно, что уже этотъ трудъ имѣлъ въ виду *исправленіе* нравовъ, съ одной стороны, и распространеніе научныхъ свѣдѣній, посредствомъ завлекательнаго разсказа, съ другой. Рейхель въ журналѣ своемъ такъ отозвался о предпріятіи Фонъ-Визина: „Великой благодарности достойны переводчики, когда употребляютъ они время свое на такія книги, кои служатъ къ распространенію ученія и которыя вообще полезны для свободныхъ наукъ". Кажется, ту же пользу свободныхъ наукъ имѣлъ въ виду Фонъ-Визинъ, печатая *Любовь Кариты и Полидора* (1763). Какъ переводомъ „Сифа" думалъ онъ познакомить читателей съ Египтомъ, такъ переводъ „Кариты" долженъ былъ перенести ихъ въ Грецію. Слогъ новаго перевода еще слабѣе, чѣмъ въ предыдущихъ. Для доказательства приведемъ изъ него одно мѣсто:

„Уже наступало время, въ которое Гименъ долженъ былъ ихъ соединить. День тотъ назначили быть назавтрее праздника Нептунова. Всякій ожидалъ его съ нетерпѣливостію. Пизистратъ находилъ въ бракѣ ихъ помощь и утѣшеніе своей старости. Стеропа чувствовала оживляющіяся тѣ невольныя движенія, кои рождаетъ сходство и въ коихъ принимаетъ всегда участіе чувствительная душа. Новое веселіе приводило Кариту и Полидора въ восхищеніе. Удивленные своимъ благополучіемъ, говорили они сами, будучи въ восторгѣ: возможно-ль еще болѣе умножиться дружеству, которое насъ соединяетъ?... Тогда ожидали только минуты брачныхъ обрядовъ: пріуготовленія продолжались не далѣ; они не имѣли друзей для посѣщенія. Несчастіе никогда ихъ не сохраняетъ, сверхъ того, могли ли они любить предмѣтовъ (sic!) постороннихъ? Возможно-ль было имъ чувствовать иныхъ склонностей, кромѣ тѣхъ, которыя всѣхъ

ихъ между собою обязали? Смущенныя сердца ихъ только одни соединялись и едва имъ доставали" [1]).

Въ первыхъ, неоригинальныхъ, трудахъ Фонъ-Визина замѣтно сильное присутствіе сентиментальности: она есть въ *Каритѣ*, есть и въ повѣсти *Сидней и Силли*, имъ переведенной. Повидимому, такой колоритъ мало могъ гармонировать съ сатирическою настроенностью Фонъ-Визина; но нетрудно замѣтить, откуда онъ взялся. Въ героѣ послѣдней повѣсти—Сиднеѣ выставленъ какой-то идеально-добродѣтельный человѣкъ, а въ Силли, другомъ дѣйствующемъ лицѣ повѣсти, человѣкъ, котораго несчастія ожесточили противъ людей, заставили бросить любимую имъ дѣвушку и бѣжать изъ Европы въ Америку. Здѣсь встрѣчаетъ его Сидней, возвращаетъ ему отца, котораго онъ считалъ погибшимъ, отправляется съ нимъ въ Парижъ, соединяетъ Силли съ любимою имъ Юліею и окружаетъ счастьемъ и довольствомъ семью ихъ. Въ повѣсти замѣтны претензіи на эффектъ, много сценъ слезныхъ, чувствительныхъ. Впрочемъ, сентиментальность въ первыхъ переводахъ Фонъ-Визина объяснить нетрудно. Онъ былъ тогда въ томъ возрастѣ, который по своему характеру наклоненъ къ ней; онъ былъ, съ другой стороны, въ такомъ же положеніи, въ какомъ Силли къ своей Юліи. На это ясно указываетъ посвященіе перевода „Госпожѣ . . .". „Слѣдуя волѣ твоей (говоритъ Фонъ-Визинъ), перевелъ я Сиднея, и тебѣ приношу переводъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ ли хвалить его другіе? лишь бы онъ понравился тебѣ. *Ты одна всю вселенную для меня составляешь*" [2]). Неудивительно, что въ этомъ періодѣ жизни Фонъ-Визинъ могъ сочувствовать тѣмъ картинамъ, которыя представляетъ переведенная имъ повѣсть.

Слѣды сентиментальности остались и на первой комедіи Фонъ-Визина — *Коріонѣ*. Приговоръ, произнесенный надъ нею княземъ Вяземскимъ, слишкомъ строгъ и, по нашему крайнему разумѣнію, не вполнѣ оправдывается историческими данными. Онъ говоритъ: „Въ Коріонѣ, *переводѣ* комедіи или драмы Грессета „Сидней", стихъ нѣсколько тверже и правильнѣе; но все нѣтъ слѣдовъ дарованія стихотворческаго. Самый выборъ несчастливъ или слишкомъ смѣлъ". Но не надобно забывать, что комедія эта была писана около того же времени, къ которому относятся и первые переводы Фонъ-Визина. Кромѣ того, „Коріонъ" не есть переводъ „Сиднея", какъ говоритъ князь Вяземскій, а передѣлка послѣдней драмы, переложеніе ея на русскіе нравы. Это можно замѣтить съ перваго взгляда: многія дѣйствующія лица „Сиднея" у Фонъ-Визина исчезли, имена

---

[1]) Любовь Кариты и Полидора. Переведена съ французскаго. Печатана въ Санктпетербургѣ, 1763, въ 16-ю дл., стр. 16—18.

[2]) Этимъ посвященіемъ объясняются слѣдующіе сатирическіе стихи Хвостова въ его *Посланіи къ творцу посланія*:

А твой другой Сидней не есть ли намъ доводъ,
Что дружбѣ сдѣлалъ ты удобенъ переводъ.

въ „Коріонѣ“ измѣнены, роль крестьянина, конечно, нельзя назвать сколкомъ съ французской пьесы. Отдавая „Коріону“ превосходство надъ „неудачными совмѣстниками по стихотворству“, князь Вяземскій прибавляетъ, что Фонъ-Визинъ не отдавалъ драматическихъ стихотвореній своихъ ни на сцену, ни въ печать [1]). Но вотъ какое замѣчательное извѣстіе находимъ въ предисловіи къ „Награжденному постоянству“, комедіи Лукина: „Три въ прошломъ годѣ (1764) представленныя комедіи: *Французъ Русской, Коріонъ* [2]) и *Награжденная добродѣтель* вытерпѣли жестокое нападеніе, и хотя оное совсѣмъ неосновательно было; однако многихъ поборниковъ по себѣ имѣло. Словомъ: ничто не могло удержать ядовитой зависти, на нихъ вооружившейся, *не только удовольствіе многихъ зрителей, ниже благоволеніе отъ двора оказанное*“ [3]). Лукинъ не берется оправдывать Фонъ-Визина, потому что онъ „имѣетъ больше его способности и знанія“. Отзывъ современника показываетъ, что для того времени и „Коріонъ“ имѣлъ значеніе. Наши первые комики почти исключительно держались заимствованіями, передѣлкою иностранныхъ комедій на русскіе нравы. У Сумарокова можно, конечно, замѣтить нападки на пороки и предразсудки чисто-русскіе, но эти нападки не выдвигаются на первый планъ, а остаются какимъ-то страннымъ эпизодомъ; съ другой стороны, они затрогиваютъ немногія стороны русскаго общества и часто отзываются личностями, которыя прямо вылились изъ горячаго, задорнаго характера Сумарокова. Вообще же въ его комедіяхъ очень мало русскаго. Другой изъ нашихъ старыхъ комиковъ, Лукинъ, человѣкъ не безъ дарованія, шелъ сначала по слѣдамъ Сумарокова. Онъ прямо говоритъ, что „заимствовать необходимо надлежитъ: мы на то рождены“. „Нынѣ такой вѣкъ, что и во всемъ свѣтѣ тѣ лишь знатными писателями и называются, которыя лучше прочихъ выкрадутъ и искусненько прикрывши выдадутъ за свое сочиненіе“ [4]). Слова очень понятныя, особенно, если примѣнить ихъ къ русской литературѣ того времени. Комикамъ нашимъ открывались двѣ дороги: имъ приходилось или просто переводить иностранныя комедіи, или подражать имъ; создать вдругъ свое, оригинальное, создать какъ бы изъ ничего—невозможно. Въ самыхъ подражаніяхъ можно опять замѣтить нѣсколько степеней. Сумароковъ давалъ дѣйствующимъ лицамъ своихъ комедій иностранныя имена, которыя непріятно должны были поражать русское ухо; эта чуждая внѣшность соотвѣтствовала вполнѣ и образу дѣйствія, характеру лицъ, которыя расплывались въ общіе, неясные образы, потому что были скол-

---

[1]) Фонъ-Визинъ, соч. кн. Вяземскаго, стр. 270. [Соч., V, стр. 175].

[2]) „Изъ дѣлъ (oeuvres) господина Грессета, гдѣ она подъ именемъ Сиднея всему ученому міру извѣстна: *передѣлана* и переименована Фонъ-Визинымъ“ *(Замѣч. Лукина)*. [Соч. 1868 г., стр. 113].

[3]) Сочиненія и переводы Владиміра Лукина, часть II, 1765, стр. IX—X.

[4]) Ibid., часть I, стр. 154. [Соч. 1868, стр. 83].

ками съ французскихъ комедій. Лукинъ силится уже отказаться отъ простыхъ заимствованій, освободиться отъ безусловнаго пристрастія къ французскимъ комедіямъ. „Я буду, говоритъ онъ, всѣ шуточныя театральныя сочиненія всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого исправленія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ. Тому причиною, что они слышатъ *Парижъ*, *Версалію*, *Тюльлеріи* и прочіе, для многихъ изъ нихъ, незнакомые реченіи, да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только не свойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но что они и одѣты въ незнакомые имъ одежды“ [1]). Лукинъ дѣлаетъ шагъ впередъ, но эта первая попытка еще слаба. Изъ его же собственныхъ словъ видно, что ему бросалась больше въ глаза внѣшность комедіи (одежды, реченія), не гармонировавшая съ русской жизнію. И вотъ во всѣхъ почти комедіяхъ своихъ (кромѣ „Мота“) онъ самъ, проповѣдникъ необходимаго согласія комедіи съ общественною жизнію народа, онъ самъ является подражателемъ французовъ! Лукинъ не нашелъ, что содержаніе комедіи дается жизнію общества, и что переложеніе чужихъ комедій на русскіе нравы есть ложь: по его мнѣнію, „ступивши къ такому преложенію, можно украсить цѣлое сочиненіе и другимъ пользу сдѣлать“. „Коріонъ“ Фонъ-Визина относится къ одной категоріи съ комедіями Лукина; въ немъ также русскаго—одна только внѣшность, и то не вполнѣ. Но какъ комедіи Лукина составляютъ въ исторіи нашей литературы переходъ отъ простыхъ заимствованій къ комедіямъ оригинальнымъ, такъ и „Коріонъ“ Фонъ-Визина есть какъ бы переходъ отъ его переводовъ къ той оригинальной комедіи, имя которой слилось съ его именемъ, и о которой мы скажемъ ниже.

Толки о заимствованіяхъ Фонъ-Визина не новость въ русской литературѣ. Собравъ указанія на нихъ своихъ предшественниковъ и прибавивъ нѣсколько своихъ, князь Вяземскій имѣлъ полное право замѣтить, что нашъ писатель былъ не врагъ заимствованій. Мы прибавимъ еще нѣсколько указаній на заимствованія, нами замѣченныя. Странно, они есть тамъ, гдѣ бы всего менѣе можно было ожидать ихъ, въ „Опытѣ Россійскаго сословника“. Здѣсь многія опредѣленія просто приведены изъ „Synonymes François“ Жирара. Возьмемъ для примѣра слѣдующее мѣсто:

„*Безпорочность* поставляетъ себѣ правиломъ не дѣлать того другому, чего бы не пожелалъ себѣ. *Добродѣтель* распространяетъ сіе правило гораздо далѣе, и велитъ дѣлать то другимъ, чего бы пожелалъ себѣ“.

„Ne faites point à autrui ce que vous ne voudriez pas qui vous fût fait“. L'observation exacte et précise de cette maxime fait *la probité*. „Faites à autrui ce que vous voudriez qui vous fût fait“. Voilà *la vertu*“.

„Состоянія людей такъ многообразны, что при различеніи *добродѣ-*

[1]) Ibid., ч. II, стр. XV—XVI. [Соч. 1868 г., стр. 115].

тели отъ безпорочности, необходимо надобно разсмотрѣть внимательно, какой человѣкъ, въ какое время и въ какихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ доброе дѣло".

„En distinguant la *vertu* et la *probité*, en observant la différence de leur nature, il est encore nécessaire, pour connoître la prix de l'une, et de l'autre, de faire attention aux circonstances".

„Иногда *безпорочность* достойна похвалы гораздо больше, нежели самая *добродѣтель*. Богатый человѣкъ, не разстраивая ни мало своего состоянія, помогъ бѣдному нѣкоторымъ подаяніемъ" и т. д.

„Il y a tel homme dont la *probité* mérite plus d'éloge que la vertu d'un autre. Un homme, au sein de l'opulence, n'aura-t-il que les devoirs, les obligations de celui qui est assiégé par tous les besoins?" etc. [1]).

Въ письмахъ Фонъ-Визина къ сестрѣ изъ втораго путешествія есть заимствованія изъ журнала того времени (1783): „Litteratur und Völkerkunde". Отсюда переведены большею частью описанія итальянскихъ городовъ. Разсказъ о Пизѣ весь взятъ изъ статьи, напечатанной въ этомъ журналѣ. Приведемъ для доказательства нѣсколько отрывковъ:

„Если вспомнить древнюю исторію, кто были Пизане и какую роль игралъ этотъ народъ въ свѣтѣ, то нельзя не придти въ уныніе, видя суетность мірскихъ дѣлъ. И теперь окружность города превеликая; но пустота ужасная и улицы заросли травою".

„Man kann Pisa nicht ohne Rührung betrachten. Eine so alte, ehmals so reiche. mächtige und volkreiche Stadt nunmehr zu dem Grade der Niedrigkeit gesunken, dass sie eine arme Provinzialstadt eines kleinen Staats geworden ist. Der Umfang der Stadt ist sehr beträchtlich, allein die Bevölkerung derselben beträgt nur 18.000 Seelen, daher die Strassen leer und öde sind, und auf vielen das Gras wächst".

„Въ Пизѣ есть университетъ, но Богъ знаетъ, что тутъ дѣлаютъ; профессоры кромѣ итальянскаго языка не знаютъ и совершенные невѣжды во всемъ томъ, что за Альпійскими горами дѣлается; есть изъ нихъ такіе чудаки, которые о Лейбницѣ вовсе не слыхивали".

„Es ist hier auch eine Universität, die eine Menge Professores hat; allein man hört nicht viel von ihren Arbeiten. So gelehrt sie auch in einigen Fächern seyn mögen, so barbarich unwissend sind sie in Allem, was jenseit der Alpen vorgeht. Ich habe hier mit einem Bücherschreibenden Professor der Mathematique gesprochen, der nie etwas *von unserm* Leibnitz weder gehört noch gelesen hatte" [2]).

Пожалѣемъ, что въ изданіи г. Смирдина нѣтъ писемъ Фонъ-Визина

---

[1]) Synonymes François, par Girard, Nouv. édit. 1802, tome II, № 257, p. 261—265.

[2]) Статья упомянутаго нами журнала перепечатана была въ St.-Petersburgische Bibliothek der Journale, welche in Russland, Deutschland, England, Frankreich und Schweden herauskommen, December 1783, p. 93—96.

изъ третьяго и четвертаго путешествія, напечатанныхъ въ сочиненіи князя Вяземскаго и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1829 года. Выпишемъ изъ послѣдняго журнала письмо изъ Карльсбада (27 мая ст. ст. 1787 г.).

„Поздравляю тебя, матушка сестрица, съ завтрашнимъ днемъ имениъ твоихъ, а брата Павла Ивановича со днемъ рожденія. Я положилъ $^2/_{13}$ выѣхать изъ Карльсбада въ Трентчинъ, гдѣ пробывъ недѣли три, или много четыре, поѣду прямо въ Россію, чтобъ въ Августѣ увидѣться съ вами. Я, конечно, въ Трентчинъ охотно бы не поѣхалъ, но ѣду за тѣмъ, чтобы послѣ самому себя не упрекать, пропустя случай возвратить руку, ногу и языкъ, *безъ чего истинно жизнь моя мнѣ въ тягость*. Надѣюсь, что карльсбадскія воды меня очень хорошо очистили и къ Трентчинскимъ банямъ приготовили.—Здѣсь, матушка, людей превеликое множество: по сіе число пріѣхало 56 фамилій, и всякій день пріѣзжаетъ великое множество. Еслибъ я здоровъ былъ, то было бы мнѣ очень весело. Сожалѣю только, что изъ русскихъ никого нѣтъ. Въ будущую середу разстанусь съ Карльсбадомъ. Боже, дай, чтобъ Трентчинское путешествіе было мнѣ съ пользою и чтобы меня въ Августѣ вы увидѣли здороваго“ [1]).

Мы видѣли, какое значеніе имѣетъ „Коріонъ“ въ литературной дѣятельности Фонъ-Визина. Въ „Недорослѣ“ авторъ не забылъ еще своей методы заимствованій; но здѣсь они касаются частностей, а не общаго колорита пьесы. Припомните, напр., отзывъ Простаковой о географіи; онъ взятъ изъ „Jeannot et Colin“ Вольтера. Тамъ маркизъ спрашиваетъ учителя, нельзя ли сыну его пройти географію? „Къ чему будетъ ему оная служить,—отвѣчалъ учитель.—Когда господинъ маркизъ поѣдетъ куда, извощики не будутъ ли знать дороги? Они, конечно, не заплутаются въ пути“. Мы привели это мѣсто по переводу, напечатанному въ „Трудолюбивомъ Муравьѣ“, еженедѣльникѣ 1771 года. Мы думаемъ, что наши старые сатирическіе журналы имѣютъ тѣсную, несомнѣнную связь съ старою комедіей; они составляютъ богатый, краснорѣчивый комментарій къ комедіямъ, черпавшимъ содержаніе изъ русской дѣйствительности; что комикъ осмѣивалъ на сценѣ, что сатирикъ хлесталъ въ сатирѣ, то же самое выводили на показъ безыменные сотрудники „Трутня“, „Всякой всячины“, „Живописца“ и т. п. Поэтому журналы сатирическіе могутъ объяснить тѣ живые намеки на современность, которые безъ этого ключа оставались бы мертвыми и лишенными прямаго смысла. Приведу одинъ осязательный примѣръ. Въ извѣстной комедіи „О, время!“ Мавра говоритъ Непустову: „Когда вы на ней (Христинѣ) женитесь и будете ее любить, то хотя она *ни болванчикомъ*, ни mon mari называть васъ не станетъ, однако, конечно, стараться будетъ вамъ угождать“ [2]).

---

[1]) „Отечественныя Записки“, изд. П. Свиньинымъ, ч. XL, № 115, ноябрь 1829, стр. 179—180. [Сочиненія Фонъ - Визина, изд. 1866 г., стр. 504. Здѣсь помѣщена вся переписка Фонъ-Визина].

[2]) Сочиненія Императрицы Екатерины II, изд. Смирдина, т. II, стр. 30.

Намъ можетъ показаться страннымъ выраженіе *болванчикъ*: какимъ образомъ можно поставить женѣ въ вину, что она не называетъ мужа болванчикомъ? „Живописецъ“, сатирическое изданіе Новикова, рѣшаетъ наше недоумѣніе. Напечатанный въ немъ *Словарь моднаго щегольскаго нарѣчія* говоритъ, что „щеголихи откинули положительный степень болвана и превосходительный болванища, а вмѣсто тѣхъ въ свое нарѣчіе приняли въ уменьшительномъ степени болванчика; и чтобы болѣе ввесть сіе слово въ употребленіе, то разсудили симъ наименованіемъ почтить любовника и любовницу“ [1]. Почти каждую русскую черту комедій Фонъ-Визина можно провѣрить старыми журналами: хотите ли вы узнать состояніе крестьянъ Простаковыхъ, Скотининыхъ,—прочтите „Отрывокъ изъ путешествія“ въ „Живописцѣ“; хотите ли познакомиться съ образомъ воспитанія Митрофанушекъ того времени,—обратитесь въ томъ же „Живописцѣ“ къ письмамъ, въ которыхъ говорится объ этомъ; хотите ли узнать что-нибудь о тѣхъ верхоглядахъ, которые, побывавши за границею, думаютъ, что они-то пріобрѣли всю человѣческую мудрость,—обратитесь къ сатирическимъ вѣдомостямъ „Трутня“; хотите ли, наконецъ, познакомиться съ лицомъ совѣтника (въ „Бригадирѣ“),—прочтите въ „Живописцѣ“ разсказъ о старомъ лицемѣрѣ. Но мы оставимъ пока эту интересную, нетронутую сторону нашихъ старыхъ журналовъ; современемъ мы возвратимся къ ней, чтобы разсмотрѣть ее во всей полнотѣ.

Не одно содержаніе нашихъ старыхъ журналовъ можетъ многое объяснить въ русской комедіи; самая форма, въ которую облекалось оно, не осталась безъ вліянія на комедію. Форма статей здѣсь большею частью эпистолярная: лицо, выводимое какъ представитель какого-нибудь порока, обыкновенно въ мнимомъ письмѣ къ издателю само себя рисуетъ, разоблачаетъ себя до послѣдней подробности, какъ бы не разумѣя, что есть въ немъ пошлаго и ненормальнаго. За этимъ откровеннымъ объясненіемъ слѣдуетъ обыкновенно наставленіе дидактическое. Можетъ быть, манера эта не слишкомъ замысловата, но она больше завлекаетъ, чѣмъ сухая мораль, безъ всякихъ прикрасъ. Такого рода статьи всего ближе сравнить съ баснею: письмо какой-нибудь щеголихи замѣнитъ разсказъ, а отвѣтъ издателя будетъ нравоученіемъ. Но въ журнальныхъ статьяхъ нравоученіе откалывается отъ разсказа, а не выходитъ изъ него какъ бы непосредственно. Разумѣется, живую сторону ихъ составляетъ колкое сатирическое письмо, а не утомительная мораль. То же можно сказать и о комедіяхъ Фонъ-Визина. Среди бойкихъ картинъ времени встрѣтишь и Стародумовъ, этихъ замаскированныхъ издателей журналовъ, читающихъ свою мораль. Живой смыслъ и значеніе остаются, конечно, за сатирическими очерками времени, какъ и въ журналахъ; въ резонерствѣ же Стародума замѣтна та же тактика, которая проявляется въ журнальныхъ нравоученіяхъ. И какъ послѣднія

---

[1]) „Живописецъ“, 1-е изданіе, листъ 10, стр. 79. [Изд. 1864 г., стр. 65].

откалываются отъ цѣлаго и являются вялыми послѣ трепещущей жизнью сатиры, такъ и разговоры Стародума (особенно съ Софьею) выдѣляются изъ всей занимательной картины какими-то угловатыми эпизодами: зрители скользятъ по нимъ и утомляются; это лучше всего доказало послѣднее представленіе „Недоросля“ на Московской сценѣ.

Разумѣется, та часть комедіи, въ которой Фонъ-Визинъ выводитъ не порокъ, а резонирующихъ Стародумовъ,—эта часть мало могла найти себѣ матеріала въ дѣйствительной жизни и не совсѣмъ прочно вязалась съ остальными частями. И вотъ мы видимъ весьма замѣчательное явленіе: эта пришлая безцвѣтная сторона резонерства часто цѣликомъ перенесена изъ сентенцій иностранныхъ писателей. Напримѣръ, не совсѣмъ умѣстный на сценѣ разговоръ Милона и Стародума о различіи между храбростью и неустрашимостью взятъ изъ Ларошфуко. Въ 218, 219 и 220 мысляхъ объяснено значеніе слова *valeur*, въ 222—значеніе *intrépidité*. Разговоръ Стародума съ Правдинымъ въ началѣ третьяго дѣйствія мѣстами составленъ изъ чужихъ отрывочныхъ замѣтокъ, что̀ можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія.

Правдинъ. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стародумъ. Любопытна. Первое показалось мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе.

„Il y a, pour arriver aux dignités, ce qu'on appelle la grande voie ou le chemin battu: il y a le chemin détourné ou de traverse qui est le plus court“ [1]).

„Cependant on n'arrive à ses fins que par des chemins couverts et de traverse, disposés de manière que la voie la plus droite n'est pas toujours la plus courte“ [2]).

Правдинъ. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Стародумъ. А такова та просторна, что двое встрѣтясь разойтиться не могутъ. Одинъ другаго сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже того, кто на землѣ.

„Ce sentier est si étroit qu'un ambitieux ne sauroit y faire son chemin sans renverser l'autre. Le malheur est que ceux qui sont sur leurs pieds ne relèvent guère ceux qui sont tombés“ [3]).

---

1) Les caractères, par la Bruyère, chap. VIII.

2) Oeuvres choisies de Dufresny, II, p. 210.

3) Oeuvres choisies de Dufresny, II vol., 210. Князь Вяземскій говоритъ: „Мы слышали отъ старожиловъ литературы нашей, что въ роли Стародума встрѣчаются еще мозаическія вставки изъ какой-то старинной повѣсти, въ коей описаны приключенія американца, или какого-то дикаго. Изъ любви къ истинѣ и въ званіи присяжнаго біографа мы рылись въ нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ, но не нашли слѣдовъ къ подтвержденію сей улики“. Въ словахъ литературныхъ старожиловъ есть ошибка. Фонъ-Визинъ бралъ нѣкоторыя мѣста изъ сочиненія Дюфрени „Les amusements sérieux et comiques“.

Повторимъ, что заимствованія въ „Недорослѣ" не касаются общаго колорита комедіи и, по нашему мнѣнію, объясняются вполнѣ направленіемъ времени, когда въ модѣ были моральныя сочиненія. Доказывать, что „Недоросль" произведеніе оригинальное, живое выраженіе эпохи, было бы смѣшно и излишне. Но любопытенъ отзывъ о немъ одного современника, находящійся въ „Драматическомъ Словарѣ". Приведемъ его: „*Недоросль*". Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе г. Фонъ-Визина, представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ, сентября 24 дня 1772 г., нащотъ перваго придворнаго актера г. Дмитревскаго; въ которое время несравненно театръ былъ наполненъ и публика аплодировала піесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы игралъ бывшей придворной актеръ г. Шумской къ несравненному удовольствію зрителей; а на Московскомъ театрѣ роль сія представлена вольнымъ Московскаго театра актеромъ г. Ожогинымъ также къ совершенной забавѣ публики. Сія комедія, наполненная замысловатыми изрѣченіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, *гдѣ каждой въ своемъ характерѣ изрѣченіями различается*, заслужила вниманіе отъ публики" [1]). Въ заключеніе прибавимъ нѣсколько чисто библіографическихъ замѣчаній.

Въ изданіе г. Смирдина не внесена одна (впрочемъ незначительная) эпиграмма Фонъ-Визина, напечатанная въ альманахѣ Ѳедорова „Памятникъ отечественныхъ музъ".

Начало жизни графа Панина, перепечатанное изъ книжки, изданной въ Петербургѣ въ 1787 году (у Гека), писано также Фонъ-Визиномъ, потому что книжка, на которую ссылается издатель, есть переводъ [2]) съ того же сочиненія Фонъ-Визина, составленный Дмитріевымъ; извѣстно, что Фонъ-Визинъ написалъ біографію Панина прежде на французскомъ языкѣ. Князь Вяземскій догадывается, что приписываемая Фонъ-Визину „Жизнь нѣкоего мужа" написана Олсуфьевымъ, а не имъ. Къ тому же приводятъ и библіографическія соображенія. Ни на одномъ изданіи этого сочиненія нѣтъ имени Фонъ-Визина; съ другой стороны, уже по смерти его та же самая брошюра вышла подъ другимъ заглавіемъ, съ дополненіями и измѣненіями. Откуда же могли они взяться, когда авторъ былъ въ могилѣ? Развѣ новое изданіе печаталось съ рукописи, имъ исправленной? Но объ этомъ нѣтъ извѣстій въ самомъ сочиненіи.

Авторъ представляетъ какъ бы путешествіе свое по свѣту въ сообществѣ съ Сіамцемъ. Кажется, этотъ Сіамецъ и подалъ поводъ къ тому преданію литературному, о которомъ упоминаетъ Вяземскій. Впрочемъ, еще въ 1811 году было сказано, что Фонъ-Визинъ заимствовалъ нѣкоторыя мѣста изъ Дюфрени, но не указано, изъ какого сочиненія. См. „Вѣстн. Европы", 1811. № 15, стр. 215.

[1]) Драматическій Словарь. Москва, 1787, стр. 88—89.

[2]) Сначала онъ былъ напечатанъ въ изданіи Туманскаго „Зеркало Свѣта".

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О Н. И. НОВИКОВѢ И ЧЛЕНАХЪ КОМПАНІИ ТИПОГРАФИЧЕСКОЙ [1]).

Печальная катастрофа 1792 года, которая въ конецъ разрушила литературную дѣятельность Новикова и его ученыхъ друзей и потрясла въ самыхъ основаніяхъ книжную торговлю въ Москвѣ, до сихъ поръ извѣстна была только въ общихъ и блѣдныхъ чертахъ. Документы, сообщаемые Д. И. Иловайскимъ, проливаютъ на нее яркій свѣтъ. Перечитывая эти криминальные памятники недалекаго отъ насъ прошедшаго, видимъ, какими громадными предпріятіями двигалъ Новиковъ и его ученые друзья и какихъ ничтожныхъ интригъ со стороны Прозоровскаго достаточно было, чтобы разрушить ихъ мгновенно.

Императрица давно съ неудовольствіемъ смотрѣла на дѣятельность Новикова. Недобрые замыслы предполагала она въ этомъ вліятельномъ членѣ таинственнаго масонскаго кружка. Въ декабрѣ 1785 года Ека-

[1]) Статья эта представляетъ предисловіе къ документамъ, сообщеннымъ Д. И. Иловайскимъ въ V томѣ „Лѣтописей русской литературы и древностей“.—Н. С. Тихонравовъ много занимался Новиковымъ. Еще будучи студентомъ, онъ прочелъ у проф. Шевырева рефератъ о Новиковѣ (отчетъ М. унив. за 1852—53 г., стр. 10); въ 1854 г. имъ составлено было жизнеописаніе Новикова для біографической „Лѣтописи (или „Словаря“) питомцевъ Московскаго университета“: во время приготовленія этого изданія у Тихонравова происходили разныя недоразумѣнія съ редакторомъ „Лѣтописи“, проф. Шевыревымъ, какъ видно изъ ихъ переписки, и Тихонравовъ, между прочимъ, просилъ не печатать его статьи о Новиковѣ, такъ какъ онъ думаетъ переработать ее въ диссертацію (см. статью А. Н. Пыпина). Статья все-таки напечатана, но „Лѣтопись“ не была окончена и не вышла въ свѣтъ. Тихонравовъ продолжалъ работать надъ Новиковымъ; въ отчетѣ Моск. университета 1858 г. упомянуто, что Тихонравовъ занимается изслѣдованіемъ о Новиковѣ, а въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1858 г. (№ 6, стр. 162) редакторъ А. Н. Аѳанасьевъ, печатая свою статью о Новиковѣ, замѣтилъ: „Полная и отчетливая біогра-

терина II, „въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги“, повелѣла „испытать его въ законѣ нашемъ“, книги, изданныя имъ, разсмотрѣть и, наконецъ, всѣ городскія школы и больницы отдать въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія. Въ исполненіе этихъ Высочайшихъ повелѣній тогдашній московскій гражданскій губернаторъ П. В. Лопухинъ представилъ императрицѣ слѣдующее донесеніе [1]):

„Всемилостивѣйшая Государыня!

„Два Высочайшіе Вашего Императорскаго Величества указа отъ 23 дня генваря имѣлъ счастіе получить: *первой* объ изъясненіи содержателю типографіи Новикову, что типографіи учреждены для заведенія книгъ, обществу полезныхъ и нужныхъ, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ; а какъ изъ его, Новикова, типографіи вышло не малое количество таковыхъ книгъ, то, чтобъ его допросить о причинахъ, побудившихъ къ изданію тѣхъ сочиненій и въ какомъ намѣреніи имъ то дѣлано было; *второй*, о вѣденіи Приказу Общественнаго Призрѣнія всѣхъ школъ и больницъ, въ городѣ состоящихъ, исключая только тѣхъ, кои особыми привиллегіями или жалованными грамотами снабдѣны или повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества поручены особому правленію духовному или свѣтскому, и объ осмотрѣ заведенной въ Москвѣ больницы отъ составляющихъ скопища извѣстнаго новаго раскола, равно буде отъ онаго заведенія какія школы, то объ освидѣтельствованіи оныхъ во всей подробности и о наблюденіи, чтобъ школы не инако учреждаемы были, какъ подъ начальствомъ Приказа Общественнаго Призрѣнія.

фія Новикова требуетъ еще многихъ трудовъ и поисковъ; намъ пріятно сообщить, что въ настоящее время надъ этою задачею работаетъ г. Тихонравовъ, съ прекрасными статьями котораго по исторіи русской словесности публика давно знакома“. Эта работа не была, однако, окончена Тихонравовымъ, но онъ напечаталъ немало матеріаловъ для біографіи знаменитаго дѣятеля прошлаго вѣка: „Вопросные пункты, предложенные Н. И. Новикову митрополитомъ Платономъ, и письма послѣдняго къ императрицѣ Екатеринѣ II“ („Лѣтописи р. л. и др.“, I, о. II, 25—28); „Отрывокъ изъ письма племянника Н. И. Новикова къ А. И. Тургеневу“ (ibid., стр. 106—107); Письмо Новикова (ibid., 107—108); въ томѣ V того же изданія перепечатываемое здѣсь предисловіе къ „Новымъ свѣдѣніямъ о Новиковѣ“; „Записки И. Г. Шварца“ (ibid., 96—110). Въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., № 9, стр. 457—467, помѣщено сообщеніе Тихонравова—„Николай Ивановичъ Новиковъ въ его перепискѣ съ княземъ Н. Н. Трубецкимъ“. Кромѣ того, Тихонравовымъ были напечатаны двѣ библіографическія статьи, перепечатываемыя ниже.

Въ связи съ занятіями Новиковымъ стояло у Тихонравова изученіе Карамзина; см. ч. 1-ю тома III, примѣч. стр. 44.

[1]) Въ „Москвитянинѣ“ 1842 г., № 3, это донесеніе напечатано было съ большими пропусками. Мы помѣщаемъ его вполнѣ.

имѣли свое производство на основаніи общихъ законовъ, и чтобъ тутъ расколъ, праздность и обманъ не скрывалися.

„Вслѣдствіе сихъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшихъ повелѣній содержатель Новиковъ чрезъ управу благочинія сысканъ и представленъ въ губернское правленіе, гдѣ въ присутствіи, по изъясненіи ему, что типографіи учреждены для печатанія книгъ нужныхъ и полезныхъ, а не для того, чтобы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ, формально допрашиванъ: какъ изъ его типографіи вышло таковыхъ книгъ немалое число, то съ какимъ намѣреніемъ и по какимъ причинамъ оныя издавалъ? Который показалъ, что всѣ печатанныя книги въ его, Новикова, типографіи были представляемы имъ для разсматриванія опредѣленнымъ отъ правительства цензорамъ, по дозволенію коихъ и печаталъ, и почиталъ въ разсужденіи ихъ одобренія полезными, и при печатаніи книгъ другаго никакого намѣренія не имѣлъ, кромѣ пріобрѣтенія прибыли. Для легчайшаго-жь усмотрѣнія его показаніевъ, присемъ всеподданнѣйше подношу его, Новикова, подлинный допросъ.

„Касательно-жь до заведенія больницы и школъ отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола, то на сіе всеподданнѣйше имѣю счастіе донести, что оныхъ совершенно теперь нѣтъ, а пользовались прежде въ домѣ содержателя Новикова находящіеся при его типографіи работники, постороннихъ же для пользованія никого принимаемо не было. Нынѣшняго-жь году генваря съ 1 дня взято имъ для случающихся при типографіи больныхъ работниковъ изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія четыре годовыя кровати, и съ того времени въ его домѣ никто болѣе не пользуется, а ежели и сверхъ онаго числа случатся больные, то отсылаются въ публичныя больницы.

„Школы-жь и пенсіоны всѣ, сколько ихъ въ городѣ имѣется, еще прежде сего вслѣдствіе полученнаго отъ Вашего Императорскаго Величества къ господину Главнокомандующему Высочайшаго повелѣнія, опредѣленными отъ Преосвященнаго Московскаго, отъ Университета и отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія членами осматриваны и неспособные къ обученію учителя всѣ исключены, закону-жь обучать въ оныхъ дозволено единственно только тѣмъ, кои отъ Преосвященнаго Московскаго къ тому удостоены.

Въ прошломъ 1782 году при открытіи въ Москвѣ, съ дозволенія бывшаго г. Главнокомандующаго, Дружескаго Общества положено было въ ономъ содержать на囗 коштѣ того Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ по нѣскольку студентовъ, коихъ и содержалось до 30 человѣкъ и изъ нихъ каждому производилось въ годъ по 100 руб. и жили въ домѣ, принадлежащемъ профессору Шварцу, который надъ оными и надзиралъ. Присланы же были сіи обучающіеся по прошенію Общества отъ епархіальныхъ архіереевъ. Теперь же оныхъ осталось только 15 человѣкъ. А какъ содержатель

Новиковъ и его товарищи въ содержаніи оной состоятъ почти всѣ и въ Дружескомъ Обществѣ, то мною посыланъ былъ исправляющій должность Оберъ-Полиціймейстера Полковникъ Толь для осмотрѣнія жилища сихъ содержащихся на коштѣ Общества, кои имъ распрашиваны и показали всѣ единогласно: что содержутся они единственно на счетъ Общества, а обучаются въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Академіи наукамъ и богословіи; болѣе-жь нигдѣ и ничему не обучаются; на содержаніе-жь деньги получаютъ отъ Титулярнаго Совѣтника, князя Енгалычева, который надъ ними и присмотръ имѣетъ. Университета-жь Директоръ Господинъ Фонъ-Визинъ по призывѣ ко мнѣ объявилъ, что дѣйствительно оные воспитанники ходятъ обучаться въ Университетъ какъ по утру, такъ и пополудни, и что ему извѣстно, что отъ Общества Дружескаго препоручено имѣть смотрѣніе за оными профессору Университета Чеботареву. Впрочемъ, симъ осмѣливаюсь Ваше Императорское Величество удостовѣрить всеподданнѣйше, что въ Москвѣ теперь ни заведенныхъ школъ, кромѣ предуставленныхъ порядкомъ, ни больницъ, кромѣ казенныхъ, ниже какихъ непозволенныхъ законами собраній не состоитъ. Предая жь все сіе на благоразсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить на оное Вашего Высокомонаршаго повелѣнія.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ Петръ Лопухинъ".

„Генваря 30 дня
„1786 года".

Результатомъ этого осмотра было запрещеніе нѣсколькихъ масонскихъ книгъ.

Въ 1789 году долженъ былъ кончиться контрактъ Новикова съ университетомъ относительно арендованія имъ университетской типографіи. Императрица не хотѣла оставить послѣдней въ рукахъ „мартиниста, хуже Радищева", и 17 октября 1788 года дала московскому военному генералъ-губернатору Еропкину слѣдующее повелѣніе:

„Петръ Дмитріевичь!

„Подтверждаемъ и теперь прежнее Наше повелѣніе, чтобъ университетская типографія по истеченіи срока въ содержаніе Порутчику Новикову не была отдана, о чемъ Вы Кураторамъ Университета Московскаго объявите. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны.

Екатерина".

Дѣло 1792 года началось сомнѣніемъ, не была ли *Пращица* Питирима напечатана внѣ духовной типографіи, и не имѣлось ли церковныхъ буквъ въ типографіи Новикова.

Сдѣлавши о томъ (22 апр. 1792 г.) запросъ начальнику московской

типографской конторы Петру Вас. Гурьеву, московскій генералъ-губернаторъ князь А. А. Прозоровскій предписалъ въ то же время князю Жевахову изготовиться „близь города Никитска взять подъ присмотръ одного нужнаго человѣка“, а московскому губернатору Петру Лопухину приказалъ предписать „освидѣтельствовать находящіяся здѣсь разныхъ хозяевъ книжныя лавки: нѣтъ ли въ оныхъ такихъ книгъ, кои въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія въ продажу производить запрещено“. Почти во всѣхъ московскихъ книжныхъ лавкахъ найдены были запрещенныя масонскія книги. Книгопродавческія связи Новикова обнимали всѣхъ московскихъ торговцевъ книгами какъ русскими, такъ и иностранными. Книгопродавецъ Переплетчиковъ „съ 1789 г. торговалъ въ своей лавкѣ на Никольской получаемыми отъ Новикова книгами съ уступкою 20%; въ 1790 году Новиковъ взялъ его коммиссіонеромъ и посадилъ въ своей лавкѣ у Никольскихъ воротъ безъ всякаго письменнаго условія“. Прикащикъ Новикова Никита Кольчугинъ имѣлъ свою лавку въ Петербургѣ, гдѣ торговалъ Василій Степановичъ Сопиковъ. Кромѣ того, книгопродавцы Тимоѳей Полежаевъ, Никита Кольчугинъ, Матвѣй Глазуновъ и университетскій переплетчикъ Никита Водопьяновъ около 1785 года составили съ Новиковымъ условіе, чтобъ брать у него „всякой вновь выходящей, печатанной въ его типографіи книги по 50 экземпляровъ“, старыхъ сколько пожелаютъ, съ уступкою 20% или 30%. Но это условіе осталось безъ дѣйствія. Въ 1789 году Кольчугинъ взялъ у Новикова для продажи разныхъ книгъ 80,000 экземпляровъ. Торговавшіе иностранными книгами въ Москвѣ также находились въ сношеніяхъ съ Новиковымъ. Иностранныя книги послѣдній выписывалъ чрезъ книгопродавца Бибера; товарищъ Бибера и управлявшій продажею его книгъ Утовъ (Uthof?) получалъ отъ Новикова для продажи книги и хотя до начала слѣдствія уѣхалъ за границу, возвративши Новикову непроданныя книги, но Биберъ все-таки былъ призванъ къ допросу.

Такимъ образомъ, подъ слѣдствіе разомъ попали всѣ занимавшіеся книжною торговлей въ Москвѣ: „Утговъ, Биберъ, переплетчикъ Зандъ-Марка, Переплетчиковъ, Полежаевъ и прочіе производили продажу книгъ отъ Новикова съ компаніею“.

Самого Новикова держали въ его домѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Прозоровскій писалъ Жевахову: „Рецепты писать въ аптеку позволяйте доктору при себѣ, а по написаніи, взявъ оный подъ видомъ посылки въ аптеку, присылайте прежде въ мою канцелярію, а оттуда уже получая, отправлять оныя въ аптеку“. Въ засвидѣтельствованныхъ книжныхъ лавкахъ слѣдователи нашли книги запрещенныя [1]) и книги, на-

[1]) Сюда принадлежали: a) Избранная библіотека; b) Избранная библіотека для бѣдныхъ; c) О заблужденіяхъ и истинѣ; d) Хризомандеръ; e) Карманная книжка; f) Наука обращаться съ Богомъ; g) Правила христіанскаго воспитанія; h) Толкованіе на одиннадцать утреннихъ евангелій (книга, за-

печатанныя безъ указаннаго дозволенія [1]). Многія изъ книгъ показались слѣдователямъ подозрительными и отнесены въ число „напечатанныхъ безъ указаннаго дозволенія", повидимому, безъ всякой на то причины.

Конфисковавъ всѣ подозрительныя книги и запечатавъ книжныя лавки, Прозоровскій занялся разборомъ бумагъ, захваченныхъ въ деревнѣ Новикова, и результаты своихъ изслѣдованій постоянно сообщалъ императрицѣ. По настоянію Прозоровскаго, Новикова рѣшено было передать для дальнѣйшихъ допросовъ Шешковскому. Отправивши Новикова въ Шлиссельбургъ подъ сильнымъ конвоемъ и съ мельчайшими предосторожностями, Прозоровскій немедленно донесъ императрицѣ и прибавилъ: „Позвольте мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, объяснить Вашему Императорскому Величеству, какъ нѣтъ ли иногда въ предыдущихъ моихъ всеподданническихъ донесеніяхъ описки о типографіяхъ Новикова или компаніи ихъ. Типографія въ 20 станахъ была учреждена въ бывшемъ домѣ графа Гендрикова, который купя, они сдѣлали великую пристройку, да и прочія всѣ заведенія у нихъ были заведены въ томъ же домѣ, и ложа, или по ихъ храмъ, тамъ же была. А Иванъ Лопухинъ, какъ изъ усердныхъ его компаньяновъ, имѣлъ небольшую въ особомъ домѣ типографію, какъ многія книги и означены печатью оной типографіи. А наконецъ онъ Лопухинъ присоединилъ свою типографію въ Гендрикова домъ къ Новиковской или же къ компаніи. И такъ теперь существуетъ только одна, какъ вышеупомянулъ, въ бывшемъ домѣ гр. Гендрикова, который домъ весь запечатанъ и подробно пересматриванъ и нѣсколько нужныхъ къ свѣдѣнью оттуда взято бумагъ..... и въ которомъ находятся не малыя библіотеки. Типографія-жь работой остановлена впредь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества

прещенная именнымъ указомъ 1788 года); i) Опытъ подвига въ благочестіи; k) Новая Киропедія; l) Мессія, поэма; m) Апологія в. к.; n) 3-я часть проповѣдей Минятія; o) Братскія увѣщанія; p) Образъ житія Енохова; q) Священная сатира на суету міра или Экклисіастъ; r) Іоанна Арндта о истинномъ христіанствѣ; s) Изслѣдованіе философическихъ проповѣдей; t) Седмидневникъ Евдомадевхаріонъ; u) Судьба религіи. Всего полныхъ и по частямъ 5569 экземпляровъ.

[1]) Сюда отнесены были: 1) Иліотропіонъ или созерцаніе воли человѣческой съ волею божіею; 2) Священныя размышленія или бесѣды со Христомъ; 3) Священныя размышленія, ведущія къ исправленію христіанской жизни; 4) Наука благополучно умирать; 5) Разсужденіе о началѣ и концѣ и состояніи будущаго міра; 6) Надгробныя размышленія; 7) Житіе св. ГригоріяНазіанзина; 8) Бесѣды Василія Великаго; 9) Гарвоада радостныя мысли; 10) Драгоцѣнная меду капля изъ камня Христа; 11) Увѣщаніе къ христіанскому жизни препровожденію; 12) Филонъ Іудеянинъ о субботѣ; 13) Натура и благодать; 14) Христіанское нравоученіе; 15) Блаженнаго Августина единобесѣдованіе души съ Богомъ; 16) Бесѣды избранныя Іоанна Златоустаго; 17) Почерпнутыя мысли изъ Екклисіаста; 18) Таинственное путешествіе въ островъ добродѣтели; 19) Райскіе цвѣты въ седьми цвѣтникахъ; 20) О дѣвствѣ св. Іоанна Златоустаго; 21) Бесѣды Макарія Египетскаго; 22) Вѣра, надежда,

повелѣнія, а только аптека оставлена свободной въ продажѣ медикаментовъ, которая имѣетъ хорошее учрежденіе, какъ аптекарь у нихъ искусный въ дѣлѣ своемъ и сверхъ того надсматриваетъ надъ оной докторъ, ими нанятой..... Съ симъ всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству знатную часть бумагъ, взятыхъ у Новикова въ деревнѣ и въ домѣ его, въ Москвѣ, что прежде былъ гр. Гендрикова: въ нихъ важно, что на генеральной конвенціи въ Вольфенбютелѣ, гдѣ и герцогъ Брауншвейгскій присутствовалъ, отъ всѣхъ ложъ орденъ тампліеръ запрещается возобновлять, а здѣсь они 5-ю степень называютъ тампліиръ". Съ слѣдующей реляціей Прозоровскій отправилъ императрицѣ „нѣкоторые знаки ихъ секты" и прибавилъ въ заключеніе письма: „Прежде доносилъ я Вашему Величеству, что нашелъ только степени розовыхъ и золотыхъ крестовъ до 6-ти, а послѣ нашелъ до 8 степени, которую въ бумагахъ отправленныхъ найти изволите, равно и экстрактъ изъ секретной инструкціи".

16 мая Прозоровскій просилъ митрополита Платона „назначить изъ духовныхъ чиновъ двухъ персонъ, ученіемъ и разумомъ извѣстныхъ", чтобы прочесть рукописныя сочиненія и переводы и „сдѣлать замѣчанія, въ чемъ они не согласуютъ православной вѣрѣ или уставамъ церкви". Митрополитъ назначилъ ректора Академіи арх. Меѳодія и протопопа церкви Трехъ Святителей Василія Прокопіева.

Въ августѣ Прозоровскій, по желанію Шешковскаго, сдѣлалъ допросъ кн. Н. Н. Трубецкому, И. В. Лопухину и И. П. Тургеневу, за которымъ 11 августа отправленъ былъ въ Симбирскъ подпоручикъ Іевлевъ. Въ томъ же мѣсяцѣ этимъ тремъ лицамъ объявлено было Высочайшее повелѣніе немедленно выѣхать изъ столицы и жить въ дальнихъ своихъ имѣніяхъ. 29 августа Прозоровскій донесъ императрицѣ объ отъѣздѣ изъ Москвы кн. Трубецкаго и Тургенева и съ этимъ донесеніемъ препроводилъ къ ней статью „изъ бумагъ барона Шрейдера подъ литерою *А о призывѣ духовъ*". Прозоровскій не упустилъ при этомъ случаѣ замѣ-

---

любовь; 23) Іоанна Масона познаніе самого себя; 24) Христіанская философія или руководство къ небесамъ; 25) Діоптра или мірозрительное зерцало; 26) Покоящійся Трудолюбецъ; 27) Сочиненія Іоанна Бюніана; 28) Драгоцѣнная книжка о внутренней гордости; 29) Лучи мудрости, въ тип. Гиппіуса; 30) Богословское ученіе о состояніи неповрежденнаго человѣка, тип. Пономарева; 31) Ангола, индѣйская повѣсть, т. Пономарева; 32) Путешествіе Кировы; 33) Смерть и страданіе Іисуса Христа, въ т. Гиппіуса; 34) Посрамленный безбожникъ и натуралистъ, т Гиппіуса; 35) Христіанинъ — воинъ Христовъ; 36) Путь къ безсмертному сожитію ангеловъ, т. Гиппіуса; 37) Приключенія Теострика Иліебъ-розы, т. Пономарева; 38) Плоды трудовъ Галлера; 39) Щитъ противу боязни и смерти; 40) Златая книжица о прилѣпленіи къ Богу; 41) Лактанція Фирміана божественныя наставленія; 42) Утѣшительныя разсужденія; 43) Домъ молчанія; 44) Іоанна Мельхіора Гецена; 45) Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Тула, 1790 г.; 46) Собранные полезные цвѣты; 47) Свойства счастія; 48) Геройская добродѣтель или жизнь Сифа, 1781.

тить, что люди, которые даютъ подобнымъ вещамъ „видъ вѣроятія",— „безумцы или мошенники".

Въ то же время дѣятельно разсматривались особыми цензорами, Брянцевымъ и Геймомъ—отъ университета и другими—со стороны духовенства, книги во всѣхъ московскихъ книжныхъ лавкахъ. Прозоровскій далъ цензорамъ строгую инструкцію. Въ апрѣлѣ 1794 г. въ Гендриковскомъ домѣ была найдена новая палата съ книгами, которая при первомъ осмотрѣ не была отперта. Въ ордерѣ, данномъ по этому случаю цензорамъ, Прозоровскій говоритъ между прочимъ: „Но я при семъ случаѣ долгомъ поставляю напомянуть вамъ цензировать книги съ всеприлежнѣйшемъ вниманіемъ, какъ отъ каждаго требуетъ вѣрноподданническій долгъ. Изъ книгъ, вами не признанныхъ за непозволенныя, трагедія *Смерть Кесарева* весьма недостойна существовать". Вслѣдъ затѣмъ Прозоровскій предписалъ Курбатову (23 апрѣля 1794 г.), „чтобы въ число вредныхъ книгъ отложили Вы книгу подъ названіемъ *Размышленія о дѣлахъ Божіихъ*, также и двѣ трагедіи подъ названіемъ: первая *Смерть Цесарева* и вторая *Юлій Цесарь*". Такъ подвергся уничтоженію одинъ изъ лучшихъ трудовъ Карамзина—переводъ Шекспировой трагедіи *Юлій Цезарь*.

Результатомъ осмотра книжной собственности Новикова было то, что изъ принадлежавшихъ ему книгъ 1964 книги отданы были въ Академію, 5194—въ университетъ, 18656—сожжены.

Донесеніемъ 24 августа Прозоровскій испрашивалъ соизволенія императрицы „не отсылать книгопродавцевъ къ суду, а, обязавъ ихъ подписками, зачтя въ штрафъ четырехъ-мѣсячное запечатаніе книгъ, оныя повелѣть распечатать и имъ позволить производить продажу". Но вскорѣ Прозоровскій приказалъ московскому городскому магистрату „въ самой скорости сдѣлать надъ книгопродавцами рѣшеніе по законамъ". Въ магистратѣ нашлось одно лицо (младшій членъ онаго Захаръ Горюшкинъ, впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета), которое на основаніи дѣйствовавшихъ законовъ старалось доказать, что книгопродавцы за свою вину подлежатъ довольно легкому наказанію. Большинство членовъ магистрата было другаго мнѣнія. Сдѣлавши строгій выговоръ смѣлому адвокату московскихъ книгопродавцевъ, Прозоровскій сталъ ожидать Высочайшаго рѣшенія по ихъ дѣлу. 27 октября 1795 года преемникъ Прозоровскаго генералъ-губернаторъ Измайловъ просилъ увѣдомить его о Высочайшей волѣ относительно виновныхъ. По случаю рожденія в. кн. Николая Павловича имъ объявлено было помилованіе..... 11 ноября 1796 года императоръ Павелъ I повелѣлъ освободить Новикова изъ заключенія. Тургеневу, Лопухину, Трубецкому разрѣшенъ былъ въѣздъ въ столицы.

Новиковъ вышелъ изъ Шлиссельбургской крѣпости почти нищимъ. Долги его были неоплатны. На него со всѣхъ сторонъ посыпались взысканія.

„ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ О РОССІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ“ НОВИКОВА [1]).

Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. Санктпетербургъ. Въ тип. Ив. Глазунова. 1867. Въ 8-ю д. л. XII и 216 стр.

Г. Ефремовъ высказался въ самыхъ общихъ и неясныхъ выраженіяхъ о задачѣ и планѣ предпринятаго имъ изданія „Матеріаловъ для исторіи русской литературы“, первый выпускъ котораго недавно вышелъ въ свѣтъ. Вотъ слова издателя: „Всякому, желающему сколько-нибудь самостоятельно и серьезно заняться изученіемъ исторіи русской литературы, приходится *самому (?) разыскивать и собирать* необходимые для своихъ занятій матеріалы, разбросанные и почти затерянные въ разныхъ старинныхъ изданіяхъ. Работа эта, кропотливая и мелочная, отнимаетъ много времени, частію по недостатку указателей, частію по рѣдкости самыхъ изданій, съ которыми приходится имѣть дѣло. Желая по возможности облегчить трудъ будущихъ изслѣдователей исторіи русской литературы, я намѣренъ *собрать въ одномъ изданіи всѣ болѣе важные и существенно необходимые для нихъ матеріалы*“ (стр. 111). Трудно предположить, чтобы въ одномъ изданіи могли уложиться *всѣ болѣе важные и существенные матеріалы* для исторіи русской литера-

[1]) Статья эта напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1867 г., № 5, стр. 354—378, со слѣдующимъ замѣчаніемъ редакціи: „Несмотря на слишкомъ строгій приговоръ, произносимый г. Тихонравовымъ объ изданіи г. Ефремова, мы все-таки печатаемъ эту статью въ уваженіе матеріаловъ и соображеній, представленныхъ въ ней почтеннымъ авторомъ“.

Возраженіе П. А. Ефремова на эту статью см. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., № 11 (іюнь, кн. 1-я).—На то же изданіе была рецензія Л. Н. Майкова въ „Журн. М. Н. П.“ 1867 г., № 5.

туры, даже въ томъ случаѣ, если г. Ефремовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ журнальныхъ аристарховъ, которые увѣряли, что до Петра Великаго у насъ вовсе не было литературы. Для исторіи русской литературы одного прошлаго вѣка лежитъ въ архивахъ, въ библіотекахъ общественныхъ и частныхъ такая громадная масса не тронутаго учеными, не приведеннаго еще въ извѣстность матеріала, что въ настоящее время едва ли кто возьметъ на себя смѣлость сказать, что *всѣ* наиболѣе *важные и существенные матеріалы* для русской литературной исторіи у него въ рукахъ. Наши классическіе писатели прошлаго вѣка изданы ли у насъ какъ слѣдуетъ, согласно съ требованіями ученой критики? Нисколько. Лишь въ послѣдніе годы собраны и обнародованы драгоцѣннѣйшіе и важнѣйшіе матеріалы для біографіи Ломоносова и Карамзина, и начато превосходное академическое изданіе сочиненій Державина. Г. Ефремовъ или имѣетъ слишкомъ выгодное понятіе о разработкѣ исторіи русской литературы, или же очень немногія литературныя личности прошлаго вѣка считаетъ достойными вниманія, если находитъ возможнымъ совмѣстить въ одномъ изданіи „всѣ болѣе важные и существенные матеріалы" для исторіи русской литературы.

Неясное пониманіе предположенной задачи постоянно чувствуется читателемъ перваго выпуска „Матеріаловъ". Высказавши желаніе собрать „разбросанное и *почти затерянное* въ *старинныхъ* изданіяхъ", г. Ефремовъ перепечатываетъ въ своемъ сборникѣ двѣ неважныя статейки изъ „Московскаго Телеграфа" *1828 года* и записку Штелина изъ „Москвитянина" *1851 года*. Неужели „Телеграфъ" и „Москвитянинъ" принадлежатъ къ такимъ *стариннымъ* изданіямъ, что перепечатанныя изъ нихъ г. Ефремовымъ статьи *почти затерялись?* Съ другой стороны, трудно понять, почему отнесены къ числу самыхъ важныхъ и существенныхъ историко-литературныхъ матеріаловъ—коротенькое извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ Словаря балтійскихъ писателей Реке и Наперскаго, или письмо Сахарова къ Полевому о томъ, что онъ составляетъ словарь тульскихъ писателей. Далѣе, въ первой книжкѣ „Матеріаловъ" г. Ефремовъ перепечатываетъ изъ „Полезнаго Увеселенія" 1762 года статью Домашнева о стихотворствѣ, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ безцвѣтныхъ трактатовъ, которыми наполнялись русскіе журналы прошлаго вѣка. По словамъ издателя, эта статья „приведена вполнѣ, какъ *первый* опытъ „исторіи поэзіи", остававшійся въ русской литературѣ болѣе 50 лѣтъ единственнымъ опытомъ" (стр. XII). Придавши такое важное значеніе „Краткому описанію стихотворства у всѣхъ народовъ" (такъ называетъ самъ Домашневъ свое сочиненіе), г. Ефремовъ не доказалъ, къ сожалѣнію, что и эта статья принадлежитъ къ *самымъ важнымъ* и *существеннымъ* матеріаламъ для исторіи русской литературы. По нашему мнѣнію, она только характеризуетъ литературныя понятія, или, лучше сказать, невѣдѣніе Домашнева о томъ предметѣ, о которомъ онъ взялся писать. Самъ Домашневъ былъ такимъ малозамѣтнымъ лицомъ въ исторіи нашей литературы и

просвѣщенія, что позволительно было бы поискать въ пыли нашихъ библіотекъ и архивовъ *болѣе важныхъ и существенныхъ* матеріаловъ для перепечатки или изданія. Въ 1762 году Домашневъ могъ писать о какомъ-то несуществующемъ англійскомъ стихотворцѣ Шангерѣ [1]), какъ о „несравненномъ писателѣ въ описаніяхъ и вообще весьма остромъ" (стр. 197), или утверждать, что въ „трагическомъ представленіи англичанъ болѣе поражаетъ ужасность и кровопролитіе; что, напротивъ того, французы любятъ простоту и ясность въ выраженіяхъ" (стр. 189); но будущіе изслѣдователи исторіи русской литературы поищутъ, конечно, болѣе плодотворныхъ и живыхъ началъ въ русской словесности XVIII вѣка и пройдутъ мимо того, что̀ г. Ефремовъ назвалъ первымъ русскимъ опытомъ „исторіи поэзіи".

Но если при выборѣ матеріаловъ для своего сборника издатель не обнаружилъ того историко-литературнаго такта, который условливается въ изслѣдователѣ живымъ пониманіемъ задачъ литературной исторіи и самостоятельнымъ изслѣдованіемъ литературныхъ фактовъ минувшаго, то и при переизданіи несомнѣнно важныхъ историко-литературныхъ *пособій* г. Ефремовъ не сумѣлъ или не хотѣлъ объяснить читателю ихъ настоящаго значенія. Безспорно, важнѣйшимъ изъ перепечатанныхъ въ „Матеріалахъ" трудомъ является „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ" Новикова, вышедшій въ свѣтъ почти сто лѣтъ тому назадъ. Много новыхъ данныхъ открыла съ тѣхъ поръ и разработала исторія русской литературы; но сдѣлавшійся рѣдкимъ въ обращеніи „Опытъ словаря" и доселѣ не потерялъ значенія. Въ чемъ же состоитъ оно? Должны ли современные изслѣдователи русской литературной исторіи смотрѣть на него какъ на антикварный курьезъ, въ родѣ статьи Домашнева, и видѣть въ немъ, выражаясь словами г. Ефремова, „только первый опытъ, остававшійся въ русской литературѣ около 50 лѣтъ единственнымъ опытомъ"? Этою общею фразой можно было отдѣлаться г. Ефремову отъ статьи Домашнева, но пройти молчаніемъ такой историко-литературный трудъ, какъ Словарь Новикова, значитъ—добровольно отказаться отъ роли ученаго издателя историко-литературныхъ памятниковъ и принять на себя нетрудныя обязанности перепечатывателя чужихъ трудовъ и воспроизводителя чужихъ мнѣній. Правда, г. Ефремовъ посвятилъ нѣсколько страничекъ „Опыту словаря"; но все напечатанное на этихъ немногихъ страницахъ принадлежитъ г. Сухомлинову и другимъ и, главное, далеко не объясняетъ читателямъ „Матеріаловъ", съ какою цѣлью перепечатанъ „Опытъ", какой положительный матеріалъ еще хранится въ немъ почти нетронутый изслѣдователями исторіи русской литературы. Замѣтить двѣ-три опечатки въ годахъ еще не значитъ „облегчить будущимъ изслѣдователямъ

---

[1]) Это, конечно, Чосеръ (Chaucer): Домашневъ, вѣроятно, переводилъ съ французскаго свои замѣчанія о писателяхъ.

трудъ", чего можно было достигнуть, объяснивши имъ, хотя бы въ главныхъ чертахъ, то значеніе, которое имѣетъ перепечатываемый трудъ въ настоящее время.

Считаемъ неизлишнимъ предложить нѣсколько замѣчаній о Словарѣ Новикова въ этомъ отношеніи.

Уже одна мысль о необходимости составить Словарь русскихъ писателей указываетъ на то, что въ русскомъ человѣкѣ второй половины XVIII вѣка твердо укрѣпилось сознаніе необходимости узнать и передать молодымъ поколѣніямъ исторію умственнаго развитія своего отечества. Бѣдные матеріалы лежали передъ Новиковымъ изъ литературной исторіи до-петровской Россіи, и, не въ силахъ будучи даже обозрѣть это темное, невоздѣланное поле, онъ тѣмъ болѣе съ бóльшимъ прилежаніемъ обратился къ XVIII вѣку, къ своей современности, что допетровская старина не обѣщала ему обильныхъ историческихъ матеріаловъ и фактовъ, что въ литературномъ движеніи первыхъ годовъ Екатерининскаго царствованія Новикову чувствовалась новая, болѣе свободная, болѣе плодотворная общественная жизнь. И онъ самъ сознавалъ себя участникомъ въ этомъ живомъ оборотѣ литературныхъ идей, въ обновленномъ существованіи русскаго общества. Писателямъ до-петровской эпохи отведено ничтожное мѣсто въ Словарѣ Новикова, сравнительно съ писателями XVIII вѣка; самыя свѣдѣнія о первыхъ ничтожны и часто наивно-ошибочны. Но этихъ ошибокъ нельзя обходить молчаніемъ, ибо онѣ рельефно выставляютъ намъ на видъ, какъ мало знали нашу литературную старину православные русскіе люди въ то время, когда Новиковъ смѣло приступилъ къ составленію своего Историческаго Словаря. Ошибки Новиковскаго Словаря относительно произведеній древнерусской и общеславянской литературы въ историческомъ отношеніи гораздо болѣе поучительны и достойны вниманія, нежели обширная статья „О стихотворствѣ" Домашнева, которой г. Ефремовъ желалъ придать какое-то не принадлежащее ей значеніе. Такъ, Новиковъ печатаетъ въ своемъ Словарѣ: „Болгарской[1]), архіепископъ, сочинилъ книгу *Благовѣстникъ*, на четырехъ евангелистовъ. Она напечатана въ Москвѣ 1703 года. О *имени* сего писателя никакъ не могъ я найти извѣстія" (стр. 22) [2]). Такъ рѣдки были въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка между православными духовныя книги, напечатанныя при Петрѣ Великомъ, что Новиковъ не видалъ „Благовѣстника" *Θеофилакта*, архіепископа болгарскаго, рукописи котораго ходили у насъ едва ли не съ XV вѣка и хорошо были знакомы старовѣрамъ прошлаго столѣтія. Или на 49 стр. Словаря Новиковъ пишетъ: „Гедескій, сочинилъ книгу: Стоглавникъ, содержащую въ себѣ 100 главъ различныхъ нравоученій.

---

[1]) Не принималъ ли Новиковъ этого слова за фамилію? Такъ должно предполагать, потому что „Болгарской" отдѣлено отъ „архіепископъ" запятою.

[2]) Ссылки сдѣланы на первое (1772 г.) изданіе Словаря Новикова.

О имени сего писателя и о томъ, въ которое время онъ жилъ и писалъ, никакого не могъ я найдти извѣстія". Стословецъ, или Стоглавникъ, *Геннадія*, патріарха константинопольскаго, также извѣстенъ былъ съ давняго времени въ русской письменности и былъ напечатанъ не разъ [1]) въ XVII и XVIII вѣкахъ. Заглавія старопечатныхъ книгъ точно также приводятся въ Словарѣ Новикова не всегда вѣрно; напримѣръ, на стр. 186 читаемъ: „*Радивиловской, Антоній*, іеромонахъ, сочинилъ двѣ книги: первая—*Огородникъ* 1676 года, вторая—*Вѣнецъ Христовъ* 1688 года. *Обѣ* сіи книги напечатаны въ Кіевѣ". Настоящее заглавіе первой книги Радивиловскаго — *Огородокъ Маріи Богородицы:* такъ называлъ Радивиловскій собраніе своихъ поученій на господскіе праздники и воскресные дни. Изъ невѣрнаго заглавія въ Новиковскомъ Словарѣ, не оговореннаго г. Ефремовымъ, читатель можетъ вывести заключеніе, что іеромонахъ Радивиловскій издалъ какое-нибудь сочиненіе по огородничеству... Кромѣ того, въ извѣстіи Новиковскаго Словаря о Радивиловскомъ есть и другая невѣрность, повторенная въ „Словарѣ писателей духовнаго чина" митр. Евгенія, но исправленная покойнымъ архіепископомъ Филаретомъ, который, въ своемъ Обзорѣ русской духовной литературы, сказалъ о Радивиловскомъ слѣдующее: „А. Радивиловскій, въ 1687 г. игуменъ Кіево-Николаевскаго монастыря, писалъ „Поученія на господскіе праздники и воскресные дни". Сперва они изданы были въ К., 1676 г., съ именемъ: „Огородокъ Маріи Богородицы" и съ посвященіемъ Богоматери. Во второмъ изданіи, К., 1688 г., посвящены они „Господу Создателю" и названы: „Вѣнецъ Христовъ". Словарь считаетъ эти два изданія за два разныя сочиненія; но эта ошибка его (стр. 204). Г. Ефремову тѣмъ легче было оговорить подобныя ошибки въ Новиковскомъ Словарѣ (естественныя сто лѣтъ тому назадъ, непростительныя въ наше время въ изданіи, претендующемъ на обнародованіе „всѣхъ самыхъ важныхъ и существенныхъ матеріаловъ для исторіи русской литературы"), что этотъ трудъ требовалъ отъ издателя не какихъ-либо новыхъ ученыхъ изысканій, но простаго знакомства съ Обзоромъ русской духовной литературы Филарета, который долженъ быть настольною справочною книгою у занимающихся „серьёзно" исторіею русской литературы.

Но если реформа Петра Великаго отодвинула отъ образованныхъ русскихъ людей прошлаго вѣка литературу и письменность ихъ предковъ, если эти передовые люди русскаго просвѣщенія мало знали о Стоглавцѣ Геннадія патріарха, о Благовѣстникѣ Ѳеофилакта, о кіевскихъ проповѣдникахъ XVII столѣтія, о духовной письменности древней Россіи вообще (въ чемъ далеко превосходили тогда православныхъ раскольники); зато, съ другой стороны, образованными людьми Екатерининскаго времени близко принимались къ сердцу великія движенія европейской мысли въ XVIII вѣкѣ и первые сочувственные имъ отголоски

[1]) Строевъ, „Описаніе старопечатныхъ книгъ Толстаго". 1. №№ 159, 199.

на Руси. Съ исторической точки зрѣнія отзывы Новикова о поименованныхъ въ его Словарѣ писателяхъ заслуживаютъ подробнаго разбора и внимательнаго изученія, отражая въ себѣ воззрѣнія цѣлаго литературнаго кружка Екатерининской эпохи и, во главѣ его, самого знаменитаго двигателя русской образованности въ прошломъ вѣкѣ, Новикова,—двигателя, о постепенности въ духовномъ образованіи котораго такъ мало данныхъ оставили намъ его современники. Но подобные вопросы не представлялись г. Ефремову, когда онъ перепечатывалъ „Опытъ“ Новикова, и онъ ограничился слѣдующимъ приговоромъ Словарю: „Въ заключеніе надо (?) упомянуть, что слабѣйшую часть Словаря Новикова составляетъ критическая оцѣнка писателей. Онъ *хвалитъ*, за очень немногими исключеніями, почти всѣхъ поголовно. Впрочемъ, это иначе и быть не могло при тогдашнемъ состояніи общества и при младенческомъ состояніи критики“ (стр. VII). Не вдаемся въ разборъ того, почему „тогдашнее состояніе общества“ должно было вредно вліять на критическую оцѣнку русскихъ писателей въ Словарѣ Новикова, почему „критика младенческая“ должна все хвалить (а возмужалая—все порицать?) „за немногими исключеніями“—подробный разборъ философскихъ и литературныхъ воззрѣній г. Ефремова отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Къ тому же, читатели сами могутъ оцѣнить глубокомысліе того взгляда на призваніе исторической критики, котораго держится г. Ефремовъ. Остановимъ наше вниманіе на нѣкоторыхъ изъ „поголовныхъ“ похвальныхъ отзывовъ Новиковскаго Словаря. Въ 1769 году магистръ Московскаго университета Дмитрій Аничковъ, для полученія званія ординарнаго профессора, напечаталъ „Разсужденіе изъ натуральной богословіи о началѣ и происшествіи натуральнаго богопочитанія“. Нѣсколько профессоровъ университета въ засѣданіи конференціи онаго заявили, что они протестуютъ противъ мнѣній, изложенныхъ въ этомъ разсужденіи [1]). Аничковъ вынужденъ былъ издать свою диссертацію въ новомъ, исправленномъ видѣ [2]). По преданію, не во всѣхъ подробностяхъ правдоподобному, Аничковъ, „извѣстный своимъ благочестіемъ, изданіе сей диссертаціи, писанной имъ для полученія званія ординарнаго профессора, поручилъ одному товарищу своему, тогда недавно только прибывшему изъ Англіи профессору [3]), который включилъ въ оную много вольнодумныхъ и даже дерзкихъ мыслей; по донесенію протоіерея Петра Алексѣева, экземпляры этого сочиненія были отобраны и, по распоряженію начальства, публично сожжены палачомъ на Лобномъ мѣстѣ въ

[1]) Шевыревъ, „Исторія Московскаго университета“, стр. 142.

[2]) Тамъ же.

[3]) Это извѣстіе кажется намъ невѣроятнымъ. Во второмъ изданіи (или въ перепечаткѣ „съ исправленіями“) диссертаціи Аничкова повторены главныя положенія перваго въ смягченномъ видѣ: неужели „благочестивый“ авторъ могъ взять на себя защищать на публичномъ диспутѣ положенія, навязанныя ему издателемъ (?) товарищемъ-англоманомъ?

Москвѣ, а диссертація съ исправленіями вновь напечатана" [1]). При означенной диссертаціи находятся слѣдующія „положенія, выведенныя изъ всего при семъ приложеннаго разсужденія: I. Бога въ троицѣ, безъ откровенія, натурально понимать не можно. II. Противно натурѣ человѣческой вѣрить тому, чего въ мысляхъ и въ воображеніи представить не можно. III. Всѣ приписываемыя Богу совершенства происходятъ отъ человѣческихъ мыслей, и потому оныя несообразны его существу и не могутъ быть доказательными его совершенствъ. IV. Простой и непросвѣщенный народъ склоненъ къ многобожію и закоснѣваетъ въ ономъ. V. Всѣ вѣры, включая откровенную, суть одни токмо обыкновенія народныя. VI. Не должно чрезъ усиліе никакой перемѣнять вѣры, когда премѣненіе оной соединяется съ большимъ возмущеніемъ, нежели спокойствомъ народнымъ. VII. При возвышающемся познаніи человѣческомъ о вещахъ, возвышается купно и человѣческое понятіе о Богѣ. VIII. Въ самомъ высочайшемъ и просвѣщеннѣйшемъ состояніи народы не понимаютъ Бога инако, какъ токмо всемогущимъ и премудрымъ. IX. Всякій расколъ въ вѣрѣ рождается отъ неосновательныхъ, а особливо предупрежденныхъ мыслей. X. Древность преданій много споспѣшествуетъ къ закоснѣнію народовъ въ суевѣріи. XI. Невѣжественные токмо народы понимаютъ Бога страшнымъ и неприступнымъ въ своихъ мысляхъ". Какъ же отнесся къ этой брошюрѣ Новиковъ? *„Аничковъ, Димитрій,* Московскаго императорскаго университета философіи и свободныхъ наукъ магистръ (говорится въ Словарѣ), сочинялъ слова: 1) о томъ, *что міръ сей есть яснымъ доказательствомъ премудрости божіей, и что въ немъ ничего не бываетъ по случаю...* 2) *О истинномъ богопознаніи,* весьма много похваляемое за свободное и ясное сей важной матеріи объясненіе" (стр. 13). Другими словами: Новиковъ прежде, чѣмъ сдѣлаться масономъ, хвалилъ „свободныя" объясненія „истиннаго" богопознанія и шелъ къ масонству черезъ робкія и немногія русскія попытки познакомить русскихъ читателей съ нѣкоторыми разсужденіями англійскаго деизма, имѣвшаго одни стремленія съ свободнымъ каменщичествомъ, масонствомъ [2]). И въ этомъ случаѣ Новиковъ стоялъ не особнякомъ. Надъ образованнымъ русскимъ обществомъ Екатерининской эпохи уже носились тогда свободныя воззрѣнія англійскаго деизма и непосредственно изъ него истекшія начала французской философіи XVIII вѣка. Разсужденіе Аничкова, отразившее въ себѣ эти жадно встрѣченныя русскимъ образованнымъ обществомъ доктрины, сочувственно принято было не однимъ Новиковымъ: оно, какъ видно изъ свидѣтельства Словаря, и другими *„весьма много* было похваляемо", и притомъ „за *свободное* изъясненіе *важной* матеріи". Замѣчательно, что изъ среды корпораціи Московскаго университета доносили на диссертацію Аничкова почти исключи-

---

1) Словарь свѣтскихъ писателей, митр. Евгенія, изд. Снегирева, стр. 14.

2) Hettner, „Literaturgeschichte des XVIII Jahrhunderts".

тельно нѣмцы (Дильтей, Керштенсъ, Ростъ, Барсовъ, Рейхель и Лангеръ [1]), между тѣмъ, какъ „похвалялъ" ее, въ числѣ многихъ другихъ, невѣжда въ иностранныхъ языкахъ Новиковъ. Понятно, въ характеристикѣ архіепископа Амвросія, убитаго московскою чернью во время чумы, авторъ Историческаго Словаря сказалъ между прочимъ: „Что принадлежитъ до нрава и природныхъ свойствъ сего пастыря, то онъ былъ *примѣрный въ санѣ и достоинствѣ своемъ мужъ: разумъ его былъ просвѣщенный, чуждъ суевѣрія и лицемѣрія*" (стр. 10). Въ такихъ „хвалебныхъ" отзывахъ Словаря историкъ русской литературы найдетъ не „младенческое состояніе критики", а матеріалъ любопытный для характеристики какъ личностей, упомянутыхъ въ Словарѣ, такъ и самого Новикова. Или кто не узнаетъ издателя „Трутня", „Живописца", „Древней Россійской Вивліоѳики" въ слѣдующемъ отзывѣ Словаря о „Лихоимцѣ" Бибикова: „Впрочемъ, надлежитъ засвидѣтельствовать справедливую похвалу сочинителю сей комедіи; ибо онъ, держась театральныхъ правилъ, сочинилъ ее точно въ нашихъ нравахъ; характеры всѣхъ лицъ его комедіи выдержаны порядочно и *свойственно ихъ подлинникамъ;* завязка и предложеніе *естественны и кажущіяся подлинными*" (стр. 20). Это писано было въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда въ сатирическихъ журналахъ 1769 года только-что стихла возбужденная Лукинымъ полемика о необходимости въ комедіи *нашихъ нравовъ,* естественности въ характерахъ, языкѣ и внѣшней обстановкѣ дѣйствующихъ лицъ; въ журнальной полемикѣ промелькнуло уже имя Фонъ-Визина, только-что выступившаго со своими комедіями; въ сатирическихъ листкахъ Новикова доказывалось, что сатира и комедія должны выводить личности, „подлинники" [2]), хотя ни сатирическіе журналы Новикова, ни его Словарь не жаловали Лукина.

Сближеніе полемическихъ статей „Трутня", „Смѣси" и „Пустомели" съ отзывами Историческаго Словаря могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ на литературныя убѣжденія Новикова и на отношенія его къ современнымъ писателямъ въ первую, петербургскую эпоху его дѣятельности, пока еще мало разъясненную изслѣдователями. Ограничимся немногими замѣчаніями. „Трутень" постоянно смѣется надъ комедіями Лукина, хотя Новиковъ и раздѣлялъ основной взглядъ послѣдняго на комедію, то-есть онъ признавалъ необходимость мѣстныхъ и временныхъ типовъ. „Трутню" не нравился необработанный, неряшливый слогъ Лукина, этого писателя-самоучки, который бранилъ литературно („по правиламъ") обработанныя произведенія Сумарокова.

(Лукинъ) съ своимъ *худымъ* ты слогомъ и *невольнымъ*
Читателя зови хоть сто разъ благосклоннымъ,
И въ предисловіи хоть въ ноги поклонись
Иль за сіи слова со мною побранись,
Что худо пишешь ты, всегда скажу я смѣло [3]) и т. д.

---

[1]) Шевыревъ, „Исторія Московскаго университета", стр. 142.

[2]) „Трутень" 1769 года, стр. 193—225.

[3]) Тамъ же, стр. 133.

Въ Словарѣ находимъ о комедіи Лукина такой отзывъ: „Она принята была изрядно, *но сочинитель сей комедіи весьма много одолженъ актерамъ, ее представлявшимъ*... Сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшные *подлинника*, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ къ тому платьемъ зрителей весьма много смѣшили" (стр. 131). По службѣ у Елагина Лукинъ, какъ извѣстно, не уживался съ Фонъ-Визинымъ, который уже въ 1769 году пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ автора Словаря. Новиковъ едва ли не первый привѣтствовалъ „Бригадира" печатною похвалой. Вѣдомости съ Парнасса, напечатанныя въ 18-омъ листѣ „Трутня" (25-го августа), извѣщаютъ: „Здѣсь все въ великомъ замѣшательствѣ: славные стихотворцы, обезображенные худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступленіи. Всѣ музы, прославленныя въ Россіи Г. С. (то-есть Г. Сумароковымъ), приходили къ своему отцу и со слезами жаловались на дерзновеніе молодыхъ писателей: Мельпомена и Талія проливали слезы и казались неутѣшными. Великій Аполлонъ увѣрялъ ихъ, что сіе сдѣлалось безъ его позволенія, и что онъ для разсмотрѣнія сего дѣла повелитъ собрать чрезвычайный совѣтъ; а между тѣмъ, показалъ Таліи новую русскую комедію **** (т.-е. „Бригадира"), сочиненную однимъ молодымъ писателемъ. Талія, прочитавъ оную, приняла на себя обыкновенный свой веселый видъ и сказала Аполлону, что она сего автора съ удовольствіемъ признаетъ законнымъ своимъ сыномъ. Она и записала его имя въ памятную книжку въ число своихъ любимцевъ" (стр. 138). Въ Словарѣ Новиковъ отзывается о Фонъ-Визинѣ такимъ образомъ: „Сей человѣкъ *молодой, острый, довольно искусный* въ словесныхъ наукахъ... Онъ сочинилъ комедію Бригадиръ и Бригадирша, въ которой острыя слова и замысловатыя шутки разсыпаны на каждой страницѣ. Сочинена она *точно въ нашихъ нравахъ*, характеры выдержаны очень хорошо, а завязка самая простая и естественная. Наконецъ, онъ сочинилъ Слово на выздоровленіе его императорскаго высочества, которое за чистоту слога, важность и изображеніе мыслей весьма похваляется. Въ заключеніе о немъ сказать должно, что Россія надѣется увидѣть въ немъ хорошаго писателя" (стр. 231). Припомнимъ, что въ „Пустомелѣ" напечатано было „Посланіе къ слугамъ моимъ" Фонъ-Визина, въ „Живописцѣ" 1772 г. (въ одинъ годъ съ выходомъ Словаря) его же „Слово на выздоровленіе великаго князя Павла Петровича", что Фонъ-Визинъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Елагинымъ и въ дурныхъ съ Лукинымъ, что въ Елагинскую масонскую ложу вступилъ Новиковъ въ Петербургѣ — припомнимъ все это, и передъ нами обрисуются нѣсколько литературныя и общественныя связи Новикова, подготовлявшія его къ вступленію въ англійское масонство. На Новикова, недоучившагося московскаго студента, пахнуло вѣяніемъ деистическихъ ученій, „весьма похвалявшихся" и въ Россіи XVIII вѣка. Съ глубокимъ

сочувствіемъ къ родному, забытому, казалось ему, предками, съ настроеніемъ ума яснымъ и свободнымъ, Новиковъ столкнулся въ Петербургѣ съ вольнодумцемъ и индифферентнымъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Фонъ-Визинымъ, съ масономъ Елагинымъ, съ озлобленнымъ Сумароковымъ, съ немногими представителями двора и придворной лирики—торжественной оды. Послѣдніе не возбудили въ немъ особеннаго сочувствія. О Петровѣ онъ отозвался въ Словарѣ глухо и невыгодно. Льстивый комикъ Лукинъ былъ осмѣянъ имъ въ „Трутнѣ". Трагедіи и моральныя писанія Өедора Козельскаго вызвали его рѣшительное осужденіе. Еще въ „Трутнѣ" о Лукинѣ и Козельскомъ находимъ слѣдующее письмо къ издателю:

Издатель! многіе глупцы тебя ругаютъ,
Затѣмъ, что твари тѣ и разумъ отвергаютъ;
Ты долженъ сонмище вралей всѣхъ презирать,
Ни кто не запретитъ бумагу имъ марать:
Разумный Вертопрахъ[1]) съ *Пантеею*[2]) свидѣтель,
Какой имъ даръ писать Парнасскій далъ владѣтель;
Но думаютъ они, что всѣхъ тѣмъ веселятъ,
И забываютъ то, что Музы не велятъ
Несмысленнымъ творцамъ врать дерзкими стихами.

Съ большею сдержанностью повторенъ о Козельскомъ неблагопріятный отзывъ и въ Словарѣ: „Козельскій Өедоръ, правительствующаго сената протоколистъ, писалъ много стиховъ, изъ которыхъ напечатаны: Собраніе элегій и трагедія „Пантея"; но какъ первыя, такъ и послѣдняя не весьма удачны. Напротивъ того, его двѣ оды имѣютъ въ себѣ много хорошаго, а поэма „Незлобивая жизнь" отъ многихъ и похвалу заслужила" (стр. 100—101). Приговоръ Словаря о Козельскомъ особенно интересенъ, потому что онъ подалъ оскорбленному протоколисту поводъ задѣть Новикова и его Словарь въ длинномъ стихотворномъ „Размышленіи о зависти". Отсюда узнаемъ, между прочимъ, что наравнѣ съ Новиковымъ въ составленіи Словаря принималъ дѣятельное участіе какой-то другой писатель. По словамъ Козельскаго,

Сихъ пара мудрецовъ искусныхъ особливыхъ,
Не зрящихъ на лице, въ судѣ своемъ правдивыхъ,
Ольховые листки даетъ намъ за кинсонъ.
Всѣ вписаны творцы въ ихъ славный лексиконъ.
Въ животной книгѣ сей отъ вѣка начертанны,
Всѣ праведны, скопцы, и мужіе избранны,
Но горе тѣмъ, чьи въ ней написаны грѣхи!
Ихъ будутъ ноги вверхъ во адѣ, внизъ верхи!
Чѣмъ въ большихъ кто чинахъ, тотъ въ ней стоитъ умнѣе,
Убогъ ли кто изъ насъ, написанъ тотъ глупѣе.

---

1) Комедія Лукина.
2) Трагедія Өедора Козельскаго.

Писатель сихъ именъ проворенъ и досужъ,
Кто знатенъ, онъ тому прибавилъ: *острый мужъ*,
За то, что сей ему тузами угрожаетъ.
Въ семъ важномъ словарѣ честь быстрый умъ рождаетъ,
Гдѣ острыми творцы названны таковы,
Что круглой и его тупѣе головы.
Что знатныхъ, хоть тупыхъ, ты славишь острецами,
Прощаемъ мы тебѣ напуганну тузами.
Почтимъ мы и тебя, что въ грамотѣ далекъ,
Проворенъ ты, ученъ и бѣглый человѣкъ.
Другой изъ сей четы малъ плотію своею,
Но въ двое больше онъ намъ кажется душею.
Честный великій мужъ иль лучше мужичокъ,
Въ толь маленькомъ тельцѣ посильный есть душокъ.
Педантикъ, тихій онъ, подпора лексикона.
Лице, какъ блѣдная раскольничья ікона.
. . . .
Союза сей четы ни адъ не разорветъ,
Отъ промысла другимъ поноснаго живетъ,
Презрѣнными отъ всѣхъ ветошками торгуетъ,
На тѣхъ, кто не купилъ, жестоко негодуетъ... и т. д.

Кто скрывается подъ этими глухими для насъ и, можетъ быть, очень ясными для современниковъ намеками? Кто былъ „подпорой" Новиковскаго лексикона? Кто вмѣстѣ съ нимъ дерзалъ произносить приговоры современнымъ ему русскимъ писателямъ?

Г. Ефремовъ въ вопросѣ о сотрудникахъ Новиковскаго Словаря ограничился повтореніемъ словъ митрополита Евгенія, что Сумароковъ „доставилъ ему многія критическія примѣчанія о россійскихъ писателяхъ, а особливо о стихотворцахъ". Это извѣстіе довольно вѣроятно. Сатирическая выходка Козельскаго даетъ намъ возможность предположить, что однимъ изъ пособниковъ Новикова въ этомъ дѣлѣ былъ Михайло Чулковъ, потому что къ его личности всего болѣе подходятъ намеки Козельскаго. Послѣдній называетъ его *мужичкомъ:* Чулковъ извѣстенъ былъ въ семидесятыхъ уже годахъ прошлаго вѣка изданіемъ *Собранія разныхъ пѣсенъ, Славянскихъ сказокъ, стихами на качели, на семикъ и масленицу* и нѣсколькими статьями о простонародныхъ суевѣріяхъ и обычаяхъ, помѣщенными въ его еженедѣльникѣ „И то и сіо" (1769 г.). Козельскій описываетъ подробно этого малорослаго, тихаго „педантика" съ блѣднымъ чахоточнымъ лицомъ; ясно, что наружность „подпоры" лексикона хорошо была знакома Козельскому: Чулковъ вмѣстѣ съ Козельскимъ служилъ тогда при правительствующемъ сенатѣ, въ чинѣ коллежскаго регистратора. Далѣе Козельскій прибавляетъ, что эта чета (то-есть Новиковъ и Чулковъ)

Отъ промысла другимъ поноснаго живетъ,
Презрѣнными отъ всѣхъ *ветошками* торгуетъ.

Здѣсь мы позволяемъ себѣ видѣть намекъ на „Парнасскій щепетильникъ", который издавался въ 1770 году Чулковымъ, можетъ быть. въ сотрудничествѣ съ Новиковымъ. Наше предположеніе подтверждается слѣдующимъ объясненіемъ издателя „Парнасскаго щепетильника" въ предисловіи къ этому еженедѣльнику: „Аполлонъ... сдѣлавъ меня акціонистомъ, нарекъ щепетильникомъ, а негодныхъ стихотворцовъ наименовавъ парнасскою *вѣтошью*, приказалъ распродать здѣсь въ царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ съ молотка" (стр. 6). Продажа начинается съ стихотворца драматическаго, въ которомъ, вѣроятно, узналъ себя Козельскій. Потому въ „Размышленіи о зависти" онъ говоритъ объ издателѣ „Парнасскаго щепетильника" Чулковѣ:

На тѣхъ, кто не купилъ, жестоко негодуетъ,
И какъ симъ бѣднымъ[1]) тѣхъ, хоть глупо, не бранить?
Безъ купли таковой ихъ можно уморить!

Въ объясненіе послѣдняго стиха прибавимъ, что главнымъ содержаніемъ „Парнасскаго щепетильника" были насмѣшки надъ стихотворцами, подобными Ѳ. Козельскому. Обращаясь, наконецъ, къ Словарю Новикова, мы находимъ въ немъ такой же подробный перечень изданій Чулкова, какъ и въ автобіографической запискѣ послѣдняго, составленной въ дополненіе къ Словарю и написанной очень сдержанно[2]); находимъ указаніе, что въ сатирическомъ еженедѣльникѣ Чулкова „И то и сіо" принималъ участіе Семенъ Башиловъ (статьи въ „И то и сіо" не подписывались именами авторовъ); находимъ, наконецъ, замѣчаніе, что изъ сочиненія Василія Григоровича „взято описаніе города Солуня, съ именами архипелагскихъ острововъ, и напечатано въ ежемѣсячномъ сочиненіи Парнасскомъ Щепетильникѣ" (стр. 53). Такое особенное вниманіе къ маленькому отрывку могли оказать Григоровичу только люди, хорошо знакомые съ „Парнасскимъ щепетильникомъ", гдѣ былъ напечатанъ отрывокъ.

Біографамъ Новикова не безполезно будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что этотъ деистъ-самоучка въ Петербургѣ былъ близокъ съ Фонъ-Визинымъ и въ то же время съ первымъ собирателемъ народныхъ русскихъ сказокъ и пѣсенъ — Чулковымъ. Проникаясь свободными воззрѣніями европейской философіи, Новиковъ глубоко сочувствовалъ такъ называемому тогда „подлому" простонародью, и увлеченіе ученіемъ деистовъ шло въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ Екатерининской эпохи параллельно и одновременно съ сознаніемъ необходимости знать

---

1) Въ послѣдней книжкѣ „Парнасскаго щепетильника" напечатано было слѣдующее „Изъясненіе: Сочиненіе сіе продолжалось до конца сего года по обѣщанію издателеву, хотя и *съ великимъ ему убыткомъ*".

2) Это обстоятельство, вѣроятно, и заставило г. Лонгинова сказать, что Чулковъ „заслужилъ въ Словарѣ холодный отзывъ". См. „Новиковъ и московскіе мартинисты", стр. 35.

и любить свою народность въ прошедшемъ и настоящемъ. Твердый и образованный умъ Новикова не могъ, конечно, спуститься до односторонняго и невѣжественнаго самообольщенія славянофиловъ того времени.

Но довольно о критической оцѣнкѣ писателей въ Словарѣ Новикова. Раскрывая намъ отношенія знаменитаго автора къ литературнымъ дѣятелямъ семидесятыхъ годовъ, эта оцѣнка, какъ выраженіе искреннихъ убѣжденій Новикова въ то время, имѣетъ несомнѣнный интересъ и для біографа Новикова, и для характеристики различныхъ направленій русской литературы того времени. Но и помимо этого интереса Словарь Новикова не утратилъ своего значенія для изучающихъ исторію русской литературы, хотя почти всѣ хронологическія даты и біографическія подробности о поименованныхъ въ немъ писателяхъ и перешли въ позднѣйшія работы подобнаго же содержанія (въ „Словарь" Евгенія, въ „Опытъ краткой исторіи русской литературы" Греча и т. п.). Новиковъ составлялъ извѣстія о многихъ писателяхъ какъ современникъ, или же подъ вліяніемъ свѣжихъ „словесныхъ преданій"—о писателяхъ, недавно умершихъ. Онъ, можно сказать, посвященъ былъ въ литературныя тайны современныхъ ему дѣятелей, онъ еще слушалъ съ благоговѣніемъ и восторгомъ разсказы о Ломоносовѣ, Волковѣ отъ людей, близко ихъ знавшихъ. И печать хвалы лежитъ на извѣстіяхъ Новикова, какъ прямое отраженіе живаго „словеснаго преданія". Новиковъ зналъ, напримѣръ, о „веселомъ нравѣ и безпечности" Баркова, зналъ и то, что онъ написалъ „Краткую россійскую исторію" отъ Рюрика до временъ Петра Великаго [1]), сочиненіе, можетъ быть, навсегда утраченное для насъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми рукописными произведеніями его. Новиковъ зналъ, что въ еженедѣльникѣ „Ни то, ни сіо" 1769 года „довольно сатирическихъ писемъ сочинено было Семеномъ Башиловымъ" [2]), хотя наши изслѣдователи сатирическихъ журналовъ прошлаго вѣка и не указываютъ Башилова въ числѣ сотрудниковъ этого изданія [3]). Въ Словарѣ Новикова впервые указано, что Аблесимовымъ написаны комедія „Подьяческая пирушка" и „многія шуточныя сочиненія и перевороты" (стр. 2), Фонъ-Визинымъ—„Матюшка разнощикъ" (стр. 231), и эти произведенія не только не изданы, но, сколько намъ извѣстно, и не найдены изучающими русскую литературу прошлаго вѣка. Немало такихъ указаній для будущаго историка русской литературы находится въ Словарѣ Новикова. Едва ли нужно говорить, какъ важны подобныя указанія. Послушаемъ, съ какимъ уваженіемъ говоритъ о Волковѣ Новиковъ въ своемъ Словарѣ: „Сей мужъ былъ великаго, обымчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго разсужденія и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многимъ ученіемъ и прилежнымъ чтеніемъ наилуч-

---

1) Опытъ историческаго словаря, стр. 51.

2) Тамъ же, стр. 18.

3) Буличъ, „Сумароковъ и современная ему критика", стр. 266.

шихъ книгъ. Театральное искусство зналъ онъ въ вышнемъ степенѣ; при семъ былъ изрядный стихотворецъ, хорошій живописецъ, довольно искусный музыкантъ на многихъ инструментахъ, посредственный скульпторъ и, однимъ словомъ, человѣкъ многихъ знаній въ довольномъ степенѣ" (стр. 41). При этомъ благоговѣніи къ памяти Волкова, Новиковъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ его литературнымъ произведеніямъ. Но прошли какія-нибудь девять лѣтъ со смерти основателя российскаго театра (1763 г.), и уже всѣ почти сочиненія Волкова утратились [1]). Новиковъ въ своемъ Словарѣ „хотѣлъ бы сообщить и всѣ его стихотворенія; *но ни у кого не могъ отыскать* [2]). Заглавія двухъ-трехъ сочиненій Волкова въ Новиковскомъ Словарѣ остались для изслѣдователей русской литературной исторіи единственнымъ указаніемъ на слѣды литературныхъ трудовъ этого знаменитаго самоучки. Поиски за произведеніями Волкова, по указанію Словаря, окажутся, можетъ быть, не безплодными и, конечно, бросятъ новый свѣтъ на симпатическую, полную художественныхъ стремленій личность ярославскаго купца. „Изъ его сочиненій, — говоритъ Новиковъ, — остались извѣстными мнѣ только двѣ пѣсни: Ты проходишь мимо кельи, дорогая, Станемъ, братцы, пѣть старую пѣсню и одна эпиграмма" [3]). Одна изъ упомянутыхъ здѣсь пѣсенъ записана была въ текущемъ столѣтіи изъ устъ народа Прачемъ, и напечатана въ его Собраніи русскихъ народныхъ пѣсенъ (изд. второе, 1815 г., часть 1, стр. 21) въ слѣдующемъ видѣ:

Какъ проходитъ дорогая мимо кельи,
Мимо кельи, гдѣ чернецъ, бѣднякъ горюетъ.
Гдѣ постриженъ добрый молодецъ неволей,
Гдѣ наказанъ онъ суровой въ жизни долей:
И онъ красную дѣвицу умоляетъ:
„Ты зайди, зайди, красотка, въ мою келью;
„Ты сними съ меня, драгая, камилавку,
„А потомъ сними съ меня и черну ряску,
„Приложи ты свои руки къ моей груди,
„Ты пощупай, какъ трепещетъ мое сердце:
„Облилося оно кровью съ частыхъ вздоховъ;
„Посмотри на лицо, блѣдностью покрыто:
„Во всю жизнь свою въ слезахъ я утопаю
„Что по той ли въ свѣтѣ прежней моей жизни;
„Не грѣхамъ-то я спасенье умоляю,
„Все я васъ, красныхъ дѣвицъ, здѣсь вспоминаю".
Умилилась красна дѣвица надъ старцемъ,
Утирала горючія его слезы,
Унимала старца въ келейкѣ спасаться:

---

[1]) Опытъ историческаго словаря, стр. 41.
[2]) Тамъ же, стр. 43.
[3]) Тамъ же, стр. 41.

„Ты спасайся доброй молодецъ во кельѣ,
„Позабудь объ нашей суетной жизни“ [1]).

Эта пѣсня достаточно свидѣтельствуетъ, какъ вѣренъ былъ Волковъ мотивамъ народной поэзіи, можетъ быть, и пробудившей въ немъ впервые его художественныя наклонности.

Возвращаясь къ сборнику г. Ефремова, мы находимъ въ немъ перепечатку извѣстной статьи „Nachricht von einigen russischen Schriftstellern“, написанной (какъ доказалъ проф. Сухомлиновъ) Дмитревскимъ. Эта статья (съ прибавленіемъ русскаго перевода) была уже воспроизведена въ „Библіографическихъ Запискахъ“; французская передѣлка ея также была перепечатана въ „Revue étrangère“ 1851 года. Г. Ефремовъ снова перепечатываетъ въ своемъ изданіи эти три статьи, вѣроятно, потому, что (по его словамъ) „ближайшимъ поводомъ къ составленію новиковскаго словаря было появленіе „Извѣстія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ“ въ одномъ лейпцигскомъ журналѣ“. Въ выноскахъ къ русскому переводу, подводя варіанты французскаго текста, г. Ефремовъ замѣчаетъ, что Новиковъ „внесъ значительную долю свѣдѣній изъ „Извѣстія“ въ свой „Опытъ словаря“, но *пополнилъ и исправилъ ихъ свѣдѣніями*, отчасти *лично собранными* имъ изъ изустныхъ разсказовъ, отчасти *изъ печатныхъ изданій того времени*“ (стр. V). Г. Ефремовъ не обратилъ вниманія на то, что Новиковъ часто совершенно расходится съ авторомъ „Извѣстія“ въ сужденіяхъ о русскихъ писателяхъ своего времени, и потому сужденіямъ этимъ нельзя отказать въ самостоятельности. Мы видѣли, какъ холодно отнесся къ Лукину и съ какими надеждами встрѣтилъ Фонъ-Визина Новиковскій Словарь. „Извѣстіе“, напротивъ, восхваляя Лукина, холодно отзывается о Фонъ-Визинѣ. По словамъ „Извѣстія“, Лукинъ „написалъ *первую оригинальную русскую комедію* „Мотъ, любовію исправленный“. Авторъ *держался въ ней близко нравовъ своего отечества и, сколько возможно, соблюлъ правила театра*. Можетъ быть, *это и было причиной, отчего пьеса пользовалась особеннымъ и постояннымъ успѣхомъ“*. Сужденіе это высказано человѣкомъ, близкимъ къ Лукину, какъ можно заключить изъ слѣдующаго замѣчанія „Извѣстія“ о Лукинѣ: „У него есть *теперь* нѣсколько готовыхъ пьесъ, которыя будутъ въ скоромъ времени представлены“ (стр. 140). Съ другой стороны, составитель „Извѣстія о русскихъ писателяхъ“, знавшій о неизданныхъ пьесахъ Лукина, не слишкомъ дружелюбно относится къ Фонъ-Визину, выражаясь о немъ такъ: „Писалъ мелкія сатирическія статьи. О немъ можно только сказать, что онъ удачный подражатель и ловко владѣетъ стихомъ. Ему двадцать-второй годъ, и потому онъ много еще обѣщаетъ въ будущемъ. Онъ передѣлалъ въ стихахъ, съ нѣкоторымъ примѣненіемъ къ нашимъ нравамъ, комедію Грессе: „Сидней“, и довольно удачно“ (стр. 140). Правда, эта оцѣнка написана до появленія

[1]) ...объ нашей суетной *объ* жизни?

въ свѣтъ „Бригадира“, но стихотворная передѣлка Фонъ-Визина „Сиднея“ стоитъ гораздо выше комедій Лукина. Пристрастіе Дмитревскаго къ Лукину видно изъ заключительныхъ словъ его статьи о Фонъ-Визинѣ: „Переводы Фонъ-Визина въ прозѣ уступаютъ отчасти его стихотворнымъ произведеніямъ“ (стр. 146). Словарь Новикова, какъ бы въ опроверженіе Дмитревскому, замѣчаетъ, что проза Фонъ-Визина „чиста, пріятна и текуща, такъ какъ и его стихи“ (стр. 231). О сотрудникѣ Словаря Чулковѣ „Извѣстіе“ говоритъ въ враждебномъ тонѣ: „Чулковъ, придворный цирюльникъ (?), издалъ небольшую комедію, подъ заглавіемъ: „Какъ хочешь назови“. Говорятъ, будто это — слабая сатира на комедіи Лукина“ (стр. 143). Очевидно, что отзывы Новикова и Дмитревскаго исходили не изъ одного и того же литературнаго лагеря, и Новиковъ въ предисловіи къ Словарю недаромъ сказалъ: „Въ 1766 году нѣкто Россійскій путешественникъ сообщилъ въ Лейбцигской журналъ извѣстіе о нѣкоторыхъ Россійскихъ писателяхъ, которое въ ономъ журналѣ на нѣмецкомъ языкѣ напечатано и принято съ великимъ удовольствіемъ. Но сіе извѣстіе весьма кратко; *а притомъ индѣ не весьма справедливо, а въ другихъ мѣстахъ пристрастно написано*“.

Напечатанное въ „Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften“ „Извѣстіе о россійскихъ писателяхъ“ приписывалось и приписывается еще теперь Богдановичу [1]), вѣроятно, на томъ только основаніи, что послѣдній въ 1766—68 гг. находился за границею [2]). Г. Ефремовъ совершенно умалчиваетъ объ этомъ обстоятельствѣ, хотя имя Богдановича связано съ исторіею біографическихъ работъ о русскихъ писателяхъ. Вслѣдъ за извѣстіемъ Дмитревскаго перепечатывая въ переводѣ записку Я. Штелина о русскихъ писателяхъ, г. Ефремовъ замѣчаетъ, что „подлинникъ ея, къ сожалѣнію, не могъ быть отысканъ“ (стр. XII). Но въ бумагахъ Штелина, хранящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ, г. Ефремовъ могъ бы найти нѣсколько любопытныхъ данныхъ объ „Извѣстіи“ и отчасти о Новиковѣ. Тамъ, въ запискѣ Штелина „Auteurs originaux russes“ находимъ нигдѣ не напечатанное указаніе, что Новиковъ учился въ петербургской академической гимназіи [3]). Въ тѣхъ же бумагахъ есть не менѣе интересная статья Штелина „Nachtrag zu den Nachrichten von der Dichtung der Russen“, вызванная „Извѣстіемъ“ Дмитревскаго, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго къ ней примѣчанія Штелина: „Всѣ упомянутые здѣсь поэты и стихотворцы находятся въ „Извѣстіи о русскихъ

---

[1]) Лонгиновъ, „Новиковъ и московскіе мартинисты“, стр. 34.

[2]) Автобіографія Богдановича въ „Отеч. Запискахъ“, т. LXXXVII, Смѣсь, стр. 185.

[3]) Novicoff—un assesseur titré qui ayant fait ses études à l'Academie de Sciences de Petersbg. et à l'Université de Moscou a publié par l'impression un journal littéraire et la bibliothèque ancienne Russe en 8 vol., dans laquelle se trouvent beaucoup de pièces importantes tirées des archives.

писателяхъ“ [1]), сочинитель котораго хотѣлъ собственно перечислить всѣхъ жившихъ тогда въ Россіи писателей. Но это „Извѣстіе“ кишитъ (wimmelt) людьми темными (viris obscuris), бездарными и жалкими писаками. Кто написалъ и напечаталъ когда-либо жалостную пѣсенку, натянутый мадригалъ, сонетъ или какіе-нибудь мелкіе стишки на случай, тотъ былъ вносимъ въ это „Извѣстіе“; другіе же, болѣе заслуженные люди, которые или не были знакомы незрѣлому автору, или не считались въ числѣ друзей его, были исключаемы“. Кто эти „болѣе заслуженные люди“, не упомянутые въ „Извѣстіи“ Дмитревскаго, изъ словъ Штелина не видно. Но отраженіе негодованія нѣмца на русскаго „незрѣлаго автора“, дерзнувшаго перечислять всѣхъ „жившихъ тогда въ Россіи“ писателей, слышится и въ желчномъ отзывѣ Шлецера о Новиковѣ. Представляемъ неизданное Дополненіе Штелина къ „Извѣстію о русскихъ писателяхъ“ въ возможно близкомъ переводѣ:

„Съ правленіемъ императрицы Елизаветы Россія вообще, а вмѣстѣ съ нею и русская поэзія пріобрѣли новое значеніе. Камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ истиннымъ меценатомъ и обращалъ благоволеніе императрицы на русскихъ Виргиліевъ, Гораціевъ и Овидіевъ (такъ назвалъ Поповскій, въ стихахъ къ вырѣзанному на мѣди портрету Ломоносова, этого перваго русскаго поэта).

„Ломоносовъ и Сумароковъ впервые стали писать стихи нѣмецкимъ размѣромъ; онъ тотчасъ же встрѣтилъ общее одобреніе и нашелъ послѣдователя даже въ бѣдномъ Васильѣ Тредьяковскомъ, который хотѣлъ было противопоставить новому стихосложенію старое, безъ размѣра, и свои незамысловатые стихи въ латинскихъ метрахъ, но тѣмъ только сдѣлалъ себя смѣшнымъ. Впослѣдствіи и онъ хотѣлъ приладиться къ новому стихосложенію, но не имѣлъ въ томъ успѣха и долженъ былъ убраться съ своимъ стихотворнымъ хламомъ. Ломоносовъ такъ ненавидѣлъ и угнеталъ Тредьяковскаго, что онъ даже былъ отставленъ отъ академіи. Утопая, онъ схватился, какъ за спасительную доску, за продолженіе начатаго имъ перевода Ролленевой „Исторіи римской и древнихъ монархій“. Въ отставкѣ онъ довершилъ этотъ трудъ во многихъ квартантахъ (которые и были изданы при академіи) и съ тѣмъ вмѣстѣ кончилъ свою жизнь въ 1768 году.

„Ломоносовъ въ Фрейбергѣ, въ Саксоніи, и въ Марбургскомъ университетѣ научился по-нѣмецки и почти наизусть выучилъ стихотворенія Гюнтера. Затѣмъ онъ сталъ сначала подражать ему и послалъ свою первую русскую оду, въ Гюнтеровскомъ размѣрѣ, *На взятіе Очакова* (1738 г. sic!) къ президенту Петербургской Академіи наукъ, барону Альбрехту фонъ-Корфу. Въ этой одѣ въ первый разъ обратили вниманіе на неизвѣстную до того и еще менѣе общераспространенную въ Россіи скансію (scansion) или ямбическую и трохаическую стопу, какъ

---

[1]) Въ подлинной запискѣ Штелина оставлено мѣсто для этого заглавія.

и въ нѣмецкихъ стихахъ. Это всѣмъ понравилось; размѣру стали подражать, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался столь же необходимымъ въ стихахъ русскихъ, какъ и въ нѣмецкихъ.

„Сумароковъ, который помимо этого находился въ постоянной враждѣ и спорахъ [1]) съ Ломоносовымъ, не хотѣлъ уступить ему чести перваго изобрѣтенія или введенія стихотворнаго размѣра, но вездѣ доказывалъ, что онъ въ то же самое время и даже раньше писалъ скандированные русскіе стихи. Но это—наглая ложь: ибо новое Ломоносовское стихотвореніе появилось годами шестью ранѣе Сумароковскаго.

„*Александръ Петровичъ Сумароковъ*, дворянинъ Новгородской губ., сынъ генералъ-майора († въ Москвѣ 1775 г.), воспитывался въ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ. По восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ капитанъ-лейтенанту императорской лейбкомпаніи, графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, который принесъ его стихотворенія къ подножію трона. Въ 1752 году онъ написалъ свою первую русскую трагедію, „Синавъ и Труворъ“, которая представлена была кадетами Петромъ Мелиссино, Свистуновымъ, Бекетовымъ и Остервальдомъ сначала въ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ при дворѣ, съ большимъ успѣхомъ. Въ 1772 году онъ сочинилъ новую трагедію „Дмитрій Самозванецъ“, которую онъ и напечаталъ. Она была представлена при дворѣ, но одинъ только разъ потому что въ ней находили такъ много непозволительнаго, что не считали полезнымъ давать ее чаще. Когда въ 1773 году появился въ Оренбургѣ разбойникъ Пугачевъ и сильно встревожилъ государство,

---

[1]) *„Враждѣ и спорахъ.* Если одинъ изъ нихъ говорилъ о другомъ, то никогда не упоминалъ его имени, не прибавивши: дуракъ. Однажды я вмѣстѣ со многими другими былъ приглашенъ въ гости къ камергеру Шувалову, Ломоносовъ и Сумароковъ — также. Послѣ всѣхъ, когда мы стояли уже у стола и разговаривали съ камергеромъ, явился Ломоносовъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ замѣтилъ Сумарокова. Онъ тотчасъ пошелъ къ дверямъ, чтобы выдти. Камергеръ закричалъ ему вслѣдъ: „Куда, куда? Мы сейчасъ садимся за столъ!“—„Вы можете,—отвѣчалъ Ломоносовъ,—но не я, потому что я не могу видѣть себя за однимъ столомъ съ такими болванами (Stocknarren), какъ Сумароковъ“. И затѣмъ онъ вышелъ, не давши себя удержать привѣтливому хозяину. Ломоносовъ умеръ весною 1764 года (sic!). При его великолѣпномъ погребеніи находился и Сумароковъ. Увидавши покойнаго въ гробу съ открытымъ лицомъ, онъ обратился къ статскому совѣтнику Штелину со словами: „Лежитъ дуракъ и не будетъ больше болтать“.—„Къ вашему счастію“,—возразилъ статскій совѣтникъ:—„зато теперь вы можете говорить гораздо больше, зная, что вамъ нечего бояться его“. Тогдашній камеръ-юнкеръ Андрей Петровичъ Шуваловъ напечаталъ на смерть Ломоносова превосходную оду на французскомъ языкѣ, въ которой онъ изображаетъ Ломоносова лебедемъ, Сумарокова же (не называя, впрочемъ, по имени) — презрѣнною лягушкой“. *Примѣч. Штелина.*

нѣкоторые патріоты говорили: „Дмитрій Самозванецъ“ Сумарокова могъ бы породить еще болѣе Пугачевыхъ.

„. . . . *Барковъ,* переводчикъ при Академіи наукъ, родился сатирикомъ; онъ и въ пьяномъ видѣ писалъ чистѣйшія и самыя замысловатыя оды и другія стихотворенія. На развращенія новыхъ знаменитѣйшихъ русскихъ поэтовъ и обезьянъ или слѣпыхъ подражателей ихъ Барковъ, въ стихотворныхъ письмахъ, написалъ ѣдкую сатиру, которая, хотя и ходила по Москвѣ и Петербургу безъ его имени, но всѣми была признана за дѣтище Баркова.

„*Поповскій,* украинецъ и ученикъ Ломоносова, былъ искуснымъ переводчикомъ въ стихахъ и самъ писалъ изрядныя стихотворенія. Однажды (1756 г.) онъ стихами перевелъ поэтическое объясненіе Штелина къ аллегорическому фейерверку, на новый годъ, такимъ же числомъ слоговъ, какъ и нѣмецкая проза (то-есть въ такомъ же числѣ стиховъ, какъ и нѣмецкій оригиналъ), не прибавляя и не выпуская ни одной мелочи въ содержаніи. Камергеръ Шуваловъ не прежде могъ понять это, какъ то ему было доказано. Онъ былъ сдѣланъ ректоромъ московской гимназіи. Онъ перевелъ „Essay upon man“ Попе (съ французскаго перевода) русскими стихами такъ хорошо, что княгиня Дашкова и многіе знатоки признали этотъ переводъ столь же изящнымъ, какъ и оригиналъ. Св. синодъ сначала противился напечатанію этой поэмы, но г. камергеръ Шуваловъ умѣлъ убѣдить двухъ знатнѣйшихъ епископовъ и членовъ Св. синода, чтобы она была напечатана безпрепятственно. Съ того времени вышло уже второе изданіе ея. Онъ умеръ ректоромъ гимназіи (отъ нетрезвой жизни) въ 1761 году.

„Въ правленіе императрицы Екатерины II на небѣ русской поэзіи появились звѣздами первой, второй и третьей величины:

„*Херасковъ* — русскій дворянинъ, ученикъ московскихъ гимназій и университета, коего директоромъ онъ былъ впослѣдствіи на мѣсто статскаго совѣтника Мелиссино—напечаталъ оду на коронованіе императрицы Екатерины II, потомъ героическую поэму на морскую побѣду русскихъ надъ турецкимъ флотомъ при Чесмѣ, затѣмъ большую эпическую поэму въ пѣсняхъ подъ заглавіемъ „Россіяда“.

„. . . . *Майковъ* — русскій дворянинъ и капитанъ императорской гвардіи, писалъ различныя остроумныя стихотворенія, между прочимъ одно на игру ломберъ. Онъ напечаталъ трогательный мадригалъ на смерть майора Беклешова, убитаго въ сраженіи съ турками на Днѣстрѣ 13-го сентября 1769 г., и на побѣду, одержанную русскими. Послѣ торжества коронаціи ея величества представлена была въ сентябрѣ 1762 г. на придворной сценѣ его первая трагедія „Агріопа или сама себя поражающая невѣрность“ при всеобщемъ почти одобреніи публики. Только послѣдній актъ порицали за излишнюю растянутость. Вторая его трагедія изъ персидской исторіи „Смердисъ“, говорятъ, еще болѣе удалась ему и вскорѣ будетъ представлена.

„. . . . *Державинъ* — отставной чиновникъ, сдѣлалъ себѣ карьеру сатирическою одой подъ заглавіемъ Мурза [1]) (которому, какъ татарину, впервые попавшему изъ своей родины въ резиденцію русской императрицы, многіе обычаи и злоупотребленія кажутся смѣшными etc.); она была напечатана въ началѣ первой части ежемѣсячника „Собесѣдникъ", составлявшагося княгинею Дашковою. Ибо Державинъ не только получилъ въ подарокъ отъ императрицы прекрасную золотую табакерку и 500 червонцевъ, но, годъ спустя, и производство въ чинъ бригадира или статскаго совѣтника и должность губернатора въ новооткрытомъ Олонецкомъ намѣстничествѣ.

„NB. Мимоходомъ упомяну объ его прекрасной и даровитой (geschikten) супругѣ, которая изобрѣла какой-то новый родъ силуэтовъ или, по крайней мѣрѣ, впервые познакомила съ нимъ русскихъ (годами двумя ранѣе г. Антиньи). У меня есть вырѣзанная ею картина почти въ $1^1/_2$ фута длины и въ 1 футъ вышины, на которой въ прекрасной композиціи представлено все семейство г. генералъ-прокурора князя Вяземскаго въ совершенно сходныхъ силуэтныхъ въ профиль изображеніяхъ. Картина представляетъ залу; въ растворенное окно открывается видъ въ садъ— таковъ прелестный фонъ картины. Въ залѣ старшая дочь князя играетъ на клавесинѣ, вторая княжна стоитъ рядомъ съ ней, какъ бы перевертывая листъ нотъ; третья, стоя за стуломъ, слушаетъ. Между двумя окнами, выходящими въ садъ, висятъ въ овальныхъ рамахъ очень схожіе портреты князя и княгини Вяземскихъ въ силуэтныхъ профиляхъ".

Этимъ оканчивается Дополненіе Штелина къ „Извѣстію" Дмитревскаго. Въ пристрастной запискѣ нѣмца есть нѣсколько характеристическихъ и важныхъ указаній. Замѣчательно, что, упрекая Дмитревскаго за помѣщеніе въ „Извѣстіи" писателей бездарныхъ и людей темныхъ, Штелинъ въ своемъ Дополненіи къ „Извѣстію" бросаетъ невыгодный свѣтъ на классическихъ писателей русскихъ XVIII в. Ломоносова, Сумарокова, Державина, путая имена и числа... Записка Штелина не кончена и не обработана: это одинъ эскизъ задуманнаго имъ труда. Штелинъ искалъ себѣ помощника для этого дѣла и нашелъ его—въ Богдановичѣ.

Въ бумагахъ Штелина сохранилось слѣдующее письмо къ нему И. Ѳ. Богдановича (безъ означенія года): „Monsieur! Pour commencer ce que vous j'ai promis, Monsieur, je vous envoy l'article de l'un des anciens poêtes russes.

„*Sémion Polotzky,* moine à Moscou, a mis en vers le livre des Psaumes et les Huit Cantiques tirés de l'Ecriture Sainte comme celui des Enfants d'Israel, du prophète Ionas, des trois jeunes heureux etc., cantiques qui suivent immédiatement après les Psaumes de David imprimés à l'usage de l'église sous le titre de *Psaltir,* livre trop connu pour en faire ici une longue observation. Apparement son grand penchant pour la poésie l'avoit

[1]) Читай: Фелица.

engagé de mettre aussi en vers l'almanac écclésiastique, joint à ses Psaumes et à ses cantiques. Le Patriarche avoit admiré ses vers surtout l'almanac, qu'un moine sut rendre en vers bien mesurés comme tous les autres, quoique sans cadence qu'on ne connoissoit pas alors. Il dit dans sa préface qu'ayant lu en langue Hébraique les Psaumes versifiés, comme aussi en Polonoise, il n'en fut qu'un simple imitateur, mais il fut le premier qui écrivit un almanac en vers malgrès la difficulté, que les differents noms des saints ne sont pas faits pour rimer ensemble, comme ils le sont pour être placés dans le paradis. Un moine ne peut-il faire un miracle? et la poésie peut avoir les siens. A l'égard de ce moine tout ce qu'on peut tirer de ce livre, c'est qu'il l'a fait imprimé en 1680 sous le règne du Zar Michel avec l'approbation du patriarche Ioachime. On en trouve un exemplaire avec les notes inscrites dessus les Psaumes dans le gout des cantiques polonois ou même ce sont des notes qu'il a pris chez cette nation et les a appliquées au texte russe trouvant la mesure égale. On a encore de ce moine differens livres en prose imprimés de son temps et défendus après, à cause que le peuple superstitieux ne pouvoit éstimer que les livres de leurs ancêtres, lesquels seuls, disoit-il, ont été dictés par le S. Esprit. L'enthousiasme pour les livres de la vielle impression étoit si fort qu'un moindre changement ou la plus legère correction des mots peu intelligibles—l'on voyoit naître des schismes, dont chacune intrepretoit ces mots selon son entendement et taxoit d'hérésie et d'innovation tous les livres, qui ne ressembloient pas à ceux, qui ont été dictés par le S. Esprit. Telle étoit la persuasion du peuple jusqu'à ce qu'il n'avoit pas besoin de tant de disputes pour être gouverné par les meurs (sic!) à l'avantage et à la gloire des souverains, qui le rendent plus heureux, et nous le sommes à présent, si nous voulons l'être.

„Peut-être, dans l'histoire de la Russie y-a-t il quelques anecdotes sur l'origine et la vie de ce moine; car de son temps on a déjà écrit l'histoire avec assez de circonstances et ce poête n'est pas un personnage à être oublié, car je me souviens d'avoir lu quelque part qu'on lui attribue certaines prophéties, et que ses prédictions de Pierre le Grand se sont réelement accomplies. Il n'est pas surprenant, qu'il eût été un bon prophète, car l'imagination des poètes avoit si souvent contribué à notre bonheur, que la superstition veut réaliser et que le bon esprit approuve. Il étoit agréable de croire ces prédictions, lorsque Pierre le Grand les avoit justiflé, bien qu'il ne les crût pas.

„J'aurois pu vous donner quelques notions sur la poésie du prince Cantémir, celle de l'archevêque Phéophan et de l'autre Krolik, qui tous les deux ont écrit quelques vers à l'éloge du premier, mais il me manquent à cette heure et, peut-être, les avez vous déjà. Dans la collection des sermons de Phéophan touios les ouvrages sont indiqués, si vous voulez voir. De mon coté je me ferai toujours un plaisir de vous être utile en quelque chose, et de m'instruire en même temps par vos lumières, vous priant d'être persuadé de

l'estime et de considération, avec laquelle je suis, Monsieur, votre très affectionné et très obéissant serviteur H. de Bogdanowicz. Lundi... Je suis forcé de vous dire que le courrier pour Irkoutzk nous a manqué: il faut attendre une autre occasion".

Очевидно изъ этого письма, что Богдановичъ не могъ быть авторомъ того „Извѣстія о русскихъ писателяхъ", которое возбудило такое негодованіе въ Штелинѣ. Полагаемъ, что сотрудничество Богдановича понадобилось Штелину, когда онъ сталъ составлять свое Дополненіе къ „Извѣстію о русскихъ писателяхъ", то-есть около 1783 года. Богдановичъ не могъ еще участвовать въ другой запискѣ Штелина о русскихъ писателяхъ, не идущей далѣе 1762 года и весьма небрежно перепечатанной г. Ефремовымъ въ его „Матеріалахъ" изъ „Москвитянина" [1]).

Заключая наши замѣтки о Словарѣ Новикова, пожелаемъ въ слѣдующихъ выпускахъ „Матеріаловъ" г. Ефремова найти болѣе умѣренные и въ болѣе литературной формѣ выраженные отзывы объ изслѣдователяхъ исторіи русской литературы.

Въ предисловіи къ первому выпуску „Матеріаловъ" г. Ефремовъ замѣчаетъ: „Въ послѣднія 10—15 лѣтъ столько было наплетено вздору о нашихъ старыхъ писателяхъ въ разныхъ мемуарахъ и псевдо-ученыхъ изслѣдованіяхъ... Представителемъ второй категоріи (продолжаетъ г. Ефремовъ) служитъ нѣкто г. Елисей Колбасинъ, къ счастію недолго остановившійся на исторіи литературы и вскорѣ занявшійся издѣліемъ дюжинныхъ повѣстей и разсказовъ. Его критико-біографическіе очерки Н. Г. Кургановъ и А. Ѳ. Воейковъ, бѣдные по содержанію и по скудному знанію предмета, о которомъ онъ брался писать, но богатые обиліемъ грубыхъ ошибокъ, искаженіями и ненужнымъ многословіемъ, надолго будутъ служить образцомъ „самаго безцеремоннаго обращенія съ наукою" (стр. IV). Такъ жестко отзывается г. Ефремовъ о другихъ. Во всякомъ случаѣ „псевдо-ученыя" изслѣдованія писать труднѣе, нежели небрежно перепечатывать чужіе труды или страдательно повторять результаты чужихъ разъясненій; на какой сторонѣ болѣе безцеремоннаго обращенія съ наукою—этого рѣшать не беремся.

---

[1]) Такъ г. Ефремовъ перепечатываетъ: „Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ (Ададуровъ) получилъ чинъ тайнаго совѣтника и опять сдѣлался кураторомъ университета на мѣсто умершаго Высоцкаго (?)" (стр. 167). Г. Ефремову стоило только справиться съ „Исторіею Московскаго университета" Шевырева (стр. 81—84), чтобы уничтожить здѣсь свой вопросительный знакъ и вмѣсто невѣрной фамиліи Высоцкаго поставить Веселовскаго. Изъ той же книги Шевырева онъ могъ бы узнать, что Ададуровъ занялъ мѣсто куратора не по смерти Веселовскаго (какъ говоритъ Штелинъ), а по выходѣ его въ отставку въ 1762 году.

ЗАМѢТКА О РѢДКОЙ КНИГѢ [1]).

„Essai sur la littérature Russe contenant une liste des gens de lettres Russes qui se sont distingués depuis le règne de Pierre le Grand. Par un Voyageur Russe“. „Опытъ о русской литературѣ, содержащій въ себѣ перечень Русскихъ литераторовъ со времени царствованія Петра Великаго. Соч. Русскаго путешественника“. Напечат. въ Ливорно (въ Тосканѣ) въ 1771 г., перепечатано въ „Revue Etrangère“, Спб., 1851 г.

Недавно С. Д. Полторацкому удалось отыскать экземпляръ очень рѣдкой и любопытной книжки „Опытъ о русской литературѣ“, написанной восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ какимъ-то Русскимъ путешественникомъ и изданной въ Ливорно. Этотъ „Опытъ“ былъ, по словамъ С. Д. Полторацкаго, указанъ до сихъ поръ только двумя библіографами: П. Кеппеномъ въ *Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи* и Гофманомъ въ *Bulletin du bibliophile Belge* (1849 г., № 9). Наконецъ, случай доставилъ въ руки г. Полторацкаго эту любопытную брошюру, послѣ двадцатипятилѣтнихъ поисковъ.

Прежде всего представляется вопросъ: кто былъ авторомъ этого любопытнаго „Опыта“? Этого, къ сожалѣнію, мы не знаемъ. „Авторъ этого опыта, *Русскій путешественникъ* (говоритъ г. Полторацкій), остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ“. Издавая свой „Опытъ словаря о россійскихъ писателяхъ“, Новиковъ сказалъ въ предисловіи: „Всякія извѣстія до Россійской исторіи касающіяся иностранными народами принимаются со удовольствіемъ. Между прочими въ 1766 году нѣкто Россійскій путешественникъ сообщилъ въ Лейбцигской журналъ извѣстіе о нѣкоторыхъ Россійскихъ писателяхъ, которое въ ономъ журналѣ на нѣмецкомъ языкѣ напечатано и принято съ великимъ удовольствіемъ. Но сіе извѣстіе весьма кратко, а притомъ индѣ не весьма справедливо, а въ дру-

---

1) [Замѣтка эта, безъ даннаго ей здѣсь заглавія, напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1851 г., № 150. О той же книжкѣ см. „Библіографическія Записки“ 1861 г., № 20, сообщеніе М. Михайлова, гдѣ редакція въ примѣчаніи указываетъ, что предположенія, высказанныя Тихонравовымъ въ замѣткѣ, подтвердились].

гихъ мѣстахъ пристрастно написано". Позволю себѣ одну догадку, имѣющую за себя нѣкоторыя данныя: не есть ли изданный нынѣ „Опытъ" одно и то же съ „Извѣстіемъ", напечатаннымъ въ Лейпцигскомъ журналѣ? На это предположеніе должно, кажется, отвѣчать утвердительно. Авторомъ послѣдняго Новиковъ называетъ также какого-то Россійскаго путешественника, который, безъ сомнѣнія, съ авторомъ нашего „Опыта" составляетъ одно лицо. Это первое основаніе. Сличая извѣстія, находящіяся въ Словарѣ Новикова, съ характеристиками, которыя предлагаетъ Русскій путешественникъ, мы легко можемъ замѣтить, что Новиковъ пользовался матеріалами, которые были обнародованы Русскимъ путешественникомъ. Съ другой стороны, мы въ правѣ думать, что Новиковъ, по крайней мѣрѣ до изданія Словаря, не имѣлъ подъ руками „Опыта", изданнаго въ Ливорно. Это можно вывести изъ того, что Новиковъ нигдѣ не упоминаетъ о немъ, и, съ другой стороны, изъ того, что „Опытъ" изданъ въ 1771 году, а Словарь Новикова въ 1772 году, и, слѣдовательно, едва ли „Опытъ" Русскаго путешественника могъ въ такое короткое время дойти до Россіи и попасть въ руки Новикову. А между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ извѣстіяхъ Новикова и Русскаго путешественника замѣтно огромное, часто даже буквальное сходство. Это-то и заставляетъ насъ предположить, что „Опытъ" Русскаго путешественника есть только переводъ статьи того же автора, помѣщенной въ Лейпцигскомъ журналѣ 1766 года и упомянутой Новиковымъ въ предисловіи къ Словарю. Желательно, чтобъ люди, имѣющіе къ тому возможность, сравнили статью Лейпцигскаго журнала съ брошюрою, перепечатанною г. Полторацкимъ.

Теперь посмотримъ, какъ велико сходство между извѣстіями Русскаго путешественника и извѣстіями Новикова. Замѣтимъ, что всѣ писатели, упомянутые Русскимъ путешественникомъ, находятся и въ Словарѣ Новикова. Вотъ всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ Новиковъ очевидно слѣдовалъ Русскому путешественнику.

Русскій путешественникъ:	Новиковъ:
Gedeon (чит. Guédéone) *archimandrite* d'un couvent à *Nowgorod* étant prédicateur de la cour composa un grand nombre de beaux sermons, qu'il a publiés en sept volumes et dont quelques uns peuvent être mis à côté de ceux de *Prokopowitsch.* Il mourut trop tôt pour notre éloquence ecclésiastique, l'an 1762, n'ayant pas encore atteint sa 40 année (стр. 7).	Гедеонъ, Епископъ Псковскій и Нарвскій[1])... Сей будучи придворнымъ проповѣдникомъ сочинилъ много поучительныхъ словъ, которыя собраны и напечатаны въ четырехъ частяхъ, въ Санктпетербургѣ, въ разныхъ годахъ. Его сочиненія весьма много похваляются, и нѣкоторыя проповѣди равняются съ Ѳеофановыми.... Онъ скончался въ 1763 году, имѣя не болѣе 40 лѣтъ отъ рожденія (стр. 49).

[1]) У митрополита Евгенія („Словарь о писателяхъ духовнаго чина", 1827, ч. II, ст. 85) Гедеонъ названъ епископомъ псковскимъ.

Статья о Поповскомъ у Новикова полнѣе; впрочемъ и въ ней онъ слѣдовалъ мѣстами Русскому путешественнику. Вотъ сходныя мѣста:

Русскій путешественникъ:

Michaila [1]) *Popofsky*, Professeur à l'Université de Moscou, a traduit en vers *l'Essai sur l'homme de Pope* et l'Art poétique *d'Horace* avec quelques unes de ses odes (стр. 7).

Новиковъ:

Поповскій, Николай Никитичъ, былъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Профессоромъ Краснорѣчія. Опытъ о человѣкѣ славнаго въ ученомъ свѣтѣ Попія перевелъ онъ... Онъ преложилъ съ Латинскаго языка въ Россійскіе стихи Гораціеву епистолу о стихотворствѣ и нѣсколько изъ его одъ (стр. 168).

Il mourut fort jeune au grand désavantage de notre littérature, ayant à peine atteint sa 30 année.

Умеръ онъ не старѣе 30 лѣтъ отъ рожденія, къ сугубому сожалѣнію любителей Россійскаго стихотворства (стр. 169).

Гораздо болѣе общаго у Новикова съ авторомъ „Опыта" въ сужденіи объ Елагинѣ.

Ivan de Jelagin (Ielaguine), conseiller intime, ministre de cabinet, directeur des plaisirs et chevalier des ordres Polonois de l'aigle blanc et de Stanislas. Il donna de bonne heure des preuves de ses talents et composa grand nombre de petits poêmes, comme des chansons, des élégies etc. qui sont toutes fort belles. Il a amplement traité des matières importantes en vers et en prose, mais l'auteur trop modeste n'a pas encore voulu donner ces ouvrage au public.

Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ, Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, Ордена Бѣлаго Орла Кавалеръ, главной Дворцовой Канцеляріи Членъ и главной Директоръ музыки и театра. Во младыхъ своихъ лѣтахъ писалъ весьма изрядныя стихотворенія, какъ-то: елегіи, пѣсни и другое тому подобное; также сатирическія письма прозою и стихами, много похваляемыя знающими людьми за чистоту стиховъ и слога... Но къ великому сожалѣнію сіи стихотворенія еще не напечатаны.

Ces traductions sont des chef-d'oeuvres pour la pureté de la langue et la facilité de l'expression (стр. 8).

Слогъ его чистъ и текущъ, а изображенія нѣжны и пріятны, а гдѣ потребно важны и сильны и его переводы по справедливости могутъ почитаться примѣрными на Россійскомъ языкѣ (стр. 64).

Gregoire Kositzky, conseiller du collège et secretaire de M. le comte

Козицкій, Григорій Васильевичъ [2]), Коллежскій Совѣтникъ у принятія

[1]) Не Михаилъ, а Николай Никитичъ, какъ сказано у Новикова, митрополита Евгенія, и какъ названъ Поповскій въ похвальной надписи, напечатанной въ „Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ" 1777 г., № 15.

[2]) Былъ адъюнктомъ Академіи Наукъ и преподавалъ реторику по Эрнестію.

Gregoire Orlov, grand maître de l'artillerie, n'a publié à la verité que quelques discours sur l'utilité de l'étude de la Mithologie et quelques traductions inserées vers l'année 1759, dans l'ouvrage périodique intitulé: *'l'abeille laborieuse*. Mais on peut présumer de ce peu de morceaux, que cet homme de lettres auroit joui d'un rang distingué parmi nos auteurs, si jadis ses affaires au gymnase, et maintenant celles qu'exige le service de son protecteur ne l'en avoient empeché (стр. 9).

челобитенъ, сочинилъ разсужденіе о пользѣ Миѳологіи, напечатанное въ ежемѣсячномъ сочиненіи, *Трудолюбивой Пчелѣ*, изданномъ 1759 года въ Санктпетербургѣ; но сіи малые опыты трудовъ его принять можно за основательныя доказательства, что сей искусный и ученый мужъ пріобрѣлъ бы непослѣднее мѣсто между славными Россійскими писателями, ежели бы не отвлеченъ былъ должностями, на него возложенными, отъ упражненія во словесныхъ наукахъ (стр. 101).

Вотъ мѣста, гдѣ Новиковъ всего болѣе сходится съ авторомъ „Опыта". Сличимъ еще два извѣстія.

Wolodimir Slatnizky, interpete du général en chef et chevalier *Pierre Iwanowitsch Panin*, a publié un ouvrage moral en prose intitulé: *Assemblée de differentes figures;* il est bien fait de même que ses traductions (стр. 13).

Золотницкой Владиміръ, Секундъ-Майоръ полевыхъ полковъ, сочинилъ двѣ нравоучительныя книжки: 1) *Общество разновидныхъ лицъ*, 2) *Басни;* также *разсужденіе о безсмертіи души*, и много сатирическихъ писемъ, одъ и тому подобнаго, которые напечатаны и похваляются довольно. Онъ перевелъ и многія полезныя книги на Россійскій языкъ.

Alexandre Ablessimow, Enseigne et Commissaire du théatre public à Moscou, a fait des épigrammes, des épitaphes et des élégies. Il a composé deux comédies qu'il n'a pas encore données au public soit par modestie, soit parce qu'il craint la critique. Mais on pourroit lui passer quelque chose, parce qu'il ne sait aucune langue étrangère et que par conséquent il n'a pas les mêmes facilités pour former son goût que ceux, qui les savent (стр. 13).

Аблесимовъ Александръ, Адъютантъ въ штатѣ Генералъ - Майора Сухотина, написалъ нѣсколько элегій, эпиграммъ и эпитафій, которыя и напечатаны въ ежемѣсячномъ сочиненіи, *Трудолюбивой Пчелѣ*, изданномъ 1759 г. въ Санктпетербургѣ [1]). Онъ имѣетъ способность писать шуточныя сочиненія и перевороты, изъ которыхъ и написалъ многія довольно удачно; но они такъ, какъ и его комедіи, еще не напечатаны и на театрѣ не представлены.

Изъ послѣднихъ сличеній видно, что заимствованія Новикова никогда не доходили до простаго повторенія словъ Русскаго путешественника, что онъ пользовался извѣстіями его съ разборчивостью. Въ

---

1) Это невѣрно: въ „Трудолюбивой Пчелѣ" напечатана была только одна элегія („Сокрылися мои дражайшія утѣхи"), помѣщенная послѣднею въ Смирдинскомъ изданіи (см. стр. 163—164 Смирдинскаго изд. и „Труд. Пчелу" 1759 г., іюнь, стр. 379).

иныхъ мѣстахъ Новиковъ прямо противорѣчитъ автору „Опыта". Послѣдній говоритъ, напр., что прозаическіе переводы Фонъ - Визина не могутъ равняться съ его же переводами въ стихахъ (стр. 12); по мнѣнію Новикова, „его проза чиста, пріятна и текуща такъ какъ и его стихи" (стр. 231).

Такимъ образомъ, изданная г. Полторацкимъ брошюра показываетъ, изъ какихъ источниковъ почерпалъ Новиковъ извѣстія для своего Словаря и какъ ими пользовался: эта любопытная книга уясняетъ дѣятельность одного изъ добросовѣстнѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ тружениковъ русской литературы,—дѣятельность, которая, къ сожалѣнію, не нашла еще себѣ достойнаго истолкователя. Но „Опытъ" Русскаго путешественника важенъ и самъ по себѣ, важенъ по тѣмъ новымъ извѣстіямъ, которыя въ немъ находятся. Изъ него, напр., вы знаете, что Ломоносовъ скромно признавался, что онъ не трагикъ, хоть и написалъ *Темиру и Селиму* и *Демофонта* (стр. 5), что „тѣ, которые хотѣли бы получить вѣрное понятіе объ этомъ великомъ человѣкѣ, могутъ справиться объ этомъ въ сочиненіи, написанномъ на Французскомъ языкѣ графомъ Андреемъ Шуваловымъ, которое содержитъ въ себѣ жизнь Ломоносова, похвальную оду ему, два перевода его *Размышленій о Божіемъ величествѣ* и письмо Вольтера съ отвѣтомъ". Вы узнаете далѣе, что „Прелеста, трагедія Ржевскаго, не долго удержалась на театрѣ, хотя въ ней и были хорошія мѣста. Вкусъ нашего партера (замѣчаетъ авторъ „Опыта") сдѣлался утонченнѣе: онъ не довольствуется болѣе всѣмъ, что̀ ему только дадутъ". Вы узнаете, наконецъ, кому подражалъ Лукинъ, узнаете, что Чулковъ былъ barbier de la cour. и т. п.

Вотъ замѣчательныя слова Русскаго путешественника о Тредьяковскомъ и Ельчаниновѣ: „Тредьяковскому принадлежитъ та честь, что онъ первый открылъ въ отечествѣ дорогу словесности (belles lettres) и въ особенности поэзіи, хотя его собственные труды не поднимаются выше посредственности. Онъ написалъ небольшое сочиненіе въ стихахъ подъ заглавіемъ: Басни и сатирическія сочиненьица. Но что̀ было чрезвычайно полезно націи, это его переводъ піитики Буало. Нація не можетъ достойно возблагодарить его за то, что онъ обнародовалъ правила поэзіи, потому что они научаютъ искусству тѣхъ, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ", и т. д. Такъ понимали Тредьяковскаго современники! Объ Ельчаниновѣ авторъ „Опыта" говоритъ: „Его героиня, какъ и героиня Вольтера (въ „Ecossaise"), сирота, благородна и очень добродѣтельна, но ея нѣжность уже слишкомъ преувеличена и утрирована; прочіе характеры изображены хорошо и закончены, такъ что съ этой стороны піеса могла бы даже поспорить съ Вольтеровой".

Впрочемъ въ „Опытѣ о русской литературѣ" есть и невѣрныя указанія и обмолвки. Авторъ, напр., говоритъ въ 1771 году, что Тредьяковскій живетъ въ отставкѣ, тогда какъ Тредьяковскій умеръ еще въ 1769 г.;

о немъ же говоритъ авторъ, что онъ уже десять лѣтъ живетъ въ отставкѣ, слѣд. онъ получилъ отставку въ 1761 году, и это невѣрно: Тредьяковскій, по словамъ сослуживца его Бакмейстера [1]), вышелъ въ отставку въ 1763 году. Первая обмолвка могла произойти оттого, что авторъ, оставаясь внѣ Россіи, можетъ быть, съ 1766 года, не зналъ о смерти Тредьяковскаго. Чесменскій бой былъ не 5-го іюля, какъ говоритъ авторъ, а 5-го іюня. Едва ли не ошибкѣ автора должно приписать и слѣдующее разнорѣчіе его съ Новиковымъ. Первый изъ нихъ говоритъ: „Il (Михайла Поповъ) est l'auteur d'un ouvrage fort intéressant intitulé: „*Dictionnaire mythologique*", qui traite des superstitions et des antiquités de nos ancêtres. Mais comme le barbier de la cour M. *Tschulkow* l'a fait imprimer en l'absence de M. *Popow*, on présume qu'ils y ont travaillé de consert" (стр. 15). По словамъ Новикова, *Баснословный Словарь* поданъ уже былъ для напечатанія въ Морскій Кадетскій корпусъ, потомъ оный утраченъ (стр. 171). Какъ согласить это противорѣчіе? Не знаемъ. Замѣтимъ только, что этого *миѳологическаго* или *баснословнаго словаря* не должно смѣшивать съ „*Описаніемъ Славенскаго баснословія*" того же Мих. Попова: Новиковъ различаетъ ихъ. Этимъ мы окончимъ нашу статью о любопытной брошюрѣ, изданной г. Полторацкимъ.

---

[1]) Бакмейстеръ, Russische Bibliothek, IV, 439.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТСКІЙ БЛАГОРОДНЫЙ ПАНСІОНЪ

и воспитанники Московскаго университета, гимназій его, Университетскаго Благороднаго пансіона и Дружескаго Общества. Сочиненіе Н. В. Сушкова. Изданіе 2-е, М., 1858 г. [1]).

I.

Книга г. Сушкова представляетъ какое-то странное литературное явленіе: это не исторія Университетскаго Благороднаго пансіона, не просто личныя воспоминанія автора о мѣстѣ своего образованія, а какой-то безхарактерный сборникъ отрывочныхъ выписокъ, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ документовъ, сбивчивыхъ и неясныхъ воспоминаній самого издателя, по увѣренію котораго она не имѣетъ притязаній „на ученое систематическое сочиненіе, это просто на просто записки". (стр. VI). Дѣйствительно, переходы отъ одного предмета къ другому обличаютъ простодушную безсвязность записокъ; но г. Сушковъ не ограничился ролью составителя мемуаровъ, не воздержался отъ нѣкоторыхъ критическихъ замѣчаній и ученыхъ разысканій. Онъ рѣшился даже очертить на нѣсколькихъ страницахъ какъ бы исторію русскихъ учебныхъ заведеній до учрежденія Университетскаго пансіона, чтобы ука-

---

[1]) [Статья эта подъ заголовкомъ „Литературныя Замѣтки" напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1858 г., литературный отдѣлъ: № 85, стр. 341—342, № 90, стр. 361—362; подъ первою статьею помѣта: „окончаніе впредь", а подъ второю: „продолженіе впредь", но продолженіе это не появилось. Въ № 91 „Моск. Вѣд." помѣщена „Замѣтка по поводу статьи г. Тихонравова о книгѣ г. Сушкова" съ *извлеченіемъ* изъ отвѣта, присланнаго Сушковымъ. Но Сушковъ этимъ не удовольствовался, и въ №№ 95 и 96 редакція должна была помѣстить весь отвѣтъ цѣликомъ въ силу „настоятельнаго требованія" автора. Объ Университетскомъ пансіонѣ и о книгѣ Сушкова говорится въ статьѣ Тихонравова о Жуковскомъ, напечатанной въ 1-й части III тома. *Ред.*].

зать значеніе послѣдняго. Но эта ученая попытка г. Сушкова оказывается крайне неудачной: нисколько не разъясняя дѣла, авторъ только обнаруживаетъ полное незнаніе историческихъ фактовъ, смѣшивая, напр., извѣстнаго Фарварсона съ столь же извѣстнымъ Фергюсономъ (стр. 3), или называя математическія школы—пріуготовительными школами при полкахъ (стр. 2). Въ приложеніяхъ, которыя занимаютъ половину книги, помѣщены выписки изъ сочиненій довольно извѣстныхъ, реэстръ изобрѣтеній Шенгелидзева и объявленіе (?) его же, а также написанное г. Сушковымъ историческое представленіе (которое, вѣроятно, понравится дѣтямъ перваго и втораго возраста) и т. п. Своего рода интересъ представляетъ напечатанное здѣсь „письмо въ Симбирскъ" Вигеля, которое не разъ напомнитъ читателю время отжившей ферулы и всяческой ограниченности старыхъ русскихъ книжниковъ, всякаго страха ихъ передъ чернокнижіемъ иноземной науки...

Всѣ эти пестрые лоскутки, сшитые г. Сушковымъ на живую нитку, составляютъ такое цѣлое, о которомъ собственно не имѣла бы права говорить критика, если бъ оно не встрѣтило уже благосклоннаго пріема въ литературѣ, если бъ многими не принимались на вѣру свѣдѣнія, весьма серьезно сообщаемыя г. Сушковымъ, если бъ, наконецъ, въ заглавіи книги не стояли слова: „Московскій университетъ", „Дружеское Общество".

Въ книгѣ г. Сушкова заключаются разсказы о Дружескомъ Обществѣ и его воспитанникахъ, объ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ и его „знаменитомъ" директорѣ Антонскомъ, о воспитанникахъ пансіона и особенно о профессорѣ А. Ѳ. Мерзляковѣ.

Не пришло еще время произносить приговоръ надъ дѣятельностью Университетскаго Благороднаго пансіона во всемъ ея объемѣ; но первые полвѣка существованія Московскаго университета, дѣятельность членовъ и воспитанниковъ Дружескаго Общества, ихъ участіе въ исторіи русскаго развитія и значеніе въ исторіи литературы настолько уже ясны, что г. Сушковъ могъ бы по крайней мѣрѣ не приписывать имъ стремленій и убѣжденій, прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя дѣйствительно ими руководили. Къ сожалѣнію, авторъ превозноситъ часто такихъ людей, которые постоянно и вѣрно служили идеямъ, вызывающимъ рѣзкое осужденіе со стороны г. Сушкова: очевидно, что за именами воспитанниковъ и членовъ университета авторъ не видитъ смысла ихъ дѣятельности, убѣжденій, которыя ими распространялись, *направленія* ихъ. Иначе, какъ понять слѣдующее мѣсто его книги: „Но вотъ настала Французская революція. Екатерина стала ближе вникать въ направленіе умовъ молодаго поколѣнія. Кн. А. А. Прозоровскій, начальствуя въ Москвѣ, встревожился вліяніемъ Ученаго Общества на мнѣнія въ образованныхъ кругахъ московскихъ жителей. Образъ мыслей тогдашнихъ вольтеріанцевъ и Новиковскія изданія мистическихъ книгъ навели (кого?) на мысль: нѣтъ ли среди членовъ его *масоновъ*, мартини-

стовъ, иллюминатовъ, даже якобинцевъ?“ (стр. 27). Какимъ образомъ также могъ бы г. Сушковъ, зная направленіе университета и литературы нашей прошлаго столѣтія, позволить себѣ слѣдующее мистическое толкованіе основанія Университетскаго пансіона: „И въ это-то время всеобщаго броженія умовъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ, между двумя революціями въ Америкѣ и во Франціи—Московскій университетъ положилъ первое основаніе Благородному пансіону, какъ бы оплотъ противъ безвѣрія Вольтеровъ, Дидеротовъ и Даламберовъ, противъ лжемудрія германскихъ и англійскихъ философовъ, противъ лжесвятости и кощунства папежниковъ“ (стр. 27—28). Никогда университетъ не имѣлъ въ виду придавать пансіону такой односторонній іезуитскій характеръ: не добродушному переводчику Вольтеровыхъ „Мыслей, выбранныхъ изъ Экклесіаста“, Хераскову могла придти въ голову такая мысль; не профессора тогдашняго университета могли служить орудіями ея исполненія или содѣйствовать ея осуществленію какимъ бы то ни было образомъ: вспомнимъ Шадена, Шварца, Шнейдера, Рейхеля, Аничкова (автора нравственно-религіозно-философическихъ произведеній, по словамъ г. Сушкова), въ философскихъ рѣчахъ и диссертаціяхъ котораго ясно сказываются начала англійскихъ деистовъ. Вспомнимъ труды Поповскаго, который переводилъ Локка, „Опытъ о человѣкѣ“, въ которомъ англійскій стилистъ-поэтъ Попе изложилъ „лжемудрыя“ воззрѣнія Болинброка и Шефтсбери; наконецъ, не Дружеское Общество, имѣвшее большое вліяніе на пансіонъ въ первое время его существованія, могло взлелѣять такую идею. Университетъ уже въ начальный періодъ своей жизни не носилъ на себѣ характера Славяно-греко-латинской академіи. Въ нихъ не было того предубѣжденія противъ европейской науки и литературы, какое, кажется, хочетъ вложить въ нихъ г. Сушковъ: ни въ нихъ, ни въ литературѣ того времени, ни въ той, которая держала тогда въ рукахъ своихъ судьбы русскаго просвѣщенія и которая давала русской литературѣ направленіе не въ ту сторону, въ которую думается г. Сушкову... Ниже постараемся мы указать тѣ педагогическія убѣжденія, которыя руководили въ то время лучшими профессорами университета, Дружескимъ Обществомъ, а черезъ нихъ и Благороднымъ пансіономъ въ первый періодъ его существованія. Ближайшей, кровной связи своей съ университетомъ обязано это среднее учебное заведеніе свѣтлыми сторонами своей дѣятельности: на немъ живо отражались и добрыя, и дурныя качества университета, изъ котораго пансіонъ (въ первое время, особенно) извлекалъ свои питательные соки. Думаемъ, что постоянное живое общеніе съ университетомъ, прямое и непосредственное вліяніе университета на личный составъ и ходъ дѣятельности среднихъ учебныхъ заведеній служитъ однимъ изъ главныхъ условій ихъ успѣха.

Мы не рѣшаемся придать Университетскому пансіону того огромнаго значенія въ исторіи русскаго образованія, какое приписывается

ему г. Сушковымъ. По его мнѣнію, „съ избраніемъ Антонскаго. тогда еще молодаго человѣка, въ наставники юношества, началось постепенное, правильное, стройное развитіе нравственно-умственнаго образованія дворянства, не скажу: въ пансіонѣ его, а смѣло провозглашу: въ Россіи!...“ Доказательство: въ 1779 г., когда основанъ былъ пансіонъ, въ обѣихъ столицахъ, собственно для дворянъ, существовало только два кадетскихъ корпуса и два училища: артиллерійское и навигаторское. Не всѣ же родители готовили своихъ дѣтей къ военной службѣ. Академія Наукъ, воспитательные домы съ своими заведеніями и коммерческое училище, какъ и Россійская Академія, позже, въ 1783 г., учрежденная (?!), даже народныя училища, еще позже открытыя, или вовсе не могли служить пособіемъ дворянству, по самому назначенію своему, или требовали достаточныхъ уже знаній и призванія отъ вступающаго, напр. въ Академію. Такимъ образомъ, кромѣ этихъ заведеній, направленныхъ собственно къ предположенной цѣли, не было, внѣ Благороднаго пансіона, никакихъ почти путей къ образованію русскаго дворянства (стр. 20).

Прежде чѣмъ говорить о средствахъ къ удовлетворенію потребности, не лучше ли спросить: какъ велика была въ нашемъ дворянствѣ Екатерининскаго вѣка потребность образованія? Современные мемуары представляютъ намъ неутѣшительный отвѣтъ. Военно-учебныя заведенія привлекали даже болѣе воспитанниковъ, нежели пансіонъ, этотъ случайный отростокъ дворянской университетской гимназіи, о которой г. Сушковъ не упомянулъ въ своемъ перечнѣ учебныхъ заведеній, служившихъ образованію русскаго дворянства. Съ другой стороны, въ самой Москвѣ существовали для дворянъ частные пансіоны, изъ которыхъ нѣкоторые пользовались въ свое время заслуженною извѣстностью: таковъ пансіонъ Шадена, гдѣ воспитывался Карамзинъ, пансіонъ Генша [1]) и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ частныхъ пансіоновъ господствовала та же система обученія, какую встрѣчаемъ въ дворянской гимназіи университета, благодаря тому обстоятельству, что университетъ постоянно знакомилъ публику съ объемомъ, методомъ, распредѣленіемъ преподаванія и учебными пособіями, принятыми въ его гимназіяхъ, прибавляя, что „по сему наставленію имѣютъ также и домашніе учители и содержащіе пансіоны поступать, дабы учащіеся у оныхъ, будучи наставляемы одинакимъ образомъ съ гимназическими учениками, тѣмъ способнѣе могли быть экзаменованы, есть ли ихъ родителямъ заблагоразсудится, на публичномъ экзаменѣ каждаго года въ іюнѣ мѣсяцѣ бывающемъ“ [2]). Дво-

---

[1]) См. интересную брошюру: „Планъ предпріемлимаго путешествія въ чужіе краи, сочиненный по требованію нѣкоторыхъ особъ содержателемъ благороднаго пансіона Веніаминомъ Геншемъ. Печат. при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“. 1777 г.

[2]) См. ежегодно издававшійся отъ университета на 4-хъ языкахъ „Способъ ученія“.

рянская гимназія служила образцомъ для частныхъ пансіоновъ и для университетскаго.

Даже внѣшняя исторія Университетскаго пансіона изложена г. Сушковымъ поверхностно и ошибочно. Какъ и когда образовалось это учебное заведеніе, объ этомъ читатель не найдетъ точныхъ свѣдѣній въ разбираемой книгѣ. „Чтобы привлечь и подготовить учениковъ, Шуваловъ учредилъ при университетѣ двѣ пріуготовительныя гимназіи: одну для дворянъ, другую для разночинцевъ, которыя и были торжественно открыты въ одно время съ университетомъ 26-го апрѣля 1755 года. Дворяне и не-дворяне, относительно помѣщенія, содержанія и надзора, были отдѣлены одни отъ другихъ; но по ученію они были въ общихъ для обѣихъ гимназій классахъ нераздѣльно. Въ 1779 году, въ одно почти время съ учрежденіемъ „Педагогической семинаріи“ при разночинской гимназіи, поэтъ Херасковъ, одинъ изъ трехъ кураторовъ университета (Шувалова и Мелиссино тогда не было въ Москвѣ), открылъ особые для воспитанниковъ дворянскаго происхожденія классы; а въ 1783 году, 31-го марта, онъ вывелъ ихъ изъ университетскаго зданія (*уже* на углу Моховой и Никитской) [1]) въ купленное по смежности съ его дворомъ строеніе. Оно занято нынѣ анатомическимъ театромъ. Такъ положено основаніе Московскому Благородному пансіону“ (стр. 5). Напрасно г. Сушковъ дѣлаетъ Хераскова какимъ-то реформаторомъ прежде существовавшаго порядка обученія,—реформаторомъ, который выдѣлилъ будто бы дворянское сословіе изъ общихъ классовъ университетскихъ гимназій. По самому уставу гимназій, ученики ихъ не должны были пользоваться однимъ и тѣмъ же общимъ преподаваніемъ, и это кастовое разграниченіе и дѣйствительно существовало въ гимназіяхъ университета въ первые годы: особеннымъ разнообразіемъ, излишествомъ предметовъ и преподавателей отличалась дворянская гимназія отъ разночинской, въ которой преподаваніе было втиснуто въ тѣсныя, узкія рамки [2]). Время разбило эту скорлупу, въ которую сначала было закупорили науку разночинской гимназіи, и соединило нако-

---

[1]) Здѣсь г. Сушковъ противорѣчитъ собственному своему показанію, сдѣланному страницею выше. Тамъ сказано: „Настоящія зданія *стараго*, какъ привыкли въ Москвѣ говорить, университета, на углу Моховой и Никитской, куплены уже въ 1785 г. и перестроены архитекторомъ Баженовымъ“ (стр. 3).

[2]) Въ то время, какъ въ дворянской гимназіи 27 преподавателей обучали благородное юношество разнымъ наукамъ и искусствамъ, въ разночинской только четыре учителя преподавали Законъ Божій, риторику, піитику, греческій языкъ, геометрію (для послѣднихъ четырехъ предметовъ одинъ наставникъ), латинскій синтаксисъ, латинскую этимологію и чтеніе. См. „Реэстръ всѣхъ ученій, которыя въ сію половину года въ дворянской гимназіи Императорскаго Московскаго университета преподаваемы быть имѣютъ“, 1756, 1757, 1758 и т. д.

нецъ въ однихъ общихъ классахъ и дворянъ, и разночинцевъ, хотя разграниченіе существовало de jure. Изъ этихъ *общихъ классовъ* не выдѣлялъ дворянскую гимназію Херасковъ, ставя ее особнякомъ подъ именемъ Благороднаго пансіона; и нельзя сказать вмѣстѣ съ г. Сушковымъ, что Университетскій пансіонъ образовался въ 1779 г. изъ первоначальной „при университетѣ дворянской гимназіи" (стр. 35). Эта гимназія продолжала существовать до 1812 года, и, слѣд., изъ нея не могъ образоваться пансіонъ: она не уничтожилась съ открытіемъ пансіона, не превратилась въ него. Г. Сушкову не нужно было наводить слишкомъ далекія и ученыя справки для того, чтобы узнать, какъ возникъ пансіонъ. Въ извѣстной „Исторіи академической гимназіи, бывшей при Императорскомъ Московскомъ университетѣ", П. Страхова [1]), онъ нашелъ бы слѣдующій разсказъ: „Какъ въ первое время по открытіи гимназіи было немного охотниковъ на штатное содержаніе въ дворянской гимназіи и потому въ этомъ отдѣленіи было довольно простору, а притомъ явились изъ иногородныхъ дворянъ, желавшіе помѣстить своихъ дѣтей въ гимназіи такъ, чтобъ они за опредѣленный взносъ денегъ пользовались помѣщеніемъ, столомъ, подъ непосредственнымъ ближайшимъ надзоромъ университетскаго начальства, и этому справедливому желанію родителей дирекція университета не отказывала. Такіе мальчики жили вмѣстѣ съ штатными учениками на дворянской половинѣ, съ ними же вмѣстѣ обѣдали и ужинали; но постели, одежду, книги и всѣ учебныя пособія должны были имѣть свои собственныя; однако же не могли носить форменнаго платья, одинаково со штатными учениками - дворянами. Но когда охотниковъ такихъ обучаться въ гимназіи съ платою за содержаніе стало являться такое число, что дирекція не имѣла уже достаточнаго помѣщенія для них, да и не могла безъ дозволенія правительства выходить за предѣлы, предписанные положеніемъ о числѣ штатныхъ воспитанниковъ, тогда университетская конференція, поставивъ сіи обстоятельства на видъ, испрашивала дозволенія учредить при университетскихъ гимназіяхъ пансіонъ для благородныхъ дѣтей, на что и воспослѣдовало разрѣшеніе въ 1779 году. Всѣхъ пансіонеровъ изъ гимназическихъ дворянскихъ камеръ вывели тогда въ особый деревянный двухъэтажный домъ, стоявшій на заднемъ дворѣ университета, и какъ содержаніе этого пансіона составило экономическую статью, а штатные воспитанники жили въ зданіи у Воскресенскихъ воротъ Китая-города, то непосредственный надзоръ какъ за самымъ содержаніемъ и продовольствіемъ, такъ и за поведеніемъ воспитанниковъ-пансіонеровъ препорученъ былъ эконому университета Ивану Прохоровичу Крупеникову, жившему въ Рѣпнинскомъ домѣ: сіи пансіонеры ходили попрежнему въ классы гимназіи и по ученію своему оставались наравнѣ съ своекоштными гимназистами подъ надзоромъ инспектора" (стр. 58—59).

---

[1]) См. сборн. „Въ воспоминаніе 12-го января 1855 г.".

Университетскій пансіонъ, какъ видно изъ этого разсказа, образовался не вдругъ: de facto онъ существовалъ уже до 1779 г.; вотъ почему и время его основанія самимъ же университетомъ опредѣлялось различно: въ „Объявленіяхъ о Благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ", годомъ основанія его указывается то 1776-й, то 1779-й г. Одно изъ такихъ объявленій (1810 г.) г. Сушковъ перепечаталъ въ своей книгѣ, намѣренно измѣнивши годы: оно прямо говоритъ, что „Императорскій Московскій университетъ, движимый патріотическимъ желаніемъ доставить почтенному дворянству всевозможные способы приличнаго сему званію воспитанія, *въ 1776 году* основалъ Благородный пансіонъ, и заведеніе сіе существуетъ *33 года* съ немалою общественною пользою". Г. Сушковъ, въ своей *перепечаткѣ*, смѣло ставитъ вмѣсто 1776-го—1779-й и вмѣсто 33-хъ—30 лѣтъ. Смѣемъ напомнить г. Сушкову, что съ историческими документами нельзя такъ вольно обращаться даже въ „неученомъ и несистематическомъ сочиненіи". Намъ не хотѣлось вскрывать передъ читателями эту невинную поддѣлку г. Сушкова, потому что „непріятно обличать обмолвки благодарнаго своимъ наставникамъ ученика" (стр. 29); но самъ г. Сушковъ вызываетъ насъ на обличеніе. „Исторія требуетъ правды и точности", говоритъ онъ одному изъ пансіонскихъ воспитанниковъ, который сказалъ что-то ошибочное объ основаніи Университетскаго пансіона. „Исторія требуетъ правды и точности", говоритъ г. Сушковъ этому неосторожному воспитаннику, которому „память сердца замѣнила память головы", и скромно совѣтуетъ... заглянуть въ первое изданіе „Воспоминаній о Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ" (стр. 29) [1]).

Мы не считаемъ себя въ правѣ пестрить столбцы неспеціальнаго изданія исчисленіемъ всѣхъ фактическихъ промаховъ и погрѣшностей, которыми изобилуетъ книга г. Сушкова: многіе изъ нихъ легко исправить, заглянувши въ Біографическій словарь профессоровъ и въ Исторію Московскаго университета. Если искаженіе печатныхъ документовъ не представляетъ для г. Сушкова особенныхъ трудностей, то еще легче могли подвергнуться извѣстнаго рода измѣненіямъ факты, заносимые издателемъ на память: тутъ и оправдаться въ ошибкѣ легче... Когда-нибудь записки другихъ разсказчиковъ, болѣе памятливыхъ, болѣе взыскательныхъ къ „правдѣ и точности", дадутъ возможность провѣрить и оцѣнить разсказы г. Сушкова обо всемъ, между прочимъ о красотѣ патріархальныхъ отношеній между разными *„благотворителями"* и ихъ приближенными,—отношеній, которыя такъ хороши на бумагѣ, что мы рѣшаемся заимствовать описаніе ихъ у нашего автора: „Заботливость родительская о дѣтяхъ и домочадцахъ (такъ называютъ на Руси добрые домо-

[1]) Для тѣхъ читателей, которые не имѣютъ подъ руками перваго изданія „Воспоминаній", прибавимъ, что это „историческое" мѣсто безъ измѣненія осталось во второмъ.

владыки свою прислугу), любовная почтительность дѣтей и домочадцевъ къ отцу-матери, барину и барынѣ, и т. д." (стр. 11). Но и подобныя краснорѣчивыя мѣста безсильны заставить насъ слѣдить шагъ за шагомъ за „Воспоминаніями" г. Сушкова и перечитывать давно извѣстное слово при погребеніи Антонскаго и столь же извѣстные анекдоты о Мерзляковѣ, или наслаждаться спискомъ именъ воспитанниковъ Московскаго университета съ стереотипными аттестаціями: „даровитый поэтъ", „славный медикъ", „академикъ" и т. п., хотя эти списки иногда прерываются фактами совершенно новыми для читателя и, къ сожалѣнію, невымышленными, напр., что г. Сушковъ воспользовался данными записокъ Храповицкаго и Грибовскаго „въ драматической піэсѣ, которая еще подъ спудомъ" (стр. 10). Статью о Мерзляковѣ мы совершенно пройдемъ молчаніемъ, потому что новыхъ фактовъ о знаменитомъ профессорѣ она не представляетъ, а искаженіе уже извѣстныхъ представляетъ не такую интересную новость въ книгѣ г. Сушкова, надъ которою слѣдовало бы остановиться. Перепечатанные здѣсь разсказы Бантышъ-Каменскаго въ двухъ изданіяхъ его Словаря достопамятныхъ людей о первой одѣ Мерзлякова въ нашихъ глазахъ не имѣютъ цѣны, потому что противорѣчатъ современнымъ дѣлу оффиціальнымъ извѣстіямъ. Догадываться о томъ, гдѣ подлинный экземпляръ этой оды (неизвѣстной г. Сушкову и автору Исторіи Московскаго университета), нѣтъ надобности, потому что существуютъ печатные экземпляры ея, которые служатъ поправкою разсказу Бантышъ-Каменскаго. Это первое произведеніе Мерзлякова напечатано въ „Россійскомъ Магазинѣ" Туманскаго (часть I, 1792 г., ноябрь, стр. 257—263) подъ заглавіемъ: „Ода, сочиненная Пермскаго главнаго народнаго училища тринадсятилѣтнимъ ученикомъ Алексіемъ Мерзляковымъ, который, кромѣ сего училища, нигдѣ индѣ ни воспитанія, ни ученія не имѣлъ". Она сообщена была Туманскому Михаиломъ Александровичемъ Ковалевымъ.

Есть въ книгѣ г. Сушкова отдѣлъ, надъ которымъ мы должны остановиться съ нѣкоторою подробностью: это разсказъ о Дружескомъ Обществѣ, которое имѣло обширное вліяніе и на университетъ, и на гимназіи его, и на пансіонъ въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія. По справедливому замѣчанію г. Сушкова, „Московскій университетъ имѣлъ въ немъ пламенныхъ союзниковъ" въ дѣлѣ общественнаго воспитанія. Какія же начала двигали этими пламенными союзниками университета (плотью отъ плоти его и костью отъ костей его), дѣятельность которыхъ займетъ не одну свѣтлую страницу въ исторіи русскаго просвѣщенія и русской литературы?

II.

Немного фактовъ донесли намъ разсказы современниковъ о началѣ и постепенномъ развитіи „Дружескаго Общества", о той скромной, но

благотворной дѣятельности его членовъ, которая не сказалась въ печатныхъ трудахъ, въ литературѣ, но, обращенная на улучшеніе школы, домашняго быта, матеріальнаго благосостоянія общества, тихо кончилась вмѣстѣ съ тѣми, которые посвящали ей себя. Записка одного изъ главныхъ основателей и самыхъ энергическихъ членовъ Общества, Шварца, составляетъ важнѣйшій документъ для исторіи основанія Дружескаго Общества. Г. Сушковъ къ матеріаламъ, до него обнародованнымъ, не прибавилъ ничего новаго; онъ только затемнилъ дѣло неумѣстнымъ предположеніемъ о времени открытія Общества, возникшимъ изъ сбивчивыхъ понятій автора о Дружескомъ Обществѣ.

По его словамъ, оно образовалось „въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, если не раньше“ (стр. 20, 23). Къ такому предположенію приводитъ его только тотъ фактъ, что „Невзоровъ, воспитанный на иждивеніи Дружескаго Общества, вызванъ былъ изъ Рязанской семинаріи въ Москву въ 1779 г., за три года слишкомъ до мнимаго открытія этого Общества“ (стр. 26). Невзоровъ дѣйствительно вызванъ былъ въ Москву въ 1779 году Шварцемъ, однимъ изъ членовъ впослѣдствіи образовавшагося Дружескаго Общества; но Шварцъ вызвалъ Невзорова какъ *инспекторъ* учрежденной въ 1779 г. на иждивеніи П. А. Демидова *Педагогической семинаріи*, многіе воспитанники которой впослѣдствіи поступили подъ покровительство Дружескаго Общества, точно такъ же какъ этимъ покровительствомъ пользовались и многіе выходившіе изъ Московскаго университета. Шварцъ былъ душою Общества; его мысль легла въ основу всего кружка и дала ему жизнь. Въ его головѣ сложился тотъ планъ, по которому дѣйствовало Дружеское Общество; но этотъ обширный планъ сложился не вдругъ и не вдругъ осуществился во всей своей разумной законченности. Многихъ тяжелыхъ трудовъ, безплодныхъ попытокъ, безотвѣтныхъ воззваній стоило Шварцу это дѣло; ему пришлось выдержать упорную борьбу и съ тупымъ равнодушіемъ, и съ клеветою и завистью окружавшихъ, прежде чѣмъ планъ, созрѣвшій въ его головѣ, воплотился цѣлостно въ Дружескомъ Обществѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ роль его какъ бы кончилась: его принудили оставить университетскую каѳедру и запереться въ деревенской глуши, гдѣ и провелъ онъ скудный остатокъ своей жизни.

Планъ былъ дѣйствительно широкъ; не силами одного человѣка можно было привести его въ исполненіе. Сначала по вызову университетской конференціи Шварцъ занялся рѣшеніемъ нѣкоторыхъ педагогическихъ вопросовъ — приготовленіемъ новыхъ учебниковъ, измѣненіями въ методѣ преподаванія, мѣрами для образованія бо́льшаго числа наставниковъ, въ которыхъ чувствовался сильный недостатокъ. Его проекты, осыпанные похвалами со стороны университетской конференціи, не нашли, однако, въ ней никакой поддержки: матеріальныхъ средствъ для осуществленія ихъ Шварцъ не получилъ. Оставалось обратиться къ частнымъ лицамъ, и 13-го ноября 1779 г. на иждивеніи Демидова

открыта была Педагогическая семинарія при университетѣ. Она возникла помимо и внѣ Дружескаго Общества. Нужно было педагогической дѣятельности Шварца встрѣтиться съ просвѣтительными замыслами Новикова, чтобы идеи перваго развернулись во всей своей полнотѣ. Шварцъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ близорукихъ личностей, которыя воображаютъ, что учрежденіе какого-нибудь педагогическаго института можетъ назваться радикальною мѣрой для доставленія учебнымъ заведеніямъ способныхъ наставниковъ, или что подобный институтъ вноситъ коренную реформу въ общественное воспитаніе. Шварцъ очень хорошо понималъ, что семейная среда и самая жизнь такъ же могущественно (даже болѣе) воспитываетъ человѣка, какъ и школа; что туда должна также проникнуть просвѣщенная мысль педагога, для того чтобы разогнать мракъ, скрывающій отъ глазъ старшихъ тотъ путь, которымъ молодое поколѣніе можетъ дойти до истиннаго образованія; что для прочнаго успѣха образованности необходимо просвѣщать по возможности массу. Его свѣжей энергіи достало на то, чтобы не отшатнуться отъ трудной и новой у насъ задачи — улучшенія семейнаго воспитанія и, опираясь на твердую руку Новикова, пойти къ указанной цѣли. За успѣхъ ручалось широкое и вѣрное пониманіе задачи, способность самопожертвованія, умѣнье создавать средства для исполненія своихъ плановъ. Встрѣча съ Новиковымъ и сближеніе съ нимъ во имя одной общей цѣли вызвали появленіе Дружескаго Общества, а Новиковъ переселился въ Москву и взялъ на откупъ университетскую типографію въ 1779 году: въ этомъ году познакомился съ нимъ и Шварцъ (по его собственному свидѣтельству). Какимъ же образомъ можно согласиться съ предположеніемъ г. Сушкова, что Дружеское Общество „возникло въ 70-хъ годахъ, если не раньше“? Самъ Шварцъ время его основанія (а не оффиціальнаго открытія) относитъ къ 1781 году. Но послушаемъ самого Шварца [1]. „Я убѣдился, что онъ (Новиковъ) рѣшился на предпріятіе, для котораго силы отдѣльныхъ людей были слишкомъ слабы, а между тѣмъ успѣхъ его былъ въ высшей степени важенъ для русскаго просвѣщенія. Я собрался съ силами и всего себя посвятилъ ему на помощь, работалъ самъ день и ночь, и такъ какъ у меня былъ многочисленный классъ слушателей, то я старался и ихъ воспламенить къ той же дѣятельности, образовать изъ нихъ переводчиковъ. Я началъ съ того, что раздѣлилъ между молодыми людьми свою библіотеку, чтобы сообщить имъ вкусъ къ такому занятію: я зналъ изъ собственнаго опыта, какъ сильно дѣйствуетъ на юную душу подарокъ новой хорошей книги. Молодые люди привязались ко мнѣ, отцы семействъ приходили меня благодарить, почти

---

[1]) Изъ собственноручной неизданной записки Шварца, составленной для представленія Шувалову. Мы пользовались, впрочемъ, ею въ написанной нами біографіи Шварца (Словарь профессоровъ Московскаго университета).— [См. 1 ч. III т., стр. 60, а также примѣчаніе стр. 7].

каждый день меня вводили въ новыя семейства, осыпали похвалами и выраженіями благодарности; со мною совѣтовались даже такіе дома, въ которыхъ были свои учителя, о выборѣ наставниковъ, о методѣ занятій и т. д. Все это исполнило меня райскими ощущеніями; я сгаралъ желаніемъ доказать благодарность свою народу, столь благородному, столь жаждущему науки. Я приходилъ въ негодованіе, видя, что недостойные, своекорыстные иностранцы обманываютъ многихъ благородныхъ отцовъ и матерей, которые горячо желаютъ дѣтямъ добра, но не имѣютъ настолько образованія, чтобы знать, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло. Поэтому я рѣшился устроить общество, которое устранило бы это зло, т.-е.: 1) по возможности распространяло бы въ публикѣ правила воспитанія; 2) поддерживало бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ и 3) старалось бы или привлекать въ Россію иностранцевъ, которые были бы способны давать воспитаніе, или—что еще лучше—воспитывать на свой счетъ учителей изъ русскихъ. Связь со многими семействами, основанная на моей профессурѣ въ университетѣ, доставила мнѣ возможность ежедневно проповѣдывать о пользѣ своихъ проектовъ. *Но долго мои усилія оставались тщетными...* Я придумывалъ всякаго рода средства, но они бóльшею частью садились на мель, точно такъ же какъ Французскія и Нѣмецкія Вѣдомости, которыя я издавалъ въ 1780 году единственно для распространенія любви къ этому дѣлу. Наконецъ, однако, удалось мнѣ воспламенить нѣсколько лицъ и убѣдить ихъ пожертвовать частію своего достоянія: такъ образовался фундаментъ нынѣшняго, такъ называемаго Дружескаго Ученаго Общества. Первые члены его были не слишкомъ достаточны и потому сначала имѣли въ виду только полезные переводы. Наконецъ, сошелся я съ теперешнимъ первымъ благодѣтелемъ Общества, Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ". Съ сыномъ его Шварцъ отправился въ 1781 году за границу, и по возвращеніи его оттуда открыто было оффиціально 6-го ноября 1782 г. Дружеское Общество, образовавшееся въ 1781 г., потому что въ необходимости Общества убѣдился Шварцъ тогда только, когда оказались недостаточными для достиженія цѣли его личныя средства, какъ, напр., изданіе въ 1780 году Французскихъ и Нѣмецкихъ Вѣдомостей для распространенія здравыхъ педагогическихъ понятій. Вотъ тѣ неопровержимыя данныя, на которыхъ годомъ основанія слѣдуетъ считать 1781.

Отвергая показаніе[1]), будто Херасковъ былъ членомъ Дружескаго Общества, г. Сушковъ говоритъ: „Еще больше сомнительно предположеніе г. Тихонравова, *будто бы Мелиссино былъ сначала ревностнѣйшимъ*

---

[1]) Не знаемъ, почему г. Сушковъ приписываетъ намъ это показаніе. Такъ какъ въ нашей статьѣ, на которую при этомъ ссылается онъ, его *нѣтъ,* то мы и не принимаемъ въ подарокъ это показаніе, не потому, впрочемъ, чтобы его опровергалъ г. Сушковъ.

членомъ Дружескаго Общества. Мелиссино желалъ слить это Общество съ „Вольнымъ Россійскимъ Собраніемъ“ и, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, поссорился съ Шварцемъ. Антонскій не причислялъ куратора къ членамъ; а ему невозможно было бы забыть въ этомъ случаѣ такого человѣка, съ которымъ онъ былъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ въ качествѣ его секретаря“ (стр. 21). Для насъ Антонскій не служитъ такимъ авторитетомъ, какъ для г. Сушкова, и его молчанію (или забывчивости) объ отношеніяхъ Мелиссино къ Дружескому Обществу мы не пожертвуемъ фактомъ несомнѣннымъ. Подчеркнутая г. Сушковымъ фраза *не есть наше предположеніе, но собственныя слова Шварца*[1]. Мало того: Мелиссино самъ былъ масономъ, по свидѣтельству того же Шварца[2].

Выдѣляя изъ Дружескаго Общества Хераскова и Мелиссино, г. Сушковъ не хочетъ оставить за нимъ и Петрова съ Карамзинымъ. „Не доказано также (говоритъ онъ на 21 стр.), чтобы Петровъ, другъ Карамзина, былъ воспитанъ, а Карамзинъ путешествовалъ за-границею на иждивеніи Общества“. Что Петровъ жилъ на иждивеніи Общества, объ этомъ свидѣтельствуетъ очевидецъ и другъ Карамзина И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ, не говоря уже о литературной дѣятельности Петрова, несомнѣнно доказывающей его тѣсную духовную связь съ Дружескимъ Обществомъ. Относительно Карамзина можемъ замѣтить г. Сушкову, что, по свидѣтельству г. Сахарова[3], членъ Дружескаго Общества „Семенъ Ивановичъ Гамалѣя принималъ дѣятельное участіе съ своими друзьями въ отправленіи въ чужіе краи знаменитаго нашего исторіографа. Ему предоставлена была самая важная обязанность: начертать планъ путешествія, указать людей, съ которыми бы могъ Карамзинъ свести полезныя сношенія. Признательный Н. М. Карамзинъ, во время своего путешествія, постоянно переписывался съ Семеномъ Ивановичемъ. Къ сожалѣнію, эти письма доселѣ еще не напечатаны“. Желательно было бы, чтобы владѣющіе этими письмами (если они дѣйствительно существуютъ) подѣлились ими съ публикою, или, по край-

---

[1]) „Er (Melissino) trat zu unserer Gesellschaft, beehrte dieselbe mit seiner Gegenwort und war unser eifrigster Mitglied“. Изъ упомянутой выше записки Шварца. Объявленіе объ открытіи Дружескаго Общества говоритъ: „Tulit ratio nostra laudem illustrissimorum atque excellentissimorum virorum Ioannis Ioannidis a Melissino, Sacrae Caesareae Majestatis intimi consellarii, et Michaelis Mathiadis a Cheraskow“. Bacmeister, Russische Bibliothek, VIII, 394.

[2]) „Ich bin Maçon, das ist wahr; einige Mitglieder sind es; Ew. Excellenz der Herr Melissino ist es selbst“. Въ запискѣ, составленной для Шувалова, не могъ же клеветать Шварцъ на своего начальника. Невольно спросишь при этомъ г. Сушкова: не масонъ ли Шварцъ, вмѣстѣ съ Шаденомъ, Рейхелемъ и другими нѣмцами (не масонами) сдѣлалъ изъ Университетскаго пансіона оплотъ противъ лжемудрія „германскихъ философовъ“?

[3]) „Сѣверная Пчела“ 1838 г., № 118, стр. 472.

ней мѣрѣ, разъяснили по нимъ темный, но весьма важный вопросъ о первоначальныхъ отношеніяхъ Карамзина къ Дружескому Обществу.

Мы сказали выше, что это Общество имѣло большое вліяніе на преподаваніе въ гимназіяхъ университета и Благородномъ пансіонѣ. Изъ среды ученыхъ друзей вышло довольно наставниковъ, еще болѣе писателей, которые вносили свои политическія убѣжденія въ кругъ тогдашней читающей публики; самимъ Обществомъ издано не мало сочиненій *воспитательнаго* характера въ обширномъ значеніи этого слова. Какъ инспекторъ университетскихъ гимназій, Шварцъ оффиціально ввелъ въ нихъ (а слѣдовательно и въ пансіонъ, находившійся подъ тою же инспекціею) новую, *свою* методу ученія. Частью онъ самъ, частью ученики его подъ его руководствомъ издали новые учебники, которые замѣтно облегчили обученіе юношества; „тѣмъ же Обществомъ вызвано было для преподаванія много ученыхъ иностранцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались профессорами и доцентами при университетѣ“ [1]).

„Въ отсутствіе Мелиссино (разсказываетъ Шварцъ) произошло много перемѣнъ. Основанъ Благородный пансіонъ на 50 человѣкъ, Педагогическая семинарія, все устройство гимназій, какъ *ложное*, измѣнено, вышло много новыхъ книгъ; типографія приведена въ такое состояніе, что не много подобныхъ было въ Европѣ; въ три года при университетѣ напечатано было болѣе книгъ, нежели во всѣ первые 24 года его существованія. Все это, равно какъ и общіе толки, что университетъ находится теперь въ лучшемъ состояніи, приливъ дворянства, которое въ болѣе значительномъ количествѣ воспитывалось въ университетѣ, все это не позволяло мнѣ ждать ничего хорошаго, говорю—мнѣ, потому что во всемъ этомъ я принималъ большое участіе“.

Чтобы понять, какое значеніе имѣло Дружеское Общество въ педагогическомъ отношеніи, намъ нужно обратиться нѣсколько назадъ.

XVII вѣкъ передалъ прошлому столѣтію свою суровую школьную дисциплину, свою мертвящую методу преподаванія. Сложившись подъ вліяніемъ Польши и наставленій старинныхъ книжниковъ, деспотическая система тогдашней школы нашла себѣ много опоры и оправданія въ самой домашней жизни русскаго человѣка, въ семейныхъ отношеніяхъ времени. Воспѣвая диѳирамбы учительской ферулѣ, грамотеи забывали въ питомцѣ человѣка, и ученіе книжное являлось ему грознымъ врагомъ, страшнымъ призракомъ чужаго міра. Гордый своею грамотностью, педагогъ привѣтствовалъ учениковъ суровыми словами:

Вси мене блюдитеся,
Нелѣностно же учитеся,
Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинни *ранамъ мучительскимъ* [2]).

---

[1]) Всѣ эти факты взяты изъ той же записки Шварца.

[2]) Изъ рукописи Императорской Публичной библіотеки (Q. III, в.): *Школь-*

И что могли вынести юные мученики изъ тогдашней школы? Какія нравственныя начала могъ передать имъ наставникъ, видѣвшій всю свою силу въ лозѣ?

Лоза дѣтямъ разумъ во главу вгоняетъ
И отъ злыхъ на добрыя дѣла возставляетъ;
Лоза родителемъ дѣти послушными сотворяетъ,
Божественнаго разума премудрѣ научаетъ
И злый обычай удобь отлучаетъ;
Лозою коя мати дѣтище не біетъ,
Удаву на шію скоро ему свіетъ и т. д.

Скудное образованіе самихъ наставниковъ часто не въ состояніи было доставить ученикамъ и тѣхъ бѣдныхъ элементарныхъ свѣдѣній, распространеніе которыхъ было едва ли не главною задачею нашихъ школъ конца XVII и начала XVIII вѣка. Сами учителя нуждались еще въ „наказаніи" такого рода: „Самимъ бы вамъ знати естество словесъ и силу ихъ разумѣти, и гдѣ говорити дебело и тоностно, и гдѣ съ пригибеніемъ устъ и гдѣ съ раздвиженіемъ, и гдѣ просто... А о семъ наипаче молитъ васъ наше худоуміе господію нашу и братію, еже бы вамъ всякимъ зѣльнымъ потщаніемъ наказати учениковъ и въ началѣ Часовника перваго стиха: *Царю Небесный утѣшителю, душе истинный* и пр., а не говорити и не учити вмѣсто душе—душѐ, яко же неискусніи слову учатъ и говорятъ: зѣло сіе и вельми Богу въ Троицѣ славимому бранно. яко вмѣсто Духа Святаго глаголютъ душю и невѣмы каку..." [1]).

Та же суровость пріемовъ, тотъ же схоластицизмъ перешелъ въ спеціальныя школы Петра, составленныя изъ самаго разнороднаго, и по нравамъ, и по возрасту, населенія. Обуздать эту силою согнанную толпу можно было только суровыми мѣрами, и безжалостный деспотизмъ русской школы былъ у мѣста, былъ явленіемъ для своего времени понятнымъ, необходимымъ. Если, по современному извѣстію, одинъ изъ товарищей учителя Фарварсона убитъ былъ учениками, не жаловавшими ни заморской, ни какой иной мудрости, то понятно, какъ сами наставники, за отсутствіемъ истиннаго интереса къ наукѣ, котораго они не въ силахъ были вдохнуть, должны были приневоливать къ ученію. И вотъ наставникъ „укрѣпляетъ ему получше ученыя вещи плетьми, дабы онъ ихъ не позабылъ" [2]). Самъ Петръ, совершенно въ духѣ современной ему школьной дисциплины, предписываетъ „сѣчь по два дни

ное благочиніе. Этотъ замѣчательный сборникъ можетъ быть названъ нашею педагогическою энциклопедіей конца XVII и начала XVIII вѣка.

[1]) См. не разъ перепечатывавшееся въ прошломъ столѣтіи „Наказаніе къ учителямъ, како имъ учити дѣтей грамотѣ и како дѣтемъ учитися Божественному писанію и разумѣнію".

[2]) Такъ говорилъ о себѣ извѣстный Селлій, наставникъ Петербургской духовной академіи. См. Чистовича, Исторія Петербургской духовной академіи. стр. 19.

нещадно батогами, или, по молодости лѣтъ, вмѣсто кнута наказать кошками" [1]). Въ классѣ морской академіи порядокъ поддерживался дядькою, который имѣлъ хлыстъ въ рукахъ; „а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, несмотря какой бы ученикъ фамиліи не былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ" [2]). Таковъ былъ нарядъ Петра. Только здравая педагогика могла перевернуть методу наставниковъ, только истинное образованіе могло устранить ее изъ школьной практики. Конечно, не поколѣніе Брудастыхъ и Алабушевыхъ могло дать порядочную систему воспитанія и преподаванія, поколѣніе, которое не переводится еще въ своихъ заповѣдныхъ уголкахъ до сихъ поръ... Не въ горячее время реформы возможно было умѣренное, щадящее обращеніе въ школахъ, наскоро и насильственно составленныхъ въ передовыхъ людяхъ русской литературы и образованности до-Екатерининской эпохи мы все еще мало встрѣтимъ истиннаго гуманизма отъ Ѳеофана Прокоповича до Ломоносова. Екатерининское поколѣніе, воспитанное въ иныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, не переживавшее такого суроваго боя съ брадатою стариною, съ недоумѣніемъ обращало взоры свои на жестокую, кровавую сторону реформы, на закоренѣлую грубость сердецъ предшествующей эпохи и тѣ порывистыя увлеченія Петра, съ которыми онъ приступалъ къ дѣлу. „Мысль, которая сдѣлалась почти общею, поселилась, къ несчастію, въ головѣ великихъ людей и которая даже на самого преобразователя Россіи простерла свое владычество, мысль, чтобы невѣжественнымъ народомъ управлять страхомъ и жестокими законами, есть сколько несправедлива, столько и противна природѣ". Такъ говорилъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей и благороднѣйшихъ писателей вѣка Екатерины II [3]), выражая общее убѣжденіе образованныхъ современниковъ. Обращаясь къ предшествующей эпохѣ, онъ замѣтилъ: „Петръ Великій не терпѣлъ ограниченій и *постепенности* въ образованіи толь многосложныхъ государственныхъ отраслей, но, желая вдругъ образовать Россію во всемъ ея пространствѣ, желая при жизни своей увидѣть оную въ цвѣтущемъ состояніи, предпринималъ для сего такія мѣры, которыя не только не произвели желанныхъ успѣховъ, но впослѣдствіи и оказали даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ тому противное" [4]).

Время и принявшаяся реформа принесли, какъ видно, не мало смягченія въ жизнь русскаго общества и сознаніе образованныхъ людей временъ Екатерины: школьная практика должна была измѣниться, и она становится живымъ, рѣзкимъ протестомъ „школьному благочинію" предшествующей эпохи.

---

[1]) Веселаго, Исторія морскаго кадетскаго корпуса, стр. 55.
[2]) Тамъ же, стр. 41.
[3]) Пнинъ, „Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи", стр. 11.
[4]) Тамъ же, стр. 9—10.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГНѢДИЧЪ [1]).

I.

Въ исторіи литературы, какъ и въ исторіи политической, есть своего рода перевороты, своего рода войны. Какъ перевороты послѣдней болѣе или менѣе отдаются въ народной жизни, такъ и перевороты въ литературѣ отражаются въ дѣятельности писателей и жизни общественной. Общее движеніе, движеніе массы увлекаетъ тамъ и здѣсь отдѣльныя личности, подводитъ ихъ подъ одинъ общій уровень. Впрочемъ не всѣхъ и не въ одинаковой мѣрѣ. Если писатель жилъ не въ эпоху застоя или ровнаго, плавнаго движенія литературы, а во время такихъ переворотовъ, когда силою геніальной личности литература измѣняла свое направленіе, когда созидались въ ней новыя начала: то исторія литературы при оцѣнкѣ отдѣльныхъ дѣятелей на поприщѣ литературы такого періода должна тѣмъ яснѣе выставить, насколько коснулось ихъ общее движеніе, и насколько они способствовали или препятствовали развитію извѣстнаго направленія литературы. Таково именно было время литературной дѣятельности Гнѣдича. Онъ пережилъ Карамзинскую эпоху; былъ свидѣтелемъ, даже участникомъ ея движенія; онъ же

---

[1]) [Біографію Гнѣдича Тихонравовъ собирался писать для Біографической Лѣтописи (словаря) студентовъ къ юбилею Московскаго университета (объ этомъ изданіи см. въ 1 ч. III тома примѣчанія къ статьѣ „Фонъ-Визинъ", стр. 13), какъ это видно изъ переписки его съ Шевыревымъ (см. статью А. Н. Пыпина въ I томѣ настоящаго изданія). Печатаемая теперь статья о Гнѣдичѣ, найденная въ бумагахъ Тихонравова неоконченною, повидимому, писана не въ одно время со статьями для Біографической Лѣтописи студентовъ; она писана на почтовой бумагѣ большаго формата съ небольшими полями, тогда какъ біографіи для Лѣтописи Тихонравовъ писалъ на писчихъ листахъ, оставляя большія поля. По самому содержанію статьи, говорящей больше о произведеніяхъ, нежели о жизни Гнѣдича, можно думать, что статья писана не для Лѣтописи; она должна быть, во всякомъ случаѣ, поставлена въ связь съ печатаемыми ниже работами Тихонравова-студента о Катуллѣ и о переводахъ Гомера на русскій языкъ. *Ред.*].

былъ и однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей Пушкинскаго періода. Къ какой же изъ двухъ эпохъ относится Гнѣдичъ по характеру своей литературной дѣятельности? Это покажетъ подробный разборъ его произведеній.

Онъ явился на литературномъ поприщѣ въ то время, когда потрясенная власть ложнаго классицизма еще не потеряла своихъ правъ. Въ разрушеніи старыхъ классическихъ идей и теорій Гнѣдичу суждено было принять важное участіе, показавъ истинные образцы классической поэзіи; но при вступленіи своемъ на литературное поприще онъ,—юноша 18 лѣтъ, неопытный, безъ руководителей, безъ ясныхъ, сознательно установленныхъ правилъ, напитанный притомъ лекціями Мерзлякова, который не отрицалъ трехъ единствъ,—онъ самъ поддался вліянію французскаго классицизма. Въ 1802 году вышелъ его переводъ трагедіи Дюсиса „Абюфаръ или Арабская семья“ [1]). Никто не будетъ отрицать въ Дюси поэтическаго таланта; но такова сила полученныхъ идей, что этотъ крутой, отъ природы неподатливый человѣкъ не могъ отвязаться отъ привычекъ и теорій, освященныхъ до него французскою сценой [2]).

Въ 1807 году уже играна была на театрѣ трагедія „Леаръ“, взятая изъ твореній Шекспира. „Кто только знаетъ названіе Шекспировыхъ трагедій,—говоритъ Гнѣдичъ въ предисловіи,—тому извѣстно, что Король Леаръ почитается англичанами лучшею изъ оныхъ“. Но если сравнить Шекспирова „Лира“ съ Гнѣдичевымъ, то замѣтимъ значительныя отмѣны. Покажемъ эти отмѣны. У Шекспира трагедія открывается тѣмъ, что Лиръ раздѣляетъ свои владѣнія между дочерями; младшей—Корделіи — онъ не даетъ ничего и изгоняетъ изъ своихъ владѣній, потому что она не умѣетъ пышными фразами выразить свою любовь къ нему. Гонериль, старшая дочь Лира, выходитъ замужъ за графа Альбанскаго, Регана за графа Корнваллійскаго, обдѣленную Корделію беретъ за себя король французскій. Графъ Кентъ пытается заступиться за нее, потому что ему понятна эта чистая, дѣвственная робость. За свое заступничество, можетъ быть, дерзкое, но правдивое и любящее, Кентъ получаетъ въ награду приказаніе въ продолженіе пяти дней оставить Англію. Впрочемъ не таковъ характеръ его, чтобы минутная вспышка, минутное забвеніе благоразумія могли испугать его и уничтожить въ немъ ту глубокую преданность, которую питаетъ онъ къ королю. „Теперь, изгнанникъ, — говоритъ онъ себѣ,— если ты сможешь послужить еще разъ тому, кто тебя осудилъ, то обожаемый тобою государь, можетъ быть, отдастъ справедливость трудамъ, которые ты поне-

---

[1]) Въ словарѣ митрополита Евгенія изд. Снегиревъ упоминаетъ еще о книгѣ: Первые опыты стихотвореній и прозаическихъ сочиненій Гнѣдича „Плоды уединенія“ (1802); но этой книги я не могъ отыскать.

[2]) Cours de littérature française p. Villemain. T. II, p. 192.

сешь“. Онъ переодѣвается, является къ Лиру, предлагаетъ ему свои услуги, слѣдуетъ за нимъ во всѣхъ его бѣдствіяхъ, самъ принимаетъ въ нихъ участіе, спасаетъ его отъ преслѣдованій дочери, насколько позволяютъ это его силы. Дочери Лира, которыя такъ плѣнили его своимъ витійствомъ, выказываютъ, наконецъ, всю низость своихъ чувствъ, всю пустоту своего сердца/ Одна изъ нихъ, чтобы выжить отца изъ своего дома, подговариваетъ подчиненныхъ всячески оскорблять и безпокоить стараго короля. „Онъ былъ упрямъ,—говоритъ одна изъ нихъ,— даже въ то время, когда еще были крѣпки его нравственныя силы. Теперь, когда онъ старъ, мы должны ожидать не только обнаруженія недостатковъ, уже такъ давно въ немъ коренящихся, но еще и странной заносчивости, которую всегда влечетъ за собою слабая и печальная старость“. Гонериль въ самомъ дѣлѣ принуждаетъ отца оставить ея домъ, гдѣ онъ постоянно встрѣчаетъ насмѣшки и непокорность; Лиръ посылаетъ Кента въ Глостеръ, гдѣ находится дочь его Регана: у ней намѣренъ поселиться старикъ. Графъ Глостеръ, владѣтель замка, совершенно преданъ Лиру, [также] сынъ его Эдгаръ; но незаконнорожденный сынъ его Эдмондъ, желая погубить Эдгара и черезъ это завладѣть одному наслѣдствомъ, представляетъ Глостеру какъ бы неохотно и нечаянно подложное письмо, въ которомъ Эдгаръ будто бы подговариваетъ его измѣнить Лиру. Глостеръ раздраженъ; Эдгару угрожаетъ смерть, но онъ бѣжитъ, переодѣтый въ сумасшедшаго. Кентъ, посланный въ замокъ Глостеръ, убиваетъ дерзкаго интенданта, который осмѣлился оскорбить его; Кента связываютъ. Является Лиръ; онъ не вѣритъ, чтобы зять его и дочь могли поступить такъ съ его посломъ. Изумленіе его переходитъ мѣру, когда Регана отказывается говорить съ нимъ подъ предлогомъ болѣзни. Наконецъ, угрозой онъ добивается разговора и то только для того, чтобъ узнать, что его не могутъ принять для жительства. Между тѣмъ французскій король, узнавши о такихъ поступкахъ съ Лиромъ, двинулъ свое войско въ Дувръ на помощь королю. Глостеръ тайкомъ удаляется изъ замка, чтобы помочь Лиру, побуждаемый къ тому какъ преданностью къ королю, такъ и полученнымъ письмомъ, „которое (какъ онъ говоритъ Эдмонду) опасно было бы сообщить другимъ“. Эдмондъ пользуется этою откровенностью Глостера для его собственной погибели, открываетъ Реганѣ отношенія Глостера къ Лиру, передаетъ ей письмо, полученное Глостеромъ. Его схватываютъ, выкалываютъ глаза и выгоняютъ изъ замка. Эдмонду поручаютъ команду надъ арміею. Эдгаръ приводитъ Глостера, отца своего, во французскій лагерь. Является Лиръ; голова его странно убрана цвѣтами: онъ помѣшался; его берутъ, приводятъ къ Корделіи. Врачъ предсказываетъ выздоровленіе: въ самомъ дѣлѣ Лиръ, пробудясь послѣ краткаго сна, узнаетъ Корделію и примиряется съ нею. Они ѣдутъ предводительствовать войсками. Эдмондъ побѣждаетъ; Лиръ и Корделія взяты въ плѣнъ, ихъ отсылаютъ, неизвѣстно куда, съ приказаніемъ лишить жизни. Между тѣмъ случай

открылъ Эдгару измѣну Эдмонда: онъ вызываетъ его на поединокъ и убиваетъ. Передъ смертью Эдмондъ объявляетъ, куда и для какой цѣли отправлены Лиръ и Корделія; спѣшатъ остановить исполненіе ужаснаго приговора, но поздно: Корделія погибла, а Лиръ, узнавши объ этомъ, умираетъ надъ ея трупомъ. Гонериль и Регана также лишились жизни. Какія же измѣненія внесъ Гнѣдичъ въ своего „Леара“? „Шекспиръ,—говоритъ Гнѣдичъ въ предисловіи, —дабы возбудить состраданіе зрителей своихъ, представилъ Леара совершенно сумасшедшимъ. Французскій драматическій писатель Дюсисъ, передѣлавъ сію трагедію, въ томъ ему послѣдовалъ и изобразилъ Леара легкомысленнымъ, возмутительнымъ, властолюбивымъ:

Qui de l'amour du Trône est toujours possédé,
Et pleure en frémissant le rang, qu'il a cédé [1]).

(Дѣйств. 1-е, явл. 1-е.)

Разсудя, что человѣкъ, въ сумасшествіи дающій и отнимающій царство, благословляющій и проклинающій дѣтей своихъ, не можетъ возбудить состраданія въ зрителяхъ, я осмѣлился не подражать въ этимъ ни Шекспиру, ни Дюсису, а оставилъ Леару здравый разсудокъ, чтобы не въ мечтахъ безпрерывнаго изступленія, но истинно ощутя всю горесть отца, гонимаго неблагодарными дѣтьми, и восторгъ радости о не чаянномъ возвращеніи нѣжной и добродѣтельной дочери, возмогъ онъ сообщить ихъ сердцамъ зрителей. Въ третьемъ только дѣйствіи, когда всѣ чувства Леара возмущены горестію и изнурены свирѣпствующею бурею, почелъ я возможнымъ представить его въ кратковременномъ изступленіи; но, не находя разительными положеній, въ которыхъ Дюсисъ поставилъ Леара и дочь его Корделію, долженъ я былъ какъ въ семъ, такъ и въ четвертомъ дѣйствіи прибѣгнуть къ изобрѣтенію. Такъ же осмѣлился я въ трагедіи Дюсисовой, которой *болѣе*, но *свободно* подражалъ, перемѣнить нѣкоторыя явленія; во многихъ мѣстахъ преобразовать ходъ самаго дѣйствія. Заимствовалъ изъ Шекспира нѣкоторыя положенія и, передѣлавъ развязку трагедіи, не почелъ нужнымъ увѣнчать любовную страсть Эдгарда къ Корделіи, которою Дюсисъ, по мнѣнію моему, унизилъ благородныя чувства и великодушный подвигъ сего рыцаря, защитника своего государя и несчастной царевны“ (стр. I—II).

Итакъ, Гнѣдичъ самъ признается, что болѣе подражалъ Дюсису. Старшая дочь Лира, шутъ, Глостеръ и нѣкоторыя другія, менѣе важныя лица устранены совершенно. Лира спасаютъ Эдгардъ и Леноксъ, сыновья Кента (а не Глостера, какъ у Шекспира), и притомъ оба они дѣйствуютъ дружно. Наконецъ, трагедія оканчивается къ удовольствію зри-

---

[1]) Который всегда горитъ желаніемъ властвовать и плачетъ объ уступленномъ престолѣ. *(Пер. Гнѣд.)*.

телей. Корделію только почли убитою; она оживаетъ, Леаръ тоже остается въ полномъ здравіи, забывая лѣта и горести, его такъ сильно потрясавшія. Трагедія вообще утратила поэтическое достоинство, и Гнѣдичъ ненамѣренно сказалъ правду, приписывая бо̀льшую часть успѣха трагедіи Семеновой.

Впрочемъ, Гнѣдичъ не имѣлъ повода опасаться порицаній и именно относительно той стороны, которую мы теперь выставляемъ, какъ главную ошибку: онъ раздѣлялъ направленіе своего времени. Вотъ что было сказано въ „Вѣстникѣ Европы“ по поводу его „Леара“: „Леаръ достался Русской публикѣ изъ третьихъ рукъ. Первымъ творцемъ сей трагедіи былъ *Шакеспиръ*, вторымъ—*Дюсисъ*. Русской сочинитель, г. Г.... чъ, подражалъ образцамъ своимъ не рабски, но свободно и съ разборчивостію, какъ литераторъ, знающій свое дѣло. Переводить Шакеспира отъ слова до слова для нынѣшняго театра никакъ невозможно. Одинъ онъ достоинъ былъ бы стоять выше всѣхъ драматическихъ писателей, какіе ни славились послѣ греческихъ трагиковъ, еслибъ въ превосходныхъ твореніяхъ его золото не было смѣшено съ грязью. Однакожъ гордые Британцы не хотятъ признавать въ немъ тѣхъ недостатковъ, какіе замѣчаются иностранцами; они почитаютъ Шакеспира единственнымъ поетомъ натуры, и въ драматическихъ сочиненіяхъ его находятъ самое вѣрное зеркало человѣческихъ нравовъ и общежитія. Мы говоримъ, что Шакеспиръ совсѣмъ не наблюдалъ драматическихъ правилъ, и что у него непосредственно за высокими мыслями, за выраженіемъ сильнѣйшей страсти слѣдуютъ или площадныя слова, или низкія шутки. Англійскіе критики доказываютъ [1]), что лица его говорятъ и дѣйствуютъ такъ точно, какъ самъ читатель говорилъ бы и дѣйствовалъ въ подобномъ случаѣ, и что иные писатели представляютъ самыя натуральныя страсти, самыя обыкновенныя происшествія совершенно въ другомъ видѣ; Шакеспиръ и чудесные случаи дѣлаетъ для насъ обыкновенными и вѣроятными: драмы его не принадлежатъ ни къ комедіямъ, ни къ трагедіямъ, ежели разсматривать ихъ по правиламъ нынѣ господствующей Піитики; въ его время трагедія отличалась отъ комедіи не важностію содержанія и характеровъ, но плачевною развязкой. Даже противъ укоризнъ за несоблюденіе единства времени и мѣста у почитателей Шакеспира готовы оправданія. Здѣсь онѣ были бы не у мѣста; замѣтимъ только, что Шакеспировы драматическія сочиненія *Ромео и Юлія, Отелло, Леаръ*, суть драгоцѣнныя пріобрѣтенія для русскаго театра, и что ежели трагическій писатель непремѣнно долженъ возбудить ужасъ и жалость въ сердцахъ зрителей, то Шакеспиръ неоспоримо принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ трагиковъ, у которыхъ надобно учиться. Отецъ, гонимый неблагодарными дѣтьми своими, которыхъ любилъ со всею родительскою нѣжностью, которымъ отдалъ и власть свою и царство—какое

[1]) См. Джонсово предисловіе къ сочиненіямъ Шакеспира. *(Прим. „В: Евр.“)*.

ужасное, истинно-трагическое положеніе!..." [1]) Это было напечатано въ одномъ изъ нашихъ лучшихъ журналовъ того времени. Будемъ ли теперь строго судить Гнѣдичева „Леара"? Уже позднѣе, пріобрѣтши самостоятельный взглядъ на произведенія искусства частью внимательнымъ изученіемъ великихъ образцовъ, частью знакомствомъ съ нѣмецкими теоретиками, Гнѣдичъ сказалъ, между прочимъ, о трагедіи слѣдующее: „Послѣдователи французскихъ драматическихъ правилъ полагаютъ, что интересъ драмы не можетъ болѣе существовать, какъ скоро нѣтъ уже болѣе неизвѣстности, или сомнѣнія для зрителя. Но почему не могутъ быть также занимательны чувства лицъ, которыя они испытываютъ, какъ и происшествія, которыя съ ними случаются? Можно также съ удовольствіемъ видѣть положеніе, оконченное, какъ происшествіе, но которое продолжается еще, какъ страдательное. Должно имѣть гораздо болѣе поэзіи, болѣе чувствительности, болѣе истины въ выраженіяхъ, чтобы колебать сердца въ покоѣ дѣйствія, нежели тогда, какъ оно возбуждаетъ безпокойство, безпрестанно возрастающее. Едва обращаютъ вниманіе на слова въ то время, когда дѣйствіе держитъ насъ въ недоумѣніи; но когда все молчитъ, кромѣ страданія, когда мы не ожидаемъ никакихъ уже перемѣнъ, и когда весь интересъ истекаетъ единственно изъ того, что̀ происходитъ въ душѣ, тогда самая легкая тѣнь принужденности, неумѣстное слово, поразитъ насъ, какъ фальшивый звукъ въ простомъ голосѣ задумчивой пѣсни. Тогда все должно стремиться прямо къ сердцу. Такимъ образомъ, въ пятомъ дѣйствіи Маріи Стюартъ, трагедіи Шиллера, гдѣ цѣлое это дѣйствіе основано на положеніи уже рѣшенномъ, спокойствіе горести, которое рождается отъ лишенія самой надежды, производитъ движенія, самыя истинныя и самыя глубокія. Это торжественное спокойствіе заставляетъ и зрителя и жертву войти въ самого себя и испытывать въ себѣ все то, что возбуждаетъ несчастіе" [2]).

Можетъ быть, любовь къ театру, которою Гнѣдичъ отличался съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, побудила Гнѣдича перевесть Вольтерова „Танкреда". Публика и литераторы приняли его благосклонно. Выбора, впрочемъ, одобрить нельзя; Вольтеръ никогда не былъ замѣчательнымъ драматическимъ писателемъ:

Aus seiner Kunst spricht kein lebend'ger Geist;
Des falschen Anstands prunkende Geberden
Verschmäht der Sinn, der nur das Wahre preist.

Къ произведеніямъ юности Гнѣдича относится еще романъ: *Донъ Коррадо де Геррера или Духъ мщенія и гордости Гишпанцевъ. Россійское сочиненіе. М., въ типогр. Пл. Бекетова, 1803.*

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1810 г., № 3 (стр. 229—231).

[2]) Отрывки изъ записокъ Гнѣдича въ статьѣ М. Лобанова: Біографія Н. И. Гнѣдича („Сынъ Отеч.", 1842, № 11).

„Исторія[1]) Донъ Коррада де Герреры,—говоритъ авторъ въ предисловіи, — не есть вымыселъ и игра воображенія; она есть истинна, но истинна—какъ часто случается—украшенная и потому увидятъ въ ней нѣкоторыя отступленія отъ самой точности. Основаніе ея взялъ я изъ одной повѣсти, гдѣ сочинитель, желая сдѣлать Коррада героемъ оной, знакомитъ его съ читателемъ такъ, какъ онъ знакомъ съ жителемъ Луны, и выставляя дѣла его, показываетъ одну только тѣнь ихъ, сказавъ между прочимъ, что *Донъ Коррадо былъ живою гробницею, пожирающею человѣчество.* И кто не знаетъ Гишпанцевъ—образцевъ суевѣрія и бѣшенства? Гишпанцевъ—гдѣ не только чернь, ослѣпленная ложными истинами, блуждается во мракѣ суевѣрія, неистовствуетъ и искажаетъ Бога; но самые Вельможи, самые Государи показываютъ намъ примѣры, изъ которыхъ лучшимъ можетъ быть Государь Филиппъ II, коего вся жизнь есть великая цѣпь злодѣйствъ. Богъ, попустившій его царствовать 42 года, конечно, хотѣлъ показать свое долготерпѣніе. 50,000 невинныхъ сдѣлались жертвами суевѣрія и ярости Филипповой; 8,000 пали отъ руки его любимца—Вельможи Альбы; и кто послѣ этого усумнится о дѣлахъ Де Герреры?

„Приступя къ сочиненію сей повѣсти, я болѣе всего старался выставить страшную картину страшныхъ дѣлъ Коррада, окончивши которую, я самъ трепеталъ въ душѣ моей. Такъ же я почелъ нужнымъ описать жизнь героя со всѣми ея подробностями, которыя нужны для того, чтобы удовлетворить всему любопытству читателя.

„Знаю, какъ трудно писать драматически; но зато болѣе льщуся, что трудъ мой будетъ награжденъ, то-есть, что мой Коррадо удостоится вниманія публики, и тогда-то я получу все, чего желалъ. Горе же мнѣ, естьли надежда обманетъ меня и трудъ мой останется напрасенъ — презрѣнъ! Презрѣнъ! Нѣтъ, люди, умѣющіе прямо цѣнить знанія и таланты, цѣнили уже и мои. Ободрись, молодой Авторъ! И, естьли Факиры будутъ шипѣть позади тебя — презри ихъ. Первое перо Волтера, Шакеспира и Шиллера конечно было не безъ слабостей, такъ почему-жъ не простить ихъ молодому Русскому Автору,

Николаю Гнѣдичу".

Содержаніе романа вообще очень безсвязно и запутанно. Авторъ выводитъ передъ глазами читателя самыя отвратительныя и низкія сцены порока, постоянныя убійства, грабительства, обманы, хитрости, преступленія, — положенія и дѣйствія, пугающія только своею внѣшностью и не имѣющія никакой естественности, никакого смысла. Въ Алжирѣ родился Донъ Коррадо отъ корабельнаго начальника, называвшагося Донъ Жуанъ де-Геррера, одного изъ первыхъ разбойниковъ и вар-

[1]) Во всѣхъ приводимыхъ отрывкахъ соблюдается правописаніе подлинника.

варовъ, торговавшихъ невольниками. Съ юныхъ лѣтъ отецъ пріучилъ его хладнокровно смотрѣть на преступленія, на страданія ближняго, и „Геррера въ 17 лѣтъ ничѣмъ болѣе не занимался, какъ постыднымъ ремесломъ своимъ, и разбойничалъ по морямъ, грабя корабли". Прекрасная грузинка, изъ невольницъ, плѣнила его, или, лучше сказать, возбудила въ немъ огнь сладострастія. Она воспламенила его такъ, что 17-ти лѣтъ онъ уже хотѣлъ на ней жениться, но отецъ наотрѣзъ отказалъ ему. По убѣжденіямъ невольницы, онъ вздумалъ бѣжать и, чтобъ пріобрѣсть деньги, рѣшился погубить отца. Въ самомъ дѣлѣ, въ одну изъ разбойническихъ прогулокъ по морю онъ во время бури столкнулъ отца съ корабля. Тогда природа содрогнулась отъ ужаса, небеса разверзлись, молнія разсѣкла воздухъ, ударилъ страшный громъ, и раздробленный корабль былъ поглощенъ волнами. Но небо, вѣрно для показанія людямъ чудовища, сохранило жизнь Донъ Коррада! Онъ былъ выброшенъ на берегъ, гдѣ и нашли его слуги одного англійскаго лорда, жившаго въ Кадиксѣ. Онъ былъ принятъ лордомъ и воспитанъ; потомъ, по совѣту друга своего Ричарда, обокралъ его и бѣжалъ въ Испанію. Въ Германіи онъ покупаетъ себѣ замокъ и намѣревается жениться; обольщаетъ дочь одного богача, который, узнавши о преступленіи своей дочери, закалываетъ ее. Коррадо хочетъ убить его; но попытка не удается, и онъ принужденъ бѣжать. Кое-какъ достигаетъ онъ Остенде. Здѣсь останавливается въ домѣ поручика, влюбляется въ его воспитанницу Олимпію, женится на ней, обѣщаясь жить съ ея воспитателемъ до самой его смерти. Потомъ беретъ всѣ его деньги, Олимпію и на кораблѣ отправляется въ Испанію. Въ Санъ-Себастьянѣ спасаетъ разбойника жида Вооза отъ преслѣдованій правительства, дѣлаетъ его чрезъ это вѣрнымъ своимъ слугою и оставляетъ Себастьянъ, потому что жидъ попался въ кражѣ серебряной ложки. Они пріѣзжаютъ въ Толедо. Воозъ снова принимается лѣчить кошелекъ Коррада; но въ одну ночь его схватываютъ въ домѣ знатнаго толедскаго жителя Дона Москозо. Тотъ призываетъ къ себѣ жида и его господина, показываетъ имъ смертный приговоръ, произнесенный надъ ними инквизиціею, и обѣщаетъ уничтожить его, если они согласятся убить одного богатаго его родственника и сдѣлать подложное завѣщаніе. Они исполняютъ это порученіе, и вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ смерти и большою суммою денегъ Коррадо получаетъ въ подарокъ замокъ, и ему ввѣряется начальство надъ отрядомъ испанскихъ войскъ, посланныхъ для усмиренія бунтовщиковъ. Ричардъ, другъ его, дѣлается офицеромъ того же отряда. Въ одномъ селеніи, на дорогѣ, они хотятъ ограбить одного богатаго старика; тайно входятъ къ нему ночью съ кинжаломъ въ рукѣ и требуютъ денегъ. Въ старикѣ Коррадо узнаетъ своего отца, который какимъ-то образомъ спасся отъ погибели. Опасаясь, чтобъ онъ не обнаружилъ его преступленія, Коррадо запираетъ его въ башнѣ своего замка и поручаетъ надзоръ за нимъ Воозу, а самъ отправляется для усми-

ренія бунтовщиковъ. Между тѣмъ Олимпія въ одну изъ своихъ прогулокъ находитъ въ лѣсу какого-то несчастнаго молодаго человѣка. Олимпія уговариваетъ его переночевать въ замкѣ, и незнакомецъ разсказываетъ ей также достаточно ужасную исторію своей жизни и открываетъ свое имя. Оказывается, что это братъ Коррада—Алонзо. Олимпія объявляетъ ему, что она жена его брата, и уговариваетъ остаться въ замкѣ до пріѣзда Коррада, который (по ея словамъ) встрѣтитъ брата съ распростертыми объятіями. Донъ Жуанъ, отецъ Коррада, томится голодомъ и жаждою въ башнѣ: его вопли достигаютъ до слуха „гробокопателя Инфанта“, который подаетъ ему возможную помощь и узнаетъ, что онъ запертъ въ эту подземную тюрьму своимъ сыномъ. Лизарко, преданный слуга Донъ Жуана, пріѣзжаетъ въ окрестности замка, останавливается у Инфанта и объявляетъ ему, что привело его туда. Инфантъ рѣшается пожертвовать собою, спиливаетъ рѣшетку башеннаго окна, выпускаетъ Жуана и садится на его мѣсто, чтобы дать ему время удалиться, и потомъ самъ вылѣзаетъ въ окно. Воозъ, узнавши о побѣгѣ Жуана, объявляетъ объ этомъ Дону Коррадо; но скоро пріѣзжаетъ Ричардъ, который успѣлъ уже захватить бѣглеца. Является и Коррадо и именно въ ту минуту, когда Олимпія дружески разговариваетъ съ Алонзомъ, какъ съ братомъ. Изъ ревности Коррадо убиваетъ его. Ричардъ раскаивается въ своихъ злодѣйствахъ и на исповѣди уже готовится открыть священнику страшную тайну о заключеніи Жуана, когда Коррадо поражаетъ его кинжаломъ. Въ то же время замокъ обступаютъ солдаты подъ начальствомъ Дона Риберо, „уполномоченнаго страшною Инквизиціею и вмѣстѣ Страшнымъ Небеснымъ Мстителемъ“. Жуанъ умираетъ, истощенный дряхлостью и страданіями; Коррада и Вооза предаютъ казни а Риберо, который оказывается сыномъ Инфанта, женится на Олимпіи.

Позволяемъ себѣ выписать начало первой главы, какъ образчикъ слога Гнѣдича въ то время:

„Послѣдній лучъ заходящаго солнца освѣщалъ бѣдныя хижины мирныхъ жителей; онъ уже угасъ—все было тихо и спокойно. Наконецъ луна проглянула изъ-за облаковъ; но увидя страшную картину—поблѣднѣла и скрылась во links мракѣ.

„Представьте глубокую, пространную долину, и она вся покрыта пепломъ и грудами мертвыхъ тѣлъ, и рѣка, ее орошающая, смѣшалась съ кровію и остановилась въ теченіи своемъ, спершись отъ труповъ; вопли и стенанія потрясаютъ воздухъ: тамъ—пронзенный мечемъ и заваленный трупами, имѣя еще въ груди искру жизни, проситъ умертвить его; тамъ—съ растерзаннымъ тѣломъ, ломая руки, проситъ прекратить мучительную жизнь его; тамъ супруга, плавая въ крови своей, влачится къ трупу супруга, и мертвѣющія уста свои прижимаетъ къ посинѣлымъ губамъ его; сынъ, приклоняясь къ зіяющей ранѣ отца, испускаетъ духъ; дочь, лобызая растерзанную грудь матери, умираетъ. Тамъ—межъ труповъ влачится женщина: изорванное, обрызганное собственною ея кро-

вію—платье, растрепанные ея волосы, посинѣлая и изорванная грудь, помертвѣлые, но дикіе взгляды, страшное, глубокое молчаніе показываютъ мать, лишившуюся всѣхъ радостей свѣта и гнетомую отчаяніемъ. Она влачится, находитъ драгоцѣнный трупъ, прижимаетъ его къ груди, и душа ея излетаетъ. Тамъ—но отвратимъ взоръ отъ страшной, болѣзненной картины.

„Какъ? неужели это дѣла человѣковъ? Нѣтъ—человѣкъ дикой, человѣкъ взросшій между тиграми и пожирающій себѣ подобныхъ, этотъ человѣкъ, увидя такія дѣла, содрогнется и отступитъ! Но какой же извергъ, терзая чрево матери, носящее залогъ любви, убивая дряхлыхъ старцевъ, какой извергъ можетъ эти дѣла поставлять игрою, любоваться ими? Кто,—кто это, обрызганный кровію и покрытый пылью лежитъ на холмѣ и съ хладнокровіемъ слушаетъ стоны умирающихъ; съ улыбкою радости, со взоромъ удовольствія смотритъ на разграбленныя и на сожженныя, находящіяся вдали хижины? Кто это смотритъ на черный дымъ, взвивающійся изъ-подъ тлѣющихъ развалинъ, смотритъ на голодныхъ врановъ, съ хриплымъ крикомъ опускающихся на разтерзанные трупы—смотритъ—и любуется?—Это тотъ, кого послало правительство для усмиренія возмутившихся жителей и для возстановленія покоя; это чудовище, произведенное, можетъ быть, заблуждающеюся природою, это ужасъ естества, это Донъ Коррадо де Геррера, любующійся *дѣломъ рукъ своихъ!*"

Таковы были первые труды Гнѣдича. Романъ его былъ совершенно во вкусѣ того времени, когда съ наслажденіемъ читали Жанлисъ и Августа Лафонтена. Способъ переводить такъ, какъ переводилъ Гнѣдичъ, это „свободное подражаніе", какъ самъ онъ выразился, было также въ обычаяхъ литераторовъ той эпохи: это можно уже было видѣть изъ приведенной нами замѣтки „Вѣстника Европы" на „Леара". „Благонамѣренный" пустилъ впослѣдствіи злую сатиру на такого рода переводы. „Переводы, говоритъ авторъ статьи (Житель Выборгской стороны) [1]), раздѣляются по относительному ихъ достоинству: на 1) переводы - творенія, 2) переводы - подражанія и 3) рабскіе переводы". „Переводъ - твореніе, продолжаетъ онъ, должно по справедливости занимать первое мѣсто между переводами. Это не есть занятіе умовъ обыкновенныхъ, кои влачатся, такъ сказать, въ слѣдъ за мыслями и выраженіями подлинника: нѣтъ! это порывъ Генія, стремящагося хотя по одному назначенію съ подлинникомъ, но въ бурномъ полетѣ своемъ разрушающаго всѣ препоны, которыя встрѣчаются ему на пути. Для сей-то цѣли переводчикъ - творецъ спускается внизъ тамъ, гдѣ сочинитель подлинника возвышался, и возносится къ облакамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сочинитель спускался къ землѣ. Будучи упоренъ въ благородной своей гордости, онъ стремится вправо, когда сочинитель принималъ влѣво, и на-

---

[1]) „Благонамѣренный", 1822 г., № XLI.

оборотъ, если сей уклонялся вправо, то онъ непремѣнно несется влѣво. Въ семъ-то состоитъ главное достоинство, и смѣло скажу, изящество такого рода переводовъ". Въ числѣ правилъ такого рода переводовъ авторъ предлагаетъ между прочимъ слѣдующія: „Если сочиненіе заключаетъ въ себѣ красоты стихотворческія, то его должно перевести какъ можно болѣе прозаически. Если сочиненіе написано слогомъ высокимъ, то его непремѣнно должно перевести слогомъ вялымъ и неудобопонятнымъ, слѣдуя тому правилу, что Русской переводчикъ-Геній не долженъ заимствовать изъ подлинника даже и того, что нѣкоторые обыкновенные умы, привыкшіе всему удивляться, единогласно признали за красоты" [1]).

„Мысль автора должна быть изложена такъ, чтобы казавшееся въ ней бѣлымъ въ переводѣ казалось чернымъ и если переводчикъ, по какой-нибудь причинѣ, не захочетъ ее симъ образомъ *перевести*, то можетъ изъ милости оставить ее почти въ томъ видѣ, какова она въ подлинникѣ; но въ семъ случаѣ обязанъ онъ одѣть ее въ такой хаосъ словъ и выраженій, чтобъ авторъ, еслибъ онъ разумѣлъ по-русски, самъ не могъ догадаться, какой смыслъ она заключала?"

„Есть случаи, въ которыхъ переводчикъ творитъ, такъ сказать, свой переводъ въ цѣломъ сочиненіи, или говоря по просту, отъ доски до доски. Есть и другіе случаи, въ которыхъ усѣваетъ по мѣстамъ переводимое имъ сочиненіе цвѣтами собственнаго сада".

„Болѣе всего должно избѣгать ясности, которая можетъ почесться язвою сего рода переводовъ".

Главная ошибка Гнѣдича состояла въ томъ, что при подражаніи Шекспиру онъ выбралъ руководителемъ Дюси. Французскому трагику слѣдовало бы, по словамъ Вильмена, сказать: „Вы взяли трагедіи Шекспира, генія обширнаго и необузданнаго, который въ своей свободной неправильности плановъ развертывалъ великія картины среднихъ вѣковъ и представлялъ на сценѣ цѣлый вѣкъ и цѣлый міръ. Вы сохраняете нѣкоторыя изъ его мыслей, его лицъ и выраженій, вы заковываете ихъ въ форму старой и современной французской трагедіи; но это уже не Шекспиръ".

Впрочемъ, такія заблужденія, въ которыя впалъ Гнѣдичъ, довольно понятны: онъ началъ писать слишкомъ рано; неудивительно, что произведенія молодости, „плоды недозрѣлой науки", должны были обличить въ авторѣ неопытность и незрѣлость. Въ лѣта зрѣлыя онъ самъ осудилъ ихъ, потому что носилъ въ груди благородное сознаніе, что

Есть внутренній у насъ,
Не всѣми слышимый, мгновенный, тихій гласъ:

---

[1]) Здѣсь авторъ приводитъ отрывокъ изъ второй пѣсни Гнѣдичева перевода Иліады, полагая, что онъ унизилъ высокій слогъ подлинника: доказательство, какъ понимали Иліаду!

Какъ вѣрно онъ хулитъ, какъ вѣрно одобряетъ!
Онъ совѣсть генія, таланта судія.
Счастливъ, кто голосъ сей безсловный понимаетъ.

Многіе изъ нашихъ знаменитѣйшихъ литературныхъ дѣятелей начали, какъ извѣстно, писать съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, хотя послѣ добродушно называютъ свои первыя произведенія грѣхами юности. У Гнѣдича это не было одною страстью печататься, надъ которою такъ часто подсмѣивался издатель „Благонамѣреннаго", хотя и самъ онъ,—замѣтимъ мимоходомъ,—будучи только 18 лѣтъ, напечаталъ уже романъ въ 2-хъ частяхъ; это не было страстью печататься; нѣтъ! здѣсь дѣйствовало другое, болѣе сильное, хотя и менѣе прозаическое побужденіе — бѣдность. „Небольшое имѣніе, доставшееся ему отъ отца, душъ около 30 въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, онъ передалъ своей сестрѣ, нѣжно имъ любимой, а самъ часто терпѣлъ нужду". Слова Лобанова [1]).

II.

Стихотворенія Гнѣдича, печатавшіяся въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, собраны въ его „Стихотвореніяхъ 1832 г.". Впрочемъ, не всѣ вошли въ это собраніе. Нѣтъ, напр., „Общежитія", напечатаннаго во 2-й части „Сѣвернаго Вѣстника" (№ VI—1804); нѣтъ „Стиховъ на смерть Даниловой"; нѣтъ перваго опыта перевода Иліады александрійскими стихами, печатавшагося въ 1809 и 1812 годахъ [2]).

Гнѣдичъ самъ представилъ лучшую характеристику своихъ стихотвореній въ небольшомъ стихотвореніи „Къ моимъ стихамъ", когда говорилъ, что спѣшитъ отдать небогатые дары своей строго-скупой Музы подъ покровъ снисходительной Дружбы.

И если она не найдетъ въ васъ ни прелестей слова,
Какими насъ Музы изъ устъ ихъ любимцевъ плѣняютъ;
Ни пламенныхъ чувствій, ни думъ тѣхъ могучихъ, какія
Кипятъ на устахъ вдохновенныхъ и души народовъ волнуютъ,
То—нѣжная въ чувствахъ, найдетъ хоть меня въ моихъ пѣсняхъ,
Души моей слабость, быть можетъ, ея добродѣтель;
Узнаетъ изъ нихъ, что въ груди моей бьется, быть можетъ,
Не общее сердце; что съ юности нѣжной оно трепетало,
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
Дрожало при имени славы и гордой свободы;
Что съ юности нѣжной любовію къ Музамъ пылая,

---

1) „Сынъ Отечества", 1842 г., № 11.

2) [Въ рукописи Тихонравовъ приводитъ вполнѣ піэсы „Общежитіе" и „На смерть Даниловой"; такъ какъ теперь эти піэсы помѣщены въ Собраніи сочиненій Н. И. Гнѣдича (1884 г.), то здѣсь эти стихи не помѣщаются („Общежитіе"—т. I, стр. 3—7; „На смерть Даниловой"—I, 59—60].

Оно сохраняло. во всѣхъ коловратностяхъ жизни,
Сей жаръ, хоть не пламенный, но постоянный и чистый;
Что не было видовъ, что не было мзды, для которыхъ
Душой торговалъ я; что бывши не разъ искушаемъ
Могуществомъ гордымъ, изъ опытовъ вышелъ я чистымъ;
Что жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ.

Гнѣдичъ въ самомъ дѣлѣ владѣлъ не слишкомъ сильнымъ поэтическимъ талантомъ, и его поэзія осталась безъ вліянія на словесность. Онъ былъ человѣкъ практическій, гомерически спокойный, натура болѣе разсудочная, чѣмъ поэтическая. Бóльшая часть его стихотвореній писана на случай; таковы: „Для розоваго павильона въ Павловскѣ“, „Екатеринѣ Павловнѣ, королевѣ Виртембергской“, „Приношеніе ей же“, „На французскія Революціонныя знамена“, „На смерть одной и рожденіе другой дочери Г.“, „На гробѣ матери“, „На смерть дочери покойной сестры“ и многія другія. Они отличаются болѣе умѣньемъ коротко, но сильно, рельефно выразить глубокую мысль. Таково стихотвореніе „Къ Дельвигу, при погребеніи“:

Другъ, до свиданія! Скоро и я наслажусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

Или „Надпись къ гробу Суворова“:

Ты ищешь монумента?...
Суворовъ здѣсь лежитъ.

Впрочемъ, во многихъ изъ нихъ проглядываетъ глубокое чувство. Какъ много смысла и грусти въ этихъ четырехъ стихахъ:

Дорогой скучною, погодой все суровой
Тащу я жизнь мою сегодня сорокъ лѣтъ.
Что жъ нахожу сегодня, въ годъ мой новый?
Да больше ничего, какъ только сорокъ лѣтъ.

Всего ярче отразился характеръ поэзіи Гнѣдича въ его посланіи „Къ Крылову“. „Въ 1828 году Крыловъ очень выгодно продалъ одно изданіе басенъ своихъ и вдругъ почувствовалъ себя богачемъ. Онъ сталъ уговариватѣ Гнѣдича собраться съ нимъ въ путешествіе.“ Въ отвѣтѣ Гнѣдича много тихой грусти и вмѣстѣ практическаго ума, который не станетъ гоняться за мечтами, довольствуясь присущими ему благами. Много правды въ этихъ стихахъ:

Свершенъ предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ;
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ и сердце безъ желаній!

Куда жъ, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти,
Что годы съ юностью у сердца похищаютъ?
Желанья пылкія, крылатыя мечты,
Съ весною дней умчась, назадъ не прилетаютъ.
Другъ, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
. . . .
Въ какой землѣ найти утраченную младость?
Гдѣ жизнію мы снова разцвѣтемъ?
О другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы радость
Погубимъ, можетъ быть, въ краю чужомъ.
За счастіемъ бѣжа подъ небо мы чужое,
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣтъ:
Святую дружбу, жизни лучшій цвѣтъ
И счастье душъ прямое.

Гнѣдичъ рѣдко говорилъ о поддѣльныхъ чувствахъ, имъ не испытанныхъ и потому неясныхъ для него: онъ самъ говорилъ, что дружба найдетъ хоть *его* въ его пѣсняхъ. Это было не пустою фразой. Прочтите, напр.. его „Думу" (Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ и т. д.), вы увидите, какъ много въ нихъ живаго чувства, хотя не вездѣ естественно выраженнаго. Стихотвореніе это выражаетъ въ самомъ дѣлѣ одну изъ „думъ" поэта: онъ всегда желалъ насладиться счастіемъ семейной жизни, но этого не суждено было ему достигнуть, и чувство скорбнаго одиночества сказалось въ „Думѣ". Въ его посланіяхъ къ Батюшкову говоритъ благородное сердце: это пѣснопѣнье

Простое, внушенное сердцемъ однимъ.

Здѣсь, повторяемъ, говоритъ сердце, которому нужно сочувствіе и дружба, безъ которой и жизнь была бы горькимъ даромъ боговъ. И какъ видимо развеселяетъ его мысль, что любимецъ Аонидъ придетъ въ его скромную хату, что они вмѣстѣ раздѣлятъ убогую снѣдь и вмѣстѣ посвятятъ часы досуга богу пѣснопѣнья. Гнѣдичъ имѣлъ полное право сказать, что душою своей онъ всегда былъ доволенъ: она никогда его не обманывала („С. От.", 1842 г., № 11).

По внѣшней формѣ стихи его большею частью спокойны, величавы; длинные эпитеты и это плавное широкое теченіе ихъ должно приписать едва ли не вліянію древнихъ. Что вліяніе было, можно уже заключить a priori: не владѣя сильнымъ поэтическимъ талантомъ и занимаясь постоянно древними, онъ необходимо долженъ былъ подчиниться кое-гдѣ ихъ вліянію. И въ самомъ дѣлѣ, многія мѣста его поэтическихъ произведеній носятъ на себѣ явные слѣды заимствованія изъ древнихъ; напр., въ „Рожденіи Гомера", „Сѣтованіи Ѳетиды на гробѣ Ахиллеса". Въ посланіи „Къ П. А. Плетневу" есть мѣсто (Гордись, пѣвецъ, высокъ пѣвцовъ удѣлъ! и т. д.), которое сильно напоминаетъ 40—58 стихи XVI-й

идилліи Ѳеокрита [1]). Впрочемъ, это вліяніе было чисто внѣшнимъ, ограничивалось по большей части только фактурою стиха и рѣдко, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ, заимствованіемъ мысли и извѣстныхъ оборотовъ для ея выраженія. Прочтите „Кузнечика“ (изъ Анакреона) и согласитесь, что въ немъ очень мало анакреонтическаго. Прочтите и „Рожденіе Гомера“: вы встрѣтите много эпитетовъ, даже фразъ, заимствованныхъ изъ древнихъ, но самая мысль стихотворенія не антична. Стихотвореніе это, довольно длинное, раздѣлено на двѣ части и сильно отзывается аллегоріею. Ѳетида, мать Ахиллеса, скорбитъ, что славные подвиги сына ея забыты, что

Въ развалинахъ его надгробныхъ алтарей
Вылъ вѣтръ; могилы же его уединенной
И пастырь убѣгалъ, молвою устрашенной [2]).

Она ропщетъ на „отца боговъ и людей“, который обѣщалъ ея сыну безсмертіе; и вотъ онъ является ей и ведетъ ее на холмы Іоса: тамъ подъ лавромъ сидитъ жена младая; у ногъ ея младенецъ.

И вдругъ Ѳетида зритъ: на лаврѣ девять птицъ
Явилися, какъ снѣгъ, блестящихъ голубицъ,
И съ лавра низлетѣвъ, кругомъ младенца сѣли;
И тихо порхая, одна во слѣдъ другой,
Младенца дивнаго, казалося, лобзали,
Казалось, легкими съ нимъ крыльями играли и т. д.

Зевсъ открываетъ, что это „пѣвецъ могучаго Пелида“. Ѳетида спрашиваетъ, кто онъ?

„Онъ сынъ возлюбленный природы и боговъ.
„Въ свои объятія, на лоно изъ цвѣтовъ
„Его отъ матери природа воспріяла;
„Небесныхъ и земныхъ исполнила даровъ;
„Уста амврозіей безсмертной напитала;
„Сихъ горлицъ простоту душѣ его дала,
„И силу гордую и быстрый взоръ орла;
„Да будетъ пѣснь его—то сладостно журчащій
„Токъ тихій при лучахъ серебряной луны,
„То бурный водопадъ, съ нагорной вышины
„Волнами шумными далеко вкругъ гремящій.
„Но колыбель и гробъ Ахиллова пѣвца
„Есть тайна для земли.

Нельзя не замѣтить, что любовь къ Иліадѣ, очевидно, одушевляла Гнѣдича, когда онъ писалъ эти живописные, изобразительные стихи.

---

[1]) Theocriti reliquiae. Recogn. et illustr. Woestermann, p. 252.

[2]) Вѣроятно, „Сѣтованіе Ѳетиды на гробѣ Ахиллеса“ входило прежде въ составъ „Рожденія Гомера“.

Зевсъ прорицаетъ судьбу Гомера. Сначала его не поймутъ; слѣпецъ—онъ будетъ скитаться изъ края въ край; онъ прославитъ двухъ героевъ и оставитъ послѣ себя двухъ чадъ. Потомъ Зевсовъ орелъ восхититъ пророка на Олимпъ, гдѣ онъ

На пиръ безсмертія возсядетъ межъ боговъ.

По просьбѣ Ѳетиды Зевсъ *излагаетъ* судьбу его пѣсенъ. Сначала онѣ будутъ повторяться пѣвцами, потомъ оракулами; семь городовъ будутъ спорить о мѣстѣ его рожденія; онъ будетъ вдохновлять художниковъ, и вся Греція будетъ спрашивать: кто сей невѣдомый, сей дивный человѣкъ? Впрочемъ, и Гомеръ не укроется отъ людской зависти: лжемудрецы [1]) будутъ отвергать существованіе бога,

Котораго познать они учили свѣтъ.

Но „творенье будетъ сильнѣйшимъ защитникомъ своего творца“. Вотъ видитъ Ѳетида, что и въ Россіи, что и сыны полночи,

Огнемъ божественнымъ согрѣвъ уже сердца,
И духъ возвысивши поэзіей священной,
Плѣнялись пѣснями поэзіи отца.

Однимъ словомъ, 2-я часть произведенія годится въ предисловіе къ изданію Иліады и Одиссеи. Изложена судьба Гомеровыхъ поэмъ, споръ новѣйшихъ ученыхъ, даже источникъ его. Прочтите хоть предисловіе Мартынова къ Иліадѣ: не то же ли говоритъ онъ въ прозѣ, что Гнѣдичъ въ стихахъ? „При сочиненіи сей небольшой поэмы, сказано было въ „Сынѣ Отечества“ 1817 г. (№ 1), воспользовался онъ (Гнѣдичъ) оставшимися объ *Омерѣ* преданіями и судьбою его твореній въ древнія и новыя времена, и соединилъ сіи разсѣянныя черты въ одной цѣлой, прелестной (?) картинѣ“. Въ посланіи къ Плетневу Гнѣдичъ, по замѣчанію какого-то критика, „излагаетъ истины, полезныя для поэтовъ“; впрочемъ, здѣсь важны тѣ мѣста, гдѣ онъ высказываетъ свою задушевную мысль.

Наше мнѣніе о поэзіи Гнѣдича будетъ не совсѣмъ въ его пользу Мы назовемъ ее умною, разсудочною поэзіею, плодомъ ума человѣка чувствительнаго и любящаго, но не поэта въ собственномъ смыслѣ. Въ стихи онъ облекалъ самыя прозаическія истины и даже повторялъ въ стихахъ то, что было уже имъ высказано въ прозѣ.

[1]) Какое ограниченное пониманіе или, лучше, непониманіе Вольфа! Лжемудрецъ, потому только, что осмѣлился высказать много правды противъ Иліады, которая такъ близка была къ сердцу Гнѣдича! Думаемъ, что одно увлеченіе заставило Гнѣдича сказать и слѣдующія слова: „Тѣ, которые говорятъ, что Гомера не было, ничего болѣе не доказываютъ, кромѣ того, что есть нѣкоторые странные умы, которые находятъ удовольствіе въ опроверженіи общихъ мнѣній“ (Записки).

Напр., въ „Рожденіи Гомера" читаемъ:

И бѣдность мудрому во благо обратится.
Влачась изъ края въ край всевидящій слѣпецъ,
Онъ глубину людскихъ извѣдаетъ сердецъ;
Дѣяній и вещей познаньемъ умудрится,
И будетъ убѣжденъ онъ жизнію своей,
Что бѣдность лучшее училище людей.
И воспоетъ бѣды и странствія героя,
Гдѣ опыты своей превратной жизни кроя,
Примѣръ возвышенный оставитъ въ пѣсняхъ сихъ,
Что мудрый человѣкъ превыше бѣдъ земныхъ.

То же самое повторяетъ онъ и въ „Рѣчи, читанной въ полугодичномъ собраніи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности": „Сердцемъ добрый, духомъ возвышенный и свободный, да не измѣняетъ себѣ служитель Музъ ни въ какихъ случаяхъ жизни; да не рабствуетъ предъ фортуною и не страшится бѣдности! Бѣдность — превосходнѣйшее училище людей. Если она усѣваетъ путь жизни терніями жестокими, то на каждомъ шагу открываетъ такіе опыты, такія истины, какія невидимы съ высоты чертоговъ. На семъ пути человѣкъ узнаетъ человѣка и научается любить его, ибо видитъ, что большая часть людей—несчастны; на семъ пути, привыкая ожидать всего единственно отъ себя, убогій пріобрѣтаетъ мужество и силу души, первыя свойства Геніевъ благородныхъ, свойства, чуждыя сыновъ счастія, которые возрастаютъ, какъ вѣтви на опорахъ, слабые, чтобы выносить удары бури" [1]).

Во многихъ отдѣльныхъ стихахъ Гнѣдичъ подражалъ поэтамъ французскимъ; но подробное указаніе на такія мелочи повело бы насъ слишкомъ далеко. Обратимся лучше къ тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ Гнѣдичъ и практикою и теоріей содѣйствовалъ уничтоженію правилъ легкой французской „Піитики",—„Сиракузянкамъ" и „Рыбакамъ".

III.

Въ 1822-мъ году напечатанъ былъ Гнѣдичемъ первый опытъ русской идилліи („Сынъ Отеч.", № 8). Въ примѣчаніи авторъ объявилъ, что онъ осмѣлился обойтись безъ Дафнисовъ и Хлой. Славнѣйшимъ русскимъ идиллистомъ почитался въ то время Панаевъ: подчиняясь совершенно французской теоріи, онъ выводилъ на сцену большею частью пастуховъ и пастушекъ счастливой Аркадіи, переносилъ ихъ въ какой-то золотой вѣкъ невинности и невозмущаемаго спокойствія. Лица современной жизни не могутъ, по его мнѣнію, входить въ идиллію. „Тогда, говоритъ

[1]) Труды Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества любителей россійской словесности, 1821 г., ч. XV, кн. II.

онъ, она совершенно лишилась бы своего достоинства, даже правдоподобія, и писатель увидѣлъ бы себя въ самомъ затруднительномъ положеніи. Извѣстно, каковы нынѣшніе пастухи и земледѣльцы: продолжительное рабство сдѣлало ихъ грубыми и лукавыми. Такими ли привыкли мы воображать счастливыхъ обитателей Аркадіи? И можно ли это согласить съ тою невинностью и чистотою нравовъ, съ тѣми нѣжными, благородными чувствованіями, въ которыхъ должна заключаться сущность идилліи?“ (стр. XIII). Потому-то идилліи его, основываясь на такомъ превратномъ пониманіи теоріи, представляютъ по большей части повтореніе одной и той же темы. Подражаніе г-жѣ Дезульеръ, Геснеру, иногда ложно понятому Ѳеокриту, отсутствіе всякой опредѣленности, естественности поразительны. Во всѣхъ ихъ преобладаетъ сантиментальность, до крайности приторная и непріятная; нѣтъ свѣжаго, живаго чувства. Передъ вами пастухи и пастушки, земледѣльцы; но гдѣ, въ какой странѣ они дѣйствуютъ, этого вы бы не знали, если-бъ авторъ не назвалъ одного Дафнисомъ, другаго Кориданомъ и т. п. Между тѣмъ идилліи Панаева пользовались въ свое время большимъ уваженіемъ. Разбирая „Рыбаковъ“, критикъ „Благонамѣреннаго“ сказалъ между прочимъ слѣдующія слова въ похвалу Россійскому Геснеру (т.-е. Панаеву): „Въ Идилліяхъ г-на Панаева нахожу я нѣкоторыя мѣста, весьма близкія къ *народной* идилліи. Напримѣръ, въ Идилліи XX *Поэтъ* начинаетъ изображеніемъ поздней осени:

Предпосылая хладъ, свирѣпыхъ бурей свистъ,
Зима вслѣдъ осени спѣшила;
Уже рука ея поля опустошила;
Ужъ облетѣлъ съ деревъ поблекшій, желтый листъ.
Лишь сосны черныя и ели возвышенны
Однѣ стояли невреждены;
Лишь папоротъ, да мхи—послѣдній злакъ луговъ,
Разсѣяны кой-гдѣ по берегамъ ручьевъ,
Еще не увядали.

„Эта картина списана съ нашего климата. Она для насъ плѣнительнѣе самаго нѣжнаго ландшафта южной природы. Стоитъ только перемѣнить имена *Дориды* и *Титира* на Русскія (выборъ коихъ зависитъ отъ вкуса сочинителя), принаровить разговоръ къ народнымъ обычаямъ нашимъ, представить въ дѣйствующихъ не пастуховъ, но въ любовникѣ, напр., *молодаго воина*, пришедшаго изъ службы на родину свою, а въ любовницѣ—просто *крестьянскую дѣвушку*,—и та же самая Идиллія могла бы украситься новыми, еще прелестнѣйшими для насъ цвѣтами, и была бы нашею“. Т.-е., другими словами, Хлои и Дафнисы дѣйствуютъ не-то въ Греціи, не-то въ подмосковной деревушкѣ. Хороша же должна быть эта идиллія, представляющая золотой вѣкъ человѣчества, обстановленная аркадскими пастухами, которая съ перемѣною именъ дѣй-

ствующихъ лицъ тотчасъ превращается въ русскую народную идиллію. Въ наше время „не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ". „Благонамѣренный" въ приговорахъ своихъ держался пiитики Буало. „Вотъ, восклицаетъ авторъ разбора „Рыбаковъ", вотъ красоты *Сельской поэзіи!* Вотъ требуемыя для Идилліи законодателемъ стихотворства (Буало) simplicité, douceur, naïveté, elégance!"

Но главнымъ достоинствомъ идилліи считали тогда наставительность содержанія. „По мнѣнію моему, говоритъ тотъ же критикъ, предметъ народной Идилліи долженъ быть непремѣнно правдоподобный и наставительный, то есть, чтобъ происшествіе или случай, доставившій счастіе дѣйствующимъ лицамъ, былъ послѣдствіемъ трудолюбія и прилежанія ихъ къ пристойному, свойственному имъ занятію". Это достоинство критикъ находилъ именно въ идилліяхъ Панаева. Онъ разсматриваетъ его идиллію „Аминтъ и Хлоя". Передъ солнечнымъ восходомъ Аминтъ выгоняетъ свое стадо въ поле, встрѣчается съ Хлоей,

Которую любилъ, которой былъ любимъ.

„Узнаетъ, что этотъ день есть день рожденія ея матери, что она набрала цвѣтовъ, чтобъ принесть ихъ въ жертву богамъ, даритъ ей въ добавокъ къ цвѣтамъ бѣлаго барашка, на котораго хотѣлъ онъ вымѣнять у сосѣдняго пастуха кружку и свирѣль, и говоритъ:

Пускай онѣ завидны, хороши—
Съ чемъ, съ чемъ, скажи, сравнится
Отрада сладкая души
Съ тобой за добрую Ликириду молиться?

„Нѣжная, восхищенная такою любовію, такимъ участіемъ его, Хлоя отвѣчаетъ:

Благодарить тебя не достаетъ мнѣ словъ!
Прекрасенъ ты въ тотъ день глазамъ моимъ казался,
Когда въ вѣнкѣ изъ розъ, при плескѣ пастуховъ,
Славнѣйшихъ побѣдивъ пѣвцовъ,
Къ намъ съ дальнихъ береговъ Пенея возвращался;
Но во сто разъ еще прекраснѣе теперь:
Ахъ! ты за мать мою молиться обѣщался!

„Послѣдній стихъ (продолжаетъ критикъ) произнесенъ, кажется, самою чувствительностію. Тутъ ни малѣйше не видно затѣйливаго, чопорнаго *искусства,* но одна плѣнительная изящная *простота.* И какая *нравственность!* Аминтъ обѣщался только молиться и уже показался ей несравненно прекраснѣе; каково же должно быть ея восхищеніе, когда она увидитъ любезнаго своего, молящагося вмѣстѣ съ нею? Неужели по-

добное изъясненіе столь примѣрныхъ, благородныхъ чувствъ — не можетъ привлечь нашего участія?“ [1])

Наставительности требуетъ и Жоффре, котораго „Опытъ объ Идилліи“ въ переводѣ Небольсина былъ напечатанъ въ „Благонамѣренномъ“ (1823 г., № X). Вотъ слова его: „Идилліи древнихъ отличаются богатствомъ подробностей, свѣжестью красокъ; но онѣ вообще мало занимательны.—Пастухи Ѳеокрита и Виргилія представляются часто злыми, сварливыми, завистливыми, чародѣями; любовь составляетъ единственный предметъ ихъ разговоровъ.—Геснеръ, можно сказать, далъ новый характеръ Идилліи.—Не уступая Ѳеокриту и Виргилію въ вѣрности описаній, онъ превосходитъ ихъ красотою чувствованій. Его пастухи имѣютъ всю невинность, все простодушіе временъ первобытныхъ. Любя добродѣтель, они невольно заставляютъ любить ее“ [2]).

Разумѣется, что гг. критики, понимавшіе сущность идилліи такимъ образомъ, не могли принять благосклонно Гнѣдичевыхъ „Рыбаковъ“. Въ разборѣ, напечатанномъ въ „Благонамѣренномъ“, сдѣлано нападеніе именно на замѣтку Гнѣдича, изрекавшую какъ бы осужденіе сантиментальнымъ идилликамъ. Гнѣдичъ хотѣлъ народной идилліи, хотѣлъ отстранить Хлой и Дафнисовъ. „Ужели, отвѣчаетъ на это критикъ, невинные сельскіе обитатели, коихъ чистые, простые нравы (не говоря о порочныхъ) во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ были и суть одинаковы, представленные въ самыхъ трогательныхъ положеніяхъ, если они только не одноземцы намъ, ни мало не привлекутъ нашего участія?“ Гнѣдичъ хотѣлъ осмыслить идиллію у насъ: ему отвѣчали словами Панаева: „Почтеніе къ богамъ, любовь родительская, дѣтская, супружеская, чувства дружбы и состраданія, рѣзвая веселость и тихая горесть, коими одушевилъ онъ свои идилліи—дѣлаютъ ихъ разнообразными, правдоподобными, занимательными, близкими къ сердцу всякаго чувствительнаго человѣка, и, что всего драгоцѣннѣе, *наставительными*—прекраснѣйшая цѣль, о которой древніе едва ли помышляли“.

Самый разборъ „Рыбаковъ“, кромѣ quasi-опроверженія замѣтки, ограничивается филологическими замѣтками, придирками къ словамъ, не всегда справедливыми. Такъ, между прочимъ, авторъ разбора останавливается на выраженіи *синѣвшаяся даль* (Такъ юноши думы въ синѣвшуюсь даль уносились). „Это выраженіе, говоритъ онъ, служитъ для меня загадкой. Подразумѣваетъ ли подъ симъ авторъ *непроницаемость будущаго?*—Но въ такомъ случаѣ сей эпитетъ, кажется, неприличенъ. Хочетъ ли сказать просто, безъ всякой фигуры, что юноша устремилъ взоры и любопытство

---

[1]) „Благонамѣренный“, 1822 г., № XVII, XXX и др.

[2]) Жоффре написалъ „Les charmes de l'enfance et les plaisirs de l'amour maternel“. V édition. A Paris 1797. Въ предисловіи онъ говоритъ о новѣйшихъ идилликахъ. Идиллія, по его мнѣнію, есть описаніе пейзажа, одушевленнаго чувствомъ. Все предисловіе пропитано сантиментальностью до nec plus ultra.

въ *синѣющуюся даль горизонта;* но мысль сія здѣсь, по мнѣнію моему, неумѣстна. Она скорѣе годилась бы въ какую-нибудь элегію, а не въ идиллію и притомъ Русскую". Какъ замѣтно здѣсь нападеніе на романтизмъ, потому что тогда отсталые литераторы преслѣдовали выраженія въ родѣ: туманная, таинственная даль и проч., какъ проявленіе романтизма! [1])

Впрочемъ, есть двѣ-три дѣльныхъ замѣтки въ *критической* статейкѣ „Благонамѣреннаго"; напр., авторъ упрекнулъ Гнѣдича, зачѣмъ его рыбаки говорятъ: *боляринъ* вмѣсто *бояринъ*. Гнѣдичъ воспользовался этимъ указаніемъ и при второмъ изданіи („Сѣверные Цвѣты", 1827 г.) замѣнилъ славянское слово русскимъ.

Идиллія [2]) имѣетъ цѣлью представить человѣка въ состояніи невинности, въ мирѣ съ самимъ собою и окружающею дѣйствительностью; туда, гдѣ царствуетъ миръ и спокойствіе, гдѣ человѣкъ возмущается болѣе извнѣ, гдѣ нѣтъ внутренней исторіи: туда переноситъ идилликъ свои вымыслы. Въ пастушескомъ мірѣ видѣли обыкновенно поэты золотой вѣкъ невозмутимаго согласія, оставляли такимъ образомъ позади насъ ту цѣль, къ которой должна бы была привести насъ идиллія, и оставляли въ насъ только горестное чувство потери, а не радостное чувство надежды. Но состояніе невинности находится и послѣ успѣховъ цивилизаціи: мысль о немъ и вѣра въ него примиряютъ человѣка съ тѣмъ зломъ, которое вытекаетъ изъ цивилизаціи. Недостатокъ дѣйствія, обиліе въ состояніяхъ и ихъ описаніи—вотъ главные признаки идилліи. Мейснеръ нашелъ, что ландшафтныя картины Геснера въ изобрѣтеніи, композиціи и обрисовкѣ чрезвычайно похожи на его идилліи. Это столь же мало случайно, какъ и то, что живописцы, Миллеръ и Устери, писали идилліи, или что процвѣтаніе пастушеской поэзіи въ Испаніи и Италіи современно съ процвѣтаніемъ живописи, или, наконецъ, что всѣ идилліи называются, какъ сказалъ Геснеръ, видиками (Bilderchen), ибо нѣтъ другаго имени для этихъ представителей описательнаго рода поэзіи. Въ описаніяхъ, этомъ важномъ элементѣ идилліи, Гнѣдичъ отличается живописностью и полнотою отдѣлки. Таково преимущественно начало 2-й части „Рыбаковъ":

---

[1]) Но главное дѣло въ томъ, что въ „Рыбакахъ" не нашли никакой назидательности. „Помилуйте, вопили критики, стало-быть не правъ былъ старый рыбакъ, когда убѣждалъ товарища бросить пѣсни и работать. А это можно заключить, прочитавши всю идиллію". Нельзя не вспомнить здѣсь словъ Пушкина: „Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-лѣтняя племянница, у другаго 15-лѣтняя знакомая, и все, что по благоусмотрѣнію родителей еще не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 16-лѣтнихъ дѣвушекъ?"

[2]) Шиллеръ и Гервинусъ.

Уже надъ Невою сіяетъ беззнойное солнце;
Уже вечерѣетъ; а рыбаря нѣтъ молодаго.
Вотъ солнце зашло; загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ сліясь, загорѣлося море,
И пурпуръ и золото залили рощи и долы.
Шпицъ тверди Петровой, возвышенный, вспыхнулъ надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя,
Угасъ онъ; но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ;
Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на землю;
Вотъ ночь, и свѣтла синевою одѣтая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока;
Какъ будто Денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро...

Самая идиллія есть родъ аллегоріи. Она написана въ память графа А. С. Строгонова, какъ дань благодарности за его покровительство искусствамъ. „Кто не узнаетъ въ бояринѣ идилліи этого престарѣлаго Нестора искусствъ, истиннаго образца людей государственныхъ; вельможи, который доказалъ краснорѣчивымъ примѣромъ цѣлой жизни, что вышній санъ заимствуетъ прочное сіяніе не отъ богатства и почестей наружныхъ, но отъ истиннаго, неотъемлемаго достоинства души, ума и сердца?“ [1]) Въ младшемъ рыбакѣ изобразилъ авторъ самого себя; оттого-то въ словахъ рыбака слышны не рыбацкія рѣчи, а поэтическая исповѣдь самого Гнѣдича. Въ себѣ самомъ нашелъ авторъ эту невозмутимую ясность души, которую изобразилъ въ „Рыбакахъ“.

Можетъ быть, еще значительнѣе былъ переводъ „Сиракузянокъ“ Ѳеокрита. Въ предисловіи онъ изложилъ свою теорію идилліи; онъ внесъ въ нее много новаго и живаго; видимъ его вѣрный взглядъ, чуждый безотчетнаго увлеченія современными ему понятіями объ идилліи. Уже не такъ довѣрчиво смотритъ онъ на Геснера, не ставитъ его образцомъ идиллика. „Геснеръ, говоритъ онъ, создалъ природу сантиментальную на свой образецъ; пастуховъ своихъ идеализировалъ [2]), а что хуже—въ идилліи ввелъ миѳологію греческую. Въ этомъ состояло его важнѣйшее заблужденіе: Нимфы, Фавны, Сатиры для насъ умерли, и не могутъ показаться въ поэзіи нашего времени, не разливая ледянаго холода“. Не въ одномъ пастушескомъ мірѣ видитъ уже Гнѣдичъ сцену идилліи. „Поэзія идиллическая у насъ, какъ и въ новѣйшихъ литературахъ европейскихъ, ограничена тѣснымъ опредѣленіемъ *поэзіи пастушеской;* опредѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ другія, столько же неосновательныя мнѣнія, что поэзія пастушеская (т.-е. идилліи и эклоги) въ словесности нашей

---

[1]) Слова Батюшкова. Сочиненія, т. I, стр. 152, 1816.

[2]) То же сказалъ Шиллеръ: „Геснеровъ пастушокъ не можетъ восхищать насъ; какъ дитя природы, онъ слишкомъ идеальное существо, а для идеала онъ слишкомъ ничтоженъ“.

существовать не можетъ, ибо у насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ, и проч. и проч.". „Гдѣ, если не у насъ въ Россіи (говоритъ онъ далѣе), болѣе состояній людей, которыхъ нравы, обычаи, жизнь, такъ просты, такъ близки къ природѣ? Это правда, русскіе пастухи не спорятъ въ пѣснопѣніи, какъ греческіе; не дарятъ другъ друга вазами и проч.; но отъ этого развѣ они не люди? Развѣ у нихъ нѣтъ *своихъ* сердецъ, *своихъ* страстей? А у другихъ простолюдиновъ нашихъ развѣ нѣтъ своей вѣры, повѣрій, нравовъ, костюмовъ, своего быта домашняго, своей русской природы?—Наши многообрядныя свадьбы, наши хороводы, разныя игрища, праздники сельскіе, даже церковные суть живыя идилліи народныя, ожидающія своихъ поэтовъ".

Переводъ „Сиракузянокъ" Гнѣдича прекрасенъ; руководствовался онъ переводомъ Фосса и чрезъ то далеко оставилъ за собою французскіе переводы, которые основаны по большей части на ложномъ пониманіи подлинника. Изъ французовъ—Жоффруа (Geoffroy), чтобъ заставить соотечественниковъ читать Ѳеокрита, *поправилъ* его, чего не могъ перевести легко, чему не могъ придать блеска, выпустилъ, прибавилъ свои сравненія и вообще совершенно измѣнилъ характеръ подлинника. Во всемъ этомъ онъ самъ добродушно и откровенно признался. Лучшіе переводы принадлежатъ Дидо и Кро (Cros); впрочемъ и они не довольно точны. Переводъ Фосса (не упоминаемъ о Биндеманнѣ, который на Гнѣдича не имѣлъ вліянія) вѣрнѣе другихъ передаетъ подлинникъ. Въ одномъ можно упрекнуть Фосса и Гнѣдича, именно, что рѣчи не вездѣ правильно распредѣлены между дѣйствующими лицами, отчего нѣкоторыя выраженія непонятны. „Эта идиллія (говоритъ Гнѣдичъ) одна изъ труднѣйшихъ, по множеству пословицъ и простонародныхъ оборотовъ; въ переводѣ, можетъ быть, не удовлетворимъ требованіямъ знатоковъ языка греческаго". Но нельзя не согласиться, что пословицы переданы довольно мѣтко. Въ одномъ впрочемъ мѣстѣ мысль, выраженная пословицею, въ переводѣ темновата. Горго говоритъ:

...Пойдемъ-ка въ палаты царя-богача, Птолемея,
Видѣть Адониса праздникъ; я слышу, царица готовитъ
Много прекраснаго.

Праксиноя.

Дивно ли? *все у богатыхъ богато.*
Ты жъ, что увидишь, разсказывать станешь тѣмъ, кто не видѣлъ.

Какая связь между послѣднимъ стихомъ и предшествующимъ разговоромъ, понять трудно. По Вистеману переведенный такимъ образомъ Гнѣдичемъ стихъ подлинника:

Ὧν εἶδες χὤν εἶπας ἰδοῖσα τὺ τῷ μὴ ἰδόντι

есть proverbialis loquutio — пословица. Горго говоритъ, что праздникъ будетъ прекрасенъ. Эти слова возбуждаютъ въ Праксиноѣ желаніе ско-

рѣе увидать его. „Положимъ, что такъ, говоритъ она, но ужъ тогда можно говорить утвердительно, когда увидимъ сами, и тогда-то, какъ говоритъ пословица, мы можемъ разсказать то, что видѣли, другимъ, не видавшимъ“. Такимъ только образомъ, заключаетъ Вистеманнъ, можно понять, почему поставленъ мужескій родъ *τῷ μὴ ἰδόντι* (См. его изд. Θеокрита, Ид. XV, 25, p. 223).

Мы показали, насколько понялъ Гнѣдичъ народную идиллію и чего требовалъ отъ русской идилліи. Какъ высоко ставилъ онъ народныя произведенія — пѣсни, видно съ одной стороны изъ того усердія [1]), съ какимъ онъ переводилъ пѣсни новыхъ грековъ, съ другой изъ слѣдующаго мѣста записокъ: „Наши старинныя повѣсти стихотворныя, наши народныя пѣсни, которыхъ богатствомъ и истинно-народнымъ поэтическимъ духомъ мы можемъ предъ другими народами хвалиться, а особенно геніяльная, своеобразная *Пѣснь о полку Игоревѣ*, во многихъ отношеніяхъ важны исторически. Эти пѣсни, безъ сомнѣнія, хотя слабый и невнятный отголосокъ поэзіи древнихъ временъ, достойны самаго рачительнаго вниманія и сбереженія, требуютъ обработыванія осторожнаго и благоразумнаго“.

Въ введеніи къ „Простонароднымъ пѣснямъ нынѣшнихъ Грековъ“ [2]) онъ объясняетъ общій ихъ характеръ по большей части словами Форіэля, которому принадлежитъ лучшее изданіе пѣсенъ новогреческихъ; потомъ сравниваетъ ихъ съ пѣснями русскими и находитъ въ нихъ большое сходство. Вторая половина введенія посвящена исключительно этому сравненію. „Такъ называемые *Мирологи* грековъ существуютъ и у насъ: простонародныя женщины въ Россіи, а особенно въ Малороссіи, оплакивая мертвыхъ, прибѣгаютъ не къ однѣмъ слезамъ и неимѣющимъ связи воплямъ горести, но часто плачъ ихъ составляетъ особенный, у простыхъ людей почти общій родъ оплакиванія, въ которомъ они обыкновенно исчисляютъ добродѣтели умершаго“. Далѣе авторъ находитъ соотвѣтствіе между *пѣсней ласточки* и *веснянками* [3]); замѣчаетъ, что въ языкѣ малороссійскомъ находятся слова гелленскія. Наконецъ, отрицательныя сравненія, лирическіе приступы въ пѣсняхъ общи славянамъ и грекамъ. Однимъ словомъ, не вліяніемъ восточной поэзіи, а вліяніемъ славянъ, племени единовѣрнаго, слившагося съ греками нравами, вліяніемъ, которое могло начаться еще съ VII-го вѣка, должно, по мнѣнію Гнѣдича, объяснить особенность вкуса и духа нынѣшней

[1]) Онъ не ограничился однимъ изданіемъ Форіэля, но воспользовался матеріалами, которые предложилъ ему протоіерей Константинъ Экономосъ, и вставилъ нѣкоторые стихи, которыхъ нѣтъ у Форіэля.

[2]) Первое изданіе ихъ (1825) отдѣльною книжкою заключаетъ кромѣ введенія и подлинникъ.

[3]) Любопытная статья о „Веснянкахъ“ напечатана въ „Очеркахъ Россіи“ Пассека, т. 5-й.

простонародной поэзіи грековъ. И не народное тщеславіе (продолжаетъ авторъ), а любовь къ истинѣ внушала это заключеніе.

Изданіе и переводъ пѣсенъ исполнены прекрасно. Разъ отыскавши живую сторону въ греческихъ пѣсняхъ и понявши ихъ связь съ славянскими, Гнѣдичъ нашелъ силы и средства обогатить русскую литературу образцовымъ переводомъ новогреческихъ пѣсенъ, если только XII пѣсенъ могутъ обогатить литературу. Фактура стиха, отдѣлка его и изумительно-вѣрная передача подлинника—вотъ отличительныя черты перевода этихъ пѣсенъ. Лучшая изъ нихъ есть Олимпъ. Представляемъ ее, чтобъ дать понятіе объ его переводѣ [1]).

Заспорили горы, Олимпъ и Киссавъ,
И первый за сабли, за ружья другой.
Олимпъ обернулся, къ Киссаву шумитъ:
Молчи и во прахѣ сиди ты, Киссавъ,
Не разъ оскверненный Коньяра ногой!
Я славенъ въ подлунной, Олимпъ я сѣдой!
Высокъ я, на мнѣ сорокъ двѣ головы;
Я шуменъ, струю шестьдесятъ два ключа;
Гдѣ ключъ лишь, тутъ знамя, гдѣ дерево,—Клефтъ.
Сидитъ у меня на вершинѣ орелъ,
Въ когтяхъ у орла голова храбреца,
Клюетъ онъ ее и разспрашиваетъ:
„Что сдѣлала ты, удалая глава?
За что, какъ у грѣшнаго, срублена съ плечъ?"
„Съѣдай мою молодость, птица-орелъ,
Съѣдай мою храбрость; твои подростутъ
И крылья на локоть и когти на пядь!
Въ Ксеромерѣ, въ Луру я былъ Арматолъ
И Клефтъ на Олимпѣ двѣнадцать годовъ;
Сто Асъ истребилъ я, сто селъ ихъ сожегъ,
А Турокъ, Албанцевъ, положенныхъ мной...
Ихъ множество, птица, и счета имъ нѣтъ.
Но жребій пришелъ мой—легъ въ битвѣ и я!"

IV.

Въ прозѣ Гнѣдичъ писалъ немного и по большей части на случай; потому его прозаическія статьи, которымъ мы намѣрены посвятить этотъ отдѣлъ, не имѣютъ большаго значенія, обладая чисто минутнымъ, временнымъ интересомъ. Таково его *Письмо къ Б. о статуѣ мира, изваянной для графа Н. П. Румянцова скульпторомъ Кановою въ Римѣ* [2]). „Графъ Румянцовъ пожелалъ также ознаменовать памятникомъ три мира, пріобрѣтенные къ славѣ Россіи рукою Румянцовыхъ; на сей ко-

[1]) Въ первомъ изданіи ея (въ „Сѣверн. Цвѣтахъ", гдѣ напечатаны были три пѣсни) есть нѣкоторыя измѣненія.

[2]) „Сынъ Отечества", 1817 г., № XIV.

нецъ предложилъ онъКановѣ статую Мира". Авторъ признается, что не можетъ судить о достоинствѣ художества, будучи ученикомъ, а не знатокомъ, который однимъ взоромъ открываетъ красоты и пороки. „Однихъ чувствъ мало, чтобы чувствовать прекрасное въ искусствахъ: его надобно изучить и постигнуть умомъ". Статья замѣчательна, какъ выраженіе личнаго чувства автора, которое откликалось на все изящное; потому-то онъ такъ сильно негодуетъ на педантизмъ тѣхъ ученыхъ, сердце которыхъ черство и нелегко доступно впечатлѣніямъ изящнаго. Какъ статья современная, написанная однимъ изъ извѣстнѣйшихъ литераторовъ, „Письмо" могло имѣть значеніе у читающей публики, когда еще свѣжо было у ней впечатлѣніе, статуею произведенное, которой потому естественно хотѣлось слышать хотя какое-нибудь сужденіе. Впрочемъ, нелишнимъ считаю представить слѣдующій отрывокъ: „Вещи познаются лучше по сравненію: какой статуѣ изъ древнихъ, спросишь ты, можно ее уподобить?—Никакой, мой другъ; довольно того, что она подобна—Богинѣ. Не потому, что ей даны принадлежности божества; не потому, что ее такъ величественно осѣняютъ крылья: нѣтъ, эта голова, это лице, этотъ видъ—все показываетъ существо высшее, ознаменовываетъ натуру божественную. — Какое тѣло! Посмотрите на правую руку, которою богиня облокачивается на колонну: она прозрачна, она мягка! Вотъ сіе тѣло, которое питается не грубою пищею смертныхъ; въ немъ не видно ни мускуловъ, ни жилъ; въ немъ течетъ не кровь: подъ сею нѣжною оболочкою струится амврозія — *свѣтлая, безсмертная влага* [1]). — Верхняя риза, обливающая гибкій станъ прозрачными волнами, кажется, играетъ въ изгибахъ; ея мягкія и льющіяся линіи очаровываютъ взоръ, какъ гармоническіе звуки слухъ. — Однимъ словомъ: вся фигура блистаетъ такою пріятностію и легкостію формъ, что Художникъ не имѣлъ, кажется, никакого усилія для ея произведенія; кажется, что сей образъ, котораго идея существовала прежде его формы, изъ творческой головы Художника вышелъ прелестный и легкій какъ самая идея.—Это созданіе, а не работа".

Въ такомъ же родѣ написана и статья „Академія Художествъ" (напечатанная въ №№ 38—40 „Сына Отечества" 1820 г.), которая отзывается нѣсколько оффиціальностью и общими мѣстами. Въ методѣ изложенія замѣтно подражаніе статьѣ Батюшкова „Академія Художествъ". Какой-то NN предлагаетъ автору осмотрѣть выставку Академіи художествъ. Авторъ, разумѣется, соглашается, отправляется на бульваръ, гдѣ находитъ своего пріятеля NN; вмѣстѣ идутъ въ Академію, встрѣчаютъ на дорогѣ художника Т., который берется быть ихъ чичерономъ. Описываются разныя улучшенія въ Академіи и наконецъ представляется обзоръ художественныхъ произведеній по порядку залъ.

Гораздо важнѣе той и другой статьи „Рѣчь, произнесенная въ полугодичномъ собраніи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесно-

---

1) Ἰχώρ: такъ называетъ Гомеръ кровь небожителей.

сти по случаю переимянованія Гнѣдича изъ Почетныхъ въ Дѣйствительные члены сего сословія“ и напечатанная въ „Трудахъ“ этого Общества (ч. XV, кн. II). Въ ней авторъ обнаруживаетъ свои мысли о назначеніи и обязанностяхъ писателя.

Выразивъ свою искреннюю благодарность за избраніе его дѣйствительнымъ членомъ Общества, авторъ высказываетъ свое мнѣніе о высокомъ званіи писателя. „Если соединяющіе силы рукъ своихъ на враговъ покоя общественнаго (говоритъ онъ) достойны хвалы гражданъ и вѣнцовъ славы; то люди, соединяющіе силы разума, сіи безоружные воины, ведущіе брань съ пороками, предразсудками, невѣжествомъ, со всѣми невидимыми, но опаснѣйшими врагами общества человѣческаго, имѣютъ не менѣе правъ на его признательность“. И тѣмъ болѣе благороденъ и достоинъ уваженія такой союзъ писателей, который соединили не корыстныя выгоды. „Такое благородное направленіе ума человѣческаго неизвѣстно было древности. Слава сего принадлежитъ Христіанству. Науки и искусства поставили мѣту высшую, избрали для своей дѣятельности цѣль благороднѣйшую: истину и добродѣтель; и такимъ образомъ, введя въ союзъ умъ и сердце, торжественно являютъ міру божественное ихъ предопредѣленіе. Напрасно ложная философія усиливалась разорвать счастливый союзъ сей. Опыты вѣковъ доказали, что безъ добродѣтели — геній ничтоженъ“. Цѣлью Общества было „соревнованіе просвѣщенію и благотворенію“. Соревнованіе просвѣщенію, по мнѣнію автора, важнѣе, чѣмъ соревнованіе благотворенію: ибо послѣднее простирается на однихъ современниковъ, первое вліяетъ и на потомство. „Чтобъ быть полезнымъ, вы избрали словесность изящную (продолжаетъ авторъ). Но нужно помнить и призваніе писателя. Каждый изъ насъ есть, или быть долженъ, виновникомъ или свѣтлой мысли, или благороднаго чувства въ душѣ юной, которыя, можетъ быть, глубоко пустивъ корни свои, сдѣлаютъ вдохнувшаго ихъ, такъ сказать, творцомъ нравственнаго бытія человѣческаго. Если таково вліяніе писателя на человѣка, таково и общее дѣйствіе письменъ на народы. Да размышляютъ воздѣлыватели ихъ о важности служенія своего; да будутъ они чисты сердцемъ, какъ служители Божества, или тѣ, которые приближаются къ священнымъ олтарямъ его; да будетъ же первою страстію ихъ одушевляющею, вдохновеніемъ ихъ ума и сердца— любовь къ человѣчеству“. Вотъ любимая мысль Гнѣдича, которую онъ не разъ повторялъ! „Истинное и благодѣтельное просвѣщеніе всѣхъ состояній рода человѣческаго тогда только совершается, когда человѣкъ будетъ видѣть и почитать въ превосходствѣ познаній одну выгоду быть полезнымъ несчастнымъ“,—говоритъ Гнѣдичъ въ своихъ запискахъ. И благо тому писателю, который *такъ* понимаетъ свое назначеніе, который стремился къ такой цѣли: озирая все пройденное имъ поприще, онъ можетъ спокойно, положа руку на сердце, сказать, что онъ

Ни словомъ однимъ безсмертной души не унизилъ.

Если же такова цѣль писателя, то онъ не долженъ страшиться бѣдности, потому что на этомъ пути человѣкъ узнаетъ человѣчество и научается любить его; онъ долженъ любить языкъ своего народа и защищать его, какъ свои права, законы, свободу, свое счастіе, свою собственную славу; онъ долженъ стремиться къ славѣ, которая перешла бы въ потомство, а не къ этой жалкой извѣстности между современниками, которую легко пріобрѣсть, даже купить. Писатель „долженъ посвятить перо свое предметамъ, которые составляютъ неизмѣнную пищу ума и сердца во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ, а не одной любви, которую поэты нашихъ временъ возвысили до энтузіазма". Но, какъ бы то ни было, подвигомъ писателя будетъ—„пробудить, вдохнуть, воспламенить страсти благородныя, чувства высокія, любовь къ вѣрѣ и отечеству, къ истинѣ и добродѣтели".

Вотъ содержаніе рѣчи. Языкъ напоминаетъ нѣсколько Карамзинскій.

Отрывокъ [1]) „О вкусѣ и его вліяніи на Словесность и нравы", напечатанный также въ „Трудахъ Вольн. Общ. Любителей Россійской Словесности" (ч. V, кн. III), замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ стремленіе автора установить точное понятіе о вкусѣ и оградить его отъ странныхъ нападеній и незаконныхъ притязаній.

„Не смотря на краснорѣчивое Лагарпово защищеніе правъ Генія и вкуса, оскорбители здраваго смысла (нападавшіе на вкусъ) увѣнчаны отъ жаркихъ друзей именами Геніевъ, а толпы ремесленниковъ въ званіи артистовъ причислили себя къ служителямъ божества, которое ихъ и котораго они не вѣдаютъ. Въ слѣдствіе сего новаго порядка вещей и модистки Пале-Рояля объявляютъ себя привиллегированными распространительницами вкуса". „Потому говоря о немъ, какъ о принадлежности дарованій писателя или художника, нужно въ самомъ началѣ отдѣлить всѣ постороннія понятія, его затемняющія, и не смѣшивать со вкусомъ времени и моды, потому послѣдній прихотенъ и своенравенъ. Нельзя смѣшивать его и съ народнымъ вкусомъ, разнообразнымъ, зависящимъ отъ характера, духа законовъ и мѣстныхъ обстоятельствъ; тогда какъ изящный вкусъ, какъ самая изящность — одинъ, общій, неизмѣнный". „Въ отношеніи къ нашему времени (говоритъ авторъ) вкусъ есть уже качество души, мнимыхъ обладателей составляющее гордость, людьми полуобразованными почитаемое ничѣмъ, качество, которымъ многіе хвалятся, но рѣдкіе имѣютъ, о которомъ всѣ говорятъ, но немногіе знаютъ и которое въ самомъ дѣлѣ чѣмъ болѣе изъясняемо, тѣмъ менѣе изъяснимо".

Затѣмъ авторъ объясняетъ, откуда происходитъ имя и свойство вкуса и какое онъ имѣетъ вліяніе на словесность. У писателей древности нельзя искать теоріи вкуса: тогда люди только наслаждались изящными произведеніями, не изыскивая причинъ наслажденія ихъ.

---

[1]) Статья названа такъ самимъ авторомъ.

Греческое *πρέπον* и римская urbanitas есть именно то, что̀ мы называемъ *вкусомъ*. Вкусъ есть во всякомъ человѣкѣ, будетъ ли онъ образованъ или необразованъ. Вкусъ есть живое, быстрое и вѣрное чувство всего, что истинно и прекрасно въ твореніи искусства; но онъ не можетъ быть равномѣренъ у всѣхъ людей, какъ и самая чувствительность. „Когда чувствительность уже разкрыта, извѣстно, что всѣ на нее впечатлѣнія искусствъ, изключая производимыя музыкою, всѣ ея движенія рождаются въ насъ не прежде, какъ въ слѣдъ за мыслями или понятіемъ. Слѣдовательно̀, опредѣленіе будетъ яснѣе, когда скажемъ, что вкусъ есть движеніе чувствительности, объясняемой понятіемъ. Безъ помощи понятія сердце само себя уразумѣть не можетъ, а особенно, когда впечатлѣнія сложны и разнородны. Взаимное соединеніе сихъ двухъ способностей такъ необходимо къ его составленію, что отдѣльное ихъ дѣйствіе всегда будетъ ничтожно для сужденія объ искусствахъ".

Впрочемъ, „нельзя сказать, чтобъ въ сужденіяхъ вкуса движенія его были послѣдствія размышленія; онъ чувствуетъ быстро и живо, или одобряетъ, или отвергаетъ, дѣйствуетъ не по соображенію, но по внушенію, по одному внутреннему голосу, предъ которымъ часто умолкаетъ самый разсудокъ".

„Вліяніе вкуса простирается на всѣ искусства и художества; но власть его пространнѣе въ искусствѣ словесномъ, ибо въ твореніяхъ *слова* впечатлѣнія до безконечности разнообразны и безчисленны".

Чтобы пополнить этотъ отрывокъ, выписываемъ еще мѣсто изъ записокъ Гнѣдича: „Какого бы достоинства ни было сочиненіе, какими бы красотами оно ни изобиловало, если нѣтъ въ немъ *приличія* (decorum, *πρέπον*), оно не имѣетъ самаго нужнѣйшаго къ тому, чтобъ быть совершеннымъ и чтобъ нравиться. Сіе *приличіе* есть чувствованіе всего, что пристойно и что не пристойно лицу, времени и обстоятельствамъ говорящаго. Его-то не достаетъ у всѣхъ нашихъ молодыхъ людей; они все спускаютъ съ пера, что имъ входитъ въ голову, не удерживаясь приличіемъ, не думая, у мѣста или не у мѣста, въ пору или не въ пору ихъ рѣчи, хотя они сами по себѣ и имѣютъ красоты. Отъ незнанія этого *приличія*, такъ названнаго древними, и нынѣ называемаго вкусомъ, происходятъ грубыя слабости у нашихъ писателей".

Нельзя не упомянуть еще о „Запискахъ" Гнѣдича. Въ нихъ много свѣтлыхъ мыслей, выраженныхъ рѣзко, но спокойно: видно, глубокое убѣжденіе водило перомъ автора. Это по большей части отрывочныя мысли и афоризмы, которыя важны для пониманія личности автора, его души и убѣжденій. Есть, впрочемъ, довольно длинная выписка о *слогѣ*, который авторъ раздѣляетъ на три рода: важный, *легкій* (цвѣтущій) и *средній*.

V.

Но не это преимущественно занимало Гнѣдича; не на это обращена была его долголѣтняя дѣятельность: мысль его постоянно стремилась

Въ край героическаго міра
И поэтическихъ боговъ.

Гомеръ былъ постояннымъ спутникомъ его жизни, и ему посвятилъ онъ всѣ силы свои, все свое время. Любопытенъ, какъ обнаруженіе этой преданности Гомеру, слѣдующій анекдотъ, переданный М. Лобановымъ. Извѣстно, что Крыловъ на 50-мъ году жизни вздумалъ выучиться греческому языку и въ два года успѣлъ глубоко изучить его. „Однажды, сидя въ кабинетѣ А. Н. Оленина и говоря съ нимъ объ Иліадѣ Гомера, Гнѣдичъ сказалъ, что онъ затрудняется въ уразумѣніи точнаго смысла одного стиха, развернулъ поэму и прочелъ его. Ив. Андр. подошелъ и сказалъ: „Я понимаю этотъ стихъ вотъ такъ", и перевелъ его. Гнѣдичъ, жившій съ нимъ на одной лѣстницѣ, вседнevно видавшійся съ нимъ, изумился; но, почитая это мистификаціею своего проказливаго сосѣда сказалъ: „Полноте морочить насъ, Ив. Андр., вы случайно затвердили этотъ стихъ, да и щеголяете имъ!" и, развернувъ Иліаду наудачу: „Ну вотъ, извольте-ка это перевести". Крыловъ, прочитавши и эти стихи Гомера, свободно и вѣрно перевелъ ихъ. Тогда уже изумленіе Гнѣдича дошло до высочайшей степени; пылкому его воображенію представилось, что Крыловъ изучилъ греческій языкъ для того, чтобы содѣйствовать ему въ трудѣ его; онъ упалъ передъ нимъ на колѣна, потомъ бросился на шею, обнималъ, цѣловалъ его въ изступленіи пламенной души своей. Впослѣдствіи онъ настаивалъ, чтобы Ив. Андр. принялся за переводъ Одиссеи" [1]). Не доказываетъ ли этотъ пламенный порывъ, какъ горяча была любовь Гнѣдича къ Гомеру, которая съ университетской скамьи осталась до могилы одинаковою, неизмѣнной? „Если при переводѣ Иліады (говоритъ онъ въ запискахъ) мои дарованія не соразмѣрны были съ моимъ усиліемъ, то по крайней мѣрѣ оно покажетъ, сколько я чувствовалъ важность труда моего". Въ „Вѣстникѣ Европы" 1810 года (№ 10) напечатанъ былъ переводъ его Гомерова гимна Діанѣ, „близкій переводъ подлинника", какъ сказано въ выноскѣ [2]).

Съ 1809 года началъ онъ печатать свой переводъ Иліады александрійскими стихами, рѣшившись окончить дѣло, начатое Костровымъ. Черезъ это Гнѣдичъ не вполнѣ достигалъ своей цѣли, ибо, не передавая

[1]) „Жизнь и сочиненія Ив. Андр. Крылова", соч. Лобанова, стр. 68.

[2]) [Въ рукописи слѣдуетъ: „Этотъ переводъ не вошелъ въ собраніе его стихотвореній; выписываемъ его", и далѣе приведенъ весь гимнъ, напечатанный въ изданіи 1884 г. въ I т., стр. 179. *Ред*].

поэмы гекзаметрами, онъ не производилъ того дѣйствія, которое должны были произвести гекзаметры. А ими онъ переводить боялся, потому что этотъ метръ, разъ опозоренный Телемахидою, могъ, по его мнѣнію, оттолкнуть публику отъ чтенія его перевода Иліады. Графъ С. С. Уваровъ въ письмѣ своемъ къ Гнѣдичу [1]) убѣждалъ его оставить переводъ александрійскими стихами. „Отдаленные отрывки нашей отечественной поэзіи, — писалъ онъ, — доказываютъ, что нашъ языкъ вмѣщаетъ всѣ оттѣнки *Систематической прозодіи.* Первые памятники нашего стихотворенія представляютъ особенный характеръ, основанный на весьма опредѣленномъ произношеніи *долгихъ* и *краткихъ* слоговъ. Сіе стопосложеніе тѣмъ болѣе соглашается съ Геніемъ нашего языка, что мы находимъ въ немъ и донынѣ большую наклонность къ *напѣву* и къ *музыкѣ;* но вмѣсто того, чтобы сему слѣдовать и постепенно усовершенствовать Русскую прозодію, первые и лучшіе стихотворцы отступили вовсе отъ сего правила. Одна изъ величайшихъ красотъ греческой поэзіи есть богатое и систематическое ея стопосложеніе. Тутъ каждый родъ поэзіи имѣетъ свой *размѣръ;* и каждый размѣръ не только свои законы и правила, но, такъ сказать, свой Геній и свой языкъ. Экзаметръ (шестистопной героической стихъ) предоставленъ Эпопеѣ. Сей размѣръ весьма способенъ къ сему роду поэзіи. При величайшей ясности онъ имѣетъ удивительное изобиліе въ оборотахъ, важную и плѣнительную Гармонію. Экзаметръ даетъ совершенное понятіе о выраженіи Горація: „loqui ore rotundo“ [2]). Всѣ эпическія поэмы писаны симъ размѣромъ“. Французы, которыхъ языкъ весьма неспособенъ къ поэзіи, изобрѣли стихъ александрійскій. „Не только его монотонія тягостна слуху, но онъ своею сухостію, краткостію и невольнымъ удареніемъ на полустишіе заслужилъ хулу самихъ Французовъ“. „Прилично ли намъ, Русскимъ, имѣющимъ, къ счастью, изобильной, метрическою прозодіею наполненный языкъ, слѣдовать столь слѣпому предразсудку?“ Ученый авторъ увѣщеваетъ воскресить древнюю нашу прозодію, которая, по его мнѣнію, основывается на количествѣ; иначе (говоритъ онъ) должно опасаться, что въ весьма короткомъ времени наша поэзія будетъ походить на младенца, носящаго всѣ признаки дряхлости, или на увядшаго юношу. Авторитетомъ Шлецера подтверждаетъ С. С. Уваровъ, что переводъ Гомера на русскій языкъ долженъ превосходить всѣ прочіе переводы, и убѣждаетъ Гнѣдича переводить экзаметромъ, потому что „читающіе Омера въ подлинникѣ возрадуются, услышавъ отголосокъ его безсмертныхъ пѣсней“. Въ „Отвѣтѣ“ Гнѣдича, помѣщенномъ въ той же книжкѣ „Бесѣды“, авторъ соглашается, что трудно (вмѣстить) 17 слоговъ экзаметра въ 12 александрійскаго стиха, „не лиша его или живописныхъ эпитетовъ, или силы, или вообще характера древней поэзіи, часто разрушаемаго малѣйшимъ измѣненіемъ оборота,

---

1) „Бесѣда Любителей Русскаго Слова“, ч. 13-я.

2) Т.-е. говорить полными устами.

необходимымъ для риѳмы". Для опыта Гнѣдичъ перевелъ гекзаметрами VI пѣснь Иліады и препроводилъ ее въ „Бесѣду Любителей Русскаго Слова". Но какъ этотъ размѣръ для читателей былъ новъ, то онъ въ томъ же письмѣ излагаетъ формы измѣненій гекзаметра, чтобы показать его преимущество передъ стихомъ александрійскимъ. Выписываемъ это мѣсто:

Главный размѣръ:

Гнѣвъ, о бо|гиня, вос|пой Ахи|ллеса Пе|леева|сына.

Измѣненія:

4 дакт. и 2 хорея [1]).	Гнѣвъ бо|гиня, вос|пой Ахи|ллеса, Пе|леева|сына. Дій же О|тецъ отъ О|лимпа|громы низ|вергнулъ на|землю.
3 дакт. и 3 хорея [2]).	Кони по|слушные|быстро|мчатся|съ грознымъ воз|ницей Онъ васъ|съ свѣтлаго|неба|въ тартаръ низ|ринетъ глу|бокій.
2 дакт. и 4 хорея.	Легкіе|кони|скачутъ|быстро,|рвы пре|ло|тая Быстро|кони|полемъ, прахъ возды|мая, не|сутся.
1 дакт. и 5 хореевъ.	Волны|моря|вставши|съ ревомъ хлещутся|въ берегъ.

„Такія измѣненія въ Русскомъ, какъ и въ Греческомъ экзаметрѣ, простираются до 16, а съ измѣненіемъ и пятой стопы на хорея, они гораздо болѣе умножатся". На это можно замѣтить, что въ греческомъ языкѣ подобныхъ гекзаметровъ отыскать нельзя, а потому приведенные Гнѣдичемъ русскіе примѣры доказываютъ только, что нашъ гекзаметръ совершенно не похожъ на греческій. Эту мысль подтверждаютъ и послѣдующія слова автора: „Поелику всѣ односложныя частицы, по свойству ихъ всегда почти короткія, и особенно союзъ *и*, въ первую стопу дактиля входятъ съ непріятностію для слуха;—въ избѣжаніе сего я лучшимъ почелъ средствомъ употреблять одно изъ измѣненій въ тѣхъ стихахъ, которые начинаются односложными частицами:

Но Адраста живымъ уловилъ Менелай ратоборный.
И на быстромъ бѣгу колесницу—
И Пріамъ и народъ знаменитаго въ бояхъ Пріама и проч.

Стихи сіи въ чтеніи хотя покажутся анапестическими, но по правиламъ размѣра они совершенно дактило-хореическіе, ибо первая стопа хорей, а прочія дактили [1]):

Но Ад|раста жи|вымъ уло|вилъ—
И на|быстромъ бѣ|гу колес|ницу—
И При|амъ и на|родъ знаме|нитаго—

---

[1]) Бываетъ ли это когда въ греческомъ гекзаметрѣ? Тамъ наоборотъ.

Итакъ, Гнѣдичъ рѣшился переводить гекзаметрами. Капнистъ подалъ, правда, свой голосъ противъ невозможнаго, по его мнѣнію, дѣла; онъ взялся доказать Уварову, что гекзаметръ по коренному свойству русскаго языка у насъ существовать не можетъ. „Извѣстно (говоритъ онъ), что экзаметры, по примѣру Омировыхъ, непремѣнно составляются изъ шести дактилей и спондеевъ; что первыя четыре мѣры могутъ, по произволу, перемѣшиваться съ тѣми и другими, но пятая и шестая должны неминуемо быть, та дактиль, а окончательная *спондей*". Но послѣднее несправедливо, потому что послѣдняя стопа бываетъ по бо́льшей части хорей; спондей попадается рѣже. Это и было доказано С. С. Уваровымъ въ отвѣтѣ В. Капнисту [1]). А между тѣмъ, Капнистъ именно на этомъ и основалъ свое мнѣніе о невозможности русскаго гекзаметра, будучи введенъ въ заблужденіе статьею Малле въ „Encyclopédie par ordre des matières", чтò было также доказано съ удивительной свѣтскостью и деликатностью С. С. Уваровымъ. Капнистъ усомнился даже въ пріятности Гомеровыхъ гекзаметровъ и говорилъ, что русскіе, а также и греческіе гекзаметры отличаются отъ „шаршавой прозы единственно по начальнымъ и окончательнымъ, протяжностію своею весьма чувствительнымъ, тяжелымъ и непріятнымъ удареніямъ". Онъ ведетъ дѣло даже далѣе и спрашиваетъ: „Зачѣмъ не попытаться намъ сдѣлать метрическую систему, на самомъ геніи языка основанную?" Онъ предлагаетъ перевести Иліаду размѣромъ русской пѣсни:

Какъ бывало у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ;

даже даетъ опытъ такого перевода. На это Уваровъ отвѣчалъ ему такъ: „Не въ томъ дѣло состоитъ, чтобъ написать поэму съ поэмы, или чтобъ сохранить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ Омера или всѣхъ древнихъ вообще надъ нѣсколькими только читателями. Мы должны стараться утвердить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ ихъ надо всѣми просвѣщенными умами:—слѣдственно представить *отпечатокъ* творенія Омерова въ духѣ оригинала, съ его формами и со всѣми оттѣнками, такимъ образомъ, чтобъ мы имѣли въ глазахъ не Кострова, не Гнѣдича, но Омера,—Омера въ чистѣйшемъ созерцаніи его природной красоты — Омера, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ плѣнялъ законодателя Спарты, побѣдителя Азіи, Александрійскихъ мудрецовъ и весь, однимъ словомъ, блистательный рядъ его любителей въ древнемъ и новомъ мірѣ. - Вотъ въ какомъ отношеніи могутъ древніе дѣйствовать надъ нами; но, чтобъ достигнуть сей цѣли, чтобъ распространить благодѣтельное ихъ вліяніе, необходимо нужно признать первымъ правиломъ, что *формы* въ поэзіи неразлучны съ *духомъ;* что между формами и духомъ поэзіи находится та же самая таинственная связь, какъ между тѣломъ и душею; что обоюдное ихъ вліяніе и дѣйствіе—формы на мысль, и мысли на форму—такъ тѣсны, что

[1]) Обѣ статьи въ 17 Чтеніи въ „Бесѣдѣ" etc.

никакъ нельзя опредѣлить истинныхъ границъ ихъ, а еще менѣе расторгнуть ихъ союзъ, не жертвуя тою или другою. Союзъ сей въ поэзіи древнихъ еще сильнѣе, нежели въ стихотвореніяхъ новѣйшихъ народовъ. Въ греческой поэзіи всѣ формы изобрѣтены такъ счастливо, опредѣлены такъ глубокомысленно, что составъ ихъ служитъ путеводителемъ въ хранилище генія древности. Кто не чувствуетъ изящности стопосложенія Омера, Эсхила, Теокрита, Анакреона, тотъ теряетъ половину ихъ красотъ".

Что касается до мнѣнія Капниста о переводѣ Иліады размѣромъ народнымъ, то на это его сіятельство отвѣчалъ, что Гомеръ въ русскомъ зипунѣ такъ же ему противенъ, какъ и во французскомъ кафтанѣ. „Переводить Иліаду Русскимъ народнымъ размѣромъ (говоритъ онъ) еще хуже, чѣмъ переводить Александрійскими стихами: ибо сей послѣдній стихъ, по большему употребленію, принадлежитъ *всѣмъ* и занимаетъ мѣсто героическаго стиха во *всѣхъ* почти новѣйшихъ языкахъ". И въ другомъ мѣстѣ: „Переводъ Омера Русскимъ размѣромъ столь же безполезенъ, какъ былъ бы переводъ Тасса экзаметрами. Его станса (ottave rime) такъ точно есть природная форма его поэзіи, какъ экзаметръ природная форма Омера; а форма, какъ сказано выше, неразлучна съ духомъ. Перестанемъ же самовольно отдѣлять ихъ". Такимъ образомъ Капнисту доказана была неосновательность его мнѣнія. Удивительно, какъ человѣкъ этотъ могъ, не зная греческаго языка, рѣшаться предлагать разныя разсужденія о поэмахъ Гомеровыхъ. Въ XI № „Сына Отечества" 1817 года онъ напечаталъ разсужденіе „О возстановленіи порядка пѣсенъ Одиссеи", гдѣ предлагалъ первую пѣснь замѣнить пятою. Въ „Сынѣ Отечества" 1819 года представилъ онъ „мнѣніе, что Улиссъ странствовалъ не въ Средиземномъ, а въ Черномъ морѣ". Впрочемъ, самъ онъ, повидимому, не довѣрялъ своимъ гипотезамъ и писалъ ихъ не съ полнымъ убѣжденіемъ, а съ усмѣшкою, такъ что, если бъ надъ нимъ стали насмѣхаться, онъ самъ могъ сказать: „Да вѣдь я первый посмѣялся надъ гипотезами; неужели вы не видите, что я говорилъ шутя". Подъ статьею „О возстановленіи порядка пѣсенъ Одиссеи" онъ помѣстилъ слѣдующіе стихи:

Климъ все печатаетъ—и все, какъ мыслитъ, къ стати;
А не увидитъ ввѣкъ того,
Что лишь невѣжества его
Печать выходитъ изъ печати.

Въ письмѣ о гекзаметрѣ онъ также старается разсмѣшить, чтобы сгладить видимую рѣзкость своихъ положеній: „Позволяется (говоритъ онъ) проповѣднику наскучать прихожанамъ своимъ продолговатымъ казаньемъ; ибо, по крайней мѣрѣ, три двери отворены для выхода: но въ собраніи, откуда благопристойная вѣжливость, изъ уваженія къ хозяевамъ и почтеннѣйшимъ гостямъ, возбраняетъ преждевременно отлучаться, Витія долженъ внимательно наблюдать на лицахъ слушателей

своихъ движеніе зѣвательныхъ мускуловъ; и умѣть заградить уста свои прежде, чѣмъ оныя у нихъ чаще и шире обыкновеннаго растворяться станутъ. — Повинуясь правилу сему, изъ осторожности останавливаю чернило-точивое перо свое". Согласитесь, что тотъ, кто такъ легковѣрно можетъ смѣяться надъ своими мнѣніями, отодвигаетъ на задній планъ интересы науки, во имя которыхъ онъ сражается, и лишается всякаго довѣрія. Однако письмо С. С. Уварова не заставило Капниста отказаться отъ народнаго размѣра. Въ слѣдующемъ „Чтеніи въ Бесѣдѣ"— *Краткое изысканіе о Гипербореанахъ и о коренномъ Россійскомъ стихосложеніи*; изложеніе этого страннаго разсужденія почитаю здѣсь неумѣстнымъ. Вотъ выписка изъ „Вѣстника Европы", который сильно возсталъ противъ бредней (иначе нельзя назвать мнѣній Капниста) автора; она можетъ дать понятіе о планѣ и главной мысли разсужденія: „Минувшаго декабря 1814 года (говоритъ редакторъ Л. Каченовскій) происходило въ С.-Петербургѣ 17-е чтеніе въ *Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова*. Начавши пробѣгать заглавія читанныхъ на ономъ сочиненій, мы тотчасъ принуждены были остановиться на *„Изысканіи о Гипербореанахъ и о коренномъ Русскомъ стихосложеніи"*. Хорошо узнать, чтó такое Греки разумѣли подъ именемъ Гиперборе́евъ; но что есть общаго между сими неизвѣстными дикарями и кореннымъ Русскимъ стихотвореніемъ?... Перевертываемъ листокъ *Сына Отечества*, въ которомъ нашли мы сіе любопытное увѣдомленіе, и сквозь завѣсу шуточныхъ замѣчаній видимъ, что г-нъ сочинитель *Изысканія* почитаетъ Гипербореевъ за одно съ Славянами, приписываетъ имъ искусства, науки и просвѣщеніе и доказываетъ, что самые Греки заняли языкъ свой и стихотворство у Гипербореевъ, т.-е. у Славянъ, нашихъ предковъ" [1]). Для опроверженія этихъ фантазій Каченовскій помѣстилъ переводъ цѣлой главы изъ Маннерта (Geographie der Griechen und Römer, T. IV, 8, Nürnberg, 1795). Стало-быть, и послѣдняя попытка Капниста, который убѣждалъ „перестать подражать древнимъ", и эта попытка не удалась. Гнѣдичъ продолжалъ переводить Иліаду гекзаметрами.

По случаю выхода „Опыта" Востокова о русскомъ стихосложеніи Гнѣдичъ напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1818 г., № 10 и 11, свои замѣчанія на него и „Нѣчто о прозодіи древнихъ". Онъ упрекаетъ сочинителя за то, что онъ внесъ въ свой „Опытъ" *классное* ученіе о количественности греческой прозодіи. Онъ не соглашается съ тѣмъ, что у грековъ однѣ гласныя долгія, другія краткія по естеству своему, потому что тогда онѣ бы должны оставаться immutabiles, неизмѣнными въ самомъ естествѣ своемъ, а между тѣмъ долгія обращаются въ краткія и наоборотъ. Онъ не признаетъ также, что количество совершенно независимо отъ ударенія, говоря, „что древніе Еллины, вразсужденіи произношенія, ничего намъ не оставили кромѣ нагихъ словъ; ибо они не пи-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1815 года, № 2.

сали и не имѣли нужды писать надъ ними удареній, какъ всѣ народы, когда языкъ ихъ процвѣтаетъ. Знаки удареній поставлены уже реторами вѣковъ позднѣйшихъ". Однимъ словомъ, въ метрикѣ греческой Гнѣдичъ видитъ такъ же тоническую, какъ и у насъ. Откуда же грамматики взяли количественную прозодію? спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ такъ: „Извѣстно, что Греки всю систему стихосложенія основали на музыкѣ; извѣстно, что сіи оба искусства, поэзія и музыка, въ древнія времена составляли одно. Musici qui erant quondam iidem poëtae (Cic. de orat. lib. III). Отсюда истекли безчисленныя послѣдствія, которыя съ потерею древней музыки затемнили для насъ систему древней метрики. Извѣстно однако же, что поэты соразмѣряли стихи свои съ музыкою, и слѣдственно, протягивая слова для пѣнія, необходимо должны были усугублять количество слоговъ; что̀ естественно дало поводъ назвать ихъ *долгими* и *краткими*. Кромѣ сего, для пѣнія возвышая голосъ, конечно не по однимъ только грамматическимъ удареніямъ, они и другимъ слогамъ принуждены были въ напѣвѣ давать долготу или краткость *условную*. Вотъ для чего древніе пѣснопѣвцы Еллады сами ставили надъ стихами знаки *прозодіи*, или произношенія, существовавшаго у Грековъ подъ именемъ Мелопеи, такъ сказать напѣва; а у Римлянъ подъ именемъ *carmen*. Однимъ словомъ, музыка требовала многихъ жертвъ отъ механизма поэзіи. Но какихъ жертвъ не можно было сдѣлать въ первые вѣки (а?) искусства? Всѣ условія, какъ въ составѣ, такъ и въ образѣ произношенія стиха, какихъ музыка отъ языка требовала, всѣ *вольности*, какія сдѣланы въ началѣ искусства, и тѣмъ болѣе, что они въ пѣніи легко скрывались, отсутствіе критики допустило, благоговѣніе къ поэтамъ приняло, и время наконецъ освятило. Такимъ образомъ, *условія* и *вольности* сдѣлались законами поэтической метрики древнихъ. Противъ этого мнѣнія (мы увидимъ ниже его источникъ) можно выставить слѣдующія слова лучшаго и послѣдняго метрика, ученаго нѣмецкаго филолога, Фрезе. Необходимыми условіями успѣшнаго разбора древнихъ стиховъ онъ выставляетъ слѣдующія два. Надобно, во-1-хъ, принять, что наше чувство къ риѳмическому благозвучію то же самое, что и древнихъ, т.-е. такое, какое они обнаружили при образованіи метровъ; 2) что мѣра слоговъ древней поэзіи понятна и объяснима безъ пѣнія и танцевъ. Второе условіе требуетъ ни больше, ни меньше, какъ согласія, что древніе стихи не сопровождались другими искусствами...

...При семъ вопросѣ почтенный педагогъ такъ вздохнулъ, что, кажется, потряслись стѣны, — и сей вздохъ совсѣмъ не былъ гармоническимъ аккордомъ для стиховъ Виргиліевыхъ! „Ахъ!"—повторилъ онъ еще, слезы навернулись на глазахъ стараго литератора: „тщетны всѣ ваши усилія, почтенные Россійскіе уставщики стопосложенія, тщетны! У васъ не можетъ быть ни греческихъ, ни латинскихъ гекзаметровъ, въ настоящемъ и подлинномъ смыслѣ сего слова. Природа, даровавъ столь многія преимущества языку нашему, общія съ преимуществами языковъ древ-

нихъ, отказала ему, можетъ быть, въ одномъ только семъ дарѣ. Всѣ новѣйшіе языки образованы не по тѣмъ уже правиламъ, какъ древніе первобытные, и весьма вѣроятно, что сіе отличіе есть дѣйствительно одно изъ отличій языка кореннаго отъ языка происходящаго.—Что дѣлать? Если бы существовалъ теперь настоящій славянскій языкъ, о которомъ столь сладостно мечтаютъ наши словесники;—то можетъ быть и мы имѣли бы сію гибкость и гармонію языка первобытнаго, похожую на ту, которою справедливо превозносится живописный для слуха языкъ греческій.—Государи мои! возвысивъ голосъ, сказалъ онъ выразительнымъ и строгимъ тономъ намъ, какъ профанамъ, не посвященнымъ въ таинства Изиды: государи мои! это были языки пѣвучіе, такіе, которые, сообразно съ намѣреніемъ и искусствомъ писателя, позволяли переносить удареніе съ одного слога на другой, по произволу смягчать или облегчать, или сокращать каждый слогъ, какъ угодно; двоегласныя, positio (положеніе или наращеніе), стеченіе гласныхъ, сокращеніе—все это производило то, что одно и то же слово, по свидѣтельству древнихъ, даже и въ прозѣ иногда произносилось иначе, нежели обыкновенно. У насъ къ каждому слову приковано гвоздемъ *удареніе*, и его уже перенести никуда невозможно. — Вотъ первое отличіе нашего и всѣхъ новѣйшихъ языковъ отъ греческаго и латинскаго. Древніе означали словомъ *гекзаметра* такой стихъ, въ которомъ первыя четыре стопы должны быть дактилями, а иногда спондеи, напримѣръ:

Luctantes ventos tempestatesque sonoras.

Пятая дактиль непремѣнно, а шестая спондей или иногда трохей. Признайтесь сами, можетъ ли Русскій стихотворецъ соединить сряду четыре спондея? можетъ ли сохранить правило, по предписанію Горація, чтобъ въ гекзаметрѣ по крайней мѣрѣ былъ одинъ дактиль и нѣсколько спондеевъ? можетъ ли, говорю, составить не по слогамъ, а по темпамъ или времени произношенія шесть стопъ—число, опредѣленное мѣрною музыкою? Это выше нашей возможности. Прекрасные таланты лучшихъ нашихъ стихотворцевъ, живое, пламенное ихъ воображеніе, картины, а болѣе чистота и легкость слога очаровываютъ насъ; мы не мѣряемъ стихи, а вѣримъ, что читаемъ гекзаметры, а между тѣмъ,—тутъ онъ опять вздохнулъ еще сильнѣе прежняго...—а между тѣмъ, о, Виргилій! о, Гомеръ! Природа не дала намъ вашихъ гекзаметровъ!!!"

Наконецъ, въ „Вѣстникѣ Европы" 1824 г. (№ 3) высказано много дѣльнаго противъ гекзаметра по случаю разбора напечатаннаго въ „Полярной Звѣздѣ" отрывка изъ 2-й пѣсни Энеиды, „переложенной (какъ говоритъ авторъ замѣтокъ) дактило-хореическими стихами, *нѣсколько похожими* на героическіе гекзаметры подлинника".

Гнѣдичъ не входилъ болѣе въ споры и оставался спокойнымъ зрителемъ: онъ готовилъ другой отвѣтъ.

Въ 1830 году вышелъ переводъ Иліады. Пушкинъ привѣтствовалъ его съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, котораго онъ былъ достоинъ. „Нако-

нецъ (сказалъ онъ въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г., № 2) вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частью устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, гордо посвятившаго лучшіе годы жизни своей исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы со временемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность“.

Подъ этой замѣткой Пушкинъ не выставилъ своего имени. Мелочная критика нашла случай и тутъ заподозрить искренность этихъ словъ, выливавшихся прямо изъ сердца, и приписала сочиненіе этого извѣстія Дельвигу, который, будто бы, сказалъ это изъ благодарности за похвалу, отданную Гнѣдичемъ его гекзаметрамъ. Съ горькимъ чувствомъ упрекнулъ Пушкинъ всю низость подобнаго подозрѣнія. „Ужели,—спрашивалъ онъ,—переводъ Иліады столь незначителенъ, что Н. И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы?“ (ib., № 12). Строгой критической оцѣнки Иліады не послѣдовало. Съ одной стороны, немногіе были основательно знакомы съ подлинникомъ, немногіе могли произнесть надъ переводомъ *судъ правый;* да и эти немногіе не хотѣли выказывать недостатковъ такого огромнаго величаваго труда, что могло бы оскорбить Гнѣдича мнимымъ пристрастіемъ и равнодушіемъ; ибо они глубоко уважали этотъ плодъ тридцатилѣтняго труда и знали слабую сторону переводчика, котораго и холодный пріемъ публикою его перевода оскорбилъ до глубины души. Прибавимъ еще, что съ другой стороны никогда не были такъ раздражены литературныя партіи, какъ именно во время выхода перевода; это уже можно замѣтить изъ вышеприведеннаго примѣра. Партіи эти не могли или, лучше, не хотѣли сойтись и при мнѣніи о переводѣ Иліады. Ожесточеніе ихъ и рѣшительное желаніе противорѣчить другъ другу прекрасно обрисовалъ Баратынскій въ слѣдующей эпиграммѣ:

Что̀ пользы намъ отъ шумныхъ вашихъ треній?
Кипитъ война... но что же? никому
Побѣды нѣтъ! Сказать ли почему?
Ни у кого ни мыслей нѣтъ, ни мнѣній!
Хотите ли, чтобы народный гласъ
Могъ увѣнчать кого-нибудь изъ васъ?
Чѣмъ холостой, словесной перестрѣлкой
Морочить свѣтъ и множить пустяки,
Порадуйте насъ дѣльною раздѣлкой:
Благословясь, схватитесь за виски.

(„Царское Село“ альманахъ 1830 г.).

Оцѣнить переводъ Иліады безпристрастно и вѣрно—очень трудно, Всего страннѣе и непріятнѣе видѣть, когда при разборѣ переводовъ Гомеровыхъ поэмъ выставляютъ слишкомъ рѣзко свой собственный, личный вкусъ, изрекаютъ педантическія правила, каковъ долженъ быть переводъ, признаютъ эти правила за непреложную истину и, если переводъ не подойдетъ подъ ихъ ограниченную мѣрку, его ставятъ ниже всякой критики, не обращая никакого вниманія на историческій ходъ нашей литературы и мѣряя все нѣмецкимъ аршиномъ. Потому, не ограничиваясь разборомъ Гнѣдичева перевода, мы коснемся вообще исторіи нашихъ переводовъ съ древнихъ языковъ, особенно переводовъ Гомера, и покажемъ мѣсто, которое занимаетъ среди нихъ Гнѣдичевъ переводъ Иліады... [1])

---

[1]) На этомъ обрывается статья о Гнѣдичѣ. Она должна быть поставлена въ связь, какъ уже замѣчено выше, съ помѣщаемыми ниже статьями о переводахъ Гомера на русскій языкъ и о Катуллѣ.

Д. В. ДАШКОВЪ И ГРАФЪ Д. И. ХВОСТОВЪ

въ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ въ 1812 г. [1]).

„Дашковъ (разсказываетъ М. А. Дмитріевъ) былъ членомъ с.-петербургскаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Предложили въ почетные члены извѣстнаго графа Д. И. Хвостова. Дашковъ былъ противъ этого, но большинство голосовъ рѣшило выборъ; надобно было покориться. Дашковъ, уступивъ большинству, просилъ Общество, по крайней мѣрѣ, дозволить ему сказать обычную привѣтственную рѣчь новоизбранному члену; и Общество, не подозрѣвая никакой шутки, на это согласилось. Дашковъ сказалъ рѣчь, наполненную похвалъ, но вмѣстѣ такой ироніи, которая бросалась въ глаза всякому и уничтожала всѣ другія мнѣнія въ пользу поэзіи новаго члена“ [2]).

Своей привѣтственной рѣчи Дашковъ далъ форму „предложенія“ Обществу. Вотъ подлинный текстъ этого предложенія, надѣлавшаго въ свое время много шума въ кружкѣ литераторовъ [3]):

„Любезные сочлены! Нынѣшній день пребудетъ всегда незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего общества: нынѣ въ первый разъ возсѣ-

---

1) [Статья эта была напечатана Н. С. Тихонравовымъ въ „Русской Старинѣ“ 1884 г., № 7, стр. 105—113. *Ред.*].

2) „Мелочи изъ запаса моей памяти“, 2-е тисненіе, стр. 213.

3) Печатается по *собственноручной* рукописи Д. В. Дашкова. М. А. Дмитріевъ въ первомъ изданіи „Мелочей“ (стр. 151) напечаталъ два отрывка изъ этой рѣчи; во второмъ тисненіи „Мелочей“ читаемъ: „Въ первомъ изданіи Мелочей я выписалъ только два небольшіе отрывка изъ этой рѣчи; *теперь, въ концѣ книжки, прилагаю ее вполнѣ*“ (стр. 213). Но въ приложеніяхъ къ книгѣ этой рѣчи нѣтъ. Текстъ рѣчи Дашкова, извлеченный изъ дѣлъ Общества, напечатанъ въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“ 1861 года, кн. IV, смѣсь, стр. 183—186. Въ нашемъ изданіи заключены въ скобки мѣста и выраженія, которыя зачерчены въ спискѣ Дашкова, помѣщены въ выноскахъ слова и фразы, коими замѣнены были впослѣдствіи нѣкоторыя рѣзкія и неловкія выраженія. Печатаемый текстъ нѣсколько отличенъ отъ изданнаго въ „Чтеніяхъ“.

даетъ съ нами краса и честь россійскаго Парнасса, счастливый любимецъ Аонидъ и Феба, геній единственный по быстрому своему паренію и разнообразію тьмочисленныхъ произведеній. Тщетно мрачныя облака сокрывали на время сіяніе солнца: оно расторгнуло ихъ и снова озарило землю; такъ и зависть тщетно старалась помрачить блистательный полетъ почтеннѣйшаго сочлена нашего, его сіятельства графа Д. И. Хвостова. Труды его необъятны: единый взоръ на нихъ утомляетъ память и воображеніе; а знаменія побѣдъ его изумляютъ насъ, поражаютъ. Онъ вознесся превыше Пиндара, унизилъ Горація, посрамилъ Лафонтена, побѣдилъ Мольера, уничтожилъ Расина. (При чтеніи драматическихъ его произведеній смѣхъ и жалость попеременно наполняютъ душу читателя и справедливый успѣхъ оныхъ на сценѣ ни мало не зависѣлъ отъ игры превосходной актрисы). Пусть немногіе писатели[1]), стремясь за безсмертіемъ, получаютъ его въ награду за произведенія, обработанныя съ величайшимъ тщаніемъ и содѣлавшіяся образцами точности въ мысляхъ, красоты слога, силы выраженій—почтеннѣйшій сочленъ нашъ и кромѣ того увѣнчанъ зарею безсмертія (единымъ) блескомъ природныхъ своихъ дарованій. Пусть другіе снискиваютъ себѣ имя въ словесности происками и услаждаются наемными рукоплесканіями: но его путеводителями *были*[2]) всегда скромность (и униженіе самого себя). Академія Россійская, Московскій, Харьковскій и Виленскій университеты, Вольное Экономическое Общество, Бесѣда Любителей Русскаго слова, наконецъ, и наше Общество гордятся его именемъ; а хранилища всѣхъ Россійскихъ книгопродавцевъ, наполненныя безцѣнными его твореніями, служатъ прочнѣйшимъ основаніемъ его славы.

Таковъ, любезные сочлены, мужъ, избранный нами въ почетные члены сего общества! Всей Европѣ[3]), что говорю я? вселенной[4]) извѣстны его заслуги: но, къ стыду нашему, никто не воздвигнулъ ему достойнаго литературнаго памятника изданіемъ его твореній съ приличными замѣчаніями; между тѣмъ какъ французы имѣютъ множество комментаріевъ на Расина, столь униженнаго переводами почтеннѣйшаго графа. Сколько бы новыхъ красотъ, неизвѣстныхъ Аристотелю, открылись глазамъ внимательнаго читателя! сколько бы усмотрѣлъ онъ новыхъ изображеній, новыхъ картинъ, коими одолжены мы генію нашего поэта! Въ его твореніяхъ самыя простыя описанія оживотворяются волшебною силою воображенія и превышаютъ всѣ возможныя описанія другихъ стихотворцевъ. Раскроемъ ли неподражаемыя его притчи: (разумъ нашъ пораженъ прелестями басенъ: *Ботъ*, *Двое плѣшивыхъ*, *Старикъ и трое молодыхъ*, *Два голубя* и проч.). Какая кисть! какія описанія!

---

[1]) Пусть *весьма* немногіе *изъ нашихъ писателей*.

[2]) Путеводителемъ была.

[3]) Всей Россіи.

[4]) Всей ученой Европѣ.

какая простота! (Въ сей послѣдней баснѣ русскій Лафонтенъ очевидно превзошелъ француза, надѣливъ своего голубка острыми зубками для разгрызенія сѣтей, въ которыхъ онъ запутался. Вотъ истинная поэзія, творящая новый міръ, новую природу) [1]. Раскроемъ ли громкія его оды, эклоги, посланія: вездѣ видимъ пламенный восторгъ, возносящійся надъ предѣлами возможнаго міра и часто теряющійся [2]) въ неизмѣримомъ пространствѣ; либо изліянія нѣжныхъ чувствованій при гробѣ друга, ближняго или знаменитаго вельможи, изліянія, преисполненныя глубочайшей таинственной философіи. Вдругъ шумная радость прогоняетъ уныніе [3]), невольная улыбка прогоняетъ вздохи—и мы *переносимся подъ Трою*, и вмѣстѣ съ *Греками-храбрецами* вкушаемъ пѣнящееся Шампанское (изъ огромной бутылки). О сила поэзіи! О могущество воображенія!

Кто исчислитъ (кто разберетъ намъ) всѣ мастерскія произведенія почтеннѣйшаго нашего сочлена [4]), кто покажетъ намъ все ихъ достоинство? Вотъ, любезные сочлены, обширное поприще, которое осмѣливаюсь я въ сей достопамятный день предложить для вашихъ занятій. Трудъ сей неизмѣримъ: но за то (какое удовольствіе и) какую славу оный вамъ обѣщаетъ! Вы обогатите словесность нашу превосходнымъ сочиненіемъ, принесете вѣчное, никогда неувядаемое удовольствіе читателямъ, и соорудите знаменитому нашему сочлену достойный его памятникъ. Есть ли обществу угодно будетъ принять мое предложеніе, есть ли рвеніе мое заслужитъ одобреніе ваше, то я за величайшее счастіе *почту* себѣ, когда буду соучастникомъ вашимъ въ трудахъ толико похвальныхъ, и заранѣе беру на себя часть драматическую. *Главною моею цѣлью будетъ* [5]) эстетической, грамматической и даже критической разборъ каждаго стиха [6]), каждаго слова [7]), обращу вниманіе читателя на всѣ образцовыя *выраженія* въ [8]) прекрасно-трогательной Андромахѣ и докажу неоспоримо, сколь много почтеннѣйшій переводчикъ отличился предъ Расиномъ. Но при всемъ томъ я буду безпристрастенъ, есть ли только возможно удержаться отъ внезапнаго энтузіазма при чтеніи его твореній; я покажу и немногія его ошибки, разсѣянныя между необъятными красотами, и тѣмъ надѣюсь еще болѣе доказать пламенное усердіе мое къ его славѣ. Напримѣръ, въ III явленіи IV дѣйствія слова Герміоны къ Оресту:

---

[1]) Тщательно впослѣдствіи зачеркнутое мѣсто, заключенное при печатаніи въ скобки, въ рукописи первоначальной находилось въ выноскѣ.

[2]) Исчезающій изъ глазъ нашихъ.

[3]) Заступаетъ мѣсто унынія.

[4]) Поэта.

[5]) Я сдѣлаю по возможности.

[6]) Дѣйствія.

[7]) Явленія.

[8]) Образцовые стихи въ ролѣ.

Постой! Куда Орестъ спѣшитъ?
Не мыслю далеко такихъ нести обидъ.
И я ль, вѣнчая здѣсь всю наглость вражьей лести,
Рѣшусь въ другихъ мѣстахъ медлительной ждать мести?
Предамся ль дерзостно я *жребію побѣдъ*,
Который, можетъ быть, мнѣ месть не принесетъ?
Отсрочка малая въ отказъ мнѣ обратится;
За Герміону месть сейчасъ должна свершиться;
Коль я отправлюся, пусть стонетъ весь Эпиръ;
Лети во храмъ—хочу, чтобъ въ храмѣ палъ....

Орестъ.

Кто?

Герміона.

Пирръ.

Орестъ.

Какъ! Пирръ?... и проч.

Стихи сіи, говорю я, при всей ихъ красотѣ и силѣ, темны и неправильны. Во-2-хъ выраженіе: *далеко нести такія обиды* не совсѣмъ хорошо; въ-3-хъ и 4-хъ: *вѣнчая здѣсь всю наглость вражьей лести, рѣшусь ждать мести*—немного сбивчиво... Но что значатъ сіи маловажныя ошибки съ неизмѣримостью красотъ сего перевода, ясно показывающаго намъ единственный, неподражаемый Геній Поэта! Такимъ образомъ, занимаясь каждое засѣданіе разборомъ нѣсколькихъ страницъ изъ Андромахи, мы откроемъ, можетъ быть, глаза многимъ изъ соотечественниковъ нашихъ, которые имѣютъ еще слабость предпочитать Расина русскому переводчику потому только, что первый писалъ по французски".

„Графъ Д. И. Хвостовъ,—разсказываетъ М. А. Дмитріевъ,—на другой же день прислалъ звать Дашкова обѣдать. Дашковъ пришелъ къ И. И. Дмитріеву [1]) просить его совѣта, ѣхать ли ему на этотъ обѣдъ". Дмитріевъ сказалъ ему рѣшительно: „Совѣтую ѣхать, Дмитрій Васильевичъ. Знаю, что тебѣ будетъ неловко; но ты долженъ заплатить этимъ за свою неосторожность". За обѣдомъ гр. Хвостовъ благодарилъ Дашкова и разсыпался въ похвалахъ его достоинствамъ; но за кофеемъ, въ сторонѣ отъ другихъ, сказалъ ему: „Неужели вы думаете, что я не понялъ вашей ироніи? Конечно, ваша рѣчь была очень забавна; но не хорошо, что вы подшутили такъ надъ старикомъ, который вамъ ничего дурнаго не сдѣлалъ. Впрочемъ, я на васъ не сержусь; останемтесь знакомы по прежнему". Тѣмъ эта исторія и кончилась между ними [2]). Но Общество, которому Дашковъ бросилъ открытый вызовъ своимъ „предложеніемъ", обязано было высказаться по содержанію рѣчи Дашкова; въ засѣданіи

---

[1]) Дашковъ служилъ тогда при министрѣ юстиціи. Ср. Иванова „Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи", вып. 4-й, стр. 153.

[2]) „Мелочи изъ запаса моей памяти", 2-е тисненіе, стр. 214.

14-го марта, непосредственно за произнесеніемъ оной, Общество постановило „сдѣлать впредь опредѣленіе по сему предложенію". Текстъ предложенія Дашкова, написанный собственною рукою автора, оставленъ былъ при дѣлахъ Общества [1]). Черезъ нѣсколько дней, въ засѣданіи 18 марта, доложено было Обществу слѣдующее „предложеніе" секретаря онаго *Н. И. Греча* [2]): „Въ прошедшее собраніе общества, 14 числа сего мѣсяца, членъ онаго г-нъ Дашковъ сдѣлалъ предложеніе, оскорбительное какъ для нѣкоторыхъ членовъ въ особенности, такъ и для всего общества. Еще во время чтенія сего предложенія, примѣтно было почти всеобщее неудовольствіе, но оно не было обнаружено для сохраненія должной благопристойности, и въ собраніи положено только сдѣлать опредѣленіе по сему предложенію; по окончаніи же засѣданія нѣкоторые изъ гг. членовъ именно объяснили свое негодованіе на поступокъ г. Дашкова. Въ сіе собраніе (sic!) г-нъ предсѣдатель общества не присутствовалъ по болѣзни; и потому возлагаемая на него уставомъ (§ 31) обязанность наблюдать, чтобы въ собраніяхъ никто не только не оскорблялъ другихъ, а тѣмъ болѣе всего общества, но даже не выходилъ изъ благопристойности, переходитъ на меня. По сей обязанности, равно по требованію комитета и прочихъ нѣкоторыхъ г-дъ членовъ, имѣю честь представить обществу на разсмотрѣніе о поступкѣ г. Дашкова".

Въ засѣданіи 18-го марта Общество любителей словесности, наукъ и художествъ высказалось о „предложеніи" Дашкова; дѣйствительные члены Общества: Сѣверинъ, Батюшковъ, Лобановъ, Блудовъ и Жихаревъ вошли въ Общество со слѣдующею бумагою [3]): „Намъ извѣстно, что предложеніе, читанное въ прошедшемъ засѣданіи г-номъ Дашковымъ, навлекло на него неудовольствіе нѣкоторыхъ членовъ нашего общества и что похвалы его почетному члену графу Д. И. Хвостову, худо понимаемыя, кажутся имъ оскорбительными для него и даже всего общества. Почитаемъ долгомъ предложить обществу, чтобы оно, прежде нежели приступитъ къ разсужденію о семъ мнѣніи членовъ, потребовать (sic!) объясненія какъ отъ г. Дашкова объ его намѣреніяхъ, такъ и отъ гр.

---

[1]) Въ этомъ спискѣ рѣчи Дашкова наиболѣе рѣзкія и оскорбительныя для графа Хвостова мѣста зачернены кѣмъ-то, такъ что нѣтъ никакой возможности прочесть ихъ, менѣе сильныя слегка подчеркнуты и замѣнены смягченными выраженіями. Поставленная сверхъ текста помѣта предсѣдателя „4 марта" не представляется намъ точною: если „предложеніе" Дашкова извѣстно было предсѣдателю Общества *до засѣданія*, въ которомъ оно было читано, то Общество, конечно, возложило бы извѣстную долю отвѣтственности и на своего предсѣдателя; этого, однако, не было.

[2]) Въ концѣ этого „предложенія" указано время доставленія его въ Общество—„марта дня 1812 г."; предсѣдателемъ помѣчено: „18 марта" (сперва поставлено было: „18 февраля"). „Предложеніе" Дашкова записано въ число входящихъ бумагъ подъ № 31, „предложеніе" Греча—подъ № 32.

[3]) Писана отъ начала до конца рукою Д. Н. Блудова.

Д. И. Хвостова о томъ, что ему кажется оскорбительно въ семъ предложеніи г. Дашкова и въ самомъ ли дѣлѣ онъ имъ „оскорбляется".

Членъ И. Кованько подалъ письменное мнѣніе: „Почетный членъ графъ Хвостовъ похвалу ему г. Дашкова счелъ себѣ укоризною и о семъ отозвался обществу при окончаніи предложенія г. Дашкова, въ коемъ изложена была похвала. Итакъ, ежели уставъ общества возбраняетъ членамъ въ своихъ засѣданіяхъ оскорблять другъ друга, то г. Дашковъ, какъ оскорбившій графа Хвостова, не можетъ быть оставленъ членомъ общества, ибо нарушилъ уставъ онаго. Въ семъ состоитъ мое мнѣніе". Къ этому заявленію присоединились члены: Д. Княжевичъ, П. Политковскій, Михаилъ Милоновъ, Павелъ Никольскій.

Письменное мнѣніе А. Востокова: „Съ какимъ бы намѣреніемъ г. Дашковъ ни написалъ свое предложеніе, и какъ бы оное графомъ Дм. Ив. Хвостовымъ ни было принято: въ хорошую или худую сторону; но ежели большинству членовъ предложеніе сіе показалось оскорбительнымъ, то г. Дашковъ подвергнулъ себя исключенію изъ общества. И такъ сколько ни жаль лишиться такого достойнаго сочлена, но достоинство цѣлаго общества требуетъ сей жертвы, и я противъ воли моей долженъ подать голосъ мой на исключеніе г-на Дашкова". Къ мнѣнію Востокова присоединилъ свою подпись Н. И. Гречъ.

По прочтеніи двухъ послѣднихъ заявленій въ засѣданіи Общества выяснилось, что большинство членовъ рѣшительно требовало исключенія Дашкова изъ Общества. Тогда члены: К. Н. Батюшковъ, С. Жихаревъ, Сѣверинъ и Лобановъ, подписавшіе вышеприведенное заявленіе Д. Н. Блудова, не стали настаивать на истребованіи объясненія отъ Дашкова и вмѣстѣ съ членомъ Н. Брусиловымъ подписали слѣдующее, составленное Батюшковымъ, заявленіе: „Если графъ Дмитрій Ивановичъ дѣйствительно оскорбленъ предложеніемъ г. Дашкова, въ такомъ случаѣ, съ сожалѣніемъ, соглашаемся на исключеніе г-на Дашкова, который въ теченіе продолжительнаго времени былъ полезенъ обществу".

Наконецъ, какой-то Иванъ Фовицкій, о литературныхъ произведеніяхъ котораго библіографы напрасно будутъ справляться съ каталогомъ Смирдина или „Опытомъ русской библіографіи" Сопикова, письменно заявилъ Обществу: „Я думаю, что предложеніемъ г. Дашкова оскорблено все общество. Теперь не имѣю столько времени, чтобы доказать мое мнѣніе письменно. Есть ли угодно будетъ обществу потребовать отъ меня доказательствъ, то представлю оныя въ слѣдующее собраніе".

Постановленіе Общества по дѣлу о „предложеніи" Дашкова изложено въ шестой статьѣ журнала 18-го марта слѣдующимъ образомъ: „Предсѣдатель, собравъ мнѣніе гг. членовъ и нашедъ: 1) что осьмеро изъ нихъ, а именно: гг. Кованько, Княжевичъ, Политковскій, Милоновъ, Никольскій, Востоковъ, Гречъ и Фовицкій рѣшительно подали свой голосъ на исключеніе г. Дашкова и 2) что на сіе же самое соглашаются и прочіе пять гг. членовъ: Батюшковъ, Сѣверинъ, Брусиловъ, Лобановъ и

Жихаревъ, ежели дѣйствительно графъ Д. И. Хвостовъ оскорбленъ предложеніемъ г. Дашкова,—объявилъ, что въ семъ послѣднемъ случаѣ не находитъ онъ никакого сомнѣнія, ибо г. Кованько письменно, а гг. Востоковъ, Никольскій и Фовицкій словесно утвердили, что въ прошедшее собраніе почетный членъ графъ Д. И. Хвостовъ отозвался съ неудовольствіемъ о предложеніи г. Дашкова и похвалы его счелъ за *укоризны;* и что вслѣдствіе того г. Дашковъ—къ сожалѣнію цѣлаго общества—но въ примѣръ всѣмъ членамъ для удержанія впредь всякаго отъ подобныхъ поступковъ, если не единогласно, — то по большинству голосовъ, лишается званія члена".

Замѣчательно, что Д. Н. Блудовъ уклонился отъ подачи голоса по дѣлу объ исключеніи Д. В. Дашкова изъ числа членовъ Общества любителей наукъ, словесности и художествъ.

Прошло десять лѣтъ послѣ изложеннаго случая въ Обществѣ.

Тотъ же Н. И. Гречъ, въ изданномъ имъ (въ 1822 году) *Опытѣ краткой исторіи русской литературы,* напечаталъ отзывъ о произведеніяхъ гр. Хвостова—ироническій, двусмысленный... „Графъ Дмитрій Ивановичъ (писалъ Гречъ) началъ писать стихи около 1779 года и донынѣ неусыпно продолжаетъ бесѣдовать съ музами, во всѣхъ родахъ поэзіи. Въ молодости своей писалъ онъ комедію прозою и стихами; но потомъ поэзія лирическая, дидактическая и переводы французскихъ классическихъ писателей сдѣлались главными предметами его занятій; трудно рѣшить, въ которомъ родѣ онъ превосходнѣе, нежели въ прочихъ... Многія россійскія и иностранныя общества приняли сего писателя въ свои члены, разныя его стихотворенія переведены на иностранные языки; безпристрастные критики, въ отечественныхъ и чужеземныхъ журналахъ, превозносили сего пѣвца и предсказывали ему безсмертіе" (стр. 213).

Гр. Хвостовъ оскорбился отзывомъ Греча, который „такъ неудачно и несчастливо взялся за исторію нашей словесности" [1]). Подобныя мнѣнія „журналистовъ" о своихъ произведеніяхъ гр. Хвостовъ объяснялъ „враждою" ихъ за то, „что онъ изобличалъ (шутя) ихъ вредныя затѣи, т.-е. отверженіе разсудка, вкуса и правильности языка" [2]), за то, что „они (журналисты) укореняли дурной вкусъ и хулили его, гр. Хвостова, за то только, что онъ не держался пагубной и пакостной ихъ системы" [3]).

Но ни Гречъ, ни Каченовскій не возбуждали своими отзывами такого негодованія въ гр. Хвостовѣ, какое причинилъ ему *Московскій Телеграфъ,* сообщившій даже въ „знаменитый иностранный журналъ" Revue ency-

---

1) См. переписку Евгенія съ гр. Хвостовымъ въ „Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ", т. V, вып. первый, стр. 198. Переписка эта сообщена Академіи, при посредствѣ Я. К. Грота,—М. И. Семевскимъ.—Подлинная переписка принадлежитъ его собранію рукописей.

2) Тамъ же, стр. 196.

3) Тамъ же, стр. 199.

clopédique „негодныя на гр. Хвостова статьи". „Мнѣ непристойно перебраниваться съ *литературными разбойниками* (пишетъ гр. Хвостовъ въ 1828 году митрополиту Евгенію). Я молчалъ. Но прилагаю къ вамъ въ копіи письмо мое къ его прев. Писареву, попечителю московскаго университета, въ коемъ, какъ увидите, формально прошу *унять* Телеграфъ, который послѣ сего *кроткаго моего увѣщанія* бранитъ меня безпощадно" [1]).

Посылая митрополиту Евгенію свою автобіографію, гр. Хвостовъ особенно распространился въ ней о своихъ зоилахъ и критикахъ. Авторъ *Словаря русскихъ писателей* откровенно высказалъ гр. Хвостову свое мнѣніе объ этомъ отдѣлѣ біографіи: „Слишкомъ много чести сдѣлали вы зоиламъ и критикамъ вашимъ припоминаніемъ ихъ пасквилей, достойныхъ забвенія. Къ сожалѣнію, сей излишекъ замѣтенъ и во многихъ примѣчаніяхъ къ послѣднему изданію вашихъ сочиненій" [2]). Автобіографія гр. Хвостова не была напечатана Евгеніемъ. Вѣроятно, въ ней разсказано было и о шуткѣ Дашкова; отклоняя замѣчаніе Евгенія о зоилахъ, гр. Хвостовъ пишетъ ему: „Но развѣ для забавы и *непристойными шутками*, или выдуманными происшествіями я наполняю біографію мою? Нѣтъ, лучше бы желалъ утаить отъ самого себя поносныя обстоятельства для вѣка нашего, для соотичей и собратіи моей на Парнассѣ". И вслѣдъ затѣмъ Хвостовъ считаетъ нужнымъ высказать свое мнѣніе по вопросу, который былъ предметомъ горячей полемики между Шишковымъ и Дашковымъ: „Я описалъ мой нравъ, исчислилъ мои сочиненія, упоминалъ, что̀ думаю о языкѣ нашемъ, т.-е., что онъ славянскій и для каждаго писателя дробится на два отдѣленія—на книжный и разговорный..." Гр. Хвостовъ въ своей автобіографіи, очевидно, коснулся вопроса, который въ свое время „причинилъ было жестокую войну на русскомъ Парнассѣ", по выраженію Греча, и который рѣшенъ былъ побѣдоносно книжкою Дашкова *О легчайшемъ способѣ возражать на критики*, которая (по словамъ Греча) можетъ назваться самымъ сильнымъ и—самымъ остроумнымъ изъ полемическихъ сочиненій, писанныхъ на русскомъ языкѣ" [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 205.

[2]) Тамъ же.

[3]) Опытъ краткой исторіи русской литературы, Спб., 1832, стр. 296.

ОБЪ ИЗДАНІИ СОЧИНЕНІЙ К. Н. БАТЮШКОВА.

(Письмо къ П. Н. Батюшкову 1 іюня 1887 г.) [1]).

Въ русской литературѣ до сихъ поръ нѣтъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ изданій классическихъ русскихъ писателей. До послѣдняго времени издатели только исправляли по-своему, т.-е. портили текстъ, русскихъ классиковъ. Такое фривольное обращеніе съ нашими „образцовыми" писателями началось съ XVIII в., и первою жертвою усердія издателей былъ *Кантемиръ*. На немъ не остановились. Сочиненія *Ломоносова* изданы съ поправками *Козодавлева;* сочиненія *Сумарокова* — безобразно изданы *Новиковымъ; Фонъ-Визинъ* „исправленъ" по рукописямъ будто бы въ изданіи *Бекетова; Жуковскій* съ товарищами „поправилъ" текстъ *Пушкина* въ посмертномъ изданіи „Сочиненій"; *Жуковскаго* „поправили" *Блудовъ* и *Сербиновичъ;* N. N. не мало также принялъ грѣха, издавая крайне небрежно русскихъ классиковъ... У насъ установилась какая-то традиція — издатель долженъ „поправить" издаваемаго автора. Дошло до того, что ко времени пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина не нашлось въ Россіи ни отдѣльнаго лица, ниже общества, которое оказалось бы въ состояніи издать удовлетворительно творенія великаго поэта... Одинокимъ исключеніемъ изъ традиціонныхъ пріемовъ изданія классиковъ является у насъ академическое изданіе „Сочиненій *Державина*", совершенное трудами *Я. К. Грота*. Вы подарили нашей литературѣ изданіе произведеній вашего брата, которое ни въ чемъ не уступаетъ, по своимъ ученымъ достоинствамъ, академическому изданію Державина. Слѣдуетъ желать, чтобы примѣръ, вами поданный, нашелъ себѣ побольше послѣдователей, т.-е. чтобы ваше изданіе твореній *К. Н. Батюшкова* убѣдило нашихъ издателей, что только добросовѣстное изученіе жизни и сочиненій издаваемаго писателя, съ соблюденіемъ требованій литературной критики, можетъ подготовить матеріалъ для изданія классическаго писателя.

---

[1]) [Замѣтка эта, отрывокъ изъ „письма къ П. Н. Батюшкову", напечатана въ „Русской Старинѣ" 1887 г., № 11, стр. 563—564. *Ред.*].

Къ столѣтней годовщинѣ рожденія К. Н. Батюшкова вы воздвигли ему лучшій памятникъ, какого только можетъ желать писатель: трудами вашими и избраннаго вами редактора Л. Н. Майкова разъяснено значеніе К. Н. Батюшкова въ исторіи нашей литературы, облегчено изученіе его произведеній молодымъ поколѣніемъ, т.-е. въ школахъ наставникамъ данъ въ руки многосторонній и вѣрный комментарій къ сочиненіямъ поэта. Въ русскомъ обществѣ изданіе это должно оживить поэзію и личность одного изъ даровитѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ русскихъ поэтовъ. Позволяю себѣ, однако, высказать вамъ съ совершенною откровенностью одно пожеланіе. Рядомъ съ этимъ ученымъ изданіемъ сочиненій К. Н. Батюшкова, которое по цѣнѣ не можетъ быть многимъ доступно, не слѣдуетъ ли издать общедоступнаго, школьнаго изданія, цѣною не выше одного рубля. Въ это общедоступное изданіе можно не помѣщать ни писемъ, ни біографіи, ни объяснительныхъ примѣчаній къ отдѣльнымъ пьесамъ; но *всѣ* стихотворенія и всѣ прозаическія статьи слѣдуетъ внести съ необходимыми краткими объясненіями. Теперь, когда ученое изданіе сочиненій К. Н. отпечатано, очень не трудно сдѣлать и общедоступное изданіе. Возможно широкое распространеніе произведеній такого поэта, какъ К. Н. Батюшковъ, въ высшей степени желательно въ интересахъ укрѣпленія въ молодомъ поколѣніи уваженія къ славнымъ писателямъ русскимъ и въ интересахъ расширенія въ нашемъ отечествѣ эстетическаго образованія [1]).

---

[1]) П. Н. Батюшковымъ и выпущено было затѣмъ общедоступное изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова въ одномъ томѣ.

О ПРЕБЫВАНІИ А. ЖУКОВСКАГО ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ ПАНСІОНѢ И О ПЕРВЫХЪ ГОДАХЪ ЕГО ЖИЗНИ ВЪ МОСКВѢ [1]).

Въ день настоящаго юбилейнаго торжества прилично напомнить не только то, что̀ оставилъ Жуковскій послѣдующимъ поколѣніямъ, но и то, что̀ самъ онъ принялъ отъ предшествующаго. То и другое объясняетъ, чѣмъ былъ Жуковскій, и придаетъ опредѣленный смыслъ юбилейному празднику. Въ этихъ мысляхъ я избралъ для настоящей бесѣды предметомъ: годы ученія Жуковскаго въ Университетскомъ пансіонѣ.

Въ 1797 г. привезенъ былъ въ Москву 14-лѣтній Жуковскій изъ своего живописнаго деревенскаго уединенія, гдѣ впечатлительная натура его развивалась подъ вліяніемъ исключительно женскимъ и гдѣ всѣ попытки заставить его учиться были тщетны. Привезли нѣмца-учителя изъ Москвы и скоро отправили назадъ, не-то за негодностью, не-то за ненадобностью. Помѣстили въ пансіонъ Роде—ученье и тамъ не пошло; отдали въ народное училище—и оттуда исключили.

Въ Университетскомъ пансіонѣ ученье далось Жуковскому. Здѣсь провелъ онъ 3 послѣдніе года XVIII вѣка. Въ настроеніи литературы и школы господствовала реакція недавнему прошлому. При „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ выходилъ журналъ одного изъ воспитанниковъ

---

1) [Статья эта была прочитана Н. С. Тихонравовымъ на торжественномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности въ честь столѣтія со дня рожденія Жуковскаго 29-го января 1883 г. Статья печатается впервые, по черновой неконченной рукописи. Редакція статьи черновая; нѣкоторыя мѣста при окончательной отдѣлкѣ были бы измѣнены, сглажены авторомъ. Рукопись составлена изъ отдѣльныхъ листковъ, соединенныхъ изъ двухъ редакцій; много зачеркнуто; сведенный изъ двухъ редакцій текстъ во многихъ мѣстахъ исправленъ еще карандашемъ; рукопись писана такъ, что многія слова въ ней не дописаны или даже обозначены одной буквой. *Ред.*].

Университетскаго пансіона Подшивалова, одного изъ бывшихъ послѣдователей Карамзина. Съ особенною рѣзкостью высказывается въ этомъ единственномъ московскомъ журналѣ того времени литературное направленіе эпохи.

Противъ французской революціи Подшиваловъ не разъ высказывается и съ особенною рѣзкостью. Признавая, что XVIII вѣкъ принесъ „тьму новыхъ открытій, чудеса познаній“, что „для умовъ отверзлись натура, небеса“, что Ньютонъ далъ великій толчекъ знанію; послѣдователи Карамзина замѣчали уже, что „полсвѣта въ пламени горятъ за зло—вольтерскіе софизмы“.

Когда забыли Бога, вѣру,
Долгъ, правду, честность, миръ, любовь,
Когда исполнили злодѣйствъ ужасну мѣру,
Когда досель течетъ рѣками ближнихъ кровь,
То-ль просвѣщенный, славный вѣкъ?
И имъ гордится человѣкъ?

Гдѣ жъ кроткіе, чистые, добрые нравы? Гдѣ правота дѣйствій?—Ихъ нѣтъ. И Подшиваловъ готовъ повторить разуму и новому просвѣщенію то же осужденіе, которое такъ горячо высказалъ Руссо: „Ты низокъ и малъ, умъ недѣятельный и злобный! когда мечтаешь, что для того только пріобрѣлъ знанія, дабы веселиться ими, какъ веселится скупецъ при видѣ злата; и дѣлаешь такое же изъ нихъ употребленіе, какъ тотъ изъ денегъ; или когда, оживленный хитрою политикою, разрываешь связи между государствами и частными людьми и изобрѣтая способы къ угнетенію бѣднаго человѣчества, оправдываешь Руссово мнѣніе, что гораздо лучше злополучнымъ смертнымъ скитаться по лѣсамъ“. Умъ долженъ согрѣвать людей, но не жечь. „Я удивляюсь тебѣ, умъ благодѣтельный, когда ты возносишь насъ къ Солнцу правды и въ умиленіе повергаешь предъ трономъ Его Всемогущества“. Даже умѣренный оптимизмъ Карамзина, даже слабая апологія страстей, допущенная имъ со словъ Попе, подвергается у насъ въ концѣ XVIII вѣка строгимъ нареканіямъ; въ Аонидахъ Карамзина отыскиваютъ даже слѣды ядовитыхъ софизмовъ Вольтера. Реакція французской философіи XVIII вѣка сказывалась сильно даже въ журналѣ послѣдователя Карамзина, Подшивалова. „Разговоръ о счастіи“ (1797) находитъ въ „Ипокренѣ“ 1800 г. запальчивый протестъ: Карамзинъ обвиняется въ безбожіи, безнравственности, либерализмѣ. „Глядя на крестьянскую хижину (замѣчаетъ Филалетъ),—говорю себѣ: здѣсь чувство слишкомъ грубо для нѣжныхъ наслажденій. Но красивый, чистенькій домикъ всегда представлялъ моему воображенію картину возможнаго счастія, особливо, когда вижу на окнѣ цвѣты, а подъ окномъ миловидную женщину“ (стр. 70). Такъ писалъ Карамзинъ въ 1797 г. У Подшиваловскаго журнала другой идеалъ. „Въ вѣкъ, когда вредное сѣмя развратовъ вскружило множество го-

ловъ", когда нужны для просвѣщенія „мудрость, свѣтъ и вѣра", Карамзину противорѣчитъ писатель, который даетъ знанія, основанныя на истинѣ и вѣрѣ:

Не мнишь, что тамъ сіе блаженство,
Гдѣ на окнѣ горшокъ цвѣтовъ.

Стези къ блаженству—въ религіи.

Въ „Разговорѣ о счастіи" Филалетъ говоритъ: „Природа любитъ одѣваться зеленью и цвѣтами; она дала намъ чувства для того, чтобъ услаждать ихъ; дала намъ разсудокъ для того, чтобы выбирать лучшія наслажденія; дала страсти для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятелей въ физическомъ и моральномъ мірѣ". Этотъ взглядъ кажется теперь (1800) опаснымъ вольнодумствомъ. „Страсти должно побѣждать, съ ними нельзя жить въ союзѣ".

... звѣрямъ подобенъ,
Кто сладострастенъ, скупъ и злобенъ,
Коль равновѣсны страсти въ немъ,
Но есть-ли страсти утишились,
Молчатъ, не дѣйствуютъ, сокрылись,
То схожъ онъ ангеламъ во всемъ.

И Карамзинъ обвиняется въ томъ, что онъ намѣренно пишетъ сладострастныя картины, чтобы разжечь воображеніе несчастныхъ юношей, испортить ихъ и въ незрѣлые годы „развернуть въ нихъ огонь страстей". Карамзинъ выставляется матеріалистомъ, послѣдователемъ коварнаго Гельвеція, который, „человѣка раздробляя, сравнилъ его съ животнымъ"; онъ прикрывалъ ложь прикрасами и, „питая страсти, портилъ нравы". Стихотворная сатира „Ипокрены" упрекаетъ Карамзина, что онъ „хвалилъ диваны, свидѣтели развратныхъ сценъ", что онъ называетъ истину мечтою, что этотъ „новый мудрецъ осмѣиваетъ изреченіе memento mori, совѣтуемое и христіанскими, и языческими мудрецами". „Только низкая душа дрожитъ при воспоминаніи о смерти, и думая о ней, блѣднѣетъ только подлецъ, развратникъ и злодѣй". Вольтеру и Руссо противопоставляются книги священныя, Фенелонъ, творенія Хераскова, въ стихахъ котораго „блестаетъ разумъ, честь и вѣра".

Такіе протесты противъ Карамзинскаго направленія возможны были въ 1800 г. въ журналѣ его послѣдователя—Подшивалова.

Реакція революціонному движенію французской философіи XVIII вѣка принимала въ періодическомъ изданіи Подшивалова піэтистическій оттѣнокъ. Онъ хочетъ, чтобы перо писателя „электризовалось тихими колебаніями сердца: оно неизсякаемый источникъ драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей".

„Грозный“ XVIII вѣкъ тяготитъ ихъ;

Отъ сценъ кровавыхъ отвращайте
Свой взоръ, чувствительны сердца!
Свой взоръ вы въ дальность устремляйте
И ждите лютостямъ конца!

Къ этому періоду реакціи XVIII вѣку относится школьное образованіе Жуковскаго. Онъ также отвращалъ свой взоръ отъ „грознаго“ времени. онъ ждалъ, что „новый вѣкъ“

Какъ зефиръ землю освѣжитъ,
Любовь, согласіе священно
Во всей вселенной утвердитъ.

Черезъ годъ послѣ вступленія своего въ пансіонъ Жуковскій уже успѣлъ заслужить титло перваго въ благонравіи и прилежаніи. Этотъ титулъ, при тогдашней пансіонской дисциплинѣ, налагалъ на Жуковскаго особенныя обязанности относительно товарищей. На немъ лежала обязанность „всевозможно внушать товарищу духъ покорности и почтенія не только къ наставникамъ и попечителямъ, но и къ старшимъ товарищамъ по лѣтамъ“; лучшіе ученики средняго и меньшаго возраста обязаны были сообщать *тихонько* Жуковскому о такомъ сверстникѣ, который замѣчался въ непристойности или проступкахъ. На Жуковскомъ лежала обязанность читать и объяснять товарищу книги, которыя служили какъ бы руководствомъ для изученія нравственности и философіи. Такихъ книгъ было двѣ: 1) Утреннія и вечернія размышленія о божіемъ величествѣ на каждый день года, переведенная съ нѣмецкаго и изданная Новиковскою Компаніей. Въ переводѣ этого піэтистическаго сочиненія, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ московскихъ мистиковъ, участвовалъ Карамзинъ, когда былъ еще сотрудникомъ Дружескаго Общества. Религіозный мистицизмъ охватилъ Жуковскаго уже въ школѣ. 2) Вторымъ руководствомъ къ нравственной философіи служила книга Честерфильда, переведенная съ нѣмецкаго Подшиваловымъ, подъ заглавіемъ: *Книга премудрости и добродѣтели.* Авторъ, извѣстный своими письмами къ сыну, выдалъ свой сборникъ нравственныхъ правилъ за переводъ какого-то древняго индійскаго манускрипта, найденнаго въ Китаѣ. Мораль отличается не тѣмъ эгоистическимъ тономъ свѣтскаго джентльмена, который лежитъ на письмахъ Честерфильда къ сыну, хотя воспитанники Благороднаго пансіона должны были читать въ главѣ о *господахъ и рабахъ* доказательства необходимости рабства: „Оно есть опредѣленіе Божіе и имѣетъ свои выгоды: оно устраняетъ отъ людей заботы и прискорбія жизни“. „Честь раба есть его вѣрность; отличная добродѣтель его есть покорность и послушаніе“.

Таковы были настольныя книги для чтенія воспитанниками внѣ классовъ. Предметы, входившіе въ кругъ пансіонскаго образованія, были довольно разнообразны. Пансіонъ имѣлъ характеръ камеральнаго факультета: изъ древнихъ языковъ преподавался одинъ латинскій, довольно мѣста было отведено преподаванію естественныхъ наукъ и юридическихъ. На знакомство съ иностранными языками и на развитіе литературнаго вкуса обращалось особенное вниманіе. Воспитанники пансіона уже составляли изъ себя литературный кружокъ, труды котораго помѣщались то въ журналѣ Подшивалова, то въ „Утренней Зарѣ". Университетскій пансіонъ познакомилъ Жуковскаго съ тогдашними литературными авторитетами Россіи. Херасковъ и Державинъ были указаны какъ образцы классицизма. Черезъ годъ по вступленіи въ пансіонъ Жуковскій уже перевелъ на французскій языкъ оду „Богъ" и хорошо изучилъ Державина. Цѣлыя строфы его воспроизводилъ онъ въ своихъ стихахъ, написанныхъ въ Университетскомъ пансіонѣ. Похвальныя оды и рѣчи были обязательны для воспитанниковъ пансіона. Жуковскій пишетъ въ 1799 г. похвальные стихи Хераскову и длинное, въ Державинскомъ стилѣ, стихотвореніе: „Могущество, слава и благоденствіе Россіи". Нѣкоторые пріемы стараго учителя его Покровскаго отражаются въ этой пьесѣ. Нужно ли говорить, что подъ хвалебнымъ перомъ Жуковскаго Россія представляется страною, которой нѣтъ равнойвъ свѣтѣ.

Какое царство въ поднебесной
Блаженнѣй царства моего?

Причину этого Жуковскій находитъ въ томъ, что въ Россіи вездѣ блеститъ лучъ просвѣщенія,

И благотворный свѣтъ его,
Съ лучемъ религіи сливаясь,
Все кроткой теплотой живитъ.

„Гидра" революціи поражена, и авторъ съ восторгомъ привѣтствуетъ начало новаго вѣка и призываетъ благодатный миръ. Онъ радъ, что грозный вѣкъ революціи исчезъ въ безднѣ вѣчности:

Могилы, пепелъ, разрушенье,
Пучина бѣдствій, крови, слезъ—
Вотъ путь его и обелиски!

Мораль школы отразилась въ немногочисленныхъ произведеніяхъ, написанныхъ Жуковскимъ до 1801 г. Въ нихъ преобладаетъ одна мысль: „просвѣщеніе ничто безъ добродѣтели". Просвѣщеніе безъ добродѣтели—мѣдь звенящая, *нечистый, заразительный источникъ*. Всѣ мысли и дѣла наши должны быть направлены къ тому, чтобы соединить неразрывнымъ союзомъ просвѣщеніе и добродѣтель. Какъ прежде мысль

Жуковскаго любила останавливаться на смерти и кладбищѣ, такъ въ пансіонскихъ его произведеніяхъ развивалась одна тема—добродѣтель. Только она доставляетъ человѣку безсмертіе:

Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть,
Мы живы въ своемъ гробѣ будемъ.

Посреди всеобщаго разрушенія нетлѣнны одни добрыя дѣла; дургихъ обелисковъ не нужно человѣку. Не шумные побѣдители, а друзья человѣчества должны быть называемы истинными героями; дѣла ихъ въ сердцахъ... Слеза благодарности на могилу—вотъ вѣнецъ славы.

Въ октябрѣ 1800 г. Жуковскій оставилъ Университетскій пансіонъ.

„Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ любезный:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины".

Судьба окружила Жуковскаго по выходѣ изъ пансіона людьми, въ которыхъ воплотилось, кажется, все, что̀ оставалось тогда чистаго и праведнаго отъ того славнаго вѣка. Разсѣянные въ разныя стороны погромомъ 1792 г., собрались въ Москву орлы того гнѣзда, которое извѣстно въ исторіи русскаго просвѣщенія подъ именемъ Дружескаго Ученаго Общества и Компаніи Типографической, старые масоны Лопухинъ, Невзоровъ, Тургеневъ. Изгнанническая жизнь не разсѣяла, а только укрѣпила ихъ вѣрованія и убѣжденія. Юшковы и Бунины давно уже были дружны съ семействомъ И. П. Тургенева. Въ годы ученія Жуковскаго въ пансіонѣ Тургеневъ былъ „добрымъ и самымъ благонамѣреннымъ пѣстуномъ Московскаго университета". Черезъ Тургенева и своихъ родныхъ познакомился Жуковскій съ Лопухинымъ. Въ лицѣ этихъ людей охватилъ Жуковскаго русскій мистицизмъ XVIII в., но уже очищенный отъ примѣси масонскихъ таинствъ. Могущественно и глубоко было вліяніе Лопухина и Тургенева на этого юношу, только-что начинавшаго развиваться и уже обращеннаго мыслію къ иному міру, къ царству истины, уже завидовавшаго тѣмъ, „кто достигнулъ мирнаго брега". Лопухина Жуковскій называлъ *своимъ добрымъ благодѣтелемъ* и считалъ его завѣщаніе для себя священнымъ. Въ самую тяжелую и рѣшительную пору своей жизни, въ пору крушенія своего идеала, когда разбита была лучшая изъ его надеждъ, Жуковскій, *со страхомъ замѣчая въ себѣ какое-то отдаленіе отъ религіи,* обращается за рѣшеніемъ своихъ религіозныхъ сомнѣній къ Лопухину и считаетъ счастливымъ тотъ день, въ который рѣшился переговорить съ этимъ истиннымъ христіаниномъ.

Вотъ лицо, которому прежде другихъ приноситъ Жуковскій повѣсть своей любви, исповѣдь въ своихъ сомнѣніяхъ, и старый масонъ успокоиваетъ его и возвращаетъ его на путь Вѣры и Надежды[1]). Обширно и продолжительно было вліяніе на Жуковскаго И. П. Тургенева. Почитая масонство очень хорошимъ дѣломъ, Тургеневъ сознавался открыто, что онъ не имѣлъ способностей пройти всѣхъ градусовъ масонства, ибо вѣрилъ, что великое таинство можетъ получить только тотъ масонъ, который „удостоился черезъ исправленіе нравственнаго характера сдѣлаться столько совершеннымъ, сколько человѣку возможно быть". Стремясь поднять нравственный уровень русскаго общества посредствомъ литературы и просвѣщенія, Тургеневъ пожертвовалъ въ Типографическую Компанію 5000 р. Одинъ изъ горячихъ поклонниковъ Тургенева М. Н. Муравьевъ имѣлъ право сказать о немъ:

Полезнымъ можно быть, не бывши знаменитымъ.

Рисуя идеалъ истинно-свободнаго человѣка, Муравьевъ изображаетъ Тургенева такъ:

Любовью истины, любовью красоты
Исполненъ духъ его, украшены мечты.
Искусства, васъ къ себѣ онъ въ помощь призываетъ,
Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ,
Безъ гордости великъ и важенъ безъ чиновъ,
На пользу общую всегда, вездѣ готовъ.

Литературѣ и искусству старикъ Тургеневъ преданъ былъ такъ же горячо, какъ мистической философіи. Переводчикъ „Таинства Креста", Тургеневъ въ XVIII вѣкѣ былъ центромъ, около котораго группировались тогдашнія московскія литературныя знаменитости во главѣ со „старостою россійской литературы", масономъ Херасковымъ.

Въ сентябрѣ 1800 г. пріѣхалъ въ Москву Каменевъ, сынъ казанскаго купца. Каменевъ рано сталъ заниматься литературой и можетъ быть названъ однимъ изъ первыхъ (по времени) представителей романтизма въ Россіи. Балладою своею „Громвалъ" онъ упредилъ баллады Жуковскаго. Нѣмецкіе писатели были любимымъ чтеніемъ Каменева; его переводы съ нѣмецкаго помѣщались въ „Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени". Въ письмахъ своихъ другу изъ Москвы Каменевъ оставилъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о Тургеневѣ и его кружкѣ. Старый масонъ Лопухинъ представилъ Тургеневу Каменева, какъ казанскаго негосіянта и литератора. Переводы Каменева уже были извѣстны въ семействѣ Тургенева. Первымъ вопросомъ старика было,—

---

[1]) На поляхъ здѣсь вставка: „Не былъ забытъ даже Невзоровъ",

навѣстилъ ли Каменевъ старосту россійской литературы (Хераскова); затѣмъ онъ поручилъ старшему своему сыну Андрею отвезти Каменева къ Карамзину. Но въ семьѣ Тургенева уже шла своя работа надъ нѣмецкими писателями. Съ Каменевымъ тотчасъ заговорили о нѣмецкихъ авторахъ. „Старшій любитъ страстно Гёте, Коцебу, Шиллера и Шписа. Онъ много переводитъ изъ нихъ, особенно изъ Коцебу". Старикъ Тургеневъ далъ Каменеву читать „Spectateur du nord",—„журналъ совершенно въ моемъ вкусѣ: въ немъ очень мало политическаго, а почти все литературныя мелкія піесы". Не забудемъ, что все это происходило въ царствованіе Павла I, всякій политическій и общественный интересъ былъ задавленъ, клубы и собранія были запрещены, и москвичи могли съѣзжаться тогда въ такъ называемую музыкальную академію. Старый мистикъ Тургеневъ находилъ наслажденіе обращаться къ чтенію Шиллера и Гёте. Сынъ Тургенева даритъ Каменеву *пѣснь Шиллера Къ радости.*

Дѣти Тургенева Андрей и Александръ были товарищами Жуковскаго по Университетскому пансіону. Скоро неразрывная дружба связала съ ними Жуковскаго, особенно со старшимъ, Андреемъ. Въ эту благородную семью Жуковскій вошелъ какъ другъ, какъ братъ и обрѣлъ у старика Тургенева ласки, въ которыхъ отказало ему рожденіе. Старика Жуковскій называлъ своимъ отцомъ:

Его сѣдинъ свобода не чуждалась...
О, нѣтъ! онъ былъ милѣйшій нашъ собратъ;
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами;
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями.

„Онъ былъ живой юноша въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что̀ имѣлъ на сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостію, простотою". Въ товарищескомъ кружкѣ Университетскаго пансіона душою всѣхъ радостей былъ старшій сынъ Тургенева, Андрей. Все, что̀ было лучшаго въ молодой жизни Жуковскаго, соединилось съ Андреемъ Тургеневымъ. Въ немъ созрѣвало все, что̀ составляетъ прямое достоинство человѣка: кроткая, непритворная, доброжелательная душа сіяла въ его глазахъ.

Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, не скрытенъ въ разговорѣ!
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.
Бывало онъ съ отцомъ рука съ рукой
Входилъ въ нашъ кругъ и радость съ нимъ являлась:
Старикъ при немъ былъ юноша живой!

12 января 1801 г. собрались два брата Кайсаровы, Семенъ Родзянка, Мерзляковъ, Воейковъ, Офросимовъ, Жуковскій, Андрей и Александръ Тургеневы и подписали Законы вновь учрежденнаго ими Дружескаго Литературнаго Общества. Цѣль новаго Общества объяснена такимъ образомъ: „Мы всѣ такъ высоко цѣнимъ лестный талантъ трогать и убѣждать другихъ словесностью; мы всѣ удивляемся тѣмъ великимъ умамъ, которые въ безсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ заронили какую-то божественную искру, могущую возжечь въ сердцахъ позднѣйшаго потомства *любовь къ добродѣтели* и истинѣ, которымъ служить есть единственная и главнѣйшая наша должность; мы всѣ льстимся найти въ себѣ этотъ талантъ. Да будетъ же сіе образованіе въ честь и славу добродѣтели и истины цѣлью всѣхъ нашихъ упражненій". Предметомъ занятій этого Литературнаго Общества постановлено „очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что̀ изящно, что̀ превосходно". Потомъ предположено было: „1) особенно заняться теоріею изящныхъ наукъ. Она покажетъ намъ масштабъ всего изящнаго и будетъ служить Аріадниной нитью въ лабиринтѣ *юродствующаго воображенія;* 2) разбирать критически переводы и сочиненія на нашемъ языкѣ; 3) можно иногда прочитывать какія-нибудь полезныя книги и объ нихъ давать свой судъ; 4) наконецъ, трудиться надъ собственными произведеніями". Литературная критика постановлена была однимъ изъ важнѣйшихъ занятій Общества. Каждый участникъ читаетъ піесу, другіе члены должны или *критиковать*, или *опровергать*. „Критика касается до плана піесы, до словъ, выраженій, оборотовъ, въ прозѣ—до гладкости, ясности, пріятности стиля, въ стихахъ—до мѣры стиховъ, риѳмъ, гармоніи. Опроверженіе же касается до мыслей автора". Къ чтенію въ собраніяхъ Общества назначались сочиненія философскія, политическія и беллетристическія; критика и опроверженіе допускались на статьи философскія и беллетристическія и не могли касаться сочиненій политическихъ. Духъ дружбы долженъ оживлять Общество, и оно не перестаетъ существовать тогда, когда члены его разсѣются по разнымъ мѣстностямъ. „Никогда никто изъ насъ во всю жизнь не сдѣлаетъ другу своему такого великаго благодѣянія, какое имѣетъ онъ случай сдѣлать здѣсь, въ этомъ обществѣ. Геній умираетъ подъ кровлею бѣдной хижины, на лонѣ нищеты и бѣдности; врожденное чувство къ великому, къ изящному погасаетъ въ бурѣ страстей, въ юдоли скорби и печали,—пламя патріотизма потухнетъ въ уединенномъ сердцѣ земнаго страдальца,—и міръ не увидитъ восходящей зари великаго! Какія же великолѣпныя палаты, какія гордыя стѣны, какое золото возвращаетъ міру его честь, его украшеніе—*великихъ?* Съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалою въ рукѣ низлетающее божество, единымъ взглядомъ озаряющее сію мрачную юдоль скорби и печали, бѣдствій и отчаянія—это дружество". Не однимъ только названіемъ Дружеское Литературное Общество напоминало Дружеское Ученое Общество Лопухина и Новикова. Совершенно

неожиданно встрѣчаешь въ уставѣ литературнаго общества нѣсколько §§ о взносѣ членами денегъ для помощи бѣднымъ. „Сколько можно найти истинно несчастныхъ, есть ли только мы будемъ умѣть ихъ находить".

Члены Литературнаго Общества, собравшіеся вокругъ Жуковскаго, впослѣдствіи разошлись въ своихъ литературныхъ убѣжденіяхъ: Воейковъ смѣялся надъ религіознымъ направленіемъ поэзіи Жуковскаго, классикъ Мерзляковъ не мирился съ его романтизмомъ. Но дружество, бывшее „началомъ и концомъ" законовъ этого кружка, вывело Жуковскаго къ опредѣленной жизненной дѣятельности и въ лицѣ Тургенева не дало ей заключиться въ тѣсномъ кругу его сельскаго уединенія. Литературное поприще манило Жуковскаго по выходѣ [1]...

Такъ нравственное и литературное образованіе Жуковскаго началось въ томъ же кружкѣ, въ которомъ провелъ свою юность, въ которомъ воспитался и Карамзинъ. И тѣ впечатлѣнія, которыя принялъ въ средѣ старыхъ московскихъ масоновъ четырнадцатилѣтній мальчикъ, до того времени почти ничему не учившійся, не были развѣяны въ немъ впослѣдствіи. Въ тиши своего деревенскаго уединенія, чуждаясь свѣтской суеты, углубленный въ таинства внутренняго міра, Жуковскій укрѣплялъ и развивалъ въ себѣ тѣ вѣрованія, которыя принялъ отъ московскихъ просвѣщенныхъ филантроповъ *славнаго* вѣка. Возвратившись въ 1802 г. въ Мишенское, Жуковскій привезъ туда не одни полныя изданія Шиллера, Гердера и Лессинга, но и задатки опредѣленнаго литературнаго направленія.

„Любить истинное и прекрасное, наслаждаться ими, умѣть ихъ изображать, стремиться къ нимъ самому и силою краснорѣчія увлекать за собою другихъ, вотъ благородное назначеніе писателя. Счастливъ онъ, если Провидѣніе, наградивъ его талантомъ, одарило и сердцемъ, способнымъ любить высокое и чуждымъ привязанностей унизительныхъ. Увѣренность внутренняя, что онъ исполняетъ свой долгъ, какъ человѣкъ, совершенствуя свою натуру, какъ гражданинъ, трудясь съ намѣреніемъ приносить отечеству пользу — вотъ его награда". „Искусство требуетъ отъ поэта, чтобы онъ не противорѣчилъ морально изящному, которое почитается однимъ изъ главныхъ источниковъ красоты стихотворческой. Всякій читатель, будучи критикомъ стихотворца, есть въ то же время и судія человѣка—и горе поэту, если одобреніе судіи не будетъ для него столь же важно, какъ и одобреніе критика". Совершенствованіе своей натуры, этотъ основной догматъ масонства, сдѣлался основнымъ положеніемъ эстетики Жуковскаго. „Тотъ свѣтъ, пишетъ онъ къ А. Тургеневу, въ которомъ заключены всѣ мои судьи, очень не-

[1] На этомъ словѣ обрывается фраза въ концѣ вставнаго листа; должно быть: по выходѣ изъ Университетскаго пансіона. Между этимъ мѣстомъ и послѣдующимъ можно предположить пропускъ.

многолюденъ. Съ ошибками противъ слога, смысла, приличія мнѣ весьма легко показаться въ этомъ маленькомъ свѣтѣ; но со стороны нравственности хочу быть въ немъ чистъ со всѣхъ сторонъ. Дай Богъ чистаго будущаго". Не въ поэзіи правда; она блестящая риза правды. Что такое истинная поэзія? Откровеніе божественное произошло отъ Бога къ человѣку и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность. Откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ человѣкѣ и облагораживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ ея предѣлахъ:

Поэзія небесной
Религіи сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ, на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою за одно засвѣтятъ, каждый,
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми.

Вдали отъ общества и свѣта, въ одиночествѣ сельскаго уединенія начинаетъ Жуковскій работать надъ совершенствованіемъ своего внутренняго человѣка и поэта. „Семейная жизнь, понимаемая въ ея полномъ смыслѣ, есть та школа, въ которой настоящимъ образомъ можно научиться жизни: но не радостными и беззаботными, не поэтическими мечтами, а болѣе тревогами, страхами, ссорами съ самимъ собою, ведущими отъ раздраженія души къ терпѣнію, отъ терпѣнія къ вѣрѣ, отъ вѣры къ сердечному миру, и все это, наконецъ, сливается въ одно, въ любовь безмятежную, а ея имя Богъ-Спаситель".

Карамзинъ стоялъ передъ очами Жуковскаго идеаломъ нравственнаго совершенства. Еще встарину въ бесѣдахъ съ Карамзинымъ согрѣвалась душа Жуковскаго и яснѣе понимала, на что она на свѣтѣ. И Карамзинъ остался для него драгоцѣннѣйшимъ перломъ жизни.

Люди стараго Тургеневскаго кружка охраняли поэта въ той тяжелой нравственной работѣ надъ самимъ собою, среди которой поэта не разъ охватывало сомнѣніе, *существуетъ ли дружба*. И поэтъ всегда оставался въ нерѣшимости, чрезмѣрно тягостной, сказать, что дружбы нѣтъ. Идеалъ семейнаго счастья, которое Жуковскій ставилъ необходимымъ условіемъ поэтической дѣятельности, грубо былъ отнятъ у поэта людьми, которые желали быть православнѣе самого митрополита Филарета. „Я посматривалъ изъ подлобья, не замѣчу ли гдѣ въ углу христіанской любви. Нѣтъ, одно холодное жестокосердіе въ монашеской рясѣ, съ кровавою надписью на лбу: *должность* (выправленною весьма искусно изъ слова *суевѣріе)*. И эти люди именуютъ себя христіанами? Что это за религія, которая учитъ предательству и вымораживаетъ изъ

души всякое состраданіе? Рѣжь во имя Бога и будь спокоенъ. Я презираю ихъ отъ всей души съ тою религіею, которую они такъ пышно выдаютъ за истинную. Мнѣ стало страшно. Голосъ друга послышался въ пустынѣ". Жуковскій не разъ взываетъ къ своимъ друзьямъ, какъ своимъ ангеламъ-хранителямъ.

Гдѣ вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зрѣть соединенья?
Ужель изсякнули всѣхъ радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!
О братья! о друзья! гдѣ нашъ священный кругъ?
Гдѣ пѣсни пламенны и музамъ и свободѣ?
Гдѣ Вакховы пиры при шумѣ зимнихъ вьюгъ?
Гдѣ клятвы, данныя природѣ,
Хранить съ огнемъ души нетлѣнность братскихъ узъ?...

„Романъ моей жизни конченъ: старое все миновалось (пишетъ Жуковскій Тургеневу). Душа какъ будто деревянная. Что изъ меня будетъ, не знаю. А часто, часто хотѣлось бы и совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ! Для нея еще нѣтъ у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой не нажилъ... Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ недѣятельности душевной". Причина этого романическая любовь... Теперь Жуковскій избавился отъ вреднаго постояльца; онъ обращается къ святому генію труда, посвящаетъ жизнь свою „тому генію, которымъ будетъ храниться все мое счастіе". „Не забудь однако (заключаетъ Жуковскій), что тотъ геній всегда рука въ руку съ геніемъ дружбы. Пускай же они будутъ моими ангелами хранителями".

Благородная семья Тургенева не изсякла; новыя ея отрасли вмѣстѣ съ А. Тургеневымъ братски охраняли счастіе Жуковскаго. Ал. Тургеневъ вызвалъ Жуковскаго изъ мѣстъ его романической бездѣятельности и вывелъ его на новый путь, съ котораго Жуковскій не сходилъ до конца своей жизни. Преданія семьи наложили яркій отпечатокъ на трехъ братьевъ, Николая, Сергѣя и Александра. Въ двадцатыхъ годахъ изящная словесность менѣе занимала Александра Тургенева, какъ то, что имѣетъ болѣе отношеній къ существенности, къ жизни. Онъ слушалъ лекціи въ нѣмецкомъ университетѣ; онъ вмѣстѣ съ Николаемъ выбираетъ и покупаетъ книги, нужныя Жуковскому для воспитанія его царственнаго питомца. Въ характерѣ, въ чувствахъ Николая Тургенева Жуковскій нашелъ (по его словамъ) „все, о чемъ только могъ мечтать, когда мечталъ о предметахъ высокой нравственности, о душѣ человѣческой, о высокой простотѣ ея и о ея назначеніи". Жуковскому онъ „все подтвердилъ, объяснилъ, возвысилъ и человѣка и его самого для него". Своею изгнанническою судьбою Тургеневъ напоминалъ друзьямъ Камоэнса. Жуковскій твердо былъ увѣренъ, что онъ переносилъ свое положеніе твердо и поэтически. У кого была главная, сильная мысль,

порожденная сердцемъ, т.-е. любовью къ человѣчеству, тотъ не могъ быть несчастливъ и въ неудачѣ, ибо сильная мысль, какъ и сильная любовь, наполняетъ всего человѣка. Тою сильною мыслью было уничтоженіе рабства въ Россіи. Готовясь за границею къ великому дѣлу воспитанія наслѣдника цесаревича, Жуковскій просилъ Николая Тургенева записать его мысли о рабствѣ въ Россіи, если не для близкаго, то для отдаленнаго будущаго. И Александръ Тургеневъ горячо поддерживаетъ просьбу своего стараго друга. „На что намъ лишать себя средствъ быть полезными, когда силы ума и души еще не оставили насъ? Перенесись мыслью въ 1850 годъ и далѣе. Подумай, какъ бы положить вѣнецъ гражданскій выше вѣнца мученическаго. Оно и пригодиться можетъ, если не теперь, то позднѣе. Nichts hoffen und doch wollen, das ist der Mann. Ты самъ избралъ этотъ девизъ“...

ИЗЪ БІОГРАФІИ В. А. ЖУКОВСКАГО [1]).

12-го августа 1812 г. Жуковскій поступилъ въ Московское ополченіе (волонтеромъ). Въ день Бородинской битвы, 26-го августа, онъ находился позади дѣйствующей арміи, въ 2-хъ верстахъ за гренадерской дивизіей. Жуковскій не былъ въ огнѣ. Онъ и не видалъ подробностей кровавой свалки... „Во все продолженіе боя насъ мало по малу отодвигали назадъ. Наконецъ, съ наступленіемъ темноты сраженіе, до тѣхъ поръ не прерывавшееся ни на минуту, умолкло. *Тутъ* намъ велѣно двинуться впередъ, и мы очутились на возвышеніи посреди арміи. Вдали царствовалъ мракъ; все покрыто было густымъ туманомъ, смѣшавшимся съ дымомъ; и костры непріятельскихъ биваковъ горѣли въ этомъ туманѣ тусклымъ огнемъ, какъ огромныя раскаленныя ядра. Но мы не долго остались на мѣстѣ; армія тронулась и въ глубокомъ молчаніи пошла къ Москвѣ, покрытая темною ночью". На этомъ переходѣ встрѣтилъ Жуковскій Андрея Сергѣевича Кайсарова [2]).

---

[1]) [Этотъ отрывокъ изъ біографіи Жуковскаго печатается по черновой рукописи, сохранившейся въ бумагахъ Н. С. Тихонравова. Мѣстами рукопись переходитъ прямо въ конспектъ. Надо думать, что этотъ отрывокъ относится къ восьмидесятымъ годамъ, когда Н. С. Тихонравовъ принялся вновь за Жуковскаго и, помимо напечатанной выше юбилейной рѣчи и рецензіи на книгу г. Загарина (см. т. III, ч. 1, стр. 380), вводилъ свои новыя изысканія о Жуковскомъ въ университетскія лекціи.—Жуковскимъ Тихонравовъ началъ заниматься еще въ университетѣ: къ актовой рѣчи 1853 г. проф. С. П. Шевырева „О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи" былъ приложенъ указатель сочиненій Жуковскаго, составленный Тихонравовымъ, при чемъ Шевыревъ замѣтилъ, что ожидаетъ отъ дѣятельности студента Тихонравова „весьма добрыхъ плодовъ для исторіи русской словесности".—Въ „Сборникѣ Общества любителей россійской словесности на 1891 г." Тихонравовъ напечаталъ" Законы Дружескаго Литературнаго Общества", основаннаго Жуковскимъ. См. т. III, ч. I, стр. 430; примѣчаніе 157-е, на стр. 68. *Ред.*].

[2]) Университетскій пансіонъ, военная служба, отставной штабсъ-капитанъ учится въ Геттингенѣ; „Dr. De servis manumittendis". Съ 1810 года

Благодаря рекомендаціи Кайсарова, Жуковскій былъ перемѣщенъ въ походную канцелярію, во фронтовой службѣ не участвовалъ. Онъ писалъ тамъ нѣкоторые бюллетени за Скобелева. Война не была его стихіею. Едва армія прошла черезъ Москву, Жуковскій улучилъ время, [съѣздилъ [1]], хотя ненадолго, въ свой уголокъ — Муратово. Поставленный въ ряды русской арміи въ самую рѣшительную минуту ея операцій, когда совершался тяжелый и опасный кризисъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, когда старая столица лежала въ рукахъ французовъ, брошенная арміею, а войско подвигалось къ Тарутину,—Жуковскій все еще думалъ тамъ о своемъ Муратовѣ и забавлялся своими семейными идеалами въ эти торжественныя минуты,

Когда пылала подъ Москвою
Святая русская война.

Его какъ бы не касалось то мощное народное одушевленіе, которымъ охвачены были его друзья, его университетскіе товарищи. Ал. Тургеневъ писалъ въ это время къ князю Вяземскому изъ Петербурга: „Ея (Москвы) развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія — нравственнаго и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду. Война, *сдѣлавшись національной*, приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ Александра и блистательнымъ отмщеніемъ за безполезное злодѣйство и преступленіе южныхъ варваровъ... Намъ досталось играть послѣдній актъ въ европейской трагедіи, послѣ котораго авторъ ея долженъ быть непремѣнно освистанъ“. Но Жуковскій, по его собственнымъ словамъ:

Въ рядахъ отечественной рати
Пѣвецъ, по слуху знавшій бой,
Стоялъ я съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій.

Въ началѣ октября 1812 г., передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, написанъ былъ Жуковскимъ *Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*. Содержаніе и звучный стихъ долженъ былъ дать популярность этому стихотворенію. Въ 1850 г. оно уже не нравилось самому автору. Жуковскій не нашелъ въ своей груди искренняго и могучаго отголоска національнаго

философъ и профессоръ русскаго языка и математики въ Дерптѣ. Высочайше повелѣно отправить въ главную квартиру дѣйствующей арміи; дирекція походной типографіи при Барклаѣ. Потомъ при Кутузовѣ; по смерти его маіоръ Московскаго ополченія въ дѣйствующемъ войскѣ. Убитъ при Гайнау, въ Силезіи, 26-го мая 1813 года. [Этотъ конспектъ приведенъ въ текстѣ въ скобкахъ. *Ред.*].

[1]) [Слово не разобрано].

настроенія, которымъ полны были его друзья въ ту эпоху. Его стихотворство не выросло на почвѣ дѣйствительной жизни и проникнуто какимъ-то напускнымъ жаромъ. И естественно ли было, среди боеваго русскаго лагеря подъ Тарутинымъ, при блескѣ луны, видѣть пѣвца съ кубкомъ вина въ одной рукѣ, съ боевою лирою въ другой?

Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...

Миѳическій бардъ поднимаетъ кубокъ въ память славныхъ богатырей минувшаго (Святослава, Дмитрія Донскаго, Петра Великаго) и въ прославленіе живыхъ героевъ настоящаго. На призывъ пѣвца къ мести воины отвѣчаютъ:

Вожди Славянъ, хвала и честь!
Свершайте истребленье.
Отчизна къ вамъ взываетъ месть,
Вселенная — спасенье!

Но и на бранномъ полѣ, въ гимнѣ мести прорываются у Жуковскаго другіе звуки. Пѣвецъ поднимаетъ полный кубокъ въ даръ любви (I, 213).

Мысль ускорить часъ свиданія не покидала Жуковскаго во время военныхъ переходовъ. Въ ноябрѣ, вскорѣ послѣ сраженія подъ Краснымъ, онъ заболѣлъ горячкою. Стратегическіе планы Кутузова уже дали свой плодъ; война приняла другой оборотъ. Заря европейской свободы отъ деспотизма Наполеона загоралась на русскихъ снѣгахъ. Послѣ сраженія при Красномъ Жуковскій написалъ въ стилѣ Державина стихотвореніе Кутузову—„Вождю побѣдителю“:

Хвала, нашъ вождь (I, 223).

Но другъ мирныхъ селъ не послѣдовалъ за этимъ „геніемъ истребителемъ“, за спасителемъ своей родины. Въ декабрѣ, оправившись отъ горячки, онъ отправился на родину; онъ пріѣхалъ сюда 6-го января 1813 г. Такимъ образомъ, при арміи Жуковскій пробылъ не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ.

Семейный кружокъ Жуковскаго въ это время мало измѣнился. Онъ не засталъ уже въ живыхъ Кирѣевскаго, мужа своей сведенной сестры Авдотьи Петровны, которая предавалась безграничному отчаянію. [Старшая [1]) племянница успѣла узнать его тайну; ея отношенія къ Жуковскому стали крайне натянуты; червь страшной грудной болѣзни уже точилъ Марью Андреевну. Старыя раны поэта раскрылись; думать о какой-нибудь работѣ было невозможно. „Безъ душевнаго спокойствія нельзя трудиться“, пишетъ онъ въ это время. А между тѣмъ годы мо-

[1]) [Слово, не дописанное, не вполнѣ разобрано].

лодости уходили безвозвратно среди этой недѣятельности, среди искусственнаго растравленія своей грусти; и сознаніе полной безпомощности, рѣшительнаго безсилія вырваться изъ положенія, подтачивавшее нравственныя силы, угнетало Жуковскаго и доводило его до отчаянія, разрѣшавшагося пустыми слезами. Онъ уединялся попрежнему съ своею неизлѣчимою грустью для того, чтобы писать дневникъ; но энергическаго порыва вырваться къ дѣятельности не было: за Муратовымъ какъ будто не существовало жизни. „Вотъ мнѣ 30 лѣтъ (пишетъ Жуковскій въ ночь съ 25-го на 26-ое февраля 1813 г.), а то, *что называется истинной жизнью,* мнѣ еще незнакомо... Семейнаго счастія для меня не было; всякое чувство надобно было стѣснять въ глубину души; не смотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто — существуетъ ли дружба, и всегда оставался въ нерѣшимости, чрезмѣрно тягостной, сказать себѣ—что дружбы нѣтъ. На что было рѣшиться? Скрывать все въ самомъ себѣ и терпѣть, и даже показывать видъ, что всѣмъ доволенъ— принужденіе слишкомъ тяжелое при откровенности моего характера, который однако отъ навыка сдѣлался скрытнымъ. Я не желаю ни *невозможнаго,* ни непозволительнаго. Въ этомъ никто не переувѣритъ меня. Исполнится ли то, что одно можетъ мнѣ дать счастіе, это къ несчастію зависитъ не отъ меня, а отъ другихъ. Но я искалъ его не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству. *Я привязывалъ къ нему все лучшее* въ жизни... Въ послѣдніе годы не имѣлъ дня, истинно счастливаго, — сколько же печальныхъ! А все вмѣстѣ — удѣлъ незавидный. Мысль, что все перемѣнится, была моею подпорою. Но эта мысль не помѣшала мнѣ пріобрѣсть *совершенное равнодушіе къ жизни,* которое убійственно для всякой дѣятельности. Другимъ нужно несчастіе, чтобы привести въ силу ихъ душевное качество; мнѣ напротивъ нужно счастіе, которое можетъ быть моимъ... Таково мое прошедшее. Что же въ настоящемъ? Все еще *одна надежда,* которая не можетъ быть виновной, потому что ею пробуждаются лучшія чувства и не знаю, какая-то *живая, сладостная* вѣра, необходимость любить Провидѣніе и на него полагаться“.

Оторвавшись отъ дѣйствительности, Жуковскій весь отдался своему отходящему идеалу, своему прошедшему.

Блаженъ, кто носитъ
Въ своей душѣ святую память, вѣрность
Прекрасному минувшему! Моя
Душа ее во глубинѣ своей,
Какъ чистую лампаду, засвѣтила,
И въ ней она поэзіей горѣла.

Эта „святая вѣрность“ прошедшему поддерживалась въ Жуковскомъ надеждою на возвращеніе идеала. Гробъ, сокрывшій жену, друга, невѣсту, есть вѣрный свидѣтель,

Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.
Сей гробъ — затворенная къ счастію дверь,
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

Жуковскій желалъ жить памятью прошлаго, и не-то надеждою, не-то вѣрою въ будущее:

О, милое воспоминанье
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О, дума сердца — упованье
На лучшій *неизмѣнный* свѣтъ.

Романтизмъ, сложившійся теперь въ Жуковскомъ, отрывавшій его отъ жизни къ воспоминанію о тяжеломъ прошедшемъ и обращавшій его религіозную мысль къ иному, лучшему, неизмѣнному свѣту, будущему,—этотъ романтизмъ, уходившій въ религіозный піэтизмъ, граничилъ со старымъ Новиковскимъ масонствомъ. И въ началѣ 1813 года Жуковскій рѣшился ввѣрить истинный смыслъ своего настоящаго, вскрыть свой внутренній міръ одному изъ вождей Екатерининскаго мистицизма, И. В. Лопухину. 12 февраля 1813 г. онъ выѣхалъ для этого изъ Муратова. „Я не молился, но чувствовалъ, что Богъ меня видѣлъ, и это чувство было сильнѣе всякой молитвы. Я съ восхищеніемъ давалъ Создателю своему обѣщаніе быть Его достойнымъ своею жизнію въ благодарность за то счастіе, которое онъ давалъ мнѣ предчувствовать въ этой живой надеждѣ. Другая мысль несказанно меня радовала: я видѣлъ въ будущемъ не одно неизъяснимое счастіе принадлежать *ей*, дѣлить *съ ней* жизнь и все; я видѣлъ тамъ себя совсѣмъ не такимъ, каковъ я теперь, но лучшимъ, *новымъ*, *живымъ*, а не мертвымъ“. Эта надежда на возрожденіе, въ которую такъ вѣровали масоны, поддерживалась въ Жуковскомъ его не оставленнымъ идеаломъ. Онъ называлъ теперь вѣру источникомъ всякаго добра, освятителемъ всякаго счастья. Потребность вѣры живо почувствовалась теперь романтикомъ. „До сихъ поръ я часто со страхомъ замѣчалъ какое-то отдаленіе отъ религіи — я ея никогда не отвергалъ, но она казалась мнѣ причиною всѣхъ утратъ моей жизни, и я не отдѣлилъ ея отъ предразсудка (матери Протасовой), который лишалъ меня всего“. Итакъ то, что̀ было религіею для его сведенной сестры Протасовой, то, на чемъ основывался отказъ послѣдней Жуковскому въ рукѣ ея старшей дочери, произвело въ Жуковскомъ временное охлажденіе къ религіи, озлобленіе. Но этотъ внутренній переворотъ, лишавшій романтика вѣры, не могъ долго продолжаться. Жуковскій ѣдетъ къ Лопухину, и старый масонъ полагаетъ конецъ непродолжительному періоду безвѣрія, озлобленія и религіозныхъ колебаній въ душѣ Жуковскаго. Сомнѣнія устранены, внутренній миръ души поэта

возстановленъ. Разъясненія Лопухина дали ему понять, что онъ смѣшивалъ ханжество и суевѣріе съ религіею. Возвратившись отъ Лопухина, Жуковскій записываетъ въ дневникѣ: „Я вѣрю, я вѣрю съ чувствомъ, что Богъ меня хранитъ и что Онъ готовъ причислить меня къ семьѣ Своихъ избранныхъ, которые Его узнаютъ *по своему счастію*". Съ новыми надеждами на возможность осуществленія своего идеала возвратился Жуковскій въ Муратово. „Будущее пугаетъ меня одною неизвѣстностью, а если скажутъ—не желай невозможнаго, я невозможности здѣсь не вижу, не видалъ и никогда видѣть не буду. *Самъ бросить своего счастія не могу;* пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретятъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, я не буду причиной своей утраты".

Судьба скоро откликнулась на вызовъ Жуковскаго. Въ концѣ 1813 г. пріѣхалъ въ Муратово и поставилъ свой страннической посохъ въ смиренной обители Жуковскаго его товарищъ-другъ, Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ. Это была рѣзкая противоположность Жуковскому. Дѣятельный, подвижной, остроумный и желчный, часто льстецъ, человѣкъ практичный, Воейковъ уже изъѣздилъ добрую часть Россіи (I, 252).

Этотъ саркастичный, безобразный собою, но ловкій и смѣлый собесѣдникъ познакомился съ Протасовыми, Плещеевыми, со всѣмъ семейнымъ кругомъ Жуковскаго. Послѣдній признавался ему, что

Подъ надзоромъ Провидѣнья (I, 261)

Воейкову вдохновенье являлось въ другомъ образѣ. Желчная сатира *Домъ сумасшедшихъ*, ловко схватившій слабыя стороны всѣхъ представителей тогдашней литературы, доставилъ Воейкову литературную извѣстность, а не переводъ „Садовъ" Делиля. Романтичный піэтизмъ Жуковскаго былъ смѣшонъ Воейкову. Засадивши поэта въ Желтый домъ, Воейковъ такъ его изображаетъ:

Вотъ Жуковскій въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянуты чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ.
Видѣть вѣдьму воображаетъ,
То глазкомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и реветъ.

Воейковъ скоро подмѣтилъ страсть Жуковскаго къ Марьѣ Андреевнѣ и вписываетъ въ его дневникъ восьмистишіе, въ которомъ коснулся ихъ отношеній и предсказывалъ ихъ исходъ. Черезъ нѣсколько времени Воейковъ, сдѣлавъ предложеніе младшей племянницѣ Жуковскаго, сдѣлался всемогущимъ у ея матери, Катерины Аѳанасьевны. Жуковскій уѣхалъ къ Плещеевымъ въ Чернь. Успѣхъ Воейкова вновь подтолк-

нулъ его. Онъ возвратился въ Муратово, заручившись разрѣшеніемъ митрополита Филарета на бракъ съ Марьею Андреевной и на ходатайство друзей передъ непреклонною матерью. Предложеніе было возобновлено; отвѣтъ былъ тотъ же. „Сиротство и одиночество ужасало въ виду счастія и счастливыхъ... Я посматривалъ изъ подлобья: не замѣчу ли гдѣ въ углу христіанской любви, внушающей сожалѣніе, пощаду, кротость? Нѣтъ! Одно холодное жестокосердіе въ монашеской рясѣ съ кровавою надписью на лбу: *должность* (выправленною весьма искусно изъ слова *суевѣріе)* сидѣло противъ меня и страшно сверкало на меня глазами. И мнѣ стало страшно"... И эти люди называютъ себя христіанами? „Что̀ это за религія, которая учитъ предательству и вымораживаетъ изъ души всякое состраданіе? Эти люди эгоисты, подъ святымъ именемъ христіанъ смотрятъ на людей свысока. Однимъ несчастнымъ болѣе или менѣе въ порядкѣ созданія—какое дѣло? Рѣжь во имя Бога и будь спокоенъ!... Я презираю ихъ отъ всей души, и съ тою религіею, которую они такъ пышно выдаютъ за истинную". Послѣ 30 августа 1814 года Жуковскій уѣхалъ изъ Муратова въ Долбино, гдѣ жили Анна и Авдотья Петровна Кирѣевская...

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ Г. ГАЕВСКАГО О ДЕЛЬВИГѢ [1]).

Смирдинское изданіе русскихъ авторовъ вызвало уже нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ статей о нашихъ писателяхъ; оно, *нѣкоторымъ образомъ*, обратило вниманіе критики на новую сторону дѣла. Пропуски и промахи изданія привели изслѣдователей къ простому положенію, что нужно прежде всего исправить изданіе, дать изданію полноту, и потомъ уже приступить къ критической оцѣнкѣ писателя. Такимъ образомъ библіографія получила въ историко-литературныхъ этюдахъ свои законныя права. Мы разумѣемъ не ту мертвую библіографію, которая ограничивается одними заглавіями книгъ, но ту, которая имѣетъ въ виду обогатить исторію литературы новыми фактами. Въ статьѣ о Дельвигѣ эта сторона занимаетъ не послѣднее мѣсто. Вотъ что говоритъ г. Гаевскій о цѣли своего сочиненія: „Указать ошибки, не сдѣлавъ ничего къ ихъ исправленію, есть только первый шагъ къ цѣли, и критика, конечно, не должна останавливаться на этомъ шагѣ. Напротивъ, указавъ недостатки, она должна указать и средства къ ихъ исправленію или даже исправить ихъ; замѣтивъ неполноту и пропуски, пополнить, насколько возможно, всѣ пробѣлы и, собравъ налицо всѣ факты, опредѣлить на основаніи ихъ литературное значеніе автора. Это мы и постараемся сдѣлать въ отношеніи къ изданію сочиненій Дельвига“ (стр. 53). Собрать налицо всѣ факты и на основаніи ихъ опредѣлить литературное значеніе автора—вотъ цѣль г. Гаевскаго.

Въ первой статьѣ авторъ говоритъ о недостаткахъ Смирдинскаго изданія сочиненій Дельвига и сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о поэтѣ разбираемомъ.

Главнѣйшими недостатками Смирдинскаго изданія сочиненій Дельвига авторъ полагаетъ неполноту, отсутствіе системы и измѣненіе фактовъ. Все это доказано авторомъ довольно основательно и подробно.

---

[1]) [Напечатана въ „Москвитянинѣ“ 1853 г., № 6, отд. V, стр. 64—98, съ подписью Н. Т—въ. *Ред.*].

„Измѣненіе фактовъ (продолжаетъ г. Гаевскій) состоитъ въ 1) произвольномъ, хотя и не умышленномъ, уменьшеніи литературной дѣятельности автора, помѣщеніемъ въ полномъ собраніи его сочиненій менѣе половины всего имъ написаннаго и напечатаннаго (считая и прозу), и 2) причисленіемъ (?) къ посмертнымъ стихотвореніямъ осьми такихъ, которыя были напечатаны слишкомъ за годъ до смерти поэта“ (стр. 53). Можно еще прибавить, что стихотвореніе *Удѣлъ поэта* у Смирдина раздроблено на два, очевидно, по оплошности корректора (см. сочиненія Дельвига, стр. 142—143). Это своевольное разробленіе найдете вы и въ изданіи сочиненій Батюшкова, гдѣ стихотвореніе *Воспоминаніе* [1]) вдругъ прерывается на самой рединѣ (см. стр. 32): другую половину желающіе могутъ найти, перевернувши страницъ 20 впередъ, т.-е. на 7 и 8 страницахъ! Въ исчисленіи стихотвореній Дельвига, пропущенныхъ въ Смирдинскомъ изданіи, авторъ указываетъ между прочимъ на два стихотворенія, помѣщенныя въ „Полярной Звѣздѣ“, альманахѣ 1832 года. Подъ этими стихотвореніями находится подпись Д—гъ, и мы сомнѣваемся, точно ли принадлежатъ они Дельвигу. Сомнѣвается въ этомъ и г. Гаевскій, обѣщая „причины сомнѣній и самыя стихотворенія привести въ одной изъ слѣдующихъ статей“ (стр. 51). Ясно, что эти сомнительныя стихотворенія упомянуты авторомъ для полноты. Но тогда слѣдовало бы также указать на стихотвореніе „Черкесская пѣсня“, напечатанное въ *Цинтіи*, альманахѣ на тотъ же 1832 годъ (стр. 259—260). Подъ пѣснею та же подпись Д—гъ. Думаемъ, что наше указаніе можетъ способствовать рѣшенію сомнѣній г. Гаевскаго, тѣмъ болѣе, что „Черкесская пѣсня“ напечатана также въ *Московскомъ* альманахѣ, въ *томъ* же году и съ *тою* же подписью, какъ и сомнительныя стихотворенія, упомянутыя г. Гаевскимъ. То, кажется, несомнѣнно, что авторъ этихъ трехъ стихотвореній—одно лицо; но едва ли это былъ Дельвигъ. Неужели издатели довольно сѣренькихъ альманаховъ, сложившихся изъ самыхъ посредственныхъ произведеній, не упомянули бы имени такого извѣстнаго поэта, какъ Дельвигъ?

Приводя біографическія статьи о Дельвигѣ, авторъ опустилъ статью, напечатанную въ Tygodnik Peterburski и указанную въ „Литературной Газетѣ“ 1831 года. Но въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Дельвигѣ, сообщаемыхъ г. Гаевскимъ, такъ много новаго и притомъ почерпнутаго изъ живыхъ преданій, сохранившихся въ памяти людей, которые были близки къ Дельвигу, что едва ли опущенная имъ статейка могла прибавить многое къ фактамъ, переданнымъ авторомъ. Вообще г. Гаевскій старался собирать свѣдѣнія и тамъ, откуда немногіе могутъ получить ихъ. Указавши лицейскія стихотворенія, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 года, г. Гаевскій продолжаетъ: „Всѣ эти стихотворенія со-

[1]) Оно напечатано было первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“ 1809 года, № 21, подъ заглавіемъ: Воспоминанія 1807 года.

браны въ рукописной тетради напечатанныхъ лицейскихъ стихотвореній, принадлежащей одному изъ товарищей Пушкина и Дельвига, барону М. А. Корфу, благосклонности котораго авторъ обязанъ этими важными библіографическими указаніями. Въ біографіи Пушкина (въ *Портретной и біографической галлереѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи*", 1841 года, стр. 2) объ этихъ и о другихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, напечатанныхъ безъ имени, сказано слѣдующее: „*Въ какомъ-то* изъ тогдашнихъ журналовъ печатались, безъ подписи, сочиненія Пушкина, писанныя имъ на двѣнадцатомъ, тринадцатомъ и четырнадцатомъ годахъ жизни: впослѣдствіи онъ нигдѣ не упомянулъ объ нихъ, не внесъ ихъ въ собраніе своихъ стихотвореній, и *они едва ли не исчезли совершенно даже для насъ, его современниковъ*". „Всѣ эти *исчезнувшія* стихотворенія (замѣчаетъ г. Гаевскій) мы сейчасъ указали и укажемъ еще дальше" (стр. 76). Біографія Пушкина, на которую ссылается г. Гаевскій, есть перифразъ статьи *А. С. Пушкинъ*, напечатанной въ „Современникѣ" 1838 г. Библіографическимъ показаніямъ автора этой статьи мы не совсѣмъ готовы довѣрять, и вотъ на какомъ основаніи. Онъ говоритъ: „Изъ другихъ его (Пушкина) стихотвореній, относящихся къ этой эпохѣ (лицейской), извѣстны: Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, Къ Лицинію и *ненапечатанное*, но читанное имъ при выпускѣ на экзаменѣ: *Безвѣріе*" („Современникъ" 1838 г., т. X, стр. 23). Между тѣмъ это *Безвѣріе* было напечатано уже въ 1818 году въ *Трудахъ Общества Любителей Росс. Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ*, часть X, стр. 58, отд. 2. „Несправедливо съ другой стороны, говоритъ авторъ *Біографіи*, что стихотворенія Пушкина печатались въ *одномъ* изъ тогдашнихъ журналовъ: они есть въ *Россійскомъ Музеумѣ*, въ *Сынѣ Отечества*, въ *Сѣверномъ Наблюдателѣ*". Въ „Сынѣ Отечества" 1815 г., № 25 и 26, стр. 240, напечатано стихотвореніе Пушкина: *Наполеонъ на Эльбѣ* [1], съ подписью: 1..... 14—17. Этотъ псевдонимъ не указанъ г. Гаевскимъ. Въ *Сѣверномъ Наблюдателѣ* 1817 года также напечатаны были лицейскія стихотворенія Пушкина: *Пѣвецъ* (№ 1, стр. 14), *Эпиграмма на смерть стихотворца* (№ 2, стр. 68), *Къ ней* (№ 11, стр. 351), *Посланіе Лидѣ* (№ 23, стр. 310).

Въ заключеніе мы предложимъ автору статьи о Дельвигѣ одинъ вопросъ: на стр. 82 и 83 онъ приводитъ посланіе Пушкина къ Дельвигу и потомъ продолжаетъ: „Изъ этого посланія можно заключить, во-первыхъ, что стихотворенія Пушкина отдавались въ печать иногда украдкой отъ поэта и что въ этомъ „предательствѣ", какъ называлъ это Пушкинъ, участвовалъ и Дельвигъ, болѣе другихъ ревностный къ славѣ своего друга" (стр. 83—84). Что стихотворенія Пушкина отдавались въ печать украдкой, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но вотъ на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Въ „Сѣверной Звѣздѣ", альманахѣ 1829 года,

---

[1]) Сочиненія Пушкина, т. IX, стр. 446.

напечатано было нѣсколько стихотвореній Пушкина, съ подписью Ап. Въ дневникѣ своемъ самъ Пушкинъ говоритъ о нихъ слѣдующее: „Г. Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, *поправлять* ихъ по своему и отсылать въ альманахъ вмѣстѣ *съ собственными* произведеніями..." [1]) Г. Гаевскій можетъ повѣрить по рукописной тетради стихотвореній Пушкина, выше упомянутой, какія изъ стихотвореній Пушкина, напечатанныхъ въ „Сѣверной Звѣздѣ", были исправлены г. Ап.. какимъ образомъ и т. п. Сличая нѣкоторыя изъ напечатанныхъ въ этомъ альманахѣ стихотвореній съ напечатанными въ *Сочиненіяхъ А. Пушкина*, мы нашли кое-гдѣ значительныя разнорѣчія; напр., посланіе Каверину [2]) въ „Сѣверной Звѣздѣ" напечатано такимъ образомъ:

Забудь, любезный мой К...нъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи;
 Люблю я первый, будь увѣренъ,
 Твои гусарскіе грѣхи.
Прослыть защитникомъ Зенонова ученья
Быть можетъ хорошо,—но ни тебѣ, ни мнѣ.
 Я знаю, что страстей волненье,
 И шалости, и заблужденье,
Пристали нашихъ дней блистательной веснѣ.
 Пускай умно, хотя неосторожно,
 Дурачиться мы будемъ иногда,
 Пока безъ лишняго стыда
 Дурачиться намъ будетъ можно.
 Всему пора, всему свой мигъ,
Все чередой идетъ опредѣленной:
 Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
 Смѣшонъ и юноша степенный.
Насытясь жизнію у юныхъ дней въ гостяхъ,
Простимся навсегда съ веселіемъ шутливымъ,
Съ Венерой пылкою и съ Вакхомъ прихотливымъ:
 Вздохнемъ о нихъ, какъ о друзьяхъ,
И старость удивимъ поклономъ молчаливымъ.
Теперь въ безпечности живи,
Люби друзей, храни о нихъ воспоминанье,
 Служи и Вакху и любви,
 Минуту юности лови
И черни презирай ревнивое болтанье.
Она не вѣдаетъ, что можно дружно жить
Съ стихами, съ картами, съ Платономъ и бокаломъ.
Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный и сердце можно скрыть.

Сравните это стихотвореніе съ тѣмъ, которое напечатано подъ тѣмъ

[1]) „Сынъ Отечества" 1840 г., апрѣль, книжка 2-я, стр. 475.
[2]) Сочиненія Пушкина, т. IX, стр. 465.

же заглавіемъ въ IX томѣ сочиненій Пушкина, и вы увидите большую разницу. Неужели она произошла отъ исправленій г. Ап.? Намъ что-то не вѣрится... Желательно, чтобы г. Гаевскій объяснилъ приведенное мѣсто изъ дневника Пушкина.

Заключая этимъ наши замѣтки о статьѣ, или, скорѣе, *по поводу* статьи г. Гаевскаго, мы должны благодарить его за рѣдкое трудолюбіе въ собираніи свѣдѣній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія: намъ предстоятъ еще неизданныя письма Пушкина и стихотворенія Дельвига!

РАЗБОРЪ „БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗАМѢТОКЪ“ Г. ГАЕВСКАГО О СОЧИНЕНІЯХЪ ПУШКИНА И ДЕЛЬВИГА [1]).

Въ 6-мъ № „Москвитянина“ мы высказали нѣсколько замѣчаній о статьѣ г. Гаевскаго „Дельвигъ“ и предложили вопросъ о томъ, были ли исправляемы постороннею рукою стихотворенія Пушкина, напечатанныя въ „Сѣверной Звѣздѣ“, альманахѣ 1829 года. Напечатанныя въ послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ (№ 6, отд. VII, стр. 137—156) „Библіографическія замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига“ обѣщаютъ „разсмотрѣть по порядку *всѣ* наши замѣчанія“, а потомъ приступить къ рѣшенію предложеннаго вопроса. Благодаря автора „Замѣтокъ“ за готовность разрѣшить наши недоумѣнія, мы должны сказать, что онъ большею частью невѣрно понялъ смыслъ нашихъ замѣчаній, а потому и въ его отвѣтѣ на нихъ есть нѣкоторыя несообразности, представляющія дѣло не въ истинномъ свѣтѣ. Постараемся указать ихъ.

Въ нашей статьѣ было сказано:

„Въ исчисленіи стихотвореній Дельвига, пропущенныхъ въ Смирдинскомъ изданіи, авторъ указываетъ, между прочимъ, на два стихотворенія, помѣщенныя въ „Полярной Звѣздѣ“, альманахѣ 1832 года. Подъ этими стихотвореніями находится подпись *Д—гъ, и мы сомнѣваемся, точно ли принадлежатъ они Дельвигу.* Сомнѣвается въ этомъ и г. Гаевскій, обѣщая „причины сомнѣній и самыя стихотворенія привести въ одной изъ слѣдующихъ статей“ (стр. 51). Ясно, что эти сомнительныя стихотворенія упомянуты авторомъ для полноты. Но тогда слѣдовало бы также указать на стихотвореніе „Черкесская пѣсня“, напечатанное въ „Цинтіи“, альманахѣ на тотъ же 1832 годъ (стр. 259—260). Подъ пѣснею та же подпись Д—гъ. Думаемъ, что *наше указаніе можетъ способствовать рѣшенію сомнѣній г. Гаевскаго,* тѣмъ болѣе, что *Черкес-*

---

[1]) [Напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1853 г., кн. 7, отд. VII, стр. 24—31. Подъ статьею помѣта: „Москва, 15 іюня“. *Ред.]*

ская пѣсня напечатана также въ *московскомъ* альманахѣ, въ *томъ же* году и съ *тою же* подписью, какъ и сомнительныя стихотворенія, упомянутыя г. Гаевскимъ. То, кажется, несомнѣнно, что авторъ этихъ трехъ стихотвореній одно лицо; но едва ли это былъ Дельвигъ. *Неужели издатели довольно сѣренькихъ альманаховъ, сложившихся изъ самыхъ посредственныхъ произведеній, не упомянули бы имени такого извѣстнаго поэта, какъ Дельвигъ?"*

Вотъ наши слова. Пусть читатель обратитъ вниманіе на строки, напечатанныя курсивомъ, и онъ увидитъ: 1) что мы не соглашаемся приписать два сомнительныя стихотворенія, упомянутыя г. Гаевскимъ, Дельвигу, по крайней мѣрѣ оставляемъ это подъ большимъ сомнѣніемъ; что 2) въ доказательство справедливости этого мнѣнія указываемъ на „Черкесскую пѣсню"; что 3) цѣлью этого указанія было *способствовать рѣшенію сомнѣній* г. Гаевскаго, потому что мы полагали, что онъ не обратилъ вниманія на *совпаденіе* подписей, мѣста и времени печатанія трехъ сомнительныхъ стихотвореній; что 4) мы прямо высказались противъ возможности приписать „Черкесскую пѣсню" Дельвигу, говоря: *едва ли* авторомъ этихъ трехъ стихотвореній былъ Дельвигъ. *Неужели* и т. д. Между тѣмъ г. Гаевскій выводитъ изъ нашихъ словъ заключеніе, что *мы приписываемъ „Черкесскую пѣсню"* Дельвигу. Но пусть найдетъ онъ въ нашей статьѣ хоть одно слово, которое бы подтверждало выведенное имъ заключеніе. Мы имѣли полное право указать г. Гаевскому „Черкесскую пѣсню", полагая, что онъ не обратилъ вниманія на совпаденіе подписей, мѣста и времени печатанія; но онъ не имѣетъ права приписывать намъ мнѣніе, противъ котораго мы прямо высказались. Къ чему же, позволимъ себѣ спросить, *авторъ на цѣлыхъ семи страницахъ возстаетъ противъ мнѣнія, нами не высказаннаго?* Или что̀ значатъ слѣдующія слова:

„Если бъ г. Тихонравовъ потрудился внимательно пересмотрѣть „Цинтію", альманахъ, въ которомъ напечатано это стихотвореніе, онъ самъ увидѣлъ бы причины, по которымъ нельзя приписать это стихотвореніе Дельвигу. Причины эти слѣдующія: въ томъ же альманахѣ находимъ „Романсъ" (стр. 51—52) съ подписью *Д—гъ*, „Пѣсню" (стр. 132—133) съ подписью *—гъ* и стихотвореніе „Земля" (стр. 163) съ подписью *Д—бергъ. Послѣдняя подпись достаточно разоблачаетъ первыя три* и доказываетъ, что всѣ онѣ не принадлежатъ Дельвигу. Зачѣмъ же г. Тихонравовъ прежде, чѣмъ указывать мнимый пропускъ, не справился обстоятельно: точно ли Дельвигу принадлежитъ это стихотвореніе, а если справился, то зачѣмъ умолчалъ объ остальныхъ подписяхъ, совершенно опровергающихъ его указаніе?" (стр. 139—140).

Во-первыхъ, логично ли заключать, что подпись *Д—бергъ* достаточно разоблачаетъ первыя три? На основаніи какого силлогизма можно вывести такое заключеніе? Гдѣ доказательство, что дѣло именно такъ было, и что это не предположеніе автора? Доказательствъ нѣтъ; ergo

это простое предположеніе. А можно ли возражать предположеніями (хотя авторъ возражаетъ противъ мнѣнія, имъ самимъ придуманнаго), давать имъ видъ и несомнѣнность истины и, опираясь на нихъ, упрекать другихъ въ умышленномъ умолчаніи? Но допустимъ и это оружіе, за неимѣніемъ другаго, и опять спросимъ: что̀ логичнѣе, по мнѣнію автора: то ли, что *одно* лицо выбрало *четыре* разныя подписи, или что четыре различныя подписи принадлежатъ разнымъ лицамъ? И для чего прибѣгать ко всѣмъ подобнымъ догадкамъ? Для того только, чтобъ доказать, что „Черкесская пѣсня“ принадлежитъ не Дельвигу. Но мы опять спросимъ, гдѣ и въ какихъ словахъ высказали мы подобное мнѣніе? Сражаться же противъ призрачнаго очень легко... Между тѣмъ нашъ авторъ посвящаетъ этой борьбѣ цѣлую треть своей статьи.

„Въ современныхъ журналахъ и альманахахъ (говоритъ онъ) являлось множество стихотвореній и прозаическихъ статей съ подписями *Д.*, *Д—ъ* и т. п. Въ одномъ „Вольномъ Обществѣ Любителей россійской словесности“ (или „Соревнователей просвѣщенія и благотворенія“), въ занятіяхъ котораго Дельвигъ принималъ участіе, было много членовъ съ фамиліею, начинавшеюся съ буквы Д, именно: Данилевскій, Добровольскій, Доброхотовъ, Долгорукій, два Дуропа и проч.; они нерѣдко подписывались одною начальною буквою. Не-уже-ли и эти статьи могутъ возбудить сомнѣніе касательно принадлежности ихъ Дельвигу? Разумѣется, *нѣтъ*, если руководствоваться въ библіографическихъ изысканіяхъ живымъ, всестороннимъ изученіемъ, и *да*, если ограничиваться въ нихъ только мертвою буквою. Можно ли послѣ этого полагаться на сокращенныя подписи фамилій извѣстныхъ авторовъ, какъ сдѣлалъ (?) въ настоящемъ случаѣ г. Тихонравовъ?“ (стр. 143).

Насъ упрекаетъ авторъ въ томъ, что мы „полагаемся на сокращенныя подписи фамилій извѣстныхъ авторовъ“, и потому на насъ, очевидно, падаетъ и косвенное обвиненіе его, что въ библіографическихъ изысканіяхъ мы „руководствуемся не живымъ, всестороннимъ изученіемъ, а только мертвою буквою“. Приговоръ нѣсколько строгъ и поспѣшенъ. Можетъ возникнуть вопросъ: позволительно ли, на основаніи одного промаха (хотя бы онъ былъ и дѣйствительный, а не сочиненный критикомъ), дѣлать подобное заключеніе? Авторъ дѣлаетъ такое заключеніе; но, къ сожалѣнію, онъ не объясняетъ, что̀ понимаетъ онъ подъ именемъ всесторонняго изученія, въ чемъ полагаетъ его конечный результатъ. Сколько мы понимаемъ изъ его словъ, *живое* изученіе поэта состоитъ въ томъ, чтобы вполнѣ проникнуться духомъ поэта, сознать ясно его „направленіе“, приглядѣться даже къ „отдѣлкѣ его стиха“; *всестороннее* же изученіе не ограничивается знакомствомъ съ кругомъ дѣятельности одного поэта разбираемаго, но обнимаетъ всю литературу того времени, къ которому онъ относится, не говоря ужъ о необходимости ознакомиться съ иностранными литературами. Авторъ,

надѣемся, не возстанетъ противъ такого пониманія живаго, всесторонняго изученія, котораго онъ требуетъ. Мы распространяемся объ этомъ не для того, чтобъ оправдывать себя. „Черкесской пѣсни“ мы не приписывали Дельвигу, и г. Гаевскій не можетъ доказать, чтобы произведеніе одного поэта мы навязали другому. Между тѣмъ, отъ этой ошибки не спасло нашего автора *живое, всестороннее* изученіе. Во второй статьѣ о Дельвигѣ онъ говоритъ:

„Въ первой статьѣ о Дельвигѣ мы.... исчислили напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ и пропущенныя въ Смирдинскомъ собраніи стихотворенія Дельвига. Изъ находящихся у насъ рукописей оказывается, что Дельвигу принадлежатъ еще, *по крайней мѣрѣ*, два напечатанныхъ стихотворенія, именно: Е. А. Б....вой (отсылая ей за годъ предъ тѣмъ для нея написанные стихи съ подписью Д, въ „Благонамѣренномъ“ 1820 года (часть IX, № 1, стр. 116) и *Эпиграммы рецензенту поэмы „Русланъ и Людмила“* (изъ двухъ принадлежитъ Дельвигу одна навѣрно, а *можетъ быть и обѣ)* въ „Сынѣ Отечества“ 1820 г. (часть 64, № XXXVIII, стр. 253)“ [1]).

Вотъ вторая эпиграмма, которую г. Гаевскій не прочь приписать Дельвигу:

Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ „Руслана и Людмилы“:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка [2]).

Довольно выписать эту эпиграмму, чтобы читатели (не говоря уже о спеціалистахъ, *всесторонне* изучающихъ предметъ) узнали, кѣмъ она написана. Кто изъ образованныхъ людей не читалъ прекрасной статьи П. А. Плетнева: „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова“, этого драгоцѣннаго историко-литературнаго мемуара, которыхъ такъ немного въ нашей литературѣ? Для тѣхъ, которые могли бы позабыть то мѣсто этой замѣчательной статьи, которое относится къ нашему предмету, мы выпишемъ его:

„При появленіи въ свѣтъ Пушкина „Руслана и Людмилы“, почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой же день послалъ къ какому-то журналисту слѣдующую эпиграмму:

Напрасно говорятъ, что критика легка“... [3]) и т. д.

Итакъ, г. Гаевскій готовъ приписать Дельвигу эпиграмму, о которой достовѣрно извѣстно, что она сочинена Крыловымъ. Не будемъ дѣ-

---

[1]) „Современникъ“ 1853 г., № 5, отд. III, стр. 2—3.

[2]) „Сынъ Отечества“ 1820 г., № 38, стр. 253.

[3]) Сочиненія Ивана Крылова, Спб., 1847 г., т. I, стр. LXVI — LXVII.

лать выводовъ изъ этого замѣчанія. Мы могли многое опустить, во многомъ ошибаться, но смѣемъ сказать, что разсматривали дѣло по крайнему нашему разумѣнію, не позволяя себѣ представлять въ невѣрномъ видѣ мысли разбираемой статьи, а равно дѣлать выводы о *живомъ и всестороннемъ* изученіи.

Готовы признаться, что намъ совершенно не были извѣстны статьи о Дельвигѣ въ „Esthona", „Le furet", „Dorpater Jahrbücher" и пр., что мы сдѣлали нѣсколько дѣйствительныхъ пропусковъ, указывая на статейку „Tygodnik'a". Но мы не можемъ принять на себя того упрека, который дѣлаетъ намъ г. Гаевскій, говоря:

„Вообще мы не понимаемъ, на какомъ основаніи указываются пропуски въ трудѣ, котораго только седьмая часть явилась въ печати. Едва ли что можетъ быть легче подобныхъ указаній, потому что въ первой части пропущены всѣ свѣдѣнія, находящіяся въ остальныхъ шести: стоитъ только собрать нѣкоторыя изъ нихъ и предупредить автора" (стр. 145).

Нѣтъ нужды подробно говорить о томъ, что всякое сочиненіе должно имѣть свою органическую связь, изъ сколькихъ бы частей оно ни состояло. При этой необходимой связи каждая часть имѣетъ свое извѣстное мѣсто въ организмѣ, получивъ которое, она не можетъ проскакивать и повторяться въ другомъ; иначе нарушится органическая связь цѣлаго и т. п. Г. Гаевскій самъ изложилъ планъ своего сочиненія въ слѣдующихъ словахъ:

„Прежде, чѣмъ приступимъ къ критическому разбору его (Дельвига) произведеній, мы сообщимъ объ авторѣ тѣ немногія біографическія свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать, а потомъ ужъ займемся обозрѣніемъ его литературной дѣятельности, раздѣливъ это обозрѣніе по группамъ однородныхъ произведеній въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала разсмотримъ лирическія подражанія древнимъ, потомъ идилліи, элегіи, пѣсни, романсы, сонеты, прозаическія сочиненія, *переводы стихотвореній Дельвига на иностранные языки* и, наконецъ, представимъ хронологическій перечень всѣхъ его произведеній, съ указаніемъ, гдѣ они были напечатаны" („Современникъ" 1853 года, № 2, отд. III, стр. 53—54)

Имѣя въ виду этотъ планъ автора, мы указали на статью о Дельвигѣ въ „Tygodnik Peterburski", полагая, что авторъ не возвратится въ другой разъ къ указанію біографическихъ статей о Дельвигѣ. Въ планѣ г. Гаевскаго (или „программѣ", какъ онъ говоритъ) не упомянуто о томъ, что перечень біографическихъ статей повторится. Имѣли ли мы право упомянуть о статьѣ „Tygodnik'a", не прибѣгая къ той тактикѣ, о которой говоритъ г. Гаевскій? Въ „Библіографическихъ замѣткахъ" авторъ замѣчаетъ, что „въ одной изъ слѣдующихъ статей о Дельвигѣ будетъ сказано объ извѣстности его въ *иностранной литературѣ*, то-есть будутъ указаны и разобраны переводы его стихотвореній на иностранные языки, и приведены *отзывы и извѣстія о Дельвигѣ на ино-*

странныхъ языкахъ". Къ числу такихъ извѣстій отнесена и статья газеты „Tygodnik" (стр. 145).

Опять повторимъ, что въ программѣ автора не было и рѣчи объ „отзывахъ и извѣстіяхъ о Дельвигѣ на иностранныхъ языкахъ". Съ другой стороны, мы не понимаемъ, какимъ образомъ статья „Tygodnik'a" отнесена авторомъ къ иностранной литературѣ? Въ такомъ случаѣ письмо Карамзина къ графу Каподистрія принадлежитъ французской литературѣ? Въ такомъ случаѣ ей же принадлежатъ и нѣкоторыя сочиненія Растопчина, Пушкина, Озерова и др.? Къ какой литературѣ отнесетъ тогда авторъ многочисленныя диссертаціи, появившіяся и появляющіяся въ Россіи на латинскомъ языкѣ? Неужели къ римской?.. Но даже и тогда, если мы согласимся съ авторомъ отнести статью „Tygodnik'a" къ иностранной литературѣ, можетъ возникнуть вопросъ: почему же въ первой статьѣ о Дельвигѣ упомянуты два „незначительные" (по словамъ автора) разсказа о немъ въ „Russisches Álmanach für 1832 und 1833", а между тѣмъ они писаны на нѣмецкомъ языкѣ и нѣмцемъ? Почему они не отнесены къ числу „извѣстій о Дельвигѣ на иностранныхъ языкахъ"?

Но вотъ мы подошли къ главному пункту всѣхъ „Библіографическихъ замѣтокъ" г. Гаевскаго и вмѣстѣ къ самому непонятному для насъ возраженію. Въ нашей статьѣ было сказано:

„Несправедливо говоритъ авторъ „Біографіи", что стихотворенія Пушкина печатались въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ: они есть въ „Россійскомъ Музеумѣ", въ „Сынѣ Отечества", въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ". Въ „Сынѣ Отечества" 1815 г., № 25 и 26, стр. 240, напечатано стихотвореніе Пушкина: „Наполеонъ на Эльбѣ", съ подписью 1.... 14—17. Этотъ псевдонимъ не указанъ г. Гаевскимъ. Въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ" 1817 года также напечатаны были лицейскія стихотворенія Пушкина: „Пѣвецъ", „Эпиграмма на смерть стихотворца", „Къ ней", „Посланіе Лидѣ".

Смыслъ этого мѣста очень ясенъ и не подалъ бы никакого повода къ недоразумѣніямъ, если бы услужливое невѣдѣніе корректора не постаралось поставить запятой передъ словомъ: *говоритъ* [1]), и такимъ образомъ наши слова сдѣлались словами автора „Біографіи". Послѣдній говоритъ, что юношескія произведенія Пушкина печатались въ *одномъ* изъ тогдашнихъ журналовъ; мы возразили, что они есть и въ „Россійскомъ Музеумѣ", и въ „Сынѣ Отечества", и въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ". Не имѣя передъ глазами біографіи А. С. Пушкина, о которой идетъ дѣло, можно было не замѣтить ошибки корректора. Потому г. Гаевскій такъ понялъ наши слова:

---

[1]) Этимъ страдаютъ болѣе или менѣе почти всѣ наши журналы, а всѣхъ болѣе „Москвитянинъ", гдѣ уродуются цѣлыя страницы, не только что какая-нибудь строка

„Далѣе, г. Тихонравовъ, исправляя нѣкоторыя ошибки въ біографіи Пушкина, напечатанной въ „Современникѣ“ 1838 года, *гдѣ сказано,* что лицейскія стихотворенія Пушкина печатались въ „Россійскомъ Музеумѣ“, въ „Сынѣ Отечества“, въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“, указываетъ одно стихотвореніе („Безвѣріе“), напечатанное въ „Трудахъ Общ. Люб. Р. С. при Алекс. университетѣ“, и говоритъ: Въ „Сынѣ Отечества“ 1815 г. и т. д. (см. только-что выписанное мѣсто изъ нашей статьи). „Въ этихъ немногихъ строкахъ оказалось много пропусковъ и ошибокъ... Г. Тихонравовъ, *указывая изданія, въ которыхъ печатались лицейскія стихотворенія Пушкина,* пропускаетъ: 1) „Вѣстникъ Европы“, 2) „Невскій Зритель“, 3) „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“, изданный на 1827 годъ Бор. Ѳедоровымъ“.

Наше дѣло было доказать невѣрность того извѣстія въ „Біографіи“, что стихотворенія Пушкина печатались въ *одномъ* изъ тогдашнихъ журналовъ, и мы достигли цѣли, сдѣлавъ указанія (которыхъ не было въ статьѣ г. Гаевскаго) на „Сынъ Отечества“ и на „Сѣверный Наблюдатель“. Этимъ мы доказали справедливость нашего упрека автору „Біографіи“; но указывать лицейскія стихотворенія Пушкина мы совершенно не имѣли въ виду, и поводъ къ обвиненію насъ во многихъ пропускахъ подала единственно ошибка корректора. Hinc illae lacrimae, съ этимъ согласится всякій, кому извѣстна упомянутая „Біографія“. Лицейскія стихотворенія Пушкина въ „Вѣстникѣ Европы“ намъ были извѣстны и упомянуты г. Гаевскимъ въ томъ же мѣстѣ его статьи, по поводу котораго зашла рѣчь о погрѣшностяхъ въ біографіи А. С. Пушкина. Мы можемъ, съ другой стороны, представить г. Гаевскому печатныя доказательства, что намъ точно также извѣстны „Невскій Зритель“ и „Памятникъ Отеч. Музъ“: въ составленномъ нами спискѣ сочиненій Жуковскаго, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, онъ найдетъ ссылки и на „Невскій Зритель“ и на „Памятникъ Музъ“. Слѣдовательно, хотя авторъ, въ силу вышеупомянутой ошибки корректора, могъ упрекать насъ въ пропускахъ, но мы не можемъ принять ихъ на себя.

Вотъ наше объясненіе касательно пропусковъ; теперь перейдемъ къ ошибкамъ, въ которыхъ насъ упрекаетъ авторъ. Онъ говоритъ:

„Изъ числа четырехъ стихотвореній Пушкина, напечатанныхъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“, причисляемыхъ г. Тихонравовымъ къ лицейскимъ, дѣйствительно лицейскихъ только два, именно: „Пѣвецъ“ и „Посланіе Лидѣ“... Остальныя же два стихотворенія: „Эпиграмма на смерть стихотворца“ и „Къ ней“, хотя и помѣщены въ собраніи стихотвореній Пушкина въ числѣ лицейскихъ, но написаны ужъ послѣ выпуска изъ лицея. *Мы думаемъ* это (?) на томъ основаніи, что въ рукописной тетради ненапечатанныхъ лицейскихъ стихотвореній, сообщенной автору предлагаемыхъ замѣтокъ барономъ М. А. Корфомъ, этихъ двухъ стихотвореній нѣтъ“ (стр. 147).

Предположеніе не есть еще фактъ, въ силу котораго другіе могутъ

быть обвиняемы *во многихъ ошибкахъ*. Странно, что г. Гаевскій достовѣрное превращаетъ въ сомнительное [1]), и сомнительное въ достовѣрное, т.-е. фактъ въ предположеніе и *свое* предположеніе въ фактъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что не всѣ лицейскія стихотворенія Пушкина попали въ упомянутую авторомъ тетрадь. Г. Гаевскій въ спискѣ лицейскихъ стихотвореній Пушкина не упомянулъ же о его стихотвореніи въ альбомъ А. Н. Зубову („Москвитянинъ" 1842 г., № 6): вѣроятно, его нѣтъ въ упомянутой тетради, между тѣмъ подъ нимъ подпись: *1817 года, при выпускѣ изъ Лицея*. Кто послѣ этого поручится, что *всѣ* лицейскія стихотворенія Пушкина находятся въ упомянутой тетради? Скорѣе можно предполагать, что не попавшихъ въ эту тетрадь лицейскихъ стихотвореній довольно. Въ числѣ стихотвореній, отнесенныхъ авторомъ къ 1815 году, находимъ „Къ Н. Г. Л—ову" (Ломоносову, лицейскому товарищу Пушкина). Оно было напечатано въ журналѣ 1815 года, и потому г. Гаевскій отнесъ его сочиненіе къ тому же году. Время напечатанія произведенія, разумѣется, не всегда совпадаетъ съ временемъ его написанія, и потому *только при неимѣніи данныхъ о послѣднемъ* мы должны обращать вниманіе на первое. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ основаніе полагать, что стихотвореніе „Къ Н. Г. Л—ову" написано *прежде* 1815 года. Оно напечатано было въ „Современникѣ" 1830 г. (т. XIII, стр. 175) съ пропусками (подъ заглавіемъ „Путешественнику") и съ замѣчаніемъ: *„Авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ"*.

Вопросъ объ исправленіи посторонними стихотвореній Пушкина, напечатанныхъ въ „Сѣверной Звѣздѣ", рѣшенъ г. Гаевскимъ не вполнѣ удовлетворительно. По его словамъ, разница въ редакціи стихотвореній Пушкина въ „Сѣверной Звѣздѣ" и въ Сочиненіяхъ происходитъ „отъ исправленій, сдѣланныхъ впослѣдствіи самимъ Пушкинымъ, который даже въ зрѣломъ возрастѣ исправлялъ многія изъ своихъ юношескихъ произведеній" (стр. 156). Какая же редакція новѣе? По нашему мнѣнію, „Посланіе къ Каверину" въ томъ видѣ, какъ оно напечатано въ „Сѣверной Звѣздѣ", выше по поэтическому достоинству, нежели редакція его въ Сочиненіяхъ.

---

[1]) Мы разумѣемъ эпиграмму Крылова, которую г. Гаевскій готовъ приписать Дельвигу.

ПУШКИНЪ И ГОГОЛЬ [1]).

„Великаго не стало! (восклицаетъ Гоголь, получивши извѣстіе о смерти Пушкина). Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши ко мнѣ Бога ради! Напоминай мнѣ чаще, что еще не все умерло для меня на Руси, которая уже начинаетъ казаться могилою, безжалостно похитившею все, что̀ есть драгоцѣннаго для сердца. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?“ Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гоголь пишетъ къ Прокоповичу: „Я боюсь ипохондріи, которая гонится за мною по пятамъ. Смерть Пушкина, кажется, отняла отъ всего, на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать“. Въ мартѣ 1838 г. Гоголь сообщаетъ Одоевскому: „Мое сердце все еще болитъ донынѣ, когда занесется сюда газетный листокъ, и напрасно силюсь отыскать въ немъ знакомое душѣ имя или что-нибудь, на чемъ бы можно остановиться. Всѐ рынокъ да рынокъ, презрѣнный холодъ торговли да ничтожество. Доселѣ все жила надежда, что снидетъ Іисусъ, гнѣвный и неумолимый, и безпощаднымъ бичемъ изгонитъ и очиститъ святой храмъ отъ торга и продажи, да свободнѣе возлетитъ святая молитва“. Въ концѣ 1838 г. Гоголь убѣждаетъ Погодина оставить литературное поле въ рукахъ буяновъ: „Мы можемъ, какъ первые христіане, въ катакомбахъ и затворахъ совершать наши творенія. Повѣрь, они будутъ чище, прекраснѣе, выше“. Уединенная келья и мученичество представились воображенію Гоголя, когда порвались его связи съ Пушкинымъ. Эпоха живой творческой дѣятельности была на закатѣ.

---

[1]) [Рѣчь, произнесенная не торжественномъ засѣданіи Общества Любителей россійской словесности въ память пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина 29-го января 1887 г. Печатается въ первый разъ по черновой рукописи. *Ред.*].

Въ 1829 году пріѣхалъ Гоголь въ Петербургъ искать общественнаго положенія. Широкіе научные планы посѣщали его еще на школьной скамьѣ. Не былъ еще оконченъ имъ полный кругъ скуднаго лицейскаго образованія, а огромная книга съ бѣлыми листами была уже готова, размѣчена буквами алфавита, чтобы подъ перомъ увѣреннаго въ своихъ силахъ писателя превратиться въ обширную „Энциклопедію всѣхъ наукъ“. Рано пробудившіяся художественныя стремленія, уже въ одно время съ „Энциклопедіей всѣхъ наукъ“ (въ 1827 г.), нашли себѣ выраженіе въ стихотворной идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ“. Прихлопнутый краткой, но энергической рецензіей „остренькаго сидѣльца“ Полеваго, самолюбивый юноша сжегъ всѣ экземпляры перваго своего печатнаго труда. Не удалась первая попытка „отмѣтить чѣмъ-нибудь свое существованіе, выдѣлиться изъ низкой неизвѣстности и мертваго безмолвія“. Въ сожженной идилліи Гоголь спрашивалъ:

Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душою, къ счастью не остывшей,
Волненья міра не испить?

И онъ отдался этимъ волненіямъ міра, юноша, который, не перешагнувши еще порога школы, писалъ: „Быть въ мірѣ и не означить своего существованія была бы для меня мысль ужасная“. „Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпой самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ“. Не одинъ годъ прошелъ въ тревогахъ и волненіяхъ, пока сложился, наконецъ, отвѣтъ на смѣлыя надежды провинціала, который „началъ задумываться о будущемъ въ ту пору, когда его сверстники думали еще объ играхъ“. Отвѣтъ этотъ сказанъ былъ устами Пушкина.

„Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о своемъ будущемъ (разсказываетъ Гоголь), мысль о писателѣ мнѣ никогда не всходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра. Я думалъ просто, что я выслужусь, и все это доставитъ служба государственная“. Гоголь робко и съ недовѣріемъ ищетъ этой службы и скоро чувствуетъ свою неспособность къ ней. Онъ обращается къ иной дѣятельности: изъ мелкаго чиновника пытается выбраться въ актеры, въ профессора, мечтаетъ, наконецъ, убѣжать за границу... Рана, нанесенная Полевымъ славолюбію автора „Ганца Кюхельгартена“, не успѣла еще зажить, и Гоголь подъ строжайшимъ инкогнито рѣшается напечатать въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина малороссійскую повѣсть „Бисоврюкъ или вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“. Дерзость эта скрывается даже отъ матери. Въ февральской и мартов-

ской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ напечатана эта повѣсть Гоголя, а въ письмѣ 2-го апрѣля онъ сообщаетъ матери, что выручилъ за переводную для „Сѣвернаго Архива“ статью 20 рублей и кстати посылаетъ ей „Отечественныя Записки“, — „журналъ, который, по важности своихъ статей, почитается здѣсь лучшимъ и который достается мнѣ даромъ *по причинѣ* небольшаго моего участія въ изданіи его“. Кажется, кромѣ дароваго билета на „Отечественныя Записки“ да ро́мана „Якубъ Скупаловъ“ Свиньинъ ничего не заплатилъ Гоголю. Но не въ этомъ только дѣло: издатель „Отечественныхъ Записокъ“ исправилъ *по своему* повѣсть Гоголя; въ письмѣ къ матери авторъ скрылъ негодованіе, но, переиздавая начальный текстъ повѣсти, Гоголь намекнулъ въ предисловіи на продѣлку Свиньина.

Такъ и это новое произведеніе Гоголя должно было выдержать строгую и оскорбительную цензуру малоизвѣстнаго писателя. Для Гоголя это было новымъ нравственнымъ испытаніемъ, которое должно было бы, казалось, еще далѣе отодвинуть отъ поприща писателя юношу, столь не по наличности славолюбиваго и столь исполненнаго идеальныхъ представленій о писателѣ.

И однако Гоголь не погрузился „въ глушь ничтожности“. Его спасалъ отъ „смѣшенія“ съ „толпой самодовольной черни“ тотъ идеалъ, который воплощался для провинціальнаго идеалиста въ Пушкинѣ. Въ неизданныхъ строкахъ о Пушкинѣ онъ пишетъ: „Онъ былъ какимъ-то идеаломъ молодыхъ людей. Его смѣлые, всегда исполненные оригинальности поступки и случаи жизни заучивались ими и повторялись, разумѣется, какъ обыкновенно бываетъ, съ прибавленіями и варіантами; стихи учились наизусть. Армейскіе и штатскіе считали обязанностію проговорить и исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки изъ его поэмъ. И если сказать истину (эту истину Гоголь дерзаетъ сказать въ 1832 г.), то его стихи воспитали и образовали истинно благородныя чувства, несмотря на то, что старики и богомольныя тетушки старались увѣрить, что они разсѣиваютъ вольнодумство, потому только, что смѣлое благородство мыслей и выраженій и отвага души были слишкомъ противоположны ихъ бездѣйственной, вялой жизни, безполезной и для нихъ, и для государства“. Такъ вотъ эта чернь, вотъ та бездѣйственная, вялая жизнь, безполезная для русскаго государства, изъ которой стремился выдѣлиться Гоголь и тѣмъ отмѣтить свое существованіе въ мірѣ. Геніальный юноша, въ смутныхъ чаяніяхъ своей великой будущности, въ первыхъ сильныхъ и скорбныхъ порывахъ оторваться отъ той „бездѣйственной и вялой жизни“, отъ черни, отъ пошлости,—въ порывахъ, такъ рано его охватившихъ, сознаетъ уже великое вліяніе Пушкина. И въ комъ же изъ русскихъ писателей отвращеніе къ „пошлости“ было такъ искренне, глубоко, такъ всесторонне захватывало человѣка, какъ въ Гоголѣ? Въ то время, какъ журнальная критика почти исключительно любовалась стилемъ Пушкина, Гоголь видѣлъ не

въ стихахъ только, но во всей „жизни и поступкахъ“ Пушкина высокій нравственный идеалъ, вызывавшій все общество изъ бездѣйственной, вялой жизни, безполезной и для нихъ и для государства. Только чистый и властный идеалъ могъ одушевлять Гоголя, когда, преданный „волненіямъ міра“, онъ силился выкарабкаться изъ „черни“, изъ житейской пошлости казеннаго существованія.

Въ 1830 году вышелъ „Борисъ Годуновъ“ Пушкина. По службѣ учителемъ въ патріотическомъ институтѣ Гоголь былъ извѣстенъ Плетневу, человѣку близкому къ Пушкину. Гоголь, тотчасъ послѣ выхода трагедіи, прислалъ Плетневу сѣрую тетрадку изъ двухъ листовъ бумаги, съ заглавіемъ: „Борисъ Годуновъ“ и съ надписью: „Какъ вамъ кажется? какъ вы находите это сочиненіе“? Едва ли Плетневъ могъ что-нибудь отвѣтить на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ того несвязнаго, пламеннаго, необузданнаго панегирика, который прислалъ ему Гоголь. То было лирическое изліяніе, граничившее съ бредомъ изступленнаго фанатика. „Великій! когда развертываю дивное твореніе твое, когда вѣчный стихъ твой гремитъ и стремитъ ко мнѣ молніи огненныхъ звуковъ, священный холодъ разливается по жиламъ, и душа дрожитъ въ ужасѣ, вызвавши Бога изъ своего безпредѣльнаго лона“. Какъ изступленный жрецъ, повергается Гоголь передъ своимъ божествомъ, восклицая: „Великій! Надъ симъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянусь!... Еще я чистъ, еще ни одно презрѣнное чувство корысти, раболѣпства и мелкаго самолюбія не заронялось въ мою душу. Если мертвящій холодъ бездушнаго свѣта исхититъ святотатственно изъ души моей хотя часть ея достоянія, если презрѣнная, ничтожная лѣнь окутаетъ меня, если дивныя мгновенія души понесу на торжище народныхъ хвалъ, если опозорю въ себѣ тобой исторгнутые звуки... О, тогда пусть обольется оно немолчнымъ ядомъ, неугасимымъ пламенемъ упрековъ обовьетъ душу и раздастся по мнѣ тѣмъ пронзительнымъ воплемъ, отъ котораго бы изныли всѣ суставы и сама бы безсмертная душа застонала, возвратившись безотвѣтнымъ эхомъ въ свою пустыню!“ Такъ, почти при самомъ началѣ своего литературнаго поприща Гоголь ставитъ свое будущее направленіе подъ охрану Пушкина. Плетневъ представилъ наконецъ Гоголя Пушкину. Это было въ 1830 году. Въ началѣ 1831 г. Гоголь уже помѣщалъ свои статьи въ „Литературной Газетѣ“. Подъ одной изъ нихъ—„Мысли о преподаваніи дѣтямъ географіи“—Гоголь заявляетъ, что онъ „совершенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ“... Прослушавши отдѣльные разсказы, изъ которыхъ впослѣдствіи составились „Вечера“, Плетневъ первый оцѣнилъ оригинальное дарованіе Гоголя и говорилъ неумѣвшимъ оцѣнить этотъ талантъ: „Въ его произведеніяхъ хранятся цѣльные куски золота“. Изданіе „Вечеровъ“ исполнено было лично Плетневымъ, который придумалъ и заглавіе книги. Пушкинъ былъ изумленъ этой книгой. „Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами ка-

к я поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился". Пушкинъ поздравляетъ Гоголя съ первымъ его торжествомъ—съ фырканьемъ наборщиковъ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ и другаго—толковъ журналистовъ. Пушкинъ заранѣе проситъ издателя „Литературныхъ прибавленій къ Инвалиду" Воейкова — взять сторону Гоголя, и Воейковъ цѣликомъ вноситъ въ свою рецензію „Вечеровъ" письмо Пушкина. Въ газетахъ и журналахъ оно перепечатывается, и произведеніе, сразу выдвинувшее Гоголя въ рядъ извѣстныхъ писателей, распространяется подъ эгидою имени Пушкина. „Какъ изумились мы русской книгѣ (замѣчаетъ онъ уже въ 1831 г. по поводу 2-го изданія „Вечеровъ"), которая заставила насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонъ-Визина". Но проницательный взглядъ Пушкина скоро открылъ въ новомъ его пріятелѣ подъ маскою веселости, простодушною и вмѣстѣ лукавою, другую, болѣе глубокую и существенную сторону. Пушкинъ уже въ 1833 г. называетъ Гоголя „великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости". Даже въ той книгѣ, которая заставила русскихъ читателей смѣяться такъ, какъ не смѣялись они со временъ Фонъ-Визина, даже въ „Вечерахъ Диканьскихъ", и притомъ въ самой ранней повѣсти „Сорочинская ярмарка" выяснилась эта меланхолія въ лирическомъ окончаніи пьесы. Въ рукописи оно имѣло такой видъ: „Странное чувство овладѣвало душою зрителя, когда отъ одного удара смычка деревенскаго музыканта все обратилось волею и неволею къ единству, превратилось въ согласіе. Все неслось, все танцовало. Но ничѣмъ неизъяснимы были чувства при видѣ старушекъ, на ветхомъ лицѣ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, между новымъ, смѣющимся, безпечнымъ человѣкомъ. И на развалинѣ, и на гробѣ зеленѣетъ и лѣпится мохъ, какъ будто бы самое разрушеніе можетъ улыбаться... Не такъ ли и радость, быстрая и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышитъ уже онъ печаль и пустыню и съ ужасомъ внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному; и жалко, и грустно сердцу, и нечѣмъ помочь ему!" Къ той же ранней эпохѣ относится и неизданное стихотвореніе Гоголя „Непогода":

„Невеселъ ты?"—„Я веселъ былъ,
Такъ говорю друзьямъ веселья;
Но радость жизни пережилъ
И грусть зазвалъ на новоселье,—
Я молодъ былъ, и свѣтлый взглядъ
Былъ непечаленъ; съ тяжкой мукой
Не зналось (сердце).
(Теперь), какъ осень вянетъ младость,

Угрюмъ, не веселиться мнѣ,
И я тоскую въ тишинѣ
И дикъ, и радость мнѣ не радость.
Смѣясь мнѣ говорятъ друзья:
Зачѣмъ расплакался? погода
И разгулялась и ясна,
И не темна, какъ ты, природа?
А я въ отвѣтъ: мнѣ все равно,
Какъ день всѣ измѣненья года:
Свѣтло ль, темно ли—все одно,
Когда въ семъ сердцѣ непогода".

Рано сталъ слышаться „великому меланхолику" голосъ, называющій его по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стосковалась за человѣкомъ и призываетъ его, и послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть. „Признаюсь (разсказываетъ Гоголь въ 1834 г.), мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ часто его слышалъ... Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ сада и тогда только успокаивался, когда показался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню". Наблюденіе, сдѣланное Пушкинымъ, блистательно подтверждаетъ собственное признаніе Гоголя въ авторской исповѣди: „На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать". Не нужно было особенной проницательности, чтобы замѣтить, что въ эту эпоху творческая сила Гоголя проявлялась „помимо эстетическихъ условій", ограничивающихъ и умѣряющихъ ее, что Гоголю недоставало еще значительнаго количества матеріаловъ развитой образованности, что онъ не обладалъ тогда многосторонностью взгляда, что даже по-русски онъ писалъ не совсѣмъ правильно, или (говоря словами Пушкина) проявлялъ „неровность и неправильность слога". И Пушкинъ становится воспитателемъ, и моральнымъ, и литературнымъ, того великаго меланхолика, будущность котораго онъ уже могъ прозрѣвать. Современемъ строгое историческое изученіе шестилѣтія изъ жизни Пушкина и Гоголя (1830—1836) *разъяснитъ* вполнѣ и съ совершенною ясностью то вліяніе, которое Пушкинъ оказалъ на великаго продолжателя своего дѣла, и несомнѣнно прольетъ новый свѣтъ на исторію того внутренняго переворота въ жизни Гоголя, который слишкомъ опредѣленно выразился въ его „Перепискѣ". Теперь, на основаніи уцѣлѣвшихъ рукописей Гоголя, можно сдѣлать лишь немногія общія заключенія. Для насъ довольно будетъ и того, если эти замѣчанія дадутъ достовѣрность собственнымъ свидѣтельствамъ Гоголя, доселѣ встрѣчаемымъ незаслуженнымъ скептицизмомъ.

„Все наслажденіе моей жизни (пишетъ Гоголь), все мое высшее на-

слажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ (Пушкинымъ). Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Чтò скажетъ онъ, чтò замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое,—вотъ, что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу". „Свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, когда я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Все, чтò есть у меня хорошее, всѣмъ этимъ я обязанъ ему". Пушкинъ, дѣйствительно, былъ не только воспитателемъ Гоголя, но и добровольно призваннымъ эстетическимъ цензоромъ его произведеній. Пушкинъ заноситъ въ свой дневникъ подъ 7 апрѣля 1834 г.: „Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ. Очень оригинально и смѣшно". Въ томъ же году Гоголь посылаетъ Пушкину свой „Невскій проспектъ" и, боясь строгой цензуры того времени, спрашиваетъ, не выпустить ли ему эпизодъ о сѣченіи поручика Пирогова. Пушкинъ отвѣчаетъ: „Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ; кажется, все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки. Авось Богъ вынесетъ! Съ Богомъ!" Пушкину повѣряетъ Гоголь свою скорбь объ изуродованіи цензурою „Записокъ сумасшедшаго". И въ самомъ дѣлѣ, „порфира" замѣнена мантіею; французскій король, у котораго подъ носомъ шишка, обратился въ алжирскаго бея; турецкій султанъ, который хочетъ ввести вездѣ магометанство, замѣненъ повивальною бабкой. Вырѣзанъ безъ разсужденій цѣлый моментъ изъ психической исторіи Поприщина: „А вотъ эти всѣ чиновные отцы, охъ вотъ эти всѣ, что юлятъ во всѣ стороны и лѣзутъ ко двору, и говорятъ, что они патріоты, и то, и се. Аренды, аренды хотятъ эти патріоты. Мать, отца, Бога продадутъ за деньги, честолюбцы, христопродавцы". Такія смѣлыя истины бросаетъ на бумагу Поприщинъ только тогда, когда почувствовалъ себя королемъ Фердинандомъ VIII. „Вышла вчера, пишетъ Гоголь Пушкину, довольно непріятная зацѣпа по цензурѣ по поводу „Записокъ сумасшедшаго". Я долженъ ограничиться выкидкою лучшихъ мѣстъ. Ну да Богъ съ ними!" Гоголь торопится сбросить съ плечъ свои юношескія произведенія—„Арабески" и пишетъ Пушкину: „Я посылаю вамъ предисловіе. Сдѣлайте милость, просмотрите, и если чтò, то поправьте и перемѣните тутъ же чернилами. Я вѣдь, сколько вамъ извѣстно, сурьезныхъ предисловій еще не писалъ и потому въ этомъ дѣлѣ совершенно неопытенъ". Наконецъ „Арабески" вышли въ свѣтъ. Гоголь посылаетъ Пушкину два экземпляра, одинъ для него, другой—свой. „Вы читайте мой и, сдѣлайте милость, возьмите карандашъ въ ваши ручки и никакъ не останавливайте негодованія при видѣ ошибокъ, но тотчасъ же ихъ всѣ на лицо".

Этою книгой кончился первый періодъ литературной дѣятельности Гоголя. „Въ ней очень много дѣтскаго, и я поскорѣе ее старался вы-

бросить въ свѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ выбросить изъ моей конторки все старое и, стряхнувшись, начать *новую жизнь*". Пушкину особенно понравилась въ этомъ сборникѣ повѣсть „Невскій проспектъ", обнаружившая въ Гоголѣ поворотъ къ изображенію великорусской жизни. Начало и условія своей „новой жизни" Гоголь разсказываетъ въ авторской исповѣди такъ: „Можетъ быть, съ лѣтами и потребность развлекать себя, и веселость эта исчезнула бы, а съ нею вмѣстѣ *и мое писательство*. Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и наконецъ одинъ разъ послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое однакожъ поразило его больше всего мною прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: „Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, съ этою способностью не приняться за большое сочиненіе? Это просто грѣхъ!" На этотъ разъ я самъ уже задумался серьезно. Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ я смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго. Въ „Ревизорѣ" (сюжетъ котораго данъ былъ Гоголю Пушкинымъ) я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, который никогда еще во мнѣ не проявлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами".

Когда Гоголь приступилъ къ обработкѣ сюжета „Ревизора", даннаго ему Пушкинымъ, роль героя комедіи долго ему не давалась. Отдѣльныя подробности для характеристики Хлестакова Гоголь не прочь былъ заимствовать изъ того сборника смѣхотворныхъ повѣстей, который далъ ему матеріалъ для разсказа о латынщикѣ, наказанномъ граблями. Хлестаковъ разсказываетъ о себѣ извѣстный анекдотъ, какъ на двухъ проѣзжающихъ подана была куропатка, которая должна была достаться тому, кто увидитъ лучшій сонъ. Такихъ невинныхъ, беззаботныхъ сценъ, живо напоминавшихъ „Диканьскіе Вечера", въ первоначальномъ текстѣ „Ревизора" не мало. Потомъ въ типъ Хлестакова Гоголь пытался ввести черты Булгарина. Въ томъ недостойномъ пасквилѣ на Пушкина, который напечатанъ былъ въ „Сѣверной Пчелѣ" и вызвалъ со стороны оскорбленнаго поэта статью о запискахъ Видока, Пушкинъ названъ былъ поклонникомъ Бахуса. Хлестаковъ разсказываетъ: „А какъ странно сочиняетъ Пушкинъ! Вообразите себѣ: передъ нимъ стоитъ въ стаканѣ ромъ, славнѣйшій ромъ, рублей по сту бутылка, какого при дворѣ даже нѣтъ, только для одного австрійскаго императора берегутъ, и потомъ

ужъ какъ начнетъ писать, такъ перо только тр...“ Въ „Арабескахъ“ Гоголь негодуетъ, что подъ именемъ Пушкина разсѣивалось множество нелѣпыхъ стиховъ, напр. „Лѣкарство отъ холеры“. Хлестаковъ, продолжая разсказъ о „странномъ“ творчествѣ Пушкина, повѣствуетъ: „Недавно онъ такую написалъ піесу „Лѣкарство отъ холеры“, что просто волосы дыбомъ становятся. У насъ одинъ начальникъ отдѣленія съ ума сошелъ, когда прочиталъ. Того же самаго дня пріѣхала за нимъ кибитка, и взяли его въ больницу. Съ Булгаринымъ обѣдаю“. Эти „невинныя сцены“ отсѣкались Пушкинымъ, который держалъ у себя рукопись „Ревизора“ для важныхъ замѣчаній. Въ одно время съ „Ревизоромъ“ Гоголь началъ обработывать и сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“, также данный Пушкинымъ. 7-го октября 1835 г. уже писалась третья глава этого романа. Гоголь искалъ хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Въ первый разъ отступилъ Гоголь отъ своей прежней манеры писать безъ плана, по отдѣльнымъ сценамъ, главамъ, которыя потомъ не всегда органически сплочивались въ особое цѣлое. Теперь онъ работалъ по опредѣленному плану, передѣлывая, по своему обыкновенію, отдѣльныя главы по нѣскольку разъ. Передавая Гоголю сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“, Пушкинъ находилъ, что сюжетъ хорошъ тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Пушкинъ хотѣлъ изъ этого сюжета сдѣлать что-то въ родѣ поэмы. Гоголь уже по самому первоначальному плану съузилъ рамки своего романа. „Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя *съ одного боку* всю Русь“. Понятно, съ какого боку покажетъ родину поэтъ, котораго въ дѣтствѣ занималъ писанный имъ пейзажъ: на первомъ планѣ его раскидывалось сухое дерево. Одинъ изъ сосѣдей, взглянувъ на картину, сказалъ: „Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, а не сухое“. Гоголь извлекъ изъ этого сужденія мудрость, что нравится и не нравится толпѣ.

Пушкинъ передалъ Гоголю свои литературные и политическіе идеалы: они восприняты были съ благоговѣніемъ, безъ повѣрки. Эпоха сближенія съ Гоголемъ была, для самого Пушкина, окончаніемъ того Sturm und Drang, которымъ полна была его молодость. Послѣ созданія „Бориса Годунова“ въ его разговорахъ (по свидѣтельству Мицкевича), которые становились все болѣе и болѣе серьезными, нерѣдко слышались зачатки его будущихъ твореній. Онъ любилъ разсуждать о высокихъ религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ, о которыхъ и не снилось его соотечественникамъ. Уже провидя въ Гоголѣ преемника своего историческаго дѣла, Пушкинъ въ интимныхъ бесѣдахъ съ нимъ раскрывалъ ему воззрѣнія, которыя оставались тайною даже для его друзей, напр. для Жуковскаго. Принципъ самодержавной монархической власти въ Россіи положенъ былъ Пушкинымъ въ основаніе его сложившихся политическихъ убѣжденій. Въ записной тетради Гоголя 1835 г.

уже начертанъ этотъ принципъ, впослѣдствіи такъ широко развитый Гоголемъ въ его „Перепискѣ съ друзьями“. Фактъ усвоенія этого основнаго Пушкинскаго воззрѣнія засвидѣтельствованъ самимъ Гоголемъ: „Только по смерти Пушкина (пищетъ здѣсь Гоголь) обнаружились его истинныя отношенія къ государю. Никому не говорилъ онъ при жизни о чувствахъ, его наполнявшихъ, и поступилъ умно... Святыня высокаго чувства сохранена, и теперь всякъ, кто даже и не въ силахъ постигнуть дѣло собственнымъ умомъ, приметъ его на вѣру, сказавши: „если самъ Пушкинъ думалъ такъ, то ужъ, вѣрно, это самая сущая истина“.

Пушкинъ замѣнялъ для Гоголя сужденія литературной критики. Еще въ 20-хъ годахъ Пушкинъ жаловался на отсутствіе у насъ литературной критики. „У насъ критика, конечно, ниже даже и публики, не только что литературы; сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было—непростительная слабость“. „Грустно видѣть (писалъ Пушкинъ), что все у насъ клонится Богъ знаетъ куда!“ Для успѣховъ литературы и просвѣщенія Пушкинъ считалъ необходимымъ „потрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать истину“. Онъ даже самъ хотѣлъ написать о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. „Именно критики у насъ недостаетъ. Отсель репутація Ломоносова, какъ поэта. Голосъ истинной критики необходимъ у насъ“. Пушкинъ настаиваетъ, что критикою должно забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое истинное направленіе. Чтобы господствовать надъ общественнымъ мнѣніемъ и направлять литературу, необходимъ журналъ. Извѣстіе о началѣ „Московскаго Телеграфа“ наполняетъ Пушкина радостью: „должно непремѣнно поддержать журналъ Полеваго“. Въ 1834 г. начинаетъ издаваться „Библіотека для чтенія“. Уже въ первый годъ своего существованія журналъ представилъ явленіе, дотолѣ небывалое въ литературѣ. Редакторъ Сенковскій уполномочилъ самъ себя властью рѣшать и вязать: мараетъ, передѣлываетъ, отрѣзываетъ концы и пришиваетъ другіе къ поступающимъ пьесамъ. Критика проникнута духомъ крайняго эгоизма. „Посмотрите (пишетъ Гоголь), гдѣ хвалятся романы Булгарина, Греча и Сенковскаго? Въ журналахъ, издаваемыхъ Гречемъ, Булгаринымъ и Сенковскимъ. И вѣдь какъ хвалятъ? Авторъ выше Вальтеръ-Скотта, Гумбольдта, Гёте, Байрона. Если кто незнающій возьметъ въ руки, напримѣръ, хоть петербургскіе журналы, то выведетъ итогъ, что на Руси никого больше нѣтъ, какъ только Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій. Вмѣсто того, чтобы говорить о литературныхъ трудахъ автора, рецензенты разсказываютъ, гдѣ былъ авторъ, прежде нежели сдѣлался авторомъ, что дѣлалъ, что теперь дѣлаетъ, къ кому ходитъ, гдѣ кушаетъ чай, любитъ ли выпить или не любитъ, женатъ или не женатъ, и какая у него жена“. Вся петербургская пресса очутилась въ рукахъ Булгарина и Сенковскаго: одинъ велъ единственную въ Россіи политическую и литературную газету, другой редижировалъ наиболѣе распространенный въ Россіи

журналъ. Этимъ двумъ представителямъ періодической печати ненавистны были Пушкинъ и Гоголь. Въ этихъ изданіяхъ нашелъ себѣ пріютъ новый, дѣйствительно чудовищный родъ литературы, основанный на презрѣніи къ просвѣщенію, исполненный ребяческихъ жалобъ на несовершенство ума человѣческаго, ребяческихъ воспоминаній о счастливомъ невѣжествѣ предковъ, возгласовъ противъ философіи. „Не противъ злоупотребленій науки (пишетъ кн. Одоевскій) вооружились наши сатирики, но противъ самой науки. Лучшіе умы нашего и прошедшаго времени: Шампильонъ, Шеллингъ, Гегель, Гаммеръ обращены въ предметы лакейскихъ насмѣшекъ. Критикѣ не было нужды, что литература принимаетъ такое гибельное направленіе". Критика „Пчелы" и „Библіотеки для чтенія" бросала грязью въ Пушкина и Гоголя, и никто не мѣшалъ ей сравнивать лучшій талантъ въ Россіи съ Поль-де-Кокомъ. „Было время (пишетъ Пушкинъ Погодину въ апрѣлѣ 1834 г.), литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ!" „Редакторы „Библіотеки" (пишетъ Гоголь тому же Погодину) поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая Пчела! И вотъ литература наша безъ голоса. А между тѣмъ наѣздникъ этотъ дѣйствуетъ на всю Русь. Вѣдь въ столицѣ нашей чухонство, въ вашей купечество, а Русь только середи Руси".

Пушкинъ совѣтуетъ Гоголю заняться критикою, и послушный поэтъ принимается за исторію критики. Цѣлыя тетради исписываются Гоголемъ на эту тему; Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій стоятъ на первомъ планѣ; безпомощное положеніе тогдашней литературы, русской особенно, занимаетъ [Гоголя][1]). Живѣе, чѣмъ прежде, чувствуютъ Пушкинъ и Гоголь потребность въ журналѣ, въ которомъ Пушкинъ могъ бы распоряжаться „самовластно и единовластно". Этотъ журналъ долженъ „дать литературѣ голосъ" и противодѣйствовать развращающему вліянію Сенковскаго и Булгарина на людей полуобразованныхъ, особенно на провинцію. Пушкинъ задумываетъ „Современникъ". При первомъ слухѣ объ этомъ Гоголь посылаетъ новому изданію „Коляску". „Спасибо, великое спасибо Гоголю за его „Коляску", въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать". Объявленіе объ этомъ изданіи приводитъ Гоголя въ восторгъ. Съ новымъ жаромъ обращается онъ къ своей исторіи критики и заноситъ въ нее слѣдующія строки: „Странно требовать, чтобы писатели съ большимъ талантомъ опустились и погрязли въ низкую журнальную сферу, гдѣ бойцы всякаго рода завели свой рынокъ. Талантъ всегда чуждается этого безобразнаго шума. Но, съ другой стороны, на талантахъ лежитъ ничѣмъ незагладимый упрекъ, если они совершенно закрыли глаза на мнѣнія, безпрестанно родящіяся и обращающіяся повсюду, занимающія всѣхъ, потому что эти мнѣнія, какъ бы то ни было, создаютъ и воспитываютъ большинство читающей публики, а непра-

[1]) Послѣдняя фраза вставлена карандашомъ и не дописана.

вильное, испорченное воспитаніе должно лежать на душѣ великихъ писателей, если они не подали своего голоса".

Въ лагерѣ Булгарина и Сенковскаго тревога. Въ „Сѣверной Пчелѣ" и „Библіотекѣ для чтенія" подвергается разбору „программа" „Современника". Оказывается, что никакой программы „Современника" не существовало. Въ 1-мъ № „Современника" появляется извлеченіе изъ исторіи критики Гоголя подъ заглавіемъ: „О движеніи журнальной литературы"; „Сѣверная Пчела" видитъ въ этой статьѣ духъ, цѣль и всѣ будущія намѣренія „Современника"...

Литературныя воззрѣнія, изложенныя Гоголемъ въ его исторіи критики, обличаютъ ученика и послѣдователя Пушкина. Въ 1825 г. Пушкинъ замѣчалъ Вяземскому, что всѣ имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. У Гоголя сложился на него опредѣленный взглядъ. „Это было больше ничего, какъ стремленіе подвинуться ближе къ нашему обществу, отъ котораго мы были совершенно удалены подражаніемъ обществу и людямъ, являвшимся въ созданіяхъ писателей древнихъ, — то же самое стремленіе, которое имѣли всѣ общества древняго и новаго міра. Переходъ къ этому стремленію, т.-е. первые взрывы и попытки производятся обыкновенно людьми отчаянными, дерзкими, какими производятся мятежи въ обществахъ. Они видятъ несвойственныя формы, несоотвѣтствующія нравамъ и обычаямъ правила и ломятся напроломъ чрезъ всѣ преграды и прежніе законы. Они не постигаютъ границъ, ломаютъ безъ разсужденія все и всегда и, желая исправить неправедное, наносятъ столько же зла. Они падаютъ первые, какъ жертвы въ произведенномъ ими хаосѣ. Ихъ имя не остается въ числѣ чистыхъ воспоминаній. Но они создаютъ хаосъ, изъ котораго потомъ великій творецъ спокойно и обдуманно творитъ новое зданіе, обнимая своимъ мудрымъ двойственнымъ взглядомъ ветхое и новое. Какъ только изъ среды ихъ выказывался талантъ великій, онъ уже обращалъ съ великимъ вдохновеннымъ спокойствіемъ художника въ классическое или, лучше сказать, въ отчетливое, ясное, величественное созданіе. Такъ совершилъ это Вальтеръ Скоттъ, и, имѣй столько же размышляющаго, спокойнаго ума, совершилъ бы Байронъ въ колоссальнѣйшемъ размѣрѣ. Такъ совершитъ и изъ нынѣшняго броженія вооруженный тройною опытностью будущій поэтъ".

Подобно Пушкину, Гоголь требуетъ обращенія къ прошедшему русской литературы. „Главный характеръ нашей нынѣшней критики есть страшное литературное безвѣріе. Нигдѣ вы не встрѣтите, чтобы упоминались имена нашихъ уже окончившихъ поприще писателей, которые какъ съ облаковъ взираютъ на насъ, осѣненные лучами своей славы. Ни одинъ изъ критиковъ не поднялъ благоговѣйно глазъ своихъ, чтобы увидѣть ихъ. Никогда почти не стоятъ на журнальныхъ страницахъ нашихъ имена Державина, Ломоносова, Фонъ-Визина, Богдановича, Батюшкова: никогда ничего о духѣ ихъ, о вліяніи, можетъ быть, еще

остающемся, еще замѣтномъ; такъ что въ нашихъ критикахъ наша эпоха совершенно кажется отрубленною отъ прежнихъ, какъ будто у насъ нѣтъ вовсе начала, какъ будто прошедшее и исторія для насъ не существуетъ". Гоголь бросаетъ взглядъ на старыхъ русскихъ писателей и замѣчаетъ: „Писатели наши отлились совершенно въ особенную форму, нежели писатели другихъ земель и, несмотря на общую черту подражанія опередившимъ насъ Европейцамъ, они заключаютъ въ себѣ чисто русскіе элементы, и подражаніе наше носитъ совершенно своеобразный характеръ. У насъ есть нѣсколько писателей, которые принадлежатъ собственнымъ своимъ мыслямъ. И какъ всѣ эти поэты различны между собой! какія сильныя противоположности представляютъ въ собраніи своемъ воедино! Какія многообразныя стороны русскаго духа они представляютъ! Какъ широко раскинутъ фундаментъ колоссальнаго зданія будущей русской литературы! И послѣ этого кто можетъ сказать, что мало трудовъ для русской критики? Видите ли эти зарождающіеся атомы какихъ-то новыхъ стихій? Видите ли эту движущуюся, снующую кучу прозаическихъ повѣстей и романовъ, еще блѣдныхъ, неопредѣленныхъ, но уже сверкающихъ изрѣдка искрами свѣта, показывающими скорое зарожденіе чего-то оригинальнаго. Колоссальное, можетъ быть, совершенно новое, неслыханное въ Европѣ, предвѣщающее будущее законодательство Россіи въ литературномъ мірѣ и чтó должно осуществиться непремѣнно, потому что стихіи слишкомъ колоссальны и рамки для картины сдѣлались слишкомъ огромны". Такъ думалъ Гоголь о будущей роли Россіи въ Европѣ. Въ этихъ строкахъ, положенныхъ на бумагу въ 1835 г., не слышатся ли заключительныя слова 1-го тома „Мертвыхъ Душъ" и зародышъ тѣхъ патріотическихъ идеализацій и мечтаній, которыми исполнена „Переписка"?

Русской журналистикѣ Гоголь ставитъ ту же задачу, что и Пушкинъ. По его мнѣнію, „журнальная литература у насъ на Руси еще болѣе, нежели гдѣ-либо, должна обратить непрерывающееся вниманіе наблюдателя, какъ воспитаніе едва вступающей въ юношескій возрастъ національности, возрастъ, гдѣ всякая ошибка и неправильный вкусъ воспитателя утверждаютъ почти вдругъ корень, который впослѣдствіи входитъ въ составъ жизни и характера и который уже трудно искоренить".

Достойно вниманія, что Пушкинъ и Гоголь сходятся во взглядахъ на значеніе Бѣлинскаго какъ критика. Въ маѣ 1836 г. Пушкинъ проситъ Нащокина послать отъ его имени экземпляръ „Современника" Бѣлинскому, тихонько отъ сотрудниковъ „Московскаго Наблюдателя", т.-е. главнымъ образомъ отъ Шевырева. „Вели сказать ему (прибавляетъ Пушкинъ), что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться". Гоголь почти въ то же время заноситъ въ свою исторію критики такое сужденіе: „Въ критикахъ Бѣлинскаго, помѣщающихся въ „Телескопѣ", виденъ вкусъ, хотя еще не образовавшійся, молодой и опрометчивый,

но служащій порукою за будущее развитіе, потому что основанъ на чувствѣ и душевномъ убѣжденіи".

Пушкинъ и Гоголь, можно сказать, въ одинъ голосъ звали критическій талантъ, который могъ бы руководить общественное мнѣніе. По убѣжденію Гоголя, „критика, основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта имѣетъ достоинство, такъ же замѣчательное и оригинальное, какъ собственное твореніе. Критика, начертанная талантомъ, переживаетъ эфемерность журнальнаго существованія. Для исторіи же литературы такая критика ничѣмъ не оцѣнима, какъ найденныя древности въ историческомъ, какъ открытія земель въ географическомъ мірѣ". Общество, дѣйствительно, нуждается въ такихъ „открытіяхъ", дабы область вліянія писателя какъ можно болѣе расширялась. „На талантѣ (продолжаетъ Гоголь) еще лежитъ другая миссія, сильно бременящая его своею тяжестью.—Окинувъ духовными глазами итогъ мнѣній, существующихъ и обращающихся въ толпѣ, мнѣній, составленныхъ о писателяхъ, его предшественникахъ, мнѣній неправильныхъ, невѣжественныхъ, безсмысленно повторяемыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, онъ долженъ быть пораженъ собственною ожидающею его участью. И эта опасность уже налагаетъ на него обязанность быть менѣе равнодушнымъ къ текущимъ мнѣніямъ".

Опасенія, высказанныя Гоголемъ въ неизданной исторіи критики, до нѣкоторой степени оправдались надъ нимъ же. Тѣ „неправильныя, невѣжественныя мнѣнія", которыя онъ слышалъ при жизни, еще не изглажены изъ общаго сознанія краснорѣчивымъ словомъ талантливыхъ критиковъ. Отголоски сужденій о немъ Булгарина и Сенковскаго еще слышатся въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, пробиваются въ печать. Еще недавно, въ дни чествованія памяти Пушкина по случаю открытія ему памятника въ Москвѣ, мысль о постановкѣ памятника Гоголю названа была профанаціею памяти великаго Пушкина. Не только говорилось, но и печаталось: „Сравнивать Гоголя съ Пушкинымъ, а тѣмъ болѣе возбуждать вопросъ о памятникѣ Гоголю въ дни чествованія генія Пушкина по меньшей мѣрѣ неумѣстно и несвоевременно". Эти строгіе цѣнители не хотѣли знать, что Гоголь связанъ съ Пушкинымъ узами историческаго преемства; что Пушкинъ самъ указалъ Гоголю ту область изящнаго, разработка которой была именно доступна его таланту; что Пушкинъ ввѣрилъ Гоголю сюжетъ собственной поэмы; что онъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ генія Гоголя и направлялъ это развитіе. Дни чествованія памяти Пушкина не омрачатся, но украсятся напоминаніемъ о памятникѣ Гоголю. Наставнику нѣтъ лучшей награды, какъ признаніе великихъ заслугъ ученика родной землѣ, которую они оба одинаково пламенно любили и возвеличили созданіями своего генія.

ЗАМѢТКИ О СЛОВАРѢ, СОСТАВЛЕННОМЪ ГОГОЛЕМЪ [1]).

На школьной скамьѣ, въ Нѣжинѣ, Гоголь уже началъ собирать матеріалы для малорусскаго словаря: указанія на это уцѣлѣли въ самой старой изъ сохранившихся записныхъ книгъ поэта, нынѣ принадлежащихъ его наслѣдникамъ. Эта объемистая книга, переплетенная въ кожу, съ напечатанными съ праваго боку буквами алфавита, имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Книга всякой всячины, или Подручная Энциклопедія. Составл. Н. Г. Нѣжинъ. 1826“. Статьи, вносившіяся въ „Подручную Энциклопедію“, располагались въ алфавитномъ порядкѣ; слова, составлявшія „лексиконъ малороссійскій“, также вписывались въ эту книгу подъ отдѣльными буквами, а не выдѣлялись въ самостоятельное цѣлое. Такъ, на страницѣ 35-й, подъ рубрикою: *„Лекс. Малор.—Л. М.“* записано: *„Вага,* тяжесть; *ваги,* вѣсы (*Терезы,* коромысло на большихъ вѣсахъ; *Шальки,* малые вѣсы).—*Вермьяный,* то же, что румяный.—*Вчинки,* проступки.—*Вѣко,* крыша на дижѣ, или на скрынѣ.—*Вздобный,* борзый.—*Впень,* до основанія.—*Волкилакъ,* оборотень, превращающійся въ волка, чтобы пугать людей и душить овецъ по злобѣ на хозяевъ. — *Ваганы,* корытця, изъ которыхъ ѣдятъ козаки.—*Вадить,* тошнить.—*Ватажокъ,* приводецъ. — *Веремія,* колобродъ. — *Версти,* вздоръ говорить.—*Веселка,* или *оселка,* радуга.—*Вирва, въ три вирвы,* въ три шеи.—*Выкрутасомъ* танцовать—разными тѣлодвиженіями, выхилясомъ.—*Вырій,* мѣсто, куда улетаютъ птицы на зимовье.—*Вырлоокій,* пучеглазый.—*Выступцы,* туфли. — *Высивки,* отруби. — *Вечеря,* присядка. — *Вериадло* (sic!), зеркало.— *Высѣкака,* дерзской“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываются источники, которыми Гоголь пользовался при объясненіи отдѣльныхъ словъ: 1) небольшой словарь, приложенный къ *Опыту собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣс-*

---

1) [Напечатано въ „Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности“ на 1891 г., стр. 101 — 114. *Ред.*].

ней Цертелева (Спб., 1819), 2) болѣе подробный словарь, напечатанный при книжкѣ: *Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ* (М., 1827 г.), и 3) толкованія отдѣльныхъ словъ въ Энеидѣ Котляревскаго[1]). Малороссійскія пѣсни Максимовича вышли въ свѣтъ въ 1827 году: изъ этого видно, что Гоголь продолжалъ и впослѣдствіи собираніе малороссійскихъ словъ, начатое въ 1826 году. Въ ту же „Подручную Энциклопедію" внесенъ довольно длинный перечень „именъ, даемыхъ при крещеніи", съ указаніемъ ихъ книжныхъ и народныхъ формъ, въ такомъ, напр., видѣ: „Андрій, Андрійко, Андрусь — Андрей". На страницахъ 139-й и 140-й, подъ буквою *К*, помѣщенъ „Комерческій словарь". Нѣкоторыми объясненіями малорусскихъ словъ, внесенными въ эту записную книгу, Гоголь воспользовался при изданіи отдѣльными книжками „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки".

Съ переѣздомъ въ Петербургъ Гоголь оставилъ мысль о составленіи малорусскаго словаря; въ записной его книгѣ, заведенной въ Петербургѣ и наполненной замѣтками и произведеніями 1832 — 1835 годовъ, не встрѣчается толкованій малороссійскихъ словъ. Поэту открывался для наблюденій, для изученія совершенно новый міръ; провинціальная жизнь стала тускнѣть въ его памяти[2]). Нужно было изучать языкъ этого новаго міра, мало того,—нужно было изучать разновидности этого языка по сословіямъ. Прислушиваясь къ живой рѣчи русскаго народа, Гоголь чувствовалъ въ то же время потребность знакомиться съ лексикологіею великорусскаго языка, чтобы правильно на немъ выражаться и писать, чтобы усвоить себѣ русскую литературную рѣчь. Письма Гоголя къ роднымъ и знакомымъ, относящіяся къ его школьному періоду, даютъ намъ возможность составить себѣ ясное понятіе, въ чемъ именно состояли недостатки Гоголевскаго языка: письма богаты провинціализмами; слова употребляются въ нихъ нерѣдко совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое закрѣплено за ними въ русскомъ литературномъ языкѣ; не мало словъ, искусственно и неправильно образованныхъ; глаголы, оканчивающіеся на *ся*, употребляются почти постоянно безъ этого мѣстоименія[3]); правила орѳографіи какъ-будто неизвѣстны Гоголю.

---

[1]) Такъ, подъ буквою *Б* записано: „*Байракъ*, буеракъ (по Макс.); оврагъ, пропасть, поросшая лѣсомъ (по Церт.)". Подъ буквою *И*: „*Интиллигаторъ*, переплетчикъ (Котляр.)". Подъ буквою *К*: „*Коржъ*, лепешка сухая (Изъясненіе Котляревского)". Подъ буквою *Л*: „*Лунь вхопитъ*, погыбнеть кто (требуется поясненія). По Котляр.".

[2]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, V, 261.

[3]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: „Уроченное время" (V, 59); „наименить" (V, 55, 56); „Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населившихъ Нѣжинъ" (V, 56); „жить въ разрозненіи" (V, 53); „не поразскажете ли чего-нибудь намъ животрепящаго" (V, 62); „цѣлую ихъ сотеро разъ" (V, 61); „узнай, чтó стоитъ пошитье самое отличное фрака" (V, 60); „чѣмъ болѣе близится мѣта свиданья" (V, 53, 50): „вамъ много заботъ и до пропасти дѣлъ"

Гоголь поразилъ Пушкина неправильностью своего литературнаго языка. Въ замѣткахъ 1830—1831 г. Пушкинъ записываетъ: „Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже, и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь" [1]). Погрѣшности противъ литературной рѣчи пестрятъ петербургскія письма Гоголя [2]) и его первыя литературныя произведенія; съ теченіемъ времени онѣ становятся рѣже, но поэтъ никогда не могъ очистить отъ нихъ свои сочиненія. Въ началѣ декабря 1846 года, когда уже окончены были Гоголемъ всѣ напечатанныя имъ при жизни произведенія, онъ писалъ Плетневу: „Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой, первыя необходимыя орудія всякаго писателя: они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мной имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно никакъ не можетъ быть образцомъ словесности, и тотъ наставникъ поступитъ неосторожно, кто посовѣтуетъ своимъ ученикамъ учиться у меня искусству писать" [3]).

Гоголь, дѣйствительно, долго „бился", чтобы обработать свой языкъ и слогъ. „Надобно сказать,—признается онъ,—что я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученьи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія" [4]). Въ составъ этого самообученья Гоголя входило и грамматическое и лексикологическое изученіе русскаго языка. Памятникомъ этихъ занятій остался напечатанный въ томъ же изданіи (стр. 24—54) „Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ". Рукописная тетрадка, въ которую тщательно переписанъ начисто Гоголемъ этотъ „Сборникъ", не имѣетъ заглавія. Поэтъ началъ выпису-

---

(V, 49); „прикубникъ" (V, 61); „несбытодуміе" (V, 49); „я думаю, что къ празднику зима гораздо увеличится" (V, 30); „объ которой ты, я думаю, самъ знаешь, какого я глубокаго свѣдѣнія" (V, 57); „мы теперь живемъ въ совершенномъ забытьѣ: всѣ разъѣхались" (V, 31); „благодарю васъ за незабытіе" (V, 46); „теперь мнѣ нужно не болѣе 80 рублей для сдѣлки платья лѣтняго" (V, 33); „несостояніе имѣть ее" (V, 53); „онъ берется на себя доставить нѣкоторыя вещи; остальныя могу искупить здѣсь" (V, 28); „утѣшительная мысль, приближаемая праздникомъ Рождества" (V, 44); „не находя здѣсь ни одного, кому бы могъ вывѣрить мышленія свои" (V, 55).

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго фонда, V, 135.

[2]) Ср. Сочиненія и письма Гоголя, V, 209, 216, 222, 232, 237, 238, 245, 250.

[3]) Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, IV, 233. Ср., впрочемъ, тамъ же стр. 281—282.

[4]) Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, IV, 253.

вать матеріалы для этого „Словаря“ не ранѣе 1835 года и окончилъ не ранѣе 1848 года.

Самая значительная часть словъ, вошедшихъ въ „Сборникъ“ Гоголя, заимствована составителемъ изъ книги, обратившей на себя, при появленіи въ свѣтъ, вниманіе русскихъ писателей и ученыхъ и удостоенной Академіею Наукъ полной преміи Демидова: „Русско-французскій слюварь, въ которомъ Русскія слова расположены по происхожденію, или этимологическій лексиконъ Русскаго языка, составленный Ф. Рейфомъ“ (С.-Петербургъ, 1835 г.). Самъ Рейфъ на заглавномъ листѣ *„Словаря“* такъ излагаетъ содержаніе своей книги: „1) Сравненіе *Славянскихъ корней* съ корнями Санскритскими. Персидскими, Греческими, Латинскими, Германскими, Арабскими и Еврейскими;—2) *Этимологія* Русскихъ словъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, Европейскихъ и Азіятскихъ;—3) Сверхъ словъ общеупотребительнаго языка *техническіе термины* математическіе, военные, морскіе и архитектурные и вообще употребляемые во всѣхъ Искусствахъ и Наукахъ, и великое число *выраженій* и *словъ* древнихъ и новѣйшихъ, простонародныхъ и мѣстныхъ, не помѣщенныхъ ни въ одномъ изъ Словарей, донынѣ изданныхъ;—4) *Опредѣленія* Русскихъ словъ и разныя ихъ *значенія,* въ собственномъ и переносномъ смыслѣ, объясненныя на Французскомъ языкѣ *синонимами,* или однозначащими словами, съ *примѣрами* изъ лучшихъ Авторовъ и съ означеніемъ *грамматическаго согласованія* и *управленія* словъ;—5) Показаніе *ударенія* на всѣхъ словахъ;—6) Сокращеніе *Русской Грамматики,* съ синоптическими таблицами склоненій и спряженій;—7) *Русская Азбука,* сравненная съ Азбукою Санскритскою, Арабскою, Еврейскою и Греческою;—8) Синоптическая таблица *Россійскихъ чиновъ* и *степеней* военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ; — 9) Таблица Россійскихъ *вѣсовъ, мѣръ* и *монетъ,* съ приведеніемъ ихъ во Французскія мѣры; — 10) *Алфавитный списокъ* всѣмъ Русскимъ словамъ, помѣщеннымъ въ семъ Словарѣ, для удобнѣйшаго пріисканія“. По своему содержанію Словарь Рейфа очень пригоденъ былъ для этимологическаго изученія Русскаго языка безъ пособія наставника. Пушкинъ обращался къ этому лексикону для уясненія производства словъ и высказывалъ мысль, что „не худо бы взяться за лексиконъ или хоть за критику лексиконовъ“ [1]). Можетъ быть, онъ и рекомендовалъ Рейфа Гоголю. Какъ бы то ни было, послѣдній запасся этимъ словаремъ до отъѣзда за границу и принялся старательно изучать его. За границею въ затруднительныхъ ороографическихъ случаяхъ Гоголь прибѣгалъ къ „Этимологическому лексикону“ Рейфа [2]).

---

[1]) Сочиненія Пушкина, VII, 258.

[2]) Анненковъ, переписывавшій въ Римѣ, подъ диктовку Гоголя, первую часть „Мертвыхъ Душъ“, разсказываетъ: „Помню, напримѣръ, что, передавая ему написанную фразу, я вмѣсто продиктованнаго имъ слова „щека-

Составленный Гоголемъ „Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ“ свидѣтельствуетъ очень краснорѣчиво, что поэтъ старательно изучалъ книгу Рейфа: дѣлалъ изъ нея выписки, которыя или приводилъ потомъ въ алфавитный порядокъ, или оставлялъ иногда въ той послѣдовательности этимологической, въ какой слова расположены въ лексиконѣ Рейфа, — по корнямъ. Опредѣленія значеній словъ, внесенныхъ въ „Сборникъ“ Гоголя, переведены съ французскихъ опредѣленій Рейфа. Послѣдній, въ свою очередь, переводилъ эти опредѣленія на французскій языкъ изъ „Словаря Академіи Россійской“, первое изданіе котораго (1789 — 1794 г.) расположено было въ этимологическомъ порядкѣ — по алфавиту корней. Переводя на русскій языкъ изъ лексикона Рейфа опредѣленія словъ, вписанныхъ въ „Сборникъ“, Гоголь, конечно, не зналъ, что самъ Рейфъ переводилъ эти опредѣленія изъ „Словаря Академіи Россійской“, иначе онъ замѣнилъ бы свои переводныя съ французскаго толкованія текстами академическаго Словаря. Опредѣленія словъ въ „Сборникѣ“ Гоголя ближе къ „Этимологическому лексикону“ Рейфа, нежели къ „Словарю Россійской Академіи“ (по первому и второму изданію) и къ „Словарю церковно-славянскаго и русскаго языка“, изданному Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ (1847 г.). Напр., слово *крестовая* опредѣляется у Гоголя такъ: „комната, въ которой крестятъ дѣтей“ (стр. 27). Это опредѣленіе сокращено изъ слѣдующаго текста Рейфа: „chambre, où l'on inscrit et baptise les enfants déposés aux enfants trouvés“ (p. 458); въ Словаряхъ Россійской Академіи такого опредѣленія нѣтъ. У Гоголя: *„нарокъ*—(значекъ), предѣлъ“; у Рейфа: „terme, temps fixé; sort, maléfice, charme, sortilège“; въ акад. Словарѣ нѣтъ слова „предѣлъ“, есть: 1) имя, названіе и 2) „срокъ“, „опредѣленное, уреченное, назначенное къ чему время“. У Гоголя: *„оловина* — всякое пьяное питье, не вино“ (стр. 30); у Рейфа: „toute boisson enivrante à l'exception du vin“ (641); въ академ. Словарѣ по первому и второму изданію: „Всякій хмѣльный напитокъ, кромѣ винограднаго вина“ [1]). У Гоголя: *„выворотные башмаки*—въ одну подошву“ (стр. 45); у Рейфа: „Souliers à simple semelle“; въ Словарѣ Росс. Академіи: „Реченіе сапожническое, означающее башмаки или сапоги, у коихъ подошва изъ нутри безъ каймы къ передамъ пришивается“.

турка“—употребилъ „штукатурка“. Гоголь остановился и спросилъ: „Отчего такъ?“—„Да правильнѣе, кажется“.—Гоголь побѣжалъ къ книжнымъ шкафамъ своимъ, вынулъ оттуда какой-то лексиконъ, *пріискалъ нѣмецкій корень слова*, русскую его передачу и, тщательно обслѣдовавъ всѣ доводы, закрылъ книгу и, поставивъ опять на мѣсто, сказалъ: „А за науку спасибо“. Воспоминанія и критическіе очерки, I, 198. Этимъ лексикономъ могла быть только книга Рейфа. Ср. стр. 1087.

[1]) Ср. также опредѣленія словъ: глупышъ, головщикъ, горлопятина, громоздъ, изгага, кабаргинная, какорва, лястовина, покатный, тяжъ, узлы, халванъ, качарка, кулбаба, ледвецъ.

Во второмъ изданіи: „Обувь, изнутри на выворотъ безъ каймы къ передамъ пришиваемая, или въ верхъ бахтармою шитая для смазыванія". У Гоголя: „*стихира*—пѣснь, поемая въ заутрен. и вечерню" (стр. 37); у Рейфа: „cantique de louanges qu'on chante aux matins et au vêpres"; въ Словарѣ Росс. Ак.: „тропарь похвальный, стихами сложенный, поемый на утрени и вечерни". У Гоголя: „*харіусъ* — рыба (Thym)"; у Рейфа: „thym, ombre de rivière"; въ акад. Словаряхъ нѣтъ слова: Thym. У Гоголя: „*однорядка*—праздничное платье"; у Рейфа: „habit de fête"; въ Словарѣ Росс. Академіи (по 2-му изданію): „Уборное платье, общее многимъ, одинаковаго цвѣта, покроя и прочаго портнаго прибора". У Гоголя: „*неструха*—степная курица" (стр. 53); у Рейфа: „une poule de bruyère"; въ Словаряхъ Росс. Академіи этого слова нѣтъ.

При слабомъ знаніи французскаго языка, Гоголь нерѣдко переводитъ опредѣленія Рейфа неточно или невѣрно. Напр., въ „Сборникѣ" Гоголя: „*застѣнокъ* — отвѣтная комната" (стр. 25); опредѣленіе переведено изъ Рейфа: „chambre de la question". Въ Словарѣ Россійской Академіи: „Такъ называлось прежде мѣсто, гдѣ допрашивали съ истязаніемъ обвиняемаго или обличаемаго въ чемъ-либо". У Гоголя: „*парникъ* — панданъ къ картинѣ" (стр. 31); у Рейфа: „pièce d'une paire; pendant, tableau en symétrie avec un autre"; въ акад. Словарѣ по 1-му изданію: „подходящій подъ пару"; по второму изданію: „дружка какой вещи". У Гоголя: „нахрапомъ—живою силою" (стр. 28); у Рейфа: „à force ouverte, de vive force, avec violence"; въ Словарѣ Росс. Ак.: „насильно, отъемомъ". У Гоголя: „ночéсь—прошлая ночь" (стр. 52); невѣрно переведено опредѣленіе Рейфа, отмѣтившаго это слово *нарѣчіемъ* (adv.): „la nuit passée", т.-е. въ прошлую ночь. У Гоголя: „*община*—общее добро"; у Рейфа: „bien commun". У Гоголя: „*мутовка* — мельница малая, болтунья"; у Рейфа: „moulinet, bâton pour remuer; femme babillarde". Гоголь смѣшалъ moulinet съ moulin. Иногда опредѣленія Рейфа передаются Гоголемъ сокращенно, переводятся не вполнѣ, и потому въ объясненіяхъ Гоголевскаго „Сборника" замѣчается неточность, которую легко было устранить простою справкою съ Словаремъ Россійской Академіи [1]). Нерѣдко французскія опредѣленія Рейфа оставляются Гоголемъ безъ перевода, или присоединяются къ переводному опредѣленію [2]). Внося изъ книги Рейфа слова въ свой „Сборникъ", Гоголь часто искажалъ ихъ неправильнымъ правописаніемъ или описками [3]).

---

[1]) Ср. слова: дымволокъ, жаровая туша, зватай, надолба.

[2]) Ср. слова: палтусъ (стр. 31), постатейно (33), проборъ (34), разстрой (35), скалка (36), смерчь (37), смольчугъ (37), выблинки (45), дербовать (47), перепадки (53).

[3]) Такъ, въ „Сборникѣ" Гоголя читаемъ: жератокъ, жеровина, затрапецъ, каламинокъ, кривушина, обозъ, осиль, осмичіе, павилица, падъ, парва, подклетъ, понаровникъ, попасмо, посторонъ, потесъ, разсклепать, разсклинивать, распопъ, румянка, рѣха, рѣжуга, рѣшма, саннmicій, скрыпунъ, соима,

Слова, заимствованныя, вмѣстѣ съ опредѣленіями ихъ, изъ „Этимологическаго лексикона“ Рейфа, составили основный, первоначальный слой въ „Сборникѣ“ Гоголя. Впослѣдствіи поэтъ познакомился съ „Словаремъ церковно-славянскаго и русскаго языка, составленнымъ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ“ (1847 г.): книга эта доставила новый матеріалъ для „Сборника“ Гоголя.

Изъ „Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка“ Гоголь 1) внесъ въ свой „Сборникъ“ (нерѣдко безъ опредѣленія значенія) значительное количество словъ, которыхъ не было въ лексиконѣ Рейфа[1], и кромѣ того 2) заимствовалъ нѣсколько опредѣленій отдѣльныхъ словъ[2]). „Словаремъ Россійской Академіи“ Гоголь почти не пользовался, составляя свой „Сборникъ“: мы замѣтили только два простонародныя слова (*трелюдъ* и *колышка)*, заимствованныя изъ этого „Словаря“ и не принятыя въ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка“; зато изъ послѣдняго въ „Сборникъ“ Гоголя внесено нѣсколько словъ, которыхъ нѣтъ въ „Словарѣ Россійской Академіи“[3]).

Таковы главные источники, изъ которыхъ Гоголь черпалъ матеріалы для своего „Сборника словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ“. На основаніи указанныхъ источниковъ можно прибли-

---

сычухъ. ужничество, укругъ, хвостить, хоженное, хранильникъ, цѣнина, чернѣль, шишимола, безсердный, сбуха, вытщикъ, витѣнь, выпѣствовать, захолодъ, камчюга.

[1]) Таковы слова: возвожденіе, воушеца, *вспухлина*, всевиновный, вывѣски, выславить, жора, звѣздонаблюдалище, зломудріе, извертка, извольничаться, изгулъ, издой, излукавствовать, иноцвѣтный, иноколѣнный, инообразный, користый, кошеніе, лабзиться, *льяло, набедерникъ*, намой, наполье, насбалмашъ, неблазный, неодержимо, неподобный, неудобь (?), нечадство, новица, обелъ, обонполъ, осметокъ, осьмигранникъ, отмоина, отнелѣже, отнюдуже, перевясло, подбрежіе, подвохъ, *подымная* (—ое), *предуставленіе*, савка, самоборство, *самобратъ*, самогласная, сведенники, свѣтоначальникъ, сладкоуханный, смолебникъ, сосвидѣтель, средиградіе (средоградіе *Ак.*), сусакъ, теза, *треухъ*, трисчисленный, угрюмѣть, утинъ, уять, шагла, балабойщикъ, бездорожица, *безоброчный*, благодвижный, благодерзостный, благоизбранный, благознаменитый, благоумный, *валявка*, вгрузить, *ведрить*, верхотворецъ, *верховникъ*, взрыхлить, выброски, властодержецъ, вманивать, валомъ валитъ, выклепать, высокодержавный, высокосердый, верейка, *верховица, вещелюбецъ*, взбранный, *взъемъ*, вкрѣплять, *влагомѣръ*, водоперица, волчанъ, вресень, зауторникъ, изврачевать, иновидный, инорѣчіе, инóчимъ, каурка, красовитый, мекать, милѣть, многогласный, народовѣщатель, несмутный, новодѣйство, обѣручь, *огнемѣръ*, опрѣлина, отсѣлый, первозданный, первоверховный, плясавица, кашлюнъ.

[2]) Ближе къ „Словарю церковно-слав. и русск. языка“, чѣмъ къ лексикону Рейфа, опредѣленія слѣдующихъ словъ: „тропарь, картауна. маховыя перья, побѣжникъ“; толкованія акад. Словаря и Рейфа слиты въ опредѣленіи словъ: „ирха, лыва“.

[3]) Въ нашемъ перечнѣ они напечатаны курсивомъ.

зительно опредѣлить время составленія самаго „Сборника": онъ начатъ не ранѣе 1835 года, когда вышелъ въ свѣтъ „Этимологическій лексиконъ" Рейфа, и былъ продолжаемъ и послѣ 1847 года, когда Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ изданъ былъ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка". Гоголь не оставлялъ этого труда до конца своей жизни. Работа его надъ лексикономъ Рейфа и Словаремъ Втораго Отдѣленія Академіи возобновлялась въ нѣсколько пріемовъ: на это указываетъ расположеніе словъ, вошедшихъ въ составъ уцѣлѣвшей части труда Гоголя, въ тетрадкѣ не дописаннаго и не имѣющаго заглавія. „Сборникъ" распадается на двѣ части, составленныя, очевидно, въ разное время; онѣ раздѣлены въ рукописи поперечною чертою (стр. 42). Въ первой части „Сборника" (стр. 24 — 42) слова расположены въ строгомъ алфавитномъ порядкѣ; во второй части алфавитный порядокъ не выдержанъ: она, очевидно, не получила окончательной обработки. Въ началѣ второй части (отъ слова „бабничать" до слова „выведенышъ" включительно, стр. 42—45) слова расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ выписаны были изъ лексикона Рейфа (стр. 15—81), гдѣ они расположены (подъ буквами *б* и *в*) въ алфавитномъ порядкѣ корней; потому въ „Сборникѣ" Гоголя стоятъ рядомъ: „багрильщикъ" и „подбагорщикъ", „бойка" и „забіячливость, вразбивку, субой, убойчивый". Начиная съ слова „вывалка" до конца „Сборника", Гоголь снова располагаетъ слова по алфавитному порядку, который, впрочемъ, нерѣдко нарушается вставками, повидимому, *позднѣйшаго* происхожденія. Этотъ послѣдній отдѣлъ „Сборника" обнаруживаетъ другой ходъ работы надъ лексикономъ Рейфа, несогласный съ тѣмъ, который соблюдался въ началѣ второй части „Сборника": теперь Гоголь читаетъ лексиконъ Рейфа *не подъ рядъ, страница за страницею*, а сначала выбираетъ нужныя ему слова изъ „Алфавитнаго списка русскимъ словамъ", приложеннаго къ лексикону, а затѣмъ переводитъ объясненія этихъ словъ изъ текста книги; эта работа облегчалась тѣмъ, что въ „Алфавитномъ спискѣ словъ" указана была „страница, на которой каждое изъ нихъ было объяснено". Позднѣе въ составленный такимъ образомъ перечень вставляются, куда попадется, съ нарушеніемъ алфавитнаго порядка, слова, заимствованныя изъ „Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка" и изъ другихъ источниковъ, а затѣмъ сложившійся такимъ образомъ послѣдній отдѣлъ „Сборника" Гоголя, безъ поправокъ, т.-е. безъ приведенія въ алфавитный порядокъ, переписывается набѣло въ ту же тетрадку, которая послужила оригиналомъ при печатаніи этого труда. Само собою разумѣется, что во вторую часть „Сборника" вносились Гоголемъ изъ лексикона Рейфа слова, не вошедшія въ первую: надобно полагать, что работа надъ книгою Рейфа совершалась не въ одинъ пріемъ, а въ нѣсколько, съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками. Первая часть „Сборника" составляетъ результатъ первоначальныхъ занятій Гоголя русскимъ словаремъ; во второй части со-

хранилась работа позднѣйшаго періода по тому же предмету, не получившая окончательной отдѣлки и удержавшая мѣстами признаки черновой рукописи [1]).

Руководствуясь при составленіи своего „Сборника“ лексикономъ Рейфа и „Словаремъ церковно-славянскаго и русскаго языка“, Гоголь нерѣдко отступаетъ отъ этихъ руководствъ, 1) присоединяя къ заимствованнымъ изъ нихъ опредѣленіямъ словъ свои примѣры [2]), или 2) давая нѣкоторымъ словамъ, внесеннымъ въ „Сборникъ“, свои опредѣленія, несогласныя съ тѣми, которыя предложены Рейфомъ и Словаремъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ [3]). Изъ этихъ самостоятельныхъ опредѣленій отмѣтимъ одно: „*человѣкоугодникъ*—въ родѣ подлеца“ (стр. 41). При словѣ „увеселитель“ отмѣчается и среда, въ которой оно особенно употребляется: „купеческое слово“; такія указанія дороги были для поэта, который жаждалъ получить даже замѣчанія на свои „Мертвыя Души“ „съ сохраненіемъ самой физіогноміи замѣчаній“, находя, что „это ему очень нужно и полезно“ [4]). Наконецъ, въ „Сборникѣ“ Гоголя есть нѣсколько словъ, не вошедшихъ ни въ „Этимологическій лексиконъ“ Рейфа, ни въ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка“. Вотъ эти слова: „душистникъ, жирникъ, закроина, землезнаніе, книгоизданіе, немрачный, обвясло, отсверкивать, орью орать, оцапка, ощадливость, пижи, подбалка, пробрызнуть, сима, скудобрюхій, тысящелѣтіе, убрусованіе, удобовращательный, шадрина и шадровитый, благоподвижникъ, благозданный, набуровить, наплаудить, валоторгъ, вдалеко (?), виноягодникъ, войдъ, воспятословіе, кайманъ, кастѣха, кухлянка, малорѣчіе, малорѣчивый, неболѣзнованіе, некошной, ощадливый, погадка“. Изъ предложеннаго перечня видно, что нѣкоторыя слова заимствованы Гоголемъ изъ произведеній духовной литературы, которою онъ сталъ интересоваться съ 1845 года, другія—изъ живаго народнаго говора. Изъ тѣхъ же источниковъ почерпалъ Гоголь и свои примѣры къ опредѣленіямъ словъ, заимствованнымъ изъ лексикона Рейфа и Словаря Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Сравнительно съ объемомъ Гоголевскаго „Сборника“, сумма словъ, внесенныхъ въ него изъ живаго говора, очень невелика. Между тѣмъ Гоголь прилежно изучалъ живую русскую рѣчь,

---

[1]) Поэтому нѣкоторыя слова вписаны по два раза (напр., бахвалъ, валюга); встрѣчается неодинаковое написаніе слова „жаратокъ“ въ первой и второй части „Сборника“.

[2]) Таковы примѣры при словахъ: нищать (стр. 52), возграждать (стр. 24), выкнуть, выкружить, выпѣть (стр. 24), перенюхиваться (стр. 31), пополосно (стр. 33).

[3]) Таковы опредѣленія словъ: наотмашь (стр. 28), недомѣръ (стр. 29), плавунъ (стр. 31), притрапезникъ (стр. 34), разгулка (стр. 35), соска (стр. 37), сонная одурь (ibid.), бухать (стр. 43), мяхунак (стр. 51), норникъ (стр. 52), прокозырялся (стр. 34).

[4]) „Русское Слово“ 1859 г., № 1, стр. 116.

слѣдя упорно за ея разновидностями по сословіямъ. Записныя книжки, веденныя поэтомъ во время пребыванія въ Россіи, наполнены подслушанными имъ разговорами крестьянъ, народными пословицами, словами народнаго говора, терминами разныхъ спеціальностей. Гоголь тщательно собиралъ тѣ „положительныя и практическія свѣдѣнія“, которыя такъ были ему „нужны“ для созданія „Мертвыхъ Душъ“ [1]). Приступая къ этому труду, Гоголь искалъ „хорошаго ябедника“ [2]), который могъ бы дать „тѣло“ для будущаго Чичикова; для характеристики мелкихъ подробностей русскаго быта поэту также нужно было предварительно запасаться „положительными и практическими свѣдѣніями“, дабы его произведеніе „предстало предъ читателемъ въ полной ясности и порядкѣ“ [3]). „Вещественная“ статистика Россіи была для него такъ же необходима, какъ и „духовная“ [4]). Онъ сгараетъ желаніемъ знать ее и, поэтъ-затворникъ на чужбинѣ, падаетъ, можетъ быть, жертвою ея невѣдѣнія. П. В. Анненковъ очень вѣрно замѣтилъ о Гоголѣ: „Поэзія, которая получается въ созерцаніи живыхъ, существующихъ, дѣйствительныхъ предметовъ, такъ глубоко понималась и чувствовалась имъ, что онъ, постоянно и упорно удаляясь отъ умниковъ, имѣющихъ готовыя опредѣленія на всякій предметъ, постоянно и упорно смѣялся надъ ними и, наоборотъ, могъ проводить цѣлые часы съ любымъ коннымъ заводчикомъ, съ фабрикантомъ, съ мастеровымъ, излагающимъ глубочайшія тонкости игры въ бабки, *со всякимъ спеціальнымъ человѣкомъ, который далѣе своей спеціальности и ничего не знаетъ.* Онъ собиралъ свѣдѣнія, полученныя отъ этихъ людей, въ свои записочки, которыхъ было гораздо болѣе, чѣмъ сколько ихъ видѣлъ г. Кулишъ, — и они дожидались тамъ случая превратиться въ части чудныхъ поэтическихъ картинъ“ [5]). Въ одну изъ записныхъ книжекъ Гоголя, дѣйствительно, вписаны замѣтки, вынесенныя изъ подобныхъ бесѣдъ со „спеціалистами“, по разнымъ отраслямъ домашней жизни и помѣщичьяго быта. Такъ, въ записную книжку, предшествовавшую изданію первой части „Мертвыхъ Душъ“, вписанъ перечень кушаній подъ заглавіемъ: „Блюды“. Въ той же книжкѣ помѣщены Гоголемъ свѣдѣнія о породахъ, достоинствахъ и недостаткахъ собакъ,—свѣдѣнія, очевидно, продиктованныя ему „спеціалистомъ“ этого дѣла, можетъ быть, С. Т. Аксаковымъ. Вотъ эта запись: „Густо-псовыя, чисто-псовыя.—*Чисто-псовыя* — гладкія, съ шерстью длинною на хвостѣ и на ляшкахъ, т.-е. на чорныхъ мясахъ. *Густо-псовыя*—съ шерстью длинною на всей собакѣ.— *Крымскія* — съ длинными ушами висячими. *Цвѣтъ: Мазурка* — красная собака съ чорнымъ рыломъ. *Чорная* — съ подпалиною съ красною мор-

---

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, VI, 338.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1880 г., II, 514.

[3]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, VI, 383.

[4]) Ср. Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, томъ IV, стр. 472.

[5]) Воспоминанія и критическіе очерки, I, 190.

дою. *Муругая*— изъ-красна чорная съ чорнымъ рыломъ. *Половая* —желтая. *Полвопѣгая* — по бѣлому желтыя пятна. *Муругопѣгая* —по желтому чорныя пятна. *Краснопѣгая. Черноухая. Сѣроухая. Статьи:* Голова — *Щипецъ,* чтобъ длиненъ и тонокъ. *Ребра:* достоинство ребръ — бочковатость, выпукловатость... Толщина и крѣпость чорныхъ мясовъ... *Хвостъ*— называется правиломъ, достоинство его въ тонкости; хорошее правило то, которое *въ серпѣ. Правило въ серпѣ* —хвостъ, имѣющій форму серпа. Достоинство ногъ въ прямизнѣ, сухости и въ сжатости пальцевъ,—когти называются зацѣпами,—чѣмъ болѣе она стоитъ на корточкахъ и менѣе захватывается земля. Лапа въ комкѣ—сжатая лапа. Клички: Стрѣляй, Обругай, Скосырь, Терзай, Азарной, Наянъ, Буранъ, Нахоръ (Назоръ?), Черкай, Мазуръ, Саргушъ, Ахидъ, Северга, Скосырка, Касатка, Награда, Вѣдьма, Крамфа (Крамза?), Юла,—во время травли охотникъ зоветъ Юлинькой,—Пожаръ". На основаніи этой записи, сдѣланной со словъ спеціалиста-охотника, выработанъ былъ слѣдующій разсказъ въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ": „Я тебѣ, Чичиковъ",—сказалъ Ноздревъ,—„покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ, просто, наводитъ изумленіе, щитокъ—игла!" и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ: и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей, муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полвопѣгихъ, муругопѣгихъ, краснопѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ. Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣляй, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у сабачеевъ правилами, полетѣли прямо на встрѣчу гостямъ и стали съ ними здороваться" [1]). Въ той же записной книжкѣ находятся термины, относящіеся къ лѣсу, къ плотничеству, къ „цѣху, сословію ремесленниковъ", къ „банчишкѣ", къ „избѣ" и ея составнымъ частямъ, „загибанья", наконецъ просто „слова", взятыя изъ народнаго говора или изъ народныхъ пѣсенъ, „прилагательныя", т.-е. народныя прозвища [2]), „птичьи и звѣриные крики", „цвѣта". Объемъ и предметы „практическихъ свѣдѣній", заносившихся въ записныя книжки со словъ спеціалистовъ, опредѣлялись въ значительной степени ходомъ работъ надъ „Мертвыми Душами", Даже въ одну изъ позднѣйшихъ записныхъ книжекъ (послѣ октября 1846 года) Гоголь заноситъ такое свѣдѣніе: „Сукна: Зиберъ, Клеръ и черныя, и темное зеленое, коричневые, синіе и сѣрые", — и пользуется впослѣдствіи этою замѣткою при переработкѣ втораго тома „Мертвыхъ

---

[1]) Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, III, 70.

[2]) Подъ этою рубрикою стоитъ между прочимъ: „Софронъ—простякъ". Ср. обращеніе Ноздрева къ зятю: „Эхъ ты, Софронъ!" Сочиненія Гоголя, III, 71.

Душъ" [1]). Изучать живую русскую рѣчь Гоголь началъ ранѣе выхода въ свѣтъ „Этимологическаго лексикона" Рейфа. Впослѣдствіи это изученіе шло параллельно, совмѣстно съ занятіями русскою лексикологіею и этимологіею по Рейфу и Словарю Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Конечно, непосредственное ознакомленіе съ великорусскимъ языкомъ всегда преобладало у Гоголя надъ изученіемъ этихъ словарей. Подъ конецъ оно, повидимому, вытѣснило занятія лексиконами Рейфа и Словаремъ Академіи,—и вторая часть „Сборника" Гоголя осталась незаконченною. Въ ноябрѣ 1848 г. Гоголь писалъ Плетневу: „Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью. Боюсь нагрѣшить противу русскаго языка" [2]). Въ это время онъ „часто читалъ вслухъ русскія пѣсни, собранныя г. Терещенко, и нерѣдко приходилъ въ совершенный восторгъ, особенно отъ свадебныхъ пѣсенъ" [3]). Есть извѣстіе, что въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь проектировалъ составить „народную ботанику, въ которую предполагалъ внести не только сравнительный словарь народныхъ названій растеній, но и легенды о цвѣтахъ" [4]). Много такихъ названій занесено Гоголемъ въ записныя книжки; для О. Н. Смирновой онъ составилъ даже гербарій [5]).

Поэтъ, часто увлекавшійся планами грандіозныхъ трудовъ, мечталъ даже напечатать „Объяснительный Словарь великорусскаго языка". Въ бумагахъ Гоголя сохранился слѣдующій набросокъ объявленія объ изданіи этого словаря: „Въ продолженіе многихъ лѣтъ занимаясь русскимъ языкомъ, поражаясь болѣе и болѣе мѣткостью и разумомъ словъ его, я убѣждался болѣе и болѣе въ существенной необходимости такого объяснительнаго словаря, который бы выставилъ, такъ сказать, лицомъ русское слово въ его прямомъ значеніи, освѣтилъ бы ощутительнѣй его достоинство, такъ часто незамѣчаемое, и обнаружилъ бы отчасти самое происхожденіе. Тѣмъ болѣе казался мнѣ необходимымъ такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, такъ мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значеніе коренныхъ русскихъ словъ: однимъ приписывается другой смыслъ, другія позабываются вовсе. Академія Наукъ тремя изданіями своего Словаря [6]) теперь проложила путь къ этому подвигу, безъ того бы неудобоисполнимому и почти невозможному. Послѣднее изданье, полнѣйшее всѣхъ предъидущихъ (по значительному умноженью собранныхъ словъ),

[1]) Сочиненія Гоголя, IV, стр. 564.

[2]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, VI, 476.

[3]) С. Т. Аксакова, Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 185.

[4]) Olga Smirnoff, Etudes et souvenirs въ La Nouvelle Revue, 1885, 1-er Novembre, p. 20.

[5]) La Nouvelle Revue, 1-er Décembre 1885, p. 474.

[6]) Гоголь разумѣетъ два изданія „Словаря *Академіи Россійской*" и „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, *изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ*".

опустило, къ сожалѣнью, ту объяснительную часть, которою были такъ примѣчательны первыя изданія; но, принимая въ уваженье то, что это было бы невозможно для общества, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свой взглядъ, нельзя упрекнуть Академію. Напротивъ, она поступила благоразумно и добросовѣстно. Объяснительный словарь есть дѣло лингвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключилъ въ своей природѣ къ тому преимущественныя, особенныя способности, носилъ бы въ себѣ самомъ внутреннее ухо, слышащее гармонію языка. Явленья такихъ лингвистовъ всегда и повсюду бывали рѣдки. Ими отличались какъ-то преимущественно славянскія земли. Словари Линде и Юнгмана останутся всегда безсмертными памятниками ихъ необыкновенныхъ лингвистическихъ способностей. Они будутъ умножаемы, пополняемы, совершенствуемы обществами ученыхъ издателей; но разъ утвержденныя мѣткія опредѣленія коренныхъ словъ останутся навсегда. Это дѣло ихъ созданья. Не потому, чтобы я чувствовалъ въ себѣ большія способности къ языкознательному дѣлу; не потому, чтобы надѣялся на свои силы претерпѣть подобное имъ; нѣтъ! другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительнымъ словаремъ: ничего болѣе, любовь, просто одна любовь къ русскому слову, которая жила во мнѣ отъ младенчества и заставляла меня останавливаться надъ внутреннимъ его существомъ и выраженьемъ. Для меня было наслажденьемъ давать самому себѣ отчетъ, опредѣлять самому собою — и я принялся за перо. Приступая же къ печатанью словаря моего, рѣшился не столько съ намѣреніемъ принесть пользу другимъ, сколько самому себѣ. Издавая его выпусками, какъ опытъ, какъ пробные листки, я могу услышать мнѣнье и судъ другихъ, необходимые въ дѣлѣ такого предпріятія; могу увидѣть всѣ свои недостатки, погрѣшности труда, стало быть, могу получить чрезъ то самое возможность продолжать его въ удовлетворительнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ. Всѣ замѣчанія, какія угодно будетъ сдѣлать соотечественникамъ на мой словарь, будутъ мною приняты съ благодарностью".

Ссылка на „Словарь Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ", вышедшій въ 1847 году, показываетъ, что приведенный проектъ объявленія объ изданіи „Объяснительнаго Словаря русскаго языка" набросанъ Гоголемъ не ранѣе 1847 года. Проектированное объявленіе не было напечатано: смѣлое предпріятіе Гоголя постигла та же судьба, которая выпала на долю его обширной „Исторіи Малороссіи".

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ

къ статьѣ „Нѣсколько чертъ для біографіи Н. В. Гоголя“ [1]).

Статья, заглавіе которой мы выписали, занимаетъ безспорно первое мѣсто между всѣми замѣтками о Гоголѣ, появившимися послѣ его смерти, и далеко оставляетъ за собою легкомысленные, фельетонные о немъ толки. Гоголь завѣщалъ „не спѣшить ни хвалою, ни осужденіемъ“, и намъ остается только тщательно собирать тѣ факты, которые впослѣдствіи послужатъ матеріалами для его біографіи и для оцѣнки его произведеній. Статья „Отечественныхъ Записокъ“ много принесла любопытныхъ біографическихъ данныхъ о покойномъ поэтѣ и сообщила свѣдѣнія о такихъ произведеніяхъ его, которыя немногимъ были извѣстны. Къ сожалѣнію, въ тѣхъ немногихъ страничкахъ, на которыхъ переданы извѣстія о первыхъ сочиненіяхъ Гоголя, нѣтъ той точности, которая необходима въ подобномъ дѣлѣ. Мы рѣшаемся указать ошибки, нами замѣченныя, прибавивъ нѣсколько своихъ библіографическихъ указаній, можетъ быть, нелишнихъ для будущаго біографа Гоголя.

Авторъ статьи *Нѣсколько чертъ для біографіи Н. В. Гоголя* говоритъ: „Никто изъ его (Гоголя) покровителей не зналъ о стихотворномъ сочиненіи, *которымъ онъ началъ свое печатное поприще*, и до сихъ поръ оно было извѣстно только одному человѣку, если не считать неграмотнаго Гоголева слуги, малороссіянина Якима. Это — *Ганцъ Кюхельгартенъ, идиллія въ картинахъ*, написанная, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, въ 1827 году“ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: „Къ этому же времени (когда сожженъ былъ Ганцъ, т.-е. къ 1829 году) относится безыменное его сти-

---

[1]) [Замѣтки эти напечатаны въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1853 года, № 51, стр. 521—522. Статья П. А. Кулиша о Гоголѣ напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1852 г., кн. 4. *Ред.*].

[2]) „Отечественныя Записки“ 1852 г., № 4, отд. VIII, стр. 199.

хотвореніе *Италія,* помѣщенное въ „Сынѣ Отечества“ 1829 года и написанное еще въ Нѣжинѣ“ [1]). Стихотвореніе *Италія* напечатано въ 12 № (стр. 301—302) „Сына Отечества“ и „Сѣвернаго Архива“ 1829 года; этотъ нумеръ вышелъ 23-го марта (какъ означено на оберткѣ); идиллія же *Ганцъ Кюхельгартенъ* разрѣшена цензурою 7-го мая того же года. Слѣдовательно, по даннымъ, выставленнымъ въ самой статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“, Гоголь началъ свое печатное поприще не „Ганцемъ“, а стихотвореніемъ *Италія.* Приводимъ вполнѣ это первое изъ напечатанныхъ произведеній автора „Мертвыхъ Душъ“.

Италія — роскошная страна!
По ней душа и стонетъ, и тоскуетъ.
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ.
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цѣлуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горитъ, и вѣетъ ароматъ.
И всю страну объемлетъ вдохновенье;
На всемъ печать протекшаго лежитъ;
И путникъ зрѣть великое творенье,
Самъ пламенный, изъ снѣжныхъ странъ спѣшитъ.
Душа кипитъ, и весь онъ — умиленье.
Въ очахъ слеза невольная дрожитъ;
Онъ, погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно минувшихъ шуму.
Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводитъ:
И радужной въ сіяньи красоты
И жарче и яснѣй по небу солнце ходитъ.
И чудный шумъ, и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное изводитъ;
Въ немъ облаковъ мелькаетъ рѣзвый ходъ,
Зеленый лѣсъ и синій неба сводъ.
А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышитъ.
Какъ спитъ земля, красой упоена!
И страстно миртъ надъ ней главой колышетъ.
Среди небесъ въ сіяніи луна
Глядитъ на міръ, задумалась и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговоритъ волна;
Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Плѣнительно вдали звучатъ и льются.
Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!

---

[1]) Тамъ же, стр. 200.

Узрю ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ, и думы говорятъ.
Меня влечетъ и жжетъ твое дыханье,
Я въ небесахъ, весь звукъ и трепетанье!..

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“, тѣмъ болѣе, что нѣсколько стиховъ, приведенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, не могутъ удовлетворить любопытство читателей; самая же книжка, по рѣдкости, доступна немногимъ. Посмотримъ на самого героя идилліи, Ганца, и

Пока въ жилищѣ суеты,
Его подслушаемъ украдкой
Доселѣ бывшія загадкой
Разнообразныя мечты,

тѣ мечты, которыя смущаютъ сердце любящей его Луизы.

Земля классическихъ прекрасныхъ созиданій,
. . . .
Аѳины, къ вамъ, въ жару чудесныхъ трепетаній,
Душой приковываюсь я!
Вотъ отъ треножниковъ до самаго Пирея
Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
Гдѣ рѣчь Эсхинова, гремя и пламенѣя,
Все своенравно вслѣдъ влечетъ,
Какъ воды шумныя прозрачнаго Иллиса.
Великъ сей мраморный изящный Парѳенонъ!
Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесенъ;
Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ,
И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса.
Подъ портикомъ божественный мудрецъ
Ведетъ высокое о дольнемъ мірѣ слово;
Кому за доблести безсмертіе готово,
Кому позоръ, кому вѣнецъ.
Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;
Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валитъ,
Персидскій Кандисъ весь испещренный блеститъ;
И вьются легкія туники.
Стихи Софокловы порывисто звучатъ;
Вѣнки лавровые торжественно летятъ;
Съ медоточивыхъ устъ любимца Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшатъ прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.
Но вотъ Аспазія (;) не смѣетъ и дохнуть
Смятенный юноша при чорныхъ глазъ сихъ встрѣчѣ,
Какъ жарки тѣ уста, какъ пламенны тѣ рѣчи!

И темныя какъ ночь, тѣ кудри какъ-нибудь,
Волнуясь, падаютъ на грудь,
На бѣломраморныя плечи.
Но что при звукѣ чашъ тимпановъ дикій вой?
Плющемъ увѣнчаны вакхическія дѣвы
Бѣгутъ нестройною, неистовой толпой
Въ священный лѣсъ; все скрылось, что вы? гдѣ вы?..
Но вы пропали, я одинъ.
Опять тоска, опять досада;
Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долинъ;
Хотя бъ прекрасная Дріада
Мнѣ показалась въ мракѣ сада.
О, какъ чудесно вы свой міръ
Мечтою, греки, населили,
Какъ вы его обворожили!
А нашъ—и бѣденъ онъ, и сиръ,
И расквадраченъ весь на мили (стр. 15 — 17).

Преслѣдуемый этими мечтами, Ганцъ покидаетъ свой деревенскій уголокъ. Проходитъ два года; нѣтъ уже на свѣтѣ пастора, отца Луизы: сама она

Румянецъ свѣжій изсушила,
Губила вѣкъ свой молодой,

въ то время какъ Ганцъ

Летѣлъ искать кручины новой.

Наконецъ и онъ возвращается подъ родимый кровъ

Унылъ и томенъ онъ, и дикъ,
Идетъ, согнувшись, какъ старикъ;
Въ немъ Ганца нѣтъ и половины.

Съ нимъ произошло уже превращеніе:

Дивится самъ онъ суетѣ:
Какъ былъ измученъ онъ судьбою;
И зло смѣется надъ собою,
Что повѣрялъ своей мечтой
Свѣтъ ненавистной слабоумной,
Что задивился въ блескъ пустой
Своей душою неразумной;
Что, не колеблясь, смѣло онъ
Симъ людямъ кинулся въ объятья;
И околдованъ, охмѣленъ,
Въ ихъ злыя вѣрилъ предпріятья. —

Какъ гробы холодны они;
Какъ тварь презрѣннѣйшая низки;
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги, и близки. . . . . (стр. 59).

Бракъ соединяетъ Ганца съ Луизою; онъ входитъ въ прежнюю жизнь.

Итакъ, въ двухъ юношескихъ произведеніяхъ Гоголь съ любовію обращался къ Греціи и Италіи, въ статьѣ *Женщина* онъ опять перенесетъ насъ въ древнюю Грецію, и вдохновенный мудрецъ Платонъ въ горячемъ диѳирамбѣ перескажетъ ученику своему Телеклесу, что̀ такое женщина...

Но возвратимся къ статьѣ „Отечественныхъ Записокъ". По словамъ автора ея, „въ то же самое время, когда былъ сожженъ несчастный Ганцъ, или вскорѣ послѣ того, Гоголь написалъ для Свиньина статью *Полтава*, напечатанную въ тогдашнихъ крошечныхъ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ этомъ извѣстіи есть какая-нибудь ошибка. Статья подъ заглавіемъ *Полтава* дѣйствительно напечатана была въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1830 года (апрѣль, № 130, стр. 1—43); но она писана не Гоголемъ, а самимъ Свиньинымъ; въ заглавіи ея сказано: *Изъ живописнаго путешествія по Россіи издателя Отечественныхъ Записокъ.* Можетъ быть, авторъ статьи о Гоголѣ смѣшалъ „Полтаву" Свиньина съ какимъ-нибудь произведеніемъ Гоголя подобнаго же содержанія? Въ „Отечествен. Запискахъ" того же 1830 года (февраль, № 118, стр. 238 — 264, и мартъ, № 119, стр. 421—442) явилась безъ подписи повѣсть Гоголя „*Бисаврюкъ*, или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала" [1]). Почти черезъ годъ она была перепечатана въ „Вечерахъ на хуторѣ близь Диканьки" и притомъ съ измѣненіями, которыя особенно замѣтны въ слогѣ. Въ „Отеч. Запискахъ" она не отличалась тѣмъ языкомъ непринужденнаго разсказа, которымъ она передана при новомъ изданіи. Мы даже подозрѣваемъ, что объ этомъ позаботился тогдашній издатель „Отеч. Записокъ". Если наше предположеніе подтвердится, то предисловіе къ этой повѣсти (напечатанное въ „Вечерахъ" и собраніи сочиненій) получитъ новый оттѣнокъ.

Въ началѣ 1830 года Гоголь напечаталъ слѣдующее объявленіе *Объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ* [2]): „До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ полезныхъ, какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, большею частію не-

---

[1]) Въ статьѣ г. Г—скаго *Замѣтки для біографіи Гоголя* („Современникъ", 1852, № 10) не совсѣмъ точно выписано ея заглавіе и, вѣроятно, по ошибкѣ корректора, сказано, что она напечатана въ „Отеч. Зап." 1831 года: въ 1831 г. „Отеч. Записки" не издавались.

[2]) „Сѣверная Пчела" 1834 г., № 34; „Московскій Телеграфъ" 1834 г., № 3, стр. 523.

полныхъ и не указавшихъ донынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; какъ, наконецъ, навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало-по-малу вся страна получила новыя, взамѣнъ прежнихъ, права и, наконецъ, совершенно слилась въ одно съ Россіею. Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ-нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи) прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ". Какая судьба постигла это предпріятіе, намъ неизвѣстно. Въ „Арабескахъ" были помѣщены отрывки изъ этого труда, планъ котораго отчасти уцѣлѣлъ въ объявленіи. Въ томъ же 1834 году издатель „Запорожской Старины" И. И. Срезневскій объявилъ, что подписчики на нее получатъ книжку Литературныхъ Прибавленій, въ которыхъ будутъ помѣщены, кромѣ историческихъ статей объ Украйнѣ и разсказовъ объ обычаяхъ и нравахъ народа украинскаго, стихотворенія лучшихъ писателей украинскихъ и повѣсти: Грыцька Основьяненка, казака Луганскаго, *Рудаго Панька*[1]). „Запорожская Старина", изданная въ Харьковѣ, составляетъ теперь почти рѣдкость; намъ, по крайней мѣрѣ, не удалось отыскать полный экземпляръ ея, и потому мы не можемъ сказать, было ли исполнено издателемъ обѣщаніе его. Можетъ быть, въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ „Старинѣ" найдется что-нибудь, писанное Гоголемъ.

Въ „Москвитянинѣ" 1842 года (№ 1, стр. 304—308) напечатанъ разборъ Утренней Зари, подписанный буквами NN. Начало этой рецензіи (первые два §§ до словъ:—*это сіяющая игрушка*, стр. 305) писано Гоголемъ. У М. П. Погодина, которому мы обязаны этимъ свѣдѣніемъ, сохранился и оригиналъ этого отрывка въ двухъ экземплярахъ: одинъ черновой, другой переписанный на-бѣло; тотъ и другой писаны рукою Гоголя.

¹) „Сѣверная Пчела" 1834 г., № 26, стр. 1037.

Любопытно прослѣдить, какъ были приняты и оцѣнены критикою произведенія покойнаго поэта, но это лежитъ внѣ плана нашей библіографической статьи; мы можемъ только упомянуть о переводахъ нѣсколькихъ изъ нихъ на нѣмецкій языкъ. Въ 1845 году Луи Віардо издалъ во французскомъ переводѣ пять повѣстей Гоголя [1]). Это едва ли была не первая серьезная, значительная попытка познакомить иностранцевъ съ произведеніями Гоголя. Книга имѣла большой успѣхъ. Въ слѣдующемъ году вышелъ нѣмецкій переводъ ея подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Russische Novellen von Nicolas Gogol. Nach L. Viardot übertragen von Bode. Leipzig, 1846. Небольшую книжку Віардо нѣмецкій переводчикъ раздѣлилъ на двѣ части и опустилъ его предисловіе, правда, коротенькое, но нелишнее для иностранцевъ. Въ томъ же году Липпертъ издалъ Nordisches Novellenbuch; въ первомъ томѣ этого сборника напечатана, между прочимъ, *Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*; она получила названіе *Kleinrussische Genrebilder*. При этомъ томѣ Липпертъ приложилъ портретъ Гоголя. Наконецъ, въ томъ же году явился нѣмецкій переводъ „Мертвыхъ Душъ“. Вотъ полное его заглавіе: Die todten Seelen. Ein satyrisch-komisches Zeitgemälde von Nicolai Gogol. Aus dem Russischen übertragen, mit Anmerkungen vers ehen und bevorwortet von Philipp Löbenstein. Leipzig, 1846. Druck und Verlag von Philipp Reclam jun. Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ предисловія переводчика. „Русская литература (говоритъ г. Лебенштейнъ), вдвинутая въ свой собственный кругъ, мало добивалась извѣстности за границею и хорошо дѣлала. Только произведенія самобытныя, носящія на себѣ особый типъ, выражающія характеръ народа, фазу его развитія,—только такія произведенія должны посредствомъ переводовъ дѣлаться общею собственностью всѣхъ народовъ... Но особеннаго уваженія заслуживаютъ тѣ книги, которыя, подобно предлагаемому сочиненію, безпристрастно представляютъ ясный образъ состоянія общества, характеристику русской жизни, исполненную съ тонкимъ юморомъ и съ живою ироніею“. „Гоголь не надѣваетъ перчатокъ glacé, не касается больныхъ мѣстъ осторожно, нѣтъ, часто онъ бьетъ въ нихъ медвѣжьею лапою (mit einer Bärentatze). Авторъ—горячій патріотъ, онъ любитъ свое отечество съ жаромъ итальянца и съ упрямою настойчивостью жителя Сѣвера; но эта любовь не ослѣпляетъ его противъ всѣхъ странностей его собратій... Нельзя не сознаться, что съ точки зрѣнія эстетической „Мертвыя Души“ страдаютъ кое-какими ошибками, и что, особенно при мастерской обрисовкѣ характеровъ, слишкомъ густо наложенныя краски, отсутствіе равномѣрнаго распредѣленія свѣта и тѣни и постоянный недостатокъ примиряющаго начала—производитъ въ чита-

[1]) Nicolas Gogol. Nouvelles russes, traduction française, publié par Louis Viardot. Paris, 1845. Выдержки изъ этого перевода и сужденій французскихъ журналовъ о Гоголѣ напечатаны въ „Отеч. Запискахъ“ 1846 г. № 1.

телѣ непріятное чувство. Но это отчасти выкупается здравымъ комизмомъ, множествомъ веселыхъ tableaux de genre, которыя ежеминутно выставляетъ авторъ, и удовлетворенный оставляешь книгу. Въ заключеніе замѣчу (говоритъ Лебенштейнъ), что, гдѣ можно, я старался не отстранять особенностей выраженія, напротивъ, гдѣ обходилось безъ большой натяжки, лучше удерживать оттѣнки русскаго слога, нежели стирать ихъ описательными германиамами. Пониманіе такого рода мѣстъ старался облегчить примѣчаніями". Но такихъ примѣчаній довольно мало, стало-быть немного и такихъ мѣстъ, въ которыхъ переводчикъ „старался удержать оттѣнки русскаго слога". Большею частію переводъ, пожалуй, правиленъ; но можно ли и думать о полной передачѣ подлинника? Этого никто, вѣроятно, и не искалъ въ книгѣ Лебенштейна. мало того: иногда,—и какъ нарочно въ самыхъ высокихъ лирическихъ мѣстахъ,—не понятъ даже грамматическій смыслъ подлинника, и, вмѣсто вдохновенной рѣчи Гоголя, читаешь гадательныя хитросплетенія переводчика. Кто, напр., узнаетъ въ этихъ словахъ извѣстное мѣсто въ началѣ седьмой главы „Мертвыхъ Душъ": „Für lange noch muss ich Hand in Hand mit meinen sonderbaren Helden gehen, lange noch muss ich sie durch's schwerbelastete Leben (?!), durch eine Welt des sichtbaren Gelächters und der unsichtbaren Thränen führen" (стр. 141). Приведемъ еще въ переводѣ Лебенштейна заключительное обращеніе Гоголя къ Россіи: „Und jagst du nicht auch, Russland, wie ein flinkes, unerreichbares Dreigespann dahin? Es dampft der Weg hinter dir, es krachen die Brücken, Alles bleibt hinter dir zurück. Es bleibt der Zuschauer von deinem göttlichen Wunder überrascht stehen. Ist es kein vom Himmel gefallener Blitz? Was bedeutet diese Schauder erregende Bewegung? Was für eine geheime Kraft ist diesen nie gesehenen Rossen gegeben? Ha, was sind das für Rosse! Habt ihr Wirbelwinde in euern Mähnen? Habt ihr Gehörorgane in euern Aederchen? Habt ihr von der Höhe die bekannten Melodien vernommen, und strengt nun vereint eure ehrnen Leiber an, um euch, ohne mit den Hufen die Erde zu berühren, in eine langgezogene Linie zu verwandeln, und dahin zu fliegen durch die Luft von einem Gotte begeistort!.. Russland, wohin jagst du, gib Antwort! Es erwidert nichts. Man hört das Glöckchen wunderbar erklingen, es ächzt die Luft, und wird zum Sturme; und das Reussenland fliegt an der Erde vorbei (?), und die andern Völker und Reiche weichen ihm aus und hemmen nicht seinen Lauf". Заключая этимъ наши бѣглыя указанія, замѣтимъ, что важныя и, можетъ быть, самыя любопытныя дополненія къ исчисленію статей Гоголя, до сихъ поръ сдѣланному, могутъ выставить издатели лучшихъ журналовъ и газетъ тридцатыхъ годовъ. Тѣ, которые сознаютъ важность и значеніе подобныхъ указаній, которые знаютъ, какъ нелегко они достаются, вѣроятно, исполнятъ желаніе цѣнителей Гоголя—видѣть полный перечень всѣхъ его произведеній.

———

ЛЕРМОНТОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

(Отрывокъ) [1].

15 іюля этого года минетъ 50 лѣтъ со дня кончины Лермонтова. Право частной собственности на его произведенія прекратится, въ тысячахъ экземпляровъ разнесутся они по всей читающей Россіи, и ярче почувствуется общественное и литературное значеніе безвременно погибшаго поэта. На Москвѣ лежитъ особенная обязанность чествовать память Лермонтова: онъ родился въ ней; здѣсь посѣтила его первая любовь и первыя поэтическія думы; здѣсь началось его образованіе. Въ 1832 г. онъ писалъ Лопухиной: „Вѣдь Москва моя родина и такою будетъ для меня всегда; тамъ я родился, тамъ много страдалъ и тамъ же былъ слишкомъ счастливъ". Къ Москвѣ Лермонтовъ привязался всею силою своей русской души и сохранилъ эту любовь до могилы:

. . . Покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву...
Москва, Москва!... люблю тебя, какъ сынъ,
Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣриться главою и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ,—онъ упалъ!
Вселенная замолкла... Величавый

---

[1] [Въ 1891 г., по поводу пятидесятилѣтія со дня кончины Лермонтова, Н. С. Тихонравовъ прочелъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности сообщеніе: „Лермонтовъ въ Москвѣ", которое не было имъ напечатано, и изъ котораго въ бумагахъ Тихонравова сохранился только одинъ листокъ черновой самаго начала статьи. Этотъ отрывокъ здѣсь теперь и печатается. *Ред.*].

Одинъ ты жилъ, наслѣдникъ нашей славы.
Ты жилъ, ты жилъ, и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній.
Бывало я у башни угловой
Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой.
И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
Касатки вылетаютъ; верхомъ, низомъ
Кружатся, вьются, чуждыя людей.—
И я, такъ полный волею страстей,
Завидовалъ ихъ жизни безъизвѣстной,
Какъ упованье вольной, поднебесной.

Переживая драму семейнаго раздора (между отцомъ и воспитательницею), которая всею силою „упадала на него", Лермонтовъ чувствовалъ потребность дружескаго кружка. Онъ говорилъ въ 1828 г.:

Я рожденъ съ душою пылкой,
Я люблю съ друзьями быть.

Онъ нашелъ себѣ друзей въ кружкѣ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго пансіона, въ который вступилъ въ 1828 г. Въ преподаваніи Университетскаго пансіона преобладало литературное направленіе. Воспитанниковъ знакомили съ Клопштокомъ, Алфіери, съ драматическими произведеніями Гёте и Шиллера, съ Оссіаномъ. Вліяніе Шиллеровыхъ драмъ („Разбойники", „Коварство и любовь") сильно сказалось въ юношеской трагедіи Лермонтова, онъ переводитъ изъ Шиллера нѣсколько мелкихъ произведеній. Въ пансіонѣ написано Лермонтовымъ стихотвореніе „Могила Оссіана": она напоминаетъ поэту родину его предковъ, Шотландію.

Летитъ къ ней духъ мой усыпленный
Родимымъ вѣтромъ подышать
И отъ могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять.

Университетскій пансіонъ ввелъ Лермонтова въ общеніе съ великими твореніями европейской поэзіи; вліяніе Пушкина стало ослабѣвать.

Въ 1830 г. Университетскій пансіонъ былъ закрытъ; но Лермонтовъ уже былъ настолько подготовленъ къ слушанію лекцій, что въ томъ же году былъ принятъ въ студенты Московскаго университета. „Свѣтлый храмъ науки" сталъ святыней для юноши, который „надменно" вступилъ въ него.

Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, корридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры:

О Богѣ, о вселенной и томъ,
Какъ пить, съ водой иль просто голый ромъ —
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками.

Подъ безпорядочной, неприглядной внѣшностью своихъ новыхъ товарищей и наставниковъ Лермонтовъ умѣлъ подсмотрѣть и оцѣнить возвышенную, идеальную основу университетской жизни и „считалъ ее лучше рая".

Такія воспоминанія обнимаютъ насъ въ настоящій день, когда память Лермонтова собрала насъ въ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ свѣтъ науки озарялъ его гордую юность. Мы приступаемъ къ чествованію его съ особеннымъ чувствомъ, которое можетъ быть присуще только учившимъ и учившимся, которое всего сильнѣе можетъ говорить только здѣсь. Наше чествованіе знаменитаго писателя согрѣвается отрадною мыслію, что по мѣсту воспитанія онъ намъ близкій, родной человѣкъ. Мы увѣрены, что старшее и младшее поколѣніе Московскаго университета раздѣлитъ съ нами это чувство...

. . . .

С. П. ШЕВЫРЕВЪ [1]).

Мм. Гг.!

Въ минувшемъ году скончался въ Парижѣ Степанъ Петровичъ Шевыревъ, болѣе двадцати лѣтъ занимавшій каѳедру русской словесности въ Московскомъ университетѣ. Два года спустя послѣ того, какъ университетъ отпраздновалъ свой столѣтній юбилей, Шевыревъ оставилъ каѳедру и съ 1860 года до самой кончины жилъ за границею. Онъ снова посѣтилъ Италію, съ которою связаны были лучшія воспоминанія его молодости. Онъ видѣлъ своими глазами возрожденіе итальянской національности къ новой самобытной жизни; передъ нимъ осуществлялись теперь пламенныя надежды и патріотическія мечты суроваго гибеллина, изученіемъ котораго занимался Шевыревъ въ Италіи 30 лѣтъ тому назадъ. Въ странѣ, которая нѣкогда служила ему школою искусства, Шевыревъ приступилъ къ чтенію на итальянскомъ языкѣ исторіи литературы своего народа, охваченнаго также новою жизнію, также призваннаго къ возрожденію. „Государь!—сказалъ Шевыревъ императору Наполеону, поднося ему лекціи, читанныя въ Италіи: вы работаете

---

[1]) Некрологъ этотъ напечатанъ въ изданіи „Рѣчь и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1865 года“, М. 1865,— подъ заглавіемъ „Памяти Степана Петровича Шевырева, произнесено въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1865 года исправляющимъ должность адъюнкта Николаемъ Тихонравовымъ“. Послѣ того, какъ получено было извѣстіе о смерти С. П. Шевырева, Тихонравовъ напечаталъ слѣдующій краткій некрологъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1864 г., № 107: „Въ началѣ мая скончался въ Парижѣ бывшій профессоръ Московскаго университета Степанъ Петровичъ Шевыревъ. Болѣе 20 лѣтъ занималъ покойный каѳедру русской словесности въ здѣшнемъ университетѣ. Первые ученые труды Шевырева: *Дантъ и его вѣкъ*, *Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи у древнихъ народовъ*, *Исторія русской словесности преимущественно древней* представляли не совсѣмъ обыкновенное явленіе въ тогдашней литературѣ нашей и не по-

надъ развитіемъ великой идеи національностей; отъ нея и отъ васъ Италія ожидаетъ осуществленія своихъ желаній!“

Исторіи русской народности отданы были и послѣдніе страдальческіе годы Шевырева, проведенные за границей. Зимою 1862 года онъ диктовалъ исторію русской словесности. Въ январѣ 1864 года онъ началъ лекціи о новомъ періодѣ русской литературы, о Карамзинѣ, Жуковскомъ; 25 января слегъ въ постель, съ которой не суждено ему было встать. Обладая огромною энергіею и силою воли, Шевыревъ пересиливалъ страшныя физическія страданія и до конца жизни не утратилъ способности къ труду, интереса къ литературѣ. По-временамъ его еще оживляла мысль снова увидать Москву. Человѣкъ глубоко и искренно религіозный, онъ искалъ утѣшенія въ молитвѣ. Но болѣзнь усиливалась со дня на день. Въ одну изъ минутъ тяжелыхъ физическихъ и нравственныхъ страданій у Шевырева вырвалось такое четверостишіе:

Когда составъ слабѣетъ, страждетъ плоть,
Средь жизненной и многотрудной битвы,
Не дай мнѣ, мой Помощникъ и Господь,
Почувствовать безсилія молитвы! [1])

8-го мая „многотрудная жизненная битва“ кончилась. Покойный напечаталъ въ „Словарѣ профессоровъ университета“ свою біографію; она, нѣтъ сомнѣнія, будетъ дополнена рукою друзей его и тѣхъ, которые билзко знали частную жизнь Шевырева. На насъ лежитъ обязанность посвятить нѣсколько словъ воспоминанія дѣятельности Шевырева какъ профессора.

теряли своего значенія до сихъ поръ. Во время господства отвлеченной эстетической теоріи, когда еще не замолкъ въ русской литературѣ отголосокъ французскихъ ложно-классическихъ воззрѣній, сочиненія Шевырева рѣзко выдѣлялись изъ трудовъ, посвященныхъ тому же предмету, историческимъ методомъ изученія литературы. Исторію русской литературы Шевыревъ сдѣлалъ предметомъ университетскаго преподаванія; исторія русскаго языка также введена имъ въ университетскій курсъ словесности. Существенною и неотъемлемою заслугою Шевырева всегда останется то, что онъ сдѣлалъ исторію русской литературы предметомъ интереса нашей публики и изученія университетскихъ слушателей и первый написалъ исторію древней русской словесности.

Въ то памятное для прежнихъ студентовъ Московскаго университета время, когда они видѣли въ числѣ своихъ наставниковъ Грановскаго и Кудрявцева, Шевыревъ пользовался любовью своихъ слушателей какъ деканъ, всегда откликавшійся на ихъ нужды, и какъ профессоръ, богатая библіотека котораго всегда была открыта для пользованія университетскимъ студентамъ“.

[1]) Подробности о послѣднемъ пребываніи Шевырева за границею сообщены мнѣ М. П. Погодинымъ.

Литературное образованіе Шевырева началось въ Университетскомъ пансіонѣ подъ преобладающимъ вліяніемъ романтической школы. Въ пансіонѣ существовало литературное общество, учрежденное Жуковскимъ; оно чтило поэзію своего основателя и трудилось въ томъ направленіи, котораго лучшимъ и полнѣйшимъ представителемъ у насъ въ сферѣ поэзіи былъ Жуковскій. Профессоръ М. Г. Павловъ лекціями о природѣ возбуждалъ въ университетской и пансіонской молодежи сочувствіе къ философіи нѣмецкой и популяризировалъ въ Москвѣ основныя положенія Шеллинговой философіи. Религіозные вопросы, къ которымъ такъ любили обращаться романтики, рано занимали Шевырева: еще въ пансіонѣ онъ читалъ Массильона и написалъ въ подражаніе ему разсужденіе *О безсмертіи души*. Воззрѣнія романтиковъ на искусство и умозрѣнія нѣмецкой философіи входили въ вѣрованія и убѣжденія пансіонской и университетской молодежи. Выраженіемъ тѣхъ понятій объ искусствѣ, которыя раздѣлялись тогда литературнымъ кружкомъ Университетскаго пансіона, служила книга Тика и Вакенродера *Объ искусствѣ и художникахъ*, переведенная на русскій языкъ Шевыревымъ, Титовымъ и Мельгуновымъ. Здѣсь забытый нынѣ другъ Тика передалъ тѣ идеальныя, мечтательныя представленія объ искусствѣ и художникахъ, которыя встрѣчены были въ Германіи сочувственною рецензіею Августа Шлегеля и позднѣе осуждены Гёте за крайній піэтизмъ и диллетантизмъ. Въ книгѣ, которая была въ свое время эстетическимъ кодексомъ романтиковъ, Вакенродеръ и Тикъ почти отождествляютъ искусство съ религіею, видя въ поэтическомъ вдохновеніи то рѣдкое состояніе человѣка, когда, независимо отъ него, нисходитъ на него свыше божественное откровеніе. „Восторгу художника нѣтъ другой вины, кромѣ непосредственнаго присутствія Божія". Такъ, въ Рафаэлѣ

возсіяло
Чуднымъ свѣтомъ предъ сынами міра
Горнее небесное искусство [1]).

Въ описаніи Рафаэлевой Мадонны Жуковскій выразилъ то же основное воззрѣніе романтиковъ на художника. Въ идеальныхъ, часто туманныхъ и фривольныхъ представленіяхъ романтиковъ объ искусствѣ таилось однако болѣе плодотворныхъ, живыхъ и свободныхъ началъ, нежели въ однообразныхъ, условныхъ воззрѣніяхъ ложно-классической школы, съ которыми познакомился Шевыревъ на лекціяхъ Мерзлякова. Романтики рѣзко выступали противъ тяжелыхъ правилъ и общепринятыхъ положеній французской теоріи и тѣмъ возвращали литературу къ ея безъискусственнымъ народнымъ началамъ. Русскіе послѣдователи романтической школы съ искреннимъ восторгомъ привѣтствовали „Бориса Годунова", когда Пушкинъ, прожившій почти весь 1826 годъ въ Москвѣ,

[1]) Объ искусствѣ и художникахъ, стр. 202. Пьеса переведена Шевыревымъ

прочелъ свою знаменитую трагедію у Веневитинова въ присутствіи Шевырева, Погодина и другихъ: попытка создать драму изъ матеріаловъ національной исторіи, съ неслыханнымъ дотолѣ пренебреженіемъ къ піэтическимъ законамъ французскаго классицизма, какъ бы осуществляла чаянія и надежды московскихъ романтиковъ. Шевыревъ съ жадностью прислушивался къ задушевнымъ домашнимъ импровизаціямъ Пушкина о поэзіи и искусствѣ; изъ нихъ онъ хотѣлъ извлечь матеріалы для теоріи поэзіи. „Бесѣды съ Пушкинымъ о поэзіи и русскихъ пѣсняхъ (говорилъ онъ), чтеніе Пушкинымъ этихъ пѣсенъ наизусть принадлежатъ къ числу тѣхъ плодотворныхъ впечатлѣній, которыя содѣйствовали образованію моего вкуса и *развитію во мнѣ истинныхъ понятій о поэзіи*".

Нѣмецкая философія, примыкавшая къ развитію и идеямъ романтизма, нашла себѣ въ Москвѣ горячихъ приверженцевъ въ кружкѣ *Любомудрія*, сложившемся около князя Одоевскаго. Въ составъ кружка, литературнымъ органомъ котораго была *Мнемозина*, входили Вяземскій, Шевыревъ, Веневитиновъ и братья Кирѣевскіе. Пушкинъ сблизился съ нимъ во время пребыванія своего въ Москвѣ и отдалъ свое сочувствіе направленію, которое принимала литературная критика подъ перомъ И. Кирѣевскаго, Шевырева, Вяземскаго. Въ литературѣ по поводу появленія „Бахчисарайскаго фонтана" завязывалась горячая борьба между классицизмомъ и романтизмомъ. Остроумнѣйшій защитникъ романтизма русскаго кн. Вяземскій выдѣлился въ *Московскій Телеграфъ*. Въ то же время эстетическія и философскія воззрѣнія романтической школы получили новый литературный органъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" Погодина: въ журналѣ этомъ являлись извлеченія и переводы изъ Тика, Шеллинга, Жанъ-Поля. Критическій отдѣлъ „Московскаго Вѣстника" находился въ распоряженіи Шевырева, который проводилъ въ своихъ статьяхъ основныя положенія нѣмецкой романтической эстетики.

Служебныя занятія въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ руководствомъ Малиновскаго и при содѣйствіи Калайдовича, открывали Шевыреву возможность познакомиться съ рукописными памятниками отечественной исторіи, интересъ къ которой усиливался поэтической дѣятельностью національнаго поэта.

Съ такими литературными и учеными зачатками отправился Шевыревъ за границу въ 1829 году. Большую часть заграничной жизни провелъ онъ въ Италіи и преимущественно въ Римѣ. Здѣсь началась для Шевырева пора серьезнаго изученія великихъ созданій европейскаго искусства,—изученія, которое развѣяло въ молодомъ писателѣ много прежнихъ эстетическихъ утопій, занятыхъ у нѣмецкихъ романтиковъ. Посѣщая Ватиканъ, храмъ св. Петра, Капитолій, частныя галлереи Рима, читая съ комментаріями Винкельмана и Лессинга, Шевыревъ „увидѣлъ, какъ безплодны одни эстетическія воззрѣнія отвлечен-

ныхъ теоретиковъ Германіи". Онъ съ жаромъ обратился къ изученію вѣковѣчныхъ памятниковъ изящнаго, которые представляла ему классическая почва Италіи. „Путешественникъ (писалъ Шевыревъ изъ Рима) долженъ въ Римъ вглядѣться, чтобы постигнуть его величіе; онъ неприступенъ, непривлекателенъ, какъ мудрый брадатый старецъ, хранящій въ своей вѣковой памяти множество событій. *Ученіемъ только* можно вызвать его на святую бесѣду и раскрыть его широкія, пророческія, Юпитеровы уста, да повѣдаетъ онъ свою жизнь безконечную" [1]). Ученью отдался Шевыревъ въ Римѣ „съ жаромъ завидной молодости". „Чѣмъ больше онъ работаетъ (писалъ о Шевыревѣ Кирѣевскій), тѣмъ больше становится сильнѣе и вмѣсто усталости все больше и больше набирается энтузіазма и духа" [2]). Величавая поэма Данта, проникнутая суровымъ духомъ мистицизма и такъ полно выразившая собою средневѣковые идеалы Западной Европы, сдѣлалась съ этихъ поръ однимъ изъ любимыхъ Шевыревымъ произведеній. Въ „Божественной Комедіи" онъ нашелъ отголосокъ мистическимъ чаяніямъ и религіознымъ настроеніямъ, которыми полны были романтики. Обширное и замѣчательное по своей самостоятельности разсужденіе *Дантъ и его вѣкъ*, статьи *О возможности ввести итальянскую октаву въ русское стихосложеніе*, сопровождавшіяся переводомъ октавами 7-й пѣсни *Освобожденнаго Іерусалима*, открыли Шевыреву доступъ къ каѳедрѣ русской словесности въ Московскомъ университетѣ. Въ 1834 году Шевыреву поручено было преподаваніе *исторіи всеобщей словесности* въ университетѣ. Изъ обширной сферы этой науки Шевыревъ выдѣлилъ себѣ для преподаванія „ту часть исторіи слова человѣческаго, въ которой выражается исключительно дѣятельность художественная—исторію изящной словесности". Но Шевырева не интересовалъ уже исключительно эстетическій разборъ классическихъ писателей. Знакомство съ современнымъ движеніемъ науки въ Европѣ выдвинуло у него на первый планъ *историческое* изученіе литературы. „Наука должна имѣть душою философію, тѣломъ — исторію", говорилъ Шевыревъ, вступая на каѳедру словесности. Историческій методъ разработки и преподаванія словесности внесенъ былъ въ Московскій университетъ Шевыревымъ. На Западѣ историческая школа родилась, какъ извѣстно, въ нѣдрахъ возрожденнаго романтизма. Придерживаясь въ изложеніи исторіи всеобщей поэзіи всего болѣе Шлегеля и раздѣляя нерасположеніе его къ современнымъ теоріямъ поэзіи, Шевыревъ пришелъ къ сознанію необходимости, „чтобы теорія поэзіи перешла въ ея исторію": „поэзія (говорилъ онъ) гораздо лучше, многостороннѣе опредѣляется въ исторіи своей, нежели въ эстетикѣ". Онъ не отвергалъ самой науки теоріи поэзіи; онъ не признавалъ только основаніемъ ея отвле-

---

[1]) „Галатея" 1830 г., № 32, стр. 36.

[2]) Сочиненія Кирѣевскаго, I, 64.

ченныхъ философскихъ умозрѣній, на которыхъ построена эстетика Гегеля: по мнѣнію Шевырева „истинная теорія новаго искусства должна быть основана на глубокомъ сравнительномъ изученіи образцовъ древнихъ и новыхъ". Въ своей книгѣ „Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ" Шевыревъ представлялъ превосходную исторію теоретическихъ воззрѣній на поэзію и выразилъ желаніе, чтобы „при нашей современной наклонности къ односторонней умозрительной теоріи нѣмецкой, эмпирическое изученіе искусства взяло верхъ надъ философскимъ, которое у насъ равнозначительно поверхностному". Лучшее осуществленіе своихъ требованій отъ теоріи поэзіи Шевыревъ видѣлъ въ эстетикѣ Жанъ-Поля. Увлекаясь этой „сатирой на всѣ нѣмецкія эстетики, разрушавшей всѣ системы", Шевыревъ признавалъ Жанъ-Поля родоначальникомъ критико-философскаго направленія въ теоріи поэзіи. Книгу Жанъ-Поля профессоръ всегда рекомендовалъ слушателямъ на лекціяхъ теоріи поэзіи; ее онъ употреблялъ при преподаваніи „какъ поэтическое дополненіе къ выводамъ и положеніямъ науки".

Кромѣ изложенія исторіи поэзіи, на Шевыревѣ лежало съ 1834 года преподаваніе правилъ русскаго слога студентамъ 1-го курса всѣхъ факультетовъ; стилистика излагалась „при практическомъ разборѣ упражненій слушателей; къ ней присоединялась краткая исторія русскаго слога". Эта практическая метода принята была профессоромъ „съ тою цѣлью, чтобы гимназическое ученіе приблизилось совершенно къ университетскому". Черезъ нѣсколько лѣтъ эта метода оказалась излишнею. Въ 1845 году, убѣдившись, что „въ студенты университета поступали молодые люди, хорошо владѣвшіе русскимъ слогомъ", Шевыревъ далъ практическимъ упражненіямъ „болѣе ученый характеръ, сообразный съ ихъ факультетскими занятіями и съ движеніемъ современнаго ученія, т.-е. обращено было вниманіе студентовъ всего болѣе на разработку источниковъ отечественной исторіи и литературы". Историческій методъ и здѣсь получалъ перевѣсъ надъ стилистическими правилами Еще въ 1836 году Шевыревъ началъ читать студентамъ исторію славяно-русскаго языка; „въ основу ея положена была сравнительная грамматика языка славяно-русскаго и церковнаго". Въ 1838 году Шевыревъ приступилъ къ преподаванію исторіи русской словесности. Наука эта, можно сказать, еще не существовала. Памятники древней русской литературы лежали большею частью неизданными по недоступнымъ книгохранилищамъ: Археографическая комиссія лишь въ 1834 году начала свою дѣятельность; громадное твореніе Востокова *Описаніе рукописей Румянцовскаго музея*, составляющее доселѣ самое существенное основаніе исторіи древней русской литературы, не появлялось въ свѣтъ. Шевыреву оставалось руководствоваться *Словаремъ духовныхъ писателей* митрополита Евгенія и замѣтками, разсѣянными въ Исторіи государства Россійскаго. Обширное, почти нетронутое рукою изслѣдователя

поле манило къ себѣ профессора, воспитаннаго въ романтическомъ уваженіи къ своей народности, неудовлетвореннаго отвлеченностью нѣмецкихъ умозрѣній, убѣжденнаго, что русскіе ученые должны „опередить современемъ своихъ предшественниковъ“ и создать самостоятельный, чуждый односторонности, *русскій* взглядъ на исторію европейскаго образованія и литературы. Къ исторіи русской словесности Шевыревъ приступалъ, чтобы „извлечь изъ нея поучительный урокъ для будущаго,— урокъ важный, касающійся современнаго образованія и направленія литературы русской“. Онъ не хотѣлъ ограничиться спеціальной разработкой одного отдѣла или періода исторіи русской словесности; спеціальные курсы онъ считалъ несовмѣстными съ задачею преподаванія наукъ въ русскихъ университетахъ: Шевыревъ хотѣлъ представить слушателямъ науку во всемъ ея объемѣ. „Набросимъ (говорилъ онъ, приступая къ изложенію исторіи русской словесности) хотя эскизъ великому зданію; начертимъ себѣ планъ своихъ дѣйствій; укажемъ на то, что надобно бы сдѣлать; утвердимъ хотя разные вопросы въ нашей наукѣ и покажемъ путь къ отвѣтамъ“. Начиная преподаваніе исторіи отечественной литературы, Шевыревъ не хотѣлъ сдерживать себя тѣми рамками, которыми наука ограничиваетъ объемъ и содержаніе исторіи литературы и которыхъ не переступалъ онъ самъ при изложеніи исторіи всеобщей словесности. „Въ исторіи словесности отечественной *все* занимательно, поучительно и необходимо. Наше патріотическое участіе не полагаетъ границъ между великимъ и малымъ. Мы даже иногда охотнѣе останавливаемся на какой-нибудь мелочи, не столько намъ извѣстной, нежели на произведеніи великомъ, которое съ дѣтскихъ лѣтъ есть уже собственность нашей памяти“. Патріотическое участіе заглушало въ изслѣдователѣ древней русской словесности строгій голосъ научныхъ требованій и методы. Въ силу этого патріотическаго участія малое, но свое получало въ глазахъ Шевырева особенную цѣну и смыслъ. Современное движеніе литературы и науки въ Россіи въ началѣ сороковыхъ годовъ, враждебное тѣмъ началамъ, съ которыми подходилъ Шевыревъ къ нашему литературному прошедшему, содѣйствовало тому, что воззрѣнія профессора на древній періодъ до-петровскаго развитія Россіи формулировались съ особенною рѣзкостью и съ такою же односторонностью, какъ и взгляды противоположной школы. Критика порывала связи съ литературными преданіями XVIII вѣка и, подходя къ писателямъ той эпохи съ соціальными вопросами и требованіями, низводила ихъ съ той высоты, на которой они стояли до того времени. Гегелева философія смѣняла натурфилософію Шеллинга и мистическія ученія, которыя такъ широко развернулись на Руси въ царствованіе императора Александра I. Литературная критика отнеслась холодно и презрительно къ древней русской жизни и литературѣ. И вотъ этотъ-то древній періодъ русской словесности дѣлалъ Шевыревъ предметомъ научнаго изложенія, предметомъ университетскаго преподава-

нія. Обрабатывая почву мало извѣстную, заброшенную, оставленную недостойною серьезнаго изученія, изслѣдователь невольно вдается въ противоположную крайность и придаетъ ей гораздо болѣе значенія, нежели она въ самомъ дѣлѣ его имѣетъ. Одностороннему равнодушію и даже презрѣнію къ древней русской литературѣ Шевыревъ противопоставилъ крайнее увлеченіе ею. „При современномъ направленіи нашего пишущаго міра (говорилъ онъ въ 1838 году) исторія словесности русской принадлежитъ къ числу необходимыхъ потребностей, къ числу важнѣйшихъ вопросовъ нашего учено-литературнаго міра. Духъ неуваженія къ произведеніямъ отечественнымъ и духъ сомнѣнія во всемъ томъ, что славнаго завѣщала намъ древность, должны же когда-нибудь прекратиться, и мы можемъ противодѣйствовать ему только глубокимъ и терпѣливымъ изученіемъ того, что составляетъ литературную собственность нашего народа“. Такъ изученіе и преподаваніе исторіи древней русской словесности, руководимое патріотическимъ сочувствіемъ къ старинѣ, получало у Шевырева полемическій характеръ изъ исторіи древняго русскаго слова профессоръ хотѣлъ вычитать обличеніе одностороннимъ тенденціямъ литературной школы, получившей впослѣдствіи названіе „западниковъ“, и такимъ образомъ „содѣйствовать къ разрѣшенію перваго вопроса въ современномъ намъ русскомъ образованіи: какъ бы породнить Россію древнюю съ Россіею новою; какъ въ этихъ блестящихъ внѣшнихъ формахъ новой Россіи воскресить духъ ея древней жизни и вызвать всѣ завѣтныя преданія нашихъ предковъ, однимъ словомъ, какъ въ современной жизни нашей и въ словесности, ея отраженіи, примирить навсегда нашу чистую коренную народность съ европейскимъ образованіемъ“. Существенно характеристическою чертою нашей древней словесности въ отличіе отъ западно-европейской Шевыревъ выставилъ на вступительной лекціи то, что „мы совершенно чужды памятниковъ языческихъ; отсюда истекаетъ чисто религіозный характеръ нашей древней словесности“.

Въ томъ же 1838 году Шевыревъ вновь отправился за границу и пробылъ тамъ болѣе двухъ лѣтъ. Въ эту поѣздку онъ познакомился съ Баадеромъ, бесѣды котораго „оставили въ Шевыревѣ слѣды на цѣлую жизнь“. Въ христіанской философіи Баадера Шевыревъ нашелъ подтвержденіе и дальнѣйшее развитіе тѣхъ воззрѣній, которыя въ немъ сложились. Баадеръ воспитался на ученіи знаменитаго мистика Іакова Бёма, теософія котораго была религіознымъ кодексомъ для кружка романтиковъ Тика, Стеффенса, Шлегелей, Новалиса и Шеллинга во время ихъ общей жизни въ Іенѣ. Избѣгая всякой опредѣленности, разрушая литературныя преданія и теоріи, обращаясь къ религіи, какъ къ источнику поэтическихъ откровеній, Тикъ называлъ Бёма истиннымъ поэтомъ и его теософическія мечтанія ставилъ выше философіи Фихте. Религіозно настроенная, воспитанная романтизмомъ мысль Шевырева и прежде съ сочувствіемъ обращалась къ Іакову Бёму: еще

въ 1836 году онъ упрекалъ Фридриха Шлегеля, уже отступившаго къ католицизму, за „отчужденіе его отъ реформаціи и устраненіе отъ Іакова Бёма“. Баадеръ полемизировалъ противъ философской системы Гегеля и ставилъ его ниже Бёма; Шевыревъ постоянно высказывался противъ Гегелевой философіи, противъ безусловнаго пристрастія къ нѣмецкимъ теоріямъ и, по слѣдамъ Шлегеля, видѣлъ „начало истинной философіи въ подчиненіи знанія вѣрѣ, философіи — откровенію“. Познакомившись съ ученіемъ Баадера, Шевыревъ отдалъ „этому мыслителю первое мѣсто между тѣми, которые задали себѣ рѣшеніе важнѣйшаго вопроса: какъ примирить философію съ религіей“. Патріотическому чувству Шевырева особенно льстило то, что Баадеръ „всего болѣе сочувствовалъ ученію восточной церкви“, равно отклоняясь и отъ протестантизма, и отъ католицизма.

Шевыревъ возвратился въ Россію съ удвоеннымъ нерасположеніемъ къ философіи Гегеля. Изъ наблюденій надъ современнымъ образованіемъ Западной Европы онъ вынесъ убѣжденіе, что „развратъ мысли составляетъ невидимый недугъ Германіи, порожденный въ ней реформаціею и глубоко таящійся въ ея внутреннемъ развитіи“, что „мы чувствуемъ необходимость разорвать дальнѣйшія связи наши съ Западомъ въ литературномъ отношеніи“, что „мы должны поневолѣ ограничиться богатымъ протекшимъ Запада и *искать своего въ нашей древней исторіи*“. Съ такими мыслями и надеждами приступилъ Шевыревъ къ продолженію труда, прерваннаго заграничной поѣздкой,—къ исторіи древней русской словесности. Окончательно выработавшійся у Шевырева взглядъ на древнюю русскую словесность опредѣлился вышеизложенными воззрѣніями и извѣстенъ не только его университетскимъ слушателямъ, но и московскому обществу, передъ которымъ онъ читалъ не одинъ разъ публичныя лекціи по исторіи словесности, извѣстенъ и въ литературѣ, въ которой поднялась полемика при появленіи курса Шевырева въ печати. Не намъ принимать на себя оцѣнку ученыхъ трудовъ нашего покойнаго наставника. Каковы бы ни были увлеченія Шевырева, въ какомъ бы идеальномъ свѣтѣ ни представлялись ему древнерусское образованіе и литература, его пристрастіе истекало изъ глубокаго и сердечнаго убѣжденія, что „въ древней Руси хранится первоначальный чистый образъ нашей народности“. Какъ профессору словесности въ Московскомъ университетѣ Шевыреву принадлежитъ та несомнѣнная заслуга, что онъ обратилъ вниманіе и силы своихъ слушателей къ историческому изученію языка и словесности. Если его исторія древней русской литературы не свободна отъ сантиментальной идеализаціи древне-русской жизни и развитія, то не забудемъ, что она была первою и доселѣ остается единственною попыткою представить полную картину историческаго развитія русской литературы. Шевыревъ увлекался въ одну сторону, одною идеею; но это была идея русской народности. Историческая школа изученія народной словесности,

господствующая въ настоящее время въ Германіи, считаетъ своимъ главою Якова Гримма; но она выросла на почвѣ, приготовленной романтиками. Такъ же точно и первый эскизъ исторіи древней словесности, набросанный Шевыревымъ съ нескрываемымъ пристрастіемъ къ до-петровской исторіи русской народности, останется исходнымъ пунктомъ, къ которому примкнутъ изслѣдованія русской народной словесности, воздвигнутыя на строго научныхъ началахъ, чуждыя крайнихъ патріотическихъ увлеченій и сантиментальной идеализаціи. Наше время, когда все болѣе и болѣе приводится къ сознанію высокое значеніе народной словесности, когда эстетическія отвлеченности въ наукѣ на университетскихъ каѳедрахъ рѣшительно уступаютъ мѣсто историческому изученію сущности и судебъ русской народной литературы, не откажетъ, конечно, въ словѣ благодарности и сочувствія ученому, котораго симпатіи и силы отданы были русской народности, и который старался положить начало разъясненію той области, гдѣ всего искреннѣе и ярче выражается народность, — исторіи русскаго слова.

В. И. ГРИГОРОВИЧЪ.

(Некрологъ) [1].

Сейчасъ я получилъ изъ Елизаветграда запоздавшую въ пути телеграфную депешу слѣдующаго содержанія: „Преподаватели елизаветградскихъ училищъ помнятъ (похоронятъ?) завтра умершаго 19-го числа Виктора Ивановича Григоровича. Директоръ реальнаго училища Завадскій“.

Это неожиданное извѣстіе о кончинѣ Григоровича принято будетъ съ глубочайшею скорбію людьми, знакомыми съ судьбами и успѣхами славяновѣдѣнія въ Россіи. Когда, по мысли незабвеннаго министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, въ русскихъ университетахъ учреждена была, по уставу 1835 года, каѳедра *Исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій*, В. И. Григоровичъ былъ однимъ изъ первыхъ по времени ученыхъ, занявшихъ новую каѳедру [2]. Начавъ профессорское служеніе въ Казанскомъ университетѣ, Григоровичъ около тридцати пяти лѣтъ занималъ каѳедру славянскихъ нарѣчій въ университетахъ: Казанскомъ, Московскомъ и Новороссійскомъ. Лишь въ сентябрѣ истекающаго года „онъ разстался со службою“ и „переселился въ Елизаветградъ, надѣясь обрѣсти здѣсь возможное удобство для своихъ трудовъ“. На профессора, можетъ быть, капризнаго въ своихъ вкусахъ, городъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе. „Елизаветградъ (писалъ Григоровичъ) имѣетъ то преимущество передъ другими городами Херсонской губерніи, *что въ немъ русская жизнь еще не подавлена*“. Григоровичъ надѣялся и „здѣсь не измѣнить своему слову посильно трудиться“.

---

[1]) [Напечатанъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1876 г., № 332, за подписью „Профессоръ Н. Тихонравовъ“].

[2]) Профессоръ Григоровичъ началъ преподавать славянскія нарѣчія въ Казанскомъ университетѣ въ 1842 году, получилъ степень магистра этого предмета въ томъ же году. Профессоръ О. М. Бодянскій, хотя и получилъ степень магистра въ 1837 году и удерживаетъ за собою честь перваго магистра славянскихъ нарѣчій, началъ свое преподаваніе въ Московскомъ университетѣ также въ 1842 году.

Въ концѣ ноября онъ прислалъ нѣкоторымъ изъ своихъ московскихъ пріятелей письма, проникнутыя бодрымъ настроеніемъ ученаго, твердаго въ своихъ силахъ, неизмѣннаго въ своихъ симпатіяхъ. Ученая дѣятельность заштатнаго профессора продолжалась, и онъ жалѣлъ объ одномъ: „не могу положительно извѣстить о ходѣ своихъ трудовъ"...

Въ лицѣ Григоровича угасла, смѣемъ думать, большая научная сила. Чѣмъ бы ни обусловливалась та рѣдкая ученая скромность, почти стыдливость, которою отличался покойный, скромность, заставлявшая его таить въ рукописи плоды своихъ глубокихъ разысканій; мы можемъ сожалѣть, что и та немалочисленная семья ученыхъ монографій Григоровича, которыя онъ, можно сказать, *вынужденъ* былъ напечатать, не собрана въ одно цѣлое. Отдавъ изъ своей профессорской дѣятельности 34 года провинціальнымъ университетамъ, Григоровичъ тѣмъ самымъ скрылъ отъ большинства читателей не-спеціалистовъ смыслъ своихъ ученыхъ открытій, истинное значеніе своего научнаго авторитета. Преданный исключительно разрѣшенію научныхъ вопросовъ, вращаясь въ ихъ идеальной области, онъ спокойно отдавалъ обнародованіе открытыхъ имъ памятниковъ старославянской литературы другимъ, и въ числѣ этихъ „другихъ" былъ и знаменитый П. І. Шафарикъ. Можетъ быть, поэтому имя профессора Григоровича не имѣетъ у насъ внѣ университетской среды подобающей ему популярности. Симпатіи Григоровича, какъ ученаго, обращены были по преимуществу къ первымъ вѣкамъ славянской письменности и культуры. Его обильныя содержаніемъ монографіи: *Изысканія о славянскихъ апостолахъ въ Европейской Турціи; Статьи, касающіяся древнеславянскаго языка; Службы св. апостоламъ Кириллу и Меѳодію; О св. Климентѣ Болгарскомъ* и изслѣдованія о происхожденіи и памятникахъ Глаголицы освѣтили яркими лучами древнѣйшій періодъ исторіи старославянской литературы и вмѣстѣ съ трудами другихъ изслѣдователей легли въ основаніе историческихъ изысканій о блаженныхъ первоучителяхъ славянскихъ. Древне-русскіе паломники, отдаваясь порывамъ своего благочестиваго вѣрованія, стремились къ той святой землѣ, „по которой Христосъ походилъ своими ногами". Однимъ изъ первыхъ ученыхъ предпріятій Григоровича было также походить по *святой землѣ*, ознаменованной апостольскою дѣятельностью насадителей славянскаго просвѣщенія, и заботливою рукой ученаго, вѣрующаго въ судьбы славянской народности, бережно собрать и соблюсти отъ турецкой дикости и равнодушія грековъ письменные остатки старославянской литературной старины. Читая *Очеркъ путешествія по Европейской Турціи*, каждый можетъ замѣтить, какъ дорого обходился Григоровичу доступъ „въ эти помѣщенія, сверху до низу наполненныя полуистлѣвшими клочками и обрывками, нерѣдко разсыпавшимися въ его рукахъ". И этотъ *Очеркъ*, напечатанный въ 1848 году, вмѣщаетъ въ себѣ лишь немногія изъ ученыхъ наблюденій почившаго профессора. Осматривая обрывки рукописей, вывезенные съ Аѳона преосвященнымъ Порфи-

ріемъ (нынѣ викаріемъ кіевскимъ) и красовавшіеся на выставкѣ третьяго археологическаго съѣзда, Григоровичъ быстро опредѣлялъ монастыри или мѣстности, изъ которыхъ они были получены, и говорилъ: „Вотъ что значитъ монашеская мантія! А мнѣ этого не отдали. Теперь можно напечатать *Очеркъ* вторымъ изданіемъ и разсказать все, какъ было".

Не подъ ударомъ скорбной телеграммы, не надъ свѣжею могилою товарища говорить объ ученыхъ трудахъ Григоровича и оцѣнивать ихъ относительный вѣсъ. Не время опредѣлять и профессорскій трудъ почившаго. Между тѣмъ въ жизни и дѣятельности Григоровича этотъ трудъ, въ силу особенныхъ обстоятельствъ, выдвинулся на первый планъ. Желаемъ искренно, чтобы слушатели покойнаго передали намъ съ полною искренностью, безъ неприличной риторики, свои воспоминанія о преподаваніи Григоровича. Эти сообщенія дороги для оцѣнки ученой личности. Григоровичъ былъ ученый по преимуществу, въ особенномъ смыслѣ этого слова. Внѣ научной сферы для него, кажется, не существовало другаго міра, и онъ къ этому „другому" міру былъ вполнѣ равнодушенъ и безотвѣтенъ. На его внѣшности отражалось это аскетическое затворничество въ тихомъ пристанищѣ ученаго кабинета. Изъ своей келіи онъ любилъ выносить результаты своихъ изысканій не въ печать, а въ столь же тихую, какъ его кабинетъ, немногочисленную аудиторію своего университета или въ тѣсный кругъ своихъ товарищей.

И, кто знаетъ? можетъ быть, сѣмена, брошенныя въ скромныхъ аудиторіяхъ Казани, уже успѣли принести плодъ, которымъ пользуется наша литература, не спрашивая о томъ, кому она обязана имъ. Ученые Казанской духовной академіи обогатили науку многими историческими трудами, которые были бы невозможны безъ умѣнья читать и, главное, почитать, то-есть уважать рукописные памятники русской и общеславянской литературной старины. Эта особенность въ направленіи ученой пытливости профессоровъ Казанской духовной академіи не объясняется ли тѣмъ, что Щаповъ, Павловъ, Добротворскій и Порфирьевъ испытали на себѣ вліяніе профессора Казанской академіи Григоровича? Немногія наскоро набросанныя строки о покойномъ позволю себѣ заключить выпискою изъ его послѣдняго ко мнѣ письма[1]) (отъ 29 ноября). „Могу лишь отвѣчать задушевнымъ признаніемъ, что вѣковой Императорскій Московскій университетъ оправдываетъ на мнѣ коренное наше убѣжденіе, что онъ есть *alma mater*, внимательная и къ рядовымъ труженикамъ науки на окраинахъ русской земли, что съ своей стороны съ искреннимъ рвеніемъ буду хранить до конца жизни неусыпное уваженіе къ заслугамъ этой *alma mater* и что съ такимъ только зарокомъ могу соревновать въ качествѣ члена благотворнымъ трудамъ ученыхъ, ревнующихъ объ ея славѣ".

---

[1]) На извѣщеніе, что Московскій университетъ избралъ его въ почетные члены.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ (1824—1828) [1].

11-го сентября 1824 года въ правленіе Московскаго университета поступило слѣдующее прошеніе: „Родомъ я изъ Оберъ-Офицерскихъ дѣтей, сынъ Коммиссіонера 9-го класса Ивана Пирогова, отъ роду мнѣ имѣется 16 лѣтъ, обучался на первѣе въ домѣ родителей моихъ, а потомъ въ Пансіонѣ Г-на Кряжева: Закону Божію, Россійскому, Латинскому, Нѣмецкому и Французскому языкамъ, Исторіи, Географіи, Ариѳметикѣ и Геометріи. Нынѣ же желаю ученіе мое продолжать въ семъ Университетѣ, въ званіи Студента; почему Правленіе Императорскаго Московскаго Университета покорнѣйше прошу допустить меня, по надлежащемъ испытаніи, къ слушанію Профессорскихъ лекцій и включить въ число своекоштныхъ Студентовъ Медицинскаго Отдѣленія. Свидѣтельство же о родѣ моемъ и лѣтахъ при семъ прилагаю. Къ сему прошенію Николай Пироговъ руку приложилъ". Приложенное къ этому собственноручному прошенію Н. И. Пирогова, вмѣсто метрики, свидѣтельство, *выданное 4 сентября 1824 года* изъ коммиссіи московскаго Коммиссаріатскаго депо [2]), удостовѣряло, что „по формулярному списку коммиссіонера девятаго класса Ивана Пирогова значится въ числѣ прочихъ его дѣтей сынъ Николай, имѣющій *нынѣ отъ роду шестнадцать лѣтъ*". Если бы показаніе этого документа о лѣтахъ Н. И. Пирогова было справедливо, то годомъ его рожденія слѣдовало бы считать 1808-й, а не

[1]) [Напечатано отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: „Николай Ивановичъ Пироговъ въ Московскомъ университетѣ (1824—1828). Справки въ документахъ университетскаго архива Николая Тихонравова". 12 стр.. 4°. *Ред.]*.

[2]) По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 29 генваря 1797 года. „Коммиссаріатская Экспедиція мая съ 28 числа (1797 г.) бытіе свое въ Москвѣ оставила, а имѣетъ уже находиться въ С.-Петербургѣ при Военной Коллегіи, въ Москвѣ жъ остается Московское Коммиссаріатское Депо". Полное собраніе законовъ. т. XXIV, № 18.010.

1810-й, который обыкновенно указывается въ его біографіяхъ [1]). Но метрическое свидѣтельство Н. И. Пирогова удостовѣряетъ, что онъ родился 13 ноября 1810 г. Въ документѣ, выданномъ изъ Коммиссаріатскаго депо, лѣта Пирогова были показаны неточно, дабы открыть ему доступъ въ университетъ: въ то время никто не могъ вступить въ студенты, не имѣя 16 лѣтъ отъ роду. Первоначальное воспитаніе Пироговъ получилъ въ домѣ родителей, потомъ *около двухъ лѣтъ* учился въ извѣстномъ въ то время московскомъ пансіонѣ Василія Степановича Кряжева. Въ ряду московскихъ педагоговъ первой четверти настоящаго столѣтія Кряжевъ занимаетъ довольно видное мѣсто. Послѣ погрома, постигшаго московскія „вольныя", т.-е. частныя типографіи въ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка, Кряжевъ въ компаніи съ Иваномъ Меемъ и купцомъ Готье завелъ въ 1802 году типографію въ Москвѣ, получивши на это предпріятіе изъ московскаго Опекунскаго совѣта заимообразно 25.000 рублей, которые компанія обязалась уплатить въ теченіе восьми лѣтъ. Типографія находилась подъ особеннымъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и печатала всѣ необходимыя бумаги для московскаго Воспитательнаго Дома и подвѣдомственныхъ ему заведеній [2]). Типографія этой компаніи просуществовала недолго; дѣла ея запутались, долгъ Опекунскому совѣту въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не выплачивался; въ 1809 году рѣшено было продать типографію Мея и Кряжева (Готье вышелъ изъ компаніи еще въ 1804 году); за нее выручено было только 5.000 рублей. Сумма эта была недостаточна для погашенія долга Опекунскому совѣту; около 20,000 рублей пришлось уплатить въ казну поручителямъ Мея и Кряжева, и лишь въ концѣ 1811 года Императрица Марія Ѳеодоровна приказала окончательно рѣшить дѣло о типографщикахъ Меѣ и Кряжевѣ: недоплаченную ими сумму Государыня соизволила внести изъ собственной казны [3]). Только-что развязавшись съ неудавшимся предпріятіемъ, Кряжевъ задумалъ открыть въ Москвѣ пансіонъ. Прошлое Кряжева должно было ручаться за успѣхъ этого новаго предпріятія. Зная основательно англійскій, французскій и нѣмецкій языки, Кряжевъ, еще двадцатилѣтнимъ юношею, принялъ участіе въ журналѣ одного изъ первыхъ послѣдователей Карамзинской литературной школы — Подшивалова „*Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія*" (1791—1793). Въ то же время Кряжевъ началъ издавать учебники по предметамъ, входившимъ въ составъ средняго образованія, преимущественно по новымъ иностраннымъ языкамъ. Въ 1791 году онъ издалъ *Руководство къ Аглинскому языку*, въ 1795-мъ вышла его *Аглин-*

[1]) Напр., г. Бертенсона въ „Русской Старинѣ", 1881 г., мартъ, стр. 603, въ „Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ", изд. Березинымъ, отд. III, т. IV, стр. 80, и другія изданія.

[2]) „Библіографическія Записки", 1859, № 19, стр. 590.

[3]) Тамъ же, стр. 599.

ская грамматика, заключающая въ себѣ кратко всѣ правила, нужныя для изученія сему языку, съ прибавленіемъ употребительнѣйшихъ разговоровъ. Этотъ учебникъ изданъ „въ пользу воспитанниковъ въ Пенсіонѣ Московскаго Университета". Педагогическую цѣль преслѣдовалъ Кряжевъ, издавая въ русскомъ переводѣ „Простое введеніе къ познанію природы. соч. Беркена" (М., 1803 г.). Одновременно съ учрежденіемъ, вмѣстѣ съ Меемъ и Готье, типографіи начались связи Кряжева съ московскимъ Коммерческимъ училищемъ [1]; въ 1806 году онъ былъ уже тамъ не только учителемъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, но и директоромъ. Въ 1806 году Кряжевъ печатаетъ переведенное имъ съ нѣмецкаго „Новѣйшее и подробное землеописаніе всѣхъ частей свѣта, сообразное съ послѣдними политическими перемѣнами"; въ 1811 году выходитъ въ свѣтъ „изданная для употребленія въ Московскомъ Коммерческомъ Училищѣ" *Купеческая ариѳметика для банкировъ, купцовъ, заводчиковъ, фабрикантовъ и воспитанниковъ ихъ.* Кряжевъ любилъ печатать для своихъ учениковъ *свое* руководство, и значительное число учебниковъ, изданныхъ имъ по разнымъ спеціальностямъ, указываетъ, какіе предметы приходилось преподавать Кряжеву въ разное время въ школахъ. Кромѣ учебниковъ по всеобщей исторіи и географіи Кряжевъ издалъ нѣсколько руководствъ для первоначальнаго изученія англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Перепечатавши (въ 1798 году) вторымъ изданіемъ свою *Англинскую грамматику* „съ прибавленіемъ употребительнѣйшихъ разговоровъ", Кряжевъ издалъ въ 1811 году *Новые практическіе разговоры англинскіе.* Въ 1804 и 1808 годахъ онъ издаетъ *Разговоры французскіе съ русскимъ;* въ 1812 и 1820 — *Новые разговоры французскіе и россійскіе, раздѣленные на 130 уроковъ;* въ 1808 году выходитъ *Краткая грамматика французская съ словаремъ и разговорами* (по Ломонду); въ 1822-мъ *Лекьэнова французская грамматика удобопонятная для всѣхъ тѣхъ, которые никакихъ свѣдѣній о правилахъ сего языка не имѣютъ.* Въ 1821 году появляется въ печати составленная имъ *Первоначальная учебная книга нѣмецкаго языка, содержащая въ себѣ правила чтенія и произношенія съ собраніемъ нужнѣйшихъ словъ и рѣченій.* Въ московскомъ педагогическомъ кружкѣ Кряжевъ замѣтенъ былъ какъ одинъ изъ немногихъ русскихъ преподавателей новыхъ иностранныхъ языковъ. Недостатокъ въ образованныхъ учителяхъ новыхъ европейскихъ языковъ, столь ощутительный для среднихъ учебныхъ заведеній даже въ настоящее время, особенно давалъ себя чувствовать въ первой четверти настоящаго столѣтія. Подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ обстоятельствъ, незадолго передъ грозою 1812 года, министръ

---

[1]) При учрежденіи типографіи Кряжевъ, Мей и Готье обязались жертвовать каждогодно по два процента съ занятаго капитала въ пользу Коммерческаго училища и не разъ жертвовали туда книги на значительную сумму. Тамъ же, стр. 598, 604.

народнаго просвѣщенія вошелъ къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ между прочимъ значилось: „Въ отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все неиностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло, толь глубоко въономъ внѣдрившееся. Всѣ почти Пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ иностранца. Сего недовольно: и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ, и говорятъ по иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ“. Министръ испрашивалъ утвержденія слѣдующихъ мѣръ относительно частныхъ пансіоновъ: „1) дабы въ числѣ познаній содержателя пансіона не упускать изъ виду русскаго языка; 2) за правило поставить, чтобы во всѣхъ пансіонахъ науки преподаваемы были на русскомъ языкѣ; 3) вновь принимать въ пансіоны учителей для наукъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы преподавали оныя на русскомъ языкѣ“ [1]). 25 мая 1811 года на этомъ докладѣ министра начертано было: *„Быть по сему“*, а въ іюнѣ того же года Кряжевъ открылъ въ Москвѣ *Своекоштное отечественное училище* для дѣтей благороднаго званія. Цѣлью новаго учрежденія было „доставить родителямъ средства воспитать дѣтей ихъ такъ, чтобы они могли быть способными для государственной службы чиновниками“. Частный пансіонъ Кряжева, съ шестилѣтнимъ курсомъ, раздѣлялся на три класса, или разряда. При открытіи пансіона было объявлено: *„Въ первомъ разрядѣ въ первые два года обучаются:* Закону вѣры, чистописанію, рисованію, ариѳметикѣ, началамъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, всеобщей географіи и исторіи, россійской грамматикѣ. *Во второмъ разрядѣ въ другіе два года:* продолженіе Закона вѣры, чистописанію на трехъ языкахъ, рисованію тушью, ариѳметикѣ, алгебрѣ, переводамъ съ французскаго и нѣмецкаго и на оные языки съ россійскаго, латинскому языку, исторіи новѣйшей, географіи россійской, естественной исторіи, россій-

---

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. I, 602—604.

скому слогу; *въ третьемъ разрядѣ въ остальные два года:* нравоученію и должностямъ человѣка и гражданина, рисованію красками, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, статистикѣ всеобщей, россійской исторіи, слогу французскаго и нѣмецкаго языковъ, латинскому языку, англійскому языку, физикѣ, технологіи и бухгалтеріи, сверхъ того танцамъ и музыкѣ" [1]). Оправившись послѣ московскаго разоренія, пансіонъ Кряжева, благодаря трудамъ и личнымъ качествамъ своего основателя, получилъ добрую репутацію въ московскомъ обществѣ. Въ „отечественное училище" такого педагога вступилъ въ началѣ 1822 года Пироговъ, чтобы подготовиться къ поступленію въ Московскій университетъ. При выходѣ изъ пансіона Пироговъ получилъ такой аттестатъ: „Коммиссіонера 9-го класса сынъ *Николай Пироговъ* обучался въ пансіонѣ моемъ съ 5 февраля 1822 года Катихизису, Изъясненію Литургіи, Священной исторіи, Россійской Грамматикѣ, Риторикѣ, Латинскому, Нѣмецкому и Французскому языкамъ, Ариѳметикѣ, Алгебрѣ, Геометріи, Исторіи всеобщей и Россійской, Географіи, Рисованью и Танцованью, съ отличнымъ стараніемъ при благонравномъ поведеніи; въ засвидѣтельствованіе чего и дано ему сіе отъ меня въ Москвѣ, сентября 9-го дня 1824 года. Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Василій Кряжевъ". 22 сентября того же года ординарные профессоры Мерзляковъ, Котельницкій и Чумаковъ представили въ правленіе университета такое донесеніе: „По назначенію Господина Ректора Университета, мы испытывали Николая Пирогова, сына Коммиссіонера 9-го класса, въ языкахъ и Наукахъ, требуемыхъ отъ вступающихъ въ Университетъ въ званіи Студента, и нашли его способнымъ къ слушанію Профессорскихъ лекцій въ семъ званіи. О чемъ и имѣемъ честь донести Правленію Университета". Такимъ образомъ Пироговъ принятъ былъ въ Московскій университетъ. При полученіи званія студента онъ далъ обычное въ то время обязательство: „Я нижеподписавшійся симъ объявляю, что я ни къ какой масонской ложѣ и ни къ какому тайному обществу ни внутри Имперіи, ни внѣ ея не принадлежу и обязываюсь впредь къ онымъ не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть. Въ чемъ подписуюсь Студентъ Медицинскаго Отдѣленія Николай Пироговъ". При началѣ 1824—25 академическаго года въ студенты Московскаго университета принято было на всѣ отдѣленія—157 человѣкъ.

Время окончанія Н. И. Пироговымъ университетскаго курса и полученія имъ степени лѣкаря опредѣляется въ его жизнеописаніяхъ различно и безъ надлежащей точности. Эта неточность вкралась даже въ печатный отчетъ Московскаго университета, или „Краткую исторію Императорскаго Московскаго Университета и его Учебнаго Округа съ 5-го числа іюля 1828 по 26 число іюня 1829 года" [2]). Потому справки съ

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1811 г., № 12, стр. 315—319.

[2]) См. Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета іюня 26 дня 1829 года, стр. 61.

подлинными документами университетскаго совѣта представляются необходимыми для устраненія неточныхъ и разнорѣчивыхъ показаній объ окончаніи Пироговымъ университетскаго курса.

Въ концѣ 1827 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи при Дерптскомъ университетѣ института *изъ двадцати природныхъ россіянъ*, предназначенныхъ для замѣщенія современемъ профессорскихъ каѳедръ въ четырехъ русскихъ университетахъ. Предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 4-го ноября 1827 года „выборъ студентовъ для поступленія въ профессорскій институтъ предоставленъ былъ Совѣту Московскаго Университета подъ самою строгою отвѣтственностію, такъ что ежели которые изъ сихъ студентовъ окажутся здѣсь на испытаніи неспособными, таковые будутъ отправлены обратно въ Москву на счетъ Попечителя и Университетскаго Совѣта". Для отправленія въ профессорскій институтъ совѣтомъ Московскаго университета избрано было семь человѣкъ: лѣкаря Иванъ Шиховскій, Петръ Корнухъ-Троцкій, Григорій Сокольскій, кандидаты Петръ Рѣдкинъ и Николай Коноплевъ, своекоштные *студенты* Александръ Шуманскій и Николай Пироговъ. 27 февраля 1828 года попечитель Московскаго учебнаго округа препроводилъ въ совѣтъ университета копію съ циркулярнаго отношенія министра народнаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи попечителямъ округовъ сообщалось къ исполненію Высочайше утвержденное мнѣніе главнаго правленія училищъ, состоявшее главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: „1) Какъ изъ всѣхъ университетовъ оказалось желающихъ и достойныхъ вступить въ предполагаемый профессорскій институтъ не болѣе 21 человѣка, т. е. почти то число, которое Его Императорскому Величеству благоугодно было назначить, и слѣдственно изъ сего ограниченнаго числа нельзя сдѣлать предположеннаго здѣсь выбора, то и вытребовать ихъ всѣхъ сюда. 2) Какъ назначаемые студенты должны быть подвергнуты испытанію здѣсь въ С.-Петербургѣ, что продолжится довольно долгое время, между тѣмъ какъ полугодичный курсъ въ Дерптскомъ Университетѣ начинается въ генварѣ мѣсяцѣ и слѣдственно они не могутъ уже воспользоваться онымъ вполнѣ, то, дабы они не потеряли сего времени вотще и воспользовались онымъ въ своихъ университетахъ и могли прибыть въ Дерптъ къ началу осенняго курса, въ августѣ мѣсяцѣ, предложить гг. попечителямъ распорядиться такъ, чтобы избранные ими студенты были здѣсь непремѣнно перваго іюня текущаго года, дабы по выдержаніи экзамена могли прибыть въ Дерптъ за нѣсколько недѣль до начала курса". 31 марта совѣтъ Московскаго университета препроводилъ копію съ этого отношенія министра въ правленіе для подлежащихъ распоряженій. Въ началѣ мая назначенные къ отправленію въ профессорскій институтъ дали въ правленіе университета подписку въ томъ, что они „къ отъѣзду въ Петербургъ будутъ совсѣмъ готовы непремѣнно къ 24 числу сего мая мѣсяца и что они обязуются въ дорогѣ находиться въ повиновеніи у лѣ-

каря Ивана Шиховскаго". Послѣдняя подпись подъ этимъ обязательствомъ: „Читалъ и исполнить обязуюсь, *Студентъ* Николай Пироговъ". Правленіе постановило выдать отправлявшимся на прогоны 823 р. 48 к. и на путевыя издержки 350 руб. (полагая по 50 руб. на каждаго), а всего 1173 руб. 48 коп. заимообразно изъ хозяйственной университетской суммы. 24 мая помощникъ экзекутора донесъ правленію, что шести отправляющимся въ Петербургъ лѣкарямъ и кандидатамъ (т.-е. всѣмъ назначеннымъ, кромѣ Шиховскаго) выданы шляпы, шпаги, мундиры темносиняго сукна съ шитыми золотомъ воротниками и обшлагами. При полученіи шляпы и шпаги Пироговъ расписался *лѣкаремъ*. 26-го мая онъ вмѣстѣ съ товарищами отправился въ Петербургъ. Въ дневной запискѣ чрезвычайнаго засѣданія совѣта Московскаго университета, бывшаго 20-го іюня 1828 года, въ статьѣ 26 читаемъ: „Слушано донесеніе тогожъ (медицинскаго) отдѣленія отъ 20 іюня сего года № 46-й о томъ, что своекоштный студентъ медицинскаго отдѣленія Николай Пироговъ выдержалъ законное испытаніе на степень лѣкаря, почему отдѣленіе, по соображеніи оказанныхъ Пироговымъ свѣдѣній во всѣхъ предметахъ медицины, законами предписанныхъ, находитъ его достойнымъ степени лѣкаря 1-го отдѣленія и представило Совѣту объ утвержденіи его въ семъ званіи. Опредѣлено: уваживъ представленіе отдѣленія и отличныя свѣдѣнія въ медицинскихъ наукахъ студента Пирогова, удостоить его званія лѣкаря 1-го отдѣленія, о чемъ представить Его Превосходительству г. Попечителю на утвержденіе съ прописаніемъ всего порядка испытанія". Въ слѣдующемъ чрезвычайномъ засѣданіи (27 іюня 1828 г.) совѣтъ разсуждалъ о назначеніи дня для годоваго торжественнаго собранія и опредѣлилъ: сіе собраніе назначить 5-го числа сего іюля. Такимъ образомъ, хотя Пироговъ окончилъ испытаніе на званіе лѣкаря 24-го мая, удостоенъ этого званія отдѣленіемъ и Совѣтомъ 20-го іюня, но въ отчетѣ или „Краткой исторіи Московскаго Университета съ 27-го числа мѣсяца іюня 1827 года по 5-е число мѣсяца іюля 1828 года" имени Пирогова въ числѣ студентовъ, удостоенныхъ званія лѣкаря перваго отдѣленія, нѣтъ [1]). Только въ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта 11-го іюля 1828 года слушано было предложеніе попечителя за № 897 объ утвержденіи, по представленію совѣта, своекоштнаго студента медицинскаго отдѣленія Николая Пирогова въ званіи лѣкаря 1-го отдѣленія и опредѣлено: „Означенному лѣкарю Пирогову выдать на званіе сіе надлежащее свидѣтельство и сообщить Правленію Университета, чтобы оно благоволило о таковомъ производствѣ увѣдомить Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Московскую медицинскую Контору, а Врачебному отдѣленію сообщить для свѣдѣнія". Вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ, только въ отчетѣ за 1828—29 учебный годъ напе-

---

[1]) Ср. Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета іюля 5-го дня 1828 года, стр. 45.

чатано было объ утвержденіи своекоштнаго студента Николая Пирогова лѣкаремъ 1-го отдѣленія.

Предписаніемъ отъ 24 сентября 1828 года министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что изъ присланныхъ Московскимъ университетомъ для поступленія въ профессорскій институтъ „по окончаніи испытанія пять человѣкъ оказались достойными поступить въ институтъ, а двое найдены ненадежными; потому министръ, находя, что взысканіе за это должно падать единственно на членовъ совѣта, кои одобрили студентовъ, поелику испытаніе предоставляется собственно гг. профессорамъ", предложилъ попечителю учебнаго округа взыскать съ членовъ совѣта Московскаго университета 542 руб. 3 коп., употребленные на отправленіе въ Петербургъ двухъ признанныхъ „ненадежными" студентовъ. 28 декабря взысканныя съ совѣта деньги переданы были въ правленіе университета. Пирогова не было, конечно, въ числѣ злополучныхъ двухъ кандидатовъ, которые ввели въ убытокъ совѣтъ Московскаго университета. Ради исторической точности слѣдуетъ прибавить, что изъ двухъ кандидатовъ, признанныхъ „ненадежными" въ Академіи наукъ, одинъ приписался на свои собственныя средства къ профессорскому институту и своими блестящими дарованіями и искреннею преданностію наукѣ открылъ себѣ путь къ профессорской каѳедрѣ. Два университета гордятся и въ настоящее время правомъ считать въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ этого товарища Пирогова по профессорскому институту.

РѢЧЬ НА ЮБИЛЕѢ Н. И. ПИРОГОВА [1]).

24 мая 1828 г. оставилъ Московскій университетъ съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія Н. Ив. Пироговъ. И вотъ черезъ 53 года приходитъ онъ снова сюда, окруженный представителями многихъ и многихъ поколѣній, радостно, какъ на праздникъ, выслушать о себѣ слово тѣхъ поколѣній. Благо тому, кто можетъ, оглядываясь на свое прошлое, спокойно внимать безпристрастному о себѣ сужденію живыхъ поколѣній, сужденію искреннему, ибо оно произносится всенародно, сужденію, въ которомъ доносится до него приговоръ потомства.

Въ тяжкую пору нашей общественной жизни, въ пору, когда въ трауръ облечена Русская земля, собрались сюда со всѣхъ концовъ нашего отечества праздновать пятидесятилѣтіе служенія Н. И. Пирогова. Но всякая образованная страна имѣетъ право, скажу болѣе: несетъ долгъ чествовать геній человѣка, неустанный научный трудъ, глубокій патріотизмъ и высокіе подвиги чистой любви къ человѣчеству. Пироговъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ родина можетъ чествовать и въ свѣтлые, и въ скорбные дни своей исторической жизни.

Обществу нужны чествованія его избранниковъ, чтобы не загрубѣть въ мелочахъ и пустотѣ повседневной жизни; эти торжества обращаютъ насъ къ уясненію идеальной стороны жизни, они укрѣпляютъ въ насъ шаткую вѣру въ добро, въ истину, въ человѣка; они поддерживаютъ въ жизненной борьбѣ тѣхъ, которые съ самоотверженіемъ ищутъ „рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни"; они освѣжаютъ живительною струею обычное теченіе „практической, отчасти даже и умственной жизни, съ ея рѣзко выраженнымъ матеріальнымъ, почти торговымъ стремленіемъ, основаніемъ которому служитъ идея о счастіи и наслажденіяхъ въ жизни здѣшней". Къ тому же, по справедливому замѣчанію юбиляра, въ нашемъ малоразвитомъ обществѣ столько условій, парализующихъ духовную, научную дѣятельность; наша жизнь такъ скудна возбуждающими стре-

1) [Печатается по черновой рукописи. *Ред.*].

мленіями. Такія общественныя чествованія лучшихъ людей входятъ могучимъ факторомъ въ общественное воспитаніе. Чтò же такое воспитаніе? На этотъ вопросъ отвѣтимъ собственными словами юбиляра: они покажутъ между прочимъ, чтò именно чествуемъ мы сегодня въ Н. И. Пироговѣ.

Истинная задача воспитанія, по убѣжденію юбиляра, сдѣлать насъ людьми, т.-е. приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ внутренней борьбѣ, неминуемой и роковой, съ направленіемъ общества. „Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! (восклицаетъ Пироговъ) дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго“. „Воспитаніе должно съ раннихъ лѣтъ подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной“. Самоусовершенствованіе должно быть главною задачею жизни; идеалъ не есть ложный призракъ недосягаемаго совершенства: онъ долженъ руководить насъ въ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ. „Идеальное (говоритъ Николай Ивановичъ) мнѣ представляется нитью электрическаго телеграфа, одинъ конецъ котораго тянется къ намъ черезъ всю земную жизнь, а другой исчезаетъ въ безпредѣльности. Какъ идея времени, пространства, числа и мѣры, такъ и идея совершенства присуща человѣку“. Учиться и жить есть одно и то же. Все, что развиваетъ въ насъ внутренняго человѣка, обращаетъ насъ къ идеалу и укрѣпляетъ вѣру въ него, что поддерживаетъ насъ въ роковой внутренней борьбѣ,—все это насъ воспитываетъ. Такое значеніе, мнѣ кажется, имѣютъ для общества празднества, подобныя нынѣшнему. Говоря словами Шекспира, они несутъ двойное благословеніе: тому, кто даетъ, и тому, кто принимаетъ,—они вдохновляютъ дающихъ, они согрѣваютъ человѣческимъ сочувствіемъ принимающихъ.

„Я испыталъ эту внутреннюю роковую борьбу (продолжаетъ Николай Ивановичъ), къ которой мнѣ хочется приготовить исподволь, заранѣе нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности, и не знаю, тотъ ли же успѣхъ“. „Какая борьба можетъ совершиться безъ вдохновенія и безъ сочувствія? Какая борьба покажется вамъ нестерпимою, когда вдохновеніе осѣнитъ, когда сочувствіе согрѣетъ васъ?“

Съ высоты своего воззрѣнія на цѣль воспитанія разсматривалъ Пироговъ нужды нашей школы отъ низшей до высшей. Вся будущая жизнь находится въ рукахъ школы, и потому школѣ по праву принадлежитъ гегемонія надъ жизнью. Своимъ мощнымъ вліяніемъ на жизнь общества школа одолжена наукѣ и одной только наукѣ. Общечеловѣческое, или, какъ иногда выражается Пироговъ, университетское образованіе, чуждое реализма и стремленій къ утилитаризму, есть основа воспитанія. Чѣмъ менѣе распространена въ обществѣ гражданственность, тѣмъ сильнѣе должно быть общечеловѣческое направленіе науки, тѣмъ болѣе университетское должно преобладать надъ факультетскимъ. Поэтому на университетахъ лежитъ нравственная обязанность просвѣщать свой край.

„Вся задача состоитъ не въ томъ, чтобы составить одинъ общій уставъ россійскихъ университетовъ, а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности для каждаго изъ россійскихъ университетовъ, которыя бы сближали ихъ жизнь съ жизнію края. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе будетъ регламентирована дѣятельность университетовъ, тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ общества". Наши университеты никогда не были свободными, университетъ былъ только *по имени* коллегіей. Между тѣмъ нѣтъ лучшей формулы для научнаго и учебнаго учрежденія. Именно у насъ, чтобы дать университету настоящую самостоятельность, и нужно поставить его внѣ всякаго іерархическаго слоя.... Права этой корпораціи—въ свободѣ мысли и слова. Ея сила—въ силѣ правды.

Такія идеи высказалъ Н. И. Пироговъ въ пору составленія нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава [1863 г.,] и вліяніе этихъ идей чувствуется въ этомъ великомъ актѣ великаго царствованія. Будемъ вѣрить, что и другія воззрѣнія Николая Ивановича на университетское устройство, въ которомъ самъ онъ находитъ довольно идеальнаго, осуществятся....

Такъ, мм. гг., университетъ вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ одушевляется въ своихъ стремленіяхъ къ лучшему, къ идеальному. Юбиляръ воспитывалъ насъ своимъ геніемъ, своими научными трудами, своимъ служеніемъ отечеству, по евангельскому слову, зноемъ и тяготою своей жизни, онъ воспитываетъ насъ и теперь своимъ настоящимъ праздникомъ. Благоговѣйная признательность Монарху, соизволившему даровать настоящій день мирнаго торжества и намъ, и великому гражданину Русской земли.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „СОВРЕМЕННИКА" „КАЙ ВАЛЕРІЙ КАТУЛЛЪ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ" [1]).

Кто не знаетъ, до какой степени русская литература бѣдна трудами по части древней, греческой и римской словесности? Какъ же странно было прочесть въ „Современникѣ" слѣдующія строки: „Изученіе древнихъ литературъ и у насъ въ Россіи поставлялось въ обязанность литераторамъ карамзинскаго и пушкинскаго періода, чему яснымъ доказательствомъ можетъ служить огромное количество печатавшихся тогда переводовъ и подражаній древнимъ, начиная отъ Иліады Гомера, прекрасно переведенной Гнѣдичемъ, до одъ Горація, не совсѣмъ удачно переданныхъ на русскій языкъ г. Филимоновымъ. Если въ такое короткое время русская литература успѣла обогатиться дѣльными трудами по части древней словесности, то съ какою же силою должно было отразиться въ европейской словесности вліяніе греческихъ трагиковъ и комиковъ, латинскихъ историковъ и лириковъ?" („Совр." 1850 г., № 8, отд. II, стр. 77). Правда, были переводы греческихъ и римскихъ классиковъ, но каковы были эти переводы? Есть у насъ почти четыре перевода Иліады, три Одиссеи, два Ватрахоміомахіи, есть переводы Софокла, Горація, Овидія, Тацита и др., но даютъ ли намъ они хоть мало-мальски вѣрное понятіе о Гомерѣ, Софоклѣ и т. д.? Справедливѣе было бы сказать, что русская литература не успѣла еще обогатиться дѣльными трудами по части древней словесности. За доказательствами ходить недалеко. Въ 1849—1850 г. много ли вышло дѣльныхъ трудовъ по части древней словесности, кромѣ диссертацій г. Леонтьева, Тритона, г. Фатера, Одиссеи Жуковскаго, да двухъ-трехъ статей въ журналахъ? [2]) Да и большая часть

---

[1]) [Напечатано въ „Москвитянинѣ" 1850 г., т. V, № 19, отд. IV, стр. 114—134, за подписью: „Н. Т.". Это первая печатная статья Тихонравова, написанная имъ, когда онъ былъ студентомъ Педагогическаго института, для того, чтобы облегчить переходъ свой въ Московскій университетъ сверхъ комплекта (см. въ статьѣ А. Н. Пыпина, т. I, стр. XVIII). Вслѣдъ за этой статьей помѣщаются студенческія работы Тихонравова.—*Ред.*].

[2]) Здѣсь редакція „Москвитянина" сдѣлала такое примѣчаніе: „Это еще самый счастливый годъ: въ десять лѣтъ передъ этимъ вышло гораздо менѣе".

журнальныхъ статей не доказываетъ ли того же? Прочтите критическіе разборы Одиссеи, переведенной г. Жуковскимъ: въ однихъ замѣтите вы совершенное незнаніе предмета, о которомъ идетъ дѣло, въ другихъ такіе выводы, которые поставятъ втупикъ мало знакомаго съ этимъ дѣломъ читателя, въ третьихъ спѣшную работу, компиляцію, плохое пониманіе дѣла, и только въ немногихъ истинно-ученую критику. А между тѣмъ люди, почти вовсе незнакомые съ древнею Греціей и Римомъ, считаютъ своею обязанностью проронить, съ приличною важностію, словца два-три о древней греческой и римской литературѣ. Въ критической статьѣ того же „Современника" о Костровѣ читаемъ: „Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни устарѣли труды Кострова, онъ будетъ всегда извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ *первый*, познакомившій русскихъ читателей съ Гомеромъ" („Совр.", № 8, отд. III, стр. 45). Это невѣрно: еще до изданія *шести* пѣсенъ въ переводѣ Кострова, вышедшихъ, какъ говоритъ самъ же авторъ на 42 страницѣ, въ 1787 году, *вся* Иліада была переведена Якимовымъ [1]). Далѣе (ibid., стр. 45) авторъ говоритъ: „Жаль, что Костровъ переводилъ Гомера безъ комментаріевъ и объясненій, необходимыхъ для большинства читателей, не имѣющихъ требуемыхъ для чтенія Гомера познаній о жизни древняго міра. Примѣчанія эти весьма легко было сдѣлать переводчику, какъ потому, что онъ самъ основательно былъ знакомъ съ литературою и жизнью древнихъ, такъ и потому, что въ его время Гомеръ былъ предметомъ изученія и споровъ иностранныхъ филологовъ. Въ 1785 году, т.-е. за два года до изданія перевода Кострова, вышли въ свѣтъ извѣстныя „Prolegomena ad Homerum" Вольфа, возбудившія множество разнородныхъ мнѣній, столкновеніе которыхъ имѣло слѣдствіемъ болѣе глубокое изученіе греческаго міра. Эта дѣятельность могла бы принести много пользы нашему переводчику при изученіи Гомера" etc. Костровъ не могъ сдѣлать примѣчаній къ своему переводу потому, что 1) смотрѣлъ на Гомера вовсе не тѣми глазами, какими смотримъ мы, и не считалъ примѣчаній важнымъ дѣломъ; 2) Вольфовы „Prolegomena ad Homerum" вышли не въ 1785, а въ 1795 году, слѣд. восемь лѣтъ спустя по выходѣ перевода Кострова; 3) по „Пролегоменамъ" Вольфа примѣчаній онъ сдѣлать не могъ: для этого тамъ слишкомъ мало матеріала, что̀ замѣтилъ бы и самъ рецензентъ, еслибъ потрудился пробѣжать ихъ; 4) ученые спорили тогда о существованіи Гомера, о томъ, какъ произошли эти пѣсни, которыя ему приписываются; а эти споры тоже не давали почти никакого матеріала для составленія комментаріевъ и объясненій къ Иліадѣ. Справедливо сказалъ о нихъ Шиллеръ:

---

[1]) Якимовъ намѣревался перевести всего Гомера, что̀ видно изъ заглавія изданнаго имъ перваго тома Иліады: Омировыхъ твореній часть 1-я, Спб., 1776; второй томъ изданъ въ 1778 г. подъ заглавіемъ: Омировой Иліады часть 2-я.

Immer zerreisset den Kranz des Homers,
Und zählet die Väter eines unsterblichen, ewigen Werks;
Doch hat es eine Mutter und die Züge der Mutter,
Deine unsterblichen Züge, Natur!

На ту же бѣдность въ основательныхъ познаніяхъ о греческой и римской литературѣ указываетъ и появленіе нѣкоторыхъ критическихъ статей объ Одиссеѣ и статей въ родѣ „*Катулла*". Много трудились надъ греками и римлянами нѣмцы и французы, потому стòитъ взять нѣмецкія и французскія сочиненія о какомъ-нибудь писателѣ, написать по нимъ статью о немъ, т.-е. свести эти сочиненія воедино. употреблять почаще *мы, я* (мы открыли, для насъ стоило большаго труда etc.), да и въ печать. Вѣдь на русскомъ языкѣ почти ни объ одномъ классическомъ писателѣ нѣтъ хорошаго сочиненія, а между тѣмъ статьи о нихъ любопытны, да и составляются такъ легко: можно писать о Гомерѣ, не зная по-гречески, о Катуллѣ, не зная по-латыни. Это не выдумка, не преувеличеніе, а чистая истина. И замѣчательная вещь!— такіе люди говорятъ о себѣ съ необыкновенною важностью, съ ожесточеніемъ нападаютъ на труды добросовѣстные, заслуживающіе полнаго уваженія и сочувствія! Или, можетъ быть, думаютъ они этимъ возвысить себя? И всего страннѣе встрѣтить рядомъ съ ожесточенною филиппикою противъ подражательности, противъ недостатка самобытности дословныя выписочки изъ нѣмецкихъ книгъ, такъ, впрочемъ, что важный тонъ (мы, я) сохраняется авторомъ, и онъ какъ бы не замѣчаетъ, что повторяетъ чужія слова. Но слѣдовъ заимствованія совершенно сгладить нельзя, напротивъ, статья ясно говоритъ, изъ чего она образовалась. Чтобы подтвердить наши слова, укажемъ на статью 3-го № „Отеч. Записокъ" 1849 года (сравненіе перевода Одиссеи Жуковскаго съ подлинникомъ).

Рецензентъ „Современника" (Одиссея и журнальные толки о ней) замѣтилъ между прочимъ, что въ статьѣ этой отзывается сильное нѣмецкое вліяніе. Это такъ; но отчего же это? Оттого, что авторъ цѣликомъ бралъ то изъ той, то изъ другой нѣмецкой книги. Онъ самъ признается, что „свѣдѣнія о Гомерѣ, имъ приводимыя, заимствованы изъ глубокихъ изслѣдованій проницательнѣйшихъ ученыхъ". Разумѣется, такъ и должно быть. Зачѣмъ же упоминать объ этомъ? А вотъ зачѣмъ: чтобы критика не могла упрекнуть автора въ компиляціи, онъ самъ выставляетъ на видъ, самъ объясняетъ, какъ произошла первая часть его статьи. И въ самомъ дѣлѣ, одно мѣсто взято изъ Шлегеля (т. 3-й), другое изъ „Исторіи греческой поэзіи" Боде, третье изъ Шиллеровой исторіи греческой литературы и т. д. Изъ этихъ и другихъ сочиненій взяты всѣ разсужденія автора о Гомерѣ, изъ нихъ выбраны всѣ ссылки на писателей древнихъ и новыхъ, которыя вы видите на страницахъ 9-й, 11-й, 12-й. Мнѣніе Вольфа изложено у рецензента странно: сдѣлана ссылка на двѣ странички его „Пролегоменъ" (148 и 149) и только! Нѣтъ!

здѣсь дѣло не о двухъ или трехъ страничкахъ, а объ основаніяхъ, на которыхъ Вольфъ утвердилъ свое мнѣніе. Надобно было показать, почему оно имѣетъ „значительную степень вѣроятія“; изъ словъ рецензента этого не видать: мнѣніе Вольфа является чѣмъ-то въ родѣ каприза ученаго, между тѣмъ какъ оно изложено было чрезвычайно остроумно и имѣло за себя многихъ поборниковъ. Мнѣніе свое Вольфъ основалъ на томъ, что „искусство писать, существовавшее у грековъ, правда, съ древнихъ временъ, долго ограничивалось начертаніемъ отдѣльныхъ буквъ и словъ на камнѣ и металлахъ, но нельзя предполагать, чтобы во время Гомера могли писать огромныя поэмы. Объ искусствѣ писать не упомянуто и въ поэмахъ Гомеровыхъ, не имѣемъ о немъ и другихъ достовѣрныхъ извѣстій; если бы письменность тогда существовала, мы владѣли бы не такими скудными извѣстіями о событіяхъ тѣхъ временъ. Самое разнообразіе рѣченій Гомера указываетъ, по мнѣнію Вольфа, на то время, когда употребленіе письменъ не уничтожило еще колебаній въ языкѣ. Сохраняясь въ памяти, поэмы эти не могли быть слишкомъ длинны; это согласно и съ обыкновеніемъ пѣвцовъ, которые на пиршествахъ обыкновенно пѣвали небольшіе разсказы, составлявшіе, впрочемъ, всегда особое цѣлое. Что поэмы Гомера были раздѣлены, доказываетъ, между прочимъ, и то, что нѣкоторыя мѣста поэмъ обработаннѣе прочихъ· другія вовсе не вяжутся съ цѣлымъ, многія даже противорѣчатъ другъ другу. Эпизоды доказываютъ то же самое. Впослѣдствіи уже эти отдѣльныя пѣсни соединены были воедино“. Таково мнѣніе Вольфа. Видно ли все это изъ двухъ-трехъ словъ, какъ бы случайно перекинутыхъ рецензентомъ? Такъ ли обращаютъ *„особенное вниманіе* на мнѣніе, котораго нельзя опустить и при краткомъ обозрѣніи произведеній Гомера“? Притомъ въ изложеніи мнѣнія Вольфа авторъ упустилъ изъ виду другое положеніе, которое онъ (авторъ) впослѣдствіи опровергаетъ, именно то, что Иліада и Одиссея были мало-по-малу распространяемы и, стало-быть, сначала имѣли не столь обширный объемъ. А между тѣмъ это положеніе чрезвычайно важно и могло бы служить орудіемъ противъ самого Вольфа, потому что оно, какъ замѣтилъ Нитцшъ (Erklärende Anmerkungen zu Homers Odyssee, Bd. II, p. XIV). указываетъ на то, что и самъ Вольфъ „колебался въ изъясненіи нынѣшняго вида поэмъ между двумя мнѣніями“. Заключаемъ, что мнѣніе Вольфа нужно бы или вовсе не приводить, или объяснять его подробнѣе, толковитѣе, въ полномъ видѣ, а не урывками, съ двухъ страничекъ. Все это показываетъ, кажется, что авторъ не слишкомъ близко знакомъ съ тѣмъ, о чемъ вознамѣрился писать.

Перейдемъ теперь прямо къ послѣдней части статьи, гдѣ рецензентъ сравниваетъ одну рапсодію перевода Жуковскаго съ подлинникомъ, потому что вторая часть, „излагающая условія истиннаго перевода“, нейдетъ къ нашему предмету.

Не будемъ останавливать вниманія читателей на мелкихъ придир-

кахъ рецензента, — пропускѣ какой-нибудь частицы, эпитета и проч., остановимся только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ особенно распространяется. Всѣ эти мѣста почти буквально переведены съ нѣмецкихъ толкованій, особенно изъ извѣстнаго словаря къ Гомеру Крузіуса (Vollständiges Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und der Homeriden etc. etc. von G. Ch. Crusius. Hannover, 1841). Вотъ доказательства:

(Стр. 35 „Отеч. Записокъ").

Δῖος (вм. *διος* [1]) отъ *Ζεύς*) относится или къ происхожденію отъ Юпитера, или вообще ко внутреннимъ достоинствамъ человѣка и качествамъ внѣшней природы.

1) Въ первомъ случаѣ онъ значитъ происходящій отъ Юпитера... въ этомъ первоначальномъ значеніи *δῖος* употребленъ въ Иліадѣ, IX, 538.

2) Божественный, небесный и въ этомъ случаѣ прилагается къ богамъ и богинямъ для выраженія отличія ихъ отъ людей. Такъ, напримѣръ, (Il., X, 290) *δῖα θέα* значитъ не болѣе, какъ небесная богиня.

3) Эпитетъ *δῖος* прилагается къ героямъ и вообще къ людямъ, отличающимся своими необыкновенными качествами, и въ такомъ случаѣ значитъ могущественный, доблестный, великій, сильный, славный, мужественный, воинственный, благородный; такъ въ Одиссеѣ часто встрѣчается *δῖος ὑφορβός*.

4) Этотъ же эпитетъ прилагается и къ животнымъ, отличающимся превосходными качествами, такъ Гомеръ (Il., VIII, 185) исчисляетъ лошадей etc.

5) Наконецъ, *δῖος* прилагается и къ предметамъ неодушевленнымъ, напримѣръ, къ землѣ, городамъ, морямъ и пр., какъ скоро они или находятся подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ боговъ и богинь, или отъ нихъ происходятъ, и въ этомъ случаѣ равносиленъ эпитету *ἱερός* Од., 5, 261; Ил., 15, 365 и проч.).

(Стр. 136 Словаря Крузіуса).

Δῖος (von *Διός* st *διος*) eigtl. vom Zeus entsprossen, warscheinl. Il., 9, 538, dann überhpt. göttlich, hehr, erhaben, gross, herrlich, trefflich.

1) als Beiw. der Götter, nur im Femin. *δῖα θέα* die hehre Göttin, Il., 10, 290, oft *δία θεάων* die erhabenste der Göttinnen.

2) Von ausgezeichneten Menschen; nicht nur von Helden, sondern auch von andern: edel, trefflich. *δῖος ὑφορβός*. Od.

3) von trefflichen Thieren: *ἵπποι*. Il., 8, 185.

4) von leblosen Gegenständen wie Erde, Meere, Städte (vgl. *ἱερός*), in wie fern sie unter göttlicher Einwirkung stehen, oder von Göttern ihren Ursprung herleiten. Od., 5, 261; Il., 15, 365.

---

[1]) Въ рецензіи стоитъ *δίως*; это опечатка: нужно *διος*.

(Стр. 50 „Отеч. Записокъ“).

εὔχεσθαι имѣетъ слѣдующія значенія: a) громко, съ самоувѣренностью высказывать что-либо; b) съ похвальбою говорить, объявлять о себѣ что-либо; ст. 263, 180 и др. (Worin gerade nicht der Begriff des Prahlens, sondern bloss des Aussprechens mit einem gewissen Selbstgefühl liegt; denn in jener Zeit rühmte jeglicher sich dessen, was er zu sein glaubte. Nitzsch[1]).

c) обѣщать, обѣтъ дать (съ увѣренностью получить желаемое).

d) молить, просить (преимущественно бога, и, наконецъ, кого бы то ни было, но всегда съ сохраненіемъ собственнаго достоинства).

εὖχος значитъ похвальба, выставленіе собственныхъ достоинствъ, слава, честь, побѣда, и весьма часто у Гомера соотвѣтствуетъ словамъ *κλέος*, *νίκη* etc.

(Стр. 219 Сл. Крузіуса).

εὔχομαι Grundbdtg laut aussagen, sich ankündigen, Od., I, 180 (worin gerade nicht der Begriff des Prahlens, sondern bloss des Aussprechens mit einem gewissen Selbstgefühl liegt; denn in jener Zeit rühmte jeglicher sich dessen, was er zu sein glaubte, s. Nitzsch zu Od.).

2) geloben, versprechen; geloben vorzüglich den Göttern, weil man auf diese Art Gutes von den Göttern zu erhalten glaubte.

3) flehen, beten *θεῷ* zu einem Gott und absolut.

εὖχος der Ruhm, die Ehre, insbesondere Kriegsruhm, Sieg, oft in Verbindung mit *κλέος*, *νίκη*.

(Стр. 44 „Отеч. Записокъ“).

Ἠριγένεια собственно значитъ рано утромъ рожденная, или (*ἀήρ γίγνομαι*) изъ утренняго тумана восходящая, въ туманѣ блистающая, die dämmernde, какъ переводитъ Фоссъ.

(Стр. 256 Сл. Крузіуса).

ἠριγένεια, ἡ (*γίγνομαι*) die frühgeborne, in der Frühe entstehend oder mit Rücksicht auf *ἀήρ*, aus dem Morgennebel, der Dämmerung erzeugt (die dämmernde. Voss).

Толкованіе эпитета *εὐδείελος* (p. 33) взято изъ извѣстнаго сочиненія Буттмана „Lexilogus“. Изъ этого можно видѣть, что рецензентъ во многомъ *„придерживался“* нѣмецкихъ толкованій, чтобъ не сказать болѣе; между тѣмъ онъ довольно рѣзко обвиняетъ Гнѣдича въ недостаткѣ самобытности. Что Гнѣдичъ искалъ опоры въ Фоссѣ, это неудиви-

---

[1]) Рецензентъ „От. З.“ извинитъ насъ за то, что мы помѣстили приводимую цитату не въ выноскѣ, какъ стоитъ въ его статьѣ, а въ скобкахъ, какъ въ словарѣ Крузіуса. А мы посовѣтуемъ ему не дѣлать ссылокъ на тѣ книги, которыхъ онъ, вѣроятно, не имѣлъ подъ руками. Напр., онъ приводитъ эту цитату какъ подлинныя слова Нитцша, а она только выписка изъ Словаря Крузіуса, который ссылался на Нитцша, а рецензентъ принялъ *мысль*, взятую Крузіусомъ у Нитцша, за подлинныя *слова* послѣдняго. Нитцшу принадлежитъ только вторая часть цитаты. См. „Erklärende Anmerk.“, Bd. I, p. 34.

тельно. Въ его время, да и теперь еще отчасти, немногіе изъ русскихъ знали основательно греческій языкъ, такъ что переводъ его не нашелъ достойнаго критика; оттого ему не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ взять въ пособіе переводъ Фосса, который и донынѣ считается лучшимъ. Гораздо удивительнѣе то, что въ наше время, когда изученіе классическихъ литературъ значительно подвинулось впередъ, *критики* повторяютъ слова нѣмцевъ. Этого рецензентъ, видно, не замѣтилъ. Но довольно: къ мнѣнію автора о Гнѣдичевомъ переводѣ Иліады мы еще возвратимся; перейдемъ теперь къ статьѣ „Кай Валерій Катуллъ". Кстати о Гнѣдичѣ: неизвѣстный авторъ „Катулла" увѣряетъ, что Иліада переведена Гнѣдичемъ прекрасно (стр. 77). Странная судьба постигла Иліаду Гнѣдича! Одни превозносили и превозносятъ ее до небесъ, сулили ей славу въ будущемъ, другіе называютъ ее „выродкомъ современной литературы, произведеніемъ, не подходящимъ ни подъ какую критику".

На что указываютъ эти два, діаметрально-противоположныя мнѣнія? На недостатокъ ученой критики? Критики-профаны, не знавшіе греческаго языка, хвалили переводъ Гнѣдича потому, что знали Иліаду только по переводу Фосса, а Гнѣдичевъ не многимъ уступалъ ему; эти люди, у которыхъ, по выраженію Гоголя, есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка—и въ головѣ ничего, эти люди со словъ благосклонныхъ критиковъ съ жаромъ увѣряли, что переводъ Гнѣдича превосходенъ. Такимъ образомъ и укоренилось убѣжденіе, что переводъ Гнѣдича образцовый. Другіе едва могли указать въ переводѣ Гнѣдича двѣ-три ошибки. Не лишнимъ потому считаемъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о переводѣ Гнѣдича.

Его никакъ нельзя назвать прекраснымъ. Начать съ того, что Гнѣдичъ вовсе не передалъ Гомера въ своемъ переводѣ: простота гомерическая у него замѣнилась высокопарностью; во многихъ мѣстахъ эта высокопарность смѣшивается съ гомерической простотой, которая все-таки пробивается и въ переводѣ Гнѣдича, и производитъ престранныя вещи. Иногда къ этой гомерической простотѣ примѣшивается какая-то идиллическая сантиментальность. Напр., Гекторъ говоритъ:

Нѣтъ, теперь не година съ зеленаго дуба, иль съ камня,
Намъ съ нимъ [1]) бесѣдовать мирно, какъ *юноша съ сельскою дѣвой:*
Юноша съ сельскою дѣвою, свидясь, бесѣдуютъ мирно etc. XXII, 126—128.

Странно какъ-то слышать отъ Гектора слова „сельская дѣва". Гекторъ и сельская дѣва: не клеится что-то! Но этими недостатками Гнѣдичъ обязанъ ложнымъ взглядамъ на искусство, господствовавшимъ въ его время: онъ платилъ дань вѣку.

---

1) Ахилломъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о стихѣ и языкѣ Гнѣдичёва перевода. Гекзаметръ его, вообще, какъ-то неповоротливъ, если такъ можно выразиться: живаго, изгибистаго теченія въ немъ нѣтъ; во многихъ мѣстахъ онъ просто деретъ ухо. Напр.:

Окрестъ Илезія жившихъ и Гадмы и окрестъ Ерноры. II, 499.
Мужъ сей есть пространнодержавный Атридъ Агамемнонъ. III, 178.
Но... и почто же? Если оставлю щитъ свѣтлобляшный. XX, 111.
Стоя тмочисленныя, и млекомъ наполняя дойницы. IV, 434.
Рать поднимая на гибель *Пріама* и чадамъ *Пріама*. IV, 28.
Онъ; и его не напрасно копье изъ руки полетѣло. V, 18.
Грянулся въ прахъ онъ. и мѣдь холодную стиснулъ зубами. V, 75.
Сѣча была бъ, совершилось бы невозвратимое дѣло. VIII, 130.

И несмотря на то, что Гнѣдичъ прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, чтобы выдѣлать какъ-нибудь гекзаметръ, у него гекзаметръ никогда не выходитъ. Кто назоветъ гекзаметромъ слѣдующія строчки:

Ихъ обработалъ искусно, сплотилъ рогодѣлецъ знаменитый. IV, 110.
Чтобъ извлечь у меня изъ рама горькую стрѣлу. V, 110.
Солнце лучами новыми чуть поразило долины. VII, 421.

Слѣдующій (V, 390) стихъ также не гекзаметръ, если читать его безъ произвольныхъ удареній:

Гермéсу не далá вѣсти, Гермéсъ Арéя похитилъ.

Здѣсь первая стопа амфибрахій, вторая—анапестъ. Этого въ гекзаметрѣ быть не должно. Этотъ стихъ тогда только будетъ гекзаметромъ, когда переставимъ естественныя ударенія въ первой и второй стопѣ и прочтемъ:

Гéрмесу нé дала вѣсти etc.

Частица „не“ съ удареніемъ, а „дала“ безъ ударенія! Опять нельзя.

А уловки Гнѣдича, чтобы выдѣлать какъ-нибудь гекзаметръ, именно выпускъ буквъ, насиліе ударенія, нерусскіе обороты, уродливая конструкція еще болѣе портятъ его стихъ. Напр.:

Осмдесятъ черныхъ судовъ подъ дружинами ихъ принеслося. II, 568.
Рать отъ племенъ, обитавшихъ въ Гиріи, въ камнистой Авлидѣ. II, 496.
Горы въ Аримахъ, въ которыхъ, *повѣствуютъ*, ложе Тифея. II, 783.
Пандаръ же крышу колчанную поднялъ и выволокъ *стрѣлу*
Новую, *стрѣлу* крылатую, черныхъ страданій источникъ. IV, 116—117.
. . . . . . и на каждомъ изъ оныхъ
По *сту и двадцать* воинственныхъ, юныхъ Бэотянъ сидѣло. II, 510.
Въ оныхъ устроимъ ворота и крѣпко сплоченные створы,
Путь бы чрезъ оные былъ колесницамъ и конямъ просторный. VII, 339.

Языкъ Гнѣдичева перевода представляетъ странную смѣсь славянщины съ языкомъ русскимъ, германизмами, грецизмами. Критики, увѣряющіе, что Гнѣдичъ не вносилъ въ свой переводъ славянщины, поступаютъ слишкомъ смѣло. Славянскія слова, даже обороты, можно отыскать на каждой страницѣ. Вотъ нѣсколько особенно замѣчательныхъ примѣровъ:

Въ толпу погрузился Троянъ горделивыхъ
Образомъ красный Парисъ, устрашаясь Атреева сына. III, 37.
Даннымъ ему отъ мужей и отъ женъ, опоясаньемъ красныхъ. VII, 139.
Жертву
Вкругъ алтаря велелѣпнаго стройно становятъ Ахейцы. I, 448.

У Гнѣдича довольно часто попадается и дательный самостоятельный. Напр.:

И кости твои середь поля истлѣютъ,
Легшія въ чуждой Троянской землѣ, не *свершенному дѣлу*. IV, 175.
Имъ отходящимъ, родитель не могъ отгадать сновидѣній. V, 150.
Но возсіявшей десятой богинѣ Зарѣ розоперстой,
Гостя распрашивалъ царь etc. VI, 175.
Такъ если вѣтеръ плевы разсѣваетъ по гумнамъ священнымъ,
Жителямъ вѣющимъ хлѣбъ. V, 500.

Ср. еще V, 773—775; VI, 297; VII, 303; XXII, 383 и пр., и пр.

Къ недостаткамъ перевода Гнѣдича принадлежитъ и то, что онъ многія греческія слова оставилъ вовсе безъ перевода, а придалъ имъ только русскія окончанія. Напр., понтъ (I, 350, VII, 88), киѳара, цикада, пеанъ, гекатомба и даже гекатомбный (I, 447), хоть (I, 65) употребляетъ и русское слово—стотельчій. Эпитетовъ, составленныхъ по образцу греческихъ, совершенно не въ духѣ русскаго языка, не перечтешь; но этотъ промахъ извинителенъ, потому что вѣрно перевесть Гомеровскіе эпитеты безъ насилія языка трудно, потому что до Гнѣдича передать ихъ вѣрно не старались, а „нѣтъ ничего, что бы было вдругъ и ново и совершенно", — слова, которыми Гнѣдичъ старался оправдать недостатки своего *перваго* опыта въ гекзаметрахъ („Вѣстникъ Европы" 1818 г.).

И въ самомъ дѣлѣ, гекзаметръ вовлекъ Гнѣдича въ трудную борьбу и заставилъ его посягнуть на чистоту языка. Въ переводѣ своемъ онъ употребляетъ многія слова вовсе не въ томъ значеніи, въ какомъ ихъ должно употреблять. Напр.:

Не забыла Ѳетида
Сына моленій: рано *возникла* изъ пѣннаго моря. I, 496.
Въ толпу *погрузился* Троянъ горделивыхъ Парисъ etc. III, 36.
Дѣвѣ свободы не дамъ я; она *обветшаетъ* въ неволѣ. I, 29.

Врядъ ли можно сказать, что человѣкъ ветшаетъ [1]).

Гекзаметръ же заставилъ Гнѣдича впасть въ самыя грубыя ошибки противъ грамматики. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Рекъ, и глашатай немедленно слову царя повинулся. IV, 198.
Сто на эгидѣ бахромъ развѣвалися, чистое злато
Дивно плетенныя всѣ, и цѣна имъ стотельчіе каждой. II, 449, 450.
Словно туманъ надъ вершинами горными Нотъ разливаетъ,
Пастырямъ стадъ нежеланный, но вору *способнѣйшій ночи*. III, 11.
Ты-жъ и крушася безсиленъ имъ будешь
Помощь подать. I, 241 (Ср. I, 588).
Нѣтъ, чтобъ никто *на* искусство ѣзды и *на* силу *надежный*. IV, 303
(Ср. IV, 325; V, 205).
Дремлютъ могучіе вѣтры, которые мрачныя тучи
Шумными устъ ихъ дыханьями вкругъ разсыпаютъ по небу. V, 525.
Умѣю налѣво метать я
Жосткую тяжесть и съ нею могу неусталый сражаться. VI, 239.
Пролетѣла могучая пика
Броню насквозь, украшеньемъ изящную. VII, 252.

Наши отрывочныя замѣчанія имѣли цѣлью показать однѣ слабыя стороны перевода, но не должно думать, что переводъ Гнѣдича вовсе не имѣетъ никакихъ достоинствъ. Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе. Авторъ вышеупомянутой рецензіи называетъ переводъ Гнѣдича „выродкомъ современной литературы, произведеніемъ, не подходящимъ ни подъ какую критику“. Да! можетъ быть, оно не подойдетъ подъ ту критику, которую создала не наука, а состряпало воображеніе какого-нибудь hominis novi. А отчего г. рецензентъ изрекъ Гнѣдичу такой строгій приговоръ? Оттого, что произведенія русской литературы ему вздумалось мѣрить аршиномъ нѣмецкимъ. Но вѣдь нѣмцы разобрали каждую строчку, каждое словечко Гомера по ниточкамъ, если можно такъ выразиться, разсмотрѣли его со всевозможныхъ сторонъ, составили сотни комментаріевъ и превосходными монографіями облегчили ихъ пониманіе: мы только пользовались крупицами, падавшими со стола ихъ, торопливо подбирали ихъ и начинали усердно вторить нѣмцамъ, не замѣчая въ своемъ простодушномъ невѣдѣніи, что это обезьянничество часто было совершенно неумѣстно, нелѣпо и смѣшно. Объяснимъ это примѣромъ. Нѣмецъ пишетъ греческую грамматику; излагая ученіе о греческихъ наклоненіяхъ, онъ примѣняетъ его къ нѣмецкому языку. Русскій переводитъ эту грамматику на свой языкъ; хорошо ли онъ сдѣлаетъ, если слово въ слово, безъ всякой перемѣны внесетъ въ русскій переводъ ученіе о наклоненіяхъ, примѣненное къ нѣмецкому языку? А бывали

[1]) „Въ настоящемъ употребленіи *ветхимъ* называется то, что отъ старости истлѣло, обвалилось“. Соч. Фонъ-Визина, изд. См., стр. 632.

у насъ и подобные примѣры. Напр., въ греческой грамматикѣ Бюрнуфа, изданной для русскихъ, правила примѣняются къ французскому, а не къ русскому языку. То же случилось и съ нашимъ рецензентомъ. Онъ не обратилъ вниманія на то, что нѣмцы, воспитанные, такъ сказать, на Гомерѣ, болѣе и основательнѣе другихъ европейскихъ народовъ изучавшіе древнія литературы, гордятся переводомъ Фосса, а Гнѣдичевъ уступаетъ ему немногимъ, не обратилъ вниманія на то, что, при всѣхъ недостаткахъ Гнѣдичева перевода, въ немъ есть много мѣстъ, прекрасно переведенныхъ. Да! Правду сказалъ Карамзинъ, что „самый легкій умъ находитъ несовершенства, что только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ". Не обратилъ рецензентъ вниманія на то, что переводъ Гнѣдича былъ почти первой *ученой* попыткой перевести Гомера, что онъ далеко выдался изъ колеи ничтожныхъ передѣлокъ классиковъ съ французскихъ и нѣмецкихъ переводовъ, что онъ стоилъ Гнѣдичу долгаго, мелочнаго изученія, упорной и безплодной борьбы противъ предразсудковъ, что Гнѣдичъ, по выраженію Пушкина, „гордо посвятилъ лучшіе годы совершенію великаго подвига, когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частью устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, и люди пренебрегаютъ образцами величавой древности; когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но только легкомысленное занятіе". Но довольно: кинемъ эти пересуды и возвратимся къ „Катуллу". Мы взялись за чтеніе этой статьи съ полнымъ сочувствіемъ къ автору, надѣясь, что онъ дастъ читателямъ вѣрное понятіе о Катуллѣ, но уже введеніе нѣкоторымъ образомъ разочаровало насъ.

„Изъ блестящей плеяды латинскихъ поэтовъ, говоритъ авторъ, мы выбрали имя не столь громадное, но въ высшей степени симпатическое; изъ массы великихъ произведеній мы выбрали книгу самую небольшую, не дошедшую до насъ вполнѣ, оставленную безъ особеннаго вниманія учеными толковниками, но взамѣнъ того книгу, полную стихотвореній чудной, понятной каждому, обворожительной прелести" (стр. 79). Не думаемъ, чтобы здравое эстетическое чувство нашло какое-нибудь громадное имя въ блестящей, будто бы, плеядѣ латинскихъ поэтовъ.

Поэзія была не въ духѣ римлянъ. Первый латинскій поэтъ является уже спустя пять вѣковъ по построеніи Рима, да и тотъ начинаетъ переводами съ греческаго и подражаніями. Вотъ замѣчательныя слова Цицерона: „quum apud Graecos antiquissimum sit e doctis genus poëtarum, si quidem Homerus fuit et Hesiodus ante Romam conditam, Archilochus regnante Romulo; serius poëticam nos accepimus: annis enim fere DX post Romam conditam Livius fabulam dedit et Naevius" (Tusc. disput., liber I, c. 7). Черта замѣчательная: Гомеръ и Ливій Андроникъ, самобытный геній и подражатель! И эту подражательность видимъ во всей поэзіи римлянъ. Далѣе: римляне отличались практическимъ характеромъ; они не любили носиться въ свѣтлыхъ мечтаніяхъ, не восторгались

слишкомъ высокими поэтическими созданіями, а требовали чего-нибудь посущественнѣе, осязательнѣе. Чтò у грековъ было чувствомъ эстетически-прекраснаго, тѣмъ у римлянъ было чувство практически-полезнаго. „Mores et instituta vitae resque domesticas ac familiares nos profecto et melius tuemur et lautius: doctrina Graecia nos et omni litterarum genere superabat“, говоритъ Цицеронъ (ibid.). Оттого-то покореніе грековъ римлянами было торжествомъ греческаго духа: греки побѣдили римлянъ своею образованностію:

Graecia capta ferum victorem cepit, et artes
Intulit agresti Latio,

говоритъ Горацій (Epist., I, II, 1, ep. V. 156). Но римляне внесли въ поэзію свой элементъ, который принадлежитъ ораторской рѣчи, а отнюдь не поэзіи. И здѣсь сказался ихъ положительный, практическій характеръ. „Въ стихахъ, говоритъ одинъ ученый, они хотѣли высказать истины, которыхъ не смѣли говорить въ прозѣ“: такимъ образомъ, они, подобно оратору, задавали себѣ рѣшеніе какой-нибудь задачи, достиженіе какой-нибудь цѣли, и тѣмъ унижали достоинство искусства. Многіе изъ римскихъ поэтовъ въ произведеніяхъ своихъ только льстили самымъ наглымъ образомъ Августамъ, восхваляли, возносили до звѣздъ — ad sidera — своихъ Меценатовъ. И надобно имъ отдать справедливость: льстить умѣли они чрезвычайно тонко, „политично“. Римскіе поэты уже этимъ нарушали художественность своихъ произведеній. Истинный поэтъ творитъ не по заказу, не когда хочется, а когда главу его осѣняетъ могучее вдохновеніе, когда божественный глаголъ касается чуткаго его слуха.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Взглянемъ теперь на произведенія трехъ корифеевъ римской литературы—Виргилія, Овидія и Горація. Въ своей Энеидѣ первый хотѣлъ польстить въ одно время и національной гордости римлянъ, и царствующему дому; все ея достоинство состоитъ во внѣшней отдѣлкѣ—и только. Овидіевы „Превращенія“ можно читать развѣ для одного изученія миѳологіи: въ произведеніяхъ Овидія виденъ эпикуреецъ, дошедшій до самой низкой степени разврата. Порча нравственная началась еще до Августа; но съ его времени начался особенно развратъ, съ его вре-

мени женщина вышла изъ тѣснаго круга семейной дѣятельности и все чаще и чаще появляется на сценѣ общественной; съ его времени женщины пользуются самою позорною знаменитостью, и нѣтъ ни одного безславнаго происшествія, нѣтъ ни одной интриги, гдѣ бы не замѣшалась женщина. Сенатъ нашелся принужденнымъ запретить *римскимъ гражданкамъ* торговать своею красотою [1]). Рожденный и воспитанный среди такого нравственно-гнилаго общества, Овидій раздѣлялъ самъ его недостатки; онъ не осмѣивалъ его низкихъ пороковъ, подобно Лукіану, который безпощадною сатирою бичевалъ испорченность своихъ современниковъ. Намъ, можетъ быть, возразятъ на это, что можно при всемъ томъ читать его сочиненія безъ вреда, даже наслаждаться ими, и въ доказательство своего мнѣнія приведутъ какое-нибудь тонкое различеніе нравственности отъ моральности, но дѣло не въ томъ: много ли поэзіи можетъ быть въ изображеніи подобныхъ картинъ; можно ли назвать Овидія громаднымъ поэтомъ? Лирическія произведенія Горація большею частію подражаніе греческимъ; другія, какъ уже сказано выше, воспѣваютъ Меценатовъ, Августа и пр., и въ этихъ произведеніяхъ очень, очень много риторики, много мишурнаго блеска, много холодныхъ, безчувственныхъ возгласовъ, и мало живой, теплой поэзіи. Его „Ars poëtica“ есть простое изложеніе въ стихахъ Аристотелевой теоріи, хотя нѣсколько измѣненной. Лучшую часть его сочиненій составляютъ письма и сатиры; впрочемъ, и въ послѣднихъ много ложнаго. Гдѣ же та блестящая плеяда латинскихъ поэтовъ, о которой говоритъ авторъ „Катулла“? Да! введеніе разочаровало насъ; но пойдемъ далѣе.

Самая статья раздѣлена на двѣ части: въ первой жизнь Катулла, во 2-й разборъ его произведеній. Для большей ясности авторъ внесъ въ статью свою много переведенныхъ имъ Катулловыхъ стихотвореній. Это хорошо: духъ поэта, особенно лирика, нигдѣ не высказывается такъ ясно, какъ въ его произведеніяхъ. Но для того, чтобы читатель самъ могъ судить по переведеннымъ отрывкамъ о характерѣ поэта, въ переводахъ долженъ быть сохраненъ колоритъ подлинника, должны быть переданы всѣ мелочныя подробности подлинника. Посмотримъ, какъ выполнилъ это требованіе нашъ авторъ; прочтемъ нѣсколько переведенныхъ имъ стихотвореній.

У Катулла умеръ братъ; онъ живетъ въ своемъ загородномъ домикѣ; въ то же время другъ и покровитель его Манлій лишился супруги и проситъ его пріѣхать въ Римъ. Катуллъ пишетъ ему письмо, которое нашъ авторъ переводитъ такъ: „Обиженный судьбою, пораженный тяжкимъ ударомъ, ты прислалъ мнѣ письмо, смоченное твоими слезами; какъ утопающій среди пѣнистыхъ волнъ, ты протягиваешь

---

[1]) Вотъ слова Тацита: „Eodem anno gravibus Senatus decretis libido feminarum coërcita, cautumque, *ne quaestum corpore faceret, cui avus, aut pater, aut maritus Eques Rom. fuisset*“. Tac. Ann. I, II, c. LXXXV.

мнѣ руку и хочешь, чтобъ я спасъ тебя. Венера, мощная богиня, не даетъ тебѣ заснуть на грустномъ и одинокомъ ложѣ; звучныя пѣсни старыхъ нашихъ поэтовъ не въ состояніи усладить для тебя часы тяжкой безсонницы. Мнѣ сладко видѣть, что ты увѣренъ въ моей дружбѣ что ты просишь меня успокоить тебя голосомъ музъ и Афродиты" (стр. 85). Не знаемъ, что помѣшало автору передать поближе это нѣжное, исполненное тихой грусти письмо; многія выраженія переданы даже совершенно ошибочно. Вотъ нашъ переводъ: Пріятно мнѣ твое письмо, что присылаешь ты мнѣ, смоченное твоими слезами, ты, угнетенный и судьбою и горькимъ случаемъ, *прося*, чтобъ оживилъ я тебя, полумертваго, чтобы вылѣчилъ я тебя, разбитаго бурею, выброшеннаго на берегъ пѣнистыми волнами моря; тебя, покинутаго, котораго ни богиня Венера не хочетъ успокоить сладкимъ сномъ на одинокой постели, ни музы не веселятъ сладкою пѣснію старыхъ поэтовъ, и т. д. То ли это? Замѣтьте: Катуллъ говоритъ:

Id [1]) gratum est mihi, me quoniam tibi dicis amicum
Muneraque et Musarum hinc petis et Veneris,

т.-е.: „Пріятно мнѣ это (письмо), потому что ты называешь меня своимъ другомъ и ищешь (просишь) здѣсь даровъ музъ и Венеры"; а въ переводѣ нашего автора: „Мнѣ сладко *видѣть*, что ты *увѣренъ* (?!) въ моей дружбѣ, что ты просишь меня успокоить тебя голосомъ музъ и *Афродиты*".

„О несчастный! о братъ мой, такъ я потерялъ тебя! Ты унесъ съ собою въ могилу всѣ мои радости, весь мой родъ исчезъ для меня подъ землею; я былъ счастливъ твоею любовію, и сладость этой любви не существуетъ болѣе!" Это уже не переводъ, а передѣлка. Сличите съ подлинникомъ:

O misero frater adempte mihi!
Tu mea, tu moriens fregisti commoda, frater;
Tecum una tota est nostra sepulta domus;
Omnia tecum una perierunt gaudia nostra,
Quae tuus in vita dulcis alebat amor,

т.-е.: „О, братъ, отнятый у меня, несчастнаго! Ты, ты, братъ, сокрушилъ своею смертію мое благосостояніе; съ тобою вмѣстѣ погребенъ весь нашъ домъ; съ тобою вмѣстѣ погибли всѣ наши радости, что при жизни питала сладкая любовь твоя".

Что доказываетъ это искаженіе? Что авторъ не довольно знакомъ съ латинскимъ языкомъ, чтобы могъ вѣрно переводить съ него, и что при переводѣ онъ пользовался *какими-нибудь посторонними пособіями*. Эти искаженія доходятъ до того, что стихотворенія Катулла, по милости

[1]) Quod mittis mihi epistolium.

переводчика, лишаются смысла. Вотъ примѣръ: авторъ переводитъ стихотвореніе „In annales Volusii“:

„Литературный навозъ, Волюзіева книга, на тебѣ сейчасъ будетъ выполненъ обѣтъ моей милой дѣвушки. Она поклялась Купидономъ и божественною Афродитою, что, когда я помирюсь съ нею и перестану ее терзать моими жестокими ямбами, она въ знакъ благодарности возьметъ стихи самаго гадкаго изъ поэтовъ и сожжетъ ихъ на жертвенномъ кострѣ въ видѣ приношенія хромому богу (Вулкану). Вотъ они! Вотъ самые позорные, самые дрянные стихи! хуже не сыщешь; ихъ должно возложить на костеръ и исполнить милое, умное обѣщаніе моей возлюбленной! Начнемъ же. О, ты, дочь Океана, счастливящая своимъ присутствіемъ Идалію, ассирійскія долины, Анкону и Гинду, обильную тростникомъ, будь благосклонна къ очаровательному обѣту; а ты, литературный навозъ, жесткое и грубое сочиненіе Волюзія, отправляйся въ огонь“. Каково? Милая дѣвушка клянется сжечь стихи самаго гадкаго изъ поэтовъ въ видѣ приношенія Вулкану и, начиная сжигать стихи, призываетъ дочь Океана, счастливящую своимъ присутствіемъ Идалію, и т. д. Есть ли тутъ смыслъ? А между тѣмъ ларчикъ открывается довольно просто. Авторъ перевелъ слово vovit (если онъ только переводилъ съ латинскаго) словомъ *поклялась*, тогда какъ это значитъ: *дала обѣтъ, обѣщала*; вотъ и вышло у него, что милая дѣвушка поклялась принесть стихи въ жертву Вулкану, а призываетъ *какую-то* дочь Океана. Въ самомъ же дѣлѣ она *обѣщала* Венерѣ и Купидону предать Вулкану (т.-е. огню) стихи самаго гадкаго изъ поэтовъ; оттого-то и призываетъ она дочь Океана (большая часть миѳовъ говоритъ, что Венера родилась изъ моря).

Остальныя стихотворенія переведены не лучше, а потому не будемъ останавливаться на нихъ, иначе намъ пришлось бы повторять себя. Первая часть статьи заключается довольно оригинально:

„Поклонникъ Афродиты и лѣнивый эпикуреецъ, онъ (Катуллъ) незамѣтно прошелъ между рядомъ своихъ бурныхъ современниковъ, и *жизнь его выражается въ его* знаменитомъ *стихотвореніи, которое онъ взялъ съ греческаго* и посвятилъ своей Лезбіи“. Вотъ тутъ и понимай, какъ знаешь! Жизнь Катулла выражается въ стихотвореніи, которое онъ взялъ съ греческаго, въ переводѣ. Прочтемъ это знаменитое стихотвореніе:

„Тотъ равенъ богамъ, тотъ счастливѣе боговъ,—если только смертный можетъ быть счастливѣе небожителей,—кто сидитъ возлѣ тебя, слушаетъ твой голосъ и любуется на твою нѣжную улыбку. Увы! я чувствую, что лишаюсь всѣхъ силъ черезъ это блаженство.

„Чуть взглянулъ на тебя, о, моя Лезбія, я забываю все, пронзительный огонь пробѣгаетъ по моимъ жиламъ, я слышу звонъ въ ушахѣ, глаза мои покрываются туманомъ. Твоя безпечность погубитъ тебя, Катуллъ ты слишкомъ любишь ее, ты находишь наслажденіе въ своей лѣности... Утѣшься, впрочемъ: ранѣе тебя великіе цари и царства погибали отъ

наслажденій и праздности". Опять безсмыслица по милости переводчика, которому угодно было прибавить слова: „утѣшься, впрочемъ". Какова философія! Катуллъ истрачиваетъ всѣ свои драгоцѣнныя силы и утѣшаетъ себя тѣмъ, что и другіе *погибали же* вѣдь отъ наслажденій и роскоши; почему же де и мнѣ не погибнуть? Впрочемъ, въ этомъ виноватъ не Катуллъ, а переводчикъ его. Катуллъ просто говоритъ:

Otium, Catulle, tibi molestum est,
Otio exsultas, nimiumque gestis;
Otium et reges prius, et beatas
Perdidit urbes.

Во второй половинѣ статьи попадаются мысли, замѣчательныя по своей *новизнѣ*. Напр., авторъ говоритъ: „Мы уже знаемъ, что творенія Сафо были любимымъ чтеніемъ Катулла. Въ подражаніе знаменитой эпиталамѣ великаго поэта-женщины, онъ написалъ стихотвореніе подъ названіемъ: На бракосочетаніе Манлія и Юліи" (стр. 105). И далѣе: „Какъ рядъ блестящихъ картинъ, переданныхъ отличными стихами, эпиталама на свадьбу Манлія достойна стать на ряду съ знаменитою эпиталамою Сафо, несмотря на то, что въ стихотвореніи Катулла менѣе цѣлости и единства" (стр. 108). Въ эпиталамѣ Сафо болѣе цѣлости и единства? Странно говорить это: отъ Сафо дошло до насъ какихъ-нибудь пять, шесть строфъ! Что касается до какой-то *знаменитой* эпиталамы Сафо, то, признаемся откровенно, мы не знаемъ, о какой это эпиталамѣ Сафо идетъ рѣчь. Въ изданіи Бергка (Poëtae lyrici Graecorum) подъ *ἐπιθάλαμα* приведены только тринадцать *разрозненныхъ* строчекъ. Какъ же это въ эпиталамѣ Сафо болѣе цѣлости и единства, чѣмъ въ Катулловой? Не знаемъ.

Не обращая вниманія на прочіе недостатки разбираемой статьи, скажемъ только, что промахи автора выказали незнаніе предмета его статьи, что какъ „плодъ беззаботнаго диллетантизма" статья еще, можетъ быть, имѣетъ (впрочемъ, не для насъ) какое-нибудь достоинство, но какъ статья ученая она не имѣетъ вовсе никакого значенія. Заключимъ нашу статью словами самого автора „Катулла": „Несмотря на неоспоримую пользу, которую доставитъ современной намъ публикѣ знакомство съ древнею литературою, *не слѣдуетъ думать, чтобъ это знакомство давалось легко*, не требовало усилій со стороны читателя *и замѣчательныхъ способностей отъ переводчика и критика"*.

ОБЗОРЪ ПЕРЕВОДОВЪ ГОМЕРА НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ [1]).

Появленіе Одиссеи въ переводѣ В. А. Жуковскаго возбудило много разнорѣчащихъ толковъ. Одни придирались къ небольшимъ отступленіямъ отъ подлинника и, пользуясь признаніемъ переводчика, что онъ не знаетъ по-гречески, хвастливо выставляли на первый планъ свое собственное сомнительное знаніе греческаго языка; другіе не пошли дальше кое-какихъ филологическихъ прицѣпокъ и, ухватившись за частности, потеряли впечатлѣніе, производимое цѣлымъ; третьи и здѣсь не пропустили случая подтрунить, какъ трунили они надъ всѣми великими созданіями, совершенно низвергавшими ихъ тщедушную личность съ той высоты, на которую они силились стать, какъ трунили они надъ Пушкинымъ и Гоголемъ, прибѣгая къ незавидному оружію оскорбленнаго самолюбія—къ клеветѣ. Одиссея Жуковскаго привела ко многимъ результатамъ. Если она вызвала разнорѣчащіе толки, не совсѣмъ справедливые, то все-же и они принесли свою пользу: они познакомили (хотя и поверхностно) со мнѣніемъ о Гомерѣ Вольфа, съ взглядомъ филологовъ на Одиссею, такъ что все это, при появленіи Одиссеи казавшееся новостью, въ послѣднее время сдѣлалось общимъ мѣстомъ. Съ другой стороны, Одиссея Жуковскаго показала многія, до сихъ поръ почти незамѣченныя, стороны исторіи нашей литературы, возбудила много свѣтлыхъ мыслей, много благороднаго сочувствія къ поэзіи греческой, которое не ограничилось однимъ словомъ, ничего не выражающимъ. Здѣсь не мѣсто указывать тѣ плодотворные результаты, къ которымъ привела она: это повело бы меня слишкомъ далеко. Укажу на одинъ,

---

[1]) [Печатается по рукописи, на которой послѣ заголовка помѣчено: „Сочиненіе студента историко-филологическаго факультета 2-го курса Николая Тихонравова". Сочиненіе это должно быть поставлено въ связь и съ предыдущею статьею о переводѣ Катулла, написанною передъ поступленіемъ въ университетъ (см. выше, стр. 244), и со статьею о Гнѣдичѣ (стр. 100), также написанною во время студенчества. *Ред.*].

прямо относящійся къ моему предмету. Критики, разбиравшіе переводъ Жуковскаго, обнаружили не только непониманіе значенія существовавшихъ до Жуковскаго переводовъ Гомера на русскій языкъ, но даже рѣшительное незнаніе объ ихъ существованіи. Критикъ „Отечеств. Записокъ" говоритъ: „Жаль только, что переводчикъ (Жуковскій) не присоединилъ никакихъ примѣчаній къ своему переводу. Такова ужъ вѣрно судьба Гомера на Руси. Гнѣдичъ перевелъ Иліаду и не сдѣлалъ никакихъ примѣчаній къ своему переводу; теперь переведена Одиссея. и примѣчаній тоже нѣтъ" („Отечеств. Зап." 1849 г., № 8, Кр., стр. 21). Это вовсе несправедливо: къ переводу Мартынова приложены были примѣчанія, довольно подробныя. Жаль, повторимъ и мы въ свою очередь. что наши критики такъ плохо знакомы съ исторіею нашей литературы. Промахъ этотъ, указанный въ прекрасной статьѣ г. Дестуниса „О переводѣ Одиссеи В. А. Жуковскаго" [1]), неизвинителенъ. Г. Гаевскій въ статьѣ своей о Костровѣ говоритъ: „Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни устарѣли труды Кострова, онъ будетъ всегда извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ *первый*, познакомившій русскихъ читателей съ Гомеромъ" („Совр.", № VIII, отд. III, стр. 45). Но до изданія *шести* пѣсенъ въ переводѣ Кострова, вышедшихъ въ 1787 году, какъ говоритъ самъ авторъ на 42 стр., *вся* первая половина Иліады [2]) переведена была Якимовымъ. Г. Дестунисъ въ статьѣ своей замѣтилъ также, что „надъ переводами Одиссеи Соколова и Гумилевскаго стоитъ библіографическій туманъ". Наконецъ, разногласныя мнѣнія о Гнѣдичевомъ переводѣ Иліады, мнѣнія, не допускающія середины, доказываютъ одно только незнакомство съ исторіею нашихъ переводовъ, скажу болѣе—съ исторіею литературы. Отсутствіе историческаго взгляда весьма ощутительно; а онъ на многое пролилъ бы неожиданный свѣтъ, представилъ бы многое въ другомъ видѣ и заставилъ бы уважать того, противъ котораго теперь многіе поднимаютъ опрометчивую руку. Онъ показалъ бы ту живую связь, которая соединяетъ наши переводы Гомера въ одну неразрывную цѣпь, въ которой каждый изъ нихъ является необходимымъ звеномъ. Эту цѣпь нельзя разорвать, и потому нелѣпо требовать, чтобы переводчикъ переводилъ такъ, а не иначе.

---

[1]) „Журналъ Мин. Нар. Просв." 1850 г., авг., стр. 63.

[2]) Замѣчу здѣсь кстати опечатку, вкравшуюся въ мою статью, гдѣ указана эта обмолвка („Москв.", № 19) [См. выше, стр. 245]. Тамъ сказано, что вся Иліада была переведена Якимовымъ; нужно читать: вся первая половина Иліады. Еще одно замѣчаніе: въ 3-й части Русской Хрестоматіи г. Галахова годомъ выхода этого перевода означенъ 1778 — 1780. Указаніе взято, вѣроятно, изъ Смирдинскаго каталога. Это несправедливо. Первая часть (подъ заглавіемъ: „Омировыхъ твореній часть 1-я". Спб.) вышла въ 1776 году, вторая напечатана тамъ же въ 1778 г. подъ заглавіемъ: „Омировой Иліады часть 2-я". Экземпляръ этого перевода читанъ былъ мною въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Показать, какъ послѣдовательно развивались и прояснялись требованія отъ переводовъ Гомера, какая связь соединяетъ наши переводы Гомера другъ съ другомъ, какъ условливались они состояніемъ современной литературы — вотъ что будетъ предметомъ настоящаго сочиненія. Вниманіе мое будетъ обращено только на переводы Иліады и Одиссеи.

Теорія эпоса составляетъ одинъ изъ самыхъ запутанныхъ и трудныхъ вопросовъ въ теоріи поэзіи. Теорія лирики и драмы очерчена гораздо рѣзче и вѣрнѣе, сущность этихъ двухъ родовъ поэзіи уловимѣе, яснѣе. Не то съ эпической поэзіею. Сколько ни предлагали теорій эпоса, но на главную его сторону всего менѣе обращали вниманія. Воззрѣніе, которое справедливо въ отношеніи къ новѣйшему эпосу, примѣнили къ древнему, къ эпосу Гомера, эпосу въ его чистѣйшемъ видѣ, тогда какъ слѣдовало поступить наоборотъ. Это смѣшеніе Гомерова эпоса съ позднѣйшимъ (Тасса, Аріоста и др.), съ которымъ его нельзя ставить подъ одну категорію, привело ко многимъ ошибочнымъ результатамъ.

Исторія эпической поэзіи представляетъ любопытные факты [1]), которыми по большей части мало пользовались теоретики. Что представляетъ намъ Энеида, этотъ — безспорно—блистательнѣйшій эпосъ римскій? Планъ и основа его взяты изъ эпоса Гомера [2]); сама она представляетъ крайне неудачную попытку поддѣлаться подъ Иліаду и Одиссею; это просто сколокъ Гомеровой эпопеи. Уже давно замѣчено было, что въ первыхъ шести пѣсняхъ Энеиды Виргилій подражалъ Одиссеѣ: какъ тамъ Гомеръ, такъ и здѣсь Виргилій ставятъ насъ прямо въ средину происшествія. Мы видимъ героя на морѣ: онъ близокъ къ своей цѣли; но вдругъ сильная буря бросаетъ его на берега Африки; только во 2-й и 3-й пѣснѣ слышимъ изъ устъ Энея о предыдущихъ происшествіяхъ. Точно то же находимъ и въ Одиссеѣ: поставленные прямо въ средину дѣйствія, уже послѣ слышимъ мы отъ Одиссея о томъ, что̀ произошло прежде. Какъ тамъ задерживаетъ Одиссея любовь Калипсы, такъ и здѣсь Эней задерживается любовью Дидоны. Многое

---

1) Считаю необходимымъ замѣтить, что послѣдующія указанія заимствованій изъ Иліады и Одиссеи, которыя находимъ у новѣйшихъ эпическихъ поэтовъ, изложены на основаніи статьи Ведевера: „Ueber die Wichtigkeit und Bedeutung der homerischen Gedichte für das tiefere Verständniss der vorzüglichsten Epopöen alter und neuer Zeit“, напечатанной въ „Zeitschrift für die Alterthumwissenschaft“, 1846, №№ 4 и 5. Впрочемъ, статья замѣчательна только по собраннымъ фактамъ, а не по оцѣнкѣ ихъ, которая довольно слаба.

2) Подробнѣе объ этомъ въ книгѣ Ведевера: „Homer, Virgil, Tasso, oder Das befreite Jerusalem in seinem Verhältniss zur Ilias, Odyssee und Aeneis“. Münster, 1846, II Ab., K. 3.

изъ того, что у Гомера развито подробно, у Виргилія остается однимъ намекомъ или нѣсколько передѣлывается, украшается. Сюда относятся разсказы о Сциллѣ и Харибдѣ, Циклонахъ, Киркѣ и т. д. У Виргилія, какъ и у Гомера, находимъ хожденіе въ адъ, только у Виргилія съ большею подробностью разсказанное, и, сверхъ того, оно содержитъ болѣе возвышенныя представленія о душахъ по смерти. Во второй половинѣ эпопеи Виргилій слѣдуетъ преимущественно Иліадѣ. Здѣсь встрѣчаемъ тѣ же картины битвъ, съ которыми мы познакомились въ Иліадѣ. Вотъ для примѣра нѣсколько сходныхъ пунктовъ: въ концѣ VII-й книги смотръ войску, въ VIII-й—описаніе щита, приготовленнаго Вулканомъ для Энея, въ IX-й — эпизодъ объ Низѣ и Эвріалѣ, въ X-й—собраніе боговъ и спасеніе Турна, въ XII-й—поединокъ между Турномъ и Энеемъ, напоминающій Ахилла, который преслѣдуетъ Гектора. Въ самыхъ подробностяхъ видно вездѣ подражаніе Гомеру, доходящее до того, что Виргилій просто переводитъ изъ его поэмъ цѣлыя мѣста.

И вотъ тотъ совершеннѣйшій эпосъ, до котораго достигли римляне! Нельзя не остановиться въ раздумьи передъ этимъ многозначительнымъ фактомъ. Откуда такое слѣпое, такое рабское подражаніе? Отсутствіе ли поэтическаго дара или что-нибудь другое вызвало его? Нельзя не замѣтить, что скудость поэтическаго дарованія была *сильною* (но не главною) причиною подражанія: иначе зачѣмъ же бы Виргилій сталъ подражать въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ Гомеру? Это, впрочемъ, и не удивительно, ибо характеръ подражательности видимъ на всей римской поэзіи, кромѣ того ея рода, который былъ выработанъ римскимъ практическимъ *умомъ*, т.-е. кромѣ сатиры. Впрочемъ, этой скудости поэтическаго дарованія мы не назовемъ главной причиною того, что въ эпопеѣ своей Виргилій подражалъ Гомеру; тутъ была иная, болѣе существенная причина, которая столько же заключается въ сущности эпоса, сколько и въ томъ вѣкѣ, въ которомъ жилъ Виргилій.

И не одинъ онъ имѣлъ передъ глазами, какъ бы образцомъ, Гомера. Мы обходимъ Данта, который также, по словамъ Ведевера, лучшую часть своей „Божественной Комедіи", именно „Адъ", взялъ изъ Виргилія. Такъ какъ (говоритъ онъ) Виргилій въ *descensio ad inferos* (VI кн.) подражалъ *νέκυια* Гомера, то и здѣсь опять Гомеръ оказалъ, хотя и не непосредственно, величайшее вліяніе на „Божественную Комедію". Обходимъ и тѣ эпопеи средневѣковыя, которыя брали содержаніе изъ классической древности, но обрабатывали его по-своему; ниже показано будетъ, насколько этотъ выборъ сообразенъ съ истинною поэзіею эпическою, съ ея сущностью. Аріостъ менѣе другихъ подражалъ Гомеру; впрочемъ, все-таки подражалъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть слѣдующія мѣста: С. III, 21—59; X, 50 и 77—90; XI, 33; XV, 56; XVII, 26 слѣд.; XVIII, 153. Аріостъ имѣлъ многихъ послѣдователей, которые упражнялись въ томъ же родѣ поэзіи, но никто съ нимъ не сравнялся. Напротивъ, романтическая эпическая поэзія пришла въ

упадокъ. Триссино вадумалъ написать эпопею по образцу Иліады и по правиламъ Аристотеля. Предметомъ эпоса своего онъ выбралъ освобожденіе Италіи отъ готовъ, предметъ самъ по себѣ любопытный и вдобавокъ современный. Главный недостатокъ этого труда есть рабское подражаніе Гомеру, изъ котораго, по словамъ Вольтера, онъ взялъ все, кромѣ генія. Еще неудачнѣе была попытка Аламанни, гдѣ онъ еще далѣе простеръ свое подражаніе Гомеру. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ подобнаго рода является Тассо. Онъ выбралъ предметомъ своей эпопеи освобожденіе Іерусалима, предметъ, столь родственный съ содержаніемъ Иліады. И тамъ, и здѣсь видимъ обширное предпріятіе—завоеваніе далекаго города, тамъ и здѣсь походъ изъ Европы въ Азію, тамъ и здѣсь націи, противоположныя по характеру, тамъ и здѣсь многіе князья, соединившіеся съ своимъ народомъ для совершенія предпріятія, и, наконецъ, тамъ и здѣсь предпріятіе увѣнчивается успѣхомъ. Это внѣшнее сходство дало поэту средства въ планѣ и частностяхъ быть подражателемъ Гомера. Лузіада Камоэнса не имѣетъ того единства дѣйствія, которое находимъ въ эпопеяхъ Гомера, да и едва ли можно было соблюсти его. Хотя онъ вездѣ имѣлъ передъ глазами древніе образцы, и съ перваго взгляда, какъ мѣтко выразился А. Шлегель, можно было ожидать, что намъ предстанетъ португальская Энеида; но на открытомъ морѣ онъ забываетъ о своихъ образцахъ. Что касается до чудеснаго, то оно все заимствовано изъ Гомера: боги поставляютъ пловцамъ препятствія, они же и устраняютъ ихъ. Если поэтъ и говоритъ, что это не настоящіе боги, а существа, служащія ради украшенія рѣчи, то все-же въ этихъ богахъ нельзя не видѣть большого безвкусія и непростительнаго анахронизма. Во всей поэмѣ царствуетъ историческая истина, вся она сложена изъ историческихъ фактовъ. Какъ же идутъ сюда Гомеровы боги, ставшіе уже тѣнями, утратившіе возможность существованія даже въ воображеніи? Предметъ Вольтеровой Генріады уже по тому самому неудачно выбранъ, что относится ко времени, слишкомъ хорошо извѣстному исторически, которое лежало слишкомъ близко, чтобы поэтъ могъ свободно предаваться своей фантазіи. Еще ошибочнѣе холодныя аллегоріи и абстракты разума, добродѣтели и пр., не имѣющіе никакой жизни. Планъ поэмы похожъ на Энеиду, и въ Генріадѣ видимъ заимствованія изъ нея и Одиссеи [1]).

Какой общій результатъ выведемъ изъ всего, что̀ сказано нами до сихъ поръ объ эпопеѣ? Тотъ ли, который вывелъ Ведеверъ, т.-е. что Гомеръ былъ величайшій геній? Пожалуй, такъ; но что-жъ тутъ новаго? Нѣтъ, исторія эпопеи, какъ ни кратко мы изложили ее, даетъ видѣть одинъ замѣчательный фактъ. Что̀ означаютъ эти заимствованія, переходящія, какъ бы по наслѣдству, отъ Гомера, если разсмотрѣть по-

[1]) I, p. 46 и 49 (изд. Didot). II и Энеид. VI, p. 115; VII и Од. XI, Энеид. IV; VIII, p. 142 и Эн. IX, 176, p. 148 и Эн. IV, 175 и пр. (по Ведеверу).

ближе? Нельзя же приписывать бѣдности поэтическаго генія такимъ именамъ, какъ Тассо, Аріостъ и др. Самымъ удовлетворительнымъ отвѣтомъ на предложенный вопросъ считаемъ слѣдующее положеніе: эпопея въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ ее Гомеръ, невозможна въ вѣка цивилизованные, болѣе или менѣе. В. Гумбольдтъ [1]), признавая возможность героической эпопеи въ наше время, показалъ невозможность выбора античнаго содержанія (Stoff) для эпопеи и отсутствіе эпическаго дѣйствія (epische Handlung). Ясно, что, если героическая эпопея возможна, то съ значительными, коренными измѣненіями. Откуда же оригинальность древней эпопеи? Уже давно спорятъ о происхожденіи поэмъ Гомеровыхъ, о личности самого Гомера. Извѣстны мнѣнія, выставленныя для объясненія этихъ вопросовъ: одни полагаютъ, что Гомеръ не существовалъ, что Иліада и Одиссея только сборники народныхъ пѣсенъ; другіе приписываютъ составленіе ихъ Гомеру. Въ послѣднее время старались примирить эти два крайнія мнѣнія, выставили такъ называемый средній взглядъ — vermittelnde Ansicht, какъ выражаются нѣмцы: предполагаютъ, что сначала рапсоды передавали только отдѣльныя части Иліады и Одиссеи, что послѣ эти отрывки соединены были воедино. Могло случиться и такъ, говорили ученые, что пѣвцы, бывшіе до Гомера, воспѣвали отдѣльныя происшествія изъ Троянской войны; геній Гомера выбралъ изъ нихъ нѣкоторыя, сообщилъ имъ высокую красоту представленій, языка и стиха и соединилъ ихъ въ два отдѣльныя цѣлыя; но потомъ они снова были раздѣлены, пока Пизистратъ не далъ имъ того вида, какой они имѣютъ теперь. Какъ бы то ни было, одно остается несомнѣннымъ и неопровержимымъ: творцомъ обѣихъ эпопей былъ народъ. На это наводятъ многіе факты. Да не подумаютъ, впрочемъ, чтобы мы отрицали существованіе Гомера или вообще *единаго* творца Иліады и Одиссеи, какимъ бы именемъ онъ ни назывался. Народъ могъ самъ сложить эти эпопеи, особенно такой художественный народъ, какимъ были греки; народъ могъ воспитать изъ среды своей поэта, который, самъ принадлежа къ нему и нераздѣльно сливая жизнь свою съ его жизнью, могъ воспринять его духовныя богатства, совмѣстить ихъ въ себѣ, и такимъ образомъ могли создаться Иліада и Одиссея. Въ томъ и другомъ случаѣ творцомъ ихъ былъ не кто иной, какъ народъ. Такимъ образомъ, выставленный новѣйшими учеными срединный взглядъ получаетъ новое значеніе, новое примѣненіе. Нельзя не вспомнить здѣсь небольшой статьи Прейса, напечатанной въ „Прибавленіяхъ къ Журналу Мин. Нар. Просвѣщенія“ за 1845 годъ. Предметъ ея есть „Сербская эпическая поэзія“. Тамъ пре-

---

[1]) Wilhelm von Humboldt's gesammelte Werke, 4-r Band. Berlin, 1843. Въ огромной статьѣ „Ueber Goethe's Hermann und Dorothea“ авторъ прекрасно развилъ теорію эпоса и приложилъ ее къ разбираемому произведенію. Мы ссылаемся на XCVI „Möglichkeit der heroischen Epopee in unsrer Zeit“, p. 253.

красно развита мысль о народномъ элементѣ въ эпической поэзіи и сдѣлано нѣсколько прекрасныхъ сближеній съ Гомеровымъ эпосомъ.

Всѣ извѣстные намъ факты, а болѣе всего сами Иліада и Одиссея, такъ ясно говорятъ о проникновеніи ихъ народнымъ элементомъ, что этого нѣтъ нужды и доказывать. Съ развитіемъ и распространеніемъ героической жизни должна была мало-по-малу возрастать и пріобрѣтать самостоятельность народная поэзія Греціи. Народная поэзія по преимуществу воспѣвала внѣшнюю жизнь князей и героевъ и прославленіе ихъ дѣлъ. Чѣмъ болѣе она развивалась, и чѣмъ болѣе религія грековъ принимала антропоморфическій характеръ, тѣмъ естественнѣе кажется, что народная поэзія приняла въ свою сферу дѣйствія и судьбы боговъ, сначала настолько, насколько они соприкасались съ жизнью героическою. Такимъ образомъ, Тамирисъ, упоминаемый позднѣйшими сказаніями наряду съОрфеемъ, у Гомера же являющійся совершенно эпическимъ рапсодомъ, можетъ быть разсматриваемъ какъ посредникъ перехода изъ древнѣйшей, первобытной священной поэзіи къ эпической народной [1]).

Присутствіемъ народнаго творчества объясняется то огромное вліяніе Гомеровыхъ эпопей, которое онѣ имѣли на Грецію; ибо (по словамъ Платона) по Гомеру образована была вся Греція. Потому-то невозможно опредѣлить время происхожденія поэмъ Гомеровыхъ; ибо начала творчества народнаго уловить нельзя. Но есть еще и другая сторона, по которой такъ важно обратить вниманіе,—скажемъ болѣе: преимущественное вниманіе, — на народный характеръ Гомеровой эпопеи,—эпитеты. Прежде чѣмъ перейдемъ къ этой сторонѣ, считаемъ нужнымъ окончить начатое нами указаніе отличія Иліады отъ послѣдовавшихъ эпопей.

Иліада и Одиссея, сказали мы, создались всѣмъ народомъ. Онѣ создались въ извѣстную эпоху, впрочемъ, недолго спустя послѣ героическаго времени, можетъ быть, прямо въ героическій вѣкъ. На чемъ же основались онѣ? какой матеріалъ получили онѣ? Самый вѣкъ служилъ пѣвцамъ для содержанія. Можетъ быть, безсознательно передавали они то, что передъ ними происходило, описывали міръ боговъ и людей, природу, нравы, подвиги героевъ, однимъ словомъ, весь вѣкъ героическій. Живая мысль лежала въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ; не для украшенія и фигуръ, ему неизвѣстныхъ и выдуманныхъ мудростію позднѣйшихъ книжниковъ, вводили они боговъ въ очарованный кругъ своихъ пѣсень. Нѣтъ! они всѣмъ сердцемъ вѣрили въ дѣйствительность своихъ миѳическихъ образовъ. У нихъ боги были не украшеніемъ, а необходимостью. Миѳологическія понятія всегда и вездѣ развиваются въ связи съ языкомъ и поэзіею народа: это—результатъ, выведенный новѣйшими изслѣдователями изъ наблюденій надъ миѳологіею и исторіею языка. То же находимъ и въ Иліадѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что явленіе и существованіе боговъ въ Иліадѣ въ томъ видѣ, какъ мы теперь видимъ, было дѣломъ

---

[1]) Ulrici, Geschichte der Hellenischen Dichtkunst, 1-r B., p. 170.

необходимымъ, явленіемъ органическимъ. Оттого и такъ глубоко было сочувствіе грековъ къ Иліадѣ, что они видѣли въ ней все родное, что̀ оправдывали не однимъ умомъ, но и сердцемъ. Совсѣмъ другаго рода положеніе боговъ въ Виргиліевой Энеидѣ. Въ его время исчезла вѣра въ тотъ міръ боговъ, который такъ тѣсно связанъ съ людьми. Созданія Гомера въ этомъ отношеніи носятъ на себѣ печать естественности и простоты: у Виргилія они ниспали до искусственныхъ машинъ, которыя служатъ для того, чтобы приводить дѣйствіе въ движеніе. Что же сказать о позднѣйшихъ христіанскихъ эпикахъ, которые вводили боговъ въ свои поэмы? Здѣсь видимъ мы непониманіе теоріи эпоса, отличительною чертою котораго поставили *чудесное* и это чудесное всячески старались ввести въ героическій эпосъ, хотя бы чрезъ это пришлось посягнуть на историческую истину. Изъ того же согласнаго развитія поэзіи, языка и миѳологіи произошли и эпическія выраженія, о значеніи которыхъ скажемъ ниже. Что же дѣлалъ Виргилій, перенося ихъ изъ Гомера въ свою Энеиду? У Гомера они были законны и имѣли свой великій смыслъ. У Виргилія они были странны, ибо не истекали изъ необходимости. Такъ то, что̀ у Гомера было живымъ началомъ, понятнымъ для всѣхъ его современниковъ, у Виргилія получило форму мертвой обрядности. То же можно сказать и о позднѣйшихъ эпикахъ (героическихъ). Не говоримъ уже о совершенной объективности Гомера, которая также исчезаетъ у позднѣйшихъ эпическихъ поэтовъ. А выборъ самыхъ предметовъ? Виргилій и другіе эпики выбирали по большей части героическое время предметомъ эпопеи; но какъ они его описывали? Они должны были давать полный и совершенный разгулъ своей фантазіи, ибо этихъ героическихъ вѣковъ они не видѣли, не были свидѣтелями и тѣхъ явленій, которыя тогда совершались. Ясно, что они должны были прибѣгнуть къ посредственному знакомству съ ними, и этимъ объясняется, почему они такъ много брали изъ Гомера. Они хотѣли исполнить тѣ правила, которыя налагались на нихъ Аристотелемъ, они должны были рабски подражать Гомеру: ибо эпопея въ томъ видѣ, какъ ее представила Греція, для нихъ была страннымъ, непонятнымъ явленіемъ; и вотъ, создавъ себѣ по Иліадѣ и Аристотелю теорію эпоса, основанную чисто на внѣшнихъ и случайныхъ признакахъ, они пустились исполнять ее на дѣлѣ: мы видѣли, что̀ вышло.

Заключу все это обозрѣніе словами Гримма, мысль котораго легла въ основу всего предыдущаго разбора. Вотъ его мнѣніе о Тассѣ и Аріостѣ: „Аріоста и Тасса я никогда не могъ дочитать до конца: мнѣ казалось, что при всемъ блескѣ ихъ чувствъ и выраженій въ нихъ погибла природа древней народной поэзіи. Истинная поэзія подобна человѣку, который способенъ радоваться на тысячу разныхъ манеровъ, когда только онъ видитъ произрастаніе травы, восходъ и закатъ солнца; ложная же подобна тому человѣку, который ѣдетъ въ чужія страны и хвастается, что онъ на горахъ Швейцаріи восхищался небомъ и мо-

ремъ; а между тѣмъ наслажденіе его далеко не достигаетъ мѣры оставшагося дома, которое можетъ доставить ему ежегодное цвѣтеніе яблони въ домашнемъ саду" („Deutsche Grammatik", p. IX. An Savigny). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Филологія не терпитъ, чтобы предразсудки старѣлись. Сіяніе, окружавшее нѣкогда французскихъ классиковъ, исчезло; такъ должно случиться и съ итальянскими классиками (Гриммъ исключаетъ Данта, Боккачіо и Петрарку). Далеко за ними остаются Аріосто и Тассъ, несмотря на славу, снисканную ими у современниковъ и потомства. Эти поэты стремятся въ прошедшее, уже исчезнувшее, эпическое время, не основанное на живомъ народномъ преданіи. Аріосто, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ твердо держаться древней основы; но онъ не могъ совладать съ содержаніемъ и сталъ подчинять его своему поэтическому капризу, раздѣлять его по частямъ и перепутывать содержаніе. Его поэзія можетъ забавлять, но не возвышать, какъ Иліада и не тихо согрѣвать, какъ древне-нѣмецкая поэзія. Кто можетъ наслаждаться Тассовымъ „Освобожденнымъ Іерусалимомъ", составленнымъ изъ Аріосто, Виргилія и др., сердце того никогда не чувствовало высшей поэзіи. Красоты Тассовой поэзіи подобны красотамъ картинъ Гвидо Рени, и все, что итальянскіе поэты заимствовали отъ древности, послужило къ ихъ порчѣ. Итакъ, эта итальянская поэзія столь же мало можетъ служить эстетическимъ мѣриломъ для эпоса, какъ французская драма для драмы вообще. Необходимый для эпической поэзіи элементъ, въ высшей степени развитый у необразованнаго племени,—наивное—отсутствуетъ въ итальянской поэзіи". (Заимствовано изъ статьи Гримма, напечатанной въ Шмидтовомъ журналѣ, по чтеніямъ профессора Ѳ. И. Буслаева).

Какая мысль лежитъ въ основаніи послѣдней цитаты изъ Гримма? Она будетъ понятна, когда сблизить съ приведенными отрывками эти слова: Собственно нѣтъ различія между античной и романтической поэзіею. Исторія живописи, поэзіи, языка учитъ избѣгать многихъ уклоненій, ибо она показываетъ намъ, что истина всегда являлась тѣмъ, которые шли по слѣдамъ природы, удаляясь школьной людской мудрости („D. G.", p. X).

Остается сказать о такъ называемыхъ эпическихъ выраженіяхъ. Они имѣютъ двоякую важность: со стороны эстетической и лингвистической. Они показываютъ намъ воззрѣніе поэта эпическаго; они важны для исторіи языка, ибо образованіе ихъ принадлежитъ древнѣйшей эпохѣ. Въ старину говорящій менѣе отдѣлялъ мысль отъ слова. Эпическія выраженія произошли въ связи съ образованіемъ языка. На сродствѣ же индо-европейскихъ языковъ основывается и ихъ сродство. Слѣдовательно, вѣрно передать ихъ можно только тогда, когда поищемъ соотвѣтствующія имъ выраженія въ народныхъ пѣсняхъ. Положимъ, что они уже потеряли половину своего живаго значенія, что только путемъ сравнительно-историческаго изученія языка можно угадать ихъ смыслъ:

но, если переводъ долженъ представлять, такъ сказать, второй экземпляръ подлинника, сохраненіе ихъ, всякій согласится, необходимо. Отсюда мы переходимъ прямо къ вопросу: какъ переводить Гомера? Въ послѣднее время сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ литературѣ, что Иліаду и Одиссею должно переводить на народный языкъ. Мысль не новая: ее высказалъ еще Капнистъ, впрочемъ безсознательно, ибо вездѣ, даже въ гипербореяхъ, хотѣлъ видѣть славянъ. Греческаго языка онъ не зналъ, и стало-быть мысль его о переводѣ на народный языкъ Гомера не была раціональною. Позднѣе, при успѣхахъ современной филологіи, ученые сознательно пришли къ тому же убѣжденію, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями. Мысль о сходствѣ между оборотами, выраженіями и описаніями у Гомера и въ нашихъ эпическихъ пѣсняхъ была доказана фактически С. П. Шевыревымъ въ примѣчаніяхъ (22) ко второй лекціи „Исторіи Русской Словесности" (вып. I, стр. 100). Она была повторена потомъ всѣми, разбиравшими переводъ Одиссеи Жуковскаго, такъ или иначе. Сенковскій довелъ ее до крайности, и странность взгляда его поразила всѣхъ, даже и незнакомыхъ съ Гомеромъ. Критикъ „Отечественныхъ Записокъ" представилъ даже опыты перевода Гомера на народный языкъ. Прочтемъ нѣкоторые изъ нихъ: „Такъ говорила она пла́ча. А супруга ничего еще не знала (о смерти Гектора). Никто не приходилъ къ ней съ вѣстію вѣрной, *повѣстить*, что *де* мужъ ея за воротами остался. Въ глубинѣ дома она пряла порфировую *диплаку*, вышивала на ней узоры хитрые. Наказала она прекраснокудрымъ служанкамъ поставить на огонь котелъ большой, чтобъ Гектору, когда вернется онъ изъ сраженія, была теплая ванна. Неразумная и не чаяла того, что ему не до ванны, что уходила его руками Ахилла сѣроглазая Аѳина. Заслышала она вопль и рыданіе со стороны башни, руки-ноги затряслись, пало на земь веретено, сказала опять прекраснокудрымъ служанкамъ: „Подите сюда! вы двѣ подите за мною. Посмотрю, что тамъ приключилось. Заслышала я голосъ *свекрови-честно́й*. Въ груди моей сердце бьется до рта, обомлѣли колѣни. Видно Пріамовымъ дѣтямъ бѣда какая приключилась. *Чуръ слову моему*, а я страшно боюсь, не угналъ ли смѣлаго Гектора славный Ахиллъ на́ поле, одного, отрѣзавъ его отъ города; не сократилъ бы онъ его губительной храбрости, что́ въ немъ была: никогда онъ въ толпѣ не оставался, далеко впередъ забѣгалъ, по силѣ никому не уступая" („Отеч. Зап." 1850 г., № 7, Кр., стр. 19—20). Что̀ хотѣлъ доказать этимъ примѣромъ критикъ? Онъ хотѣлъ подтвердить свое мнѣніе о переводѣ Гомера на народный языкъ. Переводъ его сдѣланъ въ прозѣ, ибо черезъ это переводчикъ не стѣсняется внѣшними условіями и, слѣдовательно, можетъ переводить ближе къ подлиннику. Почему же *αἰδοίης ἑκυρῆς 'οπὸς ἔκλυον* переведено у него: „Заслышала я голосъ свекрови-честно́й"? Можетъ быть, для вящшей близости перевода? Далѣе: мы, право, не понимаемъ, что̀ значитъ выраженіе: „чуръ слову моему"; можетъ быть, супруга заговариваетъ себя отъ

своихъ словъ? Въ подлинникѣ: *Αἴ γὰρ ἀπ' οὔατος εἴη ἐμεῦ ἔπος!* Мы скорѣе рѣшимся принять переводъ Мартынова: „Да удалится вѣсть таковая отъ ушей моихъ", не говоря уже о Гнѣдичѣ, чѣмъ одобрять выраженіе, не имѣющее никакого смысла. Но критикъ хотѣлъ показать намъ легкость, съ какою можно переводить Иліаду и Одиссею на народный языкъ. Что же видимъ изъ его отрывка? Правда, есть выраженія, выхваченныя изъ народнаго языка; но есть ли тутъ хоть тѣнь того построенія фразы, которое поражаетъ насъ въ народномъ языкѣ? Пожалуй, можно набрать народныхъ словъ и поставить ихъ, Богъ знаетъ, на основаніи какой конструкціи; но что же выйдетъ, кромѣ какого-то непріятнаго впечатлѣнія, производимаго раздвоеніемъ народныхъ словъ и литературной рѣчи? Постановка прилагательныхъ послѣ существительныхъ, какъ встрѣчаемъ въ приведенномъ отрывкѣ, нисколько не напоминаетъ народной конструкціи. А эти фразы, которыми оканчивается приведенный отрывокъ: „а я страшно боюсь, не угналъ ли *смѣлаго* Гектора *славный* Ахиллъ нá поле, одного, *отрѣзавъ* его отъ города; *не сократилъ бы онъ его губительной храбрости, что въ немъ была"*; этихъ фразъ не встрѣтите вы ни въ Гомерѣ, ни въ народныхъ пѣсняхъ. Смѣсь литературныхъ выраженій съ народными явно бросается въ глаза и производитъ непріятное впечатлѣніе. Какъ же согласить съ такимъ переводомъ тѣ требованія, которыя высказалъ самъ переводчикъ? „Нужно создать по русски слогъ, подобный эпическому. Для этого языкъ перевода долженъ быть по возможности народнымъ. Ни одно выраженіе, которое было бы понятно только образованному человѣку, не можетъ быть допущено" (ibid., стр. 8). Изъ этого съ одной стороны слѣдуетъ, что слова диплака (употребленное въ приведенномъ отрывкѣ) *и хоръ* (стр. 25), *митра* (на 28) понятны всякому необразованному человѣку, иначе переводчикъ не употребилъ бы ихъ,—съ другой стороны, что требованіе критика въ настоящее время неисполнимо. Когда мы болѣе проникнемся народнымъ языкомъ, оставивъ всякія иностранныя конструкціи и *измы*, когда поэтическое чутье возведетъ на степень художественности народный языкъ, который пока въ рукахъ человѣка неопытнаго остается простой погремушкой, — тогда это требованіе можетъ быть приложено къ переводу Гомера. До тѣхъ поръ мы можемъ только указывать сходныя выраженія описанія у Гомера съ пѣснями народными; но не имѣемъ права требовать отъ переводчика народнаго языка. Важность этого возраженія чувствовалъ самъ критикъ, когда говорилъ: „Но если обратиться переводчику къ народному языку, то представятся ему слѣдующія трудности. Конечно, онъ найдетъ въ языкѣ нашихъ пѣсенъ и сказокъ много оборотовъ и выраженій, весьма близкихъ къ Гомеровымъ оборотамъ и выраженіямъ; но все-таки ему доведется придумывать много своихъ выраженій: языкъ нашего народа не развился до той степени, до какой развился эпическій языкъ грековъ" (ib., стр. 8). Что выйдетъ изъ этого *придумыванія*, кромѣ искусственныхъ словъ,

несогласныхъ съ духомъ языка? Странны послѣднія слова: „языкъ нашего народа не развился до той степени, до какой развился эпическій языкъ грековъ“. Происхожденіе эпическаго, — извѣстно всякому лингвисту,—относится къ древнѣйшей эпохѣ. Начальное впечатлѣніе, произведенное предметомъ, живо отражается въ словѣ, такъ что словомъ собственно выражается не предметъ, а впечатлѣніе, имъ произведенное: оттого-то предметы различные, но производящіе одинаковое впечатлѣніе, выражаются и въ языкѣ одинаковыми, сродными словами, и наоборотъ. Отсюда, отъ неотдѣленія мысли отъ слова, ведетъ начало эпическій языкъ. Съ теченіемъ времени живость начальнаго впечатлѣнія и вѣра въ преданіе и миѳъ, въ связи съ которыми образуется эпическое выраженіе, утрачиваются, вытѣсняются христіанствомъ. Приведу здѣсь слова профессора Ѳ. И. Буслаева: „Миѳъ со временемъ выходитъ изъ памяти народа; его мѣсто замѣняютъ историческія событія или же житейскія мелочи. Но слогъ эпическій, какъ обычное выраженіе, какъ собраніе впечатлѣній и представленій, единожды навсегда въ языкѣ образовавшихся, и при измѣненномъ содержаніи поэтическаго произведенія, остается съ прежними намеками на давно прошедшія вѣрованія, создавшія нѣкогда народный миѳъ“. И ниже: „Что такія формы отъ времени болѣе и болѣе разрушаются, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Романская эпическая поэзія, рано подчинившаяся искусственной литературѣ, наиболѣе ихъ утратила; долѣе сохранялись онѣ въ племенахъ нѣмецкихъ; но въ особенной чистотѣ и цѣлости сбереглись онѣ до нашихъ временъ въ поэзіи славянъ. Даже у славянъ, подчиняясь историческому теченію жизни народной, онѣ теряютъ первоначальную свѣжесть и настоящее значеніе“ („Москвитянинъ“ 1850 г., № 18, статья „Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи“, стр. 37). Съ движеніемъ языка утрачиваются эпическія выраженія, и слово болѣе и болѣе становится обряднымъ звукомъ; съ развитіемъ языка совершенствуется синтаксисъ, а не этимологія. Стало-быть, выраженіе „языкъ нашего народа не развился до той степени, до какой развился эпическій языкъ Гомера.“ есть противорѣчіе всѣмъ филологическимъ даннымъ. Онъ точно также, можетъ быть, развитъ; наша вина, что мы мало съ нимъ знакомы.

Мы сказали уже, что для того, чтобы переводить Гомера на народный языкъ, нуженъ художественный тактъ: переводчикъ долженъ быть поэтомъ. Въ переводахъ критика „Отечественныхъ Записокъ“ мы видимъ близость къ подлиннику; но есть ли въ нихъ художественность? Нисколько. А мы требуемъ художественнаго перевода. Положимъ, критикъ избѣжалъ какихъ-нибудь лексическихъ ошибокъ Жуковскаго, но что онъ черезъ это выигралъ? Переводите языкомъ народныхъ пѣсенъ, говорятъ намъ; но вѣдь языкъ народныхъ пѣсенъ художественный и вовсе не похожъ на тотъ народный языкъ, которымъ переводитъ г. критикъ А художникъ можетъ употребить слово такъ, что его будутъ потомъ употреблять всѣ привязчивые критики. Напр., Жуковскій переводитъ:

Какъ подъ золой головню неугасшую пахарь скрываетъ
Въ полѣ далеко отъ мѣста жилаго, чтобъ *пламени сѣмя*
Въ ней сохраниться могло безопасно отъ злаго пожара,
Такъ Одиссей, подъ листами закрывшись, грѣлся, и очи
Сладкой дремотой Аѳина смежила ему, чтобъ скорѣе
Въ немъ оживить изнуренныя силы. И крѣпко заснулъ онъ.

Критикъ упрекаетъ переводчика за несохраненіе того, что̀ называется tertium comparationis, и предлагаетъ свой переводъ: „Какъ когда кто-нибудь спрячетъ въ черную золу головню, на краю поля, гдѣ по близости нѣтъ другихъ сосѣдей: спасаетъ онъ *сѣмя огня*" и т. д. („Отеч. Зап." 1849 г., № 8, Кр., стр. 29). Видите ли, какъ мѣтко передалъ *σπέρμα πυρὸς* нашъ поэтъ: онъ не знаетъ по-гречески, но знающіе не могли перевести лучше и взяли на-прокатъ его слово. Вотъ что̀ значитъ художникъ!

И еще можно привести возраженіе противъ передачи Гомера народнымъ языкомъ въ настоящее время, слѣдовательно и противъ неумѣстности перевода, предложеннаго критикомъ. Это возраженіе,—онъ самъ его выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Отъ народа мы рѣзко отдѣлились: нѣкоторыя выраженія народныя непонятны для человѣка, мало вникающаго въ языкъ простолюдина. Поэтому многія выраженія нужно будетъ пояснять читателямъ. Но только изъ-за того, что *теперешнимъ* читателямъ будутъ новы нѣкоторыя простонародныя выраженія, не стоитъ (sic) отказываться отъ перевода на простонародный русскій языкъ произведеній Гомера. Да и вообще языкъ простаго народа — *главная* сокровищница нашей литературы" (стр. 9, 1850 г.). Съ первой половиной мы согласны, противъ послѣдней имѣемъ сказать слѣдующее. Переводить въ настоящее время Гомера на народный языкъ, т.-е. на языкъ, наполовину непонятный и странный для публики (какъ согласился самъ критикъ),— значитъ заранѣе оттолкнуть ее отъ чтенія Гомера и еще болѣе усилить ея какъ бы антипатію къ классической древности, ту антипатію, которую Жуковскому удалось своимъ переводомъ Одиссеи обратить въ сочувствіе. Стало-быть, кромѣ главныхъ, коренныхъ причинъ, по которымъ невозможенъ въ настоящее время переводъ Гомера на народный языкъ, есть еще мѣстныя причины. Да и сами гг. критики очень, очень плохо знаютъ богатства народнаго языка и далеко не воспользовались тѣми матеріалами, которые уже обнародованы. Укажу пока на два примѣра. Критикъ „Отеч. Записокъ" переводитъ: „Сколько может человѣкъ, сидящій *на смотрильнѣ* [1]), на

[1]) Въ выноскѣ переводчикъ говоритъ: „Возвышенное мѣсто (какое бы то ни было), съ котораго озирали окрестность. *Смотрильня*: это слово встрѣтили мы въ одной статьѣ „О кремлевскомъ дворцѣ". Но въ статьѣ г. Забѣлина, о которой говоритъ переводчикъ, сказано, что *смотрильня* была частію дворца.

море виновидное глядящій, сколько онъ можетъ глазомъ охватить раздолья широкаго: таковыми ускоками прядали ржущіе кони боговъ" (1850, стр. 27). Этого оттѣнка нѣтъ у Гомера и быть не можетъ. Конечно, критикъ хотѣлъ избѣжать ошибки Гнѣдича, который переводилъ *σκοπή* въ одномъ мѣстѣ словами „высокій холмъ" (Ил., IV, 275), въ другомъ просто „холмъ" (Ил., XXII, 145), и ошибки другихъ переводчиковъ [1]), но самъ онъ внесъ такой же чуждый оттѣнокъ, какъ и они. А между тѣмъ есть слово, совершенно соотвѣтствующее Гомерову *σκοπή*, это—сибирское *глядѣнь*, значитъ возвышенное мѣсто, холмъ, гору, съ которой открывается зрѣнію обширное зрѣлище [2]). Если ужъ критикъ выискивалъ соотвѣтствующаго *σκοπή* русскаго слова, то почему, если онъ зналъ, не взялъ этого, которое какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ Гомерову? „Такъ-то они (переводитъ критикъ), словно молодые олени, убѣжали въ городъ". У Гомера здѣсь одно слово: *νεβροί*. Почему нашъ критикъ, который предпочелъ *смотрильню* прекрасному выраженію Жуковскаго, не потрудился поискать слова, соотвѣтствующаго Гомерову? А онъ нашелъ бы слово даже одного корня: это *неблюй*, употребляемое въ Архангельской губерніи (Списокъ словъ, употребляемыхъ въ Архангельской губерніи, изъ котораго мы заимствуемъ это слово, перепечатанъ изъ „Архангельскихъ Вѣдомостей" въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ." за 1850 г., кажется, въ 3-й книжкѣ). Изъ всего сказаннаго нами видно, что въ настоящее время нельзя переводить Гомера на народный языкъ: не пришло къ тому время.

Переходимъ къ другому требованію критиковъ переводить Иліаду не гекзаметрами. „Гомеровы поэмы, говоритъ критикъ „Отечественныхъ Записокъ", можно вѣрно и близко перевести только прозою. Гекзаметръ же русскій, можетъ быть, и годится на что-нибудь, только не для перевода Гомера". Можетъ быть, неудачныя попытки Фосса и Гнѣдича навели критика на эту мысль. Но мы выставимъ противъ этого слѣдующее замѣчаніе. Аристотель въ VI главѣ своей піитики называетъ эпопею *ἡ ἐν ἑξαμέτροις μιμητική*. Стало-быть, критикъ или не хочетъ знать авторитета Аристотеля, принимая, можетъ быть, нелѣпую гипотезу Фр. Риттера, что scholae peripateticae alumnus quidam ingenii dotibus parum ornatus, in litteris multum sed prave versatus, grammaticis vix imbutus, diu post Aristotelem sed certe ante tertium a Christo nato saeculum cernere sibi videbatur Aristotelis de poëtica libros duos non aptos esse studiis suarum aequalium... grave et doctum Aristotelis opus in exiguum compendium ita redigere ausus est, ut excerpendo, contrahendo,

---

[1]) Костровъ переводилъ *σκοπή* словомъ „горная вершина" (стр. 368), Мартыновъ—„стража"; удачнѣе всѣхъ Жуковскій—„подзорная стоянка" (Од., IV, 524).

[2]) Ѳ. И. Буслаева разборъ книги И. И. Срезневскаго: „Мысли объ исторіи русскаго языка", напечатанный въ 10-мъ № „Отеч. Запис." 1850 г., стр. 46.

resecando sua pluribus locis interponendo librum pulcherrimum misere truncaret et corrumperet (Praefatio, Cap. I, p. XX — XXI). Мы привели это мѣсто въ подлинникѣ, потому что не надѣялись передать въ точности эти мастерскія слова. Конечно, если слѣдовать Риттеру [1]), который вездѣ видитъ епитоматора, то такое презрѣніе понятно. Но не таково наше убѣжденіе. Аристотеля упрекаютъ въ поверхностности только люди, поверхностно съ нимъ знакомые. Послѣ трудовъ Дюнтцера, Раумера эту гипотезу, которая низвергала всю піитику Аристотеля, пора оставить. Аристотель высказалъ въ приведенныхъ словахъ глубокую мысль, что гекзаметръ такъ сросся съ эпопеей, что ихъ раздѣлить нельзя. Присоединимъ къ этому слова С. С. Уварова: „Не въ томъ дѣло состоитъ, чтобъ написать поэму съ поэмы, или чтобъ сохранить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ Гомера и всѣхъ древнихъ, вообще, надъ нѣсколькими только читателями: мы должны стараться утвердить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ ихъ надъ всѣми просвѣщенными умами; слѣд., представить отлѣпокъ творенія Гомера въ духѣ оригинала съ его формами и со всѣми оттѣнками, такимъ образомъ, чтобъ мы имѣли предъ глазами не Кострова, не Гнѣдича, но Гомера,— Гомера въ чистѣйшемъ созерцаніи его природной красоты, Гомера въ томъ видѣ, въ какомъ онъ плѣнялъ законодателя Спарты, побѣдителя Азіи, Александрійскихъ мудрецовъ и весь, однимъ словомъ, блистательный рядъ его любителей въ древнемъ и новомъ мірѣ. Но чтобъ достигнуть этой цѣли, необходимо признать первымъ правиломъ, что формы въ поэзіи неразлучны съ духомъ, что между формами и духомъ поэзіи находится та же самая таинственная связь, какъ между тѣломъ и душою, что обоюдное ихъ вліяніе и дѣйствіе — формы на мысль, а мысли на форму — такъ тѣсны, что никакъ нельзя опредѣлить истинныхъ границъ ихъ, а еще менѣе расторгнуть ихъ союзъ, не жертвуя тою или другою. Кто не чувствуетъ изящности стопосложенія Гомера, Эсхила, Ѳеокрита, Анакреона, тотъ теряетъ половину ихъ красотъ“.

На какихъ же основаніяхъ требуетъ критикъ „Отечеств. Зап.“ оставить гекзаметръ при переводѣ Гомера? Онъ высказалъ ихъ такъ: „Гекзаметръ нашихъ переводчиковъ вовсе не Гомеровъ гекзаметръ. Существенныя свойства Гомерова гекзаметра въ нашемъ гекзаметрѣ удержаться не могутъ. Гомеровъ гекзаметръ—это тѣло, русскій—скелетъ“. Тотъ же критикъ въ „Современникѣ“ сказалъ слѣдующее. Изложивши довольно хорошо и подробно теорію и историческое развитіе гекзаметра по метрикѣ Фризе, онъ заключаетъ: „И такъ въ гекзаметрѣ должны быть или дактили, или спондеи (1); потому (2) стопы равномѣрны; возможность ставить, гдѣ угодно (3), дактили или спондеи, давать (4) стиху разныя цезуры—разнообразитъ гекзаметръ. Ни одной изъ этихъ характеристич-

[1]) Книга Риттера вызвала прекрасную монографію Дюнтцера „Rettung der Aristotelischen Poetik“.

ныхъ (?) особенностей греческаго гекзаметра у насъ нѣтъ. 1) Въ русскомъ гекзаметрѣ возможны только дактили и хореи; а изъ дактилей и хореевъ образовался у грековъ стихъ логаедическій, не имѣвшій ничего сходнаго съ гекзаметромъ. 2) По той же причинѣ нѣтъ въ русскомъ гекзаметрѣ равномѣрности—одного изъ существеннѣйшихъ признаковъ греческаго и латинскаго гекзаметра, да и не можетъ быть: въ нашемъ языкѣ нѣтъ постоянно долгихъ слоговъ. 3) Наконецъ, цезура Гнѣдичемъ и Жуковскимъ вовсе пренебрежена" (Одисс. и журн. толки о ней. Ст. вторая, стр. 33). Тутъ есть своя доля правды. Но скажите, какъ назовете вы тотъ шестистопный стихъ, которымъ переведена у насъ Иліада Гнѣдичемъ и Одиссея Жуковскимъ? гекзаметромъ? Такъ изъ чего жъ эти толки, „которые занимали въ старое время" (какъ вы сами признаетесь)? Зачѣмъ поднимать опять на ноги эти толки, не ведущіе ни къ чему? Мы отвѣтимъ критику словами Гнѣдича: „Мы уступчивы въ мнѣніяхъ, которыя составляемъ сами, собственнымъ сужденіемъ; согласіе, даваемое добровольно, вознаграждаетъ наше самолюбіе. Но въ мнѣніяхъ, которыя намъ внушены, которыя приняты безъ разсужденія, такъ сказать, на вѣру, и которыя насъ заставляютъ перемѣнить—мы непреклонны: обидно обнаружить, что мы были въ невѣжахъ и судили безъ разумѣнія дѣла. Вотъ главная причина воплей старовѣровъ литературныхъ противъ гекзаметра. Читатель, можетъ быть, помнитъ, какія познанія обнаружили они въ сужденіяхъ своихъ объ гекзаметрѣ; иные жаловались даже, что стихъ сей трудно читать: такъ дѣти, плохо ученыя, съ трудомъ читаютъ книгу, по которой не учились. Но возрастетъ новое поколѣніе, котораго дѣтство будетъ образованнѣе нашей старости, и гекзаметръ покажется для него тѣмъ, чѣмъ онъ признанъ отъ всѣхъ народовъ: высшимъ соображеніемъ гармоніи поэтической" (Ил., стр. XVII). Метрика древняя составляетъ одинъ изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ. Кто знаетъ, можетъ быть, справедливость словъ Гнѣдича, имѣющаго за собою многія доказательства, еще болѣе будетъ утверждена? Гекзаметръ русскій есть, впечатлѣніе, имъ производимое, одинаково съ впечатлѣніемъ, оставляемымъ гекзаметромъ греческимъ. Этого довольно. „Не считаю нужнымъ защищать гекзаметръ (говоритъ Гнѣдичъ) какъ бы мою собственность; онъ самъ себя защищаетъ въ стихахъ Жуковскаго, и такъ же краснорѣчиво, какъ нѣкогда отвергаемое движеніе защитилъ тотъ грекъ, который вмѣсто возраженій всталъ и началъ ходить. Русскій гекзаметръ существуетъ, какъ существовалъ прежде, нежели начали имъ писать. Того нельзя ввести въ языкъ, чего не дано природою" (стр. XV). Справедливыми признаемъ мы слѣдующія требованія критика „Отечественныхъ Записокъ", высказанныя во 2-й статьѣ его: „Нужно 1) сохранять въ переводѣ наивность нѣкоторыхъ мѣстъ подлинника, 2) можно допустить нѣкоторыя небрежности въ рѣчи, если только онѣ не вредятъ смыслу, 3) дозволительно употреблять уменьшительныя имена, хотя бы въ подлинникѣ уменьшительнаго не было: у Гомера уменьшительныхъ немного, а въ нашемъ народномъ языкѣ

уменьшительныя весьма употребительны; потому кстати ихъ можно употреблять и тамъ, гдѣ уменьшительныхъ въ подлинникѣ нѣтъ".

Приступаемъ къ самому обзору переводовъ Гомера на русскій языкъ, разбирая всѣ, насколько позволятъ средства. Цѣль этого обзора состоитъ въ томъ, чтобы показать, что̀ было у насъ до Жуковскаго, и что̀ собственно сдѣлалъ онъ.

Было бы довольно странно и нелогично прилагать предложенный мною взглядъ на эпическую поэзію къ нашимъ старымъ переводамъ Гомера, потому что такое приложеніе лишитъ ихъ всякаго достоинства и нисколько не опредѣлитъ значенія ихъ въ исторіи литературы. Переводъ должно разсматривать (мы говоримъ исключительно о̀ переводахъ произведеній классическихъ) съ точки зрѣнія той теоріи, подъ вліяніемъ которой онъ явился.

Первымъ переводчикомъ Гомера на русскій языкъ былъ Якимовъ. Имъ переведена первая половина Иліады. Переводу предпослана „Жизнь Гомерова", изложенная на двухъ страницахъ. Взгляда своего на переводъ онъ не изложилъ, потому что едва ли онъ имѣлъ какой-нибудь взглядъ на Гомера. Переводъ его тяжелъ, напыщенъ; въ немъ нельзя никоимъ образомъ искать вѣрнаго изображенія духа поэмъ Гомеровыхъ.

Въ 1787 году явился переводъ шести пѣсенъ Иліады—Кострова; онъ изданъ подъ заглавіемъ: *Гомерова Иліада, переведенная Ермиломъ Костровымъ. Во градѣ Св. Петра, 1787.* Въ 1811 году отыскалось продолженіе этого перевода, именно 7-я, 8-я и половина 9-й пѣсни; онѣ были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" и перепечатаны въ собраніи сочиненій Кострова, изданномъ Смирдинымъ. Въ наше время немногіе обращали вниманіе на этотъ переводъ, заслуживающій изученія, потому что онъ оказалъ сильное вліяніе на Гнѣдича своею техническою, такъ сказать, стороною. Какъ Шлегель для оцѣнки Фо̀ссова перевода обратился къ сравненію перевода Бюргера съ Фоссовымъ, такъ и мы приведемъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ въ переводѣ Кострова и Гнѣдича.

Переводъ Кострова:

Хризисъ на пламени древъ тонкихъ и сухихъ
Всесожигаетъ ихъ со трепетомъ обычнымъ,
Кропленье теплое творя виномъ привычнымъ;
Ликъ юношей младыхъ вблизи его стоялъ
И *пятизубные рожны въ рукахъ держалъ:*
Когда-же пламенемъ всѣ лядвіи истлились,
И Греки, *отъ утробъ вкусивши,* усладились,
Останки прочихъ мясъ на части *раздробивъ,*
На острые рожны ихъ тщательно вонзивъ,
Готовятъ въ снѣдь огнемъ, рачительно имъ внемлютъ,
И, зря въ готовности, съ рожновъ искусно снемлютъ.
(Изд. Смирдина, стр. 292).

Переводъ Гнѣдича:

Бедра немедля отсѣкли, обрѣзаннымъ тукомъ покрыли
Вдвое кругомъ и на нихъ положили останки сырые.
Жрецъ на дровахъ сожигалъ ихъ, багрянымъ виномъ окропляя;
Юноши, окрестъ его, *въ рукахъ пятизубцы держали.*
Бедра сожегши они и *вкусивши утробъ отъ закланныхъ*
Все остальное дробятъ на куски, прободаютъ *рожнами*
Жарятъ на нихъ осторожно и, все уготовя, снимаютъ.
(I, 460—466).

Или у Кострова:

Другъ друга нудятъ всѣ, желаньемъ къ бѣгству полны,
Чтобъ тягостны суда низвесть на горды волны,
Подпоры кораблей уже спѣшатъ отъять
И *рвы* для ската ихъ стремятся *очищать* (стр. 305).

У Гнѣдича:

Убѣждаютъ другъ друга
Быстро суда захватить и спустить на широкое море;
Рвы очищаютъ; уже до небесъ подымалися крики
Жаждущихъ въ домы: *уже кораблей* вырывали *подпоры.*
(II, 151—154).

Но не одна техническая сторона перевода Кострова имѣла вліяніе на Гнѣдича; привожу для доказательства начало рѣчи Феникса, которою онъ хочетъ подвигнуть Ахиллеса къ примиренію съ Агамемномъ.

У Кострова:

Коль истинно ты въ путь влечешься духомъ гнѣвнымъ
И небрежешь, что флотъ падетъ огнемъ плачевнымъ,
Могу ли я, скажи, возлюбленный мой сынъ,
Остаться безъ тебя, остаться здѣсь единъ?
Когда Пелей тебя, въ твои младыя лѣта,
Неискусившася въ войнѣ, въ словахъ совѣта
Вѣнчающихъ хвалой и славою мужей,
Къ Атриду посылалъ изъ области своей,—
Онъ мнѣ тебя вручилъ, да отъ моихъ ученій
Ты будешь посреди аргивскихъ ополченій,
Витія въ словесахъ, въ дѣяніяхъ герой (стр. 499—500).

У Гнѣдича:

Если уже возвратиться, Пелидъ благородный, на сердце
Ты положилъ, а отъ нашихъ судовъ совершенно отрекся
Огнь отразить пожирающій:—гнѣвъ запалъ тебѣ въ душу:

Какъ, о возлюбленный сынъ, безъ тебя я останусь?
Вмѣстѣ съ тобою меня послалъ Эакидъ, твой родитель,
Въ день, какъ изъ Фѳіи тебя отпускалъ въ ополченье Атрида.
Юный ты былъ неискусенъ въ войнѣ, человѣчеству тяжкой;
Въ сонмахъ совѣтныхъ неопытенъ, гдѣ прославляются мужи.
Съ тѣмъ онъ меня и послалъ, да тебя всему научу я.
(IX, 434—442).

Вотъ еще нѣсколько стиховъ, въ которыхъ Гнѣдичъ очевидно подражалъ Кострову.

Переводъ Кострова:

Изяществомъ плесницъ онъ ноги украшаетъ (стр. 301).
Согнили корабли, канаты всѣ истлѣли (стр. 304).
Искусно бо ткала покровъ блистающъ, чудный,
Изобразующе на немъ сраженья трудны (стр. 341).

У Гнѣдича:

Къ бѣлымъ ногамъ привязалъ прекраснаго вида плесницы.
(II, 45).
Древо у насъ въ корабляхъ изгниваетъ, канаты истлѣли.
(II, 135).
Ткань великую ткала,
Свѣтлый, двускладный покровъ, образуя на ономъ сраженья.
(III, 125—126).

На переводѣ Кострова отразилось вліяніе лжеклассической теоріи, которая изъ Франціи перешла и къ намъ и господствовала въ его время. Эпопея, по мнѣнію теоретиковъ того времени, должна была воспѣвать героевъ, т.-е. мужей, которые превосходятъ обыкновенныхъ смертныхъ, и потому чѣмъ больше въ ней будетъ возвышеннаго паренія, или (говоря языкомъ нашего времени) высокопарности, тѣмъ лучше. Дѣйствуютъ въ ней боги и герои (полубоги). Декламаторство, напыщенность, неестественность были главными, отличительными свойствами эпопеи. Попытка скроить русскую эпопею по мѣркѣ греческой, или вѣрнѣе—французской, ведетъ свое происхожденіе отъ того ложнаго пониманія эпопеи, въ основаніи котораго лежало ложно истолкованная теорія Аристотеля. Рабская подражательность французамъ, повторяемъ, не могла не сказаться здѣсь, ибо писатели наши шли за обществомъ, которое перенимало французскій этикетъ. Костровъ не могъ же выйти изъ той колеи, которою вслѣдъ за французами брели всѣ наши писатели того времени; онъ видѣлъ въ Гомерѣ не высочайшую простоту и естественность, а „витійственное искусство“, какъ самъ онъ выразился въ посвященіи своего перевода „Екатеринѣ Великой“. Не думаемъ вовсе упрекать его за это, потому что, какъ уже выше сказано, примѣненіе

современнаго взгляда къ старымъ писателямъ есть чистая нелѣпость; намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобъ уяснить тогдашнюю теорію собственными словами писателей того времени [1]). Посмотрите, что говоритъ Костровъ въ „Одѣ на жизнь Его Превосх. М. М. Хераскова“:

Се тако, Меценатъ! на лонѣ музъ прекрасныхъ
Воспитанъ ты для насъ Кастальскихъ дѣвъ млекомъ;
Цвѣтъ юности твоей созрѣлъ при Фебѣ ясномъ,
И полдень дней твоихъ обогащенъ плодомъ;
Поя героевъ нашихъ славу
И росска божества державу,
Тѣмъ сей текущій вѣкъ и самъ себя вознесъ.
Вѣнецъ гремящей поэзіи
Тобой имѣемъ мы въ Россіи
И незавиденъ намъ Эней и Ахиллесъ (изд. Смирд., стр. 120).

Если и можно заподозрить нѣсколько искренность послѣдняго стиха, обращеннаго къ меценату, то, съ другой стороны, предыдущіе стихи ясно показываютъ намъ воззрѣніе Кострова на эпосъ вообще, Иліаду и Россіаду въ частности; да и самый послѣдній стихъ только нѣсколько преувеличенъ, въ сущности же остается справедливымъ по теоріи того времени.

Не могла не отразиться теорія, хотя и извнѣ привитая, въ самомъ переводѣ: это фактъ, котораго существованіе можно уже предположить a priori.

Покажемъ это на нѣкоторыхъ примѣрахъ. Посланный Зевсомъ сонъ, принявши видъ Нестора, говоритъ Агамемнону:

Ты спишь, ты спишь всю нощь, вѣнчанный сынъ героевъ (стр. 300).

Въ подлинникѣ: *Ἀτρέος υἱὲ δαΐφρονος ἱπποδάμοιο* (Il., II, 23). Очевидно, что вѣнчаннымъ сыномъ героевъ Агамемнонъ названъ для того, чтобы придать ему достойное его сана и героя величіе. Насколько это несогласно съ гомерическимъ воззрѣніемъ, понятно для всякаго читавшаго Иліаду, гдѣ именно *вѣнчанными* цари не называются. Столько же неправильно употребляется слово *герой*, которое переводчикомъ понимается такъ, какъ мы теперь его понимаемъ, и которымъ Гомеръ величаетъ не только князей, предводителей войска, не отличавшихся никакою доблестью, никакими подвигами, но даже и простыхъ воиновъ (Il., II, 110; XV, 219; Od., I, 101), вообще всѣхъ свободныхъ людей (Od., VIII, 483; VII, 44), которыхъ переводчикъ честитъ низкимъ словомъ *чернь;* напр.:

Онъ рекъ, и къ бѣгству *чернь* сердца свои подвигла (стр. 304).
Когда же вопилъ кто изъ *черни* въ буйствѣ яромъ (стр. 307 и др.).

---

[1]) Довольно живое и остроумное изложеніе лжеклассической теоріи эпоса находится въ „Столѣтіи русской словесности“ Н. Мизко при разборѣ сочиненій Хераскова.

Это, разумѣется, вліяніе лжеклассическаго взгляда. Потому выраженія: течетъ въ собраніе геройскою ногой, ликъ героевъ (стр. 303), изящный Протезилай (327) и подобн. — неумѣстны. Неумѣстны также и тѣ выраженія, которыя слишкомъ отзываются утонченностью нравовъ современныхъ, этикетомъ, и о которыхъ не гадало наивное простодушіе Гомера. Здѣсь опять нельзя не замѣтить вліянія французской чопорности, которая тщательно вытерла всѣ такъ называемыя сальныя черты въ Гомерѣ. Сюда, равно какъ и для подтвержденія предыдущаго замѣчанія, относится слѣдующій стихъ:

Потомъ (Агамемнонъ) во блескъ себя порфиры облекаетъ (стр. 301).

Въ подлинникѣ *μαλακὸν δ'ἔνδυνε χιτῶνα* (II, 42). Едва ли также „мать врабьихъ осьми птенцовъ кричала съ *томностью* (*ὀδυρομένη*, II, 315). И вслѣдъ за этимъ читаемъ, что

Змій ея крыло
Схвативъ, *пустилъ ее въ несытое жерло.*

Такая картина невольно вызоветъ улыбку рѣзкою противоположностью моднаго, романтическаго, такъ сказать, слова съ безцеремонною фразою. У нашего переводчика Менелай говоритъ:

Внушите вси мой гласъ (?); я грустію стягченъ,
Я горестьми ношу духъ томный упоенъ,—

метафора, которую не могъ произнести безхитростный языкъ Гомера, и которая вмѣстѣ съ *томнымъ* крикомъ воробья принадлежитъ нашему переводчику. „Послушайте меня, говоритъ Менелай у Гомера, ибо въ мою особенно душу печаль эта входитъ"; т.-е., другими словами, *меня* особенно это дѣло касается, *меня* заботитъ, mich geht die Sache vorzüglich an, какъ переводитъ Кёппенъ въ своей „Vorschule zum Homer". У переводчика, кромѣ чуждаго оттѣнка, выраженіе получило другой смыслъ.

Къ этой же категоріи относятся и слѣдующіе стихи. Ирида говоритъ Еленѣ, что Парисъ и Менелай хотятъ сражаться, и замѣчаетъ, что она будетъ женою побѣдителя.

Рекла: *и нѣжна страсть, о чудныя премѣны!*
Къ супругу первому вліялась въ грудь Елены (стр. 342).

Отчасти и въ размѣрѣ, избранномъ Костровымъ для перевода, отразилось французское вліяніе. Г. Гаевскій въ статьѣ своей о Костровѣ, напечатанной въ 8-мъ № „Современника" за 1850 годъ, говоритъ: „Во время Кострова была довольно уважительная причина, по которой онъ не рѣшился писать гекзаметрами: можно ли было, безъ насмѣшекъ, пи-

сать размѣромъ, принятымъ творцомъ „Телемахиды"?" (стр. 43). Можетъ быть, и такъ. Все-же размѣръ, выбранный Костровымъ, былъ довольно неудаченъ, тѣмъ болѣе, что стихи риѳмовались. Мы приведемъ здѣсь слова того же творца „Телемахиды", который въ теоріи высказывалъ много правды, но ужъ никакъ не умѣлъ приложить ее къ дѣлу: „Кому жъ изъ Читателей, Свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ Силу, не чувствительно, что Стіхи, оканчивающіися *Рѵѳмами,* отнюдъ неспособны къ произведенію такова, какое теперь описано (т.-е. ровнаго, спокойнаго), Теченія въ Словѣ? Рѵѳміческіи Стихи, состоящіи впрочемъ и Стопáми двусложными, отнюдь не могутъ продолжать непрерывнаго таковà шествія, каковаго требуетъ Ироіческая Піима, кольмижъ паче Стіхи не имѣющіи Стопъ, кромѣ Рѵѳмы, какъ-то Итальянскіи, Аглинскіи, Ішпанскіи, Французскіи и Польскіи. Ибо каждыи Стіхъ сего Состава, не терпя *Переносовъ* изъ предъидущаго стиха въ слѣдующій, на концѣ своемъ вдругъ переламывается и чрезъ то останавливается вдругъ же. Такіи Стіхи суть не Рѣка, текущая съ верьху въ низъ, непрестанно и беспреломно, къ удаленному своему Предѣлу: они Студенéцъ нѣкій, бьющій съ низу въ верьхъ, и, дошедши до своея блискія высоты, пресѣкается и обращается стремглавъ въ низъ паки; такъ что всякій Стіхъ, свой Порòгъ собственный имѣетъ, и шумитъ на ономъ. Коль бы Стіхи съ рѵѳмами ни гремѣли, въ началѣ своемъ и срединѣ, мужественною Трубою; но на концѣ писчатъ токмо и врещатъ дѣтинскою Сопѣлкою. Вымыселъ сей оледенѣлый (риѳма) есть Гоѳіческій, а не Еллинское и Латінское, благорастворенным жаромъ блистающее и согрѣвающее Окончательство" [1]). Риѳмы Кострова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ отзываются искусственностью, и построеніе стиха нерѣдко оскорбляетъ ухо. Возьмемъ для примѣра слѣдующіе стихи:

Внимая рѣчь, Пріамъ трепещетъ и гласитъ,
Да колесницу онъ себѣ готову зритъ (стр. 347).
Гдѣ лучше ѣсть мяса, пріятно пить вино,
Доколѣ хощете, всегда позволено (стр. 371).
Готовымъ сущимъ въ брань полкáмъ племенъ различныхъ,
Подъ предводительствомъ вождей своихъ обычныхъ,
Трояне, шумный вопль нося въ устахъ, спѣшатъ,
Подобно журавлямъ, что съ радостью летятъ
Отъ бурныхъ непогодъ, отъ странъ снѣжистыхъ, мразныхъ,
И полня воздухъ весь нестройствомъ криковъ разныхъ (стр. 336).

Кромѣ техническаго неудобства, риѳма напоминаетъ искусственность новыхъ временъ, которая непріятно поражаетъ при чтеніи Гомера въ риѳмованномъ переводѣ.

---

[1]) Сочиненія Тредьяковскаго, изданіе Смирдина, томъ II, отдѣлъ I, стр. XLVII—XLVIII.

Впрочемъ, лишая эпопею спокойно-величаваго характера, который такъ хорошо отзывается въ стихѣ, избранный Костровымъ размѣръ имѣетъ своего рода выгоду. Конечно, въ настоящее время не можетъ быть и спора о томъ, какой метръ предпочесть — гекзаметръ или александрины; но надобно имѣть искусство Жуковскаго, чтобъ онъ (т.-е. гекзаметръ) сохранилъ свою гомерическую гибкость, свое изящное теченіе, не ниспадая до утомляющаго, безстрастнаго однообразія,—недостатокъ, который такъ замѣтенъ во многихъ мѣстахъ Гнѣдичева перевода: ниже объ этомъ сказано будетъ подробнѣе. Въ томъ и выгода Костровскаго размѣра, что въ немъ такъ рельефно обрисовывается энергія и страстность рѣчи. Многія мѣста перевода Кострова въ этомъ отношеніи далеко оставляютъ за собою переводъ Гнѣдича. Выписываемъ два мѣста. Одиссей, отклоняя народъ отъ намѣренія бѣжать, говоритъ:

Возсядь, несчастный, и внимай,
И лучшимъ тя во всемъ покорный слухъ склоняй:
Ты слабъ, ты подлъ, твои не мужественны длани,
Ничтоженъ ты всегда въ совѣтахъ и на брани (307).

Онъ же грозитъ Ѳерситу:

И такъ клянусь, и въ томъ явлюся непремѣненъ,
Коль будешь впредь, какъ днесь, безуменъ, дерзновененъ,
Пусть врагъ съ моихъ раменъ ссѣчетъ главу мечемъ,
И Телемаковымъ да не зовусь отцемъ,
Коль я, схвативъ тебя, не обнажу до нага,
Чтобъ розгами тебѣ отмстилася отвага (стр. 309).

Какая живая, изобразительная рѣчь! Какъ далеко до этого строгимъ, но за-то отчасти и холоднымъ, гекзаметрамъ Гнѣдича! Нельзя не вспомнить здѣсь происхожденія Кострова. Крестьянинъ, онъ имѣлъ случай прислушаться къ выразительности народнаго языка и сродниться, сжиться съ нимъ. Не тому ли должно приписать почти рѣшительное отсутствіе грецизмовъ въ переводѣ Кострова, которые такъ часто попадаются у Гнѣдича, что, свыкнувшись измала съ народнымъ языкомъ и овладѣвши посредствомъ изученія богатствами языка славяно-церковнаго, онъ нашелъ въ этихъ сокровищахъ всѣ средства, чтобы передать Гомера чистымъ, живымъ языкомъ?

Если переводъ Кострова и устарѣлъ, то все-же онъ остается намъ памятникомъ работы русскаго человѣка надъ Гомеромъ, и какой работы?—самостоятельной и незатемненной чуждыми воззрѣніями и у другихъ занятыми толкованіями. Воспитаніе, сначала въ Вятской семинаріи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, должно было познакомить Кострова довольно хорошо съ древними языками. Наконецъ, достоинства, на которыя мы только-что обратили вниманіе, доставили его переводу

большое уваженіе отъ современниковъ и потомства; нѣкоторые ставили его на-ряду съ Гнѣдичемъ [1]).

Переводъ Одиссеи появился довольно поздно. Въ первый разъ она была переведена Соколовымъ. Дестунисъ упоминаетъ еще о переводѣ Гумилевскаго, но его я не видалъ. По свидѣтельству А. Ф. Смирдина, она имѣла два изданія; второе, безъ имени переводчика, вышло въ 1815 г. въ двухъ частяхъ [2]). Что же принесъ съ собою новый переводъ? Какой шагъ сдѣлалъ онъ впередъ, явившись почти 30 лѣтъ спустя послѣ Кострова?

Съ начала царствованія императора Александра уже замѣтно было сильное паденіе схоластическаго образованія. Французскій языкъ все болѣе и болѣе прокрадывался въ общество и входилъ въ моду; за обществомъ шли и писатели. И вотъ когда педантическое, можетъ быть, но за-то твердое и прочное изученіе языка греческаго стало болѣе и болѣе исчезать, оставаясь только въ сословіи духовномъ, тогда люди, незнакомые съ языкомъ Гомера или поверхностно его знавшіе, прибѣгнули къ помощи французскихъ переводовъ и ими думали замѣнить знаніе языка греческаго. Къ числу такихъ переводчиковъ принадлежитъ и Соколовъ. Что̀ остается дѣлать намъ, разбирая такой переводъ, въ которомъ встрѣчаешь постоянные пробѣлы, происшедшіе оттого, что переводчикъ, не разумѣя во многихъ мѣстахъ даже и смысла подлинника, рѣшился лучше опускать непонятныя мѣста и обходить мимо эти камни преткновенія? Что̀ остается дѣлать, какъ не ограничиться одними библіографическими замѣтками, т.-е. привести мѣсто этого перевода, чтобы можно было повѣрить на дѣлѣ слова наши. Вотъ для примѣра начало первой пѣсни: „Повѣдай, богиня, мнѣ о многообращавшемся мужѣ, который, по раззореніи священныя Трои вельми много странствуя, многихъ народовъ видѣлъ грады, и позналъ ихъ нравы, въ сердцѣ же своемъ неисчетныя на морѣ претерпѣлъ скорби, желая съ великимъ попеченіемъ соблюсти животъ свой, и да (?) возвратятся невредимы сопутники его; но и симъ образомъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ спасти ихъ отъ пагубы: ибо сами они отъ своего безумія погибли, когда всевидящаго солнца тучныхъ коровъ не пощадили; за сіе злодѣяніе отъятъ и день возвращенія ихъ въ отечество“ (стр. 1).

Не говоря уже о томъ, что сглаженъ весь колоритъ подлинника, отъ котораго нѣтъ здѣсь ни малѣйшей черты, что этотъ переводъ походитъ болѣе на пересказъ своими словами того же содержанія,—какимъ жесткимъ, грубымъ языкомъ онъ написанъ! И между тѣмъ переводчика не стѣсняли никакія внѣшнія условія!

---

[1]) Мнѣнія о его переводѣ Иліады собраны въ упомянутой статьѣ Гаевскаго о Костровѣ.

[2]) Заглавіе этого перевода: *Одиссея или странствованія Улисса. Героическое твореніе Гомера*. Изданіе второе, вновь исправленное. Спб. Въ типографіи Плавильщикова, 1815 г.

„Сихъ злоключеній нѣкую часть возвѣсти и намъ, о дщерь Діева! Всѣ прочіе Ахеяне, которые на брани и на морѣ спаслися отъ смерти, были уже въ домахъ своихъ; сего же единаго мужа знаменитая нимфа богиня Калипса удерживала въ пещерахъ своихъ, желая имѣть его мужемъ своимъ“.

Вотъ возможно близкій переводъ: „Тогда-то всѣ прочіе (Ахейцы), сколько ихъ избѣгло черной (внезапной) гибели, дома были, убѣжавъ войны и моря, его же (Одиссея) одного, жаждавшаго возвращенія и супруги, нимфа почтенная Калипса, богиня великая, удерживала въ гладкихъ пещерахъ, желая, чтобъ онъ былъ ей супругомъ“. Изъ сличенія этихъ двухъ переводовъ одного мѣста явствуетъ, что *αἰπὺν ὄλεθρον* переведено общимъ (родовымъ) понятіемъ—смерть, что переводчикъ употребляетъ *спаслись* вмѣсто *избѣгли*, которое повторяется два раза въ подлинникѣ, что пропущенъ цѣлый стихъ:

τὸν δ'οἶον, νόστου κεχρημένον ἠδὲ γυναικός,

что не переведены эпитеты *πότνια, δῖα θεάων*. И эти неизвинительныя ошибки, эта порча подлинника — они проходятъ весь переводъ. Стоитъ ли долѣе останавливаться надъ нимъ? Перейдемъ же прямо къ переводу Мартынова, удерживаясь пока отъ общихъ заключеній.

Переводчикъ не приносилъ съ собою основательнаго знанія греческаго языка. Это подтвердимъ мы слѣдующими примѣрами. Первая пѣснь Иліады издана съ междустрочнымъ переводомъ, т.-е. подъ каждымъ греческимъ словомъ напечатано его значеніе. Это даетъ средство замѣтить даже наглядно, какимъ ограниченнымъ знаніемъ греческаго языка обладалъ переводчикъ. *Ἱστὸν ἐποιχομένην* онъ переводитъ холстъ-ткущую; между тѣмъ, *ἱστός* значитъ ткацкій станокъ (Webestuhl), а *ἐποίχομαι* — обхожу; если Мартыновъ хотѣлъ представить значеніе отдѣльныхъ словъ собственно въ томъ порядкѣ, какъ они слѣдуютъ въ подлинникѣ, чтобъ показать разность между свойствами греческаго и нашего языка, трудность и невозможность удержать всѣ обороты, частицы и слова подлинника (какъ самъ онъ говоритъ на XXII стр.), то зачѣмъ же было передавать греческія слова Богъ знаетъ какъ? Ясно, что тутъ была другая причина, а не желаніе выразиться ближе къ духу русскаго языка. Далѣе: *ὃς Χρύσην ἀμφιβέβηκας* переведено: кой Хризу заступаешь; собственно значитъ: обходишь кругомъ, отсюда—защищаешь *(ὑπερμαχεῖς* по толкованію схоліаста). *Μένεος δὲ μέγα φρένες ἀμφιμέλαιναι* значитъ по Мартынову: духъ же зѣло мыслями всюду черными; какъ-будто *φρένες* значитъ мысли! У Гомера нѣтъ никакой фигуры, у Мартынова есть: черная мысль. *Βωτιανείρῃ* (стр. 24) переводится словомъ: многолюдная, а значитъ: питающая мужей (отъ *βόσκω* и *ἀνήρ*). *Ἀτρύγετος* значитъ не *неукротимый* (стр. 46), а безплодный, пустынный (собственно—гдѣ нельзя жать). Этихъ немногихъ примѣровъ довольно для подтвержденія вы-

сказаннаго нами положенія. Что же оставалось дѣлать переводчику при ограниченномъ знаніи языка подлинника, какъ не взять себѣ руководствомъ какого-нибудь иностраннаго толкователя и во всемъ ему безусловно подчиниться? Такъ и сдѣлалъ Мартыновъ. Любопытенъ выборъ руководителя. Образцомъ для своего перевода Мартыновъ сдѣлалъ Битобе, котораго переводъ даже и во французской литературѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что третье изданіе перевода Битобе[1]) вышло въ 1796 году, а переводъ Мартынова Иліады въ 1823—1825 гг., Одиссеи въ 1826—1828, слѣд., незадолго до перевода Гнѣдича. Этому образцу, какъ и слѣдовало ожидать, онъ рабски подчинился. Оттого такъ замѣтно въ немъ какое-то двойственное воззрѣніе на эпосъ Гомера и на способъ перевода. И какъ было не раздвоиться его воззрѣнію, когда своего мнѣнія онъ не могъ подкрѣпить ничѣмъ, а чужое было авторитетомъ не для одного него. Яснѣе это двойственное воззрѣніе выступитъ передъ нами, когда мы сблизимъ нѣкоторыя разсѣянныя его примѣчанія. Въ предисловіи онъ говоритъ: „Сколько могъ, старался я сдѣлать оный близкимъ къ подлиннику" (стр. XXII). Въ примѣчаніяхъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „*Быстроногій*. Нѣсколько отступя отъ подлинника, можно бы сказать и *быстротечный*. Но къ чему отступленіе, если близкій или точный переводъ не вредитъ поэзіи?" (стр. 91). Въ другомъ мѣстѣ: „Послѣ сихъ словъ Ахиллъ разсказываетъ то, что уже было сказано прежде, и многіе стихи повторяются отъ слова до слова. Нашъ поэтъ нерѣдко употребляетъ таковыя повторенія, особливо въ рѣчахъ пословъ. Сіи пересказы означаютъ простоту вѣка Омирова и младенчество искусства. Не смотря на то, онъ все остается обильнѣйшимъ геніемъ, какіе когда-либо существовали. Переводчикъ легко могъ бы выпустить ихъ или замѣнить другими оборотами; но былъ ли бы тогда Омиръ таковымъ, каковъ онъ есть?" (стр. 97). Далѣе: „Я думаю, что не древняго писателя надобно переносить въ вѣкъ переводчика, но переводчику должно переноситься въ вѣкъ древняго писателя" (стр. 99). Итакъ, Мартыновъ приносилъ съ собою желаніе передать Гомера возможно вѣрно, представить, такъ сказать, его вѣрное отраженіе. Но вѣдь желаніе тогда только и имѣетъ значеніе, когда не остается пустымъ словомъ, не празднымъ, суетнымъ самохвальствомъ, а когда является выраженіемъ глубоко сознанной необходимости и потребности чего-либо, когда вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ въ васъ твердую волю исполнить эту потребность и исполнить, разумѣется, такъ, какъ того требуетъ самая задача, когда, стало-быть, вы готовы пожертвовать всѣмъ отъ васъ зависящимъ для исполненія ея. Какіе же запасы, какія заготовленныя средства приносилъ съ собою

---

[1]) Заглавіе его: L'Odyssée d'Homère avec des remarques; précédée de reflexions sur l'Odyssée et sur la traduction des poètes. Par Bitaubé. A Lyon. Chez Bruyset ainé etc. 1796.

Мартыновъ для свершенія своего дѣла? Очень и очень немногіе. Онъ долженъ былъ поддаться своему руководителю, принять безусловно его возврѣніе. Посмотрите, что говоритъ онъ въ другихъ примѣчаніяхъ: „*Сердцу Агамемнона*. Я выпустилъ *Атрида* или *Атреева сына*. Выпуски сіи, для ускоренія дѣйствія и описанія онаго, часто бываютъ необходимо нужны. Въ подлинникѣ сказано: *Атриду Агамемнону душѣ* или *духу*. Ясно, что Эллинизмъ сей не можетъ быть терпимъ на Русскомъ языкѣ“ (стр. 87). Или: „*Стрѣлы звучатъ;* въ подлинникѣ послѣ сихъ словъ слѣдуетъ: *на плещахъ* или *на раменахъ* гнѣвающагося; повтореніе, каковыхъ думаю, если то будетъ нужно, избѣгать и въ послѣдствіи“ (стр. 89). Тамъ же: „Однозначущія выраженія—*собрались* и *собраны были* терпимы только въ устахъ Гомера“. На Мартыновѣ, и въ теоріи, и въ практикѣ, сильно выказалось вліяніе современнаго ему направленія литературы, преимущественно французское. Желающихъ прочесть разсужденіе о Гомерѣ онъ отсылаетъ къ Лагарпу; самъ ограничивается краткимъ разсужденіемъ: „Объ Омирѣ и его сочиненіяхъ“. Сначала разсматриваетъ сказанія о томъ, почему творецъ Иліады названъ Гомеромъ, потомъ разсказываетъ жизнь его и говоритъ, что Гомеръ не могъ родиться ни въ Хіосѣ, ни въ Смирнѣ,—мнѣніе, которое въ настоящее время принято большею частью ученыхъ. Эти подробности почерпнуты имъ изъ *Nouveau dictionnaire historique par L. M. Chandon et F. A. Delandinne*, 1804, какъ онъ самъ признается. Упомянувши о сочиненіяхъ Омира, онъ задаетъ себѣ вопросъ: „На чемъ основывается толикое уваженіе къ твореніямъ, а особливо эпическимъ, сего поэта?“ Между прочимъ замѣчаетъ, что „въ нихъ очевидно доказывается его (Омира) глубокое свѣдѣніе въ тогдашней географіи, астрономіи, музыкѣ, математикѣ, философіи, правовѣдѣніи и врачебномъ искусствѣ (XV) [1]. Что сказать (прибавляетъ онъ) о его краснорѣчіи, благочестіи, прекраснѣйшихъ мнѣніяхъ, кои въ послѣдующіе вѣка обратились въ пословицы“. По увѣренію переводчика, „главнымъ предметомъ Иліады были подвиги Ахилла, такъ, какъ въ Одиссеѣ подвиги Одиссеевы“. Въ заключеніе введенія приводится сравненіе Гомера съ Виргиліемъ, принадлежащее Трюблету. Изъ него ничего нельзя понять. Изъ этого краткаго пересказа видно то собственно воззрѣніе, на основаніи котораго исполненъ переводъ Иліады и Одиссеи. Подражая французу, Мартыновъ долженъ былъ во всемъ сообразоваться съ его направленіемъ. Чтобъ дать понятіе о переводѣ Битобе, выписываю начало XIII-й пѣсни Одиссеи: „Tandis que la nuit couvroit de son ombre le palais, tous les assistans, dans cette vaste salle, enchantés du récit d'Ulysse, sembloient avoir perdu la parole, et lui prêtoient encore une oreille attentive. Alcinoïs rompt enfin le silence. O fils de Laërte, dit-il, puisque le ciel t'a conduit dans ce palais inébranlable et éllévé, aucune tempête ni

[1]) Этому не должно удивляться; въ наше время одинъ высокоученый критикъ „Отеч. Зап.“ высказалъ ту же мысль; но объ этомъ ниже.

aucun malheur ne troublera ton retour, quoique le sort n'ait cessé de te poursuivre et de t'accabler de ses rigueurs" [1]). Переводъ не требуетъ поясненій: дѣло говоритъ само за себя. Вы видите, какъ сгладили весь Гомеровъ колоритъ и какъ его изукрасили, какимъ сдѣлали его милымъ, учтивымъ разсказчикомъ. Мартыновъ дѣлалъ то же. Въ подстрочномъ переводѣ онъ переводилъ такъ, какъ стоитъ въ подлинникѣ; въ простомъ поправляетъ Гомера. Напр., въ подстрочномъ переводѣ читаемъ: *благомудрствуя, словами и руками помогать, въ тотъ день (αὐτῆμαρ), вѣщай, если меня спасешь;* въ обыкновенномъ тѣмъ же словамъ соотвѣтствуютъ: *мудрецъ, защищать словомъ и силою, въ день опалы, вѣщай, можешь ли оградить меня отъ мщенія?* (стр. 14 — 15). Насколько имѣла здѣсь вліяніе французская учтивость, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Мартыновъ говоритъ: *„Сихъ кораблей — κοίλῃσιν пустыхъ, глубокихъ.* Сіе прилагательное Омиръ часто повторяетъ въ своей поэмѣ, такъ какъ многія другія, изображающія характеръ или отличительные признаки героевъ или предметовъ. *Переводчики удерживаютъ ихъ тамъ,* гдѣ оныя, такъ сказать, не торчатъ и не мѣшаютъ круглой отдѣлкѣ выраженія" (стр. 88). Пропуская слово *κυνῶπα*, онъ говоритъ: „вѣроятно, что слово сіе не возбуждало понятія кореннаго своего происхожденія" (стр. 92). Иначе, по его мнѣнію, Гомеръ не употребилъ бы его!! Извѣстно, что гомерическіе боги не слишкомъ церемонились въ обращеніи съ богинями. Вулканъ, желая помирить Геру съ Зевсомъ, говоритъ:

Τέτλαθι μῆτερ ἐμή, καὶ ἀνάσχεο, κηδομένη περ,
Μή σε, φίλην περ ἐοῦσαν, ἐν ὀφθαλμοῖσιν ἴδωμαι
Θεινομένην.

Въ подстрочномъ переводѣ Мартынова: „Снеси, матерь моя, и стерпи, скорбная хотя; Да не тебя, любезную, хотя сущу, (сими) очами узрю біему". Въ простомъ переводѣ читаемъ: „Пренеси, матерь моя, хотя то и прискорбно, да не узрятъ очи мои тебя, возлюбленную, въ большемъ *позорѣ"*. Въ примѣчаніи Мартыновъ изъясняетъ, что слово *біемую* онъ замѣнилъ другими, т.-е. въ *бóльшемъ позорѣ*, ибо *не смѣлъ* удержать сего слова (біемую).

Думаю, что этого достаточно для оцѣнки перевода Мартынова: историкъ литературы долженъ останавливаться долго только надъ писателями, заслуживающими внимательнаго и всесторонняго изученія, но не можетъ и не долженъ также разсуждать о мелочныхъ, менѣе даже чѣмъ второстепенныхъ дѣятеляхъ, чтобы не сдѣлать изъ мухи слона. Что̀ сказать о примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ переводу Мартынова? Они почерпнуты также изъ французскихъ источниковъ, особенно изъ Битобе и изъ старыхъ толкователей Гомера, напр., Кларка. Примѣчанія,

1) „L'Odyssée", t. IV, p. 153.

взятыя изъ Битобе, большею частью обозначены его именемъ; есть, впрочемъ, и много такихъ, источникъ которыхъ не показанъ, а взяты они изъ того же Битобе. Уже изъ представленнаго выше отрывка перевода Битобе можно заключить о достоинствѣ и направленіи примѣчаній. Приведу для примѣра два примѣчанія Мартынова въ параллель съ толкованіями Битобе. *„Имя Иѳаки и въ Троѣ извѣстно.* Тонкая похвала Одиссею. Аѳина къ сему еще присовокупляетъ: хотя она, сказываютъ, далече отъ земли Ахейской.

„Эпическій поэтъ долженъ стараться дѣйствію своему придавать величіе и важность. Омиръ представляетъ здѣсь отечество Одиссея съ самой выгодной стороны. Надобно вспомнить, что Одиссей былъ царемъ не только Иѳаки, но и Закинѳа, Кефалоніи и сосѣднихъ острововъ“ (Од., часть III, стр. 47).

У Битобе читаемъ: „Le nom d'Ithaque est surtout connu dans les champs de Troye. C'est une louange fine pour Ulysse. Elle ajoute: champs si éloignés de la Grèce“.

„Un poète épique ne doit pas négliger de donner de la grandeur et de l'importance à son action. Homère montre ici sous le jour le plus avantageux la patrie d'Ulysse. Il faut se souvenir qú'Ulysse n'étoit pas seulement roi d'Ithaque, mais de Zacynthe, de Céphalonie et des isles voisines“ (Od., t. IV, p. 202). Изъ сличенія этихъ двухъ мѣстъ видно, что, хотя Мартыновъ не вездѣ указывалъ источникъ своихъ замѣчаній (какъ здѣсь), но все-же нельзя не замѣтить, откуда взялся его взглядъ на Иліаду и какимъ путемъ открылъ онъ въ ней то особеннаго рода величіе, которымъ облекла своихъ героевъ лже-классическая трагедія. Въ 1828 году онъ вполнѣ подчинился теоріи и переводу, явившемуся почти въ вѣкѣ Людовика XIV. Такой опрометчивый выборъ руководителя подтверждаетъ наше сомнѣніе въ основательномъ знаніи греческаго языка переводчикомъ. Другое примѣчаніе: *„Сей вѣрный служитель.* Въ подлинникѣ *συβότης αὐτὸς, свинопасъ самъ.* Ничто столько не уничижаетъ рѣчи, какъ слова низкія. Лонгинъ обвиняетъ Иродота, т.-е. самаго разборчивѣйшаго изъ всѣхъ греческихъ историковъ, въ томъ, что онъ допустилъ нѣсколько низкихъ словъ въ своей исторіи. Упрекаютъ въ семъ и другихъ знаменитыхъ писателей. Итакъ, не удивительно ли, что Омиру никогда не дѣлали въ семъ ни какой укоризны; не смотря на то, что онъ сочинилъ двѣ поэмы, изъ которыхъ каждая толще Энеиды, и нѣтъ такого писателя, который бы нисходилъ въ большія подробности, какъ онъ иногда то дѣлаетъ, и любилъ бы столько говорить мѣ (е) лочи, употребляя только всегда благородныя слова и пользуясь наименѣе возвышенными словами съ такимъ искусствомъ, какъ замѣчаетъ Діонисій Аликарнасскій, что онъ дѣлаетъ ихъ благородными и гармоническими? Изъ сего видна малосмысленность тѣхъ новѣйшихъ критиковъ, кои судятъ объ Омирѣ по однимъ рабскимъ переводамъ. Слово genisse (телица) на французскомъ языкѣ прекрасно, а vache (корова) не можетъ быть на немъ терпимо;

pasteur (пастырь) и berger (пастухъ) употребляютъ весьма хорошо; a gardeur de pourceaux (стражъ свиней или свинопасъ) или gardeur des boeufs (волопасъ) были отвратительны. Однакожъ на греческомъ языкѣ нѣтъ, можетъ быть, лучше словъ, соотвѣтствующихъ онымъ двумъ французскимъ словамъ; и для сего-то Виргилій свои эклоги назвалъ пріятнымъ именемъ *вуколиковъ*, которое однако на нашемъ (фр.) (!) языкѣ, буквально значитъ: les entretiens des bouviers .(разговоры волопасовъ). *Боало въ своихъ разсужденіяхъ о Лонгинѣ*" (Од., ч. III, стр. 94—95). Итакъ вотъ кодексъ Мартынова—теорія Буало. Странно! Неужели такъ долго держалось это воззрѣніе? Обращаемся къ Битобе и читаемъ: „Voici quelques observations, que fait Boileau dans ses réflexions sur Longin, et qui trouveront ici leur place: „Il n'y a rien qui avilisse davantage un discours que les mots bas" etc. etc. (Од., IV, p. 249—251). Такъ вотъ откуда перешло это замѣчаніе къ Мартынову! Нельзя не сознаться, что нашъ переводчикъ слишкомъ рабски подчинился Битобе. Мартыновъ говоритъ, что Костровъ слѣдовалъ другимъ иностраннымъ переводчикамъ (Ил., I, стр. 85), что вообще въ переводѣ его не надобно искать простоты Омировой и краткости въ выраженіяхъ. Онъ и распространяетъ, и украшаетъ Омира, можетъ быть, часто по нуждѣ; ибо переводилъ его стихами и притомъ съ риемами. Въ переводѣ его Омиръ часто является въ одеждѣ Кострова, а не въ приличной древности сего поэта (ib., стр. 183).

Выше мы высказали свое мнѣніе о Костровѣ, указали его достоинства и недостатки. Какъ-то крайне непріятно читать подобный отзывъ въ книгѣ того, который представляетъ въ своемъ переводѣ вредную крайность подчиненія чужому авторитету, который во всемъ своемъ переводѣ, отъ начала до конца, выказалъ ученическое незнаніе греческаго языка и выдавалъ за свои замѣтки, выбранныя изъ не слишкомъ завидныхъ источниковъ. Побужденія Мартынова понятны: только жалкая бездарность въ пылу своей незаконной гордости можетъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ. И право, несмотря на все безстрастіе, необходимое въ дѣлѣ науки, такое литературное лицемѣріе поневолѣ вырветъ неосторожное слово изъ устъ критика...

На этой точкѣ остановились наши переводчики Гомера, когда явился новый дѣятель на этомъ прекрасномъ поприщѣ. Онъ приносилъ съ собою чистую и неподкупную любовь къ Гомеру и къ избранному (труду), приносилъ много свѣжихъ, бодрыхъ силъ, которыя могли выдержать долгія опасности и сломить представлявшіяся препятствія, приносилъ съ собою богатый запасъ свѣдѣній, необходимыхъ для исполненія труда такъ, какъ подобаетъ быть переводимъ Гомеръ. Мы говоримъ о Гнѣдичѣ. Рано, еще со школьной скамьи, сдружился онъ... [1])

---

[1]) [Здѣсь рукопись обрывается].

О ЗАИМСТВОВАНІЯХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ [1]).

Исторія отечественной литературы не много находитъ дѣлателей. Мы какъ-то охотнѣе обращаемся къ изученію и разработкѣ литературъ иностранныхъ, нежели къ нашей. И въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ состояніе болѣе жалкое: для нашей исторіи литературы сдѣлано очень мало, почти ничего. Не говоря уже о томъ, что мы до сихъ поръ не имѣемъ удовлетворительнаго сочиненія, которое охватывало бы всю древнюю и новую исторію словесности, у насъ нѣтъ даже хорошаго изданія нашихъ, такъ-называемыхъ, классиковъ. Прямое, естественное слѣдствіе такого равнодушія есть коснѣніе въ однажды высказанномъ взглядѣ на судьбы нашей литературы, такъ сказать—стереотипныя понятія о ней: мы привыкли, въ отношеніи къ нашей литературѣ, ходить по однажды проложеннымъ тропинкамъ, повторять однѣ и тѣ же сентенціи о писателяхъ; неудивительно, что сентенціи эти опошлились, что въ писателяхъ нашихъ не хотятъ ничего искать и самодовольно остаются при старыхъ суевѣріяхъ. Были люди, которые упрекали критику нашу въ безотчетности, называли судей литературы дѣтьми привычки, толковали о совѣстливомъ, безпристрастно-возвышенномъ изученіи литературы; но надобно, къ сожалѣнію, признаться, что эти же самые цѣнители оказывались дѣтьми самой лѣнивой привычки. Неудивительно, что изученіе прошедшаго нашей литературы не много подвинулось впередъ.

Потому, приступая къ указанію нѣкоторыхъ заимствованій нашихъ писателей у иностранныхъ, я долженъ оговориться: я не могу и не въ силахъ представить полнаго сочиненія объ этомъ предметѣ и долженъ удовольствоваться немногими отрывочными указаніями. Но, чтобы дать

---

1) [Въ рукописи помѣта: „Сочиненіе, писанное на степень кандидата студентомъ историко-филологическаго факультета Николаемъ Тихонравовымъ". Сочиненіе сохранилось въ черновомъ оригиналѣ (неполномъ) и въ полной бѣловой копіи чужою рукой, но со многими собственноручными вставками. *Ред.*].

имъ единство, я намѣренъ сдѣлать самый краткій очеркъ историческаго развитія нашей литературы, обращая преимущественное вниманіе на этотъ наплывъ чуждыхъ элементовъ. Но прежде посмотримъ, что̀ разумѣютъ ученые подъ именемъ заимствованій.

„Все уже сказано, говоритъ Лабрюйеръ, и мы подбираемъ только колосья во владѣніяхъ нашихъ предшественниковъ“. Мнѣніе не новое. „Пути наукъ до такой степени протоптаны, говорили древніе, что часто писатели встрѣчаются безъ всякаго намѣренія; они часто думаютъ одинаково, одѣваютъ мысль одинакими выраженіями, и при всемъ томъ дѣйствуютъ, каждый, самостоятельно и независимо“. Впрочемъ, уже древніе могли замѣтить, что такія встрѣчи не всегда случайны. Уже въ древности являлись сочиненія, въ которыхъ классическіе писатели (Геродотъ, Эсхилъ, Софоклъ) были обвиняемы въ литературныхъ хищеніяхъ. Новое время довело ихъ до невѣроятно высокой степени совершенства. „Впрочемъ, заимствованія мысли и выраженій не должно смѣшивать съ тѣми общими пріемами, съ тѣми неизбѣжными повтореніями, на которыя осужденъ самый оригинальный умъ“, говоритъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ библіографовъ [1]). Одинъ бездарный потребитель бумаги говорилъ, что у него заимствовалъ Вольтеръ, и жаловался на томъ основаніи, что и онъ въ письмахъ подписывалъ: *votre très humble et très obeissant serviteur*, подобно челобитчику. Съ точки зрѣнія истца, пожалуй, это назовутъ заимствованіемъ. По словамъ Нодье [2]), „хищеніе литературное есть заимствованіе у какого-нибудь писателя основы произведенія новаго, развитія мысли новой или мало извѣстной, оборота одной или нѣсколькихъ мыслей. Ибо, по его словамъ, бываютъ такія мысли, которыя могутъ выиграть при новомъ оборотѣ, такія понятія, которыя при счастливомъ развитіи могутъ быть объяснены, такія произведенія, сущность которыхъ можетъ быть возвышена формою; но было бы несправедливо, заключаетъ онъ, честить именемъ хищенія то, что̀ есть только распространеніе“.

Похищенія литературныя встрѣчаемъ еще въ древности; но въ новое время они доведены были до ужасающей крайности. Въ XVII вѣкѣ въ Парижѣ открылся довольно странный курсъ. Нѣкто Ришъ-Сурсъ (кажется, псевдонимъ), который титуловался „директоромъ академіи философскихъ ораторовъ“, брался сдѣлать отличнымъ писателемъ человѣка, лишеннаго всякихъ способностей. Въ 1667 г. онъ издалъ сочиненіе: „Le masque des orateurs, ou la manière de déguiser toutes sortes de compositions, lettres, sermons, panégyriques, oraisons funèbres, dédicaces, discours etc. etc.“.

Эта попытка такъ хорошо характеризуетъ ту схоластическую средневѣковую риторику, которая имѣла и имѣетъ такое сильное вліяніе

---

1) B-on de Reiffenberg, „Bulletin du Bibliophile Belge“, IV, p. 67.

2) „Questions de littérature légale“, p. 36.

у насъ, и такъ краснорѣчиво указываетъ на ту конечную цѣль, къ которой можетъ привесть сухое, безсознательное занятіе риторикой, что я считаю за нужное войти въ подробности объ этой книгѣ, придерживаясь въ изложеніи Керара.

Сначала Ришъ-Сурсъ дѣлаетъ весьма справедливое замѣчаніе, что не всѣ выступающіе на литературное поприще имѣютъ въ себѣ то, что̀ можетъ ручаться за ихъ успѣхъ. Этимъ-то людямъ и посвящаетъ онъ труды свои. Онъ хочетъ научить ихъ „срывать въ садахъ другихъ тѣ плоды, которыхъ не можетъ принести ихъ безплодная почва, и притомъ срывать съ такимъ искусствомъ, чтобы публика не замѣтила этой покражи“. Эту науку онъ удостоиваетъ имени „plagiarisme“. „Plagiarisme“ ораторовъ, говоритъ онъ, есть искусство, которымъ нѣкоторые пользуются съ большою ловкостію, измѣнять или передѣлывать всякаго рода рѣчи, написанныя или ими самими, или кѣмъ-нибудь другимъ, но такъ, чтобы самъ авторъ не могъ узнать своего произведенія, своего слога и основы своего труда: такъ ловко должно быть переиначено цѣлое.

Далѣе профессоръ предлагаетъ способы достигнуть такого совершенства, напр. перестановку словъ, измѣненіе порядка въ изложеніи и т. п. Если, напр., у кого-нибудь сказано: „этотъ человѣкъ одаренъ мужествомъ, честностью, великодушіемъ“, то подражатель говоритъ: „этотъ человѣкъ одаренъ великодушіемъ, честностью, мужествомъ“, или: „этотъ человѣкъ великодушенъ, честенъ, мужественъ“. Послѣдній оборотъ есть уже высшая ступень въ сравненіи съ первымъ способомъ.

Послѣднюю часть сочиненія Ришъ-Сурса можно назвать практическою: сочинитель беретъ мѣста изъ классическихъ писателей и приспособляетъ ихъ къ своей методѣ. Замѣчательно, что многіе знаменитые писатели посѣщали лекціи Ришъ-Сурса, между прочимъ Флешье, который написалъ даже похвальную оду своему наставнику; неудивительно, что критика нашла въ сочиненіяхъ его слѣды наставленій Ришъ-Сурса [1]).

Отъ литературныхъ похищеній нужно отличать кражи. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣются тѣ случаи, когда писатель перепечатываетъ подъ своимъ именемъ чужое сочиненіе цѣликомъ, безъ измѣненій. Примѣры литературныхъ кражъ въ нашей литературѣ рѣдки; онѣ произведеніе французскаго духа, и преимущественно ближайшаго къ нашему времени. „Литература, говоритъ Кераръ, сдѣлалась теперь ремесломъ, средствомъ возвыситься, добыть деньги. Начиная съ того времени, когда всякій цѣнился только по количеству наличнаго капитала, писатель не хотѣлъ оставаться ниже лавочниковъ и торгующихъ заячьими шкурами, которые сдѣлались избирателями и избираемыми. Писателю понадобилась роскошь, чтобы привлечь на себя вниманіе; ему захотѣлось блистать

---

[1]) Quérard, Supercheries littéraires dévoilées. Paris. 1847—1849. Tome 1. pag. CXIII—CXIV.

точно такъ же, какъ многіе другіе, которые превосходятъ его только богатствомъ. Писатель больше уже не мудрецъ; онъ теперь человѣкъ свѣтскій, со всѣми его выходками и привычками. Для удовлетворенія новымъ потребностямъ ему понадобился доходъ, который бы далеко превышалъ ежегодный доходъ министра; писателю второстепенному нужно 20—30 т. франковъ, а который пониже, долженъ имѣть жалованье профессора французскаго коллегіума“ [1]).

Такъ объясняетъ Кераръ причину умноженія литературныхъ кражъ въ наше время, которое имѣетъ во Франціи представителемъ извѣстнаго Дюма: „подобнаго вора, замѣчаетъ Кераръ, не было, нѣтъ и не будетъ“.

Впрочемъ, такія явленія ненормальны и нечестны: они зависятъ болѣе отъ субъективности личностей, злоупотребляющихъ правами литературной собственности, и подлежатъ суду юридическому. У насъ идетъ рѣчь о заимствованіяхъ другаго рода, на которыхъ не лежитъ такого неблагороднаго отпечатка, которыя важнѣе въ исторіи литературы и болѣе или менѣе законны, а потому изъяты отъ полицейскихъ преслѣдованій. Здѣсь двигающимъ рычагомъ является не мелочной разсчетъ, а желаніе прямой пользы литературѣ, хотя, конечно, нельзя совершенно оправдать это перечеканиваніе чужой монеты подъ свой штемпель, какъ выразился кн. Вяземскій.

Заимствованія, о которыхъ мы будемъ говорить, относятся преимущественно къ періоду молодости искусственной литературы или къ періоду молодости писателей, на которыхъ лежитъ этотъ грѣхъ. Подражательность есть вообще признакъ молодости; самостоятельность появляется уже гораздо позднѣе. И до тѣхъ поръ, пока для писателей и для литературы настанетъ эта вожделѣнная эпоха, имъ остается на долю ходить на помочахъ чужой опытности. Убѣжденія не приходятъ вдругъ, они плодъ долгаго времени, плодъ тяжелаго труда. Что̀ остается дѣлать молодымъ писателямъ, выступающимъ на литературное поприще, какъ не обратиться къ другимъ? Но вотъ вопросъ: къ кому же имъ обратиться, кто дастъ имъ путеводительный талисманъ, кто предложитъ опору ихъ слабой, шаткой, колеблющейся мысли? Разумѣется, тѣ, которѣе успѣли себѣ пріобрѣсть авторитетъ въ общемъ убѣжденіи. То же можно сказать и о литературѣ вообще. Если для цѣлой литературы есть свой юношескій возрастъ, то для нея есть и его впечатлительность, его вѣтреность, непрочность, его исканіе чужой помощи. Стало-быть, характеръ литературныхъ заимствованій опредѣляется, съ одной стороны, общимъ направленіемъ литературы въ тотъ періодъ, къ которому относится заимствованіе, съ другой стороны—индивидуальностью заимствующаго. Благо тому, кто съ перваго раза найдетъ себѣ прочную опору, поддастся вліянію благотворной мысли, благотворнаго направленія; ему не придется раскаиваться въ своемъ добровольномъ подчиненіи другому. Но

[1]) Ibid., p. CIX.

часто случается, что неопытная рука молодаго писателя беретъ слабаго и ненадежнаго руководителя, котораго покидаетъ, когда опытъ даетъ почувствовать его несостоятельность: тогда на долю писателя выпадаетъ тяжкая обязанность отречься отъ своихъ молодыхъ трудовъ.

Указаніе литературныхъ заимствованій имѣетъ свою полезную сторону. Оно открываетъ намъ, изъ какихъ элементовъ сложилась дѣятельность писателя, и какими пришлыми чертами опредѣлился характеръ литературы. Оно успокоиваетъ наше нравственное чувство, возвращая suum cuique, доводя до вѣрнаго пониманія образованіе и заслуги писателя. Можетъ быть, такія указанія оскорбляютъ многихъ и многихъ задѣваютъ за живое, навлекаютъ крики и упрекъ тому, кто рѣшается на такія вскрытія: но безъ нихъ невозможна вѣрная, живая исторія литературы. Въ предисловіи къ своей превосходной книгѣ „Supercheries littéraires dévoilées", которая указываетъ неправедныя похищенія многихъ современныхъ французскихъ писателей, Керарь говоритъ: „Эта книга заключаетъ въ себѣ много весьма щекотливыхъ разоблаченій. Можетъ быть, это злая, негодная книга, но вина должна падать скорѣе на наше время, нежели на меня: сколько мнѣ пришлось разоблачить обмановъ и шарлатанскихъ уловокъ; и при всемъ томъ это книга честнаго человѣка" [1]). Теперь посмотримъ, какія явленія представитъ намъ русская литература.

Эпоха Петра была гранью въ умственной и государственной жизни русскаго народа. Въ Петрѣ нашла, наконецъ, свое осуществленіе та великая идея, которая долго, какъ бы по наслѣдству, передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію въ линіи государей московскихъ. Затрогиваемая не разъ глубокимъ сознаніемъ государей московскихъ мысль о необходимости европейскаго просвѣщенія для Россіи живо и энергично вылилась изъ многообъемлющей личности Петра. Уже давно высылала Кіевская академія своихъ питомцевъ на службу русскому образованію, но они сковывались схоластицизмомъ своей учености и ея рѣшительнымъ отторженіемъ отъ жизни. Но такое изолированное положеніе учености не могло дать плодовъ тамъ, гдѣ нужно было сперва пролить равное образованіе по всѣмъ классамъ народа, одушевивъ его силою жизни. Потому заключительнымъ актомъ заботъ Петра объ образованіи Россіи было основаніе Академіи Наукъ, которая должна была по его плану удовлетворять тремъ главнымъ задачамъ: a) академики должны были науки производить и совершать; b) читать лекціи, какъ въ университетѣ, и имѣть при себѣ двухъ воспитанниковъ „изъ славянскаго народа", которые бы потомъ сами могли сдѣлаться учителями, и c) каждый академикъ обязывался „дѣлать экстракты изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій по своей части, и систему или курсъ въ наукѣ своей въ пользу учащихся младыхъ людей изготовить" [2]). Таковы были предначертанія

[1]) Ibid., p. VIII.

[2]) Энциклопедическій лексиконъ, издан. Плюшара. Томъ II *(Академія)*.

Петра. Понятно, что у насъ новая литература, съ европейскимъ характеромъ, зарождалась въ одно время съ образованіемъ. Первые русскіе писатели были вмѣстѣ и первыми дѣятелями на поприщѣ образованія. Можно сказать, что до Карамзина у насъ почти нѣтъ своей, оригинальной литературы, что до него она преимущественно обнимаетъ собою исторію просвѣщенія. Сознаніе необходимости европейскаго просвѣщенія такъ сильно въ лучшихъ людяхъ эпохи Петра и его ближайшихъ преемниковъ, что себя посвящаютъ они преимущественному служенію этой задачѣ, дробятъ силы свои, чтобъ удовлетворить вопіющимъ, насущнымъ потребностямъ народа. Посмотрите на Кантемира: онъ начинаетъ сатирою „На хулящихъ ученіе", издаетъ переводъ соч. Фонтенеля „О множествѣ міровъ". „Въ этой книгѣ, говоритъ Кантемиръ, Фонтенель неподражаемымъ искусствомъ полезное забавному присовокупилъ, изъясняя шутками все, что нужнѣе къ вѣденію въ Фѵзікѣ и Астрономіи, такъ что всякому, кто съ прилѣжаніемъ читать любитъ, изъ нея легко научиться довольной части тѣхъ наукъ. Для того, я чаялъ нашему народу нѣкую услугу показать переводомъ ея на Руской языкъ. Трудъ мой былъ не безваженъ, какъ всякому можно признать, разсуждая, коль введеніе новаго дѣла не легко" [1]). Если припомнить, что Кантемиръ перевелъ Юстинову исторію, Корнелія Непота, разговоры Альгаротти о свѣтѣ, что онъ написалъ руководство къ алгебрѣ, то легко будетъ понять, какая мысль руководила всѣми его трудами. Онъ хотѣлъ, повидимому, популярнымъ изложеніемъ распространить въ Россіи свѣдѣнія о разныхъ наукахъ, дать общедоступные учебники. За славою оригинальнаго писателя онъ не гонялся, потому что своимъ свѣтлымъ умомъ хорошо постигалъ потребности Россіи. Всѣ эти труды показываютъ только, что онъ хотѣлъ быть просто хорошимъ педагогомъ, вѣрно и общедоступно передавать результаты европейской науки [2]). То же самое стремленіе можно замѣтить и въ его собственной литературной дѣятельности. Онъ самъ составилъ примѣчанія къ своимъ сатирамъ, гдѣ указалъ почти всѣ свои заимствованія. Онъ самъ признается, что въ сатирахъ своихъ „наипаче Горацію и Боалу, Французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ". Но я остановлюсь на тѣхъ только заимствованіяхъ, которыхъ нѣтъ въ академическомъ изданіи его сатиръ. Въ сатирѣ третьей есть, напр., много неуказанныхъ заимствованій у Ѳеофраста и Лабрюйера. Въ изъясненіи къ IV сатирѣ читаемъ: „Боало подобную сатиру напи-

---

Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ, выпускъ I, стр. IX, и моя статья о нихъ въ „Москвитянинѣ" 1853 г., № 2.

[1]) „Разговоры о множествѣ міровъ". Спб. MDCCXL. Предисловіе.

[2]) Прибавимъ, что Кантемиръ искалъ президентскаго кресла въ Академіи Наукъ; того же желали всѣ благомыслящіе академики. Учен. Зап. Имп. Ак. Наукъ, статья Куника.

салъ, которая въ его сатирахъ есть числомъ 7-я; изъ сей нашъ авторъ много имитовалъ, хотя большую часть отъ себя прибавилъ; есть въ ней нѣчто изъ Ювеналовой первой книги Сатиры, только что слова всѣ новыя, хоть дѣло есть подобное“ [1]). Въ первой редакціи пятой сатиры было у Кантемира очень много заимствованій изъ Буало, такъ что онъ поэтому долженъ былъ передѣлать ее [2]).

Въ сатирахъ Кантемира очень много заимствованій, нѣкоторыя мѣста даже просто переведены изъ Буало, Горація, Ювенала; въ этомъ онъ самъ признавался. Въ одной ненапечатанной эпиграммѣ онъ говоритъ о себѣ:

Что далъ Горацій, занялъ у Француза;
О сколь собою бѣдна моя Муза!
Да вѣрно ума хоть предѣлы узки,
Что взялъ по Польски, заплатилъ по Русски [3]).

---

[1]) Рукописныя сатиры Кантемира въ библіотекѣ М. П. Погодина.

[2]) См. примѣч. въ академ. изданіи. До какой степени были близки стихи Кантемира въ первой редакціи съ сатирою Буало, доказываетъ слѣдующее сравненіе:

Пройдижъ землю изъ краю до другаго края,
Зачни съ Москвы до Перу, съ Рима до Китая,
Не найдешь звѣря столь, сколь человѣки, злобна,
Всѣхъ живущихъ въ глупости не сыщешь подобна, и т. д.

У Буало:

De tous les animaux, qui s'élèvent dans l'air,
Qui marchent sur la terre, ou nagent dans la mer,
De Paris au Pérou, du Japon jusqu'à Rome,
Le plus sot animal, à mon avis, c'est l'homme (Sat. VIII, 1—4).

Не указаны также слѣдующія заимствованія:

Несчетныхъ страстей рабы, отъ дѣтства до гроба,
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба (V, 663—4).

Ce roi des animaux, combien a-t-il de rois?
L'ambition, l'amour, l'avarice, la haine
Tiennent comme un forçat son esprit à la chaîne.

Такъ, какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Летуча и различна мысль ваша бываетъ,
То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,
То грустно быть одному, то люди скучаютъ;
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ мѣста на другое
Перебѣгая мѣсто.

Voilà l'homme en effet. Il va du blanc au noir:
Il condamne au matin ses sentiments du soir;
Importun à tout autre, à soi-même incommode,
Il change à tous moments d'esprit comme de mode, etc.

[3]) Рукопись М. П. Погодина переписана не вездѣ грамотно и понятно.

Впрочемъ, никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ Полеваго, что нравы, изображенные Кантемиромъ, годятся ко всѣмъ странамъ міра [1]). Напротивъ, это живая картина русскихъ нравовъ и притомъ еще эпохи Петра. Бездна намековъ на лица живыя, объясненныхъ въ комментаріяхъ, сочувствіе Ѳеофана Прокоповича, гоненіе, которому подвергся Кантемиръ за свои открытыя обличенія,—все это показываетъ, что содержаніе сатиръ живьемъ взято изъ русской жизни. Заимствовалъ у Буало, Горація онъ одну мысль, какое-нибудь выраженіе, и подставлялъ его какъ объяснительную надпись къ своей картинѣ. „Все, что я тутъ написалъ (говоритъ Кантемиръ въ предисловіи къ сатирамъ своимъ), въ забаву писано; между тѣмъ хотя многіе могутъ въ беззлобныхъ стихахъ моихъ сыскать свое состояніе и нравы изображенные, вѣдалъ бы. что я никого партикулярно не представлялъ себѣ, когда писалъ характеры, въ сей сатирѣ содержащіе, и слушая злонравіе, не примѣчалъ злонравнаго. Прочее кому стихи мои не нравны, того прошу, чтобъ онъ не читалъ; а кто за нихъ мене хулить станетъ, то помнилъ бы, что *дурной лицемъ николи зеркала не любитъ*" [2]). Невольно напоминаютъ эти слова эпиграфъ къ современному намъ произведенію. Да и Гоголь эпиграфомъ къ своему „Ревизору" взялъ ту же пословицу: „на зеркало неча пенять, коли рожа крива". Это показываетъ, что между нашимъ первымъ сатирикомъ и послѣднимъ комикомъ много общаго, что тому и другому нужно было загородиться однимъ и тѣмъ же щитомъ.

Кромѣ сатиръ, отъ Кантемира осталось нѣсколько басенъ, эпиграммъ, одъ или пѣсенъ. Ода Елизаветѣ есть собственно переводъ съ латинскихъ стиховъ, поднесенныхъ Академіею Наукъ государынѣ [3]). Изъ эпиграммъ VIII-я (На Леандра) есть простой переводъ эпиграммы Буало „L'amateur d'horloges" [4]). Не надобно, впрочемъ, терять изъ виду,

[1]) „Очерки русской литературы", I, 378.

[2]) Рукопись М. П. Погодина.

[3]) Это извѣстіе взято изъ рукописи, переданной Мерзляковымъ М. П. Погодину. Ср. „Современный наблюдатель россійской словесности". 1815. № 16. стр. 114—115. Самая ода на латинскомъ языкѣ напечатана въ „Briefwechsel" Шлёцера; изъ нея отрывокъ есть въ статьѣ Схенда Фандербека. „Сынъ Отеч." 1842 г., № 1, стр. 54.

[4]) Вотъ доказательство:

Пять стѣнныхъ, пять столовыхъ, и столько жъ карманныхъ
Имѣетъ Леандръ часовъ; въ трудахъ несказанныхъ
Вѣкъ за ними возится, заводя и правя,
И то взадъ, то напередъ, по теченью ставя
Солнца, стрѣлки. Съ тѣхъ трудовъ кой плодъ получаетъ?
Никто въ городѣ, кой часъ, лучше его знаетъ.

У Буало:

Sans cesse autour de six pendules,
De deux montres, de trois cadrans,
Lubin, depuis trente et quatre ans,

съ какою цѣлью писаны эти эпиграммы. Вотъ слова Кантемира: „Въ нихъ нѣтъ ничего примѣтнаго, кромѣ новости своей, понеже до сихъ поръ на нашемъ языкѣ, чаю, эпиграммы не писаны“ [1]). Можетъ быть, у Кантемира была мысль познакомить русскихъ съ поэзіею европейской и дать имъ примѣры всѣхъ родовъ ея. Совершенную противоположность Кантемиру составляетъ Тредьяковскій. Если Кантемиръ рисуетъ живую, говорящую картину современныхъ нравовъ, если задача его преслѣдовать обскурантизмъ и прочищать дорогу европейскимъ идеямъ, то Тредьяковскій вдается въ сухую, мертвую ученость, но съ жаромъ, съ полузабвеніемъ себя. У насъ значеніе Тредьяковскаго въ литературѣ до сихъ поръ еще не опредѣлено. Многіе вводятъ его въ исторію словесности только съ тѣмъ, чтобы осыпать его оскорбительными упреками, чтобы выставить какую-то нравственную и умственную уродливость творца „Телемахиды“, чтобъ отрицать въ немъ не только всякую заслугу, но даже и возможность ея. По моему мнѣнію, здѣсь явное противорѣчіе. Если Тредьяковскій дѣйствительно не сдѣлалъ ничего для русской литературы и образованія, то о немъ не слѣдуетъ и упоминать въ наукѣ: ей нѣтъ дѣла до темныхъ, Богъ знаетъ, гдѣ копающихся тружениковъ и работающихъ безплодно и безцѣльно. Итакъ, въ этомъ случаѣ лучше покинуть Тредьяковскаго и не тревожить человѣка, котораго при жизни преслѣдовала горькая нужда, глупое невѣжество и чванство знатныхъ, идіотство безчеловѣчное многихъ окружавшихъ его. Если же и труды Тредьяковскаго не пропали втуне, если и они принесли свой плодъ, если и въ нихъ есть проблески мысли и убѣжденія, то мы, конечно, не въ правѣ вычеркнуть его имя изъ списка писателей, труды которыхъ имѣютъ историческое значеніе. Безусловные порицатели Тредьяковскаго сами чувствуютъ, что изъ исторіи литературы его нельзя вычеркнуть, потому что и за нимъ считается не одна заслуга. Главная ошибка въ томъ, что на Тредьяковскаго смотрятъ какъ на творца „Телемахиды“ и въ силу литературныхъ преданій предаютъ рѣшительному осужденію всѣ его труды. Но нельзя не замѣтить, что у насъ есть скорѣе исторія просвѣщенія, нежели исторія литературы; это зависитъ отъ самаго хода нашей исторіи. А въ исторіи просвѣщенія Тредьяковскій займетъ не послѣднее мѣсто. Какъ бы ни силенъ былъ схоластицизмъ въ ученыхъ трудахъ его, какъ бы ни были велики предразсудки вѣка, которымъ онъ поддавался,—все-же въ нихъ останется своя свѣтлая сторона. Для своего времени онъ былъ превосходнымъ про-

---

Occupe ses soins ridicules.
Mais à ce métier, s'il vous plaît,
A-t-il acquis quelque science?
Sans doute et c'est l'homme de France,
Qui sait le mieux l'heure qu'il est.

[1]) Рукопись М. П. Погодина.

фессоромъ, владѣя европейскимъ образованіемъ. Разсужденіе его объ одѣ даже въ нынѣшнемъ столѣтіи съ благодарностью и уваженіемъ цитовалъ Державинъ. Ему первому бросилась въ глаза странность силлабическаго стихосложенія русскаго и его ложь. Въ 1735 году, за 4 года до первой оды Ломоносова, написалъ онъ „Новый и краткій способъ къ сложенію стиховъ Россійскихъ“. Здѣсь на самыхъ первыхъ страницахъ онъ изрекаетъ такой приговоръ Смотрицкому: „Способъ сложенія Стіховъ весьма есть различенъ по различію языковъ. И такъ Авторъ славенскія Грамматіки, которая обще называется большая и Максімовская, желая наше сложеніе Стіховъ подобнымъ учинить греческому и латинскому, такъ свою просодію количественную смѣшно написалъ, что, сколько разъ за оную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтобъ не быть, смотря на оную смѣющимся Демокрітомъ непрестанно“ [1]). И вотъ Тредьяковскій предлагаетъ теорію тоническаго стихосложенія. Онъ признается, что на свойства новаго стихосложенія навела его народная пѣсня. Такая мысль была ересью для вѣка торжественныхъ одъ и риторики. Ея испугался-было и самъ Тредьяковскій; но въ свою защиту онъ выставилъ то, что „сообщаетъ нѣсколько отрывченковъ отъ нашихъ подлыхъ Стіховъ токмо въ показаніе примѣра“[2]), но тутъ же назвалъ ихъ *коренными* нашими стихами и въ просодическомъ отношеніи выставилъ за образецъ. Мысль смѣлая для того времени! Когда Ломоносовъ у нѣмцевъ искалъ новаго размѣра, Тредьяковскій нашелъ его въ народныхъ пѣсняхъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ ученыхъ трудахъ Тредьяковскаго, во всякомъ случаѣ весьма почтенныхъ. О его піитическихъ произведеніяхъ нельзя сказать того же; ими онъ уронилъ свое имя у современниковъ и вызвалъ жестокія насмѣшки потомковъ, воспитанныхъ въ другой сферѣ и подъ другими вліяніями. Его стихотворныя штуки писаны большею частію „для опытка“, какъ онъ выражался; неудивительно, что въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго. Ода его „На здачу Гданска“ есть почти буквальный переводъ оды Буало „Sur la prise de Namur“, въ чемъ онъ самъ признался. Многія мѣста изъ его трагедіи „Деидамія“ взяты у Метастазіо, которому принадлежитъ и общій планъ трагедіи, хотя не во всѣхъ частностяхъ. Но труды стихотворческіе Тредьяковскаго такъ неважны, что странно было бы входить въ подробный разборъ ихъ.

Ни Кантемиръ, ни Тредьяковскій не могли оставить послѣ себя твердо упроченнаго направленія и произвести сильное впечатлѣніе на умы современниковъ. Поле дѣятельности перваго было слишкомъ ограничено; тотъ родъ поэзіи, которому предался онъ, былъ скорѣе отрицательный и, такъ сказать, временный; къ тому же онъ умеръ слишкомъ рано, не успѣвши привести въ исполненіе многихъ изъ своихъ плановъ. Тредьяковскій не понялъ нуждъ возникавшаго образованія Россіи, и его

---

1) „Новый и краткій способъ къ сложенію Стіховъ Р.“. Изд. 1-е, стр. 1.

2) Сочиненія Тредьяковскаго, изд. Смирд., I, стр. 194.

школьные пріемы могли быть полезны тѣсной сферѣ его учениковъ, а не массѣ, которой нужна простота, популярность изложенія, чего не было въ трудахъ профессора элоквенціи. Поэзія уронила его. Чтобы создать новую литературу, нужно было положить широкое основаніе ей; чтобы создать просвѣщеніе, нужно было въ убѣжденіе большинства вкоренить сознаніе его необходимости. Нуженъ былъ, однимъ словомъ, человѣкъ, который съ европейскимъ образованіемъ, съ геніальною природою соединялъ бы свѣтлое сознаніе умственныхъ потребностей Россіи, энергію и вліяніе въ стремленіи удовлетворить имъ. Такимъ человѣкомъ былъ Ломоносовъ.

Нельзя не задуматься надъ судьбою нашихъ первостепенныхъ дѣятелей литературы. Многіе изъ нихъ были въ высокой степени геніальны, у другихъ былъ если не геній, то обширный талантъ, и посмотрите, на что потратились эти дары, что̀ оставили послѣ себя эти великіе люди новой русской исторіи. На долю ихъ выпала тяжелая судьба: имъ суждено было полагать основной камень и русскому образованію, и русской литературѣ: и вотъ они обречены на тяжелую черновую работу труженика, они должны учить азбукѣ своихъ современниковъ, они берутъ на себя трудъ класть камни для фундамента новаго зданія, которому другіе, а не они, придадутъ изящество и величіе! Дивятся многостороннимъ трудамъ Ломоносова; но эта многосторонность была въ воздухѣ эпохи столько же, сколько и въ натурѣ Ломоносова. Онъ хорошо понялъ, что его необученнымъ современникамъ равно нуженъ учебникъ риторики, какъ и учебникъ русской грамматики, физики, какъ и торжественная ода. И къ тому же потомство позабудетъ потомъ эти труды, потому что оно не присутствовало при ихъ совершеніи, не видало мозолей на рукахъ трудившихся; оно видитъ только блестящую внѣшность зданія; гдѣ ему усмотрѣть, упомнить, кто копалъ тамъ землю для его фундамента! И что же въ самомъ дѣлѣ осталось послѣ Ломоносова? Нѣсколько одъ, нѣсколько отрывочныхъ разсужденій математическихъ, переводъ физики, металлургіи; но что̀ могъ бы сдѣлать этотъ человѣкъ, если бы жилъ въ другое время и на одномъ сосредоточилъ свою дѣятельность? Въ этихъ безпрестанныхъ переходахъ отъ одного занятія къ другому тратятся силы людей, и теряется возможность двинуть далеко впередъ какую-нибудь науку. Прекрасно опредѣляетъ Губеръ характеръ и образъ дѣятельности такихъ людей. „Когда въ жизни народа совершаются тѣ умственные перевороты, которые имѣютъ въ ней то же самое значеніе, какое имѣютъ различные возрасты въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, тогда сподвижниками этой внутренней реформаціи являются люди съ пылкими страстями, съ твердою волею и чудными характерами. И на этихъ избранниковъ міра, на этихъ двигателей человѣческой мысли падаетъ вся тяжелая ноша переворота: на нихъ ложится томительная забота о новыхъ потребностяхъ; въ нихъ совершается страшная борьба стараго времени и новаго вѣка; ихъ преслѣдуетъ своимъ глу-

пымъ проклятіемъ современный предразсудокъ; они отрекаются отъ милыхъ привычекъ старины для того, чтобы замѣнить закоренѣлыя болѣзни новымъ, но еще не вѣрнымъ здоровьемъ. Не много дней дано этимъ людямъ на совершеніе великихъ обязанностей; судьба скупится временемъ для своихъ избранниковъ. Тревожныя заботы съ зарею разбудятъ ихъ отъ короткаго отдыха, а вѣчныя мысли въ позднюю ночь снова убаюкаютъ на минутный и безпокойный сонъ. Безпрерывная дѣятельность изнуряетъ бѣдное, ломкое тѣло, и скоро оно износится подъ бременемъ своего тяжелаго назначенія. Толпа съ любопытнымъ недовѣріемъ смотритъ на эти странныя, рѣдкія явленія, слѣдуетъ за ними завистливымъ глазомъ, клеветой или равнодушіемъ заграждаетъ пути и, наконецъ, съ досадою именуетъ своими геніями. И вотъ печальная награда мучениковъ добра; вѣчная борьба съ недоразумѣніями времени, недовѣріе и ненависть при жизни, а за могилою — слабый отголосокъ въ исторіи вѣковъ, безполезная слава". „Таково назначеніе, таковъ и характеръ этихъ людей. Ихъ волнуютъ благородныя потребности, новыя угаданныя потребности вѣка вызываютъ бурную дѣятельность, и смѣлыя силы дробятся въ многостороннемъ назначеніи. Не ищите между ними холодныхъ умовъ, которые съ неизмѣннымъ терпѣніемъ роются въ пыли застарѣлыхъ понятій и согрѣваютъ чужимъ огнемъ свои бездушныя созданія. Далеко этимъ покойнымъ, самодовольнымъ труженикамъ до пылкаго генія, который творитъ и разрушаетъ, въ вѣчномъ движеніи борется съ массами новыхъ понятій и съ мозолями труда, на подмосткахъ своего самобытнаго созданія, проклинаетъ съ ужаснымъ недовѣріемъ къ самому себѣ нищету своихъ неполныхъ начинаній. Недовольный собою, недовольный другими, съ полнымъ сознаніемъ нуждъ и съ недовѣріемъ къ силѣ, неутомимый и гордый, несправедливый и благородный, онъ остается вѣчною загадкою для современниковъ и яркимъ свѣтиломъ для будущихъ поколѣній. Онъ кладетъ богатое сѣмя въ необработанную землю, жадными руками роется въ тощихъ пескахъ безплодной нивы и, можетъ быть, никогда не дождется всхода того, что̀ самъ онъ посѣялъ въ потѣ лица, въ слезахъ надежды и съ горькимъ недовѣріемъ" [1]). Не будемъ же упрекать Ломоносова, если въ ученыхъ трудахъ его не много найдемъ оригинальнаго.

Если Кантемиръ и Тредьяковскій преимущественно заимствовали у французовъ, то Ломоносовъ обратился къ другому источнику. Давно уже сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ литературѣ, что въ „Одѣ на взятіе Хотина" онъ подражалъ Гюнтеровой: „Auf den zwischen Ihre Römischen Kayserlichen Majestät und Pforte, 1718, geschlossenen Frieden", etc. Замѣчательно, что въ характерѣ Гюнтера есть много общаго съ Ломоносовымъ. „Природа не создала Гюнтера льстецомъ, — говоритъ историкъ нѣмецкой литературы [2]),—и судьба жестоко-жестоко отмстила ему, когда

[1]) „Библіотека для Чтенія" 1840 г., № 10.

[2]) Gerwinus, Geschichte der poetischen National-Litteratur, III, p. 519—521.

нуждою довела до лести. Отецъ Гюнтера часто говорилъ, что сынъ слишкомъ высоко себя содержитъ, какъ-будто бы ему не нужны были благодѣтели; онъ скорѣе готовъ былъ питаться желудями, но жить свободно, нежели пользоваться милостями знатныхъ". Не то же ли было и съ Ломоносовымъ? Послушайте, что̀ онъ писалъ къ Шувалову: „Не только у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу; но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, какъ развѣ отниметъ" [1]). И Гюнтеръ былъ подверженъ тому жалкому пороку, въ которомъ любилъ упрекать Ломоносова Сумароковъ, самъ обратившійся подъ конецъ жизни къ тому же источнику... Ломоносовъ взялъ у Гюнтера размѣръ, но подражалъ ему далеко не такъ рабски, какъ Тредьяковскій своему Буало. Въ „Одѣ на взятіе Хотина" только немногія строфы напоминаютъ Гюнтера. Приведемъ для примѣра одну:

Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала;
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой Анны грозный взоръ
Отраду дать просящимъ скоръ... и т. д.

У Гюнтера:

Bysanz erkenn' anjetzt den Werth
Von Rudolf's göttlichem Geblüte,
Und küsse Karl's gereiztes Schwert,
Es hat nicht minder Schärf als Güte.
Du fehlst, es straft; du flehst, es schenkt;
Und wird durch Demuth abgelenkt,
Und lässt sich siegend überwinden.

Въ той же одѣ Ломоносова есть строфа:

Не мѣдь ли въ чревѣ Етны ржетъ
И съ сѣрою кипя клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженный рабы,
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ.

Она взята, кажется, изъ слѣдующей строфы Вольтера:

L'Etna renferme le tonnerre
Dans ses épouvantables flancs:
Il vomit le feu sur la terre,
Il dévore ses habitants... etc.

---

[1]) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, томъ I.

Едва ли нужно говорить, какое заключеніе слѣдуетъ вывести изъ этихъ похвалъ, которыя равно прилагаются и къ Аннѣ, и къ Евгенію... Гдѣ же тутъ задушевное чувство, если Ломоносовъ у нѣмцевъ долженъ былъ набираться его; гдѣ же тутъ оригинальная мысль, если онъ ходилъ за ней къ Вольтеру?.. Но вина лежала отчасти въ торжественной одѣ, какъ понималъ ее XVIII-й вѣкъ. Она вся была формализмъ, риторика и общее мѣсто: что̀ было дѣлать съ нею Ломоносову, который на Руси въ этомъ родѣ имѣлъ предшественниками только Тредьяковскаго и Кантемира, которые или просто переводили французскія оды, или представляли только сколки съ нихъ. Такимъ же ложнымъ произведеніемъ было и похвальное слово XVIII-го вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, похвальное слово—та же торжественная ода, только въ прозѣ; въ немъ та же холодная условность, то же бездушное риторство. Похвальное слово было большею частью обязанностью, и это всего лучше доказываетъ слѣдующій случай, разсказанный Перевощиковымъ въ его „Чертахъ изъ исторіи Московскаго университета". Первый директоръ университета (Аргамаковъ), думая, что получилъ право распоряжаться самовольно, началъ съ того, что всѣ денежныя суммы университета, штатныя и пожертвованныя Демидовымъ (до 20 т. р.) и другими благотворителями, тратилъ безотчетно и въ два года довелъ университетъ до крайней бѣдности. Казеннокоштные ученики и студенты почти не имѣли пищи и одежды, за недостаткомъ которой не могли даже ходить на лекціи.... Несмотря на это, марта 6 дня 1757 г. профессоръ Поповскій въ публичномъ собраніи, при многихъ посѣтителяхъ, говорилъ покойному директору панегирикъ [1]). Таковъ смыслъ похвальнаго слова XVIII-го вѣка. Это въ самомъ дѣлѣ та же похвальная ода, и потому въ немъ должны повториться тѣ же явленія, какія мы видѣли въ похвальныхъ одахъ Ломоносова. Одописецъ Дмитріева жалѣлъ, что „древнихъ онъ не читывалъ"; Ломоносовъ читалъ древнихъ, и вотъ въ его словахъ находимъ отрывки, цѣликомъ переведенные изъ Плинія и Цицерона [2]). Нѣтъ спора, что мѣстами въ похвальныхъ словахъ Ломоносова чувство бьетъ жи-

---

[1]) „Московскій Городской Листокъ" 1847 г., № 15, стр. 60.

[2]) Указаны прежде всего не Каченовскимъ, какъ говоритъ Перевлѣсскій, а неизвѣстнымъ авторомъ статьи „Ломоносовъ", напечатанной въ журналѣ „Полезное и пріятное препровожденіе времени". Приведемъ примѣръ: „Часто размышлялъ я, Каковъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю, море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ!... И такъ ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно; кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю". „Saepe ego mecum, P. C. tacitus agitavi, qualem quantumque esse oporteret, cujus ditione nutuque maria, terrae, pax, bella regerentur: quum interea fingenti formantique mihi principem, quem aequa a diis immortalibus potestas deceret, nunquam voto saltem concipere succurrit similem huic quem videmus". (Plin. Pan. c. IV).

вымъ ключемъ; но кто знаетъ, можетъ быть, и съ нимъ повторялась исторія Поповскаго? Сравненіе похвальныхъ словъ съ его черновыми бумагами много говоритъ въ пользу этой мысли. Но оставимъ похвальныя оды и слова Ломоносова, писанныя превосходнымъ языкомъ (что̀ и даетъ имъ высокое историческое значеніе), и обратимся къ тому, что̀ можетъ принести ему болѣе славы,—къ ученымъ трудамъ.

Дѣятель совершенно новаго періода въ исторіи нашего просвѣщенія и литературы, Ломоносовъ одинъ долженъ былъ заниматься самыми разнородными предметами: онъ долженъ писать и риторику, и грамматику, и исторію, и физику, потому что хорошихъ учебниковъ по всѣмъ предметамъ требовало то время. Трудно было такую работу исполнить одному человѣку; углубиться въ каждый изъ этихъ предметовъ, изучить ихъ всесторонне,—на это недостало бы у Ломоносова ни силъ, ни времени. Что̀ оставалось ему дѣлать, какъ не пользоваться тѣмъ, что̀ выработали его предшественники? Такъ онъ и сдѣлалъ. Разумѣется, здѣсь не пропали даромъ и тѣ наставленія, которыя онъ слышалъ въ школѣ. Въ монастырѣ Спасскомъ слушалъ онъ риторику и піитику у Квѣтницкаго, и вотъ въ его риторикѣ находимъ цѣлыя мѣста, переведенныя изъ наставленій его наставника. Странно намъ, людямъ другаго вѣка, читать тѣ правила, которыя предложилъ геніальному человѣку дряхлый схоластицизмъ XVIII-го вѣка. Учебникъ имѣетъ пышное заглавіе: Clavis poëtica, Rossiacae juventuti januam vivos ad Parnassi fontes duplici methodo: una ligatae, alterâ solutae orationis aperiens. Augustissimâ Imperante Anna, non ferreo Vulcani Malleô sed Cerebellea Theodori Kwietniscii Incude, Mosquensi in Academia Excusa.

Annus in axe rotam Christi volvebat amandi 1732.
Clara Novembris erat septima lux decima 17.

„Поэзія,—учитъ Квѣтницкій,—есть искусство, потому что состоитъ изъ извѣстныхъ непреложныхъ правилъ, предписанныхъ мужами учеными и знаменитѣйшими поэтами, которыми (т.-е. правилами) не менѣе, какъ и извѣстнымъ руководителемъ пробивается путь для составленія поэмъ“. Въ главѣ 16-й онъ разсуждаетъ de carmine arithmetico, въ 18-й de carmine quadrato. Вотъ какую пищу предложила наблюдательному уму Ломоносова московская школа, и кто рѣшится сказать, что, выходя изъ нея, онъ совершенно отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ? Скорѣе по тѣмъ повтореніямъ правилъ Квѣтницкаго, которыя встрѣчаемъ въ риторикѣ Ломоносова, можно придти къ противоположному заключенію. И посмотрите, какой простой методѣ слѣдуетъ онъ въ составленіи своей риторики. Вся почти вторая часть ея составлена по Квѣтницкому и Помею, такъ впрочемъ, что у Квѣтницкаго онъ беретъ правила, у Помея примѣры. Подтвердимъ это замѣчаніе доказательствами:

Ломоносовъ.	Квѣтницкій.
Наклоненіе **есть, когда то же рѣченіе повторяется, будучи предложено на другія времена или падежи.**	**Polyptoton est, quando una eademque vox v. subdiversis casibus. v. subdiversis generibus, vel modis et temporibus multocies repetitur (Locutio XIV).**
Сего ненавижу, симъ гнушаюсь, сей взору моему несносенъ, отъ сего всякое отвращеніе имѣю, сему предъ лицемъ моимъ быть недостойно.	Ei sum infensus, ejus aspectum ferre nequeo, illum auribus oculisque respuo, illo superstite, vitam tranquillam agere non possum (Помей, p. 239).

Въ этомъ примѣрѣ опредѣленіе тропа Помеемъ еще приближается къ Ломоносовскому; но рѣшительное предпочтеніе Квѣтницкаго въ теоріи, а Помея въ практикѣ можно видѣть изъ слѣдующихъ сравненій. Ломоносовъ отдѣляетъ фигуры предложеній отъ троповъ предложеній; Помей не дѣлаетъ этого разграниченія, хотя самъ говоритъ: In quo hae figurae (sc. verborum) a tropis differunt? Quod tropi fieri nequeunt nisi verbis translatis; at figurae verborum propriis verbis constare possunt. Ut: *occidi, occidi hostem patriae.* Figura est quae repetitio dicitur, non tamen Tropus est; quia occidi verbum proprium est, non translatum.

Вотъ отступленіе Ломоносова въ теоріи отъ Помея. „Лутчія фигуры предложеній суть слѣдующія дватцать шесть", говоритъ Ломоносовъ и потомъ перечисляетъ ихъ. Figurae sententiarum numerantur XXVI, говоритъ Квѣтницкій, и слѣдуетъ такое же исчисленіе ихъ. Сравнимъ еще нѣсколько отрывковъ.

Ломоносовъ.	Квѣтницкій.
Сообщеніе есть, когда у самыхъ, предъ которыми слово предлагается, совѣта требуемъ, или и у соперниковъ.	Communicatio est, quando orator auditores, seu etiam ipsos adversarios consulit.

Всѣ примѣры, приведенные здѣсь Ломоносовымъ (§ 222), взяты изъ Помея (стр. 358—359 и 954, Лом.). Вотъ прямой переводъ правила Помея:

Поправленіе есть, когда рѣчь повторяется для того, чтобы присовокупить къ ней другую, которая той больше или сильнѣе (Лом. § 223).	Correctio est, quae verbum aut sententiam retractat et corrigit, ut aliquid addatur, quod rem augeat.

Оба примѣра, приведенные Ломоносовымъ, взяты изъ Помея (257—258).

Но за-то вотъ дословное заимствованіе изъ Квѣтницкаго, и даже примѣры взяты изъ него же.

Ломоносовъ.

Метафора есть переносъ реченія отъ собственнаго знаменованія къ другому, родъ нѣкотораго обоихъ пособія, что бываетъ:

1) Когда реченіе къ бездушной вещи надлежащее переносится къ животной, напр. твердой человѣкъ, вмѣсто скупой; каменное сердце, т.-е. несклонное; мысли колеблются, т.-е. перемѣняются.

2) Когда реченіе къ одушевленной вещи надлежащее переносится къ бездушной: угрюмое море, лице земли, луга смѣются, жаждущія пустыни, земля кругомъ ѵязвленная, необузданные вѣтры (§ 182) и т. д.[2]).

Квѣтницкій.

Metaphora... est verbi a propria significatione ad improprium cum virtute translatio. Metaphora constat quatuor modis [1]):

1) Quando a re inanimata transfertur ad rem animatam, vg. Aureus homo, dulcis orator, malleus poëta, suavis Apollo, fluidus Cicero. adamantinus vir. etc.

2) Quando vocabulum a re animata transfertur ad rem inanimatam: mare iratum, caelum misertum, dies hilaris, nubes lacrymant, prata rident, venti proeliantur.

Кромѣ этихъ источниковъ, Ломоносовъ пользовался риторикою Готшеда, изъ котораго взялъ почти всю главу: О возбужденіи, утоленіи и изображеніи страстей, и притомъ Ломоносовъ слишкомъ близко придерживался его руководства. Приведемъ одинъ примѣръ.

Ломоносовъ:

„Хотя доводы и довольны бываютъ къ удостовѣренію о справедливости предлагаемыя матеріи; однако сочинитель слова долженъ сверхъ того слушателей учинить страстными къ оной. Самыя лутчія доказательства иногда столько силы не имѣютъ, чтобы упрямаго преклонить на свою сторону, когда другое мнѣніе въ умѣ его вкоренилось. Мало есть такихъ людей, которые могутъ поступать по разсужденію, преодолѣвъ свои склонности. И такъ, что пособитъ Ритору, хотя онъ свое мнѣніе и основательно докажетъ, ежели не употребитъ способовъ къ возбужденію страстей на свою сторону, или не утолитъ противныхъ?“ (§ 94).

Готшедъ:

„Die allerbesten Beweisgründe nehmen zuweilen einen halsstarrigen Zuhörer nicht völlig ein: wenn etwa das Gegentheil dessen, so man ihm vorgetragen hat, seinen Begierden angenehmer ist. Wenige Menschen sind vermögend, ihren Neigungen zuwider zu handeln. Was würde es also einem Redner helfen, wenn er seinen Satz so schön erwiesen hätte; dafern er

---

[1]) Порядокъ измѣненъ мною для облегченія сравненія.

[2]) Здѣсь не мѣсто говорить подробнѣе о заимствованіяхъ изъ Помея; замѣчу только, что глава о хріи переведена изъ его риторики.

nicht auch ihre Gemüthsbewegungen sich zum Vortheile rege zu machen oder die widrigen zu dämpfen wüsste“ [1]).

Митрополитъ Евгеній указываетъ еще на риторику Каусcина, какъ на источникъ риторики Ломоносова [2]); но я не имѣлъ ея и не могу судить о характерѣ заимствованій изъ нея.

Изъ всѣхъ этихъ указаній можно видѣть, что, составляя учебникъ риторики, Ломоносовъ хотѣлъ быть умнымъ эклектикомъ. Нужно впрочемъ обратить вниманіе на ту цѣль, которую указалъ Ломоносовъ своей риторикѣ, чтобы понять ея значеніе для того времени. Онъ говоритъ въ посвященіи ея великому князю Петру Ѳеодоровичу: „Языкъ, которымъ Россійская Держава великой части свѣта повелѣваетъ, по ея могуществу имѣетъ природное изобиліе, красоту и силу, чѣмъ ни единому Европейскому языку не уступаетъ. *И для того нѣтъ сумнѣнія, чтобы Россійское слово не могло быть приведено въ такое совершенство, каковому въ другихъ удивляемся. Симъ обнадеженъ, предпріялъ я сочиненіе сего руководства; но больше въ такомъ намѣреніи, чтобы другіе, увидѣвъ возможность, по сей малой стезѣ въ украшеніи Россійскаго слова дерзновенно простирались“* [3]). Этой цѣли думалъ Ломоносовъ содѣйствовать тѣми превосходно написанными примѣрами, которыми такъ богато его руководство. И въ самомъ дѣлѣ, для его времени это руководство было лучшею хрестоматіею, и потому оно введено было при преподаваніи русской поэзіи въ Кіевской академіи.

И въ „Россійской грамматикѣ“ Ломоносова нельзя не видѣть заимствованій у предшественниковъ. Вспомнимъ, что въ юности, убѣгая навѣтовъ злой и завистливой мачихи, Ломоносовъ скрывался въ уединенныхъ и пустынныхъ мѣстахъ и тамъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ надъ грамматикою Смотрицкаго. Можно a priori предположить, что это изученіе не прошло даромъ и должно было отразиться въ „Россійской грамматикѣ“ его. Такъ и вышло: правила и термины Ломоносовской грамматики часто слово въ слово взяты у Смотрицкаго. Ломоносовское дѣленіе склоненій въ сущности одно и то же, что у Смотрицкаго. Дѣленіе мѣстоименій взято оттуда же.

Ломоносовъ.	Смотрицкій.
Раздѣляются мѣстоименія на *первообразныя и производныя*. Первообразныя суть четырнадцать: *я, ты, онъ, самъ, себя, иной, кто, что, тотъ, сей, чей, который, кой, оный*. Производныхъ пять: *мой, твой, свой, нашъ, вашъ*.	Видъ мѣстоименій есть сугубъ первообразный и производный. Первообразнаго вида мѣстоименіи суть тринадесять: азъ, ты, себе, самъ, овъ, кто, той, сей, чій, кой, его, иже. Производнаго пять: мой, твой, свой, нашъ, вашъ.

[1]) Johann Christoph Gottsched’s Ausführliche Redekunst. Die fünfte Auflage, 1759, p. 201—202.

[2]) Словарь свѣтскихъ писателей, М., 1845. II, 20.

[3]) Предисловіе къ 1-му и 2-му изданію риторики Ломоносова.

Еще раздѣляются мѣстоименія на указательныя, возносительныя, возвратительныя, вопросительныя, притяжательныя.	Качествъ мѣстоименія есть пять: оуказательное, возносительное, возвратительное, вопросительное, притяжательное.
Роды мѣстоименій суть пять: *мужеской, женской, средней, общей, всякой.*	Роди мѣстоименіа суть пя: мужескій, женскій, средній, общій, всякій.
Мужескаго рода мѣстоименія: *самъ, сей, онъ, тотъ, чей, который, кой, мой, твой, свой, нашъ, вашъ, оный.*	Мужескаго рода мѣстоименія суть: *самъ, сей, овъ, онъ, той, чій, кій, иже, мой, твой, свой, нашъ, вашъ, его.*
Общаго, т.-е. купно мужескаго и женскаго: кто.	Общаго: кто.
Всякаго, т.-е. муж., жен. и сред.: я, ты, себя.	Всякаго: азъ, ты, себе.

Спряженій Ломоносовъ вслѣдъ за Смотрицкимъ признаетъ два:

Ломоносовъ.	Смотрицкій.
Спряженій Россійскіе глаголы имѣютъ два: 1-е спряженіе глаголовъ 2-е л. ед. ч. наст. времени, наклоненія изъяв. кончается на *ешь*, втораго на *ишь*.	Первое спряженіе есть глаголъ 2-е лицо накл. изъяв. времени наст. имущихъ на *ешь;* 2-е спряженіе есть глаголъ 2-е л. накл. изъяв. врем. наст. имущихъ на *иши.*

Но то пространство времени, которое легло между *Правильнымъ Синтагма Славенскія Грамматики* и Россійскою грамматикою Ломоносова, не прошло даромъ. Тѣ измѣненія, которыя ввелъ въ славянскую грамматику Максимовъ, сократившій грамматику Смотрицкаго, — вошли въ сочиненіе Ломоносова. Напр., Ломоносовъ беретъ у Смотрицкаго систему склоненій, но окончаніе *и* (мати), которое Смотрицкій поставилъ характеромъ перваго склоненія, наравнѣ съ *а* и *я*, Ломоносовымъ не принято, потому что еще прежде было оставлено Максимовымъ. Съ другой стороны, уже многими живо была понята несостоятельность грамматики Смотрицкаго, который силился подвести явленія русскаго языка подъ правила греческой грамматики. Сербъ Крижаничъ въ своемъ опытѣ грамматики нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій прямо сказалъ, что „Мелетій Смотрицкій захотѣлъ переложить нашъ языкъ на греческіе и латинскіе узоры". Крижаничъ осудилъ такую методу, ибо всякій языкъ (глубокомысленно замѣчаетъ онъ) имѣетъ свои правила, которыя разнятся отъ правилъ другаго языка, и потому не можетъ слѣдовать правиламъ другаго языка [1]. И не одинъ Крижаничъ высказывалъ эту истину; болѣе или менѣе она начинала проникать въ сознаніе каждаго, кто только изучалъ языкъ русскій. Эту истину хорошо понималъ Ломо-

[1]) Чтенія въ Императ. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ.

носовъ, и потому въ своей грамматикѣ онъ постоянно полемизируетъ съ Смотрицкимъ, гдѣ не можетъ согласиться съ его подведеніемъ русскаго языка подъ правила греческой грамматики. Таковы особенно замѣчанія его о залогахъ и видахъ [1]). И при всѣхъ своихъ заимствованіяхъ Ломоносовъ далъ своимъ современникамъ образцовую грамматику. Стихія народная идетъ въ ней постоянно въ параллель съ славянской и сохраняетъ должное ей мѣсто. Многія отдѣльныя замѣчанія въ высшей степени оригинальны и остроумны.

Говоря о Ломоносовѣ, нельзя пройти молчаніемъ небольшаго письма его къ Шувалову „о размноженіи Россійскаго народа". Письмо замѣчательно сколько по вѣрному пониманію нуждъ народа, столько же и потому, что изъ него ясно можно видѣть, какъ свѣтло понималъ Ломоносовъ религію, какъ свободенъ онъ былъ отъ всѣхъ старыхъ предразсудковъ.

Ломоносовъ умеръ въ пору полнаго кипѣнія своей дѣятельности. Судьба горько посмѣялась надъ его стремленіями: ученые труды его на-время заняли тѣсный кружокъ спеціалистовъ, и потомъ ихъ забыли; труды, положенные имъ на пользу просвѣщенія, наполовину пропали даромъ. Горячій, порывистый его характеръ часто увлекался мечтательными планами, которые онъ предлагалъ для исправленія Академіи Наукъ. Стоя особнякомъ, не уживаясь со многими изъ своихъ товарищей по службѣ, что̀ могъ онъ сдѣлать для Академіи прочнаго? Пока за нею слѣдилъ еще бдительный глазъ его, она могла идти и дѣйствовать благотворно; съ его смертью терялась подпора, онъ самъ это понималъ. И вотъ послѣ Ломоносова наслѣдіемъ для русской литературы остались

---

[1]) Смотрицкій говоритъ: „Страдательный есть иже страданіе знаменуетъ. и за ѿложеніемъ сѧ слога дѣйствительный бываетъ: яко біюсѧ, творюсѧ и пр.". Ломоносовъ не принимаетъ такого опредѣленія „Весьма обманывались многіе (говоритъ онъ), употребляя возвратный глаголъ вмѣсто страдательнаго, ибо они думали, что *сь* или *ся* всегда ту же силу имѣетъ, какъ латинское *R*, напр. *слушаю, слушаюсь*, что весьма неправедно, ибо слушаю съ приложеніемъ *сь* не токмо страдательнаго знаменованія не имѣетъ, но и совсѣмъ въ другомъ разумѣ употребляется. *Слушаю* значитъ *audio*, а *слушаюсь: obedio* — повинуюсь. Прямой страдательный залогъ состоитъ изъ причастій страдательныхъ и глаголовъ вспомогательныхъ" (стр. 121). Далѣе: Смотрицкій, кромѣ залоговъ дѣйствительнаго, страдательнаго, средняго, общаго, принимаетъ еще залогъ отложительный и опредѣляетъ его такъ: „Отложительный есть— иже окончені̂е убо страдательнаго имать, знаменованіе же или дѣйствительнаго самаго, яко: боюся; или средняго, яко: труждаюсь". Ломоносовъ не принялъ отложительнаго залога, этой копіи deponentis; онъ разложилъ его на два залога: взаимный и возвратный. „Глаголы дѣйствительные съ окончаніемъ страдательнымъ (говорить онъ) и страдательные съ окончаніемъ дѣйствительныхъ различные произвели роды. Въ Славенскую Грамматику сочинитель многія ввелъ въ разсужденіи сихъ родовъ неисправности, *послѣдуя Греческому и Латинскому свойству*".

торжественная ода и риторика. Наслѣдники въ самомъ дѣлѣ бросились съ жаромъ на завѣщанное великимъ человѣкомъ, и долго благоденствовала торжественная ода.

Но еще при жизни Ломоносова началось противодѣйствіе напряженному направленію Ломоносова; оно шло отъ Сумарокова. Не разъ дѣлалъ онъ намеки на неестественность многихъ мѣстъ въ одахъ Ломоносова. Онъ говорилъ въ „Трудолюбивой Пчелѣ": „Счастливы тѣ, которыхъ искусство не ослѣпляетъ и не отводитъ отъ природы, что съ слабостію разума человѣческаго нерѣдко дѣлается. Природное чувствія изъясненіе изо всѣхъ есть лучшее"[1]. Въ доказательство Сумароковъ приводилъ Камчатскую народную пѣсню. Но самъ Сумароковъ первый не исполнилъ своего требованія. Та естественность въ изображеніи чувствъ, которую онъ такъ хвалитъ, — есть ли она въ его трагедіяхъ? Нѣтъ, она замѣнилась въ нихъ риторикой и слезливостью. Трагедія Сумарокова есть совершенное порожденіе французскаго театра. Иначе и быть не могло. Собственно театръ зарождался у насъ подъ вліяніемъ Сумарокова, лучше сказать: онъ далъ намъ первыя піэсы и обстановку для нихъ. Предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ Сумароковъ не имѣлъ въ Россіи, потому что различныя театральныя представленія, до него у насъ существовавшія, совершенно носятъ на себѣ другой отпечатокъ и не имѣютъ ничего общаго съ драматическою поэзіею. Сумароковъ сдѣлалъ все, что могъ; онъ бралъ французскія трагедіи, „держалъ въ памяти наставленія Буало" и по нимъ начертывалъ планы своихъ трагедій. Тѣ недостатки, которыми страдала французская трагедія, естественно перешли и въ нашу. Въ трагедіяхъ Сумарокова почти нѣтъ дѣйствія; въ нихъ преобладаетъ изображеніе чувствъ. Можно вообще положить за общее правило, что въ трагедіяхъ Сумарокова первый актъ составляетъ какъ бы прологъ; это—изложеніе дѣйствія, самая трагедія почти всегда начинается со втораго. Подражаніе французскимъ трагикамъ отозвалось и другимъ образомъ: иногда вы читаете у Сумарокова цѣлые монологи, которые напоминаютъ Расина, Корнеля, Вольтера. Напр., первое явленіе перваго дѣйствія „Синава и Трувора", гдѣ Гостомыслъ объявляетъ дочери о предстоящемъ бракѣ, взято изъ трагедіи Вольтера *Танкредъ*, гдѣ Аржиръ почти такъ же объявляетъ о бракѣ Аменаидѣ; многіе стихи скопированы изъ Вольтера. Вообще Сумароковъ питалъ особенное уваженіе къ Вольтеру и Расину. Перенимать изъ Вольтера могъ онъ и потому, что часто приходилось самолюбивому Сумарокову переносить на русскій театръ нововведенія Вольтера и гордиться тѣмъ, что онъ первый изъ русскихъ отступилъ отъ стараго правила. Въ томъ же „Синавѣ" пятое дѣйствіе открывается, когда совершился бракъ Исмены и Синава: это подражаніе Вольтеру, у котораго въ началѣ третьяго акта видимъ бракъ Альзиры съ Гусманомъ. Лагарпъ говоритъ, что эта ми-

---

[1] „Трудолюбивая Пчела", январь, стр. 63—64.

нута была самая критическая для Вольтера и друзей его; не знали, чѣмъ наполнитъ онъ дѣйствіе и поддержитъ свое нововведеніе[1]). Какъ всегда бываетъ при началѣ дѣла, усвоеніе Сумарокова и вся его трагедія ограничились внѣшностью: тайны трагедіи не постигъ Сумароковъ. За нимъ въ этомъ отношеніи остается та заслуга, что онъ далъ форму трагедіи нашей. Не его вина, что эта форма была только сколкомъ съ французской трагедіи, удовлетвореніемъ требованіямъ французской теоріи. Не его вина, что языкъ его трагедій, писанныхъ стихами, очень грубъ, что въ нихъ встрѣчаются дательные самостоятельные, что риѳма заставляла его часто портить выраженія и уродовать рѣчь: до Сумарокова у насъ не было трагедіи, потому что и трагедіи Ломоносова, явившіяся нѣсколько послѣ Сумароковскихъ, представляютъ скорѣе языкъ торжественной оды, нежели драмы.

Къ драматическимъ произведеніямъ Сумарокова относятся его оперы: *Альцеста, Цефалъ и Прокрисъ* и отрывокъ изъ оперы *Персей*. Содержаніе „Альцесты“ заимствовано у Кино (Quinault); но Сумароковъ выкинулъ изъ нея нѣкоторыя подробности, кажется, по недостатку средствъ русскаго театра. Но странно. Если XVIII вѣкъ имѣлъ торжественную оду, торжественную эпопею, то у него же есть торжественная или похвальная драма. Сюда можно отнести прологи Штелина и разныя аллегоріи, имѣвшія цѣлью прославить императрицу и Россію. Скудость воображенія въ прологахъ Штелина изумительна; аллегорія въ нихъ такъ незамысловата, что удивляешься, какимъ образомъ могли они нравиться публикѣ того времени. Въ такомъ же духѣ написана драма Сумарокова „Прибѣжище Добродѣтели“. Добродѣтель ищетъ себѣ прибѣжища во всѣхъ странахъ свѣта и не находитъ: въ Европѣ она находитъ „лукавство, обманъ и неправду“; „въ Азіи дается полная власть свирѣпству, здѣсь погибла слава“; „въ Африкѣ страсть къ золоту, торгу“; „въ Америкѣ, наконецъ, разверзлась адская утроба“. Не читавши конца, можно уже предположить, что Добродѣтель приведутъ въ Россію, которая одна какъ-то спаслась отъ испорченности „вселенныя“; здѣсь найдетъ себѣ Добродѣтель прибѣжище. Не знаешь, чему здѣсь удивляться: крайнему ли безвкусію, равнодушію ко всякой истинѣ или, наконецъ, какой-то откровенной лести? Разумѣется, такого рода вещи могли вполнѣ принадлежать перу Сумарокова и обойтись безъ всякихъ заимствованій.

Эпистола о стихотворствѣ есть подражаніе Буало „L'art poétique“; многія мѣста цѣликомъ переведены оттуда. Напр.:

Пастушка за сребро и злато на лугахъ
Имѣетъ весь уборъ въ единыхъ лишь травахъ.

---

[1]) „Сумароковъ“, статья Мерзлякова. „Вѣстникъ Европы“ 1817 г., № 13, стр. 43—44.

Лугъ камней дорогихъ и перлъ ей не являетъ:
Она главу и грудь цвѣтами украшаетъ,
Подобно, каковый всегда на ней нарядъ,
Таковъ быть долженъ весь въ стихахъ пастушьихъ складъ,
Въ нихъ гордыя слова, сложенія высоки,
Въ лугахъ подымутъ вихрь и возмутятъ потоки,
Оставь свой пышный гласъ въ идиліяхъ своихъ,
И въ паствахъ не глуши трубой свирѣлокъ ихъ.
Панъ скроется въ лѣсахъ отъ звучной сей погоды,
И Нимфы у потокъ уйдутъ отъ страха въ воды[1]).

То же читаемъ и у Буало:

Telle qu'une bergère, au plus beau jour de fête,
De superbes rubis ne charge point sa tête,
Et, sans mêler à l'or l'éclat des diamants,
Cueille en un champ voisin ses plus beaux ornements;
Telle, aimable à son air, mais humble dans son style,
Doit éclater sans pompe une élégante Idylle,
Son tour simple et naïf n'a rien de fastueux,
Il n'aime point l'orgueil d'un vers présomptueux.
Il faut que sa douceur flatte, chatouille, éveille
Et jamais de grands mots n'épouvantent l'oreille.
Mais souvent dans ce style un rimeur aux abois
Jette là, de dépit, la flutte et le hautbois;
Et, follement pompeux dans verve indiscrète,
Au milieu d'une Eclogue entonne la trompette.
De peur de l'écouter Pan fuit dans les roseaux,
Et les Nymphes, d'effroi, se cachent sous les eaux[2]).

Сатиры Сумарокова изображаютъ болѣе общіе типы, чѣмъ частныя явленія своего времени, потому Сумарокову нетрудно было вставлять въ нихъ цѣлыя тирады изъ Буало. Напр., въ сатирѣ „Кривой толкъ“ послѣдніе стихи взяты у Буало, что̀ можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія:

Но чѣмъ увѣришь насъ о прабабкахъ своихъ,
Что не было утѣхъ стороннихъ и у нихъ?
Ручаешься ли ты за вѣрность ихъ къ супругамъ,
Что не былъ ни къ одной кто съ боку взятъ къ услугамъ,
Что всякая изъ нихъ Лукреція была,
И каждая поднесь все Пирровъ родъ вела?

У Буало (satire V):

Mais qui m'assurera qu'en ce long cercle d'ans
A leurs fameux époux vos aïeules fidèles

1) Полное собраніе сочиненій Сумарокова, I, 338.
2) „L'art poétique“, chant II.

Aux douceurs des galants furent toujours rebelles?
Et comment savez-vous, si quelque audacieux
N'a point interrompu le cours de vos aïeux,
Et si leur sang tout pur, ainsi que leur noblesse,
Est passé jusqu'à vous de Lucrèce en Lucrèce?

Въ сатирахъ Сумарокова не много найдемъ чертъ времени. Всего болѣе и въ сатирахъ, и въ комедіяхъ вооружается онъ на подьячихъ, на крапивное сѣмя. Но и въ сатирахъ, и въ комедіяхъ выступаетъ часто разсерженная личность Сумарокова, и вотъ онъ вставляетъ въ нихъ стихи, въ которыхъ осмѣиваетъ своихъ непріятелей, мститъ за свои чисто личныя обиды. Напр., „Евгенія" Бомарше вытѣснила въ Москвѣ его трагедіи и выставлена была противъ него его врагами; съ другой стороны, графу Салтыкову, главнокомандующему Москвы, внушили, что публика желаетъ видѣть „Синава и Трувора", и по волѣ графа трагедія была дана противъ воли Сумарокова. Послѣдній не выдержалъ: въ сатирахъ его найдете рѣзкія выходки противъ его недоброжелателей. Напр., въ первой сатирѣ *другъ* спрашиваетъ *піита:* „Но что отъ жалостныхъ тебя днесь драмъ влечетъ?" Піитъ отвѣчаетъ:

Въ Петрополѣ они всему народу вкусны,
А здѣсь и городу, и мнѣ подобно гнусны;
Тамъ съѣдутся для нихъ внимати и молчать,
А здѣсь орѣхи грызть, шумѣти и кричать,
Благопристойности не допуская въ моду,
Во своевольствіе преобратя свободу.

Въ сатирѣ „*О худыхъ рифмотворцахъ*" есть стихъ:

Евгеніи ли льзя превѣсить Мизантропа,

который мѣтитъ на то же.

Въ комедіяхъ Сумарокова найдемъ такія же выходки. Въ „Тресотиніусѣ" выведенъ на сцену Тредьяковскій, какъ пошлый педантъ. Но вотъ еще любопытный фактъ. Въ 1733 году, когда отправлена была въ Камчатку вторая экспедиція изъ Академіи Наукъ, отправился туда С. П. Крашенинниковъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ составилъ онъ обширное описаніе Камчатки, но умеръ скоро по возвращеніи въ Россію. Семейство его оставалось въ крайней бѣдности и безъ всякой помощи: труды и лишенія отца ихъ не были уважены [1]). На это мѣтитъ Сумароковъ, влагая въ уста Чужехвата слѣдующій монологъ: „Намнясь видѣлъ я, какъ честной, то по вашему и безчестный, а по моему разумной и безумной принималися. Безчестный-атъ, по вашему, пріѣхалъ, такъ ему стулъ, да еще въ хорошенькомъ домѣ: все ли въ добромъ здоровьи? какова твоя хозяюшка? дѣтки? Что такъ запалъ? ни къ намъ

[1]) Словарь митрополита Евгенія, I, 315.

не жалуешь, ни къ себѣ не зовешь? а всѣ вѣдаютъ то, что онъ чужимъ и неправеднымъ разжился. А честнова-то человѣка дѣтки пришли милостыни просить, которыхъ отецъ ѣздилъ до Китайчетова царства и былъ въ Камчатномъ государствѣ, и объ этомъ государствѣ написалъ повѣсть; однако, сказку-то ево читаютъ, а дѣтки-то ево ходятъ по міру; а у дочекъ-то ево *крашенинныя* бастроки, да и тѣ въ заплатахъ; даромъ то, что отецъ ихъ былъ въ Камчатномъ государствѣ, и для того-то что они въ крашенинномъ таскаются платьи, называютъ ихъ *крашенинкиными*". Намекъ очень ясенъ и современенъ, и такихъ отдѣльныхъ намековъ довольно у Сумарокова. Но вообще басни комедій Сумарокова были заимствованы. Такъ, *Приданое обманомъ* взято изъ „Мнимаго больнаго" Мольера, *Рогоносецъ по воображенію*—изъ комедіи „Le cocu imaginaire", въ комедіяхъ *Пустая ссора, Вздорщица* есть черты, напоминающія „Les précieuses ridicules", „Les Facheux". Что Сумароковъ вносилъ въ комедію насмѣшки надъ своими недоброжелателями, это, разумѣется, не могло укрыться, и его называли сочинителемъ пасквилей. Онъ оправдывался такимъ образомъ: „Шествуя по стопамъ Горація, Ювенала, Депрео и Мольера, имѣлъ ли нужду я въ пасквиляхъ? Сатира и комедія лучше бы мнѣ праведное учинили отмщеніе къ пользѣ публики, нежели пасквиль; можетъ ли человѣкъ, снабденный оружіемъ, ухватиться во время сочиненія за заржавленное шило, а знатный Стихотворецъ вмѣсто комедіи и сатиры за пасквиль?"

Внесеніе въ комедію личной мести зависѣло отъ самаго характера Сумарокова, по природѣ желчнаго и раздражительнаго, характера, который совершенно разорвалъ его семейныя узы, такъ что, когда онъ умеръ, его всѣ родственники оставили, и похоронили на свой счетъ актеры Московскаго театра.

Непосредственнымъ преемникомъ Сумарокова въ трагедіи былъ Княжнинъ. На немъ лучше всего сказалось вліяніе французскаго театра, а отчасти и итальянскаго, на русскій. По словамъ Мерзлякова, „онъ подражалъ всѣмъ французскимъ трагикамъ вмѣстѣ, или лучше, переводамъ изъ нихъ. Это не Сумароковъ! Почти ни одинъ планъ, ни одинъ характеръ, ни одинъ монологъ не принадлежитъ ему". Источниками трагедій Княжнина служили трагедіи Расина, Вольтера, Метастазіо, Мере, дю-Беллуа. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о каждой изъ трагедій Княжнина. *Дидона* составлена по Метастазіо и Лефранку, который почерпнулъ многое у того же итальянскаго автора. Гдѣ Княжнинъ отступаетъ отъ Метастазіо, тамъ онъ держится Лефранка де-Помпиньяна. Что же побуждало однако Княжнина отступать отъ Метастазіо? Рабское подчиненіе французскому театру, утвержденное у насъ Сумароковымъ. Французскій театръ, напр., не могъ обходиться безъ наперсниковъ и наперсницъ, и вотъ, когда Княжнинъ не нашелъ у Метастазіо удовлетворенія этому требованію, онъ обращается къ Лефранку, находитъ у него наперсникомъ Ахантa и даетъ ему новое имя — Антенора. Итакъ,

метода Княжнина очень проста: онъ беретъ двѣ трагедіи, сливаетъ ихъ въ одну, придерживаясь преимущественно псевдо-классической, какъ олицетворенія господствовавшихъ въ его время правилъ драматическихъ. По тому же рецепту составлена и вторая трагедія Княжнина *Титово милосердіе*. Драматическій словарь говоритъ, что она „переведена Княжнинымъ" [1]). Почти то же повторяютъ и новѣйшіе критики [2]). Но это мнѣніе совершенно несправедливо. Княжнинъ взялъ опять трагедію Метастазіо, носящую то же имя, и трагедію дю-Беллуа „Титъ" и слилъ ихъ въ одну. У Княжнина, напр., вы встрѣчаете между дѣйствующими лицами Лентула, котораго нѣтъ у Метастазіо: это изъ дю-Беллуа. О „Титовомъ милосердіи" я считаю нужнымъ распространиться болѣе, чѣмъ о другихъ трагедіяхъ Княжнина, такъ какъ въ послѣднее время о ней высказаны были самыя невѣрныя сужденія. Сцена открывается тѣмъ, что Титу предлагаютъ соорудить въ честь его храмъ, на что сенатъ опредѣляетъ дани подвластныхъ народовъ. Эта сцена взята изъ Метастазіо. До какой степени близка она къ Метастазіевой, показываетъ слѣдующее сравненіе.

Публій.

И въ Титѣ хощетъ Римъ безсмертныхъ обожать,
Тобою хощетъ ихъ снискать къ себѣ щедроты,
И образъ ихъ въ тебѣ явятъ твои доброты,
Во всемъ ты имъ стремишься подражать;
Стремишься смертныхъ ты счастливить и покоить,
Свое ты счастье зришь въ блаженствѣ ихъ;
За бездну благостей твоихъ
Римъ хощетъ храмъ тебѣ устроить,

Анній.

Сіи сокровища отъ странъ подвластныхъ Риму
Обильну дань, тобою зриму *(указывая на принесенныя дани)*,
Согласный весь сенатъ съ усердіемъ гражданъ
На зданье храма посвящаетъ.

Титъ.

Народъ! за всѣ свои труды
Титъ вашу лишь любовь наградой почитаетъ;
Иной не требую я мзды;
Но та любовь уже предѣлы преступаетъ,
И такъ, какъ васъ, равно и Тита устыжаетъ.

---

[1]) Драматическій словарь, стр. 138.

[2]) Вотъ слова Галахова: „Равнымъ образомъ не будемъ говорить о шестой трагедіи „Титово милосердіе", которая переведена изъ Метастазія и на которой лежитъ печать спѣшнаго перевода" („Отечеств. Зап." 1850 г., томъ 4, XIX, стр. 56). Почти то же говоритъ Стоюнинъ: „Все содержаніе трагедіи Метастазія осталось и у Княжнина, съ небольшими измѣненіями" („Библ. для Чтен." 1850 г., № 6, стр. 150).

Вотъ та же сцена по Метастазіо въ весьма, впрочемъ, дурномъ переводѣ Меркурьева:

Анній.

Не токмо отецъ, но ты свѣтъ, богамъ подобный,
Защитникъ отечества не явится злобный,
Всѣмъ ты свыше кажешься человѣка смертна,
Хотимъ тебѣ даръ принесть, буди тебѣ жертва,
Намѣренъ сенатъ тебѣ храмъ богатъ счинити,
Гдѣ межъ прочимъ божествомъ Тивру Тита чтити.

Публій.

Не запрети государь на такое дѣло,
Чтобъ наше усердіе честь ту возъимѣло,
Изъ доходовъ можно тѣхъ не суммы иныя,
Что провинціи даютъ дани годовыя.

Титъ.

Ваша любовь: то мнѣ даръ, надобножъ опасться
Какъ бы Титу, такъ и вамъ въ стыдъ не попасться.

Какъ близки многія сцены Княжнина къ дю-Беллуа, видно изъ слѣдующаго примѣра:

Титъ *(одинъ)*.

Вотъ намъ друзья, которыхъ тронъ даетъ!
Насъ подданны равняютъ, боги, съ вами;
А насъ несчастнѣе на свѣтѣ нѣтъ.
    Униженный судьбами
    Послѣдній человѣкъ,
    Ведя спокойно вѣкъ,
    Всечастно видитъ,
Его кто любитъ или ненавидитъ.
    Но смертныя всегда
Блистая красками притворными предъ нами,
    Не кажутъ никогда
Согласныхъ лицъ съ сердцами.

(Дѣйств. III, явл. 6).

Титъ *(одинъ и сидя)*.

Вотъ каковыхъ друзей намъ скипетръ даетъ! Боги! Колико унижаете вы гордыню короны! Безразсудные наши подданные равняютъ насъ съ вами, а послѣдніе изъ нихъ стократно счастливѣе насъ. Самый низкій изъ чрезвычайной низости при первомъ обозрѣніи видитъ, кто

любитъ его и кто ненавидитъ, но мы.... Всѣ для насъ наружностію украшаются, и взоры никогда ничьи не сходствуютъ съ сердцами. (Дѣйств. V, явл. 3-е).

Неизвѣстно, откуда взято содержаніе „Росслава", но многія отдѣльныя сцены суть только переводы изъ Вольтера, Расина, Корнеля.

Трагедія *Ярополкъ и Владиміръ* взята изъ Расиновой „Андромахи", греческія имена превращены въ русскія, содержаніе перетянуто также по выкройкѣ Расина, и вотъ Княжнинъ цѣлые монологи, которые Расинъ влагаетъ въ уста своихъ офранцуженныхъ героевъ, передаетъ русскимъ князьямъ и княжнамъ. Нужно ли говорить, какая тутъ могла быть естественность? Нужно ли говорить, что индивидуальный характеръ дѣйствующихъ лицъ долженъ былъ испариться въ общность, въ безцвѣтность? Хорошъ былъ этотъ русскій князь, говорившій языкомъ грековъ, или, лучше сказать, Расина. Посмотрите, какъ наивно присвояетъ себѣ Княжнинъ монологи Расина.

Четвертое явленіе перваго дѣйствія начинается у Княжнина такъ:

Ярополкъ.	Pyrrhus.
Прихода твоего что мнѣ считать виной?	Me cherchiez-vous, madame?
Или увидѣться желала ты со мной?	Un espoir si charmant me seroit-il permis?
Киломена.	**Andromaque.**
Я шла къ мѣстамъ, гдѣ братъ мой заключенъ страдаетъ,	Je passois jusqu'aux lieux, où l'on garde mon fils.
И тщетно отъ небесъ спасенья ожидаетъ.	

Заключается то же явленіе такимъ образомъ:

Ярополкъ.	Pyrrhus.
Я вижу, что тебя мнѣ должно ненавидѣть,	Hé bien, madame, hé bien, il faut vous obéir
Я вижу... но страшись меня во гнѣвѣ видѣть,	Il faut vous obéir ou plutôt vous haïr.
Жестокая! страшись въ отчаянье привесть;	. . . .
На жертву мщенію все, все могу принесть.	Songez y bien, il faut désormais que mon coeur,
. . . .	S'il n'aime avec transport, haïsse avec fureur.
Не могши быть любимъ,	Je n'epargnerai rien dans ma juste colère;
Растерзанъ, огорченъ презрѣніемъ твоимъ,	Le fils me répondra des mépris de la mère.
Я гнѣву моему предѣловъ не увижу;	
Какъ смертно я люблю, я такъ возненавижу,	La Grèce me demande; et je ne pretends pas
Кровь брата твоего безъ жалости пролью	Mettre toujours ma gloire à sauver des ingrats.
И оправдаю тѣмъ я ненависть твою.	

Софонисба составлена опять по той методѣ, о которой уже было сказано: здѣсь соединены въ одну трагедію „Софонисба“ Триссино, Вольтера и Мере. У Триссино и Вольтера нѣтъ, напр., письма въ трагедіи, у Мере оно занимаетъ не послѣднее мѣсто, а у него беретъ и Княжнинъ.

Наконецъ, послѣдняя трагедія Княжнина *Владисанъ* есть подражаніе „Меропѣ“ Вольтера. Такимъ образомъ, въ трагедіяхъ Княжнина или остается содержаніе какого-нибудь чужаго трагика, варьируемое пьесами другихъ и подводимое подъ условныя правила французской эстетики того времени; или же Княжнинъ содержаніе чужой трагедіи старается приспособить къ лицамъ отечественной исторіи и чрезъ то лишаетъ трагедію всякаго правдоподобія. Впрочемъ, при всемъ томъ его драматическія произведенія представляютъ шагъ впередъ, если сравнить ихъ съ трагедіями Сумарокова; у него больше дѣйствія; внѣшность гораздо лучше; васъ не поразятъ уже ни дательные самостоятельные, ни дикіе стихи, которыхъ, по словамъ Мерзлякова, не надобно читать передъ публикою, чтобы не уронить Сумарокова.

И въ мелкихъ произведеніяхъ Княжнина не много найдешь оригинальнаго. Басни его почти всѣ заимствованы. Стихотвореніе *Попугай* взято изъ Грессета, *Ты и Вы*—изъ Вольтера, отрывокъ Толковаго Словаря, равно какъ и „Отрывки изъ риторики“—взяты съ французскаго.

Въ комедіяхъ Княжнина встрѣтимъ также довольно заимствованій.

Мы видѣли, что комедіи Сумарокова мимоходомъ, слегка и какъ бы нечаянно касались нашихъ нравовъ, что въ нихъ черты, выхваченныя изъ русской жизни того времени, странно перемѣшивались съ общими, не совсѣмъ опредѣленными типами комедіи французской. Кажется, яркія выходки Сумарокова противъ нѣкоторыхъ, чисто русскихъ предубѣжденій и пороковъ были болѣе плодомъ его личнаго характера, нежели слѣдствіемъ сознанія того значенія, которое должна была имѣть комедія, взятая изъ русской дѣйствительности. У послѣдователей его еще болѣе сглаживается индивидуальный характеръ комедіи и дѣлается все общѣе и безцвѣтнѣе. Рано появилась на нашей сценѣ французская комедія; она увлекла въ подражаніе Сумарокова и его послѣдователей. Но при всемъ томъ легко замѣтить, что сторона комическая и сатирическая у насъ гораздо оригинальнѣе, чѣмъ всѣ другія, хотя долго она была подавляема вліяніемъ французскимъ и вкусомъ общества, который имъ опредѣлялся. „Случалось мнѣ отъ иныхъ зрителей и то слышать,— говоритъ Лукинъ, — что имъ не только въ переводныхъ комедіяхъ не кажутся не приличны нашимъ обычаямъ, какъ имена дѣйствующихъ лицъ, такъ и прочія рѣченія, чужеземскія дѣла образующія, но что они и въ подлинникѣ тожъ видѣть желаютъ. Сіи слова утверждаютъ они тѣмъ, что къ таковымъ комедіямъ они уже привыкли. Пусть же они при сей привычкѣ и останутся... Оные же, къ иностраннымъ комедіямъ привыкшіе, говорятъ, что они всегда хотѣли бы видѣть театръ россійскій

въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ сначала. Вкусъ ихъ по истинѣ странный"... [1])

Таково прямое, выразительное свидѣтельство современника. Были, правда, попытки вывести комедію,—это по преимуществу привязанное къ индивидуальности народа произведеніе,—съ такой колеи, на которую навели ее французы. И одна изъ первыхъ попытокъ принадлежитъ Лукину, хотя поводъ къ тому былъ данъ Екатериною. „Назадъ тому болѣе года (1764),—говоритъ онъ,—удалось мнѣ нечаянно услышать, что Ея Величество желаетъ видѣть на россійскомъ театрѣ комедіи прямо россійскія, т.-е. сочиненныя въ нашихъ нравахъ и осуждающія главные наши пороки" [2]). Лукинъ задумалъ исполнить желаніе императрицы, и вотъ въ слѣдующемъ году появилась на придворномъ театрѣ его первая комедія: *Мотъ любовію исправленный;* но у Лукина было больше желанія удовлетворить новому требованію, нежели способности къ тому. Какъ будто по привычкѣ онъ вдался въ манеру нашихъ старыхъ комиковъ. Въ свою комедію „онъ ввелъ два смѣшные подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ къ тому платьемъ зрителей весьма много смѣшили" [3]). Конечно, такого рода средства не совсѣмъ свойственны сферѣ искусства, и смѣхъ, ими производимый, рождается не изъ чистаго источника. Но за-то Лукинъ въ теоріи сознавалъ необходимость комедіи, взятой изъ нашей жизни, и только отъ живаго общенія съ русскою дѣйствительностью могла она, по его мнѣнію, получить свое истинное общественное значеніе. Онъ говоритъ: „Мнѣ всегда не свойственно казалось слышать чужестранныя рѣченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изображеніемъ нашихъ нравовъ исправлять не столько общіе всего свѣта, но болѣе частные нашего народа пороки... Многіе зрители,—продолжаетъ онъ,—отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого исправленія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ. Тому причиною, что они слышатъ Парижъ, Версалію и прочія для многихъ изъ нихъ незнакомыя рѣченія, да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но что они и одѣты въ незнакомыя имъ одежды" [4]). Но изъ этихъ же словъ видно, что Лукину бросалась больше въ глаза внѣшность комедіи (одежды, реченія), не гармонировавшая съ русскою жизнью. И вотъ въ слѣдующихъ своихъ комедіяхъ онъ самъ, проповѣдникъ необходимаго согласія комедіи съ общественною жизнью своего народа, онъ самъ является подражателемъ

---

[1]) „Библіот. для Чтенія" 1850 г., № 6, стр. 182. Сочиненія и переводы В. Лукина.

[2]) „Библіот. для Чтенія" 1850 г., № 6, стр. 176.

[3]) Новиковъ, Опытъ словаря о русскихъ писателяхъ, стр. 131.

[4]) „Библ. для Чтенія", тамъ же, стр. 177.

французовъ! Такъ сильно тяготѣло надъ русскою литературой иноземное вліяніе! такъ мало было въ ней самобытнаго, своеземнаго, хотя, повидимому, жило сознаніе того вреда, который приносило подражаніе чужестраннымъ. По словамъ Новикова, Лукинъ „перевелъ и преложилъ (на) русскіе нравы нѣсколько комедій". И въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что комедіи его заимствованы изъ Кампистрона („L'amant et l'amante"), изъ Мариво („La seconde surprise de l'amour"), изъ Колле („Dupuis et Desronnais"), наконецъ изъ Буасси („Le sage étourdi") [1]. Лукинъ не понялъ, что содержаніе комедіи дается жизнью общества, и что „преложенія" чужеземныхъ комедій на русскіе нравы есть ложь; по его мнѣнію, „ступивши къ такому преложенію, можно украсить цѣлое сочиненіе и другимъ пользу сдѣлать" [2]). Надобно впрочемъ замѣтить, что не совсѣмъ вѣрное пониманіе общественнаго значенія сцены нашими комиками могло зависѣть и отъ той низкой степени, на которой стоялъ театръ во мнѣніи большинства. Какое могъ придавать значеніе своей комедіи авторъ, если въ глазахъ его въ театрѣ происходили всякія безчинства? Еще Сумароковъ говорилъ печатно, что „непристойно публикѣ сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи и думать, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывать исторіи своей недѣли громогласно и грызть орѣхи" [3]). Говорятъ, что во время перваго представленія какой-то комедіи Лукина одинъ острякъ разносилъ между рядами креселъ старыя газеты, говоря, что онѣ гораздо занимательнѣе комедіи Лукина, тогда какъ онъ самъ не видалъ ея [4]). Необразованному большинству, которое не отличаетъ театра отъ балаганныхъ позорищъ, всегда нужно указать дорогу, намекнуть о томъ, чего должно искать въ театрѣ, чтобъ оно современемъ при представленіи комедіи могло сказать: „небось прытки были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, какъ пришла царская расправа". Екатерина понимала, что нужно отъучить зрителей отъ того безразличнаго присутствія въ театрѣ, которое допускается только въ балаганахъ, что нужно возвысить сцену во мнѣніи большинства и вселить уваженіе къ тому мѣсту, гдѣ происходитъ комедія, и вниманіе къ тому, что на ней происходитъ. 8-го апрѣля 1782 года изданъ указъ о благочиніи въ театрахъ и взысканіяхъ за нарушеніе онаго [5]). Предписывалось: „Буде кто во время общенародной игры, или забавы, или театральнаго представленія въ томъ мѣстѣ, или близъ зрителей во сто саженъ учинитъ шумъ или крикъ, или говорить громогласно, или прервать оныя или окончити не дастъ: того выслать и отдалить отъ игры, и запретить и впредь ходить въ то мѣсто". Этимъ

---

[1]) Сочиненія и переводы В. Лукина: „Essai sur la littérature russe", p. 4.
[2]) „Библ. для Чтенія". 1850 г., № 6, стр. 177. Соч. и пер. В. Лукина.
[3]) Полное собраніе сочиненій. 1787 г., часть IV, стр. 63.
[4]) „Библіот. для Чтенія", стр. 176. Соч. и пер. В. Лукина.
[5]) Полное собраніе законовъ, т. XXI, 15, 379, стат. 261.

актомъ облагораживалась комедія, и ея вліянію открывалось болѣе широкое поле.

Но въ исторіи нашего театра не менѣе важны комедіи самой императрицы. Та самобытность содержанія, то кровное родство комедіи съ окружающею жизнью, котораго напрасно искалъ Лукинъ, — нѣсколько болѣе далось Екатеринѣ, хотя и у нея оно не могло получить преобладанія. У нея опять больше внѣшность выставляется на видъ, и притомъ та, на которую мѣтилъ еще Сумароковъ. Впрочемъ, эта сторона, на которую мѣтила Екатерина, была чисто временною, и намеки Екатерины становятся понятными только по сличеніи съ другими современными свидѣтельствами. Въ комедіи „О время!“ Мавра говоритъ Непустову: „Когда вы на ней (Христинѣ) женитесь и будете ее любить, то хотя она ни болванчикомъ, ни mon mari называть васъ не станетъ, однако, конечно, стараться будетъ вамъ угождать“ [1]). Намъ можетъ показаться страннымъ выраженіе „болванчикъ“: какимъ образомъ можно поставить женѣ въ вину, что она не называетъ мужа болванчикомъ? „Живописецъ“ Новикова рѣшаетъ наше недоумѣніе. *Словарь моднаго щегольскаго нарѣчія* говоритъ, что „щеголихи откинули положительной степень болвана, и превосходительной болванища, а вмѣсто тѣхъ, во свое нарѣчіе приняли въ уменьшительномъ степенѣ болванчика; и чтобы болѣе сіе слово ввесть во употребленіе, то разсудили симъ наименованіемъ почтить любовника и любовницу“ [2]). Главное лицо комедіи, Ханжахина, носитъ на себѣ также много чертъ эпохи. Служанка говоритъ о ней: „О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилѣжности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда приходя къ ней должники требуютъ отъ нея, за забранные по счетамъ товары, платы. Она, швырнувъ въ меня однажды молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ расшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была; а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шесть процентовъ, отдала въ ростъ по 16 со ста. „Проклятая безбожница, кричала она на меня, такой ли теперь часъ? Пришла ты, какъ сатана, искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ, и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удалены“. Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу“ [3]). Что ханжи такого рода были дѣйствительными явленіями того времени, доказываетъ разсказъ Данилова. Его отдали къ какой-то вдовѣ. „Вдова,—говоритъ онъ,—была великая богомольщица, рѣдкой день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ

[1]) Сочиненія императрицы Екатерины II. Изд. Смирдина, II, 30.

[2]) „Живописецъ“ Новикова, V изданіе, № 10, стр. 79.

[3]) Сочиненія Екатерины II, ч. II, стр. 9.

одинъ оную должность; я употребленъ былъ въ таковой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: „полно тебѣ шутить, Ванюшка", и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала, только всякой день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ въ слухъ громко читала" [1]). Нельзя не замѣтить большой симпатіи между Ханжахиной и вдовою, о которой говоритъ Даниловъ. Значитъ, Екатерина преслѣдовала не вымышленныя личности. Она писала къ издателю „Живописца", что при сочиненіи комедіи „не брала находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной своей семьи". Когда „нѣкоторые критики за непристойно поставляли, что въ одной изъ ея комедій господинъ Фирлифюшковъ, за безстыдное слова нездержаніе, наказанъ палкою, она отвѣчала, что въ оправданіе свое можетъ сослаться на уложеніе: въ немъ гг. критики найдутъ, чему за нездержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются" [2]). Екатеринѣ была, стало-быть, дорога историческая истина, которую такъ оскорбляли писатели ея времени на сценѣ. Самый языкъ комедій Екатерины индивидуальнѣе, русская рѣчь слышится въ нихъ мѣстами въ самыхъ бойкихъ оборотахъ. Но при всемъ томъ личности комедій ея не возведены до типовъ, и все по прежней причинѣ; какъ ни дорожила Екатерина мѣткостью своихъ стрѣлъ, но она держалась французскаго театра, и рядомъ съ чертами, выхваченными изъ русской жизни, вы найдете такія, которыя такъ же легко могутъ быть приложены къ французамъ. Екатеринѣ дорого было осмѣяніе и чрезъ то ослабленіе пороковъ и предразсудковъ русскихъ ея времени, а не тѣ формы, подъ которыми проявлялись они у насъ, не тѣ оттѣнки, которые они здѣсь принимали. Екатеринѣ больше бросалось въ глаза нравственное значеніе комедіи, нежели художественное: ей нужно было сдѣлать порокъ смѣшнымъ въ общественномъ мнѣніи, и она не заботилась уловлять тѣхъ оттѣнковъ, которые онъ носилъ въ ея время и у ея подданныхъ. Разумѣется, такое воззрѣніе на комедію несправедливо, потому что чѣмъ выше художественное значеніе комедіи, тѣмъ сильнѣе ея нравственное вліяніе; но и комедіи Екатерины имѣютъ важное историческое значеніе. Нельзя того же сказать о ея такъ называемыхъ *театральныхъ представленіяхъ*, напр. „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика" и „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье". Какъ сказано въ заглавіи, это „подражанія Шакеспиру". Можно вообразить, каковы эти подражанія.

---

1) Записки маіора Данилова. Изд. Строева, 1842, стр. 42.

2) „Живописецъ", листъ VII, стр. 49—50.

Есть еще книга: „Эрмитажный театръ императрицы Екатерины II“. Она состоитъ изъ пьесъ, написанныхъ Екатериною и ея придворными. Книга эта была издана на французскомъ языкѣ. Барбье говоритъ, что весь этотъ театръ собственно принадлежитъ различнымъ французскимъ писателямъ, которыхъ онъ могъ бы перечислить [1]). Не имѣемъ права сомнѣваться въ истинѣ этого показанія.

Но возвратимся къ Княжнину, о комедіяхъ котораго мы начали говорить. Той методы, которая такъ помогала ему въ трагедіяхъ, онъ не забылъ и въ комедіяхъ. Его „Хвастунъ“ составляетъ почти буквальный переводъ комедіи де-Брюйе „L'Important“ съ тѣмъ отличіемъ, что въ Верхолетѣ есть нѣсколько чертъ графа Тюфьери въ комедіи Детуша „Le Glorieux“; „Чудаки“ взята изъ комедіи „L'homme singulier“ Детуша; есть въ этихъ комедіяхъ и выдержки изъ „Ученыхъ женщинъ“ Мольера. „Скупой“ Княжнина есть подражаніе „Скупому“ Мольера, а его „Сбитенщикъ“—подражаніе Мольеровой „Школѣ мужей“. Впрочемъ, Степанъ, занимающій одну изъ главныхъ ролей пьесы, напоминаетъ „Фигаро“ Бомарше. Кромѣ того, многимъ нравившаяся тогда арія Степана:

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него куды съ умомъ,
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ;
А съ умомъ идешь пѣшкомъ,—

есть простой переводъ стиховъ:

Ohne Glück in unsern Tagen
Hielt Vernunft und Klugheit nicht;
Glück fährt auf einen goldnen Wagen,
Wer vernünftig zu Füssen kriegt [2]).

Комедія Княжнина есть такое же переложеніе чужихъ комедій на русскіе нравы, какое уже указано въ его трагедіяхъ. Самый языкъ его комедій не вездѣ могъ развиться до естественности, еще болѣе до настоящаго русскаго комическаго колорита; это развитіе связывалось стихомъ.

Все сказанное о Княжнинѣ можетъ быть болѣе или менѣе приложено и ко всему русскому театру. Вина безцвѣтности и подражательности падаетъ менѣе на писателей, чѣмъ бы можно было думать. Она лежала въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, при которыхъ началась и развилась русская литература. Словесность французская, можно сказать, облегла нашу со всѣхъ сторонъ; она, если можно такъ выразиться, сдѣлалась атмосферой, которою дышали наши писатели. Возбудить въ публикѣ любовь къ своему, народному, было нетрудно; но писатели того времени скорѣе были управляемы вкусомъ публики, нежели сами

1) Dictionnaire des ouvrages anonymes etc. № 17, 711.—Quérard, Supercheries littéraires dévoilées, I, 213.

2) Глинка, Я. Б. Княжнинъ. „Репертуаръ“ 1841 г., № 2, стр. 81.

управляли имъ. Что свое, оригинальное, могло бы возбудить интересъ, если бы сказано было сильнымъ голосомъ даровитаго человѣка и поддержано энергически,—это можно доказать однимъ фактомъ. Въ 1779 г. представленъ былъ водевиль Аблесимова „Мельникъ", написанный безъ всякихъ справокъ съ піитиками, въ чисто народномъ духѣ. Современное почти извѣстіе говоритъ про эту пьесу, что „на вольномъ театрѣ у содержателя г. Книпера была она играна сряду 27 разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; кратко сказать, что едва ли не первая русская опера имѣла столько восхитившихся спектатеровъ и плесканія" [1]). Вскорѣ за „Мельникомъ" послѣдовала другая опера Аблесимова — „Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ". Драматическій Словарь говоритъ: „Оная піэса довольно хорошо принята публикою; г. Сочинитель показалъ въ оной піэсѣ подробно всѣ солдатскія нужды, такъ какъ искусившейся въ сей части" [2]). Вотъ даже до чего дошелъ Аблесимовъ: онъ не хотѣлъ знать правилъ французскаго театра, а выставлялъ напоказъ то, съ чѣмъ ознакомила его житейская опытность, и притомъ *подробно* показывалъ *нужды* солдатъ: это имѣетъ также свое высокое значеніе. Прекрасныя начинанія, но они кончились ничѣмъ. Аблесимовъ не выдержалъ своего дѣла, его соблазнила доктрина Сумарокова, у котораго онъ былъ писаремъ; онъ не продолжалъ начатаго дѣла, поддался его школѣ, и вотъ появляется діалогъ Аблесимова „Странники", нѣчто въ родѣ „Прибѣжища" Сумарокова. Прекрасно выразился объ Аблесимовѣ Полевой, сказавши въ 1831 году: „Геній истинной комедіи пролеталъ черезъ Россію, лѣтъ шестьдесятъ тому, и крыломъ своимъ зацѣпилъ за голову писаря, который почти не зналъ грамоты и кое-какъ переписывалъ стихи Сумарокова" [3]). Да, дѣйствительно, онъ только зацѣпилъ крыломъ за голову этого писаря, и сколько лѣтъ прошло послѣ того, пока онъ осѣнилъ новаго русскаго комика! „Мельникъ" Аблесимова показалъ, что публика готова была съ жаромъ броситься на всякую живую новизну; но тотъ же „Мельникъ" служитъ печальнымъ доказательствомъ того, какъ трудно было высвободиться изъ-подъ вліянія французскаго. Наобѣдѣ графа Г. Г. Орлова Дидро говорилъ Майкову, не знавшему ни одного иностраннаго языка, что особенно желалъ бы прочесть его сочиненія, ибо они должны быть очень оригинальны [4]). Дидро увидалъ бы поспѣшность своего заключенія, если бы въ самомъ дѣлѣ прочелъ сочиненія Майкова. Правда, онъ не зналъ иностранныхъ языковъ, но онъ подражалъ Сумарокову и другимъ знаменитостямъ своего времени, которыя въ свою очередь были напитаны французскимъ духомъ, и Майковъ.

[1]) Драматическій Словарь, стр. 78.

[2]) Тамъ же, стр. 108.

[3]) „Московскій Телеграфъ" 1831 г., № 8, стр. 551.

[4]) Вяземскій, Фонъ-Визинъ, стр. 139—140.

бывшій отголоскомъ ихъ направленія, подражалъ французамъ; не зная по-французски, перевелъ „Меропу“ Вольтера. Въ одѣ *О вкусѣ* онъ говоритъ Сумарокову:

Твоей прелестной гласъ свирѣли,
Твоей пріятной лиры гласъ,
Моею мыслью овладѣли,
Пути являя на Парнасъ;
Твоимъ согласіемъ плѣняясь,
Пою и я воспламеняясь.
. . . .
И такъ какъ тихому Зефиру
Во слѣдъ тебѣ всегда лечу:
Тобой настроенную лиру
Я худо строить не хочу[1]).

Такъ человѣкъ, который по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ былъ остаться оригинальнымъ писателемъ, былъ не болѣе какъ подражателемъ. Это зависѣло отъ того, что попытки создать оригинальное, свое, были у насъ такъ рѣдки, такъ разрозненны, что для настоящаго имѣли не много значенія. Вспыхивая тамъ и сямъ, онѣ поглощались общимъ потокомъ литературы; только сумма этихъ попытокъ могла служить опорою для будущаго.

Не одинъ Аблесимовъ, человѣкъ очень даровитый, не одинъ Майковъ поддался теченію; было много и другихъ талантливыхъ и бездарныхъ писателей, которые шли тою же дорогою или были не замѣчены, если ихъ произведенія расходились съ общимъ направленіемъ времени. Напр., оберъ-бергмейстеръ Хемницеръ, занимавшійся почти исключительно своею службою, исправлявшій переводы, которые были представляемы въ горное правленіе на разсмотрѣніе, самъ занимавшійся ими,—этотъ Хемницеръ издалъ маленькую книжку басенъ: она утонула въ морѣ торжественныхъ одъ, немногіе ее замѣтили, и только послѣ оцѣнены были эти басни.

Но перейдемъ теперь въ вѣкъ Екатерины, нѣкоторыя отдѣльныя явленія котораго мы разсмотрѣли. То была пора высшаго блеска французской литературы,—та пора, которой вліяніе сказалось болѣе или менѣе во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Ея характеристическими чертами Вилльменъ полагаетъ философскій скептицизмъ, подражаніе литературамъ современнымъ, реформу политическую. Екатерина примкнула вполнѣ къ французской литературѣ, она отдала ей свое полное сочувствіе, сносилась съ Вольтеромъ, Дидро, д'Аламбертомъ. Подъ вліяніемъ идей французскихъ она провозгласила свободу мысли, сво-

---

[1]) „Собраніе разныхъ сочиненій и новостей“, ежемѣсячное изданіе 1776 г., май, стр. 12.

боду прямо и открыто высказывать свое пониманіе. Однажды она разрѣшила даже свободное печатаніе книгъ безъ цензуры; но послѣдствія заставили измѣнить это распоряженіе. Такое отношеніе Екатерины не мало содѣйствовало развитію и распространенію въ нашей литературѣ твердыхъ понятій и здравыхъ взглядовъ. И въ нашей литературѣ отразилось крѣпко и сильно вліяніе энциклопедистовъ и философіи XVIII-го вѣка. Статьи Вольтера, Дидро, д'Аламберта мало того, что переводились въ нашихъ журналахъ, подражанія, какъ и дословныя заимствованія у нихъ найдемъ въ нашихъ лучшихъ и самыхъ оригинальныхъ писателяхъ—Фонъ-Визинѣ и Державинѣ. Мало того, статьи самого знаменитаго барона Гольбаха постоянно переводились въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ" Пнина. Екатерина не замѣчала, куда приведутъ такія попытки, чѣмъ разрѣшится вся эта пестрота самыхъ разнородныхъ мнѣній. Она не замѣчала, что всѣ философы и мыслители того времени, отъ какой бы точки они ни отправлялись, приходили къ недовольству господствующимъ порядкомъ,—что къ этому пришелъ Вольтеръ съ своимъ скептицизмомъ, Руссо съ своею сентиментальностью и удаленіемъ отъ свѣта, Дидро съ своимъ безвѣріемъ и первые люди тогдашняго образованія. Когда наконецъ французская революція показала исходъ, Екатерина, боясь такихъ же послѣдствій въ Россіи, стала бдительно слѣдить за литературою. Еще нѣсколько прежде запрещенъ былъ переводъ Вольтера. Новикова, который преданъ былъ масонству, подозрѣвали въ умыслахъ, вредныхъ государству, и заключили въ темницу. Когда Державинъ поднесъ Екатеринѣ первый томъ своихъ сочиненій, ему изъявили неудовольствіе Екатерины, что онъ предается вреднымъ якобинскимъ мыслямъ, и все потому только, что онъ переложилъ псаломъ 81-й, который былъ въ большомъ обращеніи у якобинцевъ. Державинъ долго не понималъ холодности Екатерины и, когда узналъ о причинѣ ея, написалъ оправданіе. „Наше намѣреніе было съ нимъ,—писалъ онъ,—одно и то же, чтобъ небесную истину въ стихахъ и въ чистомъ употребительномъ слогѣ сдѣлать понятнѣе и удобнѣе къ впечатлѣнію въ разумѣ и сердцѣ... Проповѣдь Священнаго Писанія, въ прямомъ разумѣ и съ добрымъ намѣреніемъ, нигдѣ и никогда не была опасна. Ежели она въ однихъ мѣстахъ напоминаетъ земнымъ Владыкамъ—судить людей своихъ въ правдѣ, то въ другихъ съ такою же силою повелѣваетъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться имъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Якобинцы, поправшіе вѣру и законъ, такихъ стиховъ не писали. Орелъ открытыми очами смотритъ на красоту солнца и восхищается имъ къ высочайшему паренію; ночныя только птицы не могутъ сносить безъ досады его сіяніе" [1]). Но Екатерина сама раздѣляла литературныя убѣжденія философовъ XVIII-го вѣка; это всего лучше высказалось въ Наказѣ. Онъ весь написанъ подъ вліяніемъ идей XVIII-го

---

[1]) „Памятникъ отечественныхъ музъ", стр. 119—120.

вѣка; мало того, большая часть его статей цѣликомъ переведена изъ „Духа законовъ“ Монтескьё. Возьмемъ для примѣра одно сравненіе:

„Державѣ, налагающей сіи законы, надлежитъ быть въ такомъ состояніи, чтобы легко могла сама торги отправлять; а безъ того она себѣ по крайней мѣрѣ равный причинитъ вредъ. Лучше дѣло имѣть съ такимъ народомъ, который взыскиваетъ немного и который по нуждамъ торговли нѣкіимъ образомъ самъ привязанъ къ намъ, съ такимъ народомъ, который по пространству своихъ намѣреній или дѣлъ знаетъ, куды дѣвать излишніе товары“.

„Il faut que l'état qui impose ces lois puisse aisément faire lui-même le commerce, sans cela il se fera pour le moins un tort égal. Il vaut mieux avoir affaire à une nation, qui exige peu, et que les bésoins du commerce rendent en quelque façon dependante, à une nation, qui par étendue de ses vues et des affaires, sait où placer toutes les marchandises superflues“.

Замѣчательно, что заимствованія были до того вѣрны подлиннику, что Бальтазаръ, переводчикъ Наказа на французскій языкъ, счелъ для себя удобнѣйшимъ выписать прямо изъ Монтескьё тѣ мѣста, которыя у него заимствовала Екатерина[1]). Въ Наказѣ Монтескьё названъ „лучшимъ о законахъ писателемъ“.

Кромѣ того, въ Наказѣ есть цѣлые отрывки изъ Беккаріева „Traité des délits et des peines“. Напр.:

„Суровость, утвержденная употребленіемъ весьма многихъ народовъ, есть пытка, производимая надъ обвиняемымъ во время устроиванія судебнымъ порядкомъ дѣла его, или чтобъ вымучить у него собственное его во преступленіи признаніе, или для объясненія противорѣчій, которыми онъ въ допросѣ спутался, или для принужденія его объявить своихъ сообщниковъ, или ради открытія другихъ преступленій, въ которыхъ его не обвиняютъ, въ которыхъ однакоже онъ можетъ быть виновенъ“[2]). „C'est une barbarie consacrée par l'usage chez la plus grande partie des nations, que celle d'appliquer un coupable à la question pendant qu'on poursuit son procès, soit qu'on veuille tirer de lui l'aveu de son crime, soit pour éclaircir ses réponses contradictoires ou connaître ses complices,.. soit enfin pour découvrir d'autres crimes, dont il n'est pas accusé, mais dont il pourrait être coupable“[3]).

Собственно говоря, Екатерина, заимствуя цѣлые отрывки изъ Беккарія, оставалась все подъ тѣмъ же французскимъ вліяніемъ. Беккарія писалъ къ Морелле, который перевелъ его трактатъ на французскій языкъ: „Я всѣмъ обязанъ французамъ. Д'Аламберъ, Дидро, Гельвецій, Бюффонъ, Гюмъ, славныя имена которыхъ нельзя слышать безъ вос-

---

1) Quérard, Supercheries littéraires dévoilées, I, p. 208, 209.

2) Сочиненія императрицы Екатерины II, изд. Смирдина, т. 1, стр. 44.

3) „Traité des délits et des peines“. 1797, Neuchatel, p. 63—64.

торга; ваши безсмертныя творенія составляютъ мое постоянное чтеніе, предметъ моихъ занятій днемъ, предметъ моихъ размышленій въ тишину ночи!“ Беккаріа былъ способнѣе распространять чужія идеи, нежели поражать своими [1]).

Глубоко гуманныя идеи, положенныя въ основу Наказа, Екатерина съ жаромъ стремилась осуществить на практикѣ. Но онѣ были не совсѣмъ приложимы къ дѣлу; многія изъ этихъ благихъ вѣрованій должны были совершенно разсыпаться при первомъ столкновеніи съ холодною дѣйствительностью, которая какъ бы просила скорѣе Principe Макіавеля.... Революція съ другой стороны горько подѣйствовала на императрицу.

Но не прошла даромъ эта благородная терпимость, съ которою императрица принимала всякое мнѣніе, та ничѣмъ не подавлявшаяся свобода мысли, которая такъ нужна для нормальнаго развитія литературы. Разумѣется, всѣ благомыслящіе люди ловко воспользовались тѣмъ орудіемъ, которое теперь было у нихъ въ рукахъ. Журналы, комедіи того времени, оды Державина, этого пѣвца правды по преимуществу, ясно доказываютъ эту мысль. И это стремленіе къ оригинальности, которое такъ блистательно выразилось въ Державинѣ и Фонъ-Визинѣ, конечно, многимъ обязано Екатеринѣ, ея пониманію, ея взгляду на вещи.

Трудно было въ первыхъ трудахъ Фонъ-Визина угадать будущаго автора „Недоросля“. Вѣкъ и наставники повели его той дорогой, которая мало приходилась ему по характеру. Къ первымъ годамъ его литературной дѣятельности относятся почти исключительно одни переводы. Для журнала Рейхеля переводитъ онъ „Изысканіе Менарда о зеркалахъ“, статью „О поэзіи“ и т. п. Потомъ является переводъ „Сифа“,— трудъ, за который онъ взялся съ чисто ученою цѣлью, помимо тѣхъ плановъ, которые имѣлъ Террасонъ. И странно: будущій сатирикъ издаетъ потомъ переводъ романовъ, пропитанныхъ сентиментальностью! Мы говоримъ о его *Сиднеѣ* и *Любви Кариты и Полидора*. Но уже въ 1764 году представлена была его комедія *Коріонъ*. То, что сказано было о комедіи Лукина и Княжнина, можетъ быть вполнѣ примѣнено и къ первой комедіи Фонъ-Визина: онъ точно также только передѣлалъ на русскіе нравы комедію Грессе *Sidney* [2]). По словамъ современника, эта комедія Фонъ-Визина вытерпѣла сильное нападеніе, хотя авторъ удостоился благосклонности двора [3]). Но, закружившись на-время въ

---

[1]) Villemain, Cours de littérature française au XVIII siècle, III, p. 49—52.

[2]) Кн. Вяземскій говоритъ: „Въ „Коріонѣ“, *переводѣ* комедіи или драмы Грессета „Сидней“, стихъ нѣсколько тверже и правильнѣе“ (Фонъ-Визинъ, стр. 269). Но „Коріонъ“ есть только передѣлка, а не переводъ. Это можно замѣтить, если только сравнить число лицъ у Фонъ-Визина и Грессета.

[3]) Сочиненія и переводы Владиміра Лукина, часть II, стр. IX—X.

литературныхъ тенденціяхъ XVIII-го вѣка, заплативъ дань молодости, Фонъ-Визинъ не потерялъ своей оригинальности. Жизнь сама, своими пестрыми явленіями давала ему поучительные уроки; его тонкій, проницательный умъ не могъ не понять ихъ, не могъ не разглядѣть, какія личности копошились по сторонамъ. Явился „Недоросль". Всѣ лица его такъ дышатъ жизнью эпохи, что ее можно замѣтить при малѣйшемъ вниманіи. Но любопытно сблизить роль, напр., Простаковой съ портретомъ одной живой, невымышленной личности того времени. Вотъ что читаемъ въ запискахъ Данилова: „Вдова (къ которой былъ отданъ Даниловъ) охотница была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною; только признаюсь, сколько времени я у ней не жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хоть одинъ день безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ, и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать, это уже такъ введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго апетиту". Не такъ ли обращалась съ своими людьми и Простакова? Слѣдующій отрывокъ очень напоминаетъ поведеніе той же Простаковой относительно сына. „Въ одно время (разсказываетъ Даниловъ) гуляли мы съ племянникомъ ея и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился; племянникъ ея и наслѣдникъ завелъ насъ къ яблони, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничѣмъ, началъ обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ его, что племянникъ около яблони забавляется, обивая яблоки; она приказала всѣхъ насъ троихъ привести предъ себя на нелицемѣрный судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козелъ, и сѣкли его очень долгое время немилостиво, причитая: „не обивай яблокъ съ яблони". Потомъ и до меня дошла очередь, приказала вдова и меня поднять на козелъ, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблокъ отнюдь не обивали. Племянникъ оробѣлъ и мнилъ, что не дойдетъ ли и до него по порядку очередь къ наказанію, однако страхъ его былъ тщетный; только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ такой силѣ, что „дурно де, не пригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего", а послѣ поцѣловавъ, сказала: „чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей, не бойся, голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану" [1]).

Если въ сатирахъ Кантемира, представляющихъ живыя картины русской жизни его времени, мы видѣли заимствованія у Буало, то и въ Фонъ-Визинѣ можемъ замѣтить то же. Та часть комедіи, гдѣ Фонъ-

---

[1]) Записки Данилова, стр. 41—44.

Визинъ выводитъ не порокъ, а резонирующихъ Стародумовъ, Правдиныхъ,—эта часть мало могла себѣ найти матеріала въ дѣйствительной жизни и не совсѣмъ прочно вязалась съ остальною частью комедіи. Неудивительно, что эта пришлая, безцвѣтная сторона резонерства очень легко могла быть перенесена изъ нравственныхъ сентенцій иностранныхъ писателей, за которыми оставалась, кромѣ того, честь мастерскаго выраженія этихъ сентенцій. И вотъ мы видимъ весьма замѣчательное явленіе: эта пришлая, безцвѣтная сторона резонерства часто цѣликомъ перенесена изъ сентенцій иностранныхъ писателей. Напримѣръ, не совсѣмъ умѣстный на сценѣ разговоръ Милона и Стародума о различіи между храбростью и неустрашимостью взятъ изъ Ларошфуко. Въ 218, 219 и 224 мысляхъ объяснено значеніе слова valeur, а въ 224—значеніе intrépidité. Разговоръ Стародума съ Правдинымъ въ началѣ 3-го дѣйствія мѣстами составленъ изъ чужихъ отрывочныхъ замѣтокъ, что̀ можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія.

„*Правдинъ*. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стародумъ. Любопытна. Первое показалось мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе“.

„Il y a pour arriver aux dignités, ce qu'on appelle la grande voie ou le chemin battu: il y a le chemin détourné ou de traverse, qui est le plus court [1]).

Cependant on n'arrive à ses fins que par des chemins couverts et de traverse, disposés de manière que la voie la plus droite n'est pas toujours la plus courte“ [2]).

„*Правдинъ*. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Стародумъ. А такова-то просторна, что двое встрѣчась, разойтиться не могутъ. Одинъ другаго сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ“.

„Ce sentier est si étroit, qu'un ambitieux ne saurait y faire son chemin sans renverser l'autre. Le malheur est que ceux qui sont sur leurs pieds ne relèvent guère ceux qui sont tombés“ [3]).

---

[1]) Les caractères, par La Bruyère, chap. VIII.

[2]) Oeuvres choisies de Dufresny, II, 210.

[3]) Oeuvres choisies de Dufresny, II, 210. Князь Вяземскій говоритъ: „Мы слышали отъ старожиловъ литературы нашей, что въ роли Стародума встрѣчаются еще мозаическія вставки изъ какой-то старинной повѣсти, въ коей описаны приключенія американца, или какого-то дикаго. Изъ любви къ истинѣ и въ званіи присяжнаго біографа, мы рылись въ нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ, но не нашли слѣдовъ къ подтвержденію сей улики“. Въ словахъ литературныхъ старожиловъ есть ошибка. Фонъ-Визинъ бралъ нѣкоторыя мѣста изъ сочиненія Дюфрени „Les amusements sérieux et comiques“. Авторъ представляетъ какъ бы путешествіе свое по свѣту въ обществѣ съ сіамцемъ. Кажется, сіамецъ и подалъ поводъ къ тому преданію литературному, о которомъ упоминаетъ Вяземскій. Впрочемъ, еще въ 1811 году было

Странно, что заимствованія есть тамъ, гдѣ бы всего менѣе можно было ожидать ихъ, въ „Опытѣ Россійскаго сословника“. Здѣсь многія опредѣленія просто переведены изъ „Synonymes François“ Жирара. Возьмемъ для примѣра слѣдующее мѣсто:

„Безпорочность поставляетъ себѣ правиломъ не дѣлать того другому, чего бы не пожелалъ себѣ. Добродѣтель распространяетъ сіе правило гораздо далѣе и велитъ дѣлать то другимъ, чего бы пожелалъ себѣ“.

„Ne faites point à autrui ce que vous ne voudriez pas qui vous fût fait. L'observation exacte et précise de cette maxime fait *la probité*. Faites à autrui ce que vous voudriez qui vous fût fait. Voilà *la vertu*“.

„Состоянія людей такъ многообразны, что при различеніи добродѣтели отъ безпорочности, необходимо надобно разсмотрѣть внимательно, какой человѣкъ, въ какое время и въ какихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ доброе дѣло“.

„En distinguant la vertu et la probité, en observant la différence de leur nature, il est encore nécessaire, pour connoitre le prix de l'une et de l'autre, de faire attention aux circonstances“.

„Иногда безпорочность достойна похвалы гораздо больше, нежели самая добродѣтель. Богатый человѣкъ, не разстраивая ни мало своего состоянія, помогъ бѣдному нѣкоторымъ подаяніемъ“ и т. д.

„Il y a tel homme dont la probité mérite plus d'éloges que la vertu d'un autre. Un homme, au sein de l'opulence, n'aura-t-il que les devoirs, les obligations de celui, qui est assiégé par tous les bésoins“ [1]).

Въ письмахъ Фонъ-Визина къ сестрѣ изъ втораго путешествія есть заимствованія изъ журнала того времени (1783) „Litteratur und Völkerkunde“. Отсюда переведены большею частью описанія итальянскихъ городовъ. Разсказъ о Пизѣ весь взятъ изъ статьи, напечатанной въ этомъ журналѣ. Приведемъ для доказательства нѣсколько отрывковъ.

„Если вспомнить древнюю исторію, кто были пизане и какую роль игралъ этотъ народъ въ свѣтѣ, то нельзя не прійти въ уныніе, видя суетность мірскихъ дѣлъ. И теперь окружность города превеликая, но пустота ужасная, и улицы заросли травою“.

„Man kann Pisa nicht ohne Rührung betrachten. Eine so alte, ehmals so reiche, mächtige und volkreiche Stadt nunmehr zu dem Grade der Niedrigkeit gesunken, dass sie eine arme Provinzialstadt eines kleinen Staats geworden ist. Der Umfang der Stadt ist sehr beträchtlich, allein die Bevölkerung derselben beträgt nur 18,000 Seelen, daher die Strassen leer und öde sind, und auf vielen das Gras wächst“.

„Въ Пизѣ есть университетъ; но Богъ знаетъ, что тутъ дѣлаютъ;

сказано, что Фонъ-Визинъ заимствовалъ нѣкоторыя мѣста изъ Дюфрени, но не указано, изъ какого сочиненія См. „Вѣстникъ Европы“ 1811 г., № 15, стр. 215.

[1]) Synonymes François, par Girard. Nouv. edit. 1802. Tom. II, № 257, p. 264—265.

профессоры, кромѣ итальянскаго языка, не знаютъ и совершенные невѣжды во всемъ томъ, что за Альпійскими горами дѣлается; есть изъ нихъ такіе чудаки, которые о Лейбницѣ вовсе не слыхивали".

„Est ist hier auch eine Universität, die eine Menge Professoren hat; allein man hört nicht von ihren Arbeiten. So gelehrt sie auch in einigen Fächern seyn mögen, so barbarisch unwissend sind sie in Allem, was jenseit der Alpen vorgeht. Ich habe hier mit einem bücherschreibenden Professor der Mathematik gesprochen, der nie etwas von unserm Leibnitz gelesen hätte" [1]).

Заимствованія въ „Недорослѣ" не касаются общаго колорита комедіи и, по нашему мнѣнію, объясняются вполнѣ направленіемъ времени, когда въ модѣ были моральныя сочиненія. Доказывать, что „Недоросль" произведеніе оригинальное, живое выраженіе эпохи, было бы смѣшно и излишне. Но любопытенъ отзывъ о немъ одного современника, находящійся въ „Драматическомъ Словарѣ". Приведемъ его: „Недоросль. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненія г. Фонъ-Визина, представлена въ первой разъ въ Санктпетербургѣ, сентября 24 дня 1772 года, нащотъ придворнаго актера г. Дмитревскаго; въ которое время несравненно театръ былъ наполненъ и публика аплодировала піесу метаніемъ кошельковъ. Характеръ Мамы игралъ бывшей придворной актеръ г. Шумской къ несравненному удовольствію зрителей; а на Московскомъ театрѣ роль сія представлена вольнымъ Московскаго театра актеромъ г. Ожогинымъ также къ совершенной забавѣ публики. Сія комедія, наполненная замысловатыми израженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждой въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики" [2]).

Другой столь же вѣрный представитель вѣка Екатерины — Державинъ. Въ немъ много общаго съ Фонъ-Визинымъ. Названіе „торжественная ода" не ослѣпитъ насъ, и въ лучшихъ Державинскихъ одахъ мы увидимъ сатиру съ одной стороны, религіозный гимнъ съ другой. Различіе между нимъ и Фонъ-Визинымъ, конечно, существуетъ, и оно, можетъ быть, столько же зависитъ отъ природнаго характера того и другаго писателя, сколько отъ воспитанія и житейскихъ обстоятельствъ. Мы увѣрены, что, не закружись Фонъ-Визинъ въ вихрѣ того общества, о которомъ онъ съ негодованіемъ говоритъ въ „Признаніи", не поддайся онъ черезъ то вліянію тѣхъ идей, которыя служили девизомъ этой сферы,—онъ не подмѣтилъ бы многихъ тонкихъ чертъ, которыя носило большинство офранцуженнаго русскаго общества. Не подсмѣйся надъ нимъ какой-нибудь баричъ въ театрѣ, онъ зналъ бы очень плохо и по-

---

1) Статья упомянутаго нами журнала перепечатана была въ „St.-Petersburgische Bibliothek der Journale, welche in Russland, Deutschland, England, Frankreich und Schweden herauskommen". December 1783, № 783, p. 93—96.

2) Драматическій Словарь. Москва, 1787 г., стр. 88—89

верхностно французскую литературу и языкъ,—гдѣ нашелъ бы онъ тогда средства представить такъ ярко *Иванушку,* сынка бригадира? Но тотъ же „сынокъ знатнаго господина" и попалъ, вѣроятно, въ комедію злаго Фонъ-Визина. Съ другой стороны, та сфера общества, въ которую вовлеченъ былъ авторъ „Недоросля", оставила пагубные слѣды въ его физической и отчасти нравственной природѣ. Безпощадная иронія и горечь писемъ изъ путешествія были только отплатою за все недоброе, которое пало на автора со стороны того слоя общества, въ которомъ онъ не могъ не замѣтить изуродованныхъ идей французскихъ. — Другое замѣтимъ въ Державинѣ, этомъ человѣкѣ русскаго воспитанія и—главное—русской жизни. Тотъ возрастъ, котораго впечатлѣнія остаются надолго, отдаются во всей жизни, онъ провелъ не среди высшаго круга, но въ сферѣ средней, мало доступной постороннимъ вліяніямъ. И не къ французамъ обратился онъ по преимуществу, а къ нѣмцамъ. Неудивительно, что онъ поддался тому направленію, которое господствовало тогда въ нѣмецкой литературѣ. Мы видѣли выше, что въ религіозно-торжественныхъ одахъ онъ хотѣлъ „небесную истину въ стихахъ и въ чистомъ, употребительномъ слогѣ сдѣлать понятнѣе и удобнѣе къ впечатлѣнію въ душѣ и сердцѣ". Не одинъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ того времени выставлялъ ту же самую побудительную причину, указывалъ ту же цѣль одамъ [1]). Неудивительно, что при одной и той же цѣли мы находимъ какъ общность колорита, такъ и болѣе тѣсное сходство въ отдѣльныхъ строфахъ. Державину легко было переносить въ свои религіозныя оды цѣлыя строфы нѣмецкихъ стихотворцевъ. Напр., въ одѣ „Богъ" слѣдующая строфа взята изъ Галлера:

Какъ капля въ море опущенна
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ—и то
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой—ничто.

Ich häufe ungeheure Zahlen,
Gebürge Millionen auf;
Ich welze Zeit auf Zeit, und Welt auf Welten hin,
Und wann ich auf der March des endlichen nun bin,
Und von der fürchterlichen Höhe,
Mit Schwindeln wieder nach Dir sehe,

---

[1]) Gölzer, Die neuere deutsche Nationalliteratur nach ihr. ethis. und relig. Gesicht etc. 2 Aufl. 1849.

Ist alle Macht der Zahl vermehrt mit tausend Mahlen,
Noch nicht ein Theil von Dir.
. . . .
Ja könnten nur bey Dir die festen Kräfte sinken,
So würde bald, mit aufgesperrtem Schlund,
Ein allgemeines Nichts des Wesens ganzes Reich,
Die Zeit und Ewigkeit zugleich,
Als wie der Ocean ein Tröpfchen Wasser trinken.
Vollkommenheit der Grösse!
Was ist der Mensch, der gegen Dich sich hält!
Er ist ein Wurm, ein Sandkorn in der Welt,
Die Welt ist selbst ein Punkt, wann ich an Dir sie messe [1]).

Прибавимъ, что *Цѣленіе Саула* есть подражаніе Бровну, что было указано самимъ же Державинымъ [2]). Мы не будемъ повторять указанія на тѣ заимствованія Державина, которыя имъ самимъ засвидѣтельствованы. Вообще въ немъ можно замѣтить какое-то смутное стремленіе выйти изъ узкой сферы Ломоносовской лирики; ему въ ней душно; у него уже чаяніе чего-то новаго. Это стремленіе было не совсѣмъ опредѣленно для самого поэта. Поприще свое началъ онъ подражаніемъ Ломоносову и иностранцамъ. Его Читалагайскія оды большею частью—переводы изъ сочиненій Фридриха II и притомъ переводы стиховъ въ прозу. Ломоносовское направленіе скоро дало ему почувствовать свою несостоятельность; но авторитетъ великаго имени, но общее признаніе его временемъ, все это не могло дать поэзіи Державина характера совершенной свободы отъ Ломоносовскаго вліянія [3]). Творцу „Фелицы" можно было расширить сферу русской поэзіи; онъ подражаетъ уже и французамъ, и нѣмцамъ, и итальянцамъ; но онъ началъ писать спустя какія-нибудь 15 лѣтъ по смерти Ломоносова: ему ли начать новый періодъ? Мы опять повторимъ, что при одной и той же цѣли съ нѣмцами поэтъ русскій могъ иногда сходиться съ нѣмецкими, мало того — подражать имъ и даже заимствовать у нихъ цѣлыя строфы.

Почти въ одно время съ Державинымъ выступилъ на литературное поприще человѣкъ, который съ одной стороны подкрѣпилъ то сатирическое направленіе, въ которомъ по преимуществу сохранялась оригинальность наша, который приблизилъ литературу къ низшему слою на-

---

1) Albrecht von Haller, Versuch schweiz. Gedichte. 1788, p. 210—211.

2) „Чтенія въ Бесѣдѣ люб. русск. слова", кн. II, № 2, стр. 72.

3) Гротъ въ статьѣ своей о Державинѣ („Современникъ" 1845—46 г.) приводитъ доказательства, что нѣкоторые стихи его одъ взяты изъ нѣкоторыхъ русскихъ стихотвореній того времени. Это указаніе не важно, ибо въ такихъ заимствованіяхъ не высказывается характеръ Державинской поэзіи. Но вотъ загадочныя слова одного иностранца: „Catherine II a composé en français *Oleg*, drame historique, traduit du français de l'original russe de Derschawin..." („Curiosités biographiques", Paris, 1846, p. 344).

рода, который старался разлить просвѣщеніе по всѣмъ его классамъ, который заронилъ въ литературу не одну живую мысль. Это былъ Новиковъ. Тѣ произведенія литературы, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, болѣе или менѣе были порожденіемъ французскихъ вліяній; неудивительно, что они съ жаромъ принимались тѣмъ классомъ общества, который въ свѣтской жизни вообще поддавался тому же французскому вліянію. Массѣ, большинству народа мало было дѣла до торжественныхъ одъ, которыхъ оно наполовину не понимало, встрѣчаясь безпрестанно съ миѳологическими существами; мало жизни могло оно видѣть и въ трагедіяхъ, составленныхъ по образцу французскихъ. Преобразованіе, начатое Петромъ, всего ближе должно было сказаться на высшемъ, образованномъ классѣ общества; низшій могъ еще долго оставаться и коснѣть въ своемъ прежнемъ бытѣ. Для него нужна была своя дорога, своя особая форма измѣненія прежнихъ условій жизни, особыя средства для распространенія образованія; для народа нужна была своя литература, приноровленная къ его потребностямъ и къ его пониманію. И вотъ, начиная съ 1769 года, Новиковъ даетъ нашей сатирической журнальной литературѣ обширный объемъ. Въ одинъ годъ онъ издавалъ по два журнала, которые возбуждали общее сочувствіе въ массѣ. Новиковъ своею мѣткою сатирою осмѣивалъ злоупотребленія и предразсудки, господствовавшіе въ жизни русской; но главнымъ предметомъ, на который обращено было его вниманіе, всегда оставалось воспитаніе. Ложное увлеченіе французскимъ и внѣшностью полуобразованія нашло въ его изданіяхъ умнаго обличителя. Его сатира была тѣмъ дѣйствительнѣе, что отличалась безцеремонностью и рѣзкостью. Напр., въ одномъ мѣстѣ его изданія читаемъ: „Молодаго россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и который объѣздилъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею; желающіе его смотрѣть, могутъ его видѣть безъ денежно по многимъ улицамъ сего города“. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Пишите сатиры на дворянъ, на мѣщанъ, на приказныхъ, на судей совѣсть свою продавшихъ, и на всѣхъ порочныхъ людей; осмѣивайте худые обычаи городскихъ и деревенскихъ жителей; истребляйте закоренѣлыя предразсужденія, и угнѣтайте слабости и пороки, да только не въ знатныхъ: тогда въ сатирахъ вашихъ и соли находить будутъ больше. Здѣсь Аглинской соли употребленіе знаютъ немногіе; такъ употребляйте въ ваши сатиры Русскую соль, къ ней уже привыкли. И это будетъ пріятнѣе для тѣхъ, которые соленова ѣсть не любятъ. Я слыхалъ слѣдующія разсужденіи: въ положительномъ степенѣ, или въ маленькомъ человѣкѣ воровство есть преступленіе противу законовъ; въ увеличивающемъ, то есть среднемъ степенѣ, или средостепенномъ человѣкѣ воровство есть порокъ, а въ превосходительномъ степенѣ или въ человѣкѣ по вѣрнѣйшимъ математическимъ новымъ вычисленіямъ воровство ничто иное какъ слабость. Хотя бы и не такъ надлежало: ибо кто имѣетъ превосходительный чинъ, тотъ долженъ имѣть

и превосходительный умъ и превосходительныя знанія и превосходительное просвѣщеніе: слѣдовательно и преступленіе такова человѣка должно быть превосходительное, а превосходительныя по своимъ дѣламъ и награжденіе и наказаніе должны получать превосходительное. Но полно, вѣть вы знаете, что не всегда такъ дѣлается, какъ говорится"[1]). Мы не можемъ вдаваться въ подробный разборъ журналовъ Новикова. Повторимъ опять, что воспитаніе всегда привлекало его вниманіе: привычку принимать воспитателемъ дѣтей своихъ перваго заѣзжаго француза онъ постоянно осуждаетъ и прямо говоритъ: „За скороспѣлое въ наукахъ знаніе должны мы благодарностью господамъ французамъ: мы все отъ нихъ перенимаемъ; ихъ дворяне давно сіе дѣлаютъ и наши начинаютъ". Точно также вооружался „Трутень" на образъ жизни высшаго круга, на предразсудки низшаго, на моды, на ложную набожность и всегоболѣе на судей: рѣдкій листъ обходился безъ выходокъ на это крапивное сѣмя, какъ выражался Сумароковъ.

Тѣмъ же сатирическимъ характеромъ отличался и „Живописецъ" Новикова. Терпимость императрицы Екатерины не осталась безъ вліянія на тонъ и содержаніе статей его: нападки здѣсь еще сильнѣе, открытѣе, энергичнѣе. Если съ одной стороны вы найдете въ „Живописцѣ" легкія насмѣшки надъ полуфранцузскимъ языкомъ тогдашнихъ щеголихъ, то съ другой стороны въ немъ раскрываются и потрясающія злоупотребленія, господствующія въ разныхъ сферахъ общества; онъ представляетъ картины того варварства, которое такъ страшно выразилось въ типической личности Простаковой. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ „Отрывокъ изъ путешествія", гдѣ густота красокъ и смѣлость открытаго обличенія такъ поразительны, что издатель счелъ нужнымъ замѣтить, что въ то время, когда наши умы и сердца заражены были французскою націею, онъ не осмѣлился бы читателя „потчивать съ этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ (продолжаетъ онъ) Премудрость, сидящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣлахъ".

Въ такомъ духѣ писаны были статьи Новиковскихъ журналовъ. Разумѣется, обыкновенное, изъ жизни взятое, содержаніе требовало и языка разговорнаго, а не языка торжественныхъ одъ и напряженныхъ трагедій. Сатирическія изданія Новикова имѣли огромный успѣхъ: „Живописецъ" былъ перепечатываемъ восемь разъ. Успѣхъ его показалъ, что Новиковъ угадалъ потребности большинства и умѣлъ удовлетворить имъ. Тщеславія приписывать это своимъ личнымъ способностямъ у него не было. „Будучи о дарованіяхъ своихъ весьма умѣреннаго мнѣнія, писалъ онъ въ предисловіи къ 4-му изданію „Живописца", лучше соглашаюсь вѣрить тому, что сочиненіе сіе попало на вкусъ мѣщанъ нашихъ,

---

[1]) „Трутень" 1769 г., листъ VIII.

ибо у насъ тѣ только книги третьими и четвертыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ по незнанію ими иностранныхъ языковъ нравятся". Онъ замѣтилъ далѣе, что книги, не попавшія на вкусъ ихъ, лежатъ спокойно „въ хранилищахъ, вѣчною темницею для нихъ назначенныхъ". Онъ видѣлъ готовую для образованія и воспріимчивую почву; на нее онъ рѣшился дѣйствовать. Новый журналъ его „Утренній Свѣтъ" имѣетъ въ виду ту же цѣль, къ которой стремились и прежніе его ежемѣсячники; но здѣсь преобладаетъ мораль положительная, а не сатира. Переселившись въ Москву и взявши на откупъ университетскую типографію, Новиковъ положилъ основаніе компаніи, и здѣсь началась самая блестящая, самая благотворная пора его литературной дѣятельности. Онъ оживилъ книжную торговлю и далъ ей широкіе размѣры; „Московскимъ Вѣдомостямъ" далъ онъ новое движеніе и умѣлъ заинтересовать всѣхъ въ ихъ пользу. Каждый годъ выходило изъ его типографіи много книгъ, которыя онъ большею частью самъ давалъ переводить молодымъ людямъ. Здѣсь продолженіемъ „Утренняго Свѣта" явились: „Московское Ежемѣсячное Изданіе", „Вечерняя Заря", „Покоящійся Трудолюбецъ". Они состояли изъ статей, написанныхъ и переведенныхъ студентами Московскаго университета, издавались же и получали жизнь отъ Новикова. Молодое поколѣніе примкнуло къ благородному дѣятелю на поприщѣ образованія; Московскій университетъ видѣлъ, какъ его питомцы сосредоточивались около Новикова. Здѣсь были всѣ лучшіе представители нашей литературы и образованности въ Карамзинскую эпоху. Не одно такъ-называемое студенческое собраніе группировалось около Новикова; подъ его покровительствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ находились и другіе молодые люди, уже не принадлежавшіе университету: Муравьевъ, Карамзинъ, Петровъ. Имъ старался онъ передать свои мысли и планы, и конечно его вліяніе болѣе или менѣе отражалось на окружавшихъ. Новиковъ былъ масонъ; онъ усердно переписывался съ берлинскими теософами и всѣмъ сердцемъ предался мистицизму. Люди, которымъ онъ успѣлъ передать свои убѣжденія, переводили мистическія книги, которыя быстро распространялись въ народѣ. Профессоръ Московскаго университета Шварцъ читалъ на дому приватныя лекціи, которыя были пропитаны идеями мистицизма. Я приведу слова одного изъ слушателей Шварца—Лабзина, который впослѣдствіи издавалъ „Сіонскій Вѣстникъ". Сказавши, что въ выборѣ чтенія полезно было бы руководство старшаго опыта, онъ продолжаетъ о себѣ: „Издатель имѣлъ счастіе, бывъ еще 15 лѣтъ, предостереженъ быть отъ такихъ преткновеній благодѣяніемъ одного просвѣщеннаго мужа, который въ самое то время, *когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами*, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи мраки и — безъ всякаго инаго призыва, по сему единственному побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-

Метри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами, и показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ. Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ!.. Главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ—казалось тогда—весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію, которую до того, если кто и не презиралъ вовсе—по крайней мѣрѣ почиталъ книгою, для церквей только потребною, для поповъ однихъ годною, а если кто и читалъ, то развѣ историческую только ея часть для любопытства, или много что для примѣра въ поведеніи; впрочемъ никто къ чтенію Библіи не увѣщевался, и никто не предполагалъ, что Библія служитъ даже и къ просвѣщенію разума; напротивъ того, самые набожные люди имѣли тогда несчастную мысль, что отъ чтенія священной сей книги люди съ ума сходятъ. Въ малолѣтствѣ моемъ я разъ наказанъ былъ отъ матери моей изъ набожности за то, что читалъ Библію и перелагалъ въ стихи плачъ Іереміинъ [1]). Направленіе, которое далъ умамъ и сердцамъ сей благодѣтельный мужъ, открылось въ силѣ и дѣйствіи. Вдругъ явились любители, стали искать духовныхъ книгъ и, по малому тогда числу у насъ оныхъ, стали искать людей, которые бы взялись переводить ихъ съ иностранныхъ языковъ. Нашлись охотники трудиться, охотники жертвовать сему дѣлу своимъ имуществомъ" [2]).

Новиковъ былъ главнымъ двигателемъ этого дѣла, но повидимому Шварцъ увлекъ его къ мистицизму. Кружокъ, образовавшійся около Шварца и Новикова, занялся переводомъ книгъ преимущественно религіознаго содержанія; такъ создалась цѣлая переводная литература, которая нашла себѣ сочувствіе особенно низшаго класса народа. Къ этому времени относится переводъ Карамзина Галлеровой поэмы „О происхожденіи зла", переводъ Петрова повѣсти „Хризомандеръ", переводы книгъ: „Образъ житія Енохова или родъ и способъ хожденія съ Богомъ (сочиненіе Аглинскаго богослова Іосифа)", „Crata герoа" (Спб., 1779, и Москва, 1784) и наконецъ „Апологіи вольныхъ каменьщиковъ". Такъ огромная отрасль богословской литературы перенесена была къ намъ и привилась на нашей почвѣ. Двѣ причины могли особенно содѣйствовать ея распространенію въ низшемъ слоѣ народа: религіозное направленіе и мистицизмъ, его одѣвавшій, потому что народъ падокъ къ тому, что можетъ болѣе затронуть его мыслительную способность, нежели вполнѣ удовлетво-

---

[1]) Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1756 года мы нашли любопытное объявленіе. Университетскій книгопродавецъ, объявляя о продажѣ Библіи, прибавлялъ, что" „хотя она только знатнымъ людямъ отпускается, но и то довольно охотниковъ".

[2]) „Сіонскій Вѣстникъ" 1818 г., № 2, стр. 222—224.

рить различнаго рода вопросамъ: мистицизмъ же не любилъ являться въ наготѣ своей; для многихъ его порожденія должны были представлять неразрѣшимую загадку. Самыя обязательства ордена не позволяли ничего высказывать прямо о его тайнахъ. Въ одной изъ мистическихъ книгъ прямо сказано: „Мудрецы должны всегда употреблять болѣе труда и старанія скрыть мудрость въ своихъ сочиненіяхъ, нежели обнаружить ее. Ибо еслибъ они могли сдѣлать послѣднее, то одного маленькаго листочка довольно бы было на изъясненіе божественнаго искусства. Но по повелѣнію Высочайшаго Учителя, не иначе надлежитъ имъ писать, какъ только иносказательно, дабы не многіе токмо избранные Господомъ къ тому, чтобъ видѣть таинственныя чудеса Его, могли почерпать оттуда себѣ наставленіе“ [1]).

Кромѣ прямаго вліянія мистицизма, которое сказалось въ огромной переводной литературѣ, слѣды свои оставилъ онъ въ оригинальныхъ произведеніяхъ того времени. Державинъ, по самому направленію своей духовной поэзіи, испарившейся въ философскія умозрѣнія, былъ склоненъ къ мистицизму; на закатѣ своей жизни онъ невольно поддался ему, перенесъ его даже въ торжественную оду: „лироэпическій гимнъ“ есть прямое порожденіе мистицизма.

Новикову не удалось завершить своей дѣятельности: ложи, къ которымъ принадлежалъ онъ, привлекали подозрительное вниманіе правительства. Въ самомъ образѣ его дѣйствій было такъ много высокаго, такъ много непривычнаго къ обыденной жизни, что его легко можно было перетолковать въ дурную сторону; ибо высокое-то и легче всего втоптать въ грязь: его трудно понять, а не понять его — почти то же, что унизить. Тотъ же Лабзинъ говоритъ, что однажды при немъ вошелъ въ книжную лавку какой-то любитель чтенія и, не получивши романовъ („Маркизъ Глаголь“, „Клевеландъ“, „Желѣзная маска“), которыхъ требовалъ, отправился съ выговоромъ къ содержателю типографіи. Новиковъ извинился тѣмъ, что печатаютъ только то, что принесутъ переводчики; „но (прибавилъ онъ) за неимѣніемъ такихъ, какихъ вы желаете, прошу принять отъ меня какія есть“, — и отпустилъ его съ связкою духовныхъ книгъ. И это не единственный примѣръ. „И такъ, — заключаетъ Лабзинъ, — кромѣ издержекъ на плату переводчикамъ и на напечатаніе книгъ, надлежало еще дарить книгами и богатыхъ людей, чтобы пріучить ихъ къ чтенію оныхъ“ [2]).

Такъ дѣйствовалъ Новиковъ. Разумѣется, убѣжденіе, выражавшееся въ такихъ блестящихъ проявленіяхъ, должно было разливать теплую симпатію н авсѣхъ знавшихъ Новикова. И въ самомъ дѣлѣ, какая-то магическаясила какъ-будто невѣдомо охватывала всѣхъ окружавшихъ Новикова и понимавшихъ его стремленія. М. Н. Муравьевъ говоритъ въ своихъ

[1]) „Хризомандеръ“, стр. 265—266.

[2]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г., № 2, стр. 225 и 226.

запискахъ: „Когда низкія побужденія и подлыя мысли нарушатъ спокойствіе твоего разума, то вспомни тогда, что ты имѣешь счастіе d'approcher l'auteur de la Russiade, que Novikoff s'est plu à former ton coeur!.. Боже мой, дай, чтобъ всегда я памятовалъ все сіе, какъ Ты меня ущедрилъ“ [1]).

Но на то же дѣло можно было смотрѣть и съ другой стороны. Императрица съ безпокойствомъ смотрѣла на возрастающее вліяніе Новикова; французская революція подавила въ ней много терпимости и удвоила ея опасенія. Новиковъ былъ взятъ въ тайную канцелярію и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость Участники его дѣла, пораженные скорбною судьбою своего главы, не потеряли духа; они видѣли въ этомъ только испытаніе, ниспосланное Промысломъ. Тотъ же Лабзинъ говорилъ незадолго до кончины Новикова: „Извѣстно, что сіи люди, за дѣло сіе, потерпѣли не только хулы и порицаніе, но и самые тяжкіе кресты—печать, коею ознаменовываются истинно христіанскіе подвиги по обреченію Самого Господа (Іоан. XV, 19; Матө. X, 22). Но дѣло самое подъ крестами созрѣвало: вкусъ образовался, охотники до сего чтенія, охотники трудиться надъ переводомъ таковыхъ книгъ размножались“ [2]). Такимъ образомъ, хотя Новиковъ былъ оторванъ отъ своего дѣла, но оно продолжало жить и двигалось трудами его соучастниковъ; онъ какъ бы незримо попрежнему присутствовалъ между ними.

Я счелъ нужнымъ подробно коснуться этой любопытной, почти неизвѣстной стороны дѣятельности Новикова, потому что черезъ нее входила къ намъ цѣлая заимствованная литература, которая вліяла и на писателей, и на массу.

Среди такой-то смѣси и борьбы разнородныхъ началъ и направленій росъ Карамзинъ. Человѣкъ, стоявшій подъ вліяніемъ Новикова, онъ въ то же время поддавался и идеямъ Вольтера, Руссо, потому что они гармонировали съ его характеромъ: идеямъ Вольтера—потому, что и Карамзинъ былъ отчасти такимъ же легкимъ свѣтскимъ философомъ, какъ и фернейскій мудрецъ; сентиментальности Руссо—потому, что мягкость была въ природѣ Карамзина. Не надолго поддался онъ богословскому направленію, которое держалось въ немъ, пока живъ былъ Шварцъ. Мистицизму онъ также мало могъ сочувствовать; для этого нужна особенная серьезность мысли, пристрастіе къ отвлеченности, умозрѣніямъ, строгость и важное настроеніе мысли; Карамзинъ же былъ философомъ свѣтскимъ. Все служеніе его идеямъ Шварца ограничилось только переводомъ поэмы Галлера [3]). Вникнуть въ сущность мистицизма онъ не

---

1) Неизданныя записки Муравьева.

2) „Сіонскій Вѣстникъ“, тамъ же, стр. 227.

3) Авторъ статьи „Исторія русскихъ газетъ и журналовъ“ („Москов. Телеграфъ“ 1827 г., № 22, стр. 84) говоритъ, что Карамзинъ помѣстилъ нѣсколько переводныхъ статей въ журналѣ „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ“. П—ій въ поправкахъ къ этой статьѣ („Москов. Телегр.“ 1828 г., № 22, стр. 228) сдѣ-

имѣлъ охоты, можетъ быть, по природѣ своего характера. Въ 1820 году онъ писалъ Тургеневу: „Въ Твери видѣлъ я Феслера и говорилъ съ нимъ о метафизикѣ, мистикѣ, масонствѣ и пр. Онъ напомнилъ мнѣ старину. *Все слова и мало дѣла.* Слышно, что масонство въ модѣ: такъ ли? Думаю, что вы профанъ также, какъ и нашъ общій пріятель" [1]). Сильнѣе было на Карамзина вліяніе французской литературы. Вольтера онъ читалъ съ жаромъ и часто приводилъ изъ него цѣлыя тирады. Знаменитое стихотвореніе Карамзина „Опытная Соломонова мудрость или мысли выбранныя изъ Экклесіаста" есть просто переводъ Вольтерова „Précis de l'Ecclesiaste", даже сохраненъ размѣръ подлинника. Но, передавая передѣлку Вольтера, Карамзинъ отказывался отъ его посягновеній на чистоту и святость религіозныхъ истинъ. Переводя извѣстные стихи:

Quel homme a jamais su par sa propre lumière etc.
Угаснетъ ли душа съ разрушеннымъ покровомъ,
На небо ль воспаривъ, жить будетъ въ тѣлѣ новомъ,
Сей тайны изъ людей никто не разрѣшилъ, —

Карамзинъ дѣлаетъ оговорку: „Но сія тайна разрѣшена Откровеніемъ. Соломонъ при всей своей мудрости не былъ еще просвѣщенъ онымъ. Щастливымъ увѣреніемъ, что мы безсмертны и что всѣ добрые будутъ блаженствовать въ вѣчности, обязаны мы христіанству болѣе, нежели трактатамъ нашихъ философовъ" [2]). Чувствительность Карамзина наклоняла его болѣе къ успокоительному завѣту религіи, нежели къ разрушающему безвѣрію и скептицизму Вольтера, повергающему въ мучительное блужданіе неиспорченное сердце. Потому сентиментальность Руссо сломила въ Карамзинѣ идеи Вольтера; ей поддался онъ вполнѣ, съ увлеченіемъ. У насъ обыкновенно говорятъ о вліяніи „Дѣтскаго Чтенія", гдѣ Карамзинъ помѣщалъ свои переводы, на молодое поколѣніе; мы думаемъ, что еще болѣе оно имѣло вліянія на самого Карамзина. Здѣсь преимущественно помѣщались статьи Кампе, который распространилъ идеи Руссо во всей Германіи; переводя подобныя статьи, Карамзинъ нечувствительно поддавался вліянію Руссо, идеи котораго умирили жизнь общественную нѣмцевъ, внесли мягкость въ ея отношенія, и, по словамъ одного изъ нѣмецкихъ историковъ, „плеть и палка не могли уже играть болѣе той значительной роли, которую онѣ обыкновенно исполняли въ то время, когда съ помощью ихъ преслѣдовали въ дѣтяхъ грѣхъ прародителя" [3]). У Руссо сентиментальность была явле-

---

лалъ вопросъ, дѣйствительно ли это такъ, и въ выноскѣ прибавлено Полевымъ, что прежнее извѣстіе было „составлено со словъ одного почтеннаго современника Карамзина".

[1]) Неизданная переписка Тургенева.

[2]) „Аониды", часть II, стр. 182.

[3]) Schlosser's Geschichte des XVIII Jahrhunderts, II, p. 514—515.

ніемъ естественнымъ, прямо вытекала изъ его природы и воспитанія. Юность, тотъ возрастъ, котораго впечатлѣнія неизгладимо ложатся на характеръ человѣка, провелъ онъ въ Женевѣ, среди простоты гражданскаго устройства, среди всякаго отсутствія роскоши, въ сферѣ почти идиллической. Воспоминанія объ этой жизни соединились еще съ тѣми идеями, которыя онъ имѣлъ о человѣческомъ счастіи. Свое разсужденіе *О неравенствѣ между людьми* посвятилъ онъ женевскому магистрату и этимъ показалъ, какую силу имѣли на него юношескія воспоминанія. Прибавьте, что въ очарованный свѣтскій кругъ Парижа Руссо не попалъ по какимъ-то обстоятельствамъ, и такимъ образомъ не отъ чего было заглохнуть его воспоминаніямъ. У Карамзина сентиментальность не была маскою, не была извнѣ, хотя и добровольно наложенными на себя веригами; она точно также шла изъ его природы. Думать иначе о Карамзинѣ—значитъ не знать его характера. Въ 1793 году онъ писалъ къ Дмитріеву: „Повѣришь ли, что ужасныя происшествія Европы волнуютъ всю душу мою? Бѣгу въ густую мрачность лѣсовъ; но мысль о разрушаемыхъ городахъ и погибель людей вездѣ тѣснитъ мое сердце. Назови меня Донъ-Кихотомъ, но сей славный рыцарь не могъ любить Дульцинею свою такъ страстно, какъ я люблю человѣчество“ [1]).

Въ дружеской перепискѣ, которая не назначалась для публики, Карамзину не нужно было набрасывать на себя личину. Но въ первыхъ повѣстяхъ Карамзина видна сентиментальность преувеличенная; онъ впадаетъ въ крайность. Впослѣдствіи онъ самъ отказался отъ нея. На одномъ вечерѣ у архіепископа московскаго Августина Пинкертонъ, англійскій агентъ, замѣтилъ ему: „Ваше заключеніе, что обольститель Эрастъ и обольщенная Лиза, по смерти своей, примирились, показалось страннымъ и для критиковъ, и для всѣхъ благомыслящихъ людей; вы согласитесь, что оно противно даже ученію христіанскому, чтобы развратъ и самоубійство имѣли возможность примиренія въ вѣчности...“—„Согласенъ, согласенъ,—сказалъ съ живостью и примѣтнымъ замѣшательствомъ Карамзинъ:—это относится къ самой ранней моей молодости; теперь я этого не напишу; я бы желалъ, чтобы всѣ мои бездѣлки были забыты“ [2]).

Таково въ общихъ чертахъ вліяніе Руссо; но дословныхъ заимствованій у него мы не нашли у Карамзина. Прибавимъ, что стихотвореніе Карамзина „Осень“ напоминаетъ подобное же у Маттисона. За-то дословныя заимствованія встрѣчаемъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“. Приведемъ доказательства. Карамзинъ говоритъ: „Здѣшняя (Страсбургская) каѳедральная церковь есть величественное готическое зданіе, а башня ея почитается за самую высочайшую пирамиду въ Европѣ. Вошедши во внутренность сего огромнаго храма, въ которомъ никогда яснаго свѣта не бываетъ, нельзя не почувствовать благоговѣ-

[1]) Неизданная переписка Карамзина съ И. И. Дмитріевымъ.

[2]) „Литературный вечеръ“. М., 1844, стр. 11—12.

нія; но кто хочетъ питать въ себѣ это священное чувство, тотъ не смотри на барельефы карнизовъ и колоннъ, гдѣ вы увидите престранныя и смѣшныя аллегорическія фигуры, напр. ослы, обезьяны и другіе звѣри изображены въ монашеской одеждѣ разныхъ орденовъ; иные съ важностію идутъ въ процессіи, другіе прыгаютъ и пр. На одномъ барельефѣ представленъ монахъ съ монахинею въ самомъ непристойномъ положеніи" [1]).

„Jener religiose Tiffsinn, der sich in grossen gothischen Kirchen der Seele zu bemeistern pflegt, wird jedoch durch gewisse spöttische Basreliefs oder flache Schnitzwerke nicht wenig vermindert, womit die Pfeiler und Karniessen (des Münsters) ursprünglich verziert wurden. Hier sie die Laster der Mönche unter den allegorischen Bildern von Schweinen, Eseln, Affen und Fuchsen geschildert, die in Mönchs Gewändern die feierlichsten gottsdienstlichen Handlungen verachten. An der Kanzel ist ein Mönch in seinem Ordenskleide in einer höchstärgerlichen Lage mit einer neben ihm liegenden Nonne eingegraben" [2]).

Но, заимствуя изъ Моора, Карамзинъ впалъ въ заблужденіе. По свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей эти изображенія были уничтожены еще въ 1685 году; онъ, вѣроятно, также только слышалъ или читалъ объ этихъ изображеніяхъ; притомъ, съ другой стороны, изъ описанія ихъ, изданнаго въ 1608 году, извѣстно, что звѣри не были одѣты въ монашескую одежду. Судя по этимъ извѣстіямъ, можно *заподозрить* слова Карамзина.

Кромѣ того, онъ заимствовалъ нѣкоторыя мѣста изъ Морица, Кокса, Архенгольца. Но замѣчательно, что въ предисловіи къ своимъ письмамъ Карамзинъ говорилъ: „Онъ (Русскій путешественникъ) сказывалъ друзьямъ своимъ, что ему приключилось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тиши кабинета, а гдѣ какъ случилось, дорогою, на лоскуткахъ, карандашомъ" [3]). Эти слова можно только объяснить желаніемъ Карамзина завлечь публику, потому что во всякомъ случаѣ въ „Письмахъ русскаго путешественника" нельзя не замѣтить и слѣдовъ кабинетной работы. Но Карамзину нужна была легкость изложенія, ему нужно было оттолкнуть отъ себя ту пыль педантизма, которая могла испугать публику.

Разумѣется, упрочивая въ литературѣ сентиментальное направленіе, Карамзинъ не могъ въ то же время благосклонно смотрѣть на торжественную оду. Онъ въ самомъ дѣлѣ прямо и откровенно высказался

---

[1]) Сочиненія Карамзина. Изд. Смирдина, II.

[2]) Moore, Abriss des Lebens und der Sitten in Frankreich, der Schweiz und Deutschland, II. p. 193.

[3]) „Письма русскаго путешественника", изд. 2-е. При другихъ изданіяхъ этого предисловія нѣтъ.

противъ нея. Въ предисловіи къ „Аонидамъ" онъ говоритъ: „Поэзія состоитъ не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотворецъ пишетъ не о томъ, что подлинно занимаетъ его душу; если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, не свойственными ему идеями; если онъ описываетъ не тѣ предметы, которые къ нему близки, и собственною силою влекутъ къ себѣ его воображеніе; если онъ принуждаетъ себя или только подражаетъ другому (что все одно): то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины. Одинъ бомбастъ, одинъ громъ словъ только что оглушаетъ насъ и никогда до сердца не доходитъ; напротивъ того, нѣжная мысль, тонкая черта воображенія или чувства непосредственно дѣйствуютъ на душу читателя" [1]).

Такимъ образомъ, Карамзинъ иначе уже смотритъ на предшествующую литературу. *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ* весьма важенъ въ этомъ отношеніи, потому что показываетъ, какъ понималъ Карамзинъ прошедшее литературы, а вмѣстѣ, слѣдовательно, и настоящее, т.-е. свою дѣятельность. Каждый новый періодъ литературы такъ или иначе высказываетъ сознаніе своего значенія и значенія прошедшей жизни. Пушкинъ точно также оставилъ въ *Запискахъ* и въ статьѣ *О Ломоносовѣ* свое пониманіе историческихъ судебъ литературы; Гоголь въ статьѣ *О лиризмѣ нашихъ поэтовъ* выразилъ тоже сознаніе свое. Такого рода произведенія всегда важны для пониманія личности писателя и началъ, во имя которыхъ онъ дѣйствовалъ.

Но, изрекая такой приговоръ надутой поэзіи, неестественной, поставляя на мѣсто ея литературу легкую, блестящую, свѣтскую, Карамзинъ, разумѣется, не могъ одѣвать это направленіе схоластицизмомъ старыхъ формъ. Преобразованіе слога лежало уже въ преобразованіи характера самой литературы, зависѣло отъ него: „Вознамѣрясь выйти на сцену (говоритъ Карамзинъ), я не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и, отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ и замѣтить штиль его дикій, варварскій, вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ, сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ" [2]).

Понятно, что, *имѣя въ головѣ иностранныхъ авторовъ*, Карамзинъ сначала долженъ былъ много внести въ языкъ барбаризмовъ. Въ самомъ разговорѣ онъ, по свидѣтельству современниковъ, постоянно употреблялъ иностранныя слова. Карамзинъ самъ признавался, что до изданія „Московскаго Журнала" „много имъ бумаги перемарано". Временная

---

[1]) „Аониды", книжка 2-я, предисловіе.

[2]) „Вчера и сегодня", литературный сборникъ, 1845 г., I, стр. 58.

крайность—пристрастіе къ иностраннымъ словамъ—многихъ оскорбила. Разсужденіе Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ, проповѣдовавшее возвратъ къ старому слогу, многихъ увлекло за собою, но многихъ и не убѣдило. Карамзинъ самъ не вступалъ въ противорѣчія, но въ нападкахъ его страстнаго противника была своя доля правды. Защитникомъ Карамзинскихъ мнѣній явился Макаровъ, даровитый критикъ начала XIX вѣка. Впрочемъ, если въ пристрастіи къ иностраннымъ оборотамъ и можно отчасти упрекнуть первыя произведенія Карамзина, то зрѣлый возрастъ его дѣятельности свободенъ отъ этого нареканія. Занимаясь исторіею и памятниками русской старины, онъ глубоко проникалъ въ духъ народнаго языка; въ исторіи его найдете цѣлые обороты, внесенные въ современную рѣчь изъ памятниковъ. Ни одной мелочи въ языкѣ не хотѣлъ пропускать Карамзинъ. Разсказываютъ, что, „когда онъ дописывалъ девятый томъ своей исторіи, одинъ изъ друзей его (Д. Н. Блудовъ) нашелъ его въ глубокомъ раздумьѣ и спросилъ о причинѣ. „Я долго думалъ объ оборотѣ, сказалъ Карамзинъ, какъ должно написать: Царь Іоаннъ легъ на кровать, всталъ, спросилъ *шахматную доску*—или *шахматной доски?*"—„Какъ же вы написали?"—„Шахматную доску, отвѣчалъ Карамзинъ:—это было въ комнатѣ царя, и доска была одна извѣстная" [1]). Появленіе Исторіи Государства Россійскаго прекратило распри и недоумѣнія; вооружаться не было противъ чего. Направленіе Карамзина утвердилось.

Слѣды этого смягченія литературы не замедлили сказаться; прежде всего вліяніе его отразилось на томъ родѣ поэзіи, который особенно преданъ былъ мертвому схоластицизму французскихъ. классиковъ—на трагедіи. Сравните трагедіи Озерова, и вы увидите въ нихъ огромную разницу. Въ Озеровѣ уже начинаетъ исчезать та мертвенная декламація, изъ которой часто слагаются цѣлые монологи Сумарокова. Наши прежніе трагики обращались къ Корнелю, Расину, Вольтеру; авторитетъ этихъ именъ и тогда не потерялъ еще своей обаятельной силы. Но Озеровъ обратился уже къ Дюси, у котораго преобладаетъ болѣе сентиментальность. Именно эта-то сторона и гармонировала съ направленіемъ Карамзинскаго періода и съ личнымъ характеромъ Озерова. Въ „Эдипѣ" онъ подражалъ трагедіи Дюси „Oedipe à Colon" и „Oedipe chez Admète" и оперѣ Саккини „Эдипъ въ Колонѣ". Такъ, первое явленіе втораго акта есть просто переводъ Дюси. Не приводя доказательствъ, мы укажемъ на статью „Отечественныхъ Записокъ", гдѣ довольно подробно сличены Озеровъ и Дюси. Извѣстіе о заимствованіяхъ изъ Саккини въ „Эдипѣ" въ первый разъ появилось въ статьѣ Зотова „Біографія Озерова"; въ сожалѣнію, оно не подтверждено выписками [2]).

Озеровъ вполнѣ принадлежалъ французскому вліянію. Свое лите-

[1]) Гречъ, Чтенія о русскомъ языкѣ, I, стр. 139.

[2]) Репертуаръ и Пантеонъ, 1842, № 6, отд. II, стр. 5.

ратурное поприще онъ началъ произведеніями, которыя собственно мало принадлежатъ русской литературѣ. Къ числу ихъ относятся: „Vers sur la mort du Comte Anhalt dédiés à M.M. les Cadets“ [1]) и такъ названная въ изданіяхъ его сочиненій *героида Колардо:* Элоиза къ Абэляру [2]). Но трагедія Озерова не есть трагедія Сумарокова или Княжнина. Вліяніе Карамзина сказалось въ ней уже замѣтно. Чувство въ ней искреннѣе, свѣжѣе. Можетъ быть, тому содѣйствовали житейскія обстоятельства поэта, симпатии его сердца. „Есть преданіе,—говоритъ Гречъ [3]),— что Озеровъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ любилъ платоническою страстію одну прекрасную женщину; для нея писалъ французскіе стихи, даже игралъ во французскихъ трагедіяхъ. Она умерла, оставивъ въ душѣ его идеалъ совершенства, *а этотъ идеалъ служилъ ему образцомъ для изображенія женскихъ характеровъ*“. Уже Вяземскій замѣтилъ, что Димитрій Донской дѣйствуетъ у Озерова какъ средневѣковой рыцарь. По нашему мнѣнію, сентиментальность, привнесенная въ образъ Димитрія, объясняется единственно вліяніемъ того періода, въ который жилъ и писалъ Озеровъ. Въ романахъ, трагедіяхъ, стихотвореніяхъ того времени найдемъ тотъ же элементъ.

Здѣсь коснемся эпизодически дѣятельности Жуковскаго. Мы видѣли, что въ литературѣ нашей преобладало сначала риторическое направленіе. Здѣсь, въ одахъ того времени, не было живаго чувства или оно не всегда выражалось естественно. Дальнѣйшее развитіе нашей литературы принесло смягченіе, простоту. Герои трагедій Сумарокова, Княжнина, торжественная ода подражателей Ломоносова смѣнились героями трагедій Озерова, одою Державина, Карамзина. Но чувство у Карамзина не было естественно и выдержано; оно было преувеличено, и въ этомъ, можетъ быть, нужно видѣть дѣйствіе мягкой природы его. Но сентиментальныя куклы новаго направленія были больше похожи на людей, нежели символы идеальныхъ героевъ прежнихъ временъ. Жуковскій далъ полную свободу искреннему, задушевному чувству. Эклектизмъ, имѣющій законное мѣсто въ сферѣ мысли, по нашему мнѣнію такъ же законенъ и въ сферѣ чувства. Чувство, преобладающее въ поэтѣ, точно также беретъ свое вездѣ, гдѣ только находитъ, беретъ то, что сродно съ нимъ по самой своей сущности. Жуковскій, можно сказать, былъ эклектикомъ въ поэзіи. Онъ беретъ и у нѣмцевъ, и у французовъ, и у англичанъ. Это заимствованіе какъ бы невольное.

---

[1]) Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, 1840, № 100, и Карабанова „Основаніе русскаго театра“, Спб., стр. 69.

[2]) Въ изданіи сочиненій Озерова она названа *героидою Колярдо*; но намъ попалась нечаянно книга „Lettres et épitres amoureuses d'Héloise avec les réponses d'Abeilard“. Тамъ (стр. 141) напечатанъ подлинникъ стиховъ Озерова подъ заглавіемъ „Epitre d'Héloise à Abeilard, traduction libre de M. Pope, par M. Colardeau“.

[3]) „Чтенія о русскомъ языкѣ“, II, стр. 74.

Не обременяя себя выписками и указаніями, мы удовольствуемся только высказаннымъ замѣчаніемъ. Смерть Жуковскаго, какъ всякаго знаменитаго дѣятеля, уже вызвала превосходныя сочиненія о немъ. Вопросъ о его заимствованіяхъ или, лучше, подражательности его, не былъ обойденъ. Повторять же сказанное излишне.

Если справедливо предложенное выше мнѣніе о Жуковскомъ, то легко видѣть, какими тѣсными узами связанъ онъ съ Карамзинымъ. Онъ былъ только продолженіемъ и завершеніемъ его періода. Въ первыхъ произведеніяхъ своихъ („Марьина роща" и т. п.) онъ близко подходитъ къ Карамзину: это то же направленіе, тотъ же характеръ поэзіи. Только въ постепенномъ развитіи и только при участіи особенно одаренной природы могло направленіе Карамзина завершиться такимъ образомъ. Да не подумаютъ, что мы осмѣливаемся отрицать значеніе Жуковскаго или хотя сколько-нибудь уменьшить его. Всѣ тѣ нравственныя сокровища, которыми Жуковскій щедро надѣлилъ молодое поколѣніе, и которыя могли выработаться только въ его свѣтлой нравственной природѣ,—всѣ эти сокровища даютъ право сказать, что онъ очеловѣчилъ поэзію. Но поэтическое произведеніе не слагается изъ однихъ элементовъ чувства, какъ и человѣкъ движется не однимъ только сердцемъ. Потому проникновеніе нашей поэзіи чувствомъ истиннымъ и неподдѣльнымъ, данное Жуковскимъ, могло имѣть только временное господство. Это было основаніе, на которомъ могло и должно было возникнуть зданіе, но оно еще не возникало; это была почва, на которой должна была возрасти богатая жатва. И какъ земледѣлецъ, — продолжимъ послѣднее сравненіе,—питается плодомъ рукъ своихъ, не зная, какъ возрастетъ посѣянное имъ, какъ земледѣлецъ какъ бы становится въ зависимость отъ того, что безъ его *дальнѣйшаго* участія силою необходимаго и естественнаго развитія вызрѣваетъ изъ посѣяннаго имъ, такъ и Жуковскій сталъ потомъ замѣтно въ зависимость отъ того, что возросло изъ сѣмянъ, имъ брошенныхъ. Только послѣ Жуковскаго могли явиться Пушкинъ и Гоголь, но они же должны были воздѣйствовать на него. Жуковскій призналъ законность этого воздѣйствія и на картинѣ, подаренной имъ Пушкину, написалъ: „*Ученику отъ побѣжденнаго учителя*". Тѣ же слова онъ могъ бы примѣнить и къ Гоголю. Отсюда понятно, почему въ послѣднихъ произведеніяхъ поэта, дѣйствовавшаго цѣлые полвѣка, замѣтно измѣненіе въ тонѣ, отчего и для насъ произведенія эти *понятнѣе* и естественнѣе; хотя мы горячо сочувствуемъ первымъ произведеніямъ, но удовольствоваться однимъ чувствомъ нельзя.

Къ направленію Карамзинскому примкнулъ Гнѣдичъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ. Кажется, бѣдность рано вызвала его на литературную арену и вывела неприготовленнаго, невооруженнаго. Естественно было подчиниться господствовавшему тогда направленію, которое было отпрыскомъ Карамзинскихъ идей. Трагикъ Карамзинскаго періода обратился, видѣли мы, къ Дюси; то же вліяніе находимъ у Гнѣдича. Од-

нимъ изъ первыхъ его произведеній былъ переводъ „Абюфара, или Арабской семьи“. Онъ видѣлъ въ этой трагедіи „изображеніе чувствъ благородныхъ и высокихъ“. Романъ Гнѣдича „Донъ Коррадо де-Геррера“ съ сентиментальностью соединяетъ ужасы романовъ Радклифъ и вполнѣ служитъ представителемъ беллетристики того времени. Въ предисловіи къ нему Гнѣдичъ самъ признается въ заимствованіи. „Основаніе ея взялъ я изъ одной повѣсти, гдѣ сочинитель, желая сдѣлать Коррадо героемъ оной, знакомитъ его съ читателемъ такъ, какъ онъ знакомъ съ жителемъ луны, и выставляя дѣла его, показываетъ одну только тѣнь ихъ, сказавъ между прочимъ: что „донъ Коррадо былъ живою гробницею, пожирающею человѣчество“. Желая избѣжать этой *тѣни дѣлъ*, Гнѣдичъ преувеличилъ жестокость своего героя, впалъ въ неестественность. „Приступая къ сочиненію сей повѣсти,—продолжаетъ онъ,—я болѣе всего старался выставить страшную картину страшныхъ дѣлъ Коррада, окончивши которую я самъ трепеталъ въ душѣ моей“. Замѣчательно, что чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ откровеннѣе указываетъ писатель свои заимствованія и тѣмъ яснѣе высказываетъ свои убѣжденія. Такое явленіе понятно. Тѣмъ, на долю которыхъ выпадало созданіе русской литературы съ европейскимъ характеромъ, которыхъ призваніе состояло въ томъ, чтобы положить европейско-русской литературѣ основной камень, тѣмъ мало было нужды до оригинальности, самостоятельности: имъ приходилось только пересаживать на нашу почву явленія европейской литературы, проводя ихъ черезъ свой личный характеръ. Для русскихъ тогда подобныя произведенія должны были казаться новостью, и никто не станетъ отрицать въ нихъ ни историческаго, ни, часто, эстетическаго значенія. Съ теченіемъ времени зрѣло сѣмя, положенное въ новую почву прежними дѣлателями; съ теченіемъ времени сквозь весь этотъ слой чуждой литературы пробивались свои оригинальныя начала; подражательность никогда не ограничивается и не можетъ ограничиться однимъ повтореніемъ явленій чуждой жизни: это не въ природѣ вещей. Человѣкъ всегда и вездѣ сохраняетъ свою оригинальность, свой личный характеръ, и въ самомъ рабскомъ подчиненіи субъективные оттѣнки всегда ясны. Вмѣстѣ съ подражательностью шло въ ней рядомъ и свое развитіе, хотя въ меньшей степени, хотя полуподавленное. Разумѣется, болѣе чѣмъ въ полвѣка, при содѣйствіи сильныхъ адвокатовъ, русская мысль, по крайней мѣрѣ сознаніе о необходимости ея должно было укрѣпляться. Теперь хотѣли не просто литературы какъ литературы, но хотѣли русской литературы. Писателю нужно было указывать, что̀ бралъ онъ у другихъ, что̀ было своего въ его произведеніяхъ, потому что требованія были строже, разборчивѣе; съ другой стороны, скрыть заимствованія было труднѣе. Этимъ объясняется то, что писатели ближайшаго къ намъ періода откровеннѣе указываютъ на свои заимствованія, потому что за ними всетаки остается свое направленіе, потому что самыя заимствованія эти теряютъ уже ха-

рактеръ литературныхъ похищеній и получаютъ смыслъ подчиненія извѣстной доктринѣ, извѣстному направленію. Передѣлка „Леара“ Дюси, изданная Гнѣдичемъ въ 1808 году, носитъ на себѣ слѣды того же вліянія Карамзинской сентиментальности. Лиру онъ „оставилъ здравый разсудокъ, чтобы не въ мечтахъ безпрерывнаго изступленія, но истинно ощутя всю горесть отца, гонимаго неблагодарными дѣтьми, и восторгъ радости о нечаянномъ возвращеніи нѣжной и добродѣтельной дочери, возмогъ онъ сообщить ихъ сердцамъ зрителей“. Это измѣненіе дало Гнѣдичу поводъ къ нѣсколькимъ сентиментальнымъ, водянистымъ сценамъ. Такъ вліяніе Карамзинскаго періода лежало крѣпко на первыхъ трудахъ переводчика Иліады. Онъ прямо говоритъ, что „трагедіи Дюсисовой онъ болѣе, но *свободно подражалъ*“. Вотъ новый шагъ впередъ. Если Сумароковъ, Княжнинъ составляли свои трагедіи изъ урывковъ французскихъ, безъ разбора, то здѣсь уже начинается *сознательная свобода подражанія*, которая, въ свою очередь, есть переходъ къ самобытной мысли. Можно указать еще одну параллельную черту между передѣлкою Гнѣдича и Озеровымъ. Послѣдній представилъ Донскаго какимъ-то средневѣковымъ романическимъ рыцаремъ, который съ самоотверженіемъ отказывается отъ любви. Въ слѣдующихъ словахъ Гнѣдича лежитъ тотъ же смыслъ: „Заимствовавъ изъ Шекспира нѣкоторыя положенія и передѣлавъ развязку трагедіи, я не почелъ нужнымъ увѣнчать любовную страсть Эдгарда къ Корделіи, которою Дюсисъ, по мнѣнію моему, унизилъ благородныя чувства и великодушный подвигъ сего рыцаря“ [1]).

Въ первыхъ стихотвореніяхъ Гнѣдича нельзя не замѣтить того же вліянія: живаго собственнаго чувства здѣсь не видишь: это или подражанія, или переводы. Такъ, напр., его стихотвореніе „Общежитіе“ [2]) заимствовано изъ Томаса. Его знаменитое произведеніе „Перуанецъ къ испанцу“ также принадлежитъ къ числу заимствованныхъ. Г. Снегиревъ въ своемъ изданіи „Словаря свѣтскихъ писателей“ митрополита Евгенія упоминаетъ о „первыхъ опытахъ стихотвореній и прозаическихъ сочиненій Гнѣдича“: „Плоды уединенія“ (1802); но 1) заглавія этой книги нѣтъ ни въ одномъ каталогѣ; 2) Гнѣдичъ былъ тогда еще очень молодъ и едва ли могъ издать цѣлый сборникъ сочиненій своихъ. Кажется г. Снегиревъ введенъ былъ въ заблужденіе одною неизвѣстной брошюрой: „Труды уединенія“, В. К. № 1. Здѣсь на первой страницѣ находимъ „Письмо американца къ европейцу“, въ которомъ много общаго съ упомянутою пьесою Гнѣдича: можетъ быть, и тотъ и другой черпали изъ одного источника, или Гнѣдичъ заимствовалъ содержаніе у В. К. Въ посланіи къ П. А. Плетневу есть мѣсто („Гордись, пѣвецъ! высокъ пѣвцовъ удѣлъ“), которое заимствовано изъ 40—58 стих. XV идилліи Өеокрита.

---

[1]) „Леаръ, трагедія, взятая изъ твореній г. Шекспира“, 1808 г., предисловіе, стр. I—II.

[2]) „Сѣверный Вѣстникъ“ 1804 г., часть II, № 6.

Съ приближеніемъ Пушкинскаго періода мѣняется характеръ литературной дѣятельности Гнѣдича. Уже Жуковскій своимъ болѣе мягкимъ человѣчественнымъ направленіемъ многое преобразовалъ въ поэзіи русской и многихъ обратилъ на другую дорогу. Позднѣйшія стихотворенія Гнѣдича относятся уже къ школѣ романтизма. Но, конечно, не въ нихъ его главная заслуга. Съ именемъ его мы привыкли соединять мысль о переводѣ Иліады, а этотъ трудъ можно въ самомъ дѣлѣ считать центромъ, около котораго группируются болѣе или менѣе всѣ произведенія Гнѣдича. Сначала онъ думалъ кончить переводъ, начатый Костровымъ, т.-е. въ шестистопномъ ямбѣ; но совѣты людей образованныхъ склонили его къ гекзаметру. Размѣръ, выбранный Гнѣдичемъ, возбудилъ сильные толки pro и contra. Журналы были наполнены статьями объ этомъ предметѣ. Дѣльныя возраженія относительно отсутствія количества въ русскихъ стихахъ были остроумно опровергнуты Гнѣдичемъ. Въ статьѣ своей о стихосложеніи, направленной противъ Востокова, Гнѣдичъ не соглашается съ тѣмъ мнѣніемъ, будто у грековъ однѣ гласныя были долги, другія—коротки, и признаетъ зависимость количества отъ ударенія. Надобно замѣтить, что эти блестящія, тогда еще новыя мысли для русской литературы заимствованы у Фосса („Zeitmessung der deutschen Sprache") и Апеля („Metrik"). Противъ мнѣнія Гнѣдича выставилъ страшный парадоксъ Капнистъ, но тогда же онъ былъ уличенъ графомъ Уваровымъ въ заимствованіи изъ Малле: „Encyclopédie par ordre des matières". Разумѣется, подобная статья на могла поколебать рѣшимости Гнѣдича. Въ 1830 году явился его переводъ Иліады. Многія мысли, развитыя въ предисловіи, заимствованы изъ Шлегеля [1]). Взглядъ его на Иліаду отзывается нѣсколько тѣми старыми преданіями французской школы, которымъ Гнѣдичъ предавался въ юности и которыми онъ отчасти обязанъ лекціямъ Мерзлякова. Гнѣдичевъ переводъ Иліады не оказалъ большаго вліянія на массу. Громадный трудъ, на который потрачено было столько времени и силъ, носилъ на себѣ

---

[1]) Приведу одинъ примѣръ. Гнѣдичъ говоритъ: „Надобно переселиться въ вѣкъ Гомера, жить съ героями, царями, пастырями, чтобъ хорошо понимать ихъ. Тогда Ахиллесъ, который на лирѣ воспѣваетъ героевъ и самъ жаритъ барановъ и т. д., не покажется намъ лицемъ фантазическимъ, воображеніемъ преувеличеннымъ, но дѣйствительнымъ сыномъ, совершеннымъ представителемъ великихъ вѣковъ героическихъ, когда воля и сила человѣчества развивались со всею свободою, когда добродѣтели и пороки были исполинскіе, когда силою, мужествомъ, дѣятельностію и вдохновеніемъ человѣкъ возвышался до боговъ". У Шлегеля читаемъ: „Aber auch sonst durfte Klytämnestra nicht als ein schwaches verführtes Weib geschildert werden, sondern mit Zügen jenes Heldenalters, das an blutigen Katastrophen so reich ist, wo alle Leidenschaften gewaltsam waren, und die Menschen im Guten und Bösen über das gewöhnliche Mass der spätern kleiner gewordenen Geschlechter hinausgingen". „Ueber drammatische Kunst und Litteratur", I, p. 146.

слѣды тяжелой работы, мелочной отдѣлки. Читая его, вы, пожалуй, не найдете невѣрно понятаго мѣста, даже погрѣшностей противъ языка, но мучительная отдѣлка, монотонная правильность стиха часто отталкиваютъ нетерпѣливаго читателя. Неудивительно, что этотъ особнякомъ стоящій въ русской литературѣ трудъ остался достояніемъ немногихъ, предметомъ удивленія и благодарности людей образованныхъ, предметомъ брани и упрековъ со стороны невѣждъ. Но какъ бы то ни было, большинство онъ не привлекъ къ знакомству съ жизнью эллинскою, потому что серьезнаго, напряженнаго чтенія оно не знаетъ. Ему доступнѣе летучія, блестящія произведенія, въ которыхъ эллинскій духъ какъ бы поражаетъ скорѣе ихъ зрѣніе, хотя и не такъ глубоко.

Въ одно время съ Гнѣдичемъ Батюшковъ печаталъ свои переводы элегій Тибулла и переводы мелкихъ произведеній греческихъ лириковъ. Въ то время, какъ Жуковскій уносилъ въ мечтательность, въ фантастическую область неземныхъ видѣній, Батюшковъ привязался къ жизни земной, въ ней искалъ изящества, идеала. Разумѣется, такимъ идеаломъ могла быть только чувственная, тѣлесная красота, которую такъ хорошо понималъ грекъ. Онъ не гоняется за мечтами, не живетъ воспоминаніемъ: онъ хочетъ только наслажденія земными благами. Потому онъ обращается къ тѣмъ поэтамъ, которые были адвокатами чувственности: къ Тибуллу изъ древнихъ, къ Парни изъ новыхъ, къ тому Парни, который бросился со всѣмъ жаромъ въ сенсуализмъ XVIII вѣка, сенсуализмъ, легшій въ основаніе системъ Кондильяка и Сенъ-Ламберта. Батюшковъ не противорѣчилъ Жуковскому; онъ только умѣрялъ его порывы въ какую-то невѣдомую область. Отсюда понятно, почему онъ съ такимъ сочувствіемъ обращался къ поэтамъ итальянскимъ и даже къ Лафонтену, который перевелъ нѣсколько произведеній Петрарки. Изъ Лафонтена Батюшковъ заимствовалъ „Сонъ Могольца". Въ превосходной пьесѣ его „Мои пенаты" отдѣльные стихи напоминаютъ то латинскихъ поэтовъ, то Лафонтена, то Парни: это profession de foi Батюшкова [1]). Грусть, которая иногда проявляется въ поэзіи Батюшкова, не его, такъ сказать; притомъ она не безотчетна и часто есть только плодъ воспоминаній о прежнихъ дняхъ. Напримѣръ, его „Элегія на развалинахъ замка въ Швеціи" заимствована изъ Маттисоновой. „Elegie. In den Ruinen eines alten Bergschlosses geschrieben". Но у Маттисона замокъ не названъ, нѣтъ многихъ подробностей, которыя вставлены Батюшковымъ; у Маттисона произведеніе субъективнѣе, Батюшковъ вставляетъ цѣлую картину возвращенія побѣдителя; онъ не любилъ только простаго изліянія чувства. Въ самыхъ заимствованіяхъ его сказывается его личность, его направленіе. „Судьба Одиссея", гдѣ также выражена какая-то иронія судьбы надъ человѣкомъ, заимствована Батюшковымъ у Шиллера, но опять нѣсколько измѣнена, сообразно съ настроеніемъ Ба-

1) „Revue encyclopédique", tom. X, p. 361.

тюшкова [1]); „Пѣснь Гаральда Смѣлаго“ заимствована изъ французскаго стихотворенія, которое еще прежде было переведено Богдановичемъ. Изъ прозаическихъ статей Батюшкова, которыя имѣютъ болѣе значенія по слогу, въ „Отрывкѣ изъ письма русскаго офицера о Финляндіи“ есть заимствованія изъ книги Ласепеда „Ages de la nature“ [2]). Ласепедъ говоритъ вообще о природѣ сѣверныхъ странъ, Батюшковъ примѣнилъ его картины къ Финляндіи. Наконецъ, въ извѣстной статьѣ Батюшкова „Вечеръ у Кантемира“ есть заимствованіе изъ „Духа законовъ“ Монтескьё [3]) Это очень понятно. Выводя въ числѣ разговаривающихъ лицъ Монтескьё, Батюшковъ легко могъ напасть на мысль—вложить въ уста ему собственныя его идеи и тѣмъ какъ бы сохранить историческую истину. Но нельзя не удивляться такому искусству, съ какимъ онъ воспользовался идеями Монтескьё и вставилъ ихъ въ свой разговоръ.

Жуковскій, Гнѣдичъ, Батюшковъ болѣе переносили на русскую почву идеи чуждыя, нежели создавали свое. Всѣ они, правда, стремились къ тому, чтобы дать образцы различныхъ родовъ поэзіи въ русскомъ духѣ; такъ, Жуковскій началъ русскую балладу, Гнѣдичъ русскую идиллію. Насколько удачны были эти попытки, насколько достигали онѣ своей цѣли—это другой вопросъ; важно то, что было наконецъ произнесено слово о необходимости народнаго элемента. Для литературы наступалъ новый періодъ. Съ 1806 года начали появляться въ журналахъ басни Крылова, въ 1809 изданы онѣ были въ первый разъ. Здѣсь впервые упрочивалось значеніе народнаго элемента въ литературѣ. Говорить о заимствованіяхъ Крылова было бы странно. Во всемъ онъ былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ „отъ головы до пятокъ“; басни Лафонтена подъ его перомъ дѣлались достояніемъ всего народа.

Здѣсь собственно должны мы остановить свои замѣчанія о заимствованіяхъ, но для полноты выводовъ надобно сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ періодѣ литературы.

Тѣ направленія, которыя въ отдѣльности проявлялись въ Жуков-

---

1) „Odysseus“ (Schiller's Werke, 1835, I, p. 415).

2) Статья эта такъ извѣстна, что сличенія здѣсь излишни.

3) „Холодный воздухъ сжимаетъ желѣзо; какъ же не дѣйствовать ему на человѣка? онъ сжимаетъ его фибры; онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ. Она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость, крѣпкую надежду на себя; она есть тайная пружина многихъ прекрасныхъ свойствъ характера... Теплота, напротивъ того, расширяя тончайшую плену кожи, раскрываетъ оконечности нервовъ и сообщаетъ имъ чудесную раздражительность“. „L'air froid resserre les extremités des fibres extérieures de notre corps; cela augmente leur ressort et favorise le retour du sang des extremités vers le coeur; il diminue la longueur de ces mêmes fibres; il augmente donc par là leur force. L'air chaud au contraire relache les extremités des fibres et les alonge; il diminue donc leur force et leur ressort“. („De l'esprit des lois“, II, p. 161. Ср. 163—165).

скомъ, Гнѣдичѣ, Батюшковѣ, Крыловѣ, слились въ личности Пушкина; онъ былъ какъ бы заключительнымъ явленіемъ всего предшествующаго развитія литературы, явленіемъ, совмѣстившимъ его результаты. Онъ заплатилъ дань и старымъ поэтамъ нашимъ въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ; напр., въ „Русланѣ и Людмилѣ" описаніе сада напоминаетъ картины, находящіяся въ „Душенькѣ". Но та же самая поэма была окончательнымъ отчужденіемъ отъ французскаго классицизма. Извѣстно его заимствованіе у Парни (Прозерпина изъ „Déguisements de Vénus"). Изъ-подъ вліянія классицизма Пушкинъ перешелъ подъ вліяніе Байрона и наконецъ явился вполнѣ самостоятельнымъ, національнымъ поэтомъ. Народность имъ упрочена въ литературѣ. Но, касаясь этого предмета, нельзя не упомянуть объ одной ловкой мистификаціи, которой подвергся Пушкинъ. Въ 1835 году напечатаны были его „Пѣсни западныхъ славянъ", которыя считались долго народными произведеніями. Впослѣдствіи оказалось, что эти пѣсни были сочинены извѣстнымъ Меримэ; Пушкинъ самъ обнародовалъ это извѣстіе.

Съ измѣненіемъ направленія литературы, съ дальнѣйшимъ ходомъ ея исторіи измѣняется и характеръ заимствованій. Стоитъ только бросить взглядъ на произведенія послѣдняго геніальнаго человѣка, которымъ живетъ, движется и существуетъ русская литература, чтобы видѣть, какой степени развитія достигла русская литература. Я говорю о Гоголѣ. Его первое произведеніе относится къ 1827 году, и какъ ни слаба эта первая попытка, но она даетъ видѣть, что будущій авторъ „Мертвыхъ Душъ" стоялъ подъ вліяніемъ великаго поэта Гёте. Въ эпилогѣ ясно высказывается симпатія къ германской поэзіи и къ ея великому представителю. Прочтемъ заключительные стихи.

Веду съ невольнымъ умиленьемъ
    Я пѣсню тихую мою,
И съ неразгаданнымъ волненьемъ
    Свою Германію пою.
Страна *высокихъ* помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна!
Тебя объявъ, какъ нѣкій Геній,
Великій Гётте бережетъ
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ!

Собственная совѣсть поэта осудила на сожженіе первое произведеніе. И тѣ дальнѣйшія созданія, которыми упрочена слава Гоголя, не похожи на этотъ дѣтскій лепетъ. „Вечера на хуторѣ близь Диканьки", „Миргородъ" уже совершенно непохожи на то, что представляла первая идиллія Гоголя. Въ „Тарасѣ Бульбѣ" нельзя не видѣть — помимо всѣхъ другихъ поэтическихъ достоинствъ—высокой исторической вѣр-

ности, глубокаго пониманія эпохи и духа народнаго. Гоголь говоритъ въ статьѣ о малорусскихъ пѣсняхъ: „Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью—ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи все: поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи". Можно a priori предположить, что Гоголь, который такъ хорошо зналъ свой народъ и его исторію, сжился съ поэзіею его, которой приписываетъ онъ такое высокое откровеніе. И въ самомъ дѣлѣ, вліяніе народныхъ пѣсенъ, взятыхъ прямо „изъ теплыхъ устъ народа", явно въ его созданіяхъ. Напр., въ „Тарасѣ" есть лирическое мѣсто, которое состоитъ изъ простаго переложенія народной пѣсни, изъ возведенія ея въ высшую сферу свободнаго искусства. „Какъ орлы, озирали они вокругъ себя очами все поле и чернѣющую вдали судьбу свою. Будетъ, будетъ все поле съ облогами и дорогами покрыто ихъ бѣлыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою ихъ кровью, и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями, далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и опущенными книзу усами; будутъ орлы, налетѣвъ, выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широкомъ и вольно разметавшемся смертномъ ночлегѣ! Не погибнетъ ни одно великодушное дѣло, и не пропадетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, казацкая слава. Будетъ, будетъ бандуристъ съ сѣдою по грудь бородою, а, можетъ быть, полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скажетъ онъ про нихъ свое густое, могучее слово. И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о нихъ". Вотъ то же мѣсто по малорусскимъ пѣснямъ: „А что какъ наши головы казацкія по степи-полю полягутъ, да и еще и родною кровью обмоются, пощепанными саблями покроются?.... Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та казацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала,—что по всему свѣту степью разлеглась, протянулась, да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась?.....

Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсами скачучи,
Закуркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы—
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ казакахъ!....

Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду потопило: что не видно чубатыхъ ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по ляшскимъ полямъ?... Закрячетъ воронъ, загруетъ, зашумитъ и полетитъ въ чужую землю.... Анъ нѣтъ? кости ле-

жатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ" (Максим., стр. 33).

Разсказъ о томъ, какъ Тарасъ потерялъ свою люльку и возвратился искать ее, напоминаетъ мотивъ одной пѣсни, напечатанной въ малороссійской грамматикѣ Павловскаго (1816). Баллада, находящаяся въ „Страшной мести", есть также переложеніе въ прозу одной народной пѣсни, которая и теперь слышится изрѣдка въ Малороссіи [1]). Но подобныхъ усвоеній и переложеній нельзя назвать заимствованіями. Здѣсь заимствованіе входитъ совершенно въ душу человѣка, превращается въ его плоть и кровь; поэтъ становится полнымъ выразителемъ народныхъ идей, какъ бы народомъ образуется. Это, можно сказать, новѣйшій народный эпосъ въ духѣ древняго. Когда Шекспира упрекали въ подобнаго рода заимствованіяхъ, онъ, говорятъ, отвѣчалъ: „Ну что жъ! Я только вывожу молодую дѣвушку изъ дурнаго общества и ввожу ее въ хорошее". Эти слова можно вполнѣ приложить къ заимствованіямъ Гоголя, если это только можно назвать заимствованіемъ. Такъ историческій ходъ литературы приводитъ къ тому многознаменательному факту, что великій поэтъ современной русской литературы обращается уже не къ иностраннымъ исключительно образцамъ, но къ животворной стихіи народной. Этотъ фактъ можетъ отчасти содѣйствовать рѣшенію вопроса объ отношеніи древняго періода нашей словесности къ новому. Если прозорливое око поэта нашло источникъ живаго вдохновенія въ поэзіи народной, если вообще народность въ послѣднее время получила и въ жизни, и въ наукѣ такое огромное значеніе, то въ исторіи до-Петровскаго періода нашей литературы мы преимущественно, почти исключительно должны обращать вниманіе на народную поэзію и искать развалинъ ея всюду: въ лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ, сборникахъ и т. п. Одинъ изъ уважаемыхъ историковъ нѣмецкой литературы говоритъ, что она можетъ указать на явленіе, которое не повторяется ни въ одной литературѣ; она два раза достигла до высшей степени процвѣтанія, два раза сіяла она въ блескѣ свѣтлой, свѣжей, могучей юности,—однимъ словомъ, она имѣла два классическіе періода, а не одинъ, какъ всѣ прочія литературы. Первую эпоху процвѣтанія видитъ онъ въ появленіи эпическихъ произведеній (Нибелунговъ, Гудруны), вторую составляетъ время Шиллера и Гёте [2]). Но надобно строго отличать литературу народную отъ искусственной; тогда всякая исторія литературы представитъ два періода: древнѣйшій, или періодъ по преимуществу народной безыскусственной поэзіи, и позднѣйшій, или періодъ литературы искусственной. Собственно границею между ними служитъ явленіе письменности. Такимъ образомъ каждый періодъ, и древнѣйшій, и новѣйшій, можетъ имѣть свою классическую эпоху. И кто же запретитъ

[1]) Свидѣтельство М. С. Щепкина.

[2]) Wilmar, Geschichte der deutschen Nationalliteratur, I, 2—4.

намъ сказать, что и исторія литературы русской представляетъ также двѣ классическія эпохи: одну составляютъ богатыя народныя пѣсни, другую новѣйшая литература наша. Связь между народною и искусственною литературой (а слѣд., и между исторіею той и другой) несомнѣнна. Но замѣчательно, что съ теченіемъ времени обѣ эти отрасли стремятся къ соединенію и соприкосновенію: литература народная, пѣсни, сказки и т. п. съ распространеніемъ въ народѣ образованія и съ упадкомъ древнихъ преданій болѣе и болѣе впадаютъ въ искусственность и стараются поддѣлаться подъ ея тонъ; съ другой стороны, искусственная литература обращается къ неиспорченнымъ народнымъ стихіямъ, ищетъ проникнуться ихъ духомъ. Такимъ образомъ, чтобы понять исторію настоящей литературы, нужно изслѣдовать значеніе литературы народной, которая въ древнемъ періодѣ является въ особенной чистотѣ. Этимъ думаемъ мы пояснить выше предложенную мысль о древнемъ періодѣ нашей литературы.

Но какое же заключеніе выведемъ мы изъ всего этого сухаго перечня заимствованій нашихъ писателей? Что̀ даетъ намъ эта утомительная перекличка старыхъ литераторовъ? Мы видимъ, что наша старая литература очень мало носитъ въ себѣ оригинальнаго, что она болѣе эхо литературы французской, а не свободное порожденіе народнаго нашего духа. Мы указали и причину этого явленія — позднее сближеніе съ европейской жизнью и цивилизаціей. Но какое же положеніе выведемъ мы для самой науки исторіи литературы? Шлегель говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Нѣкоторыя, на первый взглядъ блестящія явленія въ области изящныхъ искусствъ, даже тѣ, совокупность которыхъ честятъ именемъ золотаго вѣка, похожи на сады, которые любятъ устраивать дѣти: сгорая отъ нетерпѣнія скорѣе увидать произведенія рукъ своихъ, срываютъ они тамъ и сямъ вѣтки и цвѣты и безъ дальнихъ околичностей сажаютъ ихъ въ землю; сначала все имѣетъ прекрасный видъ; молодой садовникъ гордо проходитъ между красивыхъ грядъ (Beeten), пока вскорѣ все не получаетъ жалкаго конца: растенія, лишенныя корня, свѣшиваютъ поблекшіе листья свои и цвѣты, и остаются только изсохшія вѣтви, тогда какъ темный лѣсъ, котораго никогда не касался искусственный уходъ, стоитъ непоколебимо, наполняя священнымъ ужасомъ одинокаго наблюдателя“ [1]). Эти слова можно приложить къ начальной порѣ новой литературы нашей. Въ самомъ дѣлѣ, сколько внѣшняго блеска, и какъ мало внутренней прочности! Тотъ, кто знакомъ съ красотами литературъ иностранныхъ, мало найдетъ въ нашей литературѣ до Жуковскаго. Но не вполнѣ можемъ мы отнести сравненіе Шлегеля къ нашей литературѣ. Какъ бы ни была сильна въ ней подражательность, но въ ней есть свое; потому что въ самомъ рабскомъ подражаніи не стирается индивидуальность. Придемъ ли мы

1) „Vorlesungen über dram. Kunst“, I, p. 7.

теперь къ положенію, которое было когда-то выставлено: у насъ нѣтъ литературы, достойной имѣть свою исторію? Мы, конечно, не рѣшимся предать забвенію дѣла геніальныхъ писателей, которые пользовались такимъ глубокимъ уваженіемъ отцовъ нашихъ. Наша литература молода, но она есть, и уничтожить ее невозможно. Оригинальная сторона ея не легко поддается наблюденію, но сатирическое направленіе получило у насъ съ самыхъ первыхъ годовъ новаго періода прочное распространеніе. Повторимъ, что наша старая литература, повидимому мало вознаграждающая за трудъ безотносительными своими красотами, наша литература достойна прилежнаго всесторонняго изученія. Только вполнѣ ее понявши, мы можемъ проникнуть въ значеніе настоящей литературной эпохи и сознать ея будущія нужды, будущіе вопросы, потому что,— заключу тѣми словами, которыми Карамзинъ началъ свою записку о древней и новой Россіи, — „настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго; чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее: одно другимъ, такъ сказать, дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе“.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ [1]).

Историческіе очерки средневѣковой драмы. Начальный періодъ. Изслѣдованіе Петра Полеваго, писанное для полученія степени доктора русской словесности. С.-Петербургъ. 1865.

Интересъ къ историко-литературнымъ вопросамъ такъ мало развитъ въ нашей читающей публикѣ, такъ слабо выражается въ современной русской литературѣ и журналистикѣ, что книга г. Петра Полеваго можетъ пройти въ настоящее время совершенно незамѣченною, несмотря на то, что она отличается рѣзкими, бросающимися въ глаза читателю особенностями. Передъ нами „изслѣдованіе" русскаго ученаго объ одномъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи западно-европейской словесности. Авторъ даетъ своимъ читателямъ трудъ, котораго не имѣетъ пока, по его осторожно выраженному мнѣнію, ни одна европейская литература, потому что г. Полевой, по собственному признанію, „рѣшился представить, на основаніи знакомства *со всѣмъ кругомъ и древнѣйшихъ, и позднѣйшихъ памятниковъ средневѣковой драмы*, рядъ историческихъ очерковъ, въ которыхъ предполагалъ *выяснить* и основать *на положительныхъ данныхъ* то, что *до сихъ поръ высказывалось* большею частію *только гадательно*" (предисловіе, стр. I-я). Умная и дѣльная компиляція многочисленныхъ монографій, посвященныхъ иностранными учеными исторіи средневѣковой драмы, принесла бы немало пользы нашей литературѣ, столь бѣдной не только самостоятельными трудами, но и переводами по исторіи европейской словесности. Но г. Петръ Полевой не хотѣлъ ограничиться скромною ролью простаго компилятора; онъ хотѣлъ внести свой вкладъ въ область европейской науки, работая самостоятельно, по источникамъ. „Руководясь при опредѣленіи времени памятниковъ *тѣми данными, которыя представляютъ самыя рукописи памятниковъ*, я не упускалъ изъ виду и ихъ содержанія, и это иногда заставляло меня *совершенно отвергать даже издавна установившіяся мнѣнія о мнимой древности нѣкоторыхъ образцовъ* средневѣковой драмы.

---

[1]) [Напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1866 г., № 1, стр. 409—424].

Такъ, напримѣръ, *на этомъ основаніи*, я вовсе не упомянулъ при разборѣ памятниковъ XII-го вѣка о нѣмецкой пасхальной мистеріи „De adventu et interitu Antichristi“ и о бретонской „Buhez Santez Nonn“ (Житіе св. Нонны), которыя *до сихъ поръ всѣми изслѣдователями* причислялись къ памятникамъ XII-го вѣка, а *по моему мнѣнію*, не могли появиться ранѣе конца XIV-го и начала XV-го вѣка“ (предисловіе, стр. II-я). Историческимъ очеркамъ своимъ г. Петръ Полевой предпосылаетъ въ предисловіи бѣглый обзоръ трудовъ своихъ европейскихъ предшественниковъ, въ которомъ русскій читатель могъ бы только пожелать найти менѣе рѣзкое указаніе недостатковъ, обнаруживаемыхъ г. Полевымъ въ тѣхъ ученыхъ трудахъ и изданіяхъ европейскихъ ученыхъ, которые часто должны были замѣнять русскому изслѣдователю самыя рукописи памятниковъ. Такъ, напр., составленный Ганушемъ списокъ пособій для изученія средневѣковой драмы названъ у г. Полеваго *„очень безтолковымъ“*, хотя онъ и отсылаетъ къ нему „желающихъ *подробно ознакомиться* со всею литературою предмета“ (предисловіе, стр. III-я). Тексты мистерій, изданные Гофманомъ фонъ-Фаллерслебеномъ, по словамъ г. Полеваго, „несовершенны и слабы по запутанности правописанія и неудачному выбору варіантовъ“, а собранныя тѣмъ же ученымъ указанія на представленія мистерій „бѣдны и недостаточны“ (предисловіе, стр. IV-я). Извѣстную тенденціозную книгу Альта *Theater und Kirche in ihrem gegenseitigen Verhältnisse historisch dargestellt* г. Полевой судитъ особенно строго. По его словамъ, „эта книга излагаетъ факты безъ всякой системы, руководится въ расположеніи ихъ чистою фантазіей и *о начальномъ періодѣ исторіи драмы* не представляетъ *почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній*“ (предисловіе, стр. VI-я). Отдавая справедливость сборнику литургическихъ драмъ Дю-Мериля, г. Полевой замѣчаетъ мимоходомъ, что „въ своемъ предисловіи онъ пришелъ къ нѣкоторымъ неправильнымъ заключеніямъ, но исключительно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ высказалъ гипотезы, которыя *въ то время еще* нельзя было основать ни на какихъ положительныхъ данныхъ“. Г. Полевой скромно прибавляетъ къ этому, что „послѣ него однакоже *никто* не занимался начальнымъ періодомъ исторіи средневѣковой драмы“ (предисловіе, стр. VII-я). Другими словами, честь опроверженія гипотезъ Дю-Мериля „положительными данными“ принадлежитъ г. Полевому Наконецъ, сочиненіе Гаазе *Das geistliche Schauspiel*, по отзыву г. Полеваго, „способно совершенно сбить съ толку всякаго *серіознаго* читателя, и едва ли можетъ дать *кому бы то ни было* вѣрное понятіе о средневѣковой духовной драмѣ“ (предисловіе, стр. VIII-я). Свои выводы о начальномъ періодѣ исторіи средневѣковой драмы г. Полевой желалъ основать на самыхъ памятникахъ ея (предисловіе, стр. II-я), и потому значительная часть его книги (87 страницъ изъ 199) посвящена перепечаткѣ образцовъ духовной драмы XI—XIII-го вѣка, съ переводомъ *en regard* на русскій языкъ. Познакомимся сначала съ тою методой изученія, которую

г. Полевой приложилъ къ памятникамъ средневѣковой драмы, и которая, конечно, заставила его невыгодно отозваться объ изданіи нѣкоторыхъ изъ этихъ мистерій Гофманомъ фонъ-Фаллерслебеномъ.

Метода г. Петра Полеваго отличается замѣчательною простотою и свободою сравнительно съ строгими, можно думать, педантическими пріемами западныхъ ученыхъ. Новый докторантъ русской словесности относится съ сознательнымъ презрѣніемъ къ латинскому языку, который любятъ, уважаютъ и *знаютъ* пигмеи науки—ученые нѣмцы и французы. Едва ли кто-нибудь изъ русскихъ либераловъ глумился такъ жестоко надъ бѣднымъ латинскимъ языкомъ, какъ г. Петръ Полевой: онъ совершенно *знать его не хочетъ.* Читателю его книги становится вполнѣ понятнымъ пренебреженіе, которое оказываетъ европейскимъ ученымъ докторантъ одного изъ русскихъ университетовъ: г. Петръ Полевой, изучая *рукописи* латинскихъ драмъ, изданныхъ иностранцами, не только „отвергаетъ уже *издавна установившіяся мнѣнія о нихъ";* онъ идетъ гораздо далѣе,—туда, куда не заходилъ ни одинъ изъ европейскихъ ученыхъ: г. Петръ Полевой отвергаетъ и издавна установившіяся правила этимологіи и синтаксиса латинскаго языка. Неудивительно, что при этомъ независимомъ воззрѣніи на латинскую грамматику г. Полевой пришелъ къ такому объясненію текста латинскихъ литургическихъ драмъ, которое и въ голову не приходило раскритикованнымъ въ его диссертаціи иностранцамъ. Обстановка нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ западной Церкви тоже получила въ книгѣ г. Полеваго совершенно не тотъ видъ, какой она имѣетъ. Напримѣръ, у нѣмца Моне, о которомъ такой строгій и компетентный судья, какъ г. Петръ Полевой, сказалъ: „Въ сборникѣ 1846 года Моне представилъ такой превосходный, а главное, *положительный ученый трудъ,* что и теперь еще ни одинъ сборникъ образцовъ средневѣковой драмы не превзошелъ его своими критическими достоинствами" (предисл., стр. V-я),—у Моне [1]), напримѣръ, приведено безъ перевода слѣдующее описаніе богослужебнаго пасхальнаго обряда: „Duo sacerdotes se cappis induunt... *intrantes chorum,* paulatim euntes versus sepulchrum, *voce mediocri* cantantes: „Quis revolvet nobis lapidem?" Г. Полевой переводитъ это описаніе такимъ образомъ: „Два священника надѣвали на себя каппы... *потомъ всходили на хоры и, вскорѣ послѣ того сойдя оттуда,* направлялись къ гробницѣ, *распѣвая:* „Кто отвалитъ намъ камень отъ гроба?" (стр. 57). Само собою разумѣется, что ни одинъ изъ европейскихъ ученыхъ не рѣшался „intrantes chorum" (т.-е. входя въ хоръ, мѣсто клириковъ) переводить словами: *всходили на хоры,* и самъ г. Полевой, чтобы подтвердить вѣрность своего неожиданнаго перевода, долженъ былъ прибавить отъ себя слова, которыхъ нѣтъ въ переводимомъ имъ описаніи: *и вскорѣ послѣ того сойдя оттуда.* Впрочемъ, латинскій оригиналъ не остался отъ этого въ барышахъ; г. По-

1) „Schauspiele des Mittelalters", I, 7.

левой оставилъ безъ перевода слова: voce mediocri (поютъ *среднимъ* голосомъ, не слишкомъ громко и не слишкомъ тихо). Между тѣмъ, эта послѣдняя подробность не лишена значенія въ исторіи литургической драмы среднихъ вѣковъ, имѣвшей характеръ оперы, и Гаазе, „способный сбить съ толку всякаго серіознаго читателя" (по словамъ г. Полеваго), указалъ, что въ римскихъ церквахъ, въ великую пятницу, Евангеліе страстей пѣлось отдѣльными лицами на разные голоса: слова Христа пѣлись теноромъ, Пилата басомъ и т. д. [1]). Для серьезнаго читателя книги г. Полеваго останется, смѣемъ думать, непонятнымъ, зачѣмъ священники *всходили на хоры и вскорѣ опять сходили съ нихъ*. Мы даже полагаемъ, что читатель „будетъ совершенно сбитъ съ толку" (употребляемъ слова, сказанныя г. Полевымъ о книгѣ Гаазе), когда прочтетъ у г. Полеваго: *„оба священника заглядывали* въ гробницу и *возвращались на хоры"* (стр. 58); въ подлинникѣ: „vertent se ad chorum et cantent *surrexit dominus*" (т.-е. пусть *обратятся къ хору*, представляющему народъ, и запоютъ: *Христосъ воскресе!)*. „Г. Полевой такъ увлекся своимъ новымъ словотолкованіемъ, что не хотѣлъ отказаться отъ него даже и тогда, когда находилъ во французскомъ описаніи того же обряда, въ его же книгѣ (стр. 170) напечатанномъ: S'en vont parmi le cuer (choeur). Впрочемъ, переводя описаніе того же обряда Дюраномъ, г. Полевой почувствовалъ невозможность перевести *chorus* словомъ *хоры* и отказался передать по-русски это латинское мѣсто, „сбившее съ толку" русскаго изслѣдователя. *„Tunc redeunt ad chorum*, quasi fratribus referentes, quae viderunt et audierunt" (тогда возвращаются *къ хору и передаютъ ему, какъ бы братіи, то, что видѣли и слышали)*, говоритъ Дюранъ, а г. Полевой спокойно переводитъ: „Ученики *возвращаются на хоры*, какъ бы для сообщенія братіи своей" (стр. 59). Но за-то слѣдующихъ словъ Дюрана г. Полевой не въ состояніи былъ перевести по своей методѣ. Пусть оцѣнитъ читатель затруднительное положеніе русскаго ученаго. У Дюрана стоитъ: *„Tunc chorus*, audita resurrectione Christi, prorumpit in vocem, altisone cantans"; г. Полевому приходилось перевести: *„Хоры*, услыхавши о воскресеніи Христа, *прорываются* громогласною пѣснію"! Долгъ справедливости требуетъ прибавить, что въ одномъ мѣстѣ своей докторской диссертаціи г. Полевой рѣшился перевести слово *chorus* такъ, какъ вездѣ его переводятъ не только знаменитые ученые, но и порядочные русскіе гимназисты. Но и тутъ не обошлось безъ исторіи. По непривычкѣ ли къ оборотамъ латинскаго синтаксиса или вслѣдствіе желанія толковать текстъ мистеріи (да еще рукописный!) такъ, какъ его никто не толкуетъ,—не знаемъ, но г. Полевой переводитъ фразу: *„Maria, reliquis comitantibus*, ad chorum sola dicat"—„Марія, *оставивъ сопровождавшихъ ее, обращаясь* къ хору, говоритъ одна" (стр. 69), вмѣсто: „Марія одна пусть говоритъ хору *въ то время*, какъ прочіе только *сопровождаютъ ее"*. И опять

---

[1]) Haase, Das geistliche Schauspiel. S. 11.

средневѣковая драма получаетъ подъ обильнымъ открытіями перомъ г. Полеваго такой видъ, какого она никогда не имѣла ни въ монографіяхъ европейскихъ ученыхъ, ни на самомъ дѣлѣ.

„Серіозный" читатель книги г. Полеваго не можетъ не остановиться на тѣхъ „отступленіяхъ" автора отъ латинскаго подлинника, которыя, хотя и не извращаютъ свѣдѣній о характерѣ и обстановкѣ средневѣковой драмы, но представляютъ доказательства того филологическаго образованія, которымъ владѣетъ г. Полевой, взявшій на себя обязанность опредѣлить время разбираемыхъ имъ памятниковъ „тѣми данными, которыя представляютъ *самыя рукописи* памятниковъ". Доказательства серьезной филологической подготовки г. Полеваго къ критикѣ текста рукописей разсѣяны щедрою рукой въ диссертаціи, и мы не знаемъ, съ чего начать наши указанія, которыя далеко не въ состояніи исчерпать богатыя данныя, представляемыя книгою г. Полеваго. Обратимся ли къ лексической сторонѣ переводовъ г. докторанта русской словесности, и мы найдемъ, что *solum* (земля) переводится словомъ *солнце* (стр. 68 и 69), за-то слово *solium* совсѣмъ здѣсь не переводится (стр. 72 и 73), или же передается общимъ выраженіемъ *свое мѣсто* (стр. 85); что слово *armiger* (оруженосецъ), даже съ эпитетомъ eximie, prime, принято за собственное имя *Армигеръ* (стр. 78 и 79); что *facinus* (дѣло) переводится *злодѣйствомъ* (стр. 84) [1]; что авторъ оставляетъ безъ перевода такія непонятныя слова, какъ *forsitan*, *saeve* (стр. 106); что corporis flagrantiam omnem superabis переводится: *всякаго прельстишь своими прелестями* (стр. 115); quem, *signis coelestibus agnitum*, venimus adorare — которому, *по возвѣщенію небесныхъ знаменій*, пришли мы поклониться (стр. 73).

Относительно знанія г. Полевымъ латинской этимологіи книга его не оставляетъ въ читателѣ никакихъ сомнѣній: напечатанные въ ней переводы латинскихъ мистерій могутъ засвидѣтельствовать, что г. докторанту историко-филологическаго факультета хорошо извѣстно значеніе и измѣненіе частей рѣчи, отъ имени существительнаго до причастій. Впрочемъ, нѣкоторыя части рѣчи оказываются въ особенной враждѣ съ г. Полевымъ: это мѣстоименія и глаголы. Склоненіе относительнаго мѣстоименія *qui* сильно затрудняетъ автора и приводитъ его къ совершенно новымъ критическимъ объясненіямъ текста мистерій. Напр., до сихъ поръ думали, что фразу: „*Qui modo* dives eram... sum miser" слѣдуетъ переводить: „Я, который недавно былъ богатъ, теперь несчастенъ"; г. Полевой переводитъ: „*какъ случилось*, что я, будучи богатъ... сталъ бѣденъ" (стр. 107). Переводъ г. Полеваго, кажется, ясно свидѣтельствуетъ,

---

[1]) Оруженосецъ говоритъ: „Ecce vindex regis gladius, paratus *ad omne facinus*, quod jubebit *noster* dominus"; у г. Полеваго переведено: „А вотъ и мечъ, царевъ мститель, готовый на всякое *злодѣйство*, какое прикажетъ (совершить) *намъ* господинъ".

что г. докторантъ смѣшиваетъ *qui modo* съ *quomodo*, т.-е. не знаетъ, какой падежъ *qui*. Наша смѣлая догадка подтверждается другимъ мѣстомъ книги г. Полеваго, гдѣ *qui* смѣшивается съ *quod*, и такимъ образомъ „серіозному" читателю представляется возможность сказать, что г. Полевой не только не знаетъ, въ какомъ падежѣ поставлено *qui*, но и какого оно рода. Вотъ это второе мѣсто. Марія Магдалина говоритъ о Христѣ: „Lacrymarum vota *huic*, restat, ut offeram et cordis plangores, *qui* cunctos, ut audio, sanat peccatores"; г. Полевой переводитъ: „Ему принесу слезные обѣты и сердечныя сокрушенія, *что, все вмѣстѣ*, какъ я слышу, исцѣляетъ грѣшниковъ" (стр. 121), вмѣсто: *„ему, который* исцѣляетъ, какъ слышу, *всѣхъ* грѣшниковъ". Родъ, число и падежъ мѣстоименія *cunctos* также въ этомъ мѣстѣ не были узнаны г. Полевымъ. На страницѣ 75-й слово *quemdam* не переведено, какъ-будто бы его и не было въ текстѣ. Мѣстоименіе *mi* оставлено въ двухъ мѣстахъ безъ перевода (стр. 127 и 129); и въ самомъ дѣлѣ, какъ было отгадать въ *mi* звательный падежъ отъ *meus*, когда не обошлось безъ серьезныхъ обмолвокъ съ *qui* и съ *cuncti*? Времена и наклоненія латинскихъ глаголовъ очень часто игнорируются г. Полевымъ при критикѣ рукописнаго текста мистерій. Ограничимся немногими примѣрами: *Privatur* переводится *лишились* (стр. 63), *magistro decedente—по отшествіи учителя* (ibid), *currebant—побѣжали* (стр. 69), (stella) quae regem *natum* monstrat– (звѣзда), которая *предвѣщаетъ* рожденіе царя (стр. 73), вмѣсто: которая указываетъ *родившагося* царя; pacem *ferimus—пришли* съ миромъ (стр. 75). Такъ называемый *conjunctivus adhortativus*, употребляемый въ рукописяхъ мистерій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идетъ рѣчь объ обстановкѣ пьесы, и гдѣ даются наставленія лицамъ, которыя теперь называются декораторомъ и режиссеромъ, г. Полевой постоянно переводитъ прошедшимъ временемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изслѣдователи средневѣковой драмы обрадованы были открытіемъ въ библіотекѣ города Тура и обнародованіемъ мистеріи XII-го вѣка, которую издатель Люзаршъ невѣрно озаглавилъ словомъ *Adam*, и которая заключала въ себѣ дотолѣ неизвѣстныя и любопытныя данныя о постановкѣ на сцену мистерій въ XII-мъ вѣкѣ, въ ту переходную эпоху, когда духовная драма наполовину вышла изъ храма, своей колыбели, переходя въ руки мірянъ и болѣе отдаваясь свободному народному творчеству, нежели робкому повторенію текста Вульгаты. Сценическія указанія турской рукописи мистеріи приведены и переведены г. Полевымъ, но приведены не вполнѣ и переведены невѣрно, такъ что одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ начальной исторіи европейскаго театра совершенно стушевался у русскаго изслѣдователя западныхъ рукописей. И всему виною латинскій языкъ. Г. Полевой перепечатываетъ текстъ драмы такимъ образомъ: „Con *tuatur* paradisus loco eminenciori; circumponantur cortinae et panni serici, ea altitudine, ut personae, quae in paradiso fuerint, possint videri sursum ad humeris" (?). Это мѣсто совершенно превратно переложено г. По-

левымъ: „Рай устроенъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ; онъ окруженъ изгородью и (обвѣшанъ) шелковыми матеріями настолько, чтобы снизу можно было видѣть людей, находящихся въ раю“ (стр. 131). Вотъ буквальный переводъ: „Рай *пусть будетъ устроенъ* на болѣе возвышенномъ мѣстѣ; кругомъ пусть будутъ протянуты шпалеры и шелковыя матеріи *на такой высотѣ*, чтобы *дѣйствующія лица*, которыя будутъ въ раю, *могли быть видимы сверху до самыхъ плечъ*“. Изъ дальнѣйшаго изложенія г. Полевой, по неизвѣстной причинѣ, опускаетъ слѣдующее, весьма характеристическое наставленіе режиссеру: „Къ актерамъ должно присоединить чтеца и хоръ: первый читаетъ, сцена за сценой, стихи Библіи, которые относятся къ каждой изъ нихъ; второй поетъ респонсоріи“.

Чтобы вполнѣ оцѣнить тѣ филологическія знанія, которыя принесъ г. Полевой для критики рукописнаго текста мистерій, намъ остается привести изъ книги г. докторанта нѣсколько мѣстъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ усвоены г. Полевымъ правила латинскаго синтаксиса. Ангелъ, давши Іосифу наставленіе бѣжать съ Богоматерью и Христомъ въ Египетъ, продолжаетъ: „Admonitus redeas, ubi nex, fraus, rexque quiescit“, т.-е. по моему напоминанію ты возвратишься (въ Виѳлеемъ), когда убійство, обманъ и царь (Иродъ) смирятся; г. Полевой переводитъ: „предупрежденный, *удались* туда, *гдѣ* нѣтъ ни убійствъ, ни коварства, ни *(такого)* царя“ (стр. 83). Неужели г. изслѣдователю неизвѣстно, что *ubi* значитъ не только *гдѣ*, но и *когда?* Но всего поразительнѣе переведено г. Полевымъ слѣдующее двустишіе:

Clauditur in stabulo concludens cuncta pugillo,
Despectissimus in terris et summus in astris.

„Въ стойлѣ *пребываетъ* тотъ, который все содержитъ въ своей десницѣ; *ничтожнѣйшимъ является на землѣ высочайшее между свѣтилами*“ (стр. 81), вмѣсто: „Запирается въ стойлѣ тотъ, кто заключаетъ все въ своей десницѣ, презрѣннѣйшій на землѣ и превознесенный *(высочайшій)* на небесахъ“. Если даже предположить, что г. Полевой смѣшалъ въ этомъ мѣстѣ союзъ *et* съ вспомогательнымъ глаголомъ *est* и потому перевелъ *является*, то какъ понять, почему „summus *in* astris“ переведено: „*высочайшее между свѣтилами*“?! „Idque mei [1]) moles est pauperiei“ переведено: „и *вотъ мнѣ приходится сносить* тягость нищеты“ (стр. 109); слова, напечатанныя курсивомъ, всѣ присочинены г. Полевымъ: о нихъ нѣтъ и помину въ подлинникѣ, гдѣ смыслъ совершенно другой: „и бѣдность моя *потому* мнѣ *тягостна*, что....“. Но мы выпишемъ вполнѣ это мѣсто, чтобы показать, что въ переводѣ г. Полеваго часто не бываетъ ничего общаго не только съ латинскимъ подлинникомъ, но и съ здравымъ смысломъ. „Idque mei moles est pauperiei: Nam latet ex ha-

[1]) Такъ въ текстѣ Дю-Мериля, перепечатанномъ у г. Полеваго. „Origines latines du théâtre moderne“, p. 269.

bitu me postmodo quo fruar usu; Quod levius ferrem, si ferre prius didicissem". Переведено: *„и вотъ остается мнѣ* изъ одежды только та, которую обыкновенно ношу; ее бы *легче было носить мнѣ, если бы я прежде носить научился"* (стр. 109). Даже не понявъ этого запутаннаго мѣста, нельзя было не заподозрить правильность такого перевода, потому что въ немъ нѣтъ логическаго смысла. Обкраденный купецъ говоритъ, что у него осталась только та одежда, которую онъ *обыкновенно* носитъ, и жалуется на то, что ему трудно носить эту одежду, потому что онъ *прежде не учился носить ее...* Пусть понимаетъ, кто можетъ, эту безсмыслицу! Тутъ русскій толкователь западныхъ рукописей принялъ fruar за изъявительное наклоненіе, а *habitus* за существительное средняго рода и отнесъ къ нему *quod*, или же счелъ *quod* за мужескій родъ!

Надобно, впрочемъ, отдать справедливость автору *Историческихъ очерковъ средневѣковой драмы:* онъ старался избѣгать безсмысленныхъ переложеній съ латинскаго на русскій, въ родѣ только-что выписаннаго нами, и охотно обращался, гдѣ было можно, къ иностраннымъ пособіямъ при пониманіи и передачѣ латинскаго текста средневѣковыхъ драмъ. Въ извѣстномъ сборникѣ Монмерке и Франциска Мишеля *Théâtre français au moyen âge, publié d'après les manuscrits de la bibliothèque du roi* напечатаны латинско-французскіе тексты средневѣковыхъ драмъ XI—XIV вѣка съ буквальными переводами на современный французскій языкъ. Изъ этой книги заимствуетъ г. Петръ Полевой мистерію о десяти дѣвахъ и, переводя латинскія мѣста этой пьесы, руководствуется уже не подлинникомъ, какъ онъ читается въ рукописи, и даже не подлинникомъ по печатному изданію двухъ названныхъ французскихъ ученыхъ, а тѣмъ французскимъ переводомъ, который помѣщенъ въ сборникѣ Монмерке и Мишеля. Конечно, вслѣдствіе этого предпочтенія перевода тексту драмы, переложеніе г. Полеваго не всегда можетъ похвалиться близостью къ тексту рукописи, но за-то оно выигрываетъ въ отношеніи къ здравому смыслу и не представляетъ такихъ загадочныхъ монологовъ, какіе иногда являются у г. Полеваго въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ предоставленъ при переводѣ латинскихъ рукописей собственнымъ свѣдѣніямъ въ латинскомъ языкѣ и собственной логикѣ. Г. Полевой, напримѣръ, находитъ въ *Мистеріи о десяти дѣвахъ* такія слова:

Venit enim (Christus) liberare gentium origines,
Quas per primam sibi matrem subjugarunt daemones,—

и переводитъ это мѣсто съ французскаго перевода Монмерке и Мишеля [1]) такимъ образомъ: *„ибо* онъ пришелъ избавить народы, которые еще *въ колыбели* были подчинены власти бѣсовъ черезъ первую мать"

[1]) „Car il est venu délivrer *le berceau* des nations, que les démons avaient réputé *sous leur puissance* par la faute de la première mère".

(стр. 89). Точно также: „Partimini lumen lampadibus“ г. Полевой переводитъ: „*Дайте* свѣта нашимъ лампадамъ“ (стр. 91), потому что у французскихъ издателей это мѣсто переведено: „*Donnez* de la lumière à nos lampes“. Но г. Полевой даже и въ такихъ случаяхъ, когда переводитъ не съ подлинника, а съ чужаго перевода, не теряетъ своего достоинства и предлагаетъ своимъ европейскимъ собратамъ по наукѣ критическія поправки къ изданному ими тексту. Напримѣръ, г. Полевой совершенно вѣрно переводитъ французскую фразу: „*Que faisons-nous ici?*“ словами: „*Что мы здѣсь дѣлаемъ?*“ Но онъ поправляетъ соотвѣтствующую этому французскому изреченію фразу подлинника: „Nos hic quid *facimus*, такъ: „Nos hic quid *fecimus*“ (стр. 93). Этой поправки у французскихъ ученыхъ дѣйствительно нѣтъ, и честь ея открытія принадлежитъ русскому докторанту, который предложилъ ее, вѣроятно, потому, что считаетъ *fecimus* настоящимъ временемъ отъ несуществующаго глагола *fecio:* иначе зачѣмъ было мѣнять въ подлинникѣ время глагола, удержанное въ переводѣ? Пристрастіе г. Полеваго къ чистотѣ латинской рѣчи доходитъ до того, что въ одномъ мѣстѣ (стр. 92) онъ предлагаетъ замѣнить *ac*, стоящее въ текстѣ, союзомъ *et:* эта критическая тонкость опять отличаетъ русскаго изслѣдователя отъ французскихъ издателей. Но пріемъ, который особенно любитъ употреблять г. Полевой при переводѣ на русскій языкъ латинскихъ мистерій, это—пріемъ *умолчанія*, если позволено употребить этотъ терминъ старой риторики. Этотъ пріемъ состоитъ въ томъ, что г. Полевой совершенно оставляетъ безъ перевода тѣ мѣста латинскихъ драмъ, которыя оказываются затруднительными для передачи. Такихъ мѣстъ г. Полевому встрѣтилось довольно много, и, не наскучивая читателю выпискою этихъ фатальныхъ фразъ, которая не много бы прибавила къ характеристикѣ филологическаго образованія г. Полеваго, мы желающимъ повѣрить наши слова предлагаемъ сравнить латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ на страницахъ 64, 72, 75, 84, 86, 94, 106, 122, 170.

Мы не касаемся свѣдѣній г. Полеваго по древне-нѣмецкому языку, не чувствуя въ себѣ довольно силъ оцѣнить ихъ. Но смѣемъ думать, что ученый, подвергнувшій такой строгой критикѣ изданія Гофмана фонъ-Фаллерслебена, не долженъ бы былъ переводить: „Minnet tugentliche man minnekliche vrauwen“—*твердый мужчина любитъ нѣжныхъ женщинъ* (стр. 47), или „Er muez sin sorgenvrî“—Тотъ не раскается (тамъ же). Вотъ то филологическое образованіе, съ которымъ г. Полевой приступилъ къ самостоятельной критикѣ текста латинскихъ рукописей и съ высоты котораго онъ такъ величаво отнесся къ европейскимъ ученымъ. Нужно ли говорить, что̀ выигралъ текстъ литургическихъ драмъ при подобной подготовкѣ къ чтенію рукописей, и насколько было въ средствахъ русскаго докторанта оцѣнить достоинство текстовъ, изданныхъ за границей, и выбрать изъ нихъ лучшіе? Какое сужденіе о критическомъ достоинствѣ изданій Дю-Мериля, Моне и Гофмана фонъ-Фаллерс-

лебена могъ произнести человѣкъ, для котораго латинская рѣчь часто представляетъ безсмысленное сцѣпленіе неизвѣстныхъ грамматическихъ формъ и непонятныхъ словъ? И однако это сужденіе произнесено, и немногіе изъ иностранныхъ ученыхъ, писавшихъ о средневѣковой драмѣ, избѣгли рѣзкихъ осужденій г. Полеваго. Мы не можемъ не остановиться на этомъ *особомъ пріемѣ* нашего „изслѣдователя".

По словамъ г. Полеваго, Шмеллеръ „переиздалъ нѣкоторыя изъ тѣхъ латинскихъ мистерій, которыя уже были изданы Гофманомъ, но издалъ ихъ въ совершенно новомъ видѣ, *съ дополненіями и исправленіями по варіантамъ*" (стр. VI). Изданіе Шмеллера *Carmina burana* хорошо извѣстно всѣмъ занимающимся исторіею средневѣковой европейской словесности: въ немъ напечатана цѣликомъ, безъ всякихъ дополненій, одна мюнхенская рукопись XIII-го вѣка, о которой первое извѣстіе въ печать сообщилъ еще въ 1803 году Аретинъ. Послѣ него Доценъ издалъ многія пьесы этой замѣчательной рукописи и, между прочимъ, мистерію, озаглавленную *Christi Leiden*. Первый знатокъ нѣмецкой средневѣковой литературы, глава новой лингвистической и историко-литературной школы, Яковъ Гриммъ съ признательностью пользовался памятниками, изданными Доценомъ изъ мюнхенской рукописи, и самую рукопись назвалъ *Docens Schatzgrube*. Текстъ изданной отсюда Доценомъ мистеріи *Christi Leiden* перепечаталъ Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ въ своихъ *Fundgruben für Geschichte deutscher Sprache und Litteratur*, только отчасти приблизивъ орѳографію рукописи къ современному правописанію. Эту же рукопись напечаталъ вполнѣ, *но безъ всякихъ дополненій и варіантовъ*, Шмеллеръ подъ заглавіемъ *Carmina burana*, и, слѣдовательно, г. Полевой не имѣлъ никакого основанія сказать, что Шмеллеръ издалъ напечатанныя Гофманомъ латинскія мистеріи *въ совершенно новомъ видѣ, съ дополненіями и исправленіями по варіантамъ*. Достаточно прочесть одну первую строчку предисловія Шмеллера, чтобъ убѣдиться, что текстъ той же мюнхенской рукописи изданъ *безъ всякихъ дополненій и варіантовъ*. Вотъ эта строчка: „Die erste Nachricht von der *Handschrift, welche hier als gedrucktes Buch erscheint....*" Но положимъ, что русскій докторантъ имѣлъ какія-нибудь, неизвѣстныя намъ причины быть недовольнымъ текстами Доцена (противъ которыхъ не говорилъ Я. Гриммъ) и Гофмана. Какъ же онъ воспользовался текстами Шмеллера? Увы! Г. Полевой не пользовался этими лучшими, по его мнѣнію, текстами Шмеллера и перепечаталъ въ своей диссертаціи текстъ, сообщенный изъ Германіи Дю-Мерилю, исполненный ошибокъ и далеко стоящій ниже текстовъ Шмеллера и Гофмана. Вотъ доказательства: у Дю-Мериля и г. Петра Полеваго напечатано: „*Haec* sunt odoriferae, quas si *çomparabis*", у Шмеллера: „quas si „*comprobabis*" [1]), у

[1]) *Carmina burana*, p. 96. Вносными знаками Шмеллеръ означаетъ свои догадочныя чтенія и немногія поправки въ текстѣ рукописи.

Гофмана: *„si comprobabis“*. И г. Полевой имѣлъ основаніе предпочесть плохіе тексты Дю-Мериля, не видавшаго мюнхенской рукописи, изданію Шмеллера: у Дю-Мериля напечатанъ по мѣстамъ французскій переводъ этихъ текстовъ, которымъ г. Полевой воспользовался. Напр., вышеприведенная фраза г. Полеваго *твердый мужчина любитъ нѣжныхъ женщинъ* переведена съ французской: *„L'homme fort aime les femmes sensibles“* (Du Méril, l. c., p. 130); у Шмеллера это мѣсто имѣетъ совершенно другой смыслъ: „Minnet, tugentliche man, minnekliche vrauwen!“ (p. 97). Правда, г. Полевой объявилъ въ строгомъ предисловіи къ своей диссертаціи, что въ своемъ трудѣ „предпочиталъ постоянно тексты Дю-Мериля всѣмъ остальнымъ“; но для „серіознаго“ читателя непонятно, почему текстъ пьесы, изданный по дурной копіи [1]), долженъ предпочитаться такому, котораго не могъ осудить даже г. Полевой. Мы видимъ одинъ исходъ изъ этого недоумѣнія: г. Полевой едва ли читалъ книгу Шмеллера; иначе какимъ же образомъ „изслѣдователь“, заинтересованный по преимуществу текстомъ рукописей, не позаботился прочитать даже первой строчки въ книгѣ Шмеллера, о которой произноситъ приговоръ въ своей диссертаціи? Такія *странности* нерѣдки въ книгѣ г. докторанта. Что дѣлать? Литература предмета, обсуждаемая г. Полевымъ, такъ же мало далась нашему изслѣдователю, какъ и латинскій языкъ. Hinc illae lacrymae!

Въ ученой монографіи г. Полеваго, такъ хорошо знакомаго съ латинскимъ языкомъ, читатель постоянно встрѣчаетъ ссылки на громадные, едва ли кѣмъ читаемые въ Россіи сборники, въ родѣ „Codex Theodosianus ed. Marvilli“, Mantuae, 1748, томъ 5. Новеллы Юстиніана цитуются у г. Полеваго такъ же часто, какъ хроника Оттона Фрейзингенскаго и постановленія самыхъ небольшихъ мѣстныхъ соборовъ Западной Европы. Изъ-подъ текста диссертаціи г. Полеваго воинственно глядятъ на читателя латинскія и часто непонятныя для простаго смертнаго заглавія тѣхъ разнородныхъ и многотомныхъ фоліантовъ, на которыхъ основаны незыблемые тезисы докторской диссертаціи г. Полеваго, и изъ которыхъ извлечены „положительныя данныя“, отличающія его книгу отъ писаній европейскихъ ученыхъ. Но „серіозный“ читатель едва ли повѣритъ, чтобы г. Полевой, при своемъ знаніи латинскаго языка, имѣлъ возможность прочесть хотя одинъ изъ тѣхъ латинскихъ сборниковъ, заглавія которыхъ способны испугать непривычнаго къ архивной пыли читателя и такъ сладко звучатъ уху человѣка, заинтересованнаго текстами латинскихъ рукописей. И „серіозный“ читатель (а вѣдь такого желаетъ, конечно, своей книгѣ г. Полевой?) будетъ правъ. Г. Полевой пугаетъ профановъ чужою силою и прячется за орудія уни-

---

[1]) Шмеллеръ замѣчаетъ, что одному изъ нѣмецкихъ ученыхъ verdankt Du Méril нѣкоторыя Mittheilungen изъ мюнхенской рукописи, и хотя Шмеллеръ называетъ этого нѣмца болѣе способнымъ къ изданію рукописей, но не пользуется ни одною изъ его догадокъ, глоссъ и конъектуръ.

женныхъ въ его книгѣ нѣмецкихъ ученыхъ. Такъ, страницы 7 и 8 и эффектныя ихъ ссылки взяты изъ книги Альта (стр. 279—280), 10 и 11 оттуда же (стр. 317—319), 15, 17, 23, 27 оттуда же (стр. 323, 400, 402). И, что всего неожиданнѣе, г. Полевой „руководствуется" книгою Альта почти на первыхъ страницахъ своей диссертаціи, когда излагаетъ исторію переходнаго періода отъ античной къ христіанской драмѣ, когда излагаетъ *начальный* періодъ христіанской драмы, а между тѣмъ, по словамъ г. Полеваго, книга Альта „*о начальномъ періодѣ* исторіи драмы не представляетъ *почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній*" (стр. VI-я). Г. Полевой, кажется, рѣшился бранить именно тѣ книги, изъ которыхъ беретъ свои тезисы и ссылки, и хвалить тѣ, которыми не хочетъ пользоваться.

При подобныхъ заимствованіяхъ цитатъ и ссылокъ у г. Полеваго не обходится иногда безъ крупныхъ и наивныхъ обмолвокъ. Напр., г. докторантъ цитуетъ (стр. 56) по какой-то нѣмецкой книжкѣ монографію Грисбахера, съ указаніемъ даже 21-й страницы ея; но если бы читатель книги г. Полеваго потребовалъ монографію Грисбахера у книгопродавцевъ или въ библіотекахъ, то, конечно, получилъ бы въ отвѣтъ, что такой книги не существуетъ: г. Полевой невѣрно списалъ здѣсь фамилію автора,—вмѣсто *Grieshaber* онъ записалъ *Griesbacher*. Намъ скажутъ: это простая опечатка. Но какъ объяснить опечаткою слѣдующій курьезъ въ диссертаціи г. Полеваго? Въ 1777 году Мартинъ Гербертъ (родился въ 1720, умеръ въ 1793 г.) издалъ *собранные имъ* памятники древне-алеманнской литургіи, „Monumenta veteris liturgiae allmanicae, collegit Mart. Gerbert". До сихъ поръ всѣ, знавшіе это изданіе и многія мистическія разсужденія Герберта, убѣждены были, что Гербертъ жилъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Г. Полевой открываетъ, что онъ жилъ въ XIII-мъ вѣкѣ, что онъ не издавалъ *памятники* древне-алеманнской литургіи, что *онъ самъ* описывалъ, какъ очевидецъ, литургическіе обряды XIII-го вѣка, и потому ставитъ его рядомъ съ Дурандіемъ (читай Дюраномъ)! „Изъ сличенія обрядовъ, *описываемыхъ* Дурандіемъ и *Гербертомъ*", говоритъ г. Полевой на 70 страницѣ своей книги. Петербургскій книгопродавецъ г. Кожанчиковъ издалъ русскій памятникъ XVI-го вѣка, *Стоглавъ:* неужели можно сказать, что г. Кожанчиковъ описывалъ нѣкоторыя церковныя разногласія въ Московскомъ государствѣ XVI-го вѣка?

Но довольно. Мы не имѣли въ виду писать разборъ книги г. Полеваго (она того не стоитъ); мы хотѣли только заявить въ русской журналистикѣ фактъ, слишкомъ громко и рѣзко свидѣтельствующій объ упадкѣ серьезнаго ученія въ нашихъ гимназіяхъ, о печальномъ и превратномъ направленіи нашего школьнаго образованія. Не странно ли, что одинъ изъ русскихъ университетовъ удостоилъ магистерской степени по филологическому факультету человѣка, не умѣющаго ни склонять, ни спрягать по-латыни? Не возмутительно ли видѣть, какъ невѣжество и самозванство съ свойственными имъ нахальными ухватками

судятъ вдоль и поперекъ о томъ, чего не только не понимаютъ, чего не въ состояніи, по своимъ средствамъ, понимать? Не прискорбно ли думать, что человѣкъ, снискавшій себѣ дипломъ беззастѣнчивымъ обращеніемъ съ наукою, будетъ учить съ каѳедръ молодое поколѣніе тому, что Гербертъ жилъ въ XIII-мъ вѣкѣ, и что *qui* средняго, а *quod* мужескаго рода? Г. Полевой представилъ диссертацію о *средневѣковой западно-европейской драмѣ* на степень доктора *русской* словесности. Новый уставъ объ ученыхъ степеняхъ учредилъ магистровъ и докторовъ *иностранной* словесности. Почему бы г. Полевому не искать скорѣе степени *доктора иностранной словесности?* Это было бы нисколько не смѣшнѣе и не обиднѣе попытки получить степень доктора *русской* словесности за то только, что докторантъ бранитъ нѣмцевъ и не знаетъ по-латыни.

ШЕКСПИРЪ [1]).

Шекспиръ жилъ въ ту знаменательную эпоху, когда въ европейской литературѣ совершался окончательный переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Слишкомъ сто лѣтъ прошло до рожденія Шекспира съ тѣхъ поръ, какъ на итальянской почвѣ началось „возрожденіе наукъ", возвращеніе къ классической древности. Итальянская литература и образованность сдѣлались общимъ достояніемъ Западной Европы.

Итальянскій вкусъ господствовалъ во Франціи, подготовляя ложноклассическую литературную школу. Чудесное и фантастическое съ одной стороны, условныя рыцарскія воззрѣнія и чувства съ другой—господствовали въ романской литературѣ среднихъ вѣковъ. Итальянская поэзія отрѣшилась отъ дѣйствительности для фантастическаго міра, отъ жизни для идиллической пасторали, отъ народа для тѣсной сферы избраннаго круга; и скоро условныя правила приличія сковали своимъ мертвымъ однообразіемъ ея развитіе. Тассъ и Аріосто перелили въ изящно и мелочно отдѣланныя формы новой литературной школы одностороннее содержаніе рыцарской поэзіи. Трудъ и талантъ писателей шли на то, чтобъ удалить литературу образованнаго класса отъ грубой простоты народнаго слова. Ежедневная жизнь и дѣйствительность не находили доступа въ литературу; только жизнь высшихъ сферъ могла сдѣлаться достояніемъ литературы, и то если сбрасывала съ себя тяжелые аттрибуты естественности и облекалась въ миѳологическіе образы.

Но если южно-романская литература могла успокоиться на внѣшней красотѣ формы, на условномъ и фантастическомъ содержаніи, то искусство сѣверно-германское обратилось совершенно въ другую сторону

1) [Напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1864 г., № 4, и отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: „Шекспиръ. Рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета $^{11}/_{23}$ апрѣля 1864 года адъюнктъ-профессоромъ исторіи русской литературы Николаемъ Тихонравовымъ". М., 1864 г., 18 стр. *Ред.*].

Реформація освобождала умы. Обрядность рыцарства, его условныя понятія и мораль издавна вызывали противодѣйствіе въ простой, неиспорченной средѣ; рядомъ съ поэзіей этого привилегированнаго сословія росла (съ XIII вѣка), какъ ея рѣшительное противодѣйствіе, литература народная, желавшая естественности и правды. Приличіе рыцарской лирики наталкивалось на грубую, ничѣмъ не сдержанную рѣчь народнаго шута. Упадокъ средневѣковой жизни и рыцарства, свобода, принесенная реформаціей, выражаются въ нѣмецкой литературѣ народною сатирой Себастіана Брандта и до наивности простодушною поэзіей Ганса Сакса. Среднее сословіе стремится прежнюю искусственность замѣнить возможно вѣрною копіей натуры и дѣйствительности, идеальное каррикатурнымъ, приличіе распущенностью, придворнаго рыцаря грубымъ крестьяниномъ. Угнетенная масса протестуетъ противъ насилія и неправды рѣзкимъ, прямымъ словомъ народнаго шута; естественность и свобода ищутъ себѣ доступа въ жизнь и литературу подъ маской глупости [1]). Санхо Панса сопровождаетъ Донъ-Кихота, и здоровый, свободный юморъ добродушнаго поселянина торжествуетъ часто надъ соображеніями благороднаго рыцаря. Шутамъ приходится порою платиться за свою свободную рѣчь; но у нихъ готово на этотъ случай утѣшеніе: „Правда всегда что дворная собака,—бей ее хлыстомъ, сколько хочешь“ [2]).

Средневѣковой мистицизмъ и аскетизмъ уступаютъ мѣсто дѣйствительности и жизни; умерщвленіе плоти становится непонятнымъ въ XVI вѣкѣ. „Нѣтъ, пусть играютъ въ людяхъ страсти, хотя, можетъ быть, это и глупо“. Эразмъ Роттердамскій пишетъ похвалу этой возродившейся „глупости“. „Человѣкъ безъ страстей—камень,—говоритъ онъ.— Всякій побѣжитъ отъ него, какъ отъ привидѣнія. Кому нуженъ такой человѣкъ, которымъ не движетъ любовь и состраданіе, который все знаетъ, никогда не ошибается, ничего не упуститъ изъ виду и который доволенъ только собою? Какой городъ возьметъ въ правители такую безусловную мудрость? Какая женщина согласится выйти за него замужъ? Кто не предпочтетъ ему перваго шута изъ среды народа? Дуракъ, онъ можетъ повиноваться дуракамъ и повелѣвать ими; онъ привѣтливъ съ друзьями; онъ веселый собесѣдникъ; ему не чуждо ничто человѣческое. Нѣтъ завиднѣе сословія дураковъ. Глупость роднитъ ихъ съ животными, и они потому меньше виноваты въ своихъ грѣхахъ: богословы засвидѣтельствуютъ это. Безумные мудрецы мучатъ себя день и ночь; а они веселятся, смѣются и проясняютъ мракъ суровой жизни. Ихъ общество короли предпочитаютъ обществу мудрецовъ. Отъ скучной учености мудреца короли склоняютъ слухъ свой къ правдѣ, которая исхо-

---

1) Мы разумѣемъ здѣсь массу народныхъ книгъ, мясопустныхъ пьесъ, Schwäncke и т. п., которая наполняетъ нѣмецкую литературу XIV—XVI вѣковъ.

2) „Король Лиръ“.

дитъ изъ устъ простяка: а есть ли чтò выше правды? Говорятъ, она находится въ винѣ или принадлежитъ дѣтямъ; нѣтъ! она особенно принадлежитъ шутамъ. Чтò у шута на сердцѣ, то у него на языкѣ и на лицѣ; мудрые говорятъ двуязычно. Ненавистная и заброшенная правда долго находила себѣ мѣсто только у шутовъ".

Такъ великій гуманистъ реформаціоннаго періода понималъ шутовъ, отъ которыхъ „заброшенная правда" начинала возвращаться въ общее достояніе въ литературѣ и въ жизни. Глубокая разница между южно-романскою литературой и сѣверно-германскою въ XVI вѣкѣ: первая обращена къ красотѣ формы, къ идеально-фантастическому содержанію; литература сѣверно-нѣмецкая обращена не къ внѣшности и ея условно-изящной отдѣлкѣ, не къ фантастическому, а къ естественности, природѣ, и мало обращаетъ вниманія на обработку формы: пусть дѣйствительность явится въ своей непосредственной, естественной формѣ; пусть искусство, какъ нидерландскій genre, будетъ возможно вѣрною копіей жизни.

Вотъ тѣ два литературныя направленія, которыя раздѣляли Западную Европу и оба столкнулись въ Англіи, когда явился на лондонскую сцену Шекспиръ.

Войны Алой и Бѣлой розы погребли старую англійскую аристократію меча и вывели на сцену молодое дворянство, глубоко преданное итальянской литературѣ и гуманизму. Образованныя и энергическія личности Вальтера Ралейга, Соутамптоновъ, Дорсета, Оксфорда, Пемброка распространяли въ Англіи изысканныя формы итальянской лирики и старались водворить въ литературѣ господство правильности и отдѣлки надъ „невѣжественнымъ" вкусомъ толпы. Сонетъ сдѣлался любимою поэтическою формою среди высшаго класса. На англійской сценѣ стояли написанныя въ итальянскомъ вкусѣ драмы „пастушескія, пастушеско-комическія, историко-пастушескія, траги-комико-историко-пастушескія"[1]), и рядомъ съ ними драмы рыцарскія, въ которыхъ, по словамъ современника, Госсона, „не было ничего, кромѣ приключеній влюбленнаго рыцаря, котораго страсть гонитъ изъ одной страны въ другую, который наталкивается на страшныхъ чудовищъ и возвращается домой, до того измѣнившись, что его можно узнать только по оставленному имъ кольцу или условной фразѣ" [2]). Трагедіи, написанныя въ подражаніе древнимъ, дополняли репертуаръ англійской сцены.

Но для сильныхъ и энергическихъ людей Елизаветинскаго поколѣнія, надъ которыми, по словамъ Бэкона, нельзя было господствовать, какъ надъ стадомъ животныхъ, условность и приличіе были невыносимы. Даровитыя личности, видѣвшія передъ собою громадную историческую дѣятельность, сами жаждавшія дѣятельности, не могли успокоиться на

---

1) „Гамлетъ".

2) Gervinus, Shakspeare.

приторной пасторали и прозябающей идилліи. Для нихъ тяжела была апатія безпечнаго самодовольства столько же, какъ и принужденность. Они готовы были лучше броситься въ безграничный произволъ и опрокинуть все, что показалось бы имъ стѣснительнымъ, нежели дать связать себя условнымъ понятіямъ и изысканнымъ чувствамъ. Драматическіе писатели, предшествовавшіе Шекспиру и современные ему, большею частью отличались въ жизни дикою распущенностью, крайнимъ развратомъ, непримиримостью съ общественными требованіями: они не умѣли сдержать и уравновѣсить богатыя силы своей природы, рвавшіяся къ сильной, бурной дѣятельности. Кидъ, Джорджъ Пиль, Гринъ, Марловъ и въ жизни, и въ поэзіи выразили суровый паѳосъ и дикія титаническія стремленія, которыя не знаютъ преградъ. Насильственныя дѣла, неслыханныя жестокости, кровавыя событія изображаются въ ихъ трагедіяхъ; любимые герои ихъ—Тамерланъ и Фаустъ; лучшій сюжетъ для трагедіи—Варѳоломеевская ночь. Въ жизни, по убѣжденію Марлова, не господствуетъ разумнаго закона; она есть жестокая борьба необузданныхъ силъ, въ которой смѣлость даетъ побѣду. Этимъ людямъ, разрывавшимъ связь съ общественными требованіями, съ религіей и моралью, оставалось или погибнуть въ уличной дракѣ, какъ это было съ Марловомъ, или мучительно каяться передъ смертью, какъ Гринъ. Не уравновѣсивъ своихъ нравственныхъ силъ, не установивъ себѣ нравственныхъ убѣжденій, они и въ трагедіяхъ явились тѣми же безпорядочными титанами; въ грубой формѣ ихъ трагедій бьется хаосъ неумиренныхъ убѣжденій. Вмѣстѣ съ капризною трагедіею Марлова и Грина достигла въ Англіи замѣчательной силы и развитія народная комедія. „Носители правды", шуты занимали видное мѣсто на сценѣ, въ литературѣ, при дворѣ. Геніальный Гейвудъ, воспитывавшій своею свободною комедіей (interludes) народъ, развлекалъ и образованный дворъ Елизаветы. Къ его произведеніямъ тѣсно примыкаетъ рядъ комедій, заботливо копировавшихъ повседневную обыкновенную жизнь (Gammer, Gurton's Needle и др.). „Правду, говоритъ Шекспиръ, всегда можно слышать на улицахъ, только на нее никто не хочетъ обращать вниманія" [1]). Шекспиръ съ глубокимъ художественнымъ тактомъ воспользовался силами современной ему народной комедіи; уличнаго шута онъ сдѣлалъ дѣйствующимъ лицомъ въ трагедіи, такъ впрочемъ, что онъ „не заставлялъ смѣяться толпу глупцовъ, когда зрителямъ должно было обдумать важный моментъ пьесы" [2]).

Сначала Шекспиръ увлекся итальянскимъ направленіемъ; его сонеты можно было найти у каждой образованной дамы. Но сила національныхъ началъ, здоровое направленіе времени не дали ему долго служить чужимъ образцамъ. Онъ отдалъ „шелковую фразу, искусно выткан-

---

[1]) „Генрихъ IV".

[2]) „Гамлетъ".

ную рѣчь сонета“ за „простую, старую народную пѣсню, которая очаровывала его больше скоротечной изысканности непостояннаго времени“ [1]). Онъ бросилъ эту „наружность разговора—родъ шипучаго газа, вылетающаго посреди глупѣйшихъ сужденій“ [2]). „Нашъ вѣкъ,—говоритъ Шекспиръ,—такъ помѣшанъ на остротахъ, что все остритъ: и крестьянинъ и писатель, только первый обыкновенно удачнѣе“ [3]). Вычурные „эвфуизмы“ заслонились въ трагедіяхъ Шекспира энергическою поэзіей народнаго слова. Уваженіе къ классической древности, разнесенное Италіей по всему европейскому Западу, не заставило Шекспира измѣнить національнымъ началамъ развитія, и онъ всею силой патріота примкнулъ къ литературнымъ преданіямъ своего народа. На древность онъ смотрѣлъ такъ же, какъ и Бэконъ. „Каждое время,—говоритъ послѣдній,—имѣетъ свои права; истина есть дочь времени, а не авторитета. А какое время старше нашего? Обыкновенный взглядъ на древность легкомысленъ и даже не соотвѣтствуетъ выраженію. Возрастъ міра долженъ считаться древностью, а этотъ возрастъ принадлежитъ нашему времени, а не молодому возрасту вселенной: послѣдній старъ въ сравненіи съ нами, но молодъ въ отношеніи къ міру“. Съ нескрываемою гордостью новаго человѣка, съ твердымъ національнымъ сознаніемъ относится Бэконъ къ классическому міру. „Древность есть младенчество человѣчества; оттого у нея не было многихъ знаній, которыми владѣютъ современники. Древніе знали только небольшую часть земли, небольшой отдѣлъ исторіи; мы знаемъ міръ въ большемъ объемѣ, мы открыли новую страну свѣта, мы окидываемъ взоромъ длинные историческіе періоды. Греческая мудрость теря лась въ словопреніяхъ, а они противорѣчатъ изслѣдованію истины. Ихъ философы—софисты, не болѣе. Древніе одарены были лишь качествами ребенка: они были болтливы, но неспособны къ производительности; они имѣли философію, богатую словами, бѣдную дѣлами“. Жизнь, дѣйствительность и общеполезная дѣятельность—вотъ идеалы Бэкона. „Высшая цѣль науки,—говоритъ онъ,—есть удовлетвореніе житейскимъ потребностямъ; она открываетъ путь изобрѣтеніямъ (ratio inveniendi); наука должна сдѣлать человѣка господиномъ природы; наука есть сила человѣка надъ дѣйствительностью и должна быть обращена на природу, на дѣйствительность. Наблюдайте надъ дѣйствительностью, дѣлайте опыты надъ природой, и результатомъ ихъ явится *отраженіе* въ духѣ вашемъ образа существующаго (imago essentiæ)“. Этотъ „образъ существующаго“, уясняющій законы существующаго, и есть наука.

Вотъ куда направлены были лучшіе умы англійскаго народа въ XVI вѣкѣ.

Шекспиръ смотрѣлъ на искусство точно такъ же, какъ Бэконъ на

1) „Какъ вамъ угодно“.
2) „Гамлетъ“.
3) Тамъ же.

науку. По Шекспиру искусство выше природы [1]), побѣждаетъ ее, какъ и наука. Искусство есть также „образъ существующаго", но такой, который даетъ видѣть законы существующаго. Вопреки природѣ оно „придаетъ жизнь ничтожнымъ вещамъ" [2]): оно обнаруживаетъ „душу человѣка въ глазахъ, умъ въ устахъ, и безмолвный жестъ краснорѣчивъ на картинѣ" [3]). „Живопись передаетъ почти *настоящаго* человѣка, потому что съ тѣхъ поръ, какъ безчестье начало торговать природой его, онъ сдѣлался рѣшительно одною внѣшностью" [4]). „Цѣль драматическаго искусства,—говоритъ Гамлетъ,—всегда была, есть и будетъ—*отражать* въ себѣ природу: добро, зло, время, и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ". Истинная наука, по словамъ Бэкона, можетъ существовать только на основѣ опыта, послѣ наблюденій надъ природой. „Для того, чтобы побѣдить природу, нужно сперва повиноваться ей. Пусть смиренно и съ благоговѣніемъ раскроютъ люди книгу созданія, пусть углубляются въ нее постоянно и, омывшись отъ превратныхъ a priori составленныхъ мнѣній, цѣломудренно погружаются всею душой въ эту книгу". „Зимняя сказка" Шекспира развиваетъ ту же мысль объ отношеніи искусства къ природѣ. Молодая дѣвушка Perdita набрала цвѣтовъ; она принесла руту и розмаринъ, не захотѣла взять гвоздикъ и фіалокъ — „этихъ незаконныхъ дѣтей природы": слыхала она, что „кромѣ великой творческой природы, и искусство принимало участіе въ ихъ пестрой раскраскѣ". Поликсенъ укоряетъ ее за предпочтеніе дикой природы искусству. „Пусть такъ,—говоритъ онъ,—но есть искусство, созданное самою природой. Посмотри: къ дикому стволу мы часто прививаемъ благородный ростокъ, чтобъ изъ низкаго нѣдра выросъ лучшій плодъ. Это — искусство, которое улучшаетъ природу, по крайней мѣрѣ измѣняетъ ее; но это искусство есть сама природа". Искусство не есть, однако, слѣпое подражаніе природѣ. „Подражаніе (imitari)—пустяки: собака подражаетъ господину, обезьяна своему сторожу, лошадь угождаетъ наѣзднику" [5]). „Художественное произведеніе объясняетъ тайны природы" [6]). Обращенное къ дѣйствительности съ цѣлью указать ея идеальную основу, искусство не можетъ оставаться безсознательною копировкою жизни; „Видимый міръ,—говоритъ Бэконъ,—ниже души человѣческой; она имъ не удовлетворяется. Поэзія даетъ человѣку то, въ чемъ отказываетъ ему исторія. Поэзія удовлетворяетъ человѣка видимостью вещей, раскрывая душѣ болѣе совершенный порядокъ, нежели тотъ, который замѣчается въ природѣ; удовлетворяющей человѣка дѣйстви-

---

[1]) Есть, впрочемъ, по словамъ короля Лира, случаи, гдѣ „природа выше искусства".

[2]) „Тарквиній и Лукреція".

[3]) „Тимонъ Аѳинскій".

[4]) Тамъ же.

[5]) „Потерянный трудъ любви".

[6]) „Зимняя сказка".

тельности не существуетъ". Идеальная сторона жизни, открываемая искусствомъ, удовлетворяетъ высшимъ требованіямъ человѣческаго духа. Къ этой внутренней сторонѣ дѣйствительности и человѣка обращаетъ Шекспиръ искусство, которое отдалось на Югѣ изображенію фантастическаго и растерялось въ мелочахъ формы. Искусство должно въ образахъ жизни и природы представить намъ идеальную, внутреннюю красоту дѣйствительности и человѣка. Потому и самая истинная поэзія—та, которая всего болѣе изобрѣтаетъ, то-есть открываетъ [1]). По Бэкону наука природы начинается подчиненіемъ человѣка природѣ — наблюденіемъ, продолжается раскрытіемъ ея законовъ, уясненіемъ ея идеальнаго образа, оканчивается — изобрѣтеніями. Дѣятельность художника точно также начинается дѣйствительностью и оканчивается ею: начинается подчиненіемъ художника дѣйствительности, продолжается постиженіемъ ея высшаго строя, незамѣтнаго въ случайностяхъ и пестротѣ жизни, оканчивается созданіемъ дѣйствительности лучшей—художественными произведеніями. Художникъ „наблюдаетъ сущность дѣлъ, какъ посланникъ боговъ" [2]). Такимъ наблюдателемъ хочетъ сдѣлаться Лиръ, спустившись съ своей царственной высоты, на которой ему недоступна была истина, узнавъ на дѣлѣ „нужды меньшихъ братій", возненавидѣвъ ложь и лицемѣріе. Искусство и наука должны исходить отъ природы и дѣйствительности. „Мы часто,—говоритъ Бэконъ,—подражаемъ грѣху прародителей; они хотѣли быть подобны Богу,—мы желаемъ того же еще въ большей степени; мы создаемъ свои міры, предписываемъ природѣ, требуемъ, чтобы все было такъ, какъ диктуетъ наша ограниченность, а не божественная мудрость или дѣйствительность. Недаромъ во второй разъ потеряли мы власть надъ природой. Послѣдняя должна отпечатлѣться въ разумѣ человѣческомъ безъ идеализаціи, безъ сокращеній. Наука есть зданіе міра въ духѣ человѣческомъ. Разумъ не долженъ привносить нечего извнѣ, ничего посторонняго; онъ не долженъ создавать образъ природы, не заботясь о подлинникѣ. Такой самовольно созданный образъ, заимствованный не изъ природы, есть anticipatio mentis, anticipatio naturae; онъ существуетъ только въ нашемъ воображеніи. Эти фантомы (idola), заслоняющіе отъ людей природу и истину, должны быть брошены въ самомъ преддверіи науки". Шекспиръ также удаляетъ изъ сферы искусства тѣ фантомы, созданные больнымъ воображеніемъ, которые заслоняютъ отъ людей дѣйствительность и истину. Въ его произведеніяхъ нѣтъ фальшивой идеализаціи и чудеснаго прежнихъ рыцарскихъ романовъ. „Времена чудесъ,—говоритъ онъ,—миновали: теперь поневолѣ надобно допускать естественныя объясненія". Въ трагедіяхъ Шекспира дѣйствительность и идеальное сохраняютъ свои законныя права, какъ Бэконъ признаетъ для науки равно необходимыми разумъ и опытъ. „Люди чи-

---

[1]) „Какъ вамъ угодно".
[2]) „Король Лиръ".

стаго опыта,—говоритъ онъ,—похожи на муравьевъ, которые не въ состояніи ничего произвести и только собираютъ; разумъ, предоставленный самому себѣ, есть паукъ, который прядетъ ткань изъ самого себя; опытъ, соединенный съ разумомъ, — пчела, которая въ одно время собираетъ матеріалъ и приводитъ его въ порядокъ. Такова истинная работа философа. Опытъ и разумъ должны заключить тѣсный ненарушимый союзъ, чтобы положить конецъ безотрадному состоянію науки". Трагедіи Шекспира равно далеки отъ идеализаціи романской драмы, какъ и отъ простой копіи дѣйствительности въ комедіи Ганса Сакса. Замѣчая, что „театръ долженъ отражать въ себѣ природу", Гамлетъ говоритъ актеру: „твоимъ учителемъ пусть будетъ твое собственное сужденіе". „Мудрыя же сужденія,—по словамъ Шекспира,—вытекаютъ не изъ одной теоріи, а изъ глубокаго жизненнаго опыта"[1]. Шекспиръ — реалистъ въ искусствѣ, какъ Бэконъ въ наукѣ. *Реализмъ* — это та „истина времени", которую Шекспиръ и Бэконъ противопоставили авторитету классической древности. Подражаніе древней трагедіи внесло бы въ искусство нѣчто постороннее, предзанятое и возмутило бы чистый образъ дѣйствительности. Эту предзанятую идею Шекспиръ оставилъ въ самомъ „преддверіи" искусства. „Обращай особенное вниманіе на то,—учитъ Гамлетъ,— чтобы не переступить за границу *естественнаго;* все, что изыскано, противорѣчитъ намѣренію театра".

Какъ реалистъ, Шекспиръ любитъ людей дѣятельныхъ, практическихъ, и отвращается отъ идеалистовъ, которые „разливаются въ безплодныхъ мечтаніяхъ"[2], и чужды дѣла. „Красота, любовь и умъ внѣ назначенья своего, когда въ нихъ силы мужеской нисколько нѣтъ"[3]. Всѣми высшими дарами природы надѣляетъ Шекспиръ Гамлета, окружаетъ его самыми счастливыми условіями воспитанія, чтобы показать, какъ этотъ идеалистъ, лишенный практической почвы, недѣятельный, оставляетъ по себѣ только повѣсть

Кровавыхъ, неестественныхъ убійствъ,
Суда случайнаго, нечаянныхъ кончинъ.

„Благородное сердце идеалиста угасаетъ, богоподобный разумъ его истлѣваетъ безъ всякой пользы", и здоровая энергія дѣятельнаго Фортинбраса торжествуетъ побѣду.

Великъ
Тотъ истинно, кто безъ великой цѣли
Не возстаетъ, но за *песчинку* бьется на смерть,
Когда задѣта честь[4].

---

[1] „Генрихъ V".
[2] „Гамлетъ".
[3] „Ромео и Юлія".
[4] „Гамлетъ".

Чтобы водворить въ жизнь человѣчества плодотворное начало, нуженъ не одинъ разумъ, но и дѣятельный тактъ, воспитанный опытомъ. „Человѣкъ, заснувшій для жизни, — звѣрь и только“ [1]). Историческій успѣхъ на сторонѣ людей дѣятельности, каковъ бы ни былъ ея источникъ. Нравственный идеалъ Шекспира согласенъ съ его воззрѣніемъ на искусство. Мораль его, какъ и художественное его творчество, основана на дѣйствительности. Поэтъ и здѣсь реалистъ. Мораль Шекспира почерпнута не изъ книгъ, не изъ религіи даже, а изъ жизни.

Шекспиръ жилъ въ то переходное время, когда реформація освободила умы отъ ига односторонней католической догмы, а пуританизмъ не развился еще до своей крайней исключительности. Свободно относится Шекспиръ къ религіи, сходясь и здѣсь съ своимъ великимъ современникомъ. „Церковный фанатизмъ,—говоритъ Бэконъ, долженъ сдерживаться государствомъ, суевѣріе подавляется истиннымъ знаніемъ, наукой. Суевѣріе есть умственная тьма, въ которой всѣ цвѣта одинаковы. Религія не должна возставать войною на государство, потому что это значило бы разбить одну скрижаль закона о другую и разсматривать людей до того исключительно какъ христіанъ, что забыть, что они люди. Точно также религія не должна насиловать человѣческую совѣсть. Суевѣріе есть высшее зло; атеизмъ лучше суевѣрія, потому что послѣднее есть недостаточное и ложное представленіе божества, ведущее въ практической жизни къ фанатизму. Лучше отрицать божество, нежели предаваться суевѣрію, которое на самомъ дѣлѣ есть пасквиль на божественное существо. Не нужно обольщаться сходствомъ суевѣрія съ религіей: оно такъ же относится къ религіи, какъ обезьяна къ человѣку“. Шекспиръ—врагъ религіознаго фанатизма и его источника — суевѣрія. Служитель Тимона говоритъ Сервилію: „Гнусность свою онъ прикрываетъ личиной добродѣтели, какъ люди, которые, подъ видомъ пламенной ревности, воспламеняютъ государства“. „Еретикъ тотъ, кто зажигаетъ костеръ,—не тотъ, кто горитъ“ [2]). Бэконъ жаловался, что учители религіи были противъ реализма и естественныхъ наукъ; Шекспиръ сѣтовалъ, что они были противъ искусства и театра. Бэконъ выдвигалъ религіозную догму изъ сферы науки, Шекспиръ—изъ сферы искусства. Тотъ и другой могли бы сказать о себѣ:

Природѣ повинуюсь я, какъ Богу!
Изъ всѣхъ законовъ лишь ея законы
Священны для меня [3]).

Въ природѣ, по воззрѣнію Шекспира, нѣтъ зла, все — добро.

Могучая въ твореньи благодать!
Все благо и прекрасно на землѣ,

[1]) „Гамлетъ“.
[2]) „Зимняя сказка“.
[3]) „Король Лиръ“.

Когда живетъ въ своемъ опредѣленьи;
Добро—вездѣ, добро найдешь и въ злѣ.
Когда жь предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,—
По сущности добро, онъ станетъ зломъ.
Такъ человѣкъ: чтò добродѣтель въ немъ,
То можетъ быть порокомъ; и дѣянье
Достоинство пороку можетъ дать.
Вотъ, напримѣръ, растенье это взять:
Живительно оно для обонянья
И силою чудесною свѣжитъ;
Но проглоти его, и ядъ ужасный
Мгновенно кровь въ тебѣ оледенитъ.
Въ немъ два врага, враждуя ежечасно,
Принуждены подъ кровлей жить одной:
Такъ благодать святая съ волей дикой
Живутъ въ душѣ и властвуютъ душой,
И если зло вдругъ явится владыкой,
Червь смерти съѣстъ тебя, цвѣточекъ мой! [1])

„Само по себѣ ничто ни дурно, ни хорошо; мысль дѣлаетъ его тѣмъ или другимъ“ [2]). Человѣкъ добродѣтеленъ, если „дикая воля и зло“ уравновѣшены въ немъ съ „святою благодатью“; если въ немъ господствуетъ гармонія нравственныхъ силъ; если мѣра и законность сдерживаетъ въ немъ добрые и злые элементы духа, если въ жизни сохраняется должная *середина* и въ добрѣ, и въ злѣ. Вредна и безнравственна *всякая крайность*. „Излишняя доброта становится величайшимъ преступленіемъ человѣка; божественное великодушіе всегда гибельно для людей“ [3]). „Никакая добродѣтель не сравнится съ необходимостью“. „Жизнь наша плетется изъ смѣшанной пряжи, и изъ дурной, и изъ хорошей. Наши добродѣтели возгордились бы, если бы не смирялись нашими же пороками; наши пороки пришли бы въ отчаяніе, если бы не ободрялись нашими же добродѣтелями“ [4]).

Нравственное равновѣсіе выражается и въ твореніяхъ художника, и въ способности понимать эти творенія. „Человѣкъ, который не имѣетъ въ себѣ музыки и котораго не трогаетъ согласіе пріятныхъ звуковъ, способенъ къ измѣнѣ, хитрости и грабительству; движенія души его темны какъ ночь, и его склонности мрачны какъ адъ“ [5]). Марловъ и Гринъ не успѣли стянуть къ одному центру свои нравственныя силы и умирить въ себѣ борьбу „святой благодати“ съ „дикою волей“; зло

---

1) „Ромео и Юлія“.
2) „Гамлетъ“.
3) „Тимонъ Аѳинскій“.
4) „Все хорошо, что хорошо кончилось“.
5) „Венеціанскій купецъ“.

взяло въ нихъ верхъ и разрушило красоту ихъ поэтическихъ произведеній. Люди нравственно беззаконные не могутъ создавать художественно-законнаго; люди, не сохранившіе въ себѣ добра, не могутъ сохранить и красоты: добродѣтель и красота нераздѣльны [1]). Шекспиръ, къ счастью, могъ сказать о себѣ: „Красота, добро и правда — весь мой предметъ; красота, добро и правда въ многообразной одеждѣ! Этотъ тріединый матеріалъ поразительнаго объема наполняетъ весь кругъ моей поэзіи!“ [2]) Наука должна приносить людямъ практическую пользу, приводя къ изобрѣтеніямъ. Искусство также должно приносить пользу, вскрывая нравственную истину. Послѣдняя особенно дорога Шекспиру. Средневѣковыя moralités пріучили народъ требовать отъ драмы нравственной идеи. Правильность формы и *внѣшнее* правдоподобіе, сдѣлавшіяся цѣлью ложно-классической трагедіи, не имѣютъ для Шекспира никакого значенія. Единство мѣста и времени, какъ несовмѣстная съ драматическимъ искусствомъ формальность, оставлено имъ въ сторонѣ, хотя въ англійской литературѣ, современной Шекспиру, и поднимались голоса въ пользу этой формальности. „Пополняйте,—говоритъ поэтъ зрителямъ,—наши недостатки *вашимъ воображеніемъ:* дѣлите одного человѣка на тысячу, создавайте цѣлыя арміи; воображайте, когда мы говоримъ о лошадяхъ, что вы видите, какъ онѣ оттискиваютъ гордыя копыта свои на воспріимчивой землѣ. Вашему воображенію придется теперь и убирать нашихъ королей, *и переносить ихъ то туда, то сюда, и перескакивать времена, и сбивать событія многихъ лѣтъ въ одну часовую стклянку*“ [3]). Единство дѣйствія Шекспиръ тоже понимаетъ иначе, чѣмъ ложно-классическая теорія. Въ одной пьесѣ у него часто, какъ въ средневѣковыхъ драмахъ, идутъ къ своей развязкѣ два параллельныя дѣйствія, не нарушая гармоніи художественнаго произведенія, а напротивъ, освѣщая идею поэта. „Тысячи разнообразныхъ дѣйствій,—говоритъ Шекспиръ, — нисколько не мѣшая и не вредя одно другому, приводятъ къ одному прекрасному концу“,— къ раскрытію нравственнаго, разумнаго наряда въ жизни. Но въ глазахъ Шекспира имѣетъ цѣну добродѣтель сознательная, дѣятельная, купленная борьбою съ крайностями, то-есть со зломъ; а не то страдательное недѣланіе зла, которое часто сопровождаетъ людей счастья и хорошо поставленныхъ. Благодушіе богатаго, окруженнаго друзьями и льстецами Антоніо (въ „Венеціанскомъ купцѣ“) только тогда поднимается на степень истинной доблести, когда онъ обнаруживаетъ достаточно силы, чтобы выдержать глубокое жизненное потрясеніе. Инстинктивная добродѣтель дѣтей Цимбелина не плѣняетъ поэта. Добродѣтеленъ человѣкъ, который прошелъ испытанія и соблазны жизни

---

[1]) „Можно ли красотѣ сыскать собесѣдницу лучше добродѣтели?“—спрашиваетъ Офелія.

[2]) Сонетъ 105.

[3]) Прологъ къ „Генриху V“.

и тяжелыми усиліями выработалъ въ себѣ нравственное равновѣсіе. „Совершенъ тотъ, кого воспиталъ и кого испыталъ міръ“. Добродѣтель не есть что-нибудь врожденное: она постепенно сознательно создается человѣкомъ. „Быть тѣмъ или другимъ — зависитъ отъ насъ самихъ. Наше тѣло—нашъ садъ, а садовникъ въ немъ—наша воля. Захотимъ ли засѣять садъ этотъ крапивою или салатомъ, иссопомъ или тминомъ, — вздумаемъ ли украсить однимъ родомъ растеній или разными, — рѣшимся ли, по безпечности, запустить его или, по заботливости, обрабатывать рачительно—сила и распорядительная власть на все это въ нашей волѣ“ [1]). „Привычка даетъ ловкую одежду свершенью добрыхъ благородныхъ дѣлъ и чудесною силой измѣняетъ природу“ [2]).

Бурно прошла молодость Шекспира. Среди суровыхъ искушеній жизни не разъ спотыкалась и падала его неокрѣпшая воля; онъ предавался грубому своеволію и безпорядочному разврату. Но „заблужденія страстей“ отодвинулись у него въ прошедшее, оставивъ поэту опытъ, поучительный въ нравственномъ и въ художественномъ отношеніи. Демоническую сторону жизни и соблазнительную прелесть грѣха Шекспиръ представилъ въ поразительныхъ образахъ. И чѣмъ тяжеле была школа соблазна, которую онъ прошелъ, тѣмъ несокрушимѣе была нравственная крѣпость, ею скованная, и тѣмъ выше художественная красота его созданій, ею обусловленная. Къ Шекспиру можно примѣнить слова, сказанныя имъ о Генрихѣ V: „Исправленіе кипучимъ потокомъ смыло его прежніе недостатки; гидра своеволія лишилась своего престола. Онъ пріобрѣлъ мудрость въ суетѣ жизни, въ обществѣ людей грубыхъ, безграмотныхъ и ничтожныхъ, убивая время въ вѣчныхъ пирахъ, играхъ, бражничествѣ“.

Реалистъ, перегорѣвшій въ тревогахъ дѣйствительности, Шекспиръ съ одной стороны не придавалъ цѣны блаженству людей, не подходившихъ къ жизни съ какими-нибудь вопросами и требованіями, людей, избалованныхъ случаемъ и богатствомъ; съ другой — онъ не понималъ и монашескаго отреченія отъ жизни, осуждая тѣхъ, которые прокляли свѣжую жизнь міра и погрязли въ темномъ болотѣ аскетизма. Тимонъ, которому „съ пеленъ открылся весь рядъ земныхъ наслажденій, не изучилъ ледяныхъ правилъ благоразумія, не зналъ середины“, и онъ внезапно, съ потерей счастія, сдѣлался ненавистникомъ людей и себя. Апемантусъ „родился въ страданіяхъ, свыкся съ ними“, и потому „ему не за что ненавидѣть людей“.

Кто высоко стоитъ, тотъ знаетъ грозы
И, падая, ломается въ куски [3]).

---

[1]) „Отелло“.
[2]) „Гамлетъ“.
[3]) „Ричардъ III“.

Въ нравственныхъ положеніяхъ Шекспира не проглядываетъ ученія какой-нибудь религіозной партіи. Его мораль — мірская, человѣческая.

Развивая нравственныя положенія изъ свободнаго наблюденія надъ дѣйствительностью и человѣкомъ, Шекспиръ не принесъ ихъ въ жертву условности и ложному блеску. Никакія предвзятыя идеи не закрывали отъ него нравственной истины. „Изучайте дворъ, знакомьтесь съ столицей“, — говорила ложно-классическая теорія французовъ, ставя ихъ на мѣсто человѣчества и народа, возводя частныя правила аристократизма на высоту всеобщихъ нравственныхъ идеаловъ. „Что же имѣютъ короли, – спрашиваетъ Генрихъ V, — чѣмъ бы не пользовались ихъ подданные, кромѣ внѣшней царственности?“

Къ государству относится Шекспиръ такъ же свободно и безпристрастно, какъ и къ морали. Онъ не вдается въ крайнія и одностороннія теоріи увлекавшихся современниковъ: онъ не проводитъ, подобно Бомону, принципа республиканской свободы, подобно Флетчеру—принципа строгой монархіи; Шекспиръ выражаетъ только идею, что государство не должно стѣснять нравственной свободы человѣка. „Христіанскій король — не тиранъ; его страсти подчинены милосердію, скованы, какъ преступники въ темницахъ, и потому съ нимъ можно говорить съ полною откровенностью“ [1]). Только подъ покровомъ государственной свободы могли найти себѣ ясное художественное выраженіе универсальныя идеи Шекспира. „Неволя,—по его словамъ,—говоритъ шопотомъ“ [2]). Сочувствуя всѣмъ угнетеннымъ, признавая угнетеніе явленіемъ ненормальнымъ, либеральный и гуманный Шекспиръ не понимаетъ отвлеченныхъ теорій государственнаго переворота. Несбыточныя политическія утопіи онъ осмѣиваетъ въ „Бурѣ“, влагая въ уста Гонзаго такой монологъ:

Въ противность всѣмъ извѣстнымъ учрежденьямъ
Развилъ бы я республику мою.
Промышленность, чины я бъ уничтожилъ;
И грамотѣ никто бы здѣсь не зналъ;
Здѣсь не было бъ ни рабства, ни богатства,
Ни бѣдности. Я строго бъ запретилъ
Условія, наслѣдства и границы.
Воздѣлывать поля или сады
Не стали бъ здѣсь; изгналъ бы я металлы,
И всякій хлѣбъ, и масло, и вино;
Всѣ въ праздности здѣсь жили бъ безъ заботы,
Всѣ женщины, мужчины; но они
Остались бы всѣ чисты и невинны!
Здѣсь не было бъ правительства....

---

[1]) „Генрихъ V“.
[2]) „Ромео и Юлія“.

Себастіанъ прерываетъ описаніе идеально-коммунистической страны словами:

А сamъ,
Какъ помнится, хотѣлъ быть королемъ!

„Увы! конецъ забылъ свое начало!"—заключаетъ Антоніо. „Небо,—говоритъ Шекспиръ,—дѣлитъ человѣческое общество разными призваніями, приводя всѣ его силы въ постоянное движеніе, поставляя повиновеніе какъ бы цѣлью. Пчелы законами природы научаютъ насъ устройству многолюднаго государства". Реалистъ Шекспиръ и здѣсь оставляетъ за исторически сложившеюся дѣйствительностью ея права. „Дѣятельность государства,—говоритъ онъ,—столь божественной природы, что ея не можетъ выразить ни языкъ, ни перо".

Истина и простота, дѣйствительность и исторія руководятъ Шекспиромъ. Воспитанный родиною и временемъ въ духѣ реализма, поэтъ чувствуетъ свою неразрывную связь съ народомъ, его создавшимъ, съ страною, въ которой выросъ, и глубокій патріотизмъ равняется въ немъ развѣ съ гордою силою національнаго сознанія. Космополитизмъ былъ бы для него непонятною утопіей. Величавый образъ прекрасной и матери и кормилицы Англіи, этого вѣнценоснаго острова, этой земли величія, полурая, крѣпости, которую природа создала для самой себя, въ защиту отъ заразъ и войнъ, „образъ этой благословенной земли" [1]) поднимается въ драматическихъ хроникахъ Шекспира широкимъ поприщемъ для дѣятельности его царственныхъ героевъ. Поэту не нужно было искать содержанія для своихъ пьесъ только въ чужомъ прошедшемъ: оно существовало въ родной жизни и исторіи. Ему не нужно было подражать другимъ и учиться „у дѣтской древности человѣчества": свободный, вѣками подготовленный кругозоръ новой исторіи дѣлалъ его господиномъ надъ дѣйствительностью.

Универсальныя созданія Шекспира взлелѣяны національными силами свободной Англіи Елизаветы и Іакова. Въ уста Кранмеру Шекспиръ влагаетъ такую характеристику Елизаветы: „Она будетъ образцомъ всѣхъ государей, какъ современныхъ ей, такъ и тѣхъ, которые будутъ царствовать послѣ. Никогда Саба не любила такъ мудрости и добродѣтели, какъ будетъ любить ихъ чистая ея душа. Истина будетъ ей кормилицей, святые небесные помыслы — ея совѣтниками. Съ ней возрастетъ благоденствіе. Въ ея царствованіе каждый спокойно будетъ насыщаться тѣмъ, что посѣялъ, подъ своимъ собственнымъ виноградникомъ. Миръ, изобиліе, любовь, истина и гроза будутъ служить ей" [2]). „Дѣти дѣтей нашихъ,—говоритъ Шекспиръ,—увидятъ это и благословятъ небо". Онъ могъ написать этотъ величественный панегирикъ своему

---

[1]) „Ричардъ II".
[2]) „Генрихъ VIII".

времени, не опасаясь „упрека въ лести“ [1]): художественные плоды этой эпохи, „виноградникъ“ Шекспира—передъ нами. И нѣтъ сомнѣнія, что еще много поколѣній придетъ подъ тѣнь этого виноградника наслаждаться тѣмъ, чтò универсальный геній Шекспира возрастилъ на почвѣ національности и свободы.

---

[1]) Тамъ же.

ДАНТЪ [1]).

Отрывокъ первый.

Литературныя произведенія находятся въ тѣснѣйшей связи съ произведеніями искусства, бытомъ, вѣрованіями и обрядами народа. Кругъ идей и представленій, господствующихъ въ извѣстное время, выражается и въ литературѣ, и въ нравахъ, и въ общественныхъ учрежденіяхъ, и въ искусствѣ той или другой эпохи. Литература и искусство выражаютъ въ опредѣленныхъ, сознательныхъ формахъ вѣрованія и убѣжденія, двигающія народомъ въ извѣстное время; они возводятъ въ идеальную форму явленія общественной среды и ставятъ, какъ нѣчто отдѣльное, силы, въ ней господствующія. Вотъ почему исторія литературы неразрывно соединена съ исторіею искусства, обычаевъ, вѣрованій народа.

Самое колоссальное явленіе въ европейской литературѣ XIV-го вѣка безспорно „Божественная Комедія" Данта. Теперь никто уже не сомнѣвается, что „Божественная Комедія" не относится къ отдѣлу эпическихъ произведеній, что она, по выраженію самого поэта, „есть родъ поэтическаго разсказа, который отличается отъ всѣхъ другихъ". „Божественная Комедія" представляетъ въ аллегорической формѣ внутреннюю исторію души Данта, а аллегорія и лиризмъ не позволяютъ относить ее къ эпосу. Всю исторію своего духовнаго развитія, весь строй своихъ религіозныхъ, политическихъ и философскихъ убѣжденій, всю муку тревогъ и сомнѣній передалъ Дантъ въ „Божественной Комедіи". Отдаваясь въ первомъ періодѣ своей жизни то любви, то религіи, то наукѣ, то политикѣ, Дантъ, наконецъ, слилъ въ одно стройное цѣлое эти разнородные и противорѣчащіе элементы. Онъ примирилъ требованія религіи съ правами науки и голосъ философіи съ положеніями политики. Не безъ труда внесъ онъ единство въ ихъ хаотическое броженіе: „Божественная Комедія" начинается адомъ и кончается раемъ.

---

[1]) [Два отрывка о Дантѣ печатаются по черновымъ рукописямъ].

Исторію своей внутренней жизни, переданную въ „Божественной Комедіи“, Дантъ облекъ въ особую литературную форму *видѣній.* Въ средневѣковой литературѣ видѣнія занимали весьма значительное мѣсто. Христіанская миѳологія Восточной и Западной Европы наполнена видѣніями; они составляли часть религіозныхъ представленій средневѣковаго человѣка, мистическую сторону христіанской религіи. Отторгаясь отъ условій земной жизни, предаваясь своему воображенію, религіозно настроенный человѣкъ приходилъ въ восторженное состояніе и мысленно созерцалъ тайны будущей жизни. Въ средніе вѣка видѣнія составляли неотъемлемую принадлежность религіозной мысли, и если въ „Божественной Комедіи“ Данта мы встрѣчаемъ замѣтное вліяніе средневѣковыхъ разсказовъ о видѣніяхъ, то не потому, что Дантъ *намѣренно* изучалъ ихъ, а потому, что они всасывались къ каждому съ воспитаніемъ, и вѣрованіе не могло безъ нихъ существовать. Литературная критика успѣла доказать, что Данту извѣстны были видѣнія литературы латинской и греческой, и онъ заимствовалъ изъ нихъ многія черты „Божественной Комедіи“; лучше сказать, складъ его религіозныхъ воззрѣній во многомъ опредѣлился ими.

Отрывокъ второй.

Средневѣковыя легенды, распредѣляя наказанія грѣшнымъ въ аду, не руководятся никакимъ принципомъ и не вносятъ въ изображеніе ада никакой системы. Легенды передаютъ въ этомъ случаѣ народныя вѣрованія разныхъ странъ и разныхъ эпохъ. Дантъ, описывая адъ, влагаетъ собственное возрѣніе въ массу церковныхъ легендъ и каноническихъ теорій о наказаніи грѣшныхъ. Дантовъ адъ имѣетъ форму конуса, обращеннаго остріемъ внизъ; онъ раздѣленъ на девять круговъ; въ верхнихъ, которые обширнѣе, мучатся меньшія преступленія, въ низшихъ—самыя высшія злодѣйства. Нижніе круги ближе къ Луциферу; здѣсь наказываются злодѣянія, наиболѣе неестественныя; но тѣ же нижніе круги гораздо менѣе по объему верхнихъ, т.-е. высшія злодѣянія рѣже встрѣчаются между людьми. Въ опредѣленіи степеней грѣха Дантъ вѣренъ церковному богословію; онъ отступаетъ отъ этого богословія только въ одномъ случаѣ—помѣщая обманъ и измѣну въ числѣ самыхъ неестественныхъ грѣховъ человѣка. Обманъ и измѣна, губившіе итальянскихъ современниковъ, до того противорѣчатъ природѣ человѣка, по убѣжденію Данта, что, созерцая наказаніе за измѣну, поэтъ не выражаетъ къ виновнымъ никакого состраданія, между тѣмъ какъ во всѣхъ предшествующихъ кругахъ состраданіе Данта обнимаетъ не только людей близкихъ, знакомыхъ ему, но всѣхъ грѣшниковъ вообще. Въ распредѣленіи наказаній за грѣхи Дантъ руководствуется принципомъ германскаго права: онъ беретъ личность независимо отъ государства и судитъ ея преступленіе

съ нравственной точки зрѣнія. Какъ и въ легендахъ святыхъ. способъ наказанія опредѣляется словами: „въ чемъ кто согрѣшилъ, тѣмъ и наказывайся". Въ адѣ Данта существовали осужденные, [наказаніе которыхъ составляло] только мучительное продолженіе ихъ грѣшной жизни на землѣ. Это воззрѣніе на способъ наказанія господствовало въ теоріи и практикѣ среднихъ вѣковъ. Апостолъ Павелъ, странствуя по аду, видитъ, что неправеднымъ стяжателямъ льютъ въ горло раскаленное золото: по Уложенію Алексѣя Михайловича этой казни подлежали фальшивые монетчики. Тѣмъ же воззрѣніемъ опредѣленъ способъ наказанія у Данта. Люди, не сохранившіе цѣломудрія, вѣчно будутъ пожираемы бурею чувственныхъ наслажденій; самоубійцы безтѣлесны, души ихъ странствуютъ въ тернистомъ лѣсу. Это положеніе, что грѣшникъ наказывается тѣмъ же, чѣмъ согрѣшилъ, лежитъ въ основѣ секты нѣмецкихъ хлыстовъ, которые бичевали тѣло, наказывая себя за преданность людей къ тѣлесному, за отсутствіе въ нихъ духовности. Но въ описаніе Дантова ада, кромѣ средневѣковыхъ легендъ и церковныхъ опредѣленій, вошли и миѳологическія представленія классической древности. Въ аду поэтъ играетъ страдательную роль; онъ только смотритъ на суды Божіи. Церковь мало говорила объ этихъ судахъ, и Дантъ обращается къ легендамъ. Въ чистилищѣ роль Данта мѣняется; онъ уже лицо не страдательное, а дѣйствующее. Онъ совершаетъ здѣсь свое покаяніе и просвѣтленіе, очищается отъ грѣховъ. Какимъ путемъ достигается отпущеніе грѣховъ, и какъ совершается покаяніе, это опредѣлено было въ католической церкви твердыми положеніями. Въ описаніи чистилища Дантъ болѣе связанъ богословскими положеніями, нежели въ описаніи ада. Въ чистилищѣ, у входа, находится Катонъ Младшій; у самыхъ воротъ мѣста очищенія исповѣдникъ, который отпускаетъ грѣхи покаявшимся. Страннымъ можетъ показаться, что отъявленный республиканецъ стережетъ гору очищенія въ поэмѣ идеальнаго монархиста. Въ чистилищѣ Дантъ (какъ и всякій грѣшникъ) долженъ покаяться и возвратить себѣ свободу духа, утраченную грѣхомъ. Эта свобода духа въ высочайшей степени принадлежала Адаму до грѣхопаденія, и она поддерживалась исполненіемъ четырехъ главныхъ добродѣтелей. Но Катонъ Младшій пожертвовалъ жизнью идеалу свободы (все равно, каковъ бы онъ ни былъ), и онъ сторожитъ гору очищенія, потому что на этой горѣ грѣшникъ завоевываетъ себѣ духовную свободу. Возвращеніе души къ Богу самъ Дантъ выражаетъ аллегорически возвращеніемъ Марціи къ Катону. Въ чистилищѣ значеніе Виргилія начинаетъ ослабѣвать; онъ не то, что былъ въ аду. И въ самомъ дѣлѣ, возвратить себѣ свободу духа посредствомъ покаянія—для этого нужна откровенная религія. И однако Виргилій ведетъ Данта по чистилищу; безъ него онъ не можетъ сдѣлать первыхъ шаговъ къ очищенію: знакъ, что всѣ дары церкви недостаточны безъ руководства монархіи, которая должна помогать каждому человѣку и содѣйствовать его назначенію. Въ чистилищѣ Виргилій не умѣетъ разрѣшить многихъ

вопросовъ Данта: онѣ не знаетъ христіанской догмы и указываетъ Данту на Беатриче. А между тѣмъ потребность въ изъясненіи высшихъ божественныхъ вещей усиливается въ Дантѣ. На помощь является поэтъ Стацій. Спокойнѣе идутъ они съ христіанскимъ путеводителемъ; жажда истины усиливается въ просвѣтляющейся душѣ Данта; Стацій ведетъ его вѣрнымъ путемъ и удовлетворяетъ его вопросамъ. На порогѣ земнаго рая Виргилій покидаетъ Данта. Съ поэтомъ произошло превращеніе: онъ очистился отъ грѣховъ, онъ возвратилъ себѣ божественную свободу духа, тверда и чиста его воля: онъ можетъ дойти до божества. Разставаясь съ Дантомъ, Виргилій оставляетъ его руководству его собственнаго духа, который приведетъ его къ Богу: „Я даю тебѣ корону и тіару,—говоритъ онъ,—теперь ты самъ себѣ монархъ и папа". Созерцаніемъ ада и чистилища Дантъ достигъ того возвышеннаго, идеальнаго состоянія, до котораго человѣчество должно быть доведено монархомъ и папою. Одинъ олицетворенъ въ Виргиліи, другой въ исповѣдникѣ. Виргилій черезъ адъ привелъ Данта къ воротамъ мѣста очищенія, къ исповѣднику: такъ и земной монархъ долженъ открыть путь къ благотворной дѣятельности церкви ради соединенія человѣка съ Богомъ. Постепенное покаяніе и очищеніе переданы согласно ученію католической церкви въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ; исповѣдникъ, отпустивъ Данту грѣхи, начерталъ у него на лбу семь р (peccata). Затѣмъ начинается просвѣтленіе, постепенное; оно выражено постепеннымъ возвышеніемъ поэта по семи кругамъ; въ каждомъ кругѣ ангелъ стираетъ на его лбу одно р. Все легче и легче чувствуетъ себя поэтъ; дорога не утомляетъ его; въ немъ растетъ жажда идти все выше и выше. Каждый пройденный кругъ доставляетъ ему одно изъ восьми блаженствъ: схоластики учили, что восемь ступеней ведутъ къ блаженству; Дантъ вѣренъ этой теоріи. Онъ поднимается по кругамъ легко и весело. Ему трудно только пройти кругъ нечистыхъ,—онъ изнемогаетъ въ борьбѣ съ огнемъ сладострастія. Мы видимъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ вкусилъ земныхъ наслажденій. Спасительные голоса Виргилія и Беатриче поддерживаютъ его; послѣдняя преграда пройдена: надъ нимъ раздаются слова: „Блаженни чистіи сердцемъ". Просвѣтленная душа поэта рвется къ созерцанію божества, потому что чистые сердцемъ имѣютъ обѣщаніе узрѣть Бога.

Этому состоянію человѣка, отрѣшеннаго отъ грѣховъ, съ волей, направленной къ Богу, соотвѣтствуетъ земной рай; онъ потому и лежитъ на вершинѣ горы очищенія. Земной рай есть символъ дѣятельной жизни, т.-е. жизни добрыхъ дѣлъ. Но выше земнаго рая—небесный рай, выше дѣятельной жизни—созерцательная жизнь, созерцаніе и единеніе съ божествомъ. Вотъ главное положеніе мистицизма. Земной рай приводитъ къ небесному. Матильда-графиня изъ земнаго рая приводитъ Данта къ Беатриче; она ведетъ его въ рай небесный. Поэтъ очищенъ отъ всѣхъ грѣховъ; но его душевный миръ еще возмущенъ сознаніемъ прежней

грѣховности. Онъ не можетъ еще отдаться безусловно блаженному созерцанію божества. Беатриче снимаетъ съ него этотъ послѣдній остатокъ грѣха. Дантъ проходитъ третій и послѣдній періодъ покаянія. Здѣсь онъ опять дословно вѣренъ догмату католической церкви, въ силу котораго только третье покаяніе приводитъ къ окончательному примиренію съ Богомъ. Въ поэтѣ водворяется полная внутренняя гармонія, и онъ становится способнымъ къ высшему блаженству—созерцанію божества. Здѣсь идеалъ поэта и главная идея „Божественной Комедіи". Внутренняя гармонія водворяется въ Дантѣ послѣ примиренія съ Беатриче; онъ кается передъ нею за грѣхи, противъ нея сдѣланные. Образъ Беатриче получаетъ здѣсь и реальное и идеальное значеніе. Рай изображенъ въ „Божественной Комедіи" на планетахъ. Неодинаково блаженны праведники, неодинаковы ихъ заслуги передъ Богомъ. Высшее совершенство принадлежитъ тѣмъ, которые вполнѣ достигли единенія съ Богомъ, низшее—тѣмъ, которые желали, пытались его достигнуть,—монахинямъ, помѣщеннымъ въ раю на самой дальней отъ Бога планетѣ. Беатриче доставила Данту полную духовную свободу; она открыла ему въ раю божественное знаніе, которое тождественно съ религіею. Но знаніе имѣетъ предѣлъ. За нимъ начинается созерцаніе, и здѣсь Беатриче оставляетъ Данта. Выступаетъ св. Бернаръ, представитель средневѣковаго мистицизма. Высшія созерцанія становятся возможными только послѣ созерцанія Бога. Св. Бернаръ молится Богу, и всѣ блаженные вторятъ ему, чтобы Данту даровано было это высшее блаженство. И затѣмъ начинается для Данта блаженное созерцаніе божества и его воплощенія; идеалы поэта исполняются.

„Божественная Комедія" стоитъ на почвѣ средневѣковой. Но личное, индивидуальное воззрѣніе проходитъ всю поэму отъ начала до конца и переливаетъ содержаніе средневѣковой догматики, легенды, науки въ одно стройное цѣлое, одушевленное идеалами Данта.

Указатель именъ *).

А

*) Цифры, стоящія передъ чертой, указываютъ на томъ изданія, стоящія за чертой — на страницы, при чемъ напечатанныя курсивомъ относятся къ страницамъ примѣчаній.

Б

В

Д

Е

Ж

І

К

Л

M

Н

Р

С

Т

Х

Ц

